26:89(63)
A 15

031061
И
Провер. 49 г.
1957 № 5

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

26.89 (67Эф)

Научно-популярная серия

9.1(6)
А-15

АБИССИНИЯ

(ЭФИОПИЯ)

СБОРНИК СТАТЕЙ

Ленингр. Обл. Отд. Нар. Образов.
БИБЛИОТЕКА
№ 3106
Охтенского Домпросвета

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

РЕДКАЯ КНИГА

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Май 1936 г.

РЕДАКЦИЯ

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемый Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР сборник содержит ряд статей, связанных вместе одним общим планом. В сборник вошли статьи по географии, экономике, истории, языкам и этнографии народов Абиссинии. Предполагавшийся сначала в более сжатом виде сборник разросся почти вдвое, тем не менее многие вопросы остались вовсе незатронутыми или не вполне освещенными. Объясняется это прежде всего отсутствием достаточных материалов, а также сравнительно малой изученностью Абиссинии.

Ошибочно полагать, что наименее изученными областями Африки являются глухие дебри центральной ее части, так называемое „сердце черного материка". Целый ряд областей, лежащих недалеко от Европы, сравнительно легко доступных для исследователей, остаются до последнего времени неизученными. Объясняется это прежде всего тем, что научное исследование Африки руководилось всегда непосредственной заинтересованностью империалистических держав рынками сбыта и запасами сырья и военными интересами. Поэтому до последнего времени в Африке оставались неизвестными такие страны, как страна берберов-риф, находящаяся на самом севере у Гибралтарского пролива; не изучены также до сих пор области португальской Гвинеи и архипелаг Буссаго на крайнем западе Африки. Между тем, эти области представляют исключительный интерес для исследования, ибо в них, повидимому, сохранился до наших дней материнский род — одна из древнейших форм человеческого общества. К числу таких неисследованных областей могут быть отнесены и многие провинции Абиссинии. К сожалению, вся Абиссиния в целом изучена еще очень мало. Достаточно сказать, что до сих пор неизвестны еще численность населения и площадь страны. Целый ряд племен Абиссинии

известен до сих пор лишь по именам. Вопросами экономики, истории и социального строя народов Абиссинии еще очень мало занимались.

Как почти всякая книга, написанная несколькими лицами, сборник не единообразен: некоторые главы написаны более популярно, другие представляют собою более научные сухие статьи. В целях единообразия повсюду даны ссылки на использованную литературу и источники, тем более, что авторы, в ряде случаев, не ограничивались лишь изложением известных фактов, но давали новое решение отдельных вопросов. Сборник в основном рассчитан на хорошо подготовленного читателя, в частности на студентов Вуз'ов, преподавателей истории и географии и т. п.

Географический очерк составлен проф. Н. И. Каратаевым. В составлении принимал участие И. И. Бабков, которому принадлежат некоторые разделы этой главы (геоморфология).

Глава 2 написана Д. А. Ольдерогге, глава 4 — проф. Юшмановым, литература Абиссинии — Т. В. Проскуряковой, а главы 3, 5, 6, 7 — К. Н. Лукницким.

По независящим от редакции причинам оказалось невозможным приложить к сборнику карту Абиссинии. В конце 1935 г. различными учреждениями было издано несколько карт Абиссинии. Лучшую из них — карту, изданную Ген. Шт. РККА, рекомендуем читателям, как наиболее точную и подробную.

Транскрипция географических названий на всех картах Абиссинии очень разнообразна. Надо сказать, что транскрипция абиссинских собственных имен варьируется в зависимости от разнообразия местного произношения. Примером этого может служить в частности название озера Тана-Цана, представляющее то южное произношение Тана, то северное — Цана. Население, живущее около озера, произносит Цана, литературный амхарский язык допускает обе формы. В сборнике повсюду принято название этого озера в его северной форме — Цана.

* * *

Н. М. КАРАТАЕВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Горный ландшафт зоны дега.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

„Белые пятна" на географических картах — совершенно еще не исследованные места — существуют и в настоящее время. Почти до конца прошлого века такими неисследованными были противоположные пункты земного шара: на полюсах, южном и северном, и в тропическом поясе земли; больше всего в Центральной Африке и вообще во внутренних частях этого материка. Таким белым пятном была довольно значительная часть территории Абиссинии. Еще в 1907 г. в английском географическом журнале (Geographical Journal) появилась карта изученности Африки, и некоторые места северо-восточной ее части, на территории Абиссинии и Сомали, были окрашены слабее других, равняясь по неисследованности *с центром* континента.

В наши дни карта Абиссинии уже свободна от белых пятен; в издании британского генерального штаба мы располагаем

картой в масштабе 1/1 000 000, — хотя степень ее точности и достоверности можно подвергать еще некоторому сомнению. Попытаемся в самом сжатом изложении дать основные этапы физико-географического изучения Абиссинии.

Эфиопия — страна древней культуры. Ее близкое соседство с очагами древнейших цивилизаций Востока (Египта, Финикии), а также Греции и Рима, делало неизбежными соприкосновение с ними и то или иное взаимодействие. Следы этого знакомства мы находим в географических и исторических сочинениях Страбона, Плиния, Помпония Мелы, Птолемея. В геродотовской карте, правда, нет еще никаких намеков на страну эфиопов, но на карте Птолемея фигурируют уже истоки Нила, „Лунные Горы", с которых, якобы, берут начало эти истоки, и появилось уже название страны — Эфиопия, распространенное, впрочем, на всю южную Африку, от „Аравийского залива" (Красного моря) до „Внешнего моря" (Атлантический океан).[1] В конце XVII в. появилось уже описание Эфиопии Лудольфа — Historia Aethiopiae (Франкфурт, 1689—1691).

Начало исследований надо отнести ко второй половине XVIII в., когда Джемс Брюс предпринял многолетнее путешествие к „истокам Нила" и в 1790 г. издал результаты своих трудов.

Развивающиеся капиталистические государства, прежде всего Англия, в погоне за рынком, колониями, обращают жадное внимание на „Черный континент" (Африку); с этого момента, собственно, начинается усиленное его исследование и немедленно же разграбление. Выплывают одна за другой „проблемы": проблема Нигера, Конго, Замбези, „Великих озер", „проблема Нила", наконец, разрешение которой связано с судьбой Абиссинии. Основывается „Африканское общество" (1788—1830) в Англии; ряд других государств — Франция, Германия, Италия вовлекаются в поток исследовательской африканской лихорадки,

[1] Карт древних греческих географов до нас не дошло ни одной, но они реставрируются по обстоятельным сочинениям, сохранившимся от Страбона, Геродота, Птолемея. Через тысячу лет после Птолемея, в карте арабского географа Эдризи повторяются те же географические представления; даже Мартин Бехайм (1491—1493) недалеко ушел от этого уровня знаний, по крайней мере в отношении Абиссинии. И только в эпоху „возрождения наук и искусств", в XVI и XVII вв., Африка получает контуры в целом, а территория Абиссинии начинает заполняться некоторыми географическими названиями (карта голландца Даппера, 1670 г).

посылается множество экспедиций, в географической работе принимают участие люди замечательного мужества, иногда — самоотверженности и энтузиазма, крупных способностей. К последней четверти XIX в. все крупнейшие общие „проблемы" более или менее разрешаются: почти весь континет растащен по кускам, как колония капиталистических стран, львиная доля достается Англии; наступает, в конце XIX в., пора освоения приобретенных территорий, изучение их специалистами. Закончилась внешне-блестящая, романтически-увлекательная эпоха землепроходцев, конквистадоров (завоевателей), наступило время детальных исследований страны геологами, ботаниками, зоологами, экономистами, этнографами, лингвистами. В этом водовороте Абиссинии посчастливилось сохранить свою независимость. Хронологическая канва и последовательность в изучении ее территории представляются вкратце в следующем виде.

После Брюса Абиссинию первый посетил Генри Салт, уже в первом десятилетии XIX века (Salt. Voyage to Abyssinia. London, 1814). Следует отметить еще одно раннее исследование Абиссинии — французом Poncé, путешествовавшим в 1698—1700 гг. и издавшим описание страны вскоре после возвращения.[1] Гемприх и крупный ученый Эренберг исследовали побережье Красного моря в 1825 г. Вскоре после этого в Абиссинии много и плодотворно поработал Эд. Рюппель, который после своих знаменитых путешествий по Египту и Кордофану в 1831—1834 гг. основательно исследовал Абиссинию, сделал много астрономических определений мест и собрал богатейшие коллекции (Reise in Abyssinia, 1840, Франкфурт). Главнейшим предметом его занятий была зоология. К тому же времени относится путешествие Лефебвра (1839—1843), издавшего результаты своих работ в шеститомном сочинении: Voyage en Abyssinie exécuté pendant les années 1839, 1840, 1841, 1842, 1843,6 vol., planches. Paris, 1845. В естественно-исторической части серьезно обработаны зоологические сборы экспедиции, а ботаническую часть написал крупнейший французский ботаник того времени A. Richard (Tentamen florae Abyssinicae). Большое значение для познания Абиссинии имело многолетнее пребывание в ней двух ученых братьев Аббади, Антуана и Арну. С 1837 по 1848 г.

[1] На рубеже XIX в. Наполеон в египетском походе имел в своем штабе несколько видных ученых, но научные результаты этой экспедиции были довольно слабые.

они деятельно собирали коллекции и производили съемки. В эти десятилетия Абиссиния по преимуществу являлась целью путешествий: к этому времени относятся путешествия Комба и Тализье (1835—1836), Ферре и Галинье (1839—1843), Бика (1840—1843). В 1837 и 1838 гг. австрийский горный инженер И. Руссегер исследовал береговые местности Голубого Нила и искал истока Нила к югу от Шоа и Каффа. К тридцатым годам относится деятельность ботаника Вильгельма Шимпера. В 1834 г. он изучил растительность Египта, и затем, по предложению Парижского Jardin des plantes, предпринял путешествие в Абиссинию. Собранными им богатейшими гербариями Шимпер много сделал для изучения флоры восточной Африки. Кроме нескольких тысяч видов растений Абиссинии, он собрал также много материала и по зоологии. [1]

Разгар деятельности путешественников относится к периоду 1850—1860—1870-х гг., когда в очередь дня становится и проблема Нила и озер. Истоков Нила искали с двух сторон: с севера, тогда маршруты путешественников шли у западных границ Абиссинии, а при изучении Голубого Нила доходили до самого сердца Эфиопии — к озеру Цана, и с юга, с берегов Индийского океана. Идя к северу по грабену, в котором располагаются озера, путешественники должны были подходить к южной части Абиссинии. К этому же времени относится и начало изучения Сомали. Крупнейшими путешественниками этого периода являются Бертон, Спик, Хейглин, Штейднер, Мунцингер, в особенности же Швейнфурт, Юнкер и Беккер. Швейнфурт приступил к экспедициям превосходно подготовленный и имел случай уже в 1864—1866 гг. совершить большое путешествие по Египту, Нубии и по берегам Красного моря; районом его путешествий, кроме нильских стран, была также Абиссиния. Отчет его — Im Herzen Afrika, I — II, Leipzig — London, 1874, поставил его в ряд знаменитейших путешественников своего времени. Из упомянутых исследователей Ричард Бертон объехал страну Сомали, Джон Спик работал над разрешением вопроса об озерах. Очень полезным для зоологического изучения Абис-

---

[1] И у нас, в Ботаническом саду Академии Наук, имеется гербарий Шимпера (см. В И. Липский. Гербарий СПб. Ботанического сада. Юрьев, 1908, стр. 105). Всего видов (Шимпера) из Абиссинии в гербарии имеется 2685. Кроме того, сад располагает абиссинскими гербариями старых ботанических сборов Эренберга, Гудзенко, Кочи, Паркинса, Рива и Штейднера.

синии было путешествие Т. Хейглина. Уже во время своей египетской экспедиции Хейглин делал экскурсию к берегам Красного моря; вскоре после того он сопровождал консула Рейца в путешествии по Абиссинии; в 1856 г. объехал Сомалийский берег, а в 1861 г. исследовал области, расположенные к северу от Абиссинии. Отчеты по своим экспедициям Хейглин печатал в „Известиях“ Петерманна.[1] Путешествия В. Юнкера, русского уроженца, относились к области озер. Результатов своих путешествий сам он издать не успел. Маршруты знаменитого Эмин-паши (Эд. Шницер) проходили частью через Абиссинию.

Целый ряд путешествий в Абиссинию предпринят был в 1880—1890-х гг. К этому периоду относится немало путешествий итальянцев, очень важных по результатам внимательных и пристальных исследований. Среди них надо упомянуть — хронологически первых — Чекки и Киорини; затем следуют Антонелли, Рагацци, Брикетти-Робекки. Но самыми значительным были два путешествия Витторио Бóттего. В 1892 г. он выехал из Берберы на северном берегу и появился вновь на юго-восточном берегу у устья Джубы. Особенно значительными были результаты его второго путешествия. Бóттего удалось достигнуть озера Рудольфа с востока, установить впадение Омо в это озеро и даже проникнуть через пояс впадины в область р. Собата. В 1897 г. Бóттего был убит туземцами между областью Собата и Голубым Нилом. Из путешествий этого периода следует упомянуть: Mateucci (1880, издано в Милане), Vigoni (Милан, 1880), Winstanley (Лондон, 1881), Massaja (обширное сочинение издано в 10 томах в Милане, 1886—1893), Hartmann (1883). Из русских путешественников интерес представляет Е. П. Ковалевский, хотя маршрут его слабо коснулся Абиссинии (Путешествия во внутреннюю Аффику, СПб., 1849, в двух частях), и Л. К. Артамонов, сделавший в 1893 г. трудный маршрут по непроходимым дебрям; путешественник произвел целый ряд метеорологических наблюдений и определений высот, позволивших построить профиль всего пути от берега Красного моря до Белого Нила протяжением свыше 2500 км. За последние тридцать лет было предпринято немало экспедиций в разные районы Абиссинии

[1] Хейглин представляет замечательный тип путешественника с очень широким диапазоном своих географических интересов: после экспедиций в тропиках, он сделал ряд путешествий в полярные страны (и на Новую Землю, между прочим). См. ряд его работ в Petermann's Mitteilungen.

Характерная форма *амба* в центральной части Абиссинии.

с целями исследований топографических, ботанических, геологических, и все они находили немедленное выражение в специальной географической печати, главным образом в журнале Лондонского географического общества и в Petermann's Mitteilungen (Gotha).

Важнейшие из них: Gregory (The Rift Valleys and Geology of East Africa, 1921); Ratjens (1911); C. F. Rey (Abyssinia of To day, 1922); H. Weld Blundell (A Journey through Abyssinia,1900); Athill, (Through S. W. Abyssinia to the Nile, 1920); Hodson (Notes on Abyssinian Lakes, 1922); G. W. Grabham (Report of the Mission to Lake Tana, Cairo, 1925).

По геологическому изучению Абиссинии важной до сих пор является старая работа Бланфорда (1870 г.), из новых — изданная в Бергамо геологическая карта Эфиопии Дайнелли и Маринелли (1908) и Krenkel, Abessomalien (Handbuch der regionalen Geologie, VII), Heidelberg, 1926.

Наилучшая библиография издана в 1893 г. G. Fumagalli: Bibliografia etiopica, Milano, и добавление и продолжение ее под ред. Zanuto, Bibliografia etiopica, Roma, 1929, I, и 1932 II.

* * *

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ГРАНИЦЫ

Абиссиния,[1] официальное название которой — Эфиопия, является последним независимым государством Африки[2] — своеобразной феодальной монархией.

Занимая северную часть восточной Африки, примыкающую к Аденскому заливу и Красному морю, Абиссиния располагается между 3° и 15° северной широты и 33° и 47° восточной долготы, на водораздельной возвышенности между бассейном р. Голубой Нил, Красным морем и Индийским океаном. Эта самая высокая часть не только восточно-африканского плоскогорья, но и всего африканского материка. Здесь, при средних высотах 2.5—3 тыс. м, отдельные возвышенности достигают 4.6 тыс. м.

На севере Абиссиния граничит с Эритреей, итальянской колонией, где граница определена точно еще с 1896 г. На востоке, вдоль берегов Аденского залива и Индийского океана, расположены также колонии европейских государств: Французское, Британское и Итальянское Сомали, а на юге — Итальянское Сомали и Британская восточная Африка (колония Кения). На западе Абиссиния, точнее, страны, находящиеся под абиссинским влиянием, граничит с Англо-египетским Суданом, достигая области Белого Нила. В настоящее время в состав абиссинской

---

[1] Название страны „Абиссиния" (более правильной формой написания надо считать — Абессиния) происходит от арабского названия ее „Эль Хабеш". Обычно считают, что оно является производным от основы „хбш" — „смешение" (предполагается — народов). Эта этимология, казалось бы, действительно объясняется пестрым составом населения, однако на самом деле это лишь осмысление названия „Хабашат" — одного из племен, населявших в древности эту страну. Само население страны абиссинцами себя не называет. В настоящее время страна называется Эфиопией. Официальное название государства: „Итиопья, негус негешт мангаст", т. е. „Эфиопия, царя царей государство". Название страны „Эфиопия" происходит от греческого названия этой страны *Αἰθιοπία*. Так в древности греки обозначали все страны, лежащие к югу от Египта. Это слово имело очень широкое значение: так, западной Эфиопией называли африканские страны, а восточной Эфиопией — Индию. Слово *Αἰθίοψ — эфиоп* обычно производится от двух греческих слов: *αἰθω — обжигать* и *ὄψ — лицо*, т. е. люди с обожженными (солнцем) лицами. (*Ред.*)

[2] Также формально самостоятельная негритянская республика Либерия на юго-западном побережьи Африки, основанная в 1847 г. американскими филантропами, находится фактически в руках американских капиталистов (ею распоряжается каучуковая компания Файрстона). (*Ред.*)

империи входит ряд областей, управляемых феодальными правителями — „расами“, имеющими значительную самостоятельность.

Находясь в окружении колоний европейских империалистических государств (Великобритании, Франции и Италии), Абиссиния совершенно отделена от моря (Красного моря, Аденского залива и Индийского океана).[1]

Из Европы в Абиссинию можно попасть морским путем через Средиземное море, по Суэцкому каналу в Красное море к приморским пунктам: Массауа, Ассаб (в Итальянской Эритрее), Джибути (во Французском Сомали). Из этих портов самый важный — Джибути, так как он соединен со столицей Абиссинии Аддис-Абебой железной дорогой длиною 783 км, которую поезд проходит в три дня.[2] Из остальных пунктов вглубь Абиссинии можно проникать только по вьючным тропам и торговым караванным путям, которые, расходясь лучеобразно от столицы Абиссинии Аддис-Абебы, соединяют ее с Эритреей, Англо-египетским Суданом, Британской восточной Африкой, Британским и Французским Сомали.[3]

---

[1] Впрочем, Италия предоставляла Абиссинии (еще до войны 1935 г.) порт Ассаб в Эритрее, на берегу Красного моря, объявив его свободной зоной взамен концессии на постройку автомобильно-шоссейной дороги от Ассаба до Аддис-Абебы, протяжением ок. 450 км.

[2] Fascicoli di cemmento All'Atlante internazionale del Touring Club Staliano, XLVI. Etiopia Milano, 1934, стр. 9. 90 км. дороги проходит по французской территории. Строилась дорога с 1896 по 1917 г. Управляется французским правительством. Поезда идут два раза в неделю в обоих направлениях. Недавно было открыто движение еженедельного „скорого поезда“, который совершает путь в 35 часов; в нем имеются только спальные вагоны I и II классов.

[3] Дороги в Абиссинии вообще крайне примитивны, и нужны месяцы, чтобы попасть из одного конца страны в другой. Чаще всего эго — тропы вдоль русел рек и потоков, пригодные только для караванного сообщения, которое производится на ослах, лошадях, а в более низких местах — на верблюдах. В дождливое время эти пути почти непроходимы, в сухие сезоны — пыльны. Можно разделить их на следующие группы:

a) ведущие на итальянскую территорию. В Эритрею ведут пять важнейших маршрутов (из них один в 700 км), в Сомали — два;

b) в британские колонии — в Англо-египетский Судан 4 маршрута, в Британское Сомали тоже 4;

c) в Кению и Уганду.

Второстепенное значение имеют дороги, ведущие во Французское Сомали.

В последние годы предположено было к постройке много дорог, в том числе трансэфиопская железная дорога.

Автомобильно-шоссейная дорога строится европейскими капиталистами на концессионных началах, кроме упомянутой выше дороги Ассаб — Аддис-Абеба, от Берберы (Франц. Сомали) до Харара, а от Гамбелы (вблизи границы с Англо-египетским Суданом) до Аддис-Абебы — железнодорожный путь.

Воздушная связь Абиссинии с европейскими колониями Эритреей и Французским Сомали до войны осуществлялась через Массауа и Джибути.[1]

Площадь Абиссинии, вследствие неопределенности ее границ (и находящихся под ее влиянием южных и юго-западных провинций), точно не известна и по некоторым исчислениям достигает 907 тыс. кв. км.

* * *

ГЕОМОРФОЛОГИЯ

Устройство поверхности всякой страны определяется в общем соотношением между интенсивностью процессов деформации земной коры и интенсивностью процессов последующего разрушения созданных внешними силами крупных неровностей, как, например, размывание, выветривание и т. п., взаимодействующих на определенной геологической основе. Индивидуальные различия каждой страны в отдельности тесно связаны как с характером строения и состава земной коры, так и с интенсивностью и относительным значением действующих внешних сил разрушения, в свою очередь тесно связанных с климатическими условиями.

В этом отношении вся Африка имеет ряд особенностей, резко отличающих ее от других стран, напр., от Европы. В Европе, после долгого процесса отложения мощных осадочных толщ, горообразовательные движения проявились в форме складкообразования, создавшего горные цепи типа Альп.

В Африке условий, способствующих подобным процессам, не было. Здесь таких дислокаций, создавших основной тип гор-

---

[1] В настоящее время в связи с войной оборудован итальянцами целый ряд новых аэродромов и посадочных площадок. Главнейшие из них: Асмара, база итальянской авиации в Эритрее, и Могдишу в Итальянском Сомали. В самой Абиссинии аэродромы до войны были лишь в Аддис-Абебе. (*Ред.*)

ного ландшафта Европы, не наблюдается; наоборот, формы поверхности Африки и их своеобразие определились общим поднятием всей страны и последующим разрушением этих, иногда значительно приподнятых, масс.

Восточная Африка, северную часть которой занимает Абиссиния, отличалась исключительной устойчивостью. Горные породы, слагающие ее, стали плотными и прочными значительно ранее наступления тектонических процессов недавнего геологического прошлого, создавших на месте глубоких морских бассейнов величайшие складчатые горные цепи Европы, Азии и Америки.

Восточно-африканское поднятие уже задолго до этого представляло собою сушу, только по восточному своему краю заливавшуюся морями, сушу, где, вместо обычной складчатости, горообразовательные движения проявились в форме разломов, перемещений и перекоса огромных глыб, а также в вулканических явлениях.

Молодые геологические разломы Восточной Африки тянутся узкой полосой с юга на север, начинаясь значительно южнее, в северной части Трансвааля и в южной Родезии. Эта сравнительно узкая полоса опустившихся участков земной коры, известная под именем большой рифтовой полосы восточной Африки, может быть явственно прослежена от оз. Танганыки через Кению, Уганду до Абиссинии. Здесь она выражена менее отчетливо, но, достигая Красного моря, которое представляет несомненный опустившийся участок, разбивается на ряд мелких: участок нижнего Нила в Египте, Суэцкий залив, залив Акаба и его северное продолжение — понижение Мертвого моря и долина Иордана.

Абиссинский грабен[1] можно рассматривать как северное ответвление восточно-африканской рифтовой полосы. Он связывает ее с впадиной Красного моря и имеет очень недавнее (геологически) происхождение. Находясь среди крутых, ступенями спускающихся обрывов сбросового происхождения, абиссинский грабен заключает в себе ряд озер, располагающихся местами на высоте до 1900 м. Их ряд начинается с оз. Рудольфа (за южными пределами Абиссинии), далее идут такие же соле-

---

[1] Опустившиеся участки земной коры, ограниченные с боков трещинами, известны в геологии под названием г р а б е н о в.

ные и бессточные озера: оз. Маргариты, оз. Стефании, Чамо, Абайя, Авуса, Хоро, Шала, Лангано, Зваи. Еще дальше, в пределах полосы опускания, находится р. Хаваш, которая, иссякая в пустыне, не доходит до Красного моря, на берегу которого, однако, имеется глубокий залив у Джибути, соответствующий морфологически как бы ее окончанию.

Имея в основном северо-восточное направление, абиссинский грабен пересекается многочисленными поперечными сбросами, придающими ему в плане несколько зигзагообразную форму.

Абиссиния занимает северную часть Восточной Африки, представляющей самое большое поднятие всей Африки, и тектонически может рассматриваться как одно целое с Сомалией — *Абессомалия* — несмотря на некоторые морфологические различия.[1]

Согласно данным геологических исследований, Абиссиния и Сомалия сложены в основе древнейшими отложениями (архейскими и алгонкинскими), состоящими из кристаллических сланцев, кварцитов и других массивных, сильно метаморфизованных пород. Они собраны в тесные складки, оси которых идут в северо-западном направлении и пронизаны многочисленными внедрениями глубинных пород: гранитов, диоритов и др.

На этой толще несогласно[2] залегает мощный слой юрских песчаников (адигратская толща), белых или голубоватых; на них согласно лежат юрские же известняки, желтоватые, кристаллические с пластами гипса и доломита и содержащие раковины мелких двустворчатых моллюсков. Еще выше располагаются слои песчаников и, наконец, морские осадки мелового периода. Верхнеюрские пласты местами образованы песчано-сланцевыми отложениями или же светлыми кварцитами. На периферии поднятия, по южному краю Аденского залива и на побережье Красного моря встречены третичные отложения и даже четвертичные — морские и континентальные, свидетельствующие о недавних вертикальных движениях суши. Повидимому, во время юрского и мелового периодов (в мезозое) Абиссиния (и Аравия) медленно опускалась, что сопровождалось накоплением осадков. Это происходило до эоцена (начало третичного периода), когда

---

[1] Термин, предложенный геологом Кренкелем для приподнятой глыбы, занимаемой Абиссинией и Сомалией и разделенной впадиной (грабеном).

[2] Не параллельными („согласными“) слоями залегающие отложения, а под углом („несогласно“).

начался быстрый подъем страны, но различный в отдельных местах. В общем, центральная часть поднялась выше, а берега Красного моря поднимались медленнее, о чем свидетельствуют морские четвертичные отложения. Слои осадочных отложений покрыты мощными (до 2000 м) покровами траппов — новых вулканических пород, излияния которых начались в конце мелового периода сначала в Сомали, а позже и в Абиссинии. В нижнетретичную эпоху (эоцен) вся страна, представляющая до этого одно целое, рядом трещин была разделена на более высокое Абиссинское плоскогорье и плато Сомали. Это сопровождалось землетрясениями и усилением вулканической деятельности, следы которой сохранились и до настоящего времени в действующих вулканах, расположенных во многих местах абиссинского грабена, а также в многочисленных термах.

Современная Абиссиния — высокое плоскогорье, сложенное большею частью траппами, из-под которых по краям его и в глубокой долине Голубого Нила обнажаются узкими полосами нижний мел адигратской толщи и выходящие из-под него древнейшие отложения.

Несомненно, что Абиссиния, в свою очередь, разбита на ряд второстепенных глыб, по различному наклоненных. По устройству поверхности Абиссинию в общем можно разделить на следующие крупные морфологические единицы.

Нагорье Хабеш (Абиссинское нагорье), расположенное в западной половине Абиссинии (к западу от 40° меридиана), высотою от 1500 до 3000 м, но на котором отдельные вершины подымаются до 4600 м. К западу Абиссинское нагорье круто обрывается во впадину Нубии и Англо-египетского Судана и окаймлено здесь широкой полосой кристаллических сланцев. Притоки Нила: Атбара, Такказе, Голубой Нил (Аббай),[1] Джело, Акоба и др. рассекают край плато и придают ему фестончатый вид. Особенно далеко врезается р. Голубой Нил, вытекающий из оз. Тана и образующий долину до 1500 м глубины.

Эта самая высокая часть Абиссинии представляет собой не альпийскую страну, а типичное плоскогорье, образованное рядом широких ступеней. Здесь нет нигде складчатых хребтов, и самые высокие точки являются базальтовыми или трахитовыми куполами.

---

[1] В пределах Абиссинии Голубой Нил носит название Аббай.

Там и сям на плоскогорье текут реки в глубоких ущельях-каньонах, с отвесными стенками, прорезанными до самых древнейших пород и разделяющими своими узкими щелями все нагорье на столообразные возвышенности, так называемые *алба* Некоторые вулканические породы Абиссинии, образующие покровы, как, напр., базальты группы Магдала, образуют при выветривании очень крутые террасированные уступы и благодаря этому создают непреодолимые трудности для путешествия.

Восточный край нагорья представляет обрывистый уступ, начинающийся от границ Эритреи и идущий к югу, примерно, до верховьев р. Хаваш.

Северная граница нагорья заходит за пределы Абиссинии в пределы бассейна р. Барка, где оно переходит в горную местность из гребней и кряжей, сложенных архейскими породами или же адигратской толщей.

К югу от верховьев р. Хаваш нагорье разделяется абиссинским грабеном (общее направление его на ЮЮЗ), который отделяет от него небольшой окраинный участок, где тем не менее встречаются довольно значительные высоты: Шиллило — 4127 м, Фогоги — 3256 м и возвышенные цепи гор Ахмар и гор Мандебо. Далее на ЮВ нагорье граничит с плато Сомали. Долины больших притоков Нила — Мареба, Такказе и Голубого Нила — разделяют Абиссинское нагорье на области, сильно различающиеся между собою.

Верховья р. Такказе, область Тигре, часть Амхара занимает самая массивная возвышенность Абиссинии — Семиен. Здесь наблюдаются самые резкие колебания высот нагорья и располагаются высочайшие вершины Абиссинии: Рас-дашан 4620 м, Бвахит 4542 м, Абба-Ларед 4563 м, на которых долгое время лежит снег и имеется альпийская растительность. Здесь же, во впадинах, встречены торфяники.

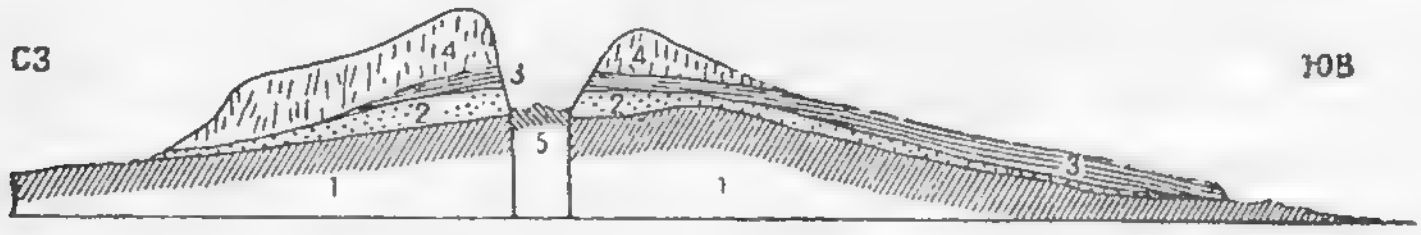
На юге, в области Шоа, плоскогорье более однообразно, высотою от 3000 до 2500 м; оно наклонено к С и З и прерывается отдельными горами до 4300 м высотою, представляющими большею частью остатки вулканов. Мощные толщи траппов образуют здесь высокие, трудно или совсем недоступные обрывы; менее мощные толщи обусловливают и более мягкие склоны гор.

В центре лежит самое большое пресное озеро Абиссинии — Цана, окруженное вершинами до 4000 м абсолютной высоты

и до 2000 м относительной высоты. Расположенное на высоте 1755 м,[1] оно имеет площадь в 3630 кв. км, при глубине не более 100 м. Весьма вероятно, что оно занимает остатки большого вулканического кратера.

Абиссинский грабен, представляющий сравнительно узкую (50—100 км) полосу опусканий, занятую рядом бессточных озер и ограниченную с обеих сторон крутыми склонами нагорья сбросового происхождения, охарактеризован выше.

Плато Сомали представляет собою по отношению к Абиссинии односторонне опущенную, косо поставленную глыбу, поверхность которой очень быстро снижается к ЮВ от нагорья



Разрез абиссинского грабена.

Харар. Северный край его возвышается до 800 м, но некоторые вершины достигают 3000 м. Оно расчленено долинами Веббе-Шебели, Веб, Ганале-дория, Дауа и их притоками. Последние три реки сливаются вместе в одну р. Джуба, которая впадает в Индийский океан. Вебе-Шебели иссякает, не доходя до него. От Абиссинии сомалийская плита отделяется покровом новых вулканических пород.

Низина Афар (пустыня Данакиль), расположенная в виде клина между Французским Сомали и Эритреей, с одной стороны, и восточным краем обрывистого уступа Абиссинского нагорья — с другой, представляет собою низменную страну, изобилующую озерами; уровень некоторых из них ниже уровня океана. Высота низины Афар достигает 1500 м, но большая часть не выше 500 м. Здесь много горячих источников и вулканов, при этом большею частью потухших (Мусса-али, Афдер).

* * *

[1] По данным Grabham, 1840 м. См. Grabham, G. W. and Black, R. P. Report of the Mission to Lake Tana, 1920—1921. Egypt, Cairo, 1925, p. 13.

ПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ

Согласно наблюдениям акад. Н. И. Вавилова, своеобразие почв Абиссинии определяется горным характером страны. Тесно связанные своим происхождением с климатическими особенностями различных зон, основные массивы почв *деги* и верхней *войны-деги*, используемые под земледелие, представлены темноцветными почвами, которые особенно характерны для центральной и северной частей нагорья. Красноземы и желтоземы распространены отдельными пятнами и особенно свойственны Хararскому району. Окаймляя центральный массив темноцветных почв, красноземы свойственны меньшим высотам, приуроченваясь к *война-деге.*

В нагорной Абиссинии в общем можно выделить два основных вида почв: темноцветные высокогорные, напоминающие по внешнему виду чернозем, как правило, щелочные, с включением известняков, и красноземы разных оттенков, от бурого до светлого, преимущественно сосредоточенные в зонах войны-деги, в верхних частях коллы и в самой колле.

Красноземы легче поддаются обработке, так же как и желтоземы не образуют трещин при высыхании и поэтому ценятся в Абиссинии земледельцами выше, чем темноцветные почвы. Последние обладают большой водопоглотительной способностью и при высыхании образуют трещины.

Будучи связанными происхождением с основными вулканическими породами, почвы Абиссинского нагорья являются очень плодородными. Акад. Н. И. Вавилов наблюдал в Эритрее на высоте 1600—1700 м плантации кофе, дававшие ежегодно высокие урожаи при тщательной междурядной обработке, на красноземах, никогда не удобрявшихся.

В Хararском районе наблюдались разновидности почв темносерой окраски, приближающихся к черноземовидным почвам *деги.*

К северу и северо-востоку, где нередки выходы известняков, плотных песчаников и даже гранитов, почвы становятся более каменистыми. Здесь земли лишь небольшими пятнами используются для культуры и характеризуются бедной растительностью, что связано также с уменьшением к северу количества осадков.

РЕДКАЯ КНИГА
3/2061

Почвы Сомали Стефанини разделяет на элювиальные, аллювиальные и эоловые. Первые подразделяются еще на каменистые, частью известковые, terra rossa и латеритные на элювии гранита и других кристаллических пород. Среди аллювиальных выделяются бурые, большею частью компактные, богатые глиной, частью скелетные, болотные и соленосные.

По Марбуту,[1] плато Абиссинии и Эритреи покрыто красными суглинками, к востоку от берега моря идет полоса бурых почв пустыни, с запада примыкает широкая полоса чернозема. Она же идет в восточной части на водоразделе систем Нила и рек, текущих к Индийскому океану, в области акациевых высокотравных саванн. Еще восточнее идет полоса каштаново-бурых почв, соответствующих пустынной степи. Сомневаясь относительно черноземов Абиссинского плато, Марбут тем не менее считает возможным их присутствие с западной стороны Абиссинского плато и на большей части плато Сомали.

* * *

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Минеральные богатства всякой страны зависят от ее геологических условий. Геологическое строение Абиссинии, тем более геохимические процессы, определявшие своим типом качество и количество горных пород и минералов, нам известны еще в слабой степени — лишь в самых общих чертах. И все же есть серьезные основания считать Абиссинию богатейшей страной в этом отношении. Косвенным свидетельством этого может служить и вспыхнувшая там война и возбуждение в тех частях капиталистического мира, которые так или иначе заинтересованы в приобретении абиссинской территории или в установлении своего влияния там. Вот как определяет экономическое значение Абиссинии орган фашистской конфедерации купцов „Commercio“ (февраль 1935):[2] „Растительность здесь роскошна... примерно то же можно ска-

---

[1] Shanz, Marbut. The vegetation and soils of Africa. N.-I., 1923.

[2] Из статьи Джулиано Онгаро „Богата ли Абиссиния?“ цитируется по статье В. Луцкого „Абиссинская проблема“ в „Вестн. Коммунистич. академии“, 8, 1935, III. Мировая политика, 1. Обзоры, рецензии и аннотации, стр. 49.

зать о минеральных ресурсах, которыми Абиссиния более чем богата (разрядка, как и дальше, наша. *Н. К.*). Следы золота обнаружены в Годжаме, Тигре и Каффе. Серебро, медь и железо встречаются повсюду. Уголь — в долине Аггарем, в окрестностях Гондара, в Бегемдере; нефть — в Хараре, слюда — в Каффе и Огадене. В окрестностях Дире-Дауа найден горный лен; в Каффе обнаружена платина. А ведь проведенные разведки и исследования не охватили всей территории: обширные зоны еще ждут своих исследователей. Геологическая конституция почвы предполагает наличие огромных минеральных залежей". „Распаленная фантазия колонизаторов, — замечает В. Луцкий в цитируемой статье, — всегда преувеличивает сокровища колониального „рая", выбранного ими для покорения и эксплоатации. Но в данном случае фашистский журнал воспроизводит принятое почти единодушно всей буржуазной литературой представление об Абиссинии, как о стране исключительно богатой потенциальными сырьевыми ресурсами".

В Абиссинии имеются, и в размерах, почти несомненно очень значительных, и уголь и золото, серебро, ртуть, свинец, слюда. Добыча золота очень слабая (на юго-западе Абиссинии, Валлега), еще менее того используются другие ископаемые, но это надо отнести за счет экономической и политической отсталости страны и никак не бедности ее сырьевыми ресурсами. Давно разрабатывается каменная соль (в Сокоте), и до недавнего времени она служила даже разменной монетой, частично сохраняя эту функцию и теперь. Делом эксплоатации соли занят итальянский капитал; центральным рынком сбыта является Манкалле. В соленых пустынях (Данакиль) много поваренной соли. Есть также основание предполагать наличие в стране нефтяных источников; одно англо-американское общество предприняло нефтяные изыскания в Хараре.

Интересные данные об эксплоатации платиновых рудников находим мы в книге Enrico Ceruilli.[1] Автор посетил платиновые рудники в Юбдо и довольно красочно описывает свой путь и условия работы на предприятии. Разработка ведется итальянской концессией Альберта Прассо. Местность, где расположен рудник, автор описывает как „одну из самых некрасивых, которую нам пришлось посетить". Караванной дорогой добрался он до

[1] Etiopia occidentale. Note del viaggio, 1927—1928, vol. II, Roma, 1933, p. 73—91.

места, преодолев немало препятствий всякого рода и со стороны алчных таможенных чиновников и со стороны погонщиков, пытавшихся отстаивать в дороге свои интересы.[1]

На месте разработок оказалась довольно большая деревня, заселенная рабочими, разумеется, туземцами (галла). Администрация, конечно, итальянская. Условия жизни тяжелые, место разработок — „ужасающая яма, обитаемая малярийными комарами", „вырытые галлереи, каналы, проводки являются смертельными западнями для рудокопов", угрожающими опасностью для их жизни и здоровья. Бегство с этой „кровавой реки Бирбир" (место добычи) кончается нередко трагически. Платина добывается двумя способами, либо из месторождения в котловине, либо из песков реки Бирбир, содержащих платину. Способы добычи — самые примитивные, и неудивительны слабые результаты разработок: в 1930 г., например, было добыто 20 кг.[2] Тот же Прассо нашел вблизи Юбдо несомненные следы старинных золотых рудников: каменные ступки для размельчения камней, содержащих минерал, пестики, также из камня. Далее автор описывает способ добычи из реки: грубые деревянные решотки, возвышающиеся над водой, поддерживаются веревками из волокон. Рабочий погружается в реку, хватает песок со дна и возвращается на поверхность, держась за веревки, под крики, шум и песни, сопровождающие в Африке всякую работу.

Энергетические ресурсы Абиссинии заключаются также в большом количестве термальных источников и выходов горячих паров. Техническая отсталость Абиссинии исключает, конечно, возможность их использования. Более подробные данные см. ниже в статье К. Н. Лукницкого. То же самое надо сказать и о „белом угле" страны: водопады и горные реки остаются мертвым капиталом в феодально-крепостнических условиях.

* * *

---

[1] Чрезвычайно интересная подробность: автор сознается, что в конфликте с погонщиками он привел их в повиновение „угрозой, формулированной по-африкански . . ."

[2] Fascicoli di commento All'Atlanto internazional del Touring Club Italiano XLVI — Etiopia... Milano, 1934, стр. 8—9.

КЛИМАТ

В географическом ландшафте каждой страны климат занимает особое место. Глубоко влияя на все физико-географические процессы, климатические условия являются универсальным фактором, в значительной степени определяющим черты строения местности, процессы почвообразования, состав флоры и фауны. Хозяйственная деятельность человека, особенно там, где общественные формы примитивны, тесно связана с особенностями климата страны, с ходом погоды, сменой сезонов.

Это общее положение особенно применимо к такой стране, как Абиссиния. Огромное значение климатических условий сказалось, например, в том обстоятельстве, что начало военных действий итальянской армии было связано с окончанием периода дождей на театре войны: даже при современной высокой военной технике было бы крайне затруднительно и невыгодно начинать поход в сезон ливней; необходимо было дождаться сухого периода.

Абиссиния расположена в тропическом поясе земли — и тем самым, казалось бы, полностью определяются основные черты ее климата. Дело, однако, осложняется в сильной степени характером рельефа страны, внесением вертикальной зональности в особенности распределения климатических элементов. Территория Абиссинии в разных частях расчленена неодинаково. Центральная и южная (большая) ее части представляют высокое плато с глубокими ущельями; к северу, северо-востоку, востоку страна является низменной, пустынной и пустынно-степной равниной.

Тропический климат вообще, в отличие от климата умеренной зоны, характеризуется следующими особенностями: 1) высокими температурами в течение всего года, 2) слабыми годовыми колебаниями температуры и значительными суточными, 3) правильностью и постоянством в наступлении дождливого периода и 4) плавным, в высшей степени ровным ходом барометрического давления воздуха.

В основных чертах эти особенности свойственны и Абиссинии. Вертикальная расчлененность страны вносит, однако, существенные поправки, и можно поэтому сказать, что климат страны разнообразен, в зависимости от степени поднятия той или иной ее части от уровня моря. Для суждения о различии

Характер рельефа пояса война-дега.

температуры в зависимости от высоты местности привожу следующую таблицу (табл. 1)

Таблица 1

Высота в м	Годовая температура в гр. С	Высота в м	Годовая температура в гр. С	Высота в м	Годовая температура в гр. С	Высота в м	Годовая температура в гр. С
0	29°5	800	25°0	1600	20°4	2400	16°4
200	28·4	1000	23.7	1800	19.3	2600	15.4
400	27.3	1200	22.6	2000	18.3	2800	14.4
600	26.2	1400	21.5	2200	17.4	3000	13.3

В виду такой резкой разницы (29°5—13°3) в термических условиях, нельзя, конечно, дать единую, общую характеристику климата Абиссинии. Мы ограничимся указаниями наличия климатических поясов и дадим более подробную характеристику довольно хорошо изученных климатических элементов для г. Аддис-Абебы, расположенного на высоте около 2440 м.

Большая часть Абиссинии приподнята над уровнем моря более 1000 м, около трети всей страны превышает 2000 м, довольно значительное пространство расположено выше 3000 м, отдельные пункты имеют высоту около 4000 м.

Горный ландшафт.

К. Дове[1] делит Абиссинскую возвышенность в отношении температуры и растительности и в зависимости от высоты места над уровнем моря на три пояса: *колла, война-дега* и *дега*. Первый, более жаркий пояс, занимает пространство от берега моря со средней годовой температурой около 30° до линии со средней температурой в 20°. Принимая вычисленную Ганном для Абиссинии среднюю величину падения температуры при поднятии на каждые 100 м приблизительно равной 0°.6, получим для верхней границы этого пояса высоту около 1700 м над ур. м. Второй пояс простирается до линии со средней температурой около 16—17°, т. е. до высоты около 2400 м. Далее идет третий пояс с более умеренным климатом.[2] Совершенно такое же деление на климатические пояса дает и население Абиссинии; с ними теснейшим образом связаны сельскохозяйственные зоны.

---

[1] K. Dove. Kulturzonen von Nord-Abessinien. Ergänzungsheft № 97 zu „Peterm. Mitt." Gotha, 1890.

[2] Е. Мальченко. Климат Аддис-Абебы. Метеор. вестн., 1912, стр. 207—208.

ТЕМПЕРАТУРА (в гр. С)

Таблица 2

Месяцы	Харар	Аддис-Абеба	Магдала	Гондар	Адди-Угри	Шена-фена	Кассала	Керен	Гинда	Массауа	Ассаб
I	17.7	17.2	13.6	19.5	18.0	20.3	21.0	18.3	18.3	25.9	25.1
II	18.5	15.1	14.7	20.2	19.0	21.0	23.2	19.2	19.6	26.0	25.6
III	19.8	16.4	16.8	21.2	21.0	22.7	26.6	21.9	20.5	27.3	27.2
IV . . .	19.6	16.4	17.7	22.7	21.2	22.7	30.3	23.4	24.0	29.2	29.3
V	18.8	17.9	19.0	21.0	21.5	23.0	32.0	25.6	26.9	31.0	30.9
VI	18.4	15.2	18.1	18.2	21.0	22.7	30.4	22.8	29.4	33.8	33.7
VII	17.5	13.7	15.5	16.2	18.2	20.1	27.7	20.6	29.6	35.2	35.3
VIII	17.4	14.0	15.6	15.8	18.0	20.3	27.4	18.9	28.1	34.6	34.9
IX	17.6	14.3	14.7	18.1	19.6	22.1	29.3	19.6	28.3	33.0	34.0
X	17.8	15.7	13.9	18.1	19.2	21.9	29.5	19.9	24.9	30.7	30.1
XI	17.3	15.3	12.8	18.6	18.1	21.8	28.4	21.3	22.0	28.8	27.1
XII	16.7	14.3	13.1	18.2	17.3	19.9	23.0	18.6	20.2	26.8	25.4
За год	18.1	15.3	15.3	19.0	19.3	21.5	27.1	20.8	24.4	30.2	29.9

В поясе *война-дега* возможна культура винограда, а следовательно и кукурузы, сои, табака и т. п.; в зоне дега — район культуры пшеницы и ячменя. Область полупустыни (на крайнем востоке, равнина Данкаль) отмечается неустойчивым земледелием, приуроченным к периоду довольно скудных зимних дождей.[1]

Чтобы дать некоторое представление о распределении в разных пунктах страны важнейших элементов климата — температуры и осадков, приводим таблицы 2—4.

Таблица 3

Суточные колебания максим.	Годовые колебания	Места наблюдения
	3.1	Харар
24.5	4.2	Аддис-Абеба
28.3	6.2	Магдала
	6.9	Гондар
32.3	4.2	Адди-Угри
	3.1	Шенафена
	11.0	Кассала
	7.3	Керен
	11.3	Гинда
43.2	9.3	Массауа
43.7	10.2	Ассаб

Резкими чертами пустынного климата, как видим, отмечены два пункта, Массауа и Ассаб, расположенные в низине, у берегов Красного моря.

Для лучшей ориентировки в указанных пунктах в нижеприведенной таблице осадков (табл. 4) мы отмечаем географические координаты и высоту над уровнем моря (в метрах).[2]

Наибольшим количеством осадков отличаются три пункта: Шенафена (1631 мм), Аддис-Абеба (1259 мм) и Гондар (1014 мм).

---

[1] Г. Селянинов. Агроклиматические зоны Абиссинии, Эритреи и прилегающих частей Судана и Сомали. Тр. по прикл. бот., XXII, 1929—1930, № 5, стр. 510.

[2] Данные взяты частью из Hann'a, Handbuch der Klimatologie, Bd. II, частью из Rein'a, Abessinien, Bd. III. Berlin, 1920.

КОЛИЧЕСТВО ОСАДКОВ (В МИЛЛИМЕТРАХ)

Таблица 4

Месяцы	Аддис-Абеба	Адди-Угри	Гондар	Харар	Шена-фена	Керен	Гинда	Галлабад	Кассала	Дионта	Массауа
I	9	—	—	21	—	—	63	—	—	—	43
II	48	6	—	8	—	3	99	2	1	30	17
III	105	12	—	61	29	2	98	4	—	110	14
IV	85	22	—	102	5	9	23	3	1	280	6
V . . .	78	38	67	212	54	25	11	42	6	120	8
VI	146	67	122	82	33	107	5	132	20	100	—
VII	305	153	290	131	134	107	54	188	79	—	2
VIII	292	179	372	138	145	300	53	233	121	—	10
IX	161	37	103	91	46	79	11	141	60	—	4
X	14	10	46	15	4	2	30	78	20	—	11
XI	13	10	14	17	—	7	62	4	—	20	26
XII	3	4	—	17	—	—	66	—	—	40	42
За год	1259	538	1014	895	1631	641	580	827	308	700	183
Сев. широта .	9°2′	14°53′	12°36′	9°42′	14°48′	15°47′	15°26′	12°58′	15°30′	11°13′	15°36′
Восточная долгота	38°14′	38°49′	37°29′	42°30′	39°1′	38°29′	39°6′	36°12′	36°23′	41°47′	39°27′
Высота над уровнем моря	2440	2022	1900	1856	1631	1450	960	900	515	261	9

СРЕДНИЕ МЕСЯЧНЫЕ И ГОДОВЫЕ ВЫВОДЫ (в гр. С)

Таблица 5

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	За год
7 ч. утра	12.1	12.6	13.4	14.1	15.0	13.4	12.9	12.6	13.0	13.8	12.5	11.5	13.1
1 ч. дня	20.8	20.8	20.7	21.5	21.8	19.7	17.4	17.2	17.7	20.8	20.3	20.0	19.9
9 ч. вечера	13.7	14.2	15.2	14.7	15.6	13.6	12.9	13.0	12.9	13.8	13.2	12.6	13.8
Среднее	15.5	15.9	16.4	16.8	17.5	15.6	14.4	14.3	14.5	16.1	15.3	14.7	15.6
Максим.	22.2	22.2	22.8	21.5	24.0	20.9	18.2	18.4	18.6	21.1	21.1	21.0	21.0
Миним.	7.5	9.1	10.2	10.0	10.0	9.7	10.1	10.1	9.8	8.5	7.3	7.0	9.1
$\frac{\text{Макс.} + \text{мин.}}{2}$	14.9	15.7	16.5	15.7	17.0	15.3	14.1	14.2	14.2	14.8	14.4	14.0	15.1
Макс. — мин.	14.7	13.1	12.6	11.5	14.0	11.2	8.1	8.3	8.8	12.6	13.8	14.0	11.9
Изменч. со дня на день . .	0.87	0.89	0.88	0.94	0.95	1.04	0.74	0.81	0.84	0.74	0.85	0.92	0.87

Все они расположены на высоте над уровнем моря либо в зоне *война-дега*, либо в переходной от *война-дега* к *дега*. Сезон дождей в большинстве мест падает на период с мая по сентябрь включительно. Лишь в двух пунктах (Гинда и Дионта) выпадение осадков в наибольшем количестве отмечается в зимнее, либо в весеннее время: декабрь — март в Гинде, март — май в Дионте.

Обратимся к более подробному описанию климата Аддис-Абебы.[1]

Как видим из табл. 5 средняя годовая температура изучаемого пункта 15°6.[2] Согласно принятому нами делению на климатические зоны, г. Аддис-Абеба расположен на границе между вторым и третьим поясами (*война-дега — дега*), в климате, переходном от тропического к умеренному. Проф. Ганн дает годовую температуру для высоты в 2500 м в 15°3, вычисленную на основании производившихся на разных высотах наблюдений. „Эта величина, замечает Е. Мальченко (стр. 208, цит. соч.), очень близка к приведенной выше для Аддис-Абебы (15°6), полученной на основании наблюдений в этом пункте. Поэтому, если эта последняя величина, быть может и не вполне точно соответствует годовой температуре Аддис-Абебы, то, во всяком случае, она, повидимому, довольно близка к ней".

Наивысшая средняя месячная температура 17°5 падает на май, низшая 14°3 — на август. Средний (высший) максимум в том же месяце (мае) достигает 24°0, средний (низший) минимум падает на декабрь 7°0. Годовые средние максимумы и минимумы выражаются в величинах 21°0 и 9°1. Разность между средними наибольшими и наименьшими температурами в течение года имеет такой ход (в гр. С):

I 14.7;	II 13.1;	III 12.6;	IV 11.5;	V 14.0;	VI 11.2
VII 8.1;	VIII 8.3;	IX 8.8;	X 12.6;	XI 13.8;	XII 14.0

Наибольшая она, следовательно, в январе 14°7, наименьшая в июле 8°1.

Особенности теплового режима Аддис-Абебы объясняются распределением по месяцам года осадков:

---

[1] Е. Мальченко, цит. соч.

[2] Данные эти, взятые из наблюдений станции при русской миссии, незначительно разнятся от вышеприведенных, взятых из работы Hann'a.

ОСАДКИ В АДДИС-АБЕБЕ (в мм)

Таблица 6

	Количество осадко в мм	Число дней с грозами				Число дней		Облачность			
		Осадки	близкими	отдаленными	зарницами	ясных	пасмурных	7 ч. утра	1 ч. дня	9 ч. веч.	Средняя
I . . .	7.2	3.2	1.9	0.3	3.0	15.1	1.8	2.9	3.0	2.7	2.9
II	52.2	9.0	6.5	1.0	3.0	8.5	3.7	3.9	4.3	3.6	3.9
III	78.2	8.0	4.8	0.8	7.0	6.4	4.8	4.8	5.4	4.0	4.7
IV . . .	81.1	11.2	5.5	1.8	9.3	3.0	5.3	5.2	6.1	4.6	5.3
V . . .	40.3	7.0	3.5	1.0	4.3	4.3	1.8	3.2	5.5	3.3	4.0
VI . . .	180.9	23.0	13.2	2.2	1.6	0.8	6.8	4.6	6.9	5.0	5.5
VII . . .	281.6	29.4	14.4	3.3	3.9	0.0	16.0	8.6	8.1	6.7	7.8
VIII	264.5	27.6	11.7	2.7	4.6	0.1	11.7	8.2	8.0	6.0	7.2
IX	143.3	19.4	8.1	2.6	4.3	1.2	6.0	5.5	7.1	4.6	5.7
X	16.5	3.0	0.4	0.4	2.6	12.7	1.0	2.0	4.0	2.7	2.9
XI . . .	5.6	2.0	0.6	0.0	0.6	20.0	1.7	1.8	2.3	1.9	2.0
XII	5.5	1.0	0.3	0.3	1.3	15.7	1.0	2.5	3.1	1.8	2.5
за год . . .	1157.0	143.8	70.9	16.4	45.5	73	5.1	4.4	5.3	3.9	4.5

Годовое количество осадков достигает, как видим, довольно большой цифры 1157.0 мм. Наибольшее их количество выпадает: в июле 281.6 мм и в августе 264.5 мм; среднее число дней с осадками: в июле 29.4, в августе 27.6. Самые сухие месяцы — декабрь и ноябрь: осадков 5.5 мм и 5.6 мм, число дней с осадками в первом 1.0, во втором 2.0. Отметим, что число ясных дней в ноябре — 20.0, в декабре 15.7; для июля же оно равно 0.0 и для августа 0.1; пасмурных дней в июле 16.0, в августе 11.7, при 1.0 для декабря и 1.7 для ноября. Наибольшее количество гроз связано, естественно, с максимальным количеством осадков: 14.4 в июле, 11.7 в августе, 13.2 в июне. Дожди начинаются большею частью после полудня, продолжаются до вечера, частью ночью. Наибольшее измеренное количество осадков, выпавшее в течение суток, было 61.3 мм — 25 августа 1903 г. (по наблюдениям станции при русской миссии). Roth дает такое описание погоды дня в период дождей по наблюдениям в Анкобере, расположенном к востоку от Аддис-Абебы, почти на одной параллели с ней, на высоте 2800 м над ур. м.[1] „Гроза начинается около 6 ч. вечера и усиливается до полуночи, около утра переходит в умеренный дождь, который к восходу солнца прекращается. К полудню на все высоты ложится густой туман и в виде дыма поднимается с долин. Страшные раскаты грома служат предвестником наступающей грозы".

Выяснив распределение по месяцам года количества осадков, вернемся теперь к тепловому режиму Аддис-Абебы, тесно связанному именно с выпадением дождей. Разность между месячными средними крайних температур превышает, как мы видели, 14°. Суточное колебание температур в отдельных случаях доходит до 20° и выше. 12 января 1904 г., напр., наивысшая температура была 24°7, а минимальная 4°4.[2]

В середине апреля и в конце августа в Аддис-Абебе солнце проходит через зенит. Период наиболее низкой температуры

---

[1] Roth. Schilderungen der Naturverhältnisse in Süd-Abessinien. Цит. по Е. Мальченко.

[2] По наблюдениям итальянской миссии, температура воздуха до 0° опускалась 23 декабря 1902 г. и 11 декабря 1907 г. Температура почвы часто опускается до 0°. Один из наблюдателей русской миссии сообщает, что во время путешествия по стране он даже ниже Аддис-Абебы, но на той же широте, по утрам встречал замерзшие лужи (Е. В. Мальченко, цит. соч., стр. 200).

падает на время, почти совпадающее со временем вторичного прохождения солнца через зенит. Значительным количеством осадков, выпадающих с июня по сентябрь, приходится, повидимому, объяснить столь низкую, сравнительно, температуру этого сезона. Как удостоверяют все наблюдатели, в дождливый период самые незначительные ручейки и речки превращаются в непроходимые бурные потоки, низкие места заливаются водой и образуют целые озера. После жаркого сухого периода вся природа оживает, совершенно высохшая было в бездождный период трава бурно вырастает в такой степени, что местами покрывает всадника с лошадью. Получаются, таким образом, огромные пространства испаряющей поверхности. Процесс испарения связан с расходом огромного количества теплоты, конечно, за счет теплоты воздуха и почвы, результатом чего является понижение температуры воздуха как раз во время наиболее интенсивного действия лучей солнца.

Е. Мальченко в своей статье (Метеор. вестник, 1912) приводит интересные соображения нашего знаменитого климатолога проф. А. И. Воейкова: „А. И. Воейков в своей работе о распределении дождей на земном шаре[1] выясняет причины выпадения тропических осадков большею частью около времени прохождения солнца через зенит. Дождливые периоды в тропическом поясе замечаются главным образом на материках и островах, поэтому одной из главных причин осадков следует считать, очевидно, нарушение материками правильного хода пассатов. На открытых океанах, где пассаты не встречают на своем пути никаких препятствий, воздух, попадая из более холодных в более теплые местности, нагревается и, следовательно, уменьшается возможность выпадения осадков. На материках же, в особенности в гористых местностях, пассат превращается в дождливый ветер. Воздух, встречая препятствия, начинает подниматься по восточным склонам гор, охлаждается, и пары его приходят в состояние насыщения. Другою причиною является бóльшее нагревание почвы по сравнению с водным пространством во время прохождения солнца через зенит и в ближайшее время. Это способствует образованию местных муссонов, сопровождающихся дождями. В этом отношении явления, наблюдающиеся

[1] О распределении дождей на земном шаре по полосам и временам года. Журн. Физ.-хим. общ., 1880. Цит. по Е. Мальченко.

в Африке в полосе приблизительно между 5 и 17° N, настолько сходны с явлениями в области индийских муссонов, что Воейков дает этому поясу специальное название „страны африканских муссонов".

Существеннейшим фактором в климатическом режиме является движение воздушных масс, воздушные течения — ветер. Г. Т. Селянинов в цитированной нами работе заявляет, что для Абиссинии характерна периодическая смена северо-восточных и юго-западных ветров, вызываемых в свою очередь соответственным распределением давления. По мнению этого ученого, в Абиссинии следует различать три типа в распределении давления: тип первый характерен для сухого времени года, тип второй — для большого дождливого периода, и тип третий свойственен переходному времени и, в частности, характерен для малого дождливого периода, когда погода имеет как бы стационарно-циклонический характер. В это время погода очень неустойчива соответственно неустойчивости направления ветров.[1] Приходится, впрочем, признать скудность материалов для уяснения этого вопроса. Наблюдения над ветром — наиболее слабая сторона станций, и мы не приводим поэтому соответствующих подсчетов по этому элементу. Очень не лишним, нам кажется, привести художественное описание старых путешественников по Абиссинии.[2] „Сколько раз путешественники, идя под холодным, пронизывающим до костей ветром высоких плато, должны были бороться со смертью. Во время военных экспедиций от него страдали целые батальоны при переходе через

ДАВЛЕНИЕ ВОЗДУХА В МИЛЛИМЕТРАХ (АДДИС-АБЕБА) Таблица 7

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	За год
7 ч. утра . . .	572.7	572.2	571.7	571.7	571.8	571.6	570.8	571.5	571.2	572.2	572.6	572.5	571.9
1 ч. дня . . .	570.9	570.9	570.4	570.6	570.6	570.3	569.8	570.3	570.0	570.7	571.1	571.1	570.6
9 ч. веч. . . .	572.6	572.0	571.3	571.3	571.4	571.1	570.2	570.7	570.7	571.9	572.4	572.4	571.5
Среднее . . .	572.1	571.7	571.1	571.2	571.3	571.0	570.3	570.8	570.6	571.6	572.0	572.0	571.3

[1] Г. Селянинов, цит. соч., стр. 497—498; в тексте статьи приведены три схематических карточки с расположением барических систем (август—декабрь—май).

[2] Fernet et Galinier. Antoine d'Abbadie (Э. Реклю. Земля и люди, т. VIII, под ред. Зыкова).

снеговые хребты; одна абиссинская историческая хроника рассказывает даже, что однажды от холода погибла вся армия в Ласте. Напротив, на дне узких куалл (имеются в виду речные долины) часто рискуешь погибнуть от жары. Летом, в те часы, когда солнце особенно сильно печет, почва этих раскаленных печей, на которую отражаются жгучие лучи от блестящей поверхности стен, нагревается иногда до 70°, даже 75°. Воздух обыкновенно спокоен в этих ущельях без видимого выхода; но как только равновесие воздушных масс нарушилось, поднимается страшный ветер и яростно несется вверх по долине, сгибая, как тонкие прутики, попадающиеся на пути деревья; затем также внезапно наступает тишина, и воздух снова делается недвижимым. Недостаток правильных атмосферных течений, очищающих воздух, делает дно куалл очень опасным для перехода. До или после сезона дождей нужно поспешно переходить долы ущелий, быстро подниматься по склонам, чтобы как можно скорее достигнуть области, простирающейся над поясом лихорадок. Почти такие же знойные прибрежные равнины Черного моря представляют местность гораздо более здоровую; климат там опасен только в те годы, когда количество дождей превышает среднюю цифру: тогда в крае господствуют лихорадки".

Выше на стр. 21 было нами отмечено, как одна из особенностей тропического климата, что давление воздуха отличается замечательно ровным ходом, малыми колебаниями. Приводимая таблица из наблюдений в Аддис-Абебе в полной мере подтверждает это общее положение.

Остается упомянуть вкратце еще об одном элементе климата — влажности, относительной и абсолютной. Для Аддис-Абебы данные представляются в следующем виде.[1]

[1] Е. Мальченко, цит. соч., Метеор. вестн., 1912.

БИБЛИОТЕКА № 31061 Ухтинского Домпросвета

Таблица 8

Месяцы	Относительная влажность в %			Средняя	Абсолютная влажность средняя
	7 ч. утра	1 ч. дня	9 ч. веч.		
I	61	40	54	52	6.6
II	64	43	57	55	7.2
III	65	42	58	55	7.5
IV	69	52	66	62	8.6
V	63	43	59	55	7.9
VI	75	59	74	69	9.0
VII	85	74	86	82	9.9
VIII	85	76	88	83	10.1
IX	77	64	79	73	9.1
X	56	41	51	49	6.5
XI	55	35	47	46	5.6
XII	59	37	55	50	6.0
За год	68	51	65	61	7.8

Из этой таблицы интересно отметить величину абсолютной влажности, в ее распределении по месяцам и в соответствии с температурой. Е. В. Мальченко высказывает следующие соображения: „максимум абсолютной влажности падает на месяцы июль и август, хотя в эти месяцы температура значительно понижается. Образование паров в эти дождливые месяцы идет настолько интенсивно, количество их настолько увеличивается, что понижение температуры не влияет на их упругость в смысле ее уменьшения, как, впрочем, и следовало ожидать, так как понижение температуры происходит не вследствие ослабления притока тепла, а есть результат самого испарения, поглощающего значительную долю этого тепла. Наоборот, в сухие периоды количество паров в воздухе по сравнению с дождевым периодом настолько уменьшается, что несмотря на повышение температуры в эти месяцы — абсолютная влажность меньше, чем в холодные месяцы. Даже наиболее теплый май имеет меньшую абсолютную влажность, чем соседние апрель и июнь“.[1]

Исследованием климата Абиссинии с 1914 г. занималась французская миссия в Аддис-Абебе и Французское общество

[1] Е. Мальченко, цит. ооч., Метеор. вестн. 1912.

в Дире-Даве (по линии железной дороги). Материалы эти опубликовывались в Office National Météorologique в Париже, а небольшую сводку их недавно сделал Ж. Сансон. Наблюдения для Аддис-Абебы относятся к годам 1915—1917 и 1923—1928 (9 лет) и для Дире-Дава 1927—1934 (8 лет). Приводим, в дополнение к материалам русской миссии (см. выше таблицу), данные французских станций, относящиеся к температуре и осадкам. Координаты Дире-Дава: 41° 45′ в. д., 9° 2′ с. ш., над уровнем моря 1200 м.

Обе станции находятся на одной широте, разница в климатических условиях определяется, следовательно, высотой над уровнем моря (Аддис-Абеба 2440 м, Дире-Дава 1200 м) и частью — некоторыми особенностями в рельефе; экспозицией возвышенностей по отношению к месту наблюдений.

Разница эта представляется в следующем виде: годовая амплитуда (по средним) в Аддис-Абебе 3°.4, в Дире-Дава 9°.5 (в Джибути она достигает уже 10°.6). Еще более резкая разница выявляется в экстремумах (см. табл. 9): абсолютный максимум в Аддис-Абебе 2°.3, в Дире-Дава 38°.0; абсолютный минимум в Аддис-Абебе — 3°.0, в Дире-Дава 9°.5 (причем интересно отметить, что в Аддис-Абебе на 10 см над поверхностью почвы была отмечена температура — 7°.9 в тот же период времени, как и — 3°.0 в будке: с 23 XII 1928 г. по 4 I 1929 г.). При таком благоприятном тепловом режиме, говорит Сансон, „в Дире-Дава при обильном и правильном орошении садов, дынное дерево, гуява (из семейства миртовых), апельсинное, лимонное, мандариновое, гранатное, фиговое дерево и виноградники приносят плоды во все сезоны. Нормально виноградники дают ежегодно два урожая, но они могли бы приносить и третий, так как при поливке виноград созревает спустя 4 месяца после подрезывания, независимо от сезона“.[1]

Значительную разницу в количестве осадков между обеими станциями легко усмотреть из следующей таблицы (табл. 10; Аддис-Абебу см. выше).

По данным французских станций, в Аддис-Абебе среднее годовое количество осадков 1298 мм, а число дней с дождем 159,

---

[1] Статья Сансона переведена С. Г. Гольманом и помещена в журнале „Метеорология и гидрология“, № 1/2 (9—10), сентябрь—октябрь, 1935 г. М., Сельхозгиз, стр. 172—175.

[2] Цит. соч., стр. 175.

ТЕМПЕРАТУРЫ АДДИС-АБЕБЫ И ДИРЕ-ДАВА

Таблица 9

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	За год
Средняя температура, Аддис-Абеба .	14.5	15.5	16.7	16.8	16.6	15.9	14.7	14.6	14.8	14.5	13.9	13.4	15.2
Дире-Дава . .	20.8	23.5	25.0	26.5	26.6	28.0	26.6	25.4	26.3	25.5	22.7	21.0	24.2
Средний минимум, Аддис-Абеба . . .	5.6	7.4	9.0	10.0	9.7	9.7	9.7	9.6	9.0	6.6	5.5	4.4	8.8
Дире-Дава	14.3	17.0	18.8	20.5	20.8	21.8	20.2	19.8	20.6	19.2	16.4	14.7	18.7
Средний максимум, Аддис-Абеба . .	23 3	23.6	24.4	23.6	23.5	22.1	19.7	19.7	20.6	22.4	22.3	22.3	22.3
Дире-Дава . .	27.4	30.0	31.0	32.5	32.5	34.1	32.1	31.0	32.0	31.7	29.0	27.2	30.9
Абсолютный минимум, Аддис-Абеба .	—3.0	0.3	2.4	5.0	5.3	5.7	6.4	7.0	5.8	2.3	—1.4	—2.0	—
Дире-Дава . .	9.5	12.0	14.6	15.8	16.5	16.3	15.1	15.8	16.8	14.0	12.1	10.8	—
Абсолютный максимум, Аддис-Абеба .	27.2	28.0	29.3	28.0	27.4	27.3	25.4	23.2	24.0	25.6	26.2	27.0	—
Дире-Дава . .	30.6	35.2	37.8	37.5	37.0	38.0	36.5	35.0	35.9	35.5	34.0	33.3	—

ОСАДКИ В ДИРЕ-ДАВА

Таблица 10

Годы наблюдений.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	За год	
1927	0	31	2	82	35	4	71	107	66	26	9	0	433	Количество осадков в мм
1928	36	0	39	29	127	32	64	84	8	2	35	5	461	
1929	0	19	8	34	73	107	102	61	75	34	0	12	525	
1930	106	7	119	131	24	4	73	41	32	19	1	60	657	
1931	12	99	99	101	133	8	129	177	137	3	0	0	898	
1932	0	0	294	41	88	1	127	65	72	0	2	78	768	
1933	3	2	23	85	23	47	90	134	25	18	0	0	450	
1934	0	0	98	108	56	63	212	104	38	0	16	13	708	
Средняя сумма осадков	20	20	85	76	70	38	109	97	57	13	8	21	614	
1927	0	3	2	9	5	1	11	16	12	1	5	0	65	Число дней с дождем
1928	2	0	4	4	15	10	10	17	5	1	11	3	82	
1931	4	7	11	12	13	3	17	14	15	2	0	0	98	
1932	0	0	18	6	11	2	11	12	11	0	1	5	77	
1933	2	1	4	12	4	11	12	13	7	3	0	0	69	
1934	0	0	6	12	8	6	11	12	7	0	2	2	66	
Среднее	1	2	7	9	9	6	12	14	10	1	3	2	76	

сезон дождей один; в Дире-Дава, как видно из таблицы, имеются два дождливых сезона: „малый“, с марта по май, и „большой“, с июля по сентябрь, — в июне довольно заметное, в среднем, ослабление выпадения осадков (правда, не все годы). Но интересно сопоставить случаи наиболее обильных осадков в течение суток для того и другого места:

Дире-Дава	69 мм	6 мая 1931 г.
	68 „	7 марта 1932 г.
	60 „	14 февраля 1931 г.
	58 „	27 июля 1934 г.
Аддис-Абеба	68 „	23 июля 1924 г.
	52 „	5 марта 1924 г.
	50 „	2 августа 1929 г.
	50 „	16 мая 1915 г.

Что касается суточной интенсивности выпадения осадков из всего числа дней с осадками, распределение их по двум станциям представляется в следующем виде:

Аддис-Абеба (159 дней)	0—5 мм	5—15 мм	15—30 мм	более 30 мм
X—VI . . .	47	21	7	2
VII—IX . . .	35	29	15	3
Дире-Дава (76 дней)				
X—VI . . .	21	13	4	2
VII—IX . . .	19	11	4	2

Из 108 месяцев наблюдений в Аддис-Абебе осадков не было вовсе в течение 11 месяцев, причем эти абсолютно засушливые месяцы приходились на период с ноября по февраль включительно; из 97 месяцев в Дире-Дава бездождных было 15 месяцев, с октября по февраль.

* * *

ОРОШЕНИЕ (РЕКИ И ОЗЕРА)

Речная сеть Абиссинии в основном распределяется в зависимости от направления естественных покатостей страны. Некоторая часть вод нагорья Хабеш (абиссинского нагорья) направляется на восток, к Индийскому океану, другая спу-

скается к западу, сначала к р. Нилу, а оттуда к Средиземному морю. В полосу абиссинского грабена к юго-востоку и к югу спускаются также водные потоки, которые или теряются в песках или же попадают в бессточные озера, расположенные цепочкой одно за другим в средней части грабена. На плато Сомали реки текут в юго-восточном направлении к Индийскому океану. Абиссинское нагорье выше всего у своего восточного края, где оно круто обрывается к низине Афар (пустыня Данакиль). Здесь с него стекают короткие потоки периоди-

Водопад в уступе горы.

чески, только во время сильных дождей, либо высыхающие в пустыне, не доходя до моря, либо попадающие в бессточные соленые озера. Такими потоками являются: р. Колекал, спускающаяся с Адигратских гор, впадающая в Эндели и вместе с ней являющаяся частью границы с Эритреей; рр. Эребти и Дергаха, идущие из района Макалле и Амба-Алаге к засоленной низине Алел-бад; р. Голима, имеющая свое начало на возвышенности Абуна-Иосиф, недалеко от истоков Такказе и теряющаяся затем в низине Афар; р. Хаваш, которая берет свое начало на юго-запад от г. Аддис-Абебы и имеет большое количество мелких притоков. Эта самая значительная река восточного склона нагорья, пройдя в юго-восточном направлении около 150 км, поворачивает на северо-восток и, следуя вдоль понижения абиссинского грабена, теряется в пустыне Данакиль, около границ Французского Сомали, среди соленых бессточных озер. Таковых здесь немало, причем многие лежат ниже уровня моря: Ассале (—174 м), Алалебад (—61 м). Находясь недалеко от берега Красного моря, они, возможно, представляют остатки моря, отделенного или поднятием берега или же барьером из потоков лавы. Эти озера дают большое количество самосадочной соли. Впрочем, на окраине низины Афар (пустыня Данакиль), у подножия абиссинского нагорья, имеются пресные ключи, орошающие зеленые оазисы, среди которых кочует местное население.

Остальные реки, стекающие с Абиссинского нагорья в западном и северо-западном направлениях, принедлежат бассейну р. Нила. К ним относятся:

1. Р. Мареб, которая на небольшом протяжении образует границу между Эфиопией и Эритреей. Начинаясь у самого края обрыва нагорья к Красному морю, она, выходя за пределы Эритреи, называется Хор-Гаш и считается притоком р. Атбары, достичь которой, впрочем, ей не всегда удается, так как она испаряет слишком много воды.

2. Р. Такказе, являющаяся также притоком р. Атбары, начинается на восточной стороне Амхарского плоскогорья у гор Абуна-Иосиф. Непосредственно или же при помощи своих притоков она орошает самые высокие гористые массивы всей Эфиопии: Семиен, Макалле, Абиграт и котловину Адуа. Называясь далее р. Сетит и изгибаясь правильной, выпуклой к северу, дугой, она сначала ограничивает Эфиопию от Эритреи,

Р. Аббай.

а затем, уходя за пределы ее, спускается в Нубию, где соединяется с р. Атбара.

3. Р. Атбара. Истоки ее находятся у высочайших точек надгорья вблизи оз. Тана, с западной его стороны, в горах Волло-Галла. Направляясь на запад, р. Атбара быстро покидает западные склоны нагорья, попадая на территорию Англо-египетского Судана, вблизи Галлабата.

4. Р. Аббай или Голубой Нил берет свое начало от южной оконечности оз. Тана. Последнее принимает в свою котловину воду многочисленных ручьев, стекающих с окружающих озеро довольно больших возвышенностей. Выйдя из озера Цана р. Аббай поворачивает сначала к юго-востоку, потом образует огромную дугу на юго-запад и затем на северо-запад и разделяет своим глубоким ущельем, как естественной границей, области Годжам и Шоа. Р. Аббай получает много горных притоков, из которых особого внимания заслуживает Дадесса, берущий начало в горах Гума. Вблизи Фазуга р. Аббай попадает в пределы Эфиопии. В пределах Англо-египетского Судана р. Аббай известна под именем Бахр-эль-Азрака.

5. Последняя значительная река Абиссинского надгорья — р. Собат, приток Белого Нила, берет свое начало на западных склонах далласких плоскогорий. Главнейшие ее притоки: р. Бирбир, начинающаяся в Валлеге, р. Баро, берущая начало

в горах Каффы, р. Якобо, стекающая с гор Маджи. Последняя на довольно значительном протяжении является границей с Суданом.

Реки Абиссинского нагорья не судоходны, их режим тесно связан с обильными летними осадками, когда они наиболее многоводны.

Р. Аббай (Голубой Нил), вытекающий из оз. Цана получает из него в дождливое время года до 200 куб. м воды в секунду. Общее количество воды в озере 14550 куб. м, что заставляет считать его главным источником орошения лишенного совершенно дождей Египта, через который протекает Нил Судана. Вот почему Англия, полуколониями которой являются Египет и Судан, чрезвычайно обеспокоена итальянской аггрессией и заняла угрожающее положение по отношению к Италии в Лиге наций. Реки Абиссинского нагорья не текут среди широких долин. Они занимают по большей части глубокие и более или менее широкие врезы, на дне которых мчатся бурные потоки вод. Таким образом они служат скорее всего препятствиями между различными областями страны, нежели средствами сообщения, как это бывает обычно. Для переправы с одного берега на другой требуется иногда около трех дней.

К озерам абиссинского грабена (перечислены выше) стекают следующие реки:

В пресное озеро Звай (1846 м выше ур. м.) впадают: р. Мукки, стекающая с гор Гураге, р. Катара, берущая начало на горах Галамо; оно соединяется протоком с соленым озером Хора. Оз. Шала или Ламина (1567 м выше ур. м.), также соленое, питается небольшими потоками. Оз. Маргариты (Аббайя) (1285 м выше ур. м.) и оз. Чамо (1050 м выше ур. м.), с ним соединенное, принимают в себя реки Билате и Гидабо. Они с пресной водой. Озеро Стефании (518 м выше ур. м.) — соленое принимает с севера р. Галана-Саган, которая начинается в горах Амара Бурге. Значительнейшим потоком области Абиссинского грабена является р. Омо. Начинаясь в пределах южной части нагорья, она принимает в себя несколько притоков: Гураге, Джибе, Годжеб, направляется на юг и впадает в бессточное соленое озеро Рудольфа (406 м выше ур. м.), образуя при этом широкую болотистую дельту на его северной оконечности. Последнее озеро почти целиком находится вне территории Эфиопии.

Относительно рек плато Сомали, принадлежащих бассейну Индийского океана, перечисленных выше при описании геоморфологии, следует отметить, что они, зарождаясь на территории Эфиопии, идут далее по Итальянскому Сомали. Проходя по этим засушливым районам, они в нижнем течении только периодически имеют воду.

* * *

ФАУНА

Богатая во многих отношениях Абиссиния особенно замечательна своим животным и растительным миром. Мы находим здесь множество в высшей степени интересных и разнообразных форм, немалое число так называемых эндемиков, т. е. видов свойственных только данному месту. Это заставило зоологов и ботаников выделить континент Африки, за исключением его северной части, побережья Средиземного моря и Сахары, Египта, Нубии, в особую биогеографическую область — эфиопскую, которая в свою очередь разделяется еще на три подобласти: восточно-африканскую,[1] западно-африканскую и южную (ботаники выделяют в южной части еще Капскую); остров Мадагаскар, включаемый в эфиопскую область, выделяется в особую подобласть (у зоологов — лемурийская).

Эфиопская область в широком смысле слова географически занимает весь материк Африки к югу от Сахары, представляющей, как и Нубийская пустыня, в зоогеографическом отношении переходную полосу.[2] От всех других зоогеографических областей эфиопская отличается прежде всего громадным числом копытных, из которых многие достигают значительной величины. Животные эти обитали в несметном количестве индивидов и в большом числе видов и родов до тех пор, пока не

---

[1] Некоторые зоологи (проф. А. А. Бируля) выделяют специально сомалийскую подобласть, куда относят Абиссинию, — настолько своеобразна ее фауна.

[2] „Северная Африка и южная Европа, хотя разделенные Средиземным морем, не больше разнятся между собою, чем различные страны Европы". А. Р. Уоллес. Дарвинизм. Пер. проф. М. А. Мензбира. М., 1911, стр. 385. — Поэтому эта часть Африки зоологами и ботаниками объединяется в одну с Средиземным морем биогеографическую область.

были сильно уменьшены деятельностью человека. Большое число родов и два семейства принадлежат этой области исключительно: одно из них — бегемоты (*Hippopotamidae*) и другое — жираффы (*Giraffidae*). Весьма характерной группой являются антилопы: 24 рода их с 120 приблизительно видами принадлежат исключительно материку Африки; лишь немногие из них распространяются в Южную Аравию, а оттуда — в Сирию. Эфиопская Африка составляет родину различных видов непарнокопытных, резко отличающихся от всех живущих в других областях, хотя и не образующих особых родов. Это относится к двум видам носорогов, прародительской форме домашнего осла, а так же ко всем видам группы зебр. Эфиопская область является отечеством шимпанзе и гориллы (водящихся в западной части области и отсутствующих в Абиссинии), толстотелых обезьян, мартышек, павианов, гелад, некоторых насекомоядных, трубкозубов. Из плотоядных исключительно ей свойственно семейство земляных волков, несколько родов семейства виверр. Отряд грызунов представлен рядом специально эфиопских родов. Характерно для области и отсутствие в ней некоторых млекопитающих, широко распространенных за ее пределами: в ней вовсе нет представителей семейств оленей и медведей, отсутствуют козлы, бараны, сурки, суслики, кроты; нет также ни одного вида настоящих быков (*Bos*) и свиней (*Sus*).

Множеством своеобразных семейств отличается Эфиопская область и в птичьем своем населении: здесь водятся птицы-мыши, пизангоеды, волоклюи, характерны для нее медоведы, ткачики, секретари, китоглав, теневая птица, птицы-носороги. Из пресмыкающихся, которые исследованы еще далеко не полно, надо отметить роды варанов, агам, хамелеонов, шляпных змей, медяниц; крокодилы встречаются почти во всех реках Африки. Фауна пресноводных рыб довольно бедна. Для эфиопской ихтиофауны в целом характерно семейство длинноры лых (*Mormyridae*); представители его имеют длинное, вытянутое в трубку рыло, загнутое вниз наподобие хобота (в Абиссинии не водится). В восточно-африканской подобласти из пресноводных рыб имеются *Polypterus* и *Protopterus* (чешуйчатник). Проф. Л. С. Берг отмечает для Абиссинии присутствие представителя северного рода — гольца, *Nemachilus*. Фауна Абиссинии, которая составляет лишь часть Эфиопской области, имеет в своем составе много своеобразных форм.

В своем описании отдельных представителей мы коснемся главным образом млекопитающих и затем некоторых наиболее своеобразных птиц.

В Абиссинии, как нами уже отмечено, нет представителей высших обезьян — гориллы и шимпанзе; они населяют лишь непроходимые девственные леса Центральной Африки. Интереснейшим же обитателем Абиссинии из обезьян является гвереца, *Colobus guereza*. Заслуга открытия этого замечательно красивого животного принадлежит Рюппелю, нашедшему его в провинции Годжам во время своего абиссинского путешествия. Обезьяна эта отличается и стройностью форм и красотой окраски: на фоне общей окраски бархатисто-черного цвета выступают белые — перевязь на лбу, виски, бока шеи, подбородок, горло, грива по бокам тела в виде широкой мантии, конец хвоста. Каждый белый волос украшен многочисленными бурыми кольцами, благодаря которым волосы получают серебристо-серый оттенок. Хейглин, наблюдавший гверецу в Абиссинии и на Белом Ниле, собрал достоверные сведения о нахождении ее в совершенно других местностях Центральной Африки; область ее распространения оказалась значительно шире, чем предполагалось раньше. Обезьяна эта держится особенно охотно на громадных диких смоквах, плоды которых составляют ее главную пищу; не менее любят обезьяны можжевельник, который достигает там высоты до 25 м. Абиссинцы считают особым отличием иметь щит, украшенный шкурой этого животного, поэтому за обезьяной усердно охотятся.[1]

Cercopithecus griseo-viridis — обезьяна из рода мартышек; несколько видов этого рода населяют Абиссинию и верховья Нила. Одна из самых известных мартышек, распространенных в Абиссинии, — мартышка зеленая (*C. sabacus*). От западной Африки до Абиссинии обитает также красная мартышка или гусарская обезьяна; обезьяна эта относится к числу самых скучных, угрюмых и неприветливых мартышек.

В прибрежной полосе Абиссинии (взятой не в политической, а в географической ее границе) и южной Нубии водится интересный вид павиана, гамадрил (*Cynocephalus hamadril*).[2] Старые самцы отличаются громадным ростом и длинной ман-

[1] Е. Бихнер. Млекопитающие. СПб., 1906, стр. 63—64.

[2] У древних египтян эта обезьяна рисовалась (исключительно старые самцы) сидящею на алтаре и принимающей почести от людей.

тией; зубы их длиной и силой значительно превосходят зубы леопардов. Степные жители Центральной Африки, а также многие абиссинцы носят и расчесывают свои волосы так, как мы видим их на головах гамадрила. Гамадрил наносит большой вред хозяйству и довольно опасен для людей.

Еще больших размеров, чем гамадрил, достигает другой вид плащеносного павиана — гелада абиссинцев (*Cynocephalus gelada*). Шимпер и Хейглин, свидетели вполне достоверные, согласны в том, что гелада достигает иногда роста человека. Очень густая шерсть этой обезьяны, удлиняющаяся в мантию на задней стороне шеи, плечах и спине, окрашена в черно-бурый цвет, а лицо — в черный. На абиссинских нагорьях гелада водится огромными стадами и держится обыкновенно на высоте 3000—4000 футов над уровнем моря. Стада гелад и гамадрил при встречах часто вступают в жестокие битвы.

Из отряда хищных в Абиссинии водится сильнейший представитель его — лев (из семейства кошек, Felidae). Есть несколько подвидов этого животного. В Абиссинии обитает, повидимому, сенегальский лев (*Felis leo senegalensis*).[1]

Другим хищником в Абиссинии является леопард (*Felis pardus leopardus*). Несчастья с людьми от встреч с этими животными бывают ежегодно: нападению леопардов подвергаются даже взрослые. Род рысей в Абиссинии представлен каракалом (*Lynx caracal* s. *Caracal melanotis*). Область распространения его чрезвычайно обширна: он известен во всей Африке, в передней Азии, в Индии; живет только в пустынных и степных местностях, в лесах никогда не встречается.

В Абиссинии водится также африканский охотничий леопард — гепард (*Cynailus guttatus*).

Из гиен в Абиссинии имеются оба вида — гиена полосатая и гиена пятнистая (*Hyaena striata* и *H. crocuta*). Встречаются они часто и поднимаются до высоты 4000 м над уровнем моря. Полосатая гиена предпочитает безлесную местность. При случае, она похищает овец, коз, чаще же всего собак. К семейству гиен относится земляной волк (*Proteles*

---

[1] По исчислению Жюля Жерара, знаменитого „истребителя львов", 30 львов, живших в провинции Константине, в 1855 г. причинили одним уничтожением скота убыток в 135 000 германских марок. По данным того же наблюдателя, в 1856 и 1857 гг. только в одной Боне держалось 60 львов, которые зарезали до 10 000 голов различного скота.

Павиан (прирученный).

cristatus). Это — малоизвестное еще животное; водится преимущественно в западной Африке.

Встречается в Абиссинии, хотя довольно редко теперь, циветта, виверра африканская (*Viverra civetta*). Ценится она из-за выделений своего большого железистого мешка — густой, маслянистой и пахучей муксусной массы, „цибет".

В диком состоянии этот хищник попадается теперь редко, но его разводят и держат в неволе ради прибыльной торговли цибетом. В прежнее время главный центр торговли представлял город Эйфрас в Абиссинии, и некоторые купцы держали не менее трехсот штук животных, чтобы получить достаточный доход.[1]

К семейству виверр принадлежат издревле известные и прославленные мангусты или ихневмоны.[2] Это животное

[1] А. Брэм. Иллюстрированная жизнь животных, т. I. СПб. — Ф. Бибер сообщает интересные и довольно подробные сведения о разведении и содержании цибетовой кошки в Каффе. Несмотря на то, что содержание их оказывается довольно дорого (для 50 кошек требуется ежедневно одна туша быка), все же они разводятся и крестьянами, и феодалами (F. I. Bieber, Kaffa, ein altkuschistisches Volkstum in Inner-Afrika. Anthropos, II, Münster i. w. 1920, стр. 349—350).

[2] Древние писатели — Геродот, Плиний, Страбон — не мало легенд передали об этом зверьке. Ихневмон („фараонова мышь") считался у них священным животным.

Бородавочник (*Phacochoerus africanus*)

распространено по всей северной Африке, обитает в тростниковых зарослях и в густой растительности берегов рек и никогда не удаляется из низменностей. Охотится ихневмон („ищейка“) днем и ест все, что может добыть при помощи хитрости.

Пищу его составляют млекопитающие, начиная с величины зайца, птицы, ростом с гуся, курицы и мельче, змеи, ящерицы, насекомые, может быть и плоды. Грабительские наклонности ихневмона навлекают на него страшную ненависть землепашцев, тах как он немилосердно обкрадывает их птичники и голубятни.

Во всей восточной полосе Африки, начиная от мыса Доброй Надежды вплоть до Абиссинии, встречается еще зебровая мангуста (*Crossarchus fasciatus*). От настоящей мангусты она отличается удлиненным в виде хоботка носом.

В безлесных местах Абиссинии водится африканский медоед, или ратель (*Mellivora ratel*, из семейства куниц). Ратель живет под землей, в норах, и обладает необыкновенной способностью быстро зарываться. Она буквально погружается в землю (особенно рыхлую) на глазах у своего врага. Ратель чрезвычайно любит пчелиный мед и в поисках его пользуется услугами маленькой птички, которая у старых зоологов называлась *Indicator major*.

Эта птичка легко разыскивает пчелиные гнезда и настойчивым криком привлекает внимание медоеда. Необыкновенно густой мех ратели предохраняет от укусов пчел во время охоты.

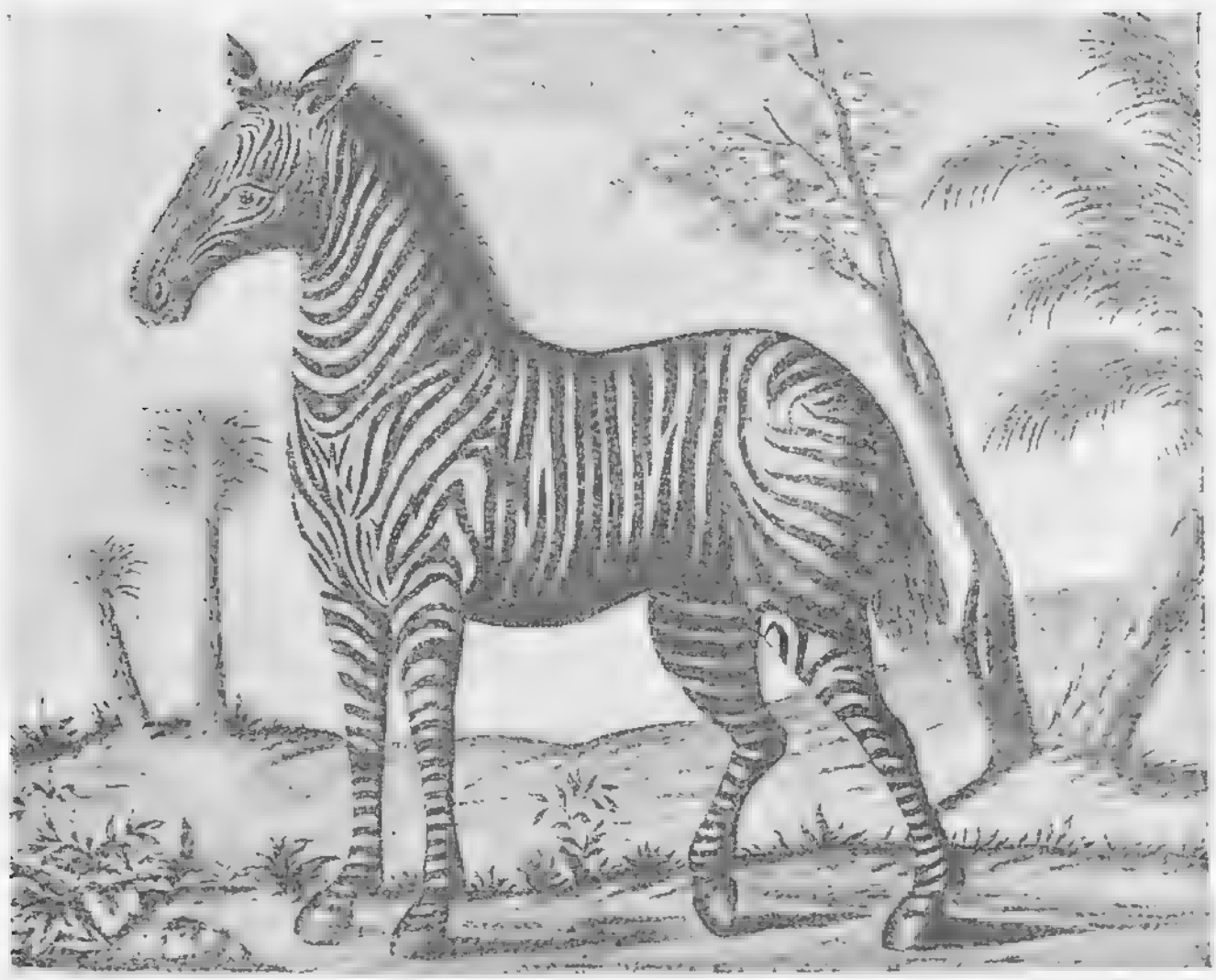
Характерным для абиссинской фауны является даман (*Procavia abyssinica*), населяющий скалистые склоны трещин и расщелин. По наблюдениям Хейглина, это маленькое и безобидное животное живет в полном согласии и мире с далеко не мирным хищником — с зебровой мангустой; к ним присоединяется еще одна агама, составляя, таким образом, своеобразное сообщество. Повидимому, такой симбиоз приносит пользу каждому из его сочленов.

Из хоботных в Абиссинии водится африканский слон, (*Elephas africanus*), превосходящий ростом своего азиатского родственника (*E. asiaticus*). Животное это беспощадно истребляется человеком. Для мировой торговли слон важен тем, что доставляет весьма ценную слоновую кость.

Непарнокопытные в Абиссинии представлены носорогами и зебрами; северо-восточную Африку населяют также два вида осла.

Зебра составляет один из родов семейства лошадей (Equidae) — полосатые лошади (*Hippotigris*), которые свойственны исключительно Африке, от Сомали до крайнего юга. К сожалению, эти общественные животные, населяющие частью горные страны, главным же образом открытые равнины, сильно уменьшились в числе, а некоторые даже совершенно

Землеройка.



Зебра *Hippotigris.*

истреблены постоянными и беспощадными преследованиями; это относится к квагге (*Hippotigris quagga*), населявшей когда-то северную часть Капской колонии. В Сомали еще сохранилась, повидимому, северная зебра, или полосатая лошадь Греви (*Hippotigris grevyi*). Она держится обычно табунами голов в 10—30. Все полосатые лошади необыкновенно быстрые, подвижные, бдительные и пугливые животные. Они носятся с быстротою ветра и по равнинам и по горам. В пище неразборчивы, хотя и взыскательнее осла. Совершенно неправильно считали их негодными к приручению. Баррроу утверждает, что успех приручения был бы обеспечен, если бы за него взялись с бóльшим терпением и внимательностью, чем это делалось до сих пор.

Ныне живущие носороги разделяются обычно на три группы; две из них свойственны Индо-малайской области, а третья населяет материк Африки. Это — так называемый двурогий носорог (*Rhinocerus bicornis*). Африканские носороги покрыты гладкой, повсюду однообразной и безволосой кожей, которая образует складки только на границе шеи и туловища, не распадаясь ни на щиты, ни на пояса (как у индийского однорогого носорога); на морде у него по два тонких друг за дру-

Двурогий носорог (*Rhinoceros bicornis*).

гом стоящих рога, а в зубной системе взрослых животных нет резцов. Область распространения его довольно обширна, главным образом в восточной части Африки, от 15° сев. широты к югу.

Любимые местопребывания носорогов составляют изобилующие водой местности, вблизи которых расстилаются травянистые пастбища, леса с ручьями, окрестности озер, широко разливающиеся реки. Для зверей, покрытых такой толстой и твердой шкурой, становится доступной даже самая непроходимая чаща, в которую не может проникнуть никакое другое животное; им не вредят даже острые шипы колючих растений. Тем не менее, носороги необыкновенно чувствительны к укусам мух, слепней и комаров. Успокоение от этих мучителей животные находят только тогда, когда покроют себя толстым слоем ила; отсюда их любовь к валянию в грязи. Эта процедура так им нравится, что они громко хрюкают при этом и настолько увлекаются, что забывают даже о своей обычной осторожности.

К группе ослов, свойственных северо-восточной Африке, относятся два вида: сомалийский осел (*Asinus somaliensis*) и нубийский осел (*Asinus africanus*). Все домашние ослы, которыми пользуются в Европе и северной Африке, а также вероятно и в Абиссинии, происходят, повидимому, от

этого последнего вида.[1] Осел довольствуется самой плохой пищей, самым скудным кормом. Трава и сено, от которых с отвращением отворачивается каждая благовоспитанная корова, а лошадь, обнюхав, только разбрасывает, — составляют для него еще лакомство; он охотно ест даже чертополох, репейник и колючие кустарники и травы. Но на питье он довольно разборчив и тем причиняет немало хлопот в пустынях во время путешествий.

Парнокопытными представителями абиссинской фауны являются антилопы, жирафы, гну, бородавочник, бегемот. Африка должна считаться, можно сказать, страною антилоп по преимуществу. Широкое распространение имеет обыкновенная газель (*Gazella dorcas*) — от Варварийских стран до Аравии и от Средиземного моря до абиссинского нагорья. Любимым местопребыванием этого животного являются мимозовые рощи. В горах Абиссинии газель проникает не выше 1500 м. Она — чисто дневное животное, и потому ее легко встретить всякому путешественнику. Заметить ее все же довольно трудно, так как окраска ее замечательно подходит к цвету почвы, на которой она живет.

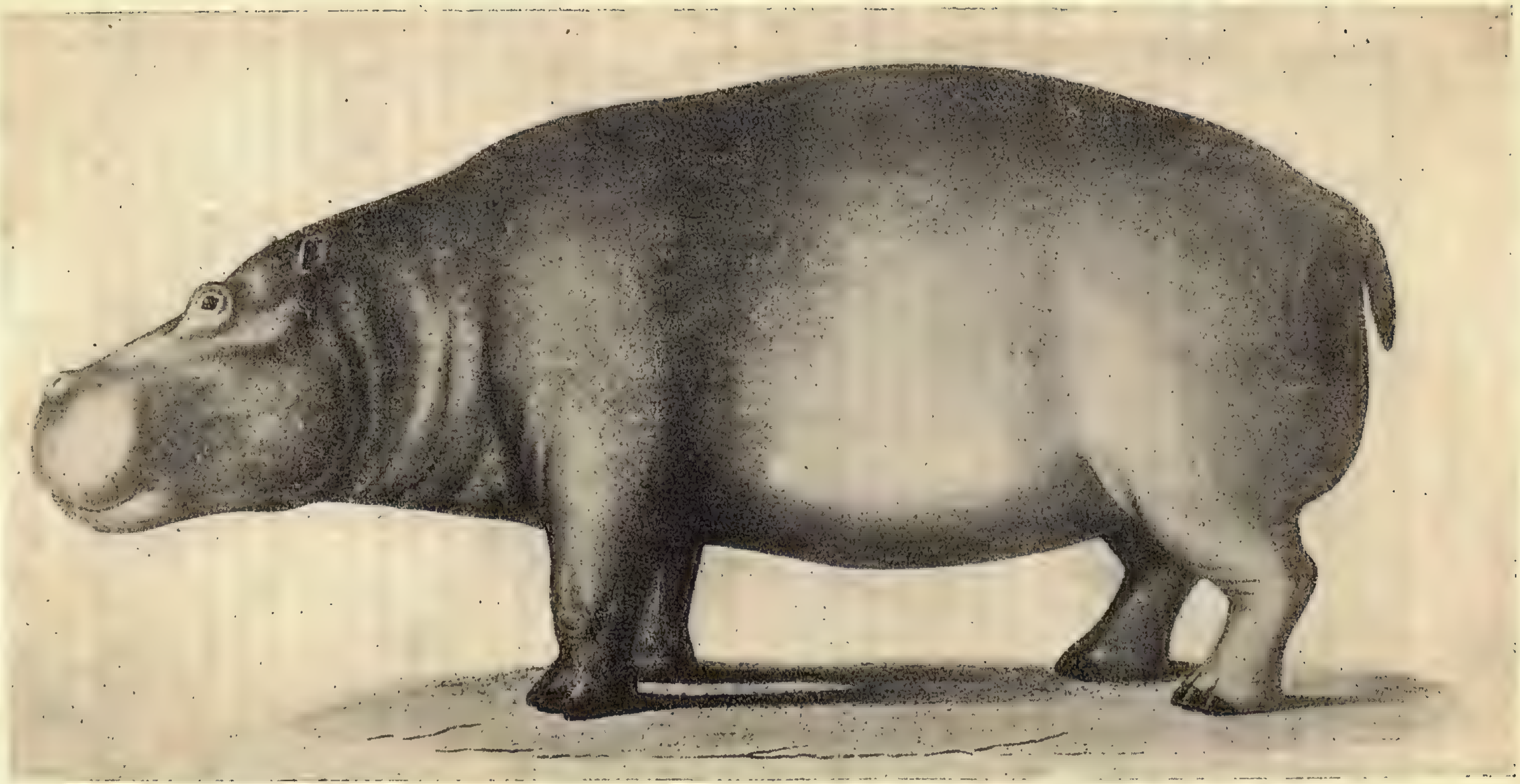
Самым своеобразным и значительным из антилоп следует признать гну (*Connochoetes*). Два вида их водится в южной Африке, третья форма — белобородный гну (*C. allojubatus*) распространяется к северу дальше других.

До верхнего течения Нила доходит черная лошадиная антилопа (*Hippotragus niger*). Из сернобыков бейса (*Oryx beisa*) населяет северо-восточную Африку, приблизительно до 20°. Куду (*Strepsiceros Kudu*), из винторогих антилоп, встречается в Капской колонии и до стран по верхнему течению Нила.

К типичным представителям абиссинской фауны принадлежит северная жирафа (*Giraffa camelopardalis*). Жирафы держатся обыкновенно там, где попадаются старые, гнилые стволы, которые нередко до обмана напоминают шею животного, вследствие того, что прорастают лишаями. „Нередко мне

---

[1] Е. Бихнер, цит. соч., стр. 561: „домашнего осла (*asinus asinus*) мы должны считать прежде всего потомком нубийского осла, который был приручен издревле, а затем постоянно употребляется для облагораживания домашних пород. Но само собою разумеется, что кровь сомалийского осла оставалась тоже не без влияния на некоторые расы домашнего осла".



Бегемот (*Hippopotamus amphibius*).

случалось усомниться, — говорит охотник за жирафами — в присутствии целого стада жирафф, и я должен был прибегать к подзорной трубе; в тех же самых ошибках приходилось признаваться и моим африканским спутникам, которые принимали, несмотря на свой острый, наметавшийся глаз, то эти полугнилые стволы за жирафф, то, наоборот, настоящих жирафф за старые деревья".[1] Польза от жирафф многосторонняя. Шкура идет на всевозможные кожаные поделки, кисть с конца хвоста — на опахала, копыта — на различные роговые изделия; прекрасное мясо употребляется в пищу.

В Абиссинии обитает своеобразное животное из семейства свиней, *Suidae*, так называемый б о р о д а в о ч н и к (*Phacochoerus africanus*). Это настоящее чудовище, своей неуклюжестью и уродством превосходящее всех своих родственников. Животное это характеризуется удлиненным, широким, в середине вогнутым хоботом, торчащими вверх тремя очень некрасивыми бородавочными выростами и довольно большими размерами: длиною около 1.9 м и высотою в плечах до 70 см. По наблюдениям Смита, бородавочник столько же бесстрашен, как и свиреп. Его логовище всегда находится в пещерах, под корнями деревьев или под обломками скал. Охота на него далеко не безопасна.

Из парнокопытных в Абиссинии имеется еще одно замечательное животное — бегемот (*Hippopotamus africanus*), представитель особого семейства гиппопотамов. Внешний вид его известен более или менее всем; описывать его, поэтому, нет надобности. Общая длина взрослого самца достигает 4.2—4.5 м, высота в плечах 1.5 м, средний вес равняется приблизительно 2000—2500 кг, а у очень старых самцов доходит иногда до 3000 кг. В настоящее время нужно проникнуть довольно далеко в центр Африки, направляясь с севера, чтобы встретить это животное; во многих местах оно уже совершенно истреблено. В некоторых частях Африки бегемоты распространены довольно близко к побережью, местами даже доходят до самого моря и нередко выплывают в него. Он странствует также вверх по течению рек и потому водится на большой высоте — в озере Цана. Образ жизни бегемота тесно связан с водой. Плавают они с поразительной легкостью, ловко ныряют и снова подыма-

---

[1] Е. Бюхнер, цит. соч., стр. 674.

ются, двигаются задом и боком, плывут толчками, чрезвычайно легко повертываются во все стороны и режут волну столь же успешно, как самая хорошая лодка, идущая на веслах. „Описать голос этих великанов словами, — говорит Хейглин, — нет положительно никакой возможности. Это рев, отдаленно напоминающий рев самца буйвола и представляющий низкий, раскатистый бас, как бы вырывающийся из большой пустой бочки. Внезапно раздавшиеся среди ночной тишины голоса нескольких спорящих друг с другом самцов, сопровождаемые плеском и шлепаньем по воде ныряющих великанов, производят необыкновенно величественное впечатление, которое оказывает действие даже на диких зверей: умолкают и робко прислушиваются шакалы, гиены и даже львы, когда вдруг покатится по водной поверхности громоподобный рев бегемота, отразится от далекого девственного леса и снова повторится громким эхо“.[1] С незапамятного времени производится охота на этого зверя — занятие довольно прибыльное. Мясо считается вкусным, особенно молодых бегемотов, жир старых предпочитается свиному. Свежий или копченый язык почитается лакомством. Из толстой кожи изготовляют хлысты, палки и щиты; зубы идут на различные поделки, так как вещество их превосходит твердостью и белизной слоновую кость.

Остается сказать еще об одном млекопитающем из абиссинской фауны — о трубкозубе (*Orycteropus*). Это животное является представителем вымирающего отряда неполнозубых; представлен он одним родом и тремя видами: *Orycteropus aethiopicus*, *O. capensis*, *O. senegalensis*. Трубкозубы водятся в южной и центральной Африке, но один из видов (*aethiopicus*?) наблюдается и в Абиссинии. Питаются они преимущественно муравьями и термитами. Голландские поселенцы на мысе Доброй Надежды прозвали это животное „земляной свиньей“. Трубкозуб ведет ночной образ жизни и отличается способностью необычайно быстро зарываться в землю.

Абиссиния, с ее обширными пастбищами, покрытыми густой, сочной травой, — страна, особенно благоприятная для скотоводства,[2] и некоторые из рас, отличающихся ростом и формой,

---

[1] Е. Бюхнер, цит. соч., стр. 749.

[2] Подробные сведения о скотоводстве в Каффе дает в своей книге „Kaffa, ein altkuschistisches Volkstum in Inner-Afrika“ — Бибер (Münster, 1920). Автор не только перечисляет всех домашних животных, но обстоятельно говорит

длиной рогов и цветом шерсти, могли бы соперничать с лучшими европейскими породами. Смотря по высоте обитаемой ими области, абиссинцы имеют различных домашних животных. В низменных частях страны, не выше 1500 м, держат верблюдов. Абиссинская лошадь отличается собачьей верностью и мало уступает мулу выносливостью и ловкостью при восхождении на горы. Осел тоже введен на плоскогорьях, но оказался вообще мало пригодным животным. Академик Н. И. Вавилов во время своего путешествия решил приобрести 10 ослов, но „мой поступок, — говорит он, — оказался грубейшей ошибкой и величайшим оскорблением для взрослых людей, ибо на ослах здесь возят только детей и прокаженных".[1] В Абиссинии водятся овцы, разводят коз, кожа которых дает пергамент, употребляемый для переписки книг, главным образом духовного содержания. Абиссинцы не разводят свиней, нет у них ни уток, ни гусей, но куры имеются в каждой деревне.[2] В некоторых округах занимаются пчеловодством, но замечено, что там, где пчелы берут взятки с цветков молочая-канделябра, мед имеет ядовитые свойства.

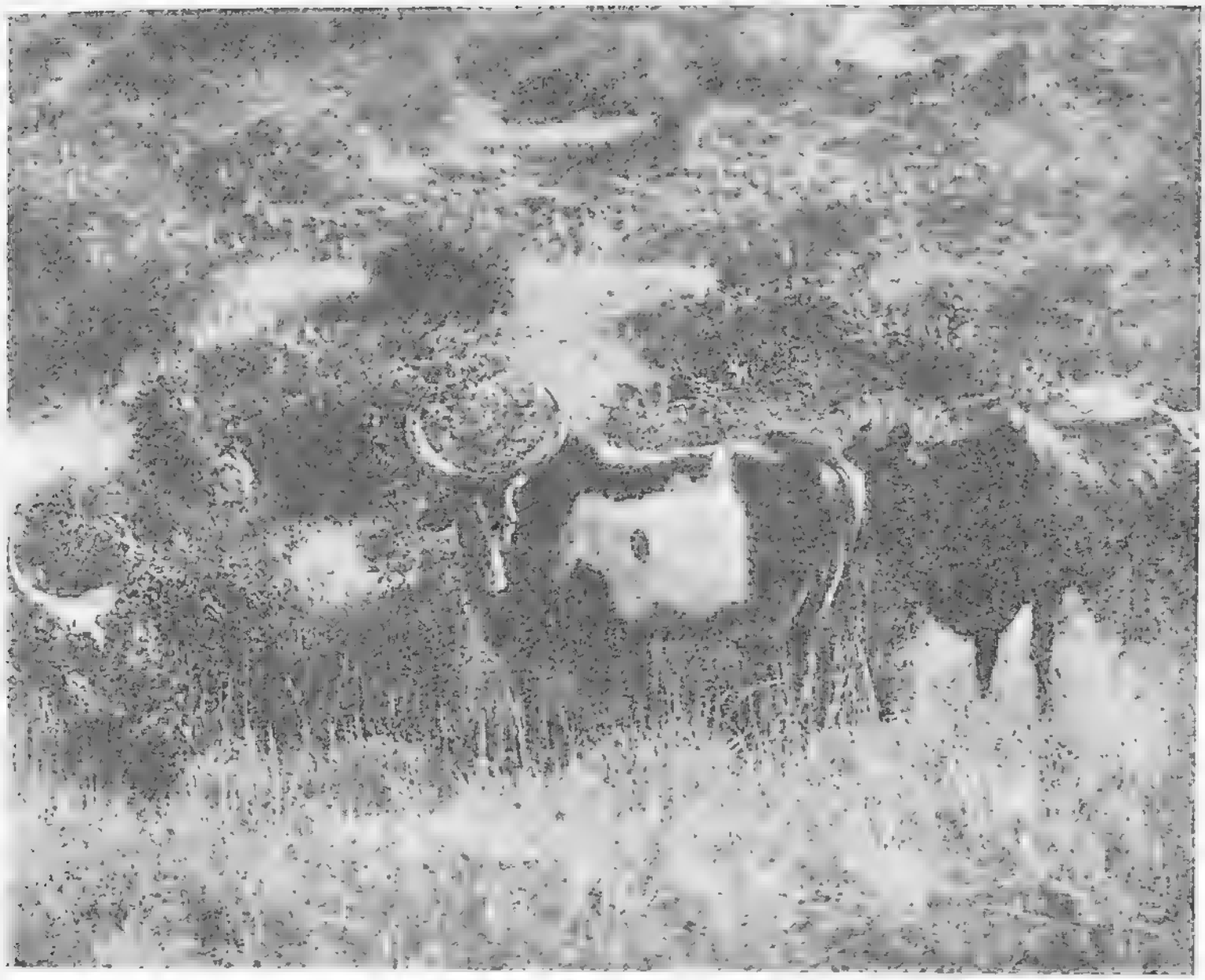
Вообще, „скотоводство имеет в Абиссинии большое значение, — говорит академик Н. И. Вавилов. Ежегодно на несколько миллионов золотых рублей Абиссиния вывозит кожи и шерсти. В вывозе до сих пор значительную роль играют шкуры обезьян и леопардов. Высокая злаковая растительность огромных степных пространств во всех зонах Абиссинии дает широкий простор для животноводства. Посевных трав Абиссиния не знает. Огромное количество естественных угодий до сих пор не использовано. Для возобновления естественных пастбищ огромные пространства ежегодно сжигаются".[3] Культивируемый в Абиссинии рогатый скот — исключительно крупные породы зебу, устойчивый к пироплазмозу. „Домашний скот Абиссинии, — замечает Н. И. Вавилов, — представленный оригинальными породами, заслуживает большого внимания европейских зоотехников. Абиссиния, включая древнюю Нубию, является родиной ослов.

об их использовании, содержании, болезнях и т. д. (см. стр. 337—349 указанной книги). Ценный материал надо ожидать от книги акад. Н. И. Вавилова „Земледельческая Абиссиния".

[1] Акад. Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абисоинию. Изв. ЦИК, № 244, 1935.

[2] Реклю. Земля и люди, т. 10. СПб., 1899, изд. под ред. С. П. Зыкова.

[3] Цит. соч., III. Сельское хозяйство.



Домашние буйволы.

Здесь же, неподалеку, в южном Судане, зоологи устанавливают родину одногорбого верблюда".[1]

Птицы восточной и северо-восточной Африки не менее млекопитающих дают основание зоологам для выделения из этой части Эфиопской области Абиссинии, как особой подобласти. Помимо своеобразного комплекса орнитофауны, Абиссинское нагорье имеет и такие виды, которые свойственны только ей, населяя только эту узкую восточную африканскую подобласть, не встречаясь нигде более.

Здесь обитает один из крупнейших представителей ныне живущих птиц — страус, из отряда плоскогрудых, Ratitae. Различают четыре вида этого семейства, из них два водятся в Абиссинии: обыкновенный страус (*Struthio camelus*) и сомалийский (*S. molybdophanus*).[2] Наиболее ценным продуктом, получаемым от этих птиц, являются их перья. Главными рынками

---

[1] Цит. соч., III. Итоги работы экспедиции.

[2] А. Брэм. Жизнь животных, т. 6. СПб., 1911. Изд. под ред. проф. Н. М. Книповича. Все дальнейшие ссылки относятся именно к этому изданию.

страусовых перьев служат на востоке Порт-Саид, Алеппо и Александрия, в Европе со времен средневековья — Венеция, Марсель, Париж, Ливорно, Амстердам и Лондон. Различают около 10 различных сортов страусовых перьев, и тонкая сортировка их требует большого искусства и опыта. Цены подвержены значительным колебаниям, в зависимости от моды и разных других условий. Во внутренних частях Африки (в Судане) 1 килограмм отборных белых перьев стоил 1000—1200 марок (около 500 руб. золотом). В виду выгодности этой торговли страусов уже давно стали разводить. У нас в СССР опыты разведения — и довольно удачные — были в Аскания Нова.

Интересно отметить, что кожа страусов употребляется в дубленом виде, как кожа млекопитающих.

В Абиссинии, в горах до высоты 2000 м, живет исполинская цапля, цапля-великан (*Ardea goliath*). Она отличается прожорливостью и способностью глотать крупную добычу: в Трансваале был застрелен экземпляр, у которого в желудке был найден сом, весивший 1 кг, с головою шириной в ладонь.

Одною из самых странных птиц Африки и „одною из своеобразнейших птиц земного шара", по выражению Брэма, является королевская цапля или китоглав (*Balaeniceps rex*). Птица эта открыта Мансфильдом Паркинсом в 1849 г. на Белом Ниле.[1] Она отличается мощным клювом, несколько напоминающим своим видом грубый деревянный башмак, слегка вогнутый по коньку и снабженный килем и сильным крючком. Гнездо китоглава имеет в окружности около 3.5 м.

Не менее интересным представителем того же семейства цапель является молотоглав, сумеречная или теневая птица (*Scopas umbretta*). По наблюдениям Хейглина, птица эта в горах центральной Абиссинии поднимается до 3000 м. Гигантское гнездо состоит из трех отделений: „передней", „гостиной" и „спальной"; каждое из них имеет особое назначение. Когда теневая птица чувствует себя в безопасности, она играет своим хохлом, то поднимая его, то опуская; иногда же по целым минутам стоит на одном месте без малейшего движения. По этому поводу мадагасы создали поговорку: „не спит, а ушел в глубокие мысли, как такатра (местное название птицы)

---

[1] Прекрасный рисунок этой птицы имеется, между прочим, в книге G. Schweinfurt'a: Im Herzen von Africa, I, Leipzig, 1874, S. 126.

на краю воды". С теневой птицей связано немало поверий и суеверий у народов, знакомых с ней.

Из хищных птиц представляет интерес так называемая птица-секретарь или просто секретарь (*Serpentarius serpentarius*). От остальных хищных птиц секретарь отличается своими длинными плюснами, благодаря которым его ноги напоминают ноги журавля. По Хейглину, секретарь поднимается в горах Абиссинии до высоты 2500 м, но живет здесь исключительно на равнинах, избегая леса. С давних пор эта птица славится как истребитель змей, так как питается главным образом пресмыкающимися и земноводными. Ж. Верро свидетельствует, что секретарь может в несколько минут съесть до головы змею почти в два метра длиною, после чего ударами клюва раздробляет голову и идет к месту отдыха. В северо-восточной Африке секретаря считают „вещей птицей".

На Голубом Ниле встречается один из красивейших видов журавля — венценосный или павлиний журавль (*Balearica pavoninae*). Во всем своем великолепии эта птица является на лету, когда она делает мерные удары крыльями в своем медленном полете: тогда вполне выступают оба главных цвета в оперении птицы, черный и белый, в чудесном сочетании.

Из семейства кукушек в Абиссинии живут интересные виды бананоедов — белощекий турако и шлемоносный турако (*Turacus leucotis* и *T. fischeri*). Эти птицы встречаются только довольно высоко в горах, между 600 и 2000 м и даже выше, в лесистых долинах, где появляются канделябровидные молочаи. Оперение шлемоносных турако богатое, с преобладанием зеленого цвета на голове; маховые перья окрашены в великолепный пурпурно-красный цвет. „Оба эти цвета, — говорит А. Брэм,[1] — интересны еще и в другом отношении. Зеленая окраска зависит от присутствия в перьях зеленого красящего вещества, называемого „тураковердин", между тем как во всех остальных зеленых птичьих перьях окраска вызывается структурой пера. Еще замечательнее пурпурно-красная окраска на крыльях шлемоносного турако. Впервые Верро нашел, что маховые перья этих птиц теряют свою красоту и даже выцветают, если их трогать и тереть пальцами в таком состоянии. С тех пор факт этот бросался в глаза всем, кто держал

---

[1] Цит. соч., II, стр. 605—606.

у себя шлемоносных турако и давал им воду для купанья в чистых сосудах, особенно в чашках из белого фарфора. Пара, которую наблюдал Эндерес, так сильно окрашивала во время купанья воду в средней величины сосуде, что вода была похожа на бледнокрасные чернила; пара эта купалась ежедневно по несколько раз и соосветственно этому выделяла значительное количество красящего вещества. Пока перья были мокры, их пурпурно-красный цвет сильно отсвечивал синим, когда же они высыхали, они сверкали так же великолепно пурпуром, как и раньше..." В красной краске „турацине" было найдено 5—8% меди.

Из семейства удодовых в Абиссинии встречаются птицы-носороги, представляющие интерес своим полетом. Абиссинская земляная птица носорог или рогатый ворон (*Bucorax abyssinicus*) распространяется, по словам Хейглина, в горах до 4000 м, чаще всего, однако, встречается между 1000 и 2000 м. Полет большинства этих видов производит такой шум, что летящую птицу-носорога раньше слышишь, чем видишь. „Когда я стоял в низкорослом, заслонявшем кругозор лесу, пишет Хейглин, мне вдруг показалось, что я слышу приближающийся издали железнодорожный поезд. Будь я в другом месте, я, вероятно, на этом и успокоился бы. Но там, вдали от всякой культуры, причиной этого ритмического движения должно было быть нечто другое, чем локомотив, и немного погодя я действительно увидел, как прилетела и уселась на дереве птица-носорог. В этот же самый момент стих и шум. Я, правда, и раньше часто слышал о гудении этих птиц, но вовсе не представлял себе, чтобы оно могло быть таким сильным, и даже в тот момент мне еще казалось невозможным, чтобы движение крыльев могло вызвать такой шум. Лишь когда начали пролетать все новые и новые птицы, с приближением которых каждый раз снова раздавался шум железнодорожного поезда, сомнения мои рассеялись. Происхождение шума крыльев объясняется резонансом от чрезвычайно большого содержания воздуха во всех частях тела птиц-носорогов, а затем жесткостью оперения крыльев".[1] Действительно, большая часть костей этих птиц состоит из чрезвычайно тонкостенных и больших камер, вмещающих много воздуха. Даже кожа, вообще слабо прикре-

[1] А. Брэм, III, стр. 217.

пленная у них к телу, обладает этой способностью наполняться воздухом. Как у лягушек, тело птиц-носорогов можно извлечь из кожи без всякого труда.

Интересные особенности представляют птицы-мыши, например, длиннохвостая мышанка (*Colius maerurus*), встречающаяся в Абиссинии как в низменностях, так и в горах, и селящаяся всегда в самых непроходимых чащах тропических лесов. Никакая другая птица не в состоянии проникнуть туда, где мышиная птица еще весело проскальзывает, или, вернее, проползает, потому что и своим поведением эта странная птица напоминает млекопитающее, имя которого она носит. Подобно мыши, протискивается она в самые узкие отверстия, подобно ей пролезает сквозь разветвления, где как раз столько места, чтобы она могла протиснуть свое туловище... Левальян рассказывает, что во время сна мышиные птицы подвешиваются группами к веткам, опустив тело вниз и цепляясь одна за другую, подобно тому, как это делают роящиеся пчелы. Верро также наблюдал, что одна птица висит на одной лапе, вторая цепляется за первую, третья держится за свободную еще лапу второй — и так далее, так что с одного сука свешивается цепь в 6—7 штук.[1] Все эти особенности объясняются строением ног птиц и структурой оперения: все четыре пальца на ногах могут быть обращены вперед, а внутренний и наружный поворачиваются еще и назад. Покрывающее тело оперение чрезвычайно тонко и рунисто, так что перья походят на волосы млекопитающих.

Свойственное исключительно Африке подсемейство волоклюев представлено в Абиссинии красноклювым волоклюем или личинкоедом (*Buphagus erithrorhynchus*). Абиссинцы ненавидят этих птиц за вред и беспокойство, причиняемые ими скоту. Волоклюи садятся на пораненные места животных, охотясь за насекомыми и их личинками.

Для ландшафта Абиссинии характерны ткачики, гнезда которых служат великолепным украшением некоторых деревьев. Редко строят они свои гнезда одиночками, чаще всего их бывает на одном дереве до 100 и более; известен случай, когда на одном дереве насчитали 243 гнезда ткачика (*Ploceus spekei*). Подобное украшение в пределах области распространения наиболее искусных ткачиков, — говорит Брэм, — можно найти всюду, как

---

[1] А. Брэм, III, стр. 449—450.

в горах, так и в равнинах, как в глухом лесу, так и непосредственно под кровлей деревенского жителя.

Фауна Абиссинии и в самой малой степени не исчерпывается тем, что мы дали на предыдущих страницах. Чрезвычайная оригинальность, изобилие форм являются особенностями животного мира этой страны. „Европейские зоологические сады,— говорит акад. Н. И. Вавилов, — направляют сюда своих агентов, вывозящих целые пароходы диких животных. Около Харара мы были свидетелями поимки в ловушку леопардов. Работавшая в то время зоологическая экспедиция Чикагского музея открыла в Абиссинии сотни новых видов птиц".[1]

Если возможно в этой стране открытие новых видов птиц, то тем более надо ожидать этого в отношении низших животных, особенно насекомых. Поле для научных исслѐдований там безграничное.

* * *

ФЛОРА

Растительный мир Абиссинии известен несколько более, чем животное население этой страны, но далеко нельзя считать его изученным удовлетворительно.[2] Не только вопросы ботанической экологии, т. е. вопросы соотношения растительного организма со средой (в широком смысле), но и простое выяснение флористического состава абиссинского нагорья требует еще больших исследовательских работ: нет еще пока более или менее полного инвентаря этой довольно обширной территории. В одной из последних сводных работ по растительности Африки[3] дается лишь самое общее, суммарное описание. И не так давно сравнительно, один из крупнейших русских ботаников, в главе, посвященной описанию африканской флоры, дает очень скудный материал по северо-восточной ее части, в особенности

---

[1] Советская экспедиция в Абиссинию, I.

[2] Ботанически она была изучена лишь на западной и юго-западной границах Судана. Север и юг знали меньше, несколько лучше были исследованы высоты. Совершенно не была исследована флора восточной части и Сомали.

[3] H. L. Shanz, C. F. Marbut. The vegetation and soils of Africa. New Iork, 1923. Обширная библиография.

Абиссинии.[1] В заключение же он замечает: „о разделении и происхождении флоры приходится пока умолчать". Крупным вкладом в наши знания растительных ресурсов Абиссинии является экспедиция акад. Н. И. Вавилова 1927 г. Неутомимый советский ученый, несмотря на краткость срока работ, привез большое количество ценнейшего материала, проливающего свет на происхождение и распределение культурных растений.

Растений, способных приспособиться к всевозможным климатическим крайностям и разнообразию почвенного покрова, имеется очень немного. По Декандолю, величина площади обитания разных видов колеблется между 1/130 и 1/170 всей площади земного шара, а космополитов среди растительного мира нет совсем; насчитывается всего несколько десятков видов, занимающих своим обитанием половину поверхности земного шара. Связь растительности с климатическими условиями так тесна, что климатологи и физико-географы, классифицируя климаты земли, характеризуют области, главным образом, теми или другими растениями или растительными ассоциациями. Таковы климатические схемы Кеппена,[2] Мартонна,[3] Зупана.[4] Точно так же и ботанико-географы, разделяя растительный мир по областям, считаются прежде всего с важнейшим фактором распределения — климатическими условиями.[5]

Абиссиния, расположенная между 3° и 15° сев. ш., покрыта, естественно, растительностью тропического типа. В тропическом поясе ботанико-географы различают две крупных области, довольно сильно отличающиеся одна от другой: неотропическую (Ю. Америка) и палеотропическую, с подразделением последней на индоафриканскую и малезийскую (острова и Австралия).[6] В составе тропической флоры в целом есть и некоторые общие черты, которые мы здесь вкратце и отметим, — главным образом для палеотропической группы. Низшие растения — водоросли, грибы, лишаи — хотя и мало еще изучены для тропиков, но

---

[1] А. Бекетов. География растений. СПб., 1896. Гл. VIII, Судан.

[2] Th. Köppen. Klimate der Erde, 1919 и 1923.

[3] Martonne. Traité de géographie physique. Paris, 1909.

[4] Зупан. Основы физической географии. Пер. под ред. проф. Д. Н. Анучина. СПб., 1914.

[5] Декандоль, Гризебах, Шимпер. Варминг, Друде, Гребнер и мн. др.

[6] Проф. Н. И. Кузнецов. Курс географии растений. Ч. I. Симферополь, 1920.

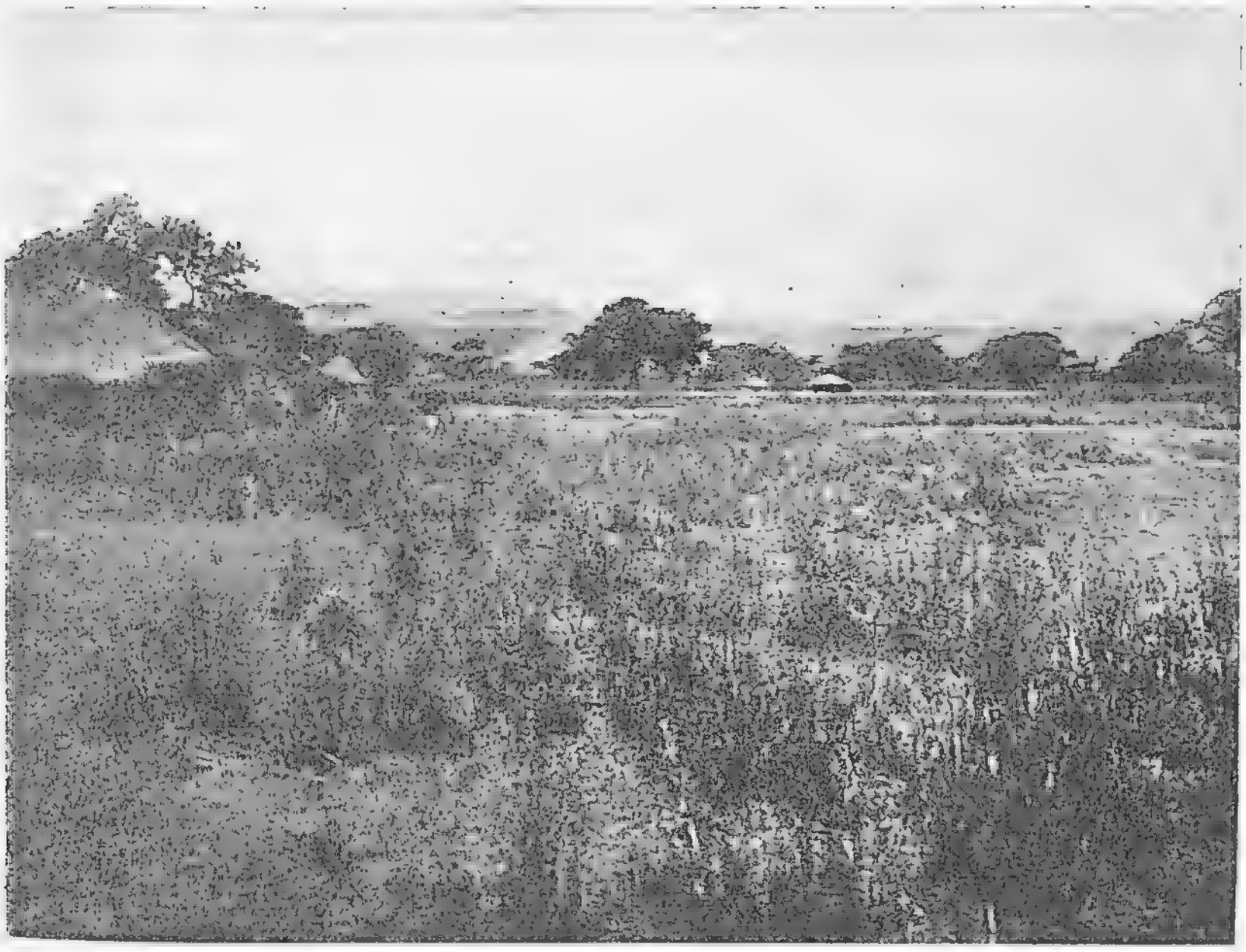
являются, повидимому, особенно типичными; группа базидиолихенов, впрочем, принадлежит тропикам. Не характерны также лиственные мхи. Но весьма характерны для тропической флоры папоротники; три семейства их — два из них древнейшего происхождения — свойственны исключительно тропикам. Некоторые из этих папоротников образуют лианы. Тип голосемянных, когда-то господствовавший на земной поверхности (хвойные, хвойниковые, саговниковые), мало свойственен тропикам, хотя саговниковые, впрочем, являются исключительно тропическими формами; большой роли в ландшафте они, однако, не играют. Не характерна для тропиков вымирающая группа голосемянных, отлично изученная и интересная тем, что дает хороший материал для выяснения флористических взаимоотношений между природой тропической и внетропической. Представители высшего типа растений — цветковые — дают нам наибольшее число форм, типичных для тропиков. Особенно характерными отметим: семейство Moraceae, насчитывающее до 900 видов, населяет по преимуществу тропики; гигантские деревья рода Ficus (фикусы) принимают широкое участие в образовании тропических лесов; сем. кактусовых свойственно почти исключительно неотропической области; семейства пальм, пандановых, Cyalantaceae, Araceae — почти исключительно тропические, придающие вместе с тем характерный отпечаток флоре этих стран. Трудно представить тропический ландшафт без пальм, которых насчитывается до 1200 видов; только в тропической Африке наблюдаются местности, совершенно лишенные пальм. Из семейства Musaceae — род банан для палеотропиков весьма характерен; к этому же семейству принадлежит знаменитое „дерево путешественников“ (*Ravenala madagascariensis*), эндемичное (свойственно исключительно) для островов Мадагаскара и Реюньон. Огромного разнообразия достигают сочные молочайные; алоэ заменяют в палеотропической области отсутствующие здесь агавы.

Тропическая Африка обладает климатом континентальным, сухим по преимуществу. Преобладающим типом растительности поэтому является здесь саванна. Местами, где дожди почти отсутствуют, саванны переходят в полупустыни и пустыни. „Не тропический лес, а саванна есть характерная растительная формация экваториальных стран,[1] говорит проф. Краснов.

---

[1] А. Краснов. Курс землеведения, изд. 1909, стр. 773—774.

Русский читатель под словом саванна разумеет тропическую степь и мысленно рисует перед собой родную травянистую степь, но только в более пышном развитии. Такое представление не лишено истины. Из всех формаций земного шара саванна наиболее напоминает степь. Точно так же многолетние злаки составляют фон ее растительности; между ними, после дождей, появляются красиво цветущие многолетники со спрятанными в землю клубнями, луковицами и корневищами, надземные части которых выгорают в сухое время года, одевая равнины в желтый саван, легко делающийся жертвою пламени, без вреда, впрочем, для скрытых под землею многолетних частей растений. Но в большинстве случаев саванна отличается от травяной степи более пышным ростом трав, зачастую превышающих рост человека, и сравнительно меньшей чистотою своей поверхности. Редко саванны бывают совершенно лишены деревьев и кустарника. Разбросанные то группами, то по одиночке, они оживляют поверхность саванны, имея с нашими деревьями общим то, что, подобно последним, они также сбрасывают на известное время года свою листву и стоят голые. Область гемиксерофилов



Саванна. Юго-западная часть Абиссинии.

Заросли дикого кустарника.

(полусухолюбов) и саванн занимает как бы промежуточное положение между лесными влажно-жаркими областями и сухими тропическими пустынями. Их травянистый покров, подобно тому, как и в случае с нашими степями, приписывали часто этой сухости воздуха, видя в саванне как бы переходную ступень от леса к пустыне. Леса тропических стран с периодическими дождями отличаются от типических лесов влажно-тропических областей. Эти леса несравненно беднее лианами и эпифитами, хотя полного отсутствия этих последних нигде не наблюдается. Повидимому, эпифитная флора (чужеядная) произошла из форм, ютящихся в самых верхних ярусах влажно-тропических лесов, но приспособившихся к большей инсоляции (действию солнечных лучей) и сухости. То же самое надо сказать и о лианах. Но сами деревья этих лесов вносят гораздо больше оживления в ландшафт, чем леса влажно-тропических районов. Здесь классическая страна красиво цветущих деревьев".

Было бы ошибкой считать, что саванны и лес представляют собою два совершенно различных ландшафта. В то время как у нас лес и степь — резко и отчетливо выраженные формации, в большинстве тропических стран провести столь резкую границу между лесом и саванною бывает трудно. Причиною тому то обстоятельство, что под тропиками климатические условия благоприятнее для производства типа дерева, чем типа многолетника травянистого. Хотя долгие периоды засухи и неудовлетворительный дренаж препятствуют образованию высоких стволов, благоприятствуя образованию многолетника, скопляющего в корневище своем выработанные в дождливое время

Ландшафт центральной Эфиопии. Ясно виден характер амба — отдельных столообразных массивов, отделенных друг от друга резко-обрывающимися ущельями.

(Рисунок худ. Сенигова.) Музей ИАЭ.

года материалы, однако, в лице вздутых стволов, водоносной ткани, суккулентных стеблей и листьев, дыхательных корневых отростков и тому подобных приспособлений, деревянистая растительность тропиков выработала разнообразные средства борьбы с этими препятствиями. Потому здесь невозможно сказать, где начинается настоящая саванна и кончается лес. Чем ровнее местность, тем более господствует в ней травянистая растительность, плоские междуречные пространства обыкновенно голы; но где, хотя бы в узкой щели, их прорезает река, по ее берегам являются деревья. Во время засухи саванны имеют особенно печальный облик. Воздух здесь тогда неподвижен; не шелохнется ни один стебелек. Массами лежат на земле поблекшие листья. Некоторые остались на деревьях, полузасохли и покрылись пятнами; они сидят лишь на самых кончиках ветвей, и передний план пейзажа наполнен кривыми и изогнутыми причудливо стволами.[1]

---

[1] А. Краснов, цит. соч., стр. 773—774.

Тропические влажные леса мало пространств занимают в Африке, и по составу своему они значительно беднее лесов Южной Америки и Малезии.

Ни в какой другой части земного шара не наблюдается такой резкой северной границы тропической флоры, как в Африке: граница эта точно определяется южной границей пустыни Сахары (приблизительно, 15° сев. ш.); это же и южная граница распространения финиковой пальмы, типического представителя флоры не тропической, а субтропической (пустынь Сахары, Аравии, Передней Азии). На юге границу тропической флоры определяет распространение баобаба.

Африканский тропический лес по долинам рек, где близка подпочвенная вода, встречается в форме галерейных лесов. Это — те же первобытные тропические леса, но обедненные по своему систематическому составу. В Африке зависимость распределения леса и саванны от местных климатических условий выступает значительно рельефнее и закономернее, чем в других тропических областях.

Горные страны восточной Африки — от Абиссинии до горозерной страны — представляют одну особенность: здесь мы имеем смешение различных флористических элементов: палеотропических, южноафриканских и средиземноморских. Особенно это характерно для Абиссинии, для высоких горизонтов ее гор.

В этих горизонтах много эндемичных форм. Древовидная *Lobelia* из семейства колокольчиковых интересна по своему приспособлению к ксерофитному (сухолюбивому) образу жизни. Обилие и разнообразие представителей вересковых свидетельствует о проникновении в Абиссинию типов капской флоры, особенной богатой этими формами.[1]

Растительность Абиссинии[2] принято делить на три зоны: *колла, война-дега и дега;* к ним надо присоединить еще, ради полноты и точности описания, зону пустынь и полупустынь — у прибрежья Красного моря и в Огадене, и так называемое Чоке — самую верхнюю область нагорья, где выпадает време-

---

[1] См. также Гризебах, т. II, стр. 495.

[2] Лучшим источником для изучения растительности Абиссинии (по литературе) является работа A. Engler. Die Pflanzenwelt Afrikas insbesondere seiner tropischen Gebiete. I Bd., I Hälfte, Heft I (Die Vegetation der Erde, IX). Leipzig, 1910. В книге воспроизведен ряд превосходных фотографий и гравюр.

нами снег и не сразу иногда стаивает.[1] Гризебах, следуя за Шимпером, различает в Абиссинии только два пояса: 1) пояс долин и берегов (0—6000 фут.), где большинство растений теряет листву в сухое время; 2) пояс горный (6000—13 000 фут.), названный Шимпером вечнозеленым. Здесь можно еще различать нижние уступы обитанием абиссинских хвойных (Podocarpus и Juniperus procera), верхние — обитанием верескообразных и гибарр.[2]

Пустынная зона в политических границах Абиссинии занимает небольшое пространство и исследовано довольно слабо; поэтому мы начнем описание растительности с низин, с пояса коллы.

Здесь — типично-африканская лесная флора, и многие представители ее отличаются своеобразием, красотой и могучей силой. Прежде всего упомянем баобаб (*Adansonia digitata*) „обезьянье хлебное дерево", „слон растительного мира", из семейства Bombacaceae (близкого к мальвовым). Баобаб, говорит Реклю, „будучи самым большим деревом, имеет, однако во многих отношениях вид травы, — высоко поднимает свой пузатый ствол, часто полый внутри и наполненный водой, и свои короткие толстые ветви, оканчивающиеся розетками листьев.[3] Когда буря повалит этого великана растительного царства, его громадный ствол, имеющий от 20 до 25 м в окружности, утилизируется пастухами, которые укрываются в нем, вместе со стадами, от жары и непогоды". Интересное замечание о баобабе находим мы у Гризебаха. „Во многих путешествиях, — говорит он, — помещены изображения этого дерева, но мнение, по которому толщина ствола зависит от его необыкновенной старости, повидимому, не подтвердилось... Кверху ствол становится тоньше и на половине своей высоты или даже ниже разделяется на несколько огромных ветвей, имеющих форму толстых рогов, внизу они согнуты, а затем приподнимаются и несут свои лапчатые листья на самых последних разветвлениях. Отодвижение листьев на оконечности ветвей свойственно вообще

---

[1] Л. С. Берг в своих „Основах климатологии" (М.—Л., 1927) в таблице распространения снеговой границы, по Пашингеру, дает для широт 0—20° (с. ш.) высоту в 4600 м. Снег выпадает на высоте 3600 м.

[2] Гризебах. Растительность земного шара согласно климатического ее распространения, т. II, СПб., 1877, стр. 120.

[3] Реклю. Земля и люди, т. 10, стр. 205.

Баобаб, *Adansonia digitata*.

деревьям первобытного леса, но трудно понять, для чего это служит там, где и без того доступ света так облегчен далекою расстановкою ветвей, что один путешественник называет баобаб развалиною без тени. Действительно, он тем более заслуживает этого названия, что стволы его нередко отмирают внутри. Если взвесить, сколько пищи требует такая масса древесины, если припомнить, что в Сеннааре дерево это стоит без листьев от декабря до июня, уподобляясь настоящей безжизненной руине, то кажется, что тут нет равновесия между деятельностью листьев и возрастанием ствола. Поэтому Перроте-

Сикомора, *Ficus sycomorus.*

не без остроумия замечает, что сочная кожица веток участвует как у сочных растений, в деятельности листьев".[1] В сухое время года баобаб сбрасывает листву, и тогда на нем остаются только крупные, до 40 см длиной, веретеновидные плоды, которые, свешиваясь вниз с могучих ветвей дерева, придают ему необыкновенно странный вид. Эти плоды служат хорошим средством питания не только для обезьян, но и для человека. Боабаб достигает возраста в 1000 лет. Адансон в своей „Естественной истории Сенегала" описывает боабаб, имевший, по его вычислениям, свыше 5000 лет. Кисловатая на вкус мякоть плодов, содержащая сахар, крахмал и молочную кислоту, употребляется в пищу; зола скорлупы богата щелочами, почему из нее выделывают с пальмовым маслом мыло.

Другими важными растениями Абиссинии является гигантская сикомора (*Ficus sycomorus*), из семейства тутовых.[2] Дерево это доставляет необыкновенно твердую древесину, которую

---

[1] Гризебах, цит. соч., т. II, стр. 105—106.

[2] Энглер для коллы перечисляет ряд других видов этого рода: *F. vallis* Choude, *F. populifolia*, *F. schimperiana*, *F. vasta* и др. См. A. Engler. Die Pflanzenwelt Afrikas. Dle Vegetation der Erde, IX. Leipzig, 1910, p. 86 (т. I, вып. 1).

древние египтяне употребляли для гробов своих мумий. Некоторые виды этого рода доставляют каучук, например, *Ficus elasticus* в Ост-Индии. Листва сикомора есть верное выражение климата Судана. Это дерево, распространившееся по берегам Нила до Средиземного моря, есть замечательное явление в северо-восточных странах. Оно так хорошо облиственно, что оттеняет пространство в 40 шагов. Но оно легко сбрасывает лист и долго остается обнаженным. Линней даже полагал, что сикомор сбрасывает листву два раза в год. Округлые, густо сидящяе листья отличаются от буковых более прочною и жесткою тканью, от лавровых своей периодичностью и меньшей глянцевитостью, от эйкалиптов Австралии также периодичностью и более нежною кожицею. Таким образом, повторяя в том или другом направлении строение названных трех форм, листва сикомора кажется особенно хорошо приспособленною к прозябанию среди атмосферы, бедной парами: она медленно отделяет испаряемую воду и приурочивается в то же время к выдерживанию сухого и сырого времени года.[1]

Для коллы характерен тамаринд (*Tamarindus indica*) из семейства мотыльковых, подсемейства цезальпиниевых. Это — высокое дерево, подходящее по росту и облику ствола к дубам, но одетое простыми перистыми листьями. Молодые плоды этого растения, бобы, употребляются как овощи. Плоды тамаринда — приятного освежающего вкуса и удобоваримы; применяются и в медицине. Древесина обладает большой твердостью, но легко поражается грибными болезнями. Широко распространен в тропических странах в культурном состоянии. Мясо плодов (*pulpa tamarindi*) в медицине раньше употреблялось как слабительное. Средневековые арабские и персидские писатели часто упоминают об „иидийских финиках“ — „тамаринди“, откуда и произошло современное название.

В Абиссинии произрастает известное эбеновое дерево, рода Diospyros. Представители семейства эбеновых — исключительно жители тропических и подтропических областей. Так называемое черное дерево отличается значительным удельным весом, большою плотностью и твердостью, почти не поддается ножу. *Diospyros kaki*, японский вид этого дерева, доставляет съедобные плоды.

---

[1] Гризебах, цит. соч., II, стр. 106.

В низинах Абиссинии находим мы и смоковницу (*Ficus carica*), растение, пришедшее из Средиземноморской области, где оно разводится ради соплодий „фиг", „инжира", „винных ягод". Смоковница состоит в близком родстве с хлебным деревом (*Artocarpus communis*), растущим на Зондских островах.

Некоторые виды Combretum — Combretum Hartmannianum растут в верховьях Нила.[1] Многие виды этого семейства чрезвычайно богаты дубильными веществами; употребляются некоторые из этих растений и для добывания краски.

Абиссинской области свойственны бамбуки (Bambuseae) — самые крупные формы, которые вообще встречаются среди злаков. Это семейство злаков (Gramineae) особенно характерно для Абиссинии, где они составляют, по словам Гризебаха, почти 12% всего числа явнобрачных, тогда как, например, в Вест-Индии их насчитывается всего от 4 до 5 на сотню. Бамбуки образуют густые заросли, путаясь своими тростниковыми стволами.

Между высокими злаками типической формой можно считать дикий сахарный тростник. Близкое к злакам растение из семейства осоковых, папирус (*Cyperus papyrus*), в изобилии еще растет в верховьях Нила — на Голубом Ниле, в Абиссинии — Аббай. В древности это растение служило для приготовления бумаги, из свертков которой и составлялись книги того времени. Бумага приготовлялась из пронизанной сосудисто-волокнистыми пучками сердцевины, которая для этого разрезалась на тонкие листы, склеивавшиеся затем особым, растворимым в воде, клейким веществом.

В нижних частях коллы находим мы *Kigelia aethiopica* (из бегониевых) — дерево, дающее толстые плоды, в 2 фута длины.[2]

Характернейшим растением африканских саванн, а также и пустынь, являются акация и мимозовые вообще. В прибрежной полосе, от Джибути до Гельдессы, представляющей собою хорошо выраженную пустыню, отмечаются одним из путеше-

---

[1] A. Engler. Pflanzengeographische Gliederung von Afrika. Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wissenschaften, 1908, Berlin.

[2] A. Engler, цит. соч. Немцы называют это растение Leberwurstbaum (дерево — ливерная колбаса).

ственников (без точного ботанического определения) „заросли мимоз, обвитых лианами, с выглядывающими среди них темно-красными алоэ". Далее автор описания, Ф. Криндач („Из Джибути в Ҳаррар". СПб., 1898) говорит: „колючки, которыми, как щетиной, усеяны ветки мимоз, с вершок и более длиною, очень остры, а в твердости не уступают железу. Они свободно прокалывают толстую подошву сапога... Говорят, даже слон опасается ступать по этим колючкам". Однако, верблюд очень охотно ест их... В северо-восточной Африке род акации, богатый видами, представлен многими формами: *Acacia lahai*, *A. glaucophylla*, *A. verek*, *A. abyssinica*, *A. giraffe* и др.; до 32° сев. ш. (до Могадора) доходит *Acacia gummifera*. Кора многих видов идет на дубление; плоды, идущие на дубление, известны под именем bablah, neb-neb. Акации африканских саванн часто превращаются в криворосль и кустарник. Из разных пород акаций замечательна соффар или акация-флейта, с белыми, как слоновая кость, веточками, усаженными чернильными орешками, на которых насекомые, прокалывая их, оставляют дырочку; ветер, качая деревья, проникает в эти отверстия, которые издают приятный звук, напоминающий звуки флейты.[1] Эта поющая акация растет в бассейнах рек Собат и Джаль.

В верхних частях коллы нередко встречается одна форма банана (*Musa ensete*). По Декандолю, это важнейшее пищевое растение жарких стран, — азиатского происхождения и распространилось в других частях света лишь с европейской колонизацией.[2] Изящная форма и светлая веселая зелень банановых листьев придают тропическому ландшафту особую величавую прелесть, особенно когда цельные, великолепные овалы их тихо качаются между мелкоразрезною кружевною листвою тропических мимоз и акаций. Цветы испещрены красными, желтыми и голубыми полосками. Банан приносит только один раз плоды и после этого отсыхает. *Musa ensete* — любимое декоративное растение в Абиссинии и относительно мало чувствительное к низким температурам.[3] Вид, растущий в Абиссинии, редко приносит плоды; здесь пользуются только листьями,

---

[1] Реклю, цит. соч., X, стр. 167.

[2] Акад. В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1931, стр. 231.

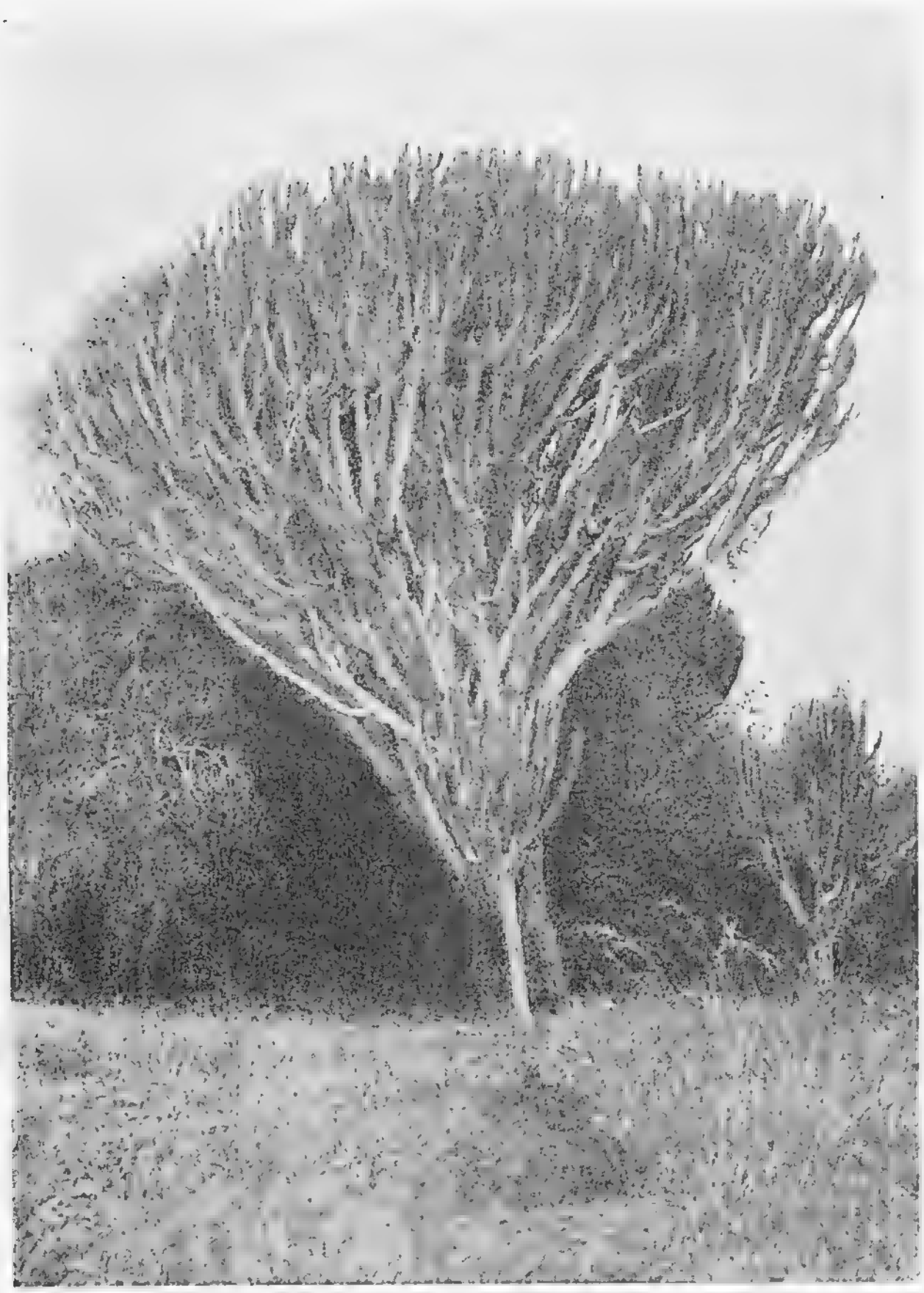
[3] Другим декоративным растением является австралийский эвкалипт.

Мимозовые заросли Абиссинии.

идущими на корм скоту, и корнями, которые от варки приобретают вкус картофеля и из которых в некоторых местах приготовляют тесто.

Широкое распространение в Абиссинии, в поясе коллы, нередко переходя и в нижнюю часть зоны война-дега, имеет один из видов молочая — „колкуал", канделябровый молочай (*Euphorbia abyssinica*), одно из самых характеристичных диких растений Эфиопии, одно из тех, которые наиболее способствуют сообщению пейзажам страны их специальной физиономии.

Эти растения так плотно переплетают свои мясистые ветви, что из них делают живые изгороди вокруг полей и деревень для защиты от непредвиденного нападения; у некоторых экземпляров разветвляющийся стебель достигает около 6 саж. высоты (8.4 м); молочный сок колкуала — страшный яд, находящий обширное применение в эфиопской фармакопее и медицине,



Канделябровый молочай, *Euphorbia abyssinica.*

а древесина его идет на приготовление пороха.[1] Другой вид молочая, *Euphorbia meneliki*, высотой до 20 м и похожий на кактус, водится в южной части Абиссинии.

Выше пояса коллы располагается зона кустарниковой саванны, высокогорных степей и лугов — война-дега (высота от 1700 до 2500 м).[2] В этом поясе множество акаций и всякого рода кустарников вообще, и ландшафт носит характер лесостепья.[3] В этом районе Абиссинии располагаются и те немногие

---

[1] Реклю, X, стр. 206.

[2] Обстоятельное описание этой зоны дано у K. Dove, Kulturzoner von Nord Abessinien, Gotha, 1890.

[3] Термин, введенный в географию проф. Л. С. Бергом.

Гигантский мордовник, *Echinops giganteus*, в зарослях.

виды пальм, которые свойственны Африке: здесь обитает близкий к финиковой пальме вид — *Phoenix reclinata*.[1] 12 видов рода *Hyphaene* свойственны Африке, из них *Hyphane thebaica*, дум-пальма Египта, с съедобными плодами. Одна из полезнейших и интересных пальм — *Borussus flabelliformis*, пальмировая пальма, в Африке называется делеб-пальма.

Степные участки между зарослями кустарников заселены множеством злаков. Луга война-деги состоят в значительной степени из форм северных: здесь во множестве растут вьюнок, клевер, шалфей, разные виды орхидей. В этой же зоне — граница распространения лотоса (*Nymphaea lotus*), на высоте, приблизительно, 1800 м.

Значительно меньше лесов и кустарниковых зарослей мы находим в следующем поясе Абиссинского нагорья — дега. Большую часть ее территории занимают степи и луга. Древесные виды все же имеются и здесь. Очень интересную особен-

---

[1] A. Engler. Die Pflanzenwelt Afrikas, Bd. I Heft l. Die Vegetation der Erde, IX. Leipzig, 1910, стр 94

ность флоры этой зоны представляет близкое к оливе дерево, *Olea chrysophila*, образующее целые леса на большой высоте (до 3500 м). К настоящим деревьям надо отнести и так называемое куссо (*Hagenia abyssinica*), из семейства *Rosaceae* — растение, дающее медицине *florus Coso*, цветы козо, употребляемые в виде настоя против ленточных глистов. В абиссинском быту, при постоянном употреблении сырого мяса, это чрезвычайно полезное растение играет большую и благодетельную роль.

Из кустарников в этой зоне надо отметить интересный древовидный крестовник (*Senecio gigas*), из семейства сложноцветных, единичными экземплярами растущий на высоте 2800 м. Еще выше поднимается древовидный вереск (*Erica arborea*), образующий целые заросли и достигающий высоты до 8 м; древесина корней его употребляется в технике. Характернейшими растениями эфиопских возвышенностей является гигантский мордовник (*Echinops giganteus*), из семейства сложноцветных; ствол его похож на ствол дерева, а цветы величиной с человеческую голову. Растение это родственно (в систематическом отношении) нашему чертополоху и татарнику.[1] На самых больших высотах Абиссинии, кроме названного выше кусео, растет еще замечательная лобелия (*Lobelia rhynchopetalum*), очень характерная для ландшафта дега. Растение оканчивается наверху пучком мечевидных листьев, из которого поднимается цветочный стебель от 3 до 5 м, опоясанный красивыми лиловыми цветами, собранными колосовидными соцветиями без конечного цветка, открывающимися последовательно снизу вверх; растение умирает, когда отцветет.

Нами уже отмечено было, что голосемянные не играют какой-либо заметной роли в ландшафте тропиков; в частности, подокарповые (из тиссовых) являются типичными представителями внетропической южной флоры, и если встречаются в тропиках, то лишь высоко в горах, мигрировав оттуда с юга,

---

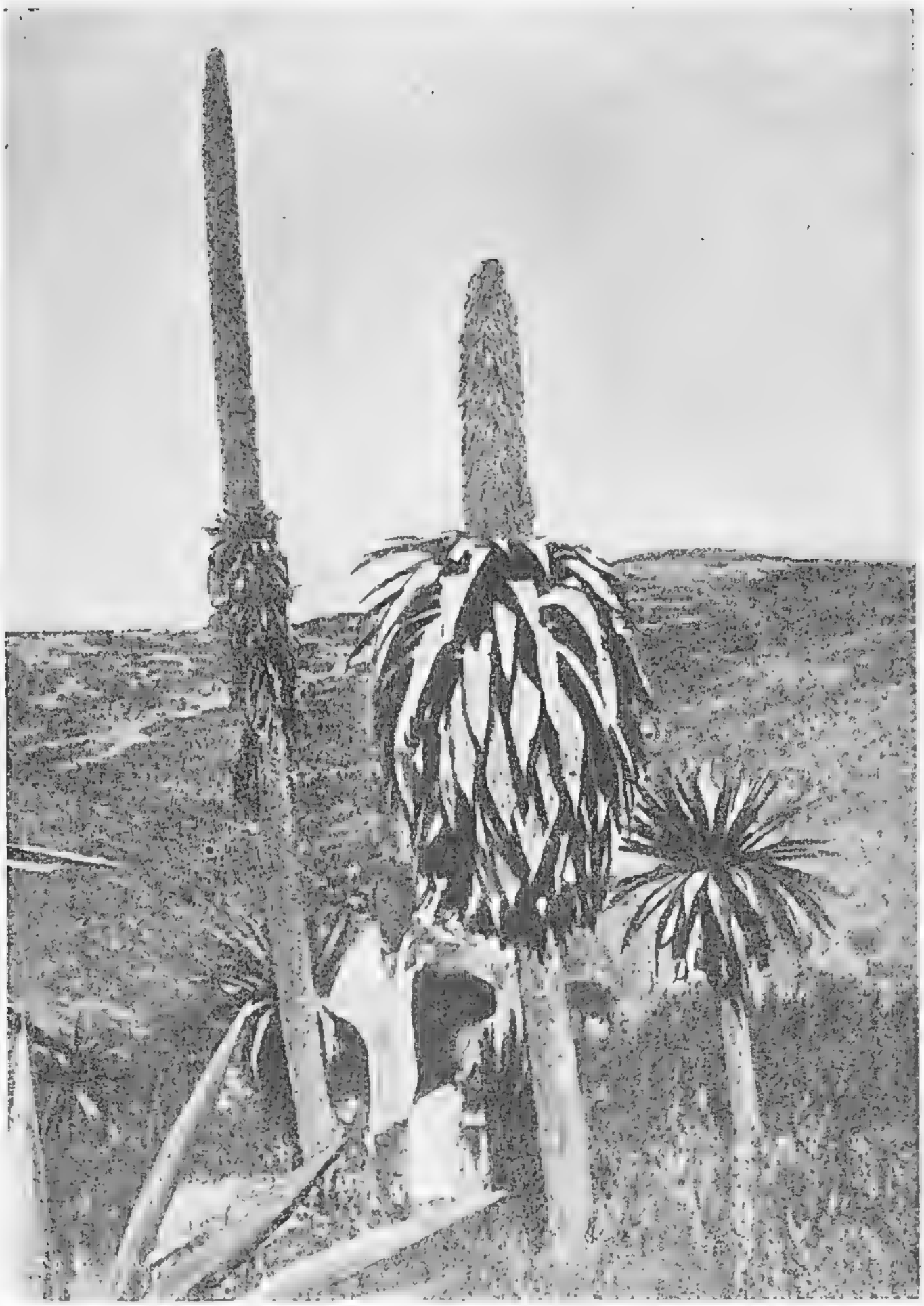
[1] Сложноцветные под тропиками типичны более всего для сухолюбивых сообществ. Представители этого семейста носят характер типов новых, развивающихся и одерживающих верх над другими растительными типами в неусганной борьбе за существование; побеждают они потому, что более высоко организованы, более приспособлены к усложнившимся современным условиям существования органической жизни на нашей планете. (Н. И. Кузнецов. Курс географии растений, ч. I. Симферополь, 1920, стр. 29).

Гигантский мордовник. *Echinops giganteus.*

из антарктики, в последнее геологическое время. В Абиссинии, в области *дега*, мы находим представителя семейства тиссовых, *Podocarpus gracilior.*[1] Из того же класса хвойных мы видим на больших высотах нагорья можжевельник (*Juniperus procera*), из семейства кипарисовых. „Некоторые эфиопские области,— говорит Реклю,[2] — именно предгорья Зебуля, к востоку от краевой цепи, покрыты громадными лесами можжевельника, где топор пока еще сделал очень мало просек. Леса эти представляют единственное в своем роде зрелище, так как ни в какой другой части света не увидишь хвойные деревья, как деревья северного пояса, соединенные одно с другим сетью лиан, так густо переплетающихся, как лианы тропических лесов". Гризебах, разделяя Абиссинскую область на два пояса, пояс долин и берегов и горный пояс, считает, что для нижних уступов горного пояса характерны можжевельник и Podocarpus, а для верхних вересковые и гибарры (*Lobelia rhynchopetalum*). Луговая

[1] Л. С. Берг. Большая советская энциклопедия, т. I. В сводке Дюрана и Шинце указано *Podocarpus falcata.* См. Conspectus florae Africae par Th. Durand et Hans Schinz, vol. V, Bruxelles, 1895, стр. 954.

[2] Реклю. цит. соч., X, стр. 207.



Лобелия, *Lobelia rhynchopetalum*, в высокогорной области.

растительность *дега* интересна, между прочим, наличием в ней многих видов — пришельцев, повидимому, с севера. Так, там имеются клевер, кипец, лютики, вероника, ледвянец, манжетка (*Alchemilla*), из семейства розовых; к этому семейству относится и упомянутая нами выше *Hagenia abyssinica*, доставляющая противоглистное средство.

Из северных форм кустарникового типа надо упомянуть шиповник, образующий местами заросли, и из семейства Guttiferae — зверобой.

Кофейная плантация.

С естественными растительными ресурсами страны связаны ее полевые культуры. Из дикорастущих в Абиссинии форм остановимся на кофейном дереве (*Coffea arabica*), из семейства мареновых (Rubiaceae). В Африке виды *Coffea* распространены от Абиссинии до Гвинеи.[1] Кусты этого дерева достигают 5 м высоты, и ветви покрываются плодами чрезвычайно густо. На европейских рынках кофе появился в XVII столетии и довольно быстро вошел во всеобщее употребление; в Лондоне в 1693 г. насчитывалось 3000 кофейных, игравших некоторую роль и в политической жизни страны. Значительно ранее кофе получил широкое распространение в странах, занятых арабами. В Багдаде, Дамаске, Каире были большие и многолюдные кофейные. „Арабы рассказывали, — говорит акад. В. Л. Комаров, — что в 1440 г. в Эфиопии впервые один пастух заметил, что козы, поевшие листья кофейного куста, не спят, а всю ночь прыгают, и рассказал об этом мусульманским монахам, которые пожелали на себе испытать действие чудесного растения, и стали готовить кофе, помогавший им ночью бодрствовать, как полагалось по их уставу. Эта легенда была записана Фаустом Найрони из Рима и указывает на абиссинское происхождение кофе“.[2] Ряд веских соображений позволяет думать,

---

[1] В. Л. Комаров, цит. соч., стр. 188—194.

[2] Цит. соч., стр. 189.

Виверра.

что кофейное дерево — растение влажных тропических лесов и родина его — Абиссиния.[1]

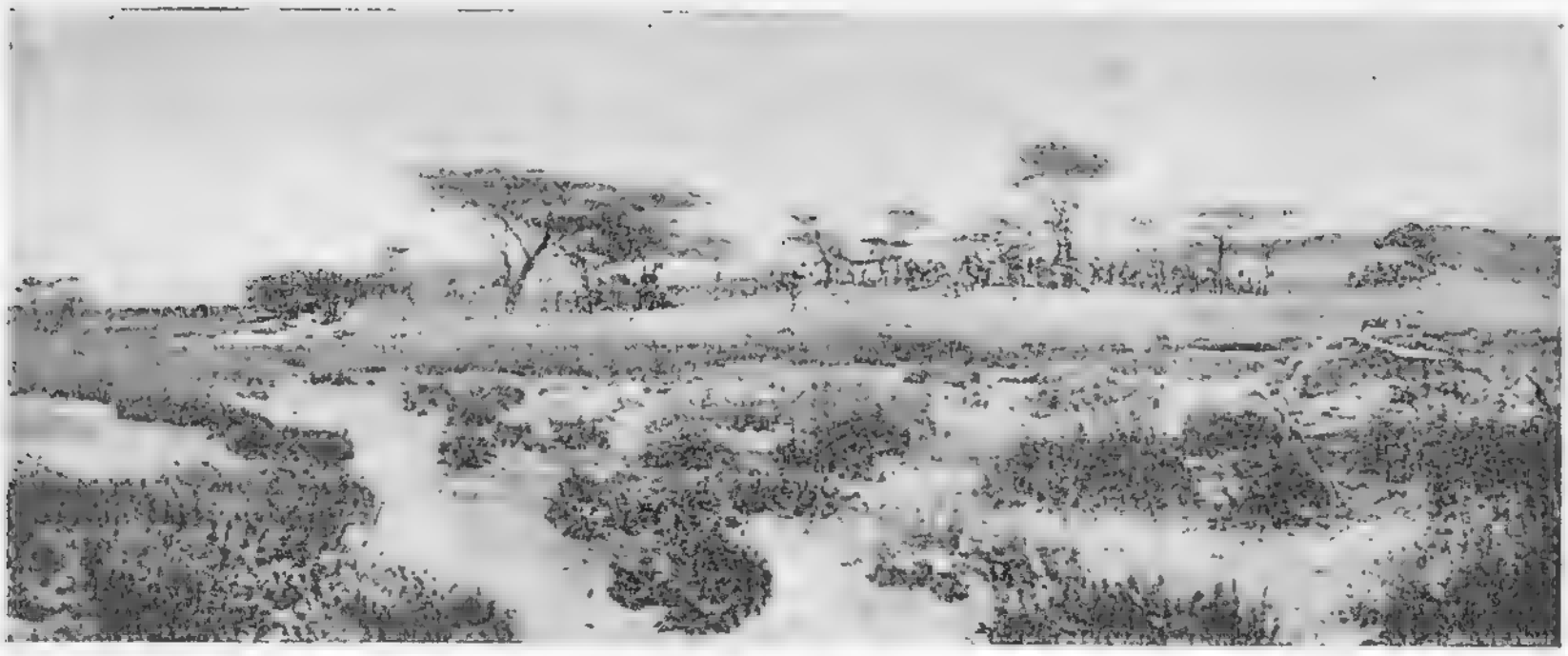
Африканские саванны отличаются особым обилием растений из семейства злаков. На высоте между 1700 и 2800 м абиссинцами и галласами культивируются *Eragrostis abyssinica* — тефф. Это растение является чрезвычайно важным для страны, так как самое обычное питание населения — блины из теффа (а также пшеницы или сорго). Широко культивируется в Абиссинии дагусса (*Eleusine coraeana*).[2] Этот весьма урожайный злак дает материал как для печения, так и для варки пива. Абиссиния оказалась средоточием своеобразных, чрезвычайно мелкосемянных, мелкоцветных льнов, возделываемых не ради масла и волокна, а для питания населения; Абиссиния же является одним из главных очагов генов таких культур, как горох и нут.[3] Н. И. Вавилов насчитывает пять основных очагов происхождения культурных растений и одним из таких очагов он считает Абиссинию с прилегающими к ней горными районами, в особенности Эритреей. Области формирования культурных растений приурочены вообще к горным странам: в Азии к Гималаям и их отрогам, в Африке к горам Абиссинии, в Америке к Кордильерам и к южным отрогам Скалистых гор. „Культурная флора Абиссинии, — говорит Н. И. Вавилов, — оказалась совер-

---

[1] Ценные данные об использовании кофейного дерева можно почерпнуть в книге Bieber'a „Kaffa" (Münster, 1920).

[2] Durand et Schinz, цит. соч., стр. 866.

[3] В. Л. Комаров, стр. 37.



Саванна.

шенно оригинальной, что особенно ясно было для нас при сопоставлении ее с другими странами, до этого исследованными советскими экспедициями. Впервые здесь пришлось собрать фиолетовую пшеницу, оригинальный черный ячмень, хлебный злак тефф, напоминающий мелкое просо. Все здесь было поразительно своеобразно, начиная с оригинального плуга в виде гвоздя и невиданных мною в других странах сельскохозяйственных орудий. Помол хлеба в Абиссинии производится в ступах или на камнетерках. Значительная часть почвы обрабатывается вручную мотыгами". „Сранительное исследование, — резюмирует Н. И. Вавилов результаты советской экспедиции в Абиссинию, — сопоставленные с культурными растениями и сортами других стран и СССР, выявило прежде всего поразительную оригинальность абиссинской культурной флоры, наличие в ней самостоятельных следов и родов культурных растений, неизвестных в других странах, хотя за последний двухтысячелетний период Абиссиния подвергалась сильному влиянию извне. Нет никаких сомнений в том, что ряд растений был введен самостоятельно в культуру в этой стране, как тефф, нут и другие."

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

НАСЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Воин — ашкер.

ВВЕДЕНИЕ

Существует широко распространенное мнение, что народности Эфиопии, а также вообще всей северо-восточной Африки, состоят из двух основных групп — семитов и хамитов. К третьей группе относят обычно население западных и южных областей Эфиопии, то есть племена, живущие в бассейнах рек Собат, Баро и Омо, относя эту последнюю группу к неграм. Это деление на три группы — семитов, хамитов и негров —

основано, в сущности говоря, только на языковых данных. Однако, оно получило более широкое значение, и в результате возникло совершенно неверное представление о трех совершенно различных расах — семитской, хамитской и негрской, населивших весь северо-восток Африки, в том числе и Эфиопию с прилегающими к ней странами.

В действительности следует строго различать классификацию лингвистическую, т. е. распределение народов, племен и т. д. по языкам, и классификацию антропологическую, т. е. распределение населения по антропологическим признакам и типам. Эта, казалось бы, азбучная истина часто забывается. Однако, смешение этих совершенно различных понятий приводит не только к совершенно невозможной путанице, но к созданию разнообразнейших учений о расах, в которых раса понимается как единство культурных и расовых признаков, т. е. в конечном итоге к фашистским расовым теориям.

Надо сказать, что изучение языков Эфиопии показало невозможность распределения их на семитские, хамитские и негрские. Так, например, господствующий язык Эфиопии является блестящим тому доказательством. Во многих отношениях этот язык может быть отнесен к семитской группе языков, однако, целый ряд существенных особенностей его указывает на следы хамитского влияния. Поэтому относить амхарский язык безоговорочно к семитским языкам было бы неправильно — это семитский язык на хамитской основе. С другой стороны, и хамитские языки не однородны по своему составу. Среди них можно выделить особую, так называемую кушитскую группу, отличающуюся от прочих собственно хамитских языков, как, например, галла, сомали и др. Не входя в дальнейшие подробности распределения языков Эфиопии, отсылаю к главе 4.

Достаточно здесь сказать, что население Эфиопии говорит на множестве различных языков, из которых наиболее распространенными являются амхара (теперь государственный язык), тигре, галла, сомали и афар (данакиль). Все остальные языки, хотя и представляют большой интерес для лингвистов, имеют несравненно меньшее значение по сравнению с перечисленными. По преимуществу это языки мелких горных племен, распространенные лишь в небольших районах.

* * *

АНТРОПОЛОГИЯ

В антропологическом отношении главные народности Эфиопии составляют один расовый тип. Этот тип, названный по стране эфиопским, не может считаться однако вполне однородным. В его создании принимали участие различные элементы. Очень возможно, что в результате более тщательного исследования удастся выделить отдельные вариации внутри него. До настоящего времени основной работой в области антропологии Эфиопии является исследование Верно (Verneau). На основании антропометрических измерений он пришел к выводу, что современное население Эфиопии — это результат смешения различных этнических элементов. Основу этого смешения составили три главных расы, которые оказали различные влияния на образование этого типа. Первым из этих элементов является собственно абиссинская, или как ее называет Верно, „амхарская раса". Ее влияние является основным и решающим. Этот амхарский тип он определяет следующим образом.

„Он имеет светло-шоколадный оттенок кожи, карие глаза, волосы черные и вьющиеся, но не курчавые, его рост несколько превышает средний, как у мужчин (1.68 м), так и у женщин (1.56 м). Как и негр, амхарец имеет короткое туловище и длинные ноги". Узкий таз и плечи создают впечатление более длинного тела, чем это есть в действительности; плечи прямые и руки короткие. Резким отличием от негрского типа является полное отсутствие прогнатизма, т. е. верхняя челюсть не выступает вперед. Измерения черепа показали, что горизонтальный головной индекс долихокефальный (длинноголовый). Таков тип, который появляется в более или менее ярко выраженной форме у 75—80% современных абиссинцев. Этот тип можно называть не только амхарским, потому что он распространен по всей Эфиопии; поэтому может быть правильнее говорить об абиссинском или эфиопском типе. „Следует поэтому заключить, — пишет Верно, — что амхарский тип образует особую расу, сохранившую свои основные черты вопреки скрещениям у большей части современного населения Абиссинии. В действительности существуют лица, которые не соответствуют тому портрету, который я описал в общих чертах, но они обязаны своими отличиями привнесению одного из двух других этнических элементов, существование которых в Эфиопии я отметил, если

Сомали.

только на них не оказали влияния оба элемента одновременно".

Другой тип, имеющий меньшее значение, так как он встречается лишь в незначительном числе случаев, составляя 10—15% населения — это тип берберский. Цвет кожи, характерный для этого типа, относительно светлый, не сколько медного оттенка, глаза голубые, или с зеленоватым и голубоватым оттенком. Вместо вьющихся — волосы волнистые или прямые. Рост в общем несколько ниже среднего, туловище длинное и нижние конечности короткие, т. е. прямо противоположно амхарскому типу. В отличие от амхарского типа головные показатели указывают не на длинноголовость, но средне- или среднекруглоголовость. Этот тип Верно называет берберским, потому что он является характерным для берберского населения северной Африки и, кроме того, он был засвидетельствован в целом ряде древне-египетских гробниц.

Наконец, третий тип составляют негрские элементы: это различные негрские примеси. Влияние негрского типа сказывается на более темном цвете кожи, пропорциях тела, в массивном костяке головы и т. д. Волосы, характерные для этого типа, отличаются курчавостью. Интересно, что негрский тип, присутствие которого сказывается в эфиопской расе, не может считаться единым. Головные показатели дают различные данные: наряду с ярко выраженным длинноголовьем встречаются также значительно менее удлиненные.

Все эти три расы скрещивались между собой, так что в настоящее время чистые типы относительно редки. Огромное большинство людей носит в себе черты смешения. Происхождение этих типов трудно установить. Основной элемент, или амхарский тип, происходит не из Азии, он должен был развиться в тех областях, где он находится в настоящее время. Берберские элементы указывают на связи с северной Африкой. Они могли быть привнесены не непосредственно от берберов, но через ливийское население принильских стран. Во всяком случае важно, что этот тип встречается в Нильской долине от эпох первых династий. Наконец, что касается негрского типа, то появление его объясняется близким соседством с негрскими районами центральной Африки. Один из этих типов, указывает Верно, привнесен с юга, а другие из районов восточного Судана (крайне длинноголовые). Влияние негроидных типов сказывается преимущественно в западных и южных районах. Соседящие с Эфиопией негрские племена в антропологическом отношении принадлежат к двум различным группам. Племена ямбо или анивак, живущие на западной границы Эфиопии, принадлежат к нилотской группе, которая отличается своим исключительно высоким ростом, значительно выше среднего, очень темным цветом кожи и по строению черепа ярко выраженной длинноголовостью. Типичными представителями этой восточносуданской расы являются народности верховьев Нила—племена динка, шиллук, анивак

Внук Менелика II Лидж Ясу.

Галла из страны Уаламо.

и др. Часть их, живущая в пределах Эфиопии, называется амхарцами — шанкалла. Одно из племен этой группы — динка, лучше других изученное в антропологическом отношении, является одним из наиболее высоких народов мира. Так, в среднем их рост, по измерениям ряда исследователей, достигает 1.82 м. Эта восточно-суданская группа довольно значительно отличается от тех негрских племен, с которыми соприкасается Эфиопия на юго-западе. Эти последние, населяющие степи восточной Африки от Эфиопии вплоть до Южно-африканского союза на юге и Анголы на западе, составляют одну из негрских рас, которую можно назвать южно-африканской. Народности, относящиеся к ней, отличаются высоким ростом, но меньшим, чем нилоты, значительно менее черны, длинноголовость не так ясно выражена. Головные показатели, свидетельствующие о строении черепа, дают цифры у восточно-суданской (нилотской) группы: 72—73, в то время как у южно-африканской группы 75, т. е. в первом случае имеем крайнюю длинноголовость, в то время как во вто-

Рас Вальде Георгис (галла) со своей женой (по фот. 1910 г.).

ром случае длинноголовость, переходящую к среднеголовости. В настоящее время трудно еще сказать что-либо о негрских племенах южной Эфиопии, которые могут быть отнесены к этой группе. Племена эти — бако, мурле, консо (?) и др. очень мало изучены, и по ним нет никаких антропометрических данных.

Заканчивая обзор антропологического состава Эфиопии, надо отметить, что среди различных рас, вошедших в состав эфиопского типа, отсутствует семитический элемент. В одной из провинций центральной Эфиопии, в Агаумедере, значительную часть населения составляют фалаша, исповедующие иудейскую религию; можно было бы ожидать, что там встретится ярко выраженный семитический тип. Однако измерения, произведенные в этой провинции, показали отсутствие его. Можно сказать, что, с точки зрения антропологии, семитический элемент играл во всяком случае очень незначительную роль, и влияние его сказалось только на побережье Красного моря и Инд. океана.

Недавними исследованиями в южной Аравии, среди кочевых племен Хадрамаута, было установлено наличие эфиопского типа. Это несколько неожиданное открытие не должно однако казаться удивительным. Издавна южная Аравия была соединена с Эфиопией целым рядом культурных связей. Красное

море никогда не было серьезным препятствием, разделявшим обе страны. Неоднократно в истории Эфиопии бывали случаи, когда владения ее включали в себя прилегающие к Красному морю и Индийскому океану страны. Таким образом, есть все основания полагать, что и в глубокой древности существовала связь между Азией и Африкой.[1]

* * *

АРХЕОЛОГИЯ

Археологическое изучение Эфиопии, можно сказать, только что началось. До последнего времени большинство исследователей интересовалось только древностями Аксумского царства. Это царство, существовавшее в первых веках нашей эры, находилось в северных областях Эфиопии, ныне провинция Тигре, и в пределах нынешней итальянской колонии Эритреи. Недалеко от Массауа, главного города Эритреи, находятся развалины Адулиса. Как теперь Массауа, так и в древности Адулис был важным портом, через который шла торговля Эфиопии со странами Средиземноморья. История Аксума известна лишь по нескольким надписям, которые дают перечисления походов и дани различных стран, полученной царями Аксума. Немецкой экспедицией, руководимой Э. Литтманном, были раскопаны главнейшие города Аксумского царства — Аксум, Адулис и Еха. Раскопками была установлена несомненная связь этого государства и культуры с южной Аравией. В Аксуме же были найдены и древнейшие надписи на древне-эфиопском языке — геез.[2]

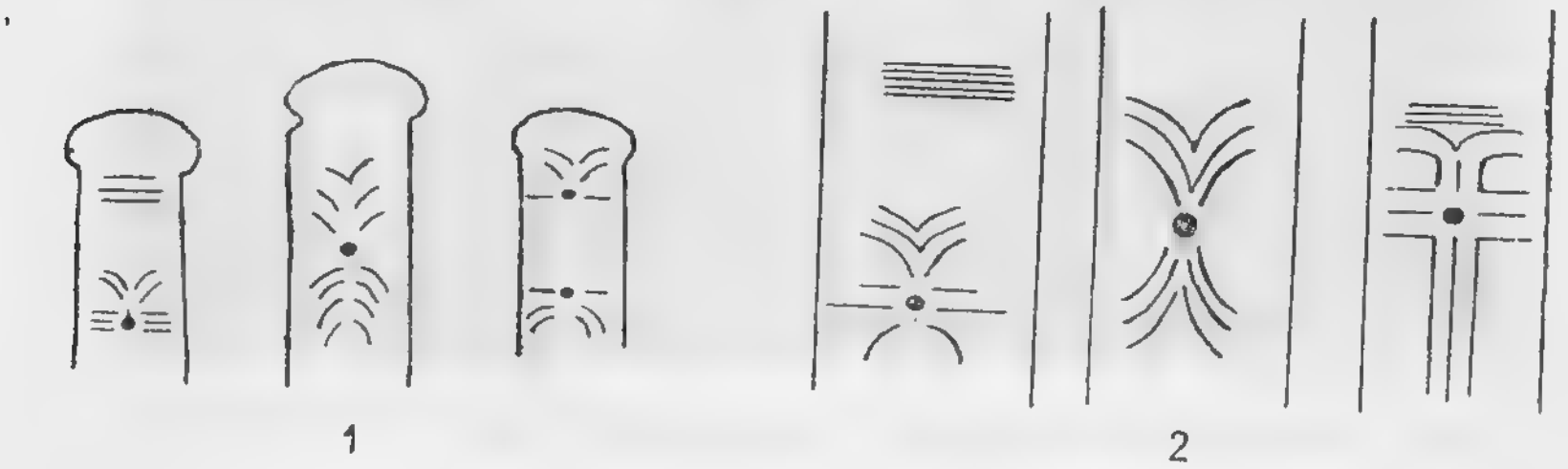
---

[1] Главнейшими работами по антропологии Эфиопии являются исследования французских антропологов. Наиболее обстоятельными работами надо считать: Verneau. L'Anthropologie, помещенную во II томе Duschesne-Fournet, Mission en Ethiopie (1901—1903), 3 vol., Paris, 1909. Lester. Étude anthropologique des populations de l'Éthiopie. I. Les Gallas. L'Anthropologie, XXXVIII, pp. 60—90, 268—315. Paris, 1928 (библиография). G. Montandon. L'Olegenèse Humain, 1 édit. Paris, 1924; 2 édit. 1934. Из итальянских антропологов надо отметить работы Giufrida Rupgieri, Sergi, Puccioni и др.

На русском языке см. М. И. Лебединский, в журнале „Русский врач" за 1911 г., № 46, и Н. П. Бровцын. К антропологии Галласов.

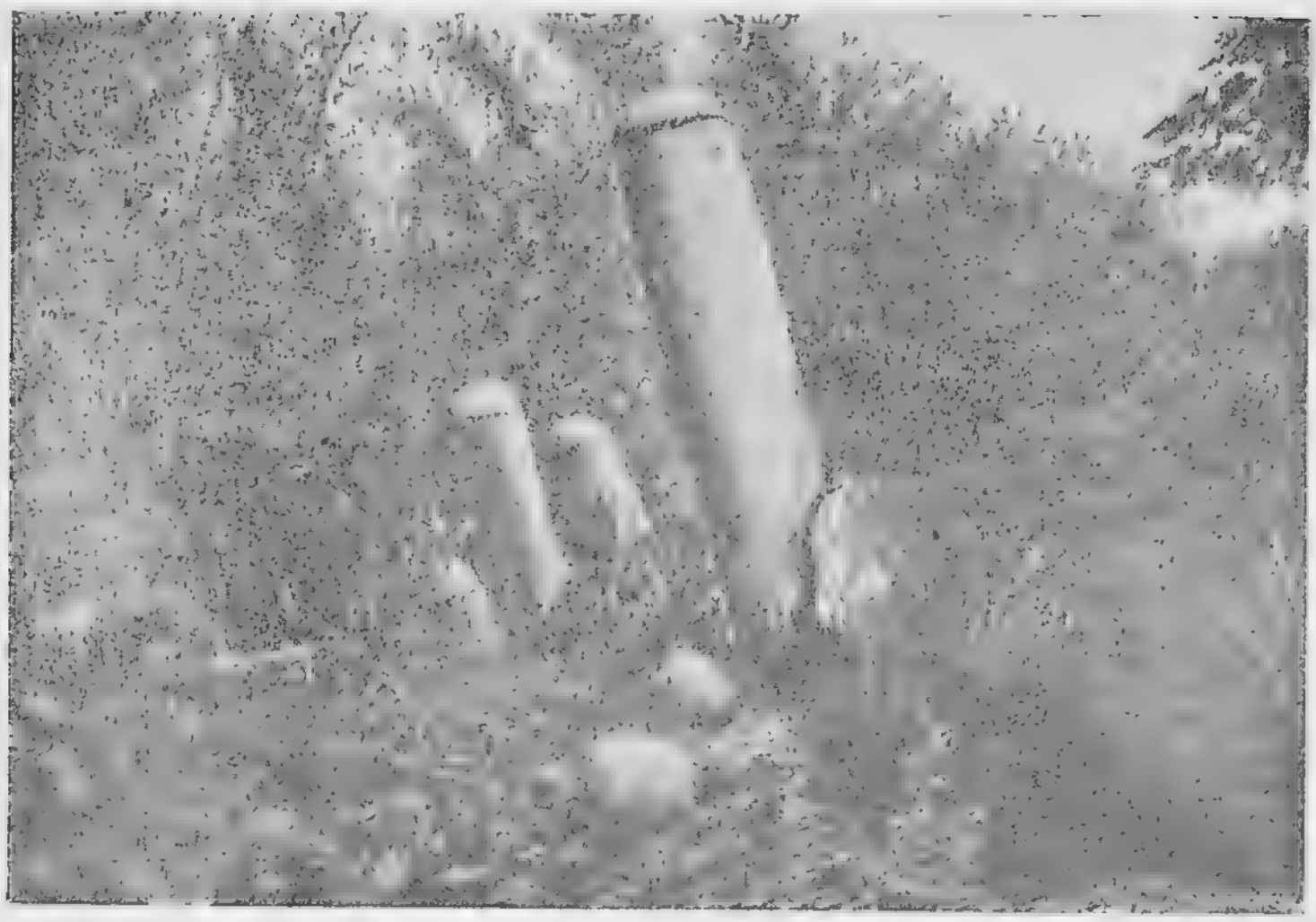
[2] Подробнее об истории Аксума см. ниже, стр. 326 и сл.; об языке геез см. статью в языке.

Кроме этой немецкой Аксумской экспедиции в Эфиопии не работало ни одной специальной археологической экспедиции. Отдельными путешественниками обследованы были лишь средневековые памятники церковной архитектуры. Среди них имеются очень интересные в архитектурном отношении церкви, высеченные в скалах одним из царей Эфиопии Лалибалой. Замечательны также сохранившиеся до сих пор замки и мосты, построенные португальскими инженерами для царей Эфиопии. Все эти памятники относятся к XII—XVI вв.



Монолиты в Сидамо (Алата). Детали изображений на камнях.

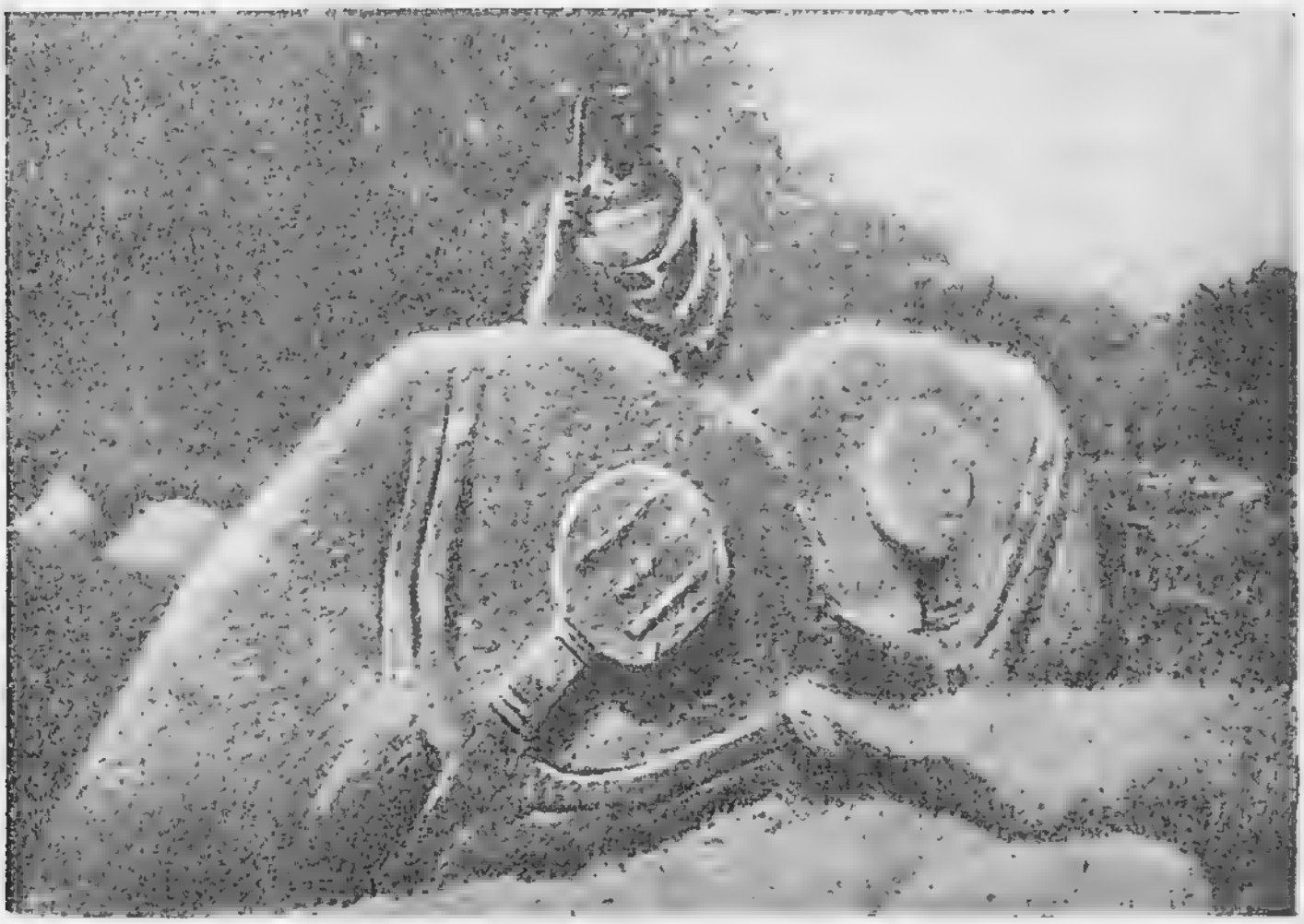
Наиболее интересные археологические открытия в Эфиопии были сделаны после империалистической войны. Они были сделаны разными лицами, не специалистами археологами, большей частью совершенно случайно. Так, в Британском Сомали были обнаружены палеолитические орудия, которые, судя по их обработке и форме, относятся к эпохе мустье. Среди этих орудий особенно характерными являются кремневые остроконечники мустьерского типа и скрёбла. Аналогичные находки были сделаны в восточной Эфиопии, в провинции Огаден и около Харара. Этими находками была установлена большая древность существования человека в северо-восточной Африке. К сожалению, однако, все эти находки представляют собой собранный



Группа каменных памятников. Страна Сидамо. Алата.

на поверхности, так называемый подъемный материал, который не дает полной картины этой культуры.

В юго-западной части Эфиопии один французский миссионер, Азаис, в 1926 г., также совершенно случайно, сделал другое не менее поразительное открытие. К югу от Аддис-Абеба по дороге в страны Гураге и Уаламо он нашел огромные каменные памятники фаллического характера. Заброшенные среди лесов, эти камни не привлекали к себе внимания. О характере этих монолитов можно лучше всего судить по приведенной здесь фотографии, изображающей группу таких фаллических памятников в местности Алата в Сидамо. Все эти камни имеют на себе изображения неясного характера. Очень возможно, что, как это предполагает Азаис, они имеют связь с солнечным культом. В некоторых случаях камни эти слегка обработаны и им придан характер статуй. Легко намечено лицо: глаза, брови, нос и уши — и только. Некоторые статуи достигают двух метров высоты. Наибольшим из всех является монолит, высотой в 14 м при окружности 1.85 м. Другие монолиты имеют высоту 4 м при 2.10 м в окружности; 5 м высоты при 1.5 м в окружности и т. д. Трудно себе представить количество труда, затраченного на обработку этих камней. В настоящее время туземное население не знает ничего о происхождении и назначении этих монолитов. Все эти камни расположены



Каменные стелы в Соддо.

обычно в определенном порядке полукругом, кругом, или вытянуты в одну линию. В другой местности — Соддо, в нескольких днях пути от Гураге, этот же исследователь нашел монолиты другого характера. Памятники Соддо представляют собою стелы, т. е. плоские камни, на которых рельефом изображены крайне примитивные человеческие фигуры. Эти стелы оказались надгробиями, так как около них были найдены погребения. Они были расположены вместе с монолитами фаллического характера по кругу, радиус которого равнялся 50 м. Помимо этих находок были найдены также типичные дольмены, т. е. камни, уложенные в виде столов. Точно также и они оказались связанными с погребениями.

Вероятно в связь со всеми этими памятниками следует поставить давно известные, так называемые камни Граня. Эти камни, стоящие особняком, встречаются во многих районах южной Эфиопии.[1]

---

[1] Об археологических находках в Эфиопии см. Kammerer. Essai sur l'histoire antique de l'Ethiopie. Paris, 1925; Azais et Chambard. Cinq années de recherches archéologiques en Ethiopie, Paris, 1929; Chardin. Le Paléolithique en Somalie franç. et en Abyssinie. L'Anthropologie, XL, 1930, 331—334, а также статью „Археологические исследования в Эфиопии" в Археологическом сборнике, ИАЭ, № 3.

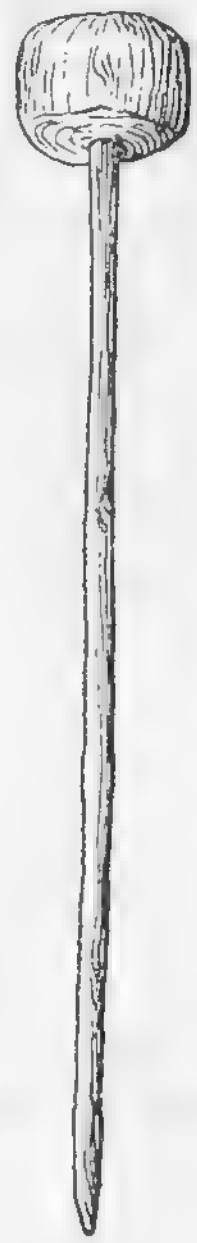
Кроме этих фаллических памятников, во многих районах южной Абиссинии сохранились большие каменные плиты с изображениями на них. По народным сказаниям, эти камни поставил Мохамед Грань, предводитель галласов, в XVI веке разрушивших Эфиопское царство. Как рассказывают, эти камни были поставлены им в память своих побед над абиссинцами. Нет сомнения, однако, в том, что происхождение этих камней должно быть отнесено к более раннему времени и ничего общего с походами Граня не имеет. Трудно, конечно, сказать, в каком отношении находятся эти „камни Граня" к древней сидамской культуре. Стелы эти, так же как и фаллические камни из страны Сидамо, покрыты изображениями, значение которых также мало понятно. В отличие от этих камней рисунки на стелах имеют совершенно иной характер. Большею частью они покрыты рельефными изображениями каких-то орудий, по всей вероятности ножей. Эти ножи по несколько в ряд заполняют собой нередко всю лицевую сторону стелы. В настоящее время ножей такого типа в Абиссинии не встречается. По форме своей эти ножи отчасти сходны с оружием, употребляющимся и по сие время народами Конго. Пока имеется слишком мало данных для того, чтобы заключать что-либо об этих древнейших культурах Эфиопии. Очень возможно, что их следует рассматривать в известной связи с культурами древнейшей Индии и южной Аравии.

Недавно один французский археолог, Невилль, сделал ряд интересных, хотя быть может несколько поспешных, заключений, сравнив стелы Граня с менгирами, до настоящего времени воздвигаемыми одним из племен Индии — нага. Безусловно имеется сходство в некоторых изображениях. Однако заключать что-либо о связи двух культур только по этим основаниям — невозможно.

Отрытия, сделанные Азаисом, вносят очень много нового в изучение археологических памятников Африки. Эфиопия оказывается связанной со странами северной Африки и верховьев Нила. Еще недавно трудно было предполагать, что в Эфиопии с такой полнотой будут представлены памятники различных археологических эпох. В настоящее время можно считать несомненным, что в Африке в эпоху палеолита существовали поселения в местах, ныне заброшенных вследствие безводности. Это относится не только к Самалиланду, Огадену,

но также и к Сахаре, где были найдены поселения эпохи палеолита.

Находки гигантских монолитов, относящихся к более поздней эпохе, доказывают, что народности Эфиопии прошли те же стадии развития общества, что и Северная Африка и Западная Европа. Находки дольменов в Эфиопии включают ее в ту цепь, которая тянется от Франции через северную Африку и Египет вплоть до Индии и Индокитая. Повсюду здесь были найдены аналогичные памятники.



„Донгора". Кол для обработки земли, утяжеленный каменным кольцом.

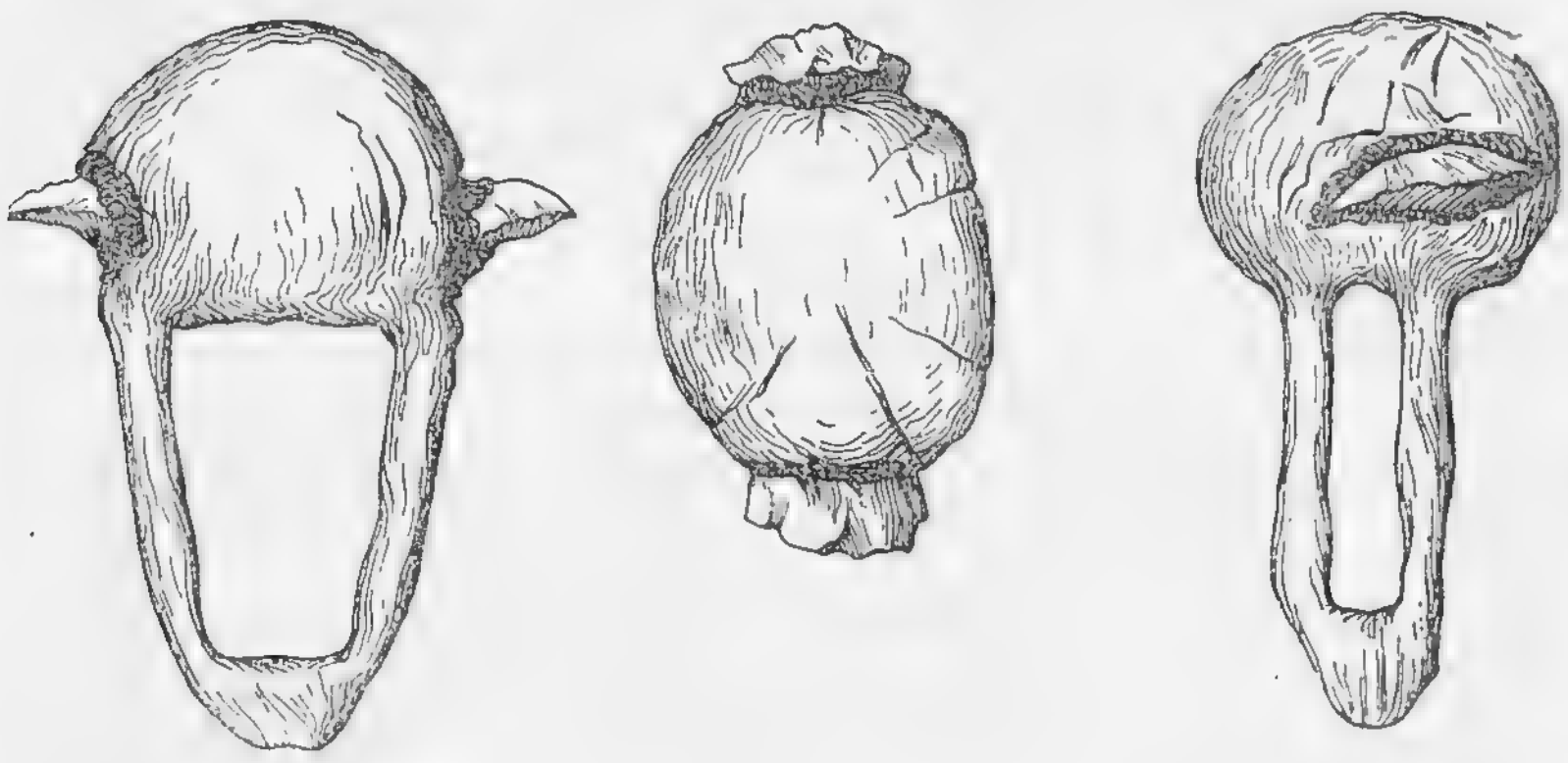
Таким образом, в археологии Эфиопии можно наметить три группы памятников древнейшие палеолитические, более поздние неолитические — дольмены, фаллические камни, стелы разных видов и, наконец, древности Аксумского царства, вводящие нас в историю классового общества.

Можно сказать, что народы Эфиопии издавна знакомы с обработкой металла. Повсюду распространена обработка железа, даже среди наиболее отсталых племен. Однако в некоторых местностях встречаются еще древние орудия из камня и рога. Так, говорят, что еще до недавнего времени народы агау не употребляли железа, делая наконечники копий из рога антилопы. Копья такого типа сохранились еще у некоторых нильских племен. Они представляют собою прямую палку, несколько заостренную на одном конце, на который насажен рог антилопы куду, которая часто встречается в этих областях. Очевидно, что это оружие употреблялось в Эфиопии с незапамятных времен. Описывая вооружение персидских полчищ, двинувшихся в V веке до н. э. на завоевание Греции, Геродот упоминает, что в числе персидских войск был соединенный отряд арабов и эфиопов, „живущих выше Египта".

„. . . *Эфиопы покрыты были барсовыми и львиными шкурами, луки имели из пластинок пальмового дерева, длинные, не меньше как в четыре локтя, и короткие тростниковые стрелы; наконечником стрелы служил вместо железа заостренный камень, такой самый, каким режутся печати.*

Кроме того, они имели копья с заостренным рогом антилопы наподобие железного наконечника...".[1]

Употребление каменных орудий в настоящее время, конечно, сохранилось лишь в немногих случаях. Так, например, в земледелии при обработке земли кольями употребляются камни, высверленные посредине, которыми утяжеляется кол. В виду того, что тяжелым колом легче работать, так как он глубже входит в землю благодаря своей тяжести, то обычно на нижний



Обсидиановый скребок.

конец такого лома надевается каменное кольцо. Колья с каменными кольцами — земледельческое орудие, известное только в Эфиопии, употребляется во многих ее районах, преимущественно при обработке тяжелых почв.

Другим примером архаического орудия, сохранявшегося до недавнего времени в южной части провинции Шоа, являются каменные скребки, употреблявшиеся кожевниками при обработке кож. Эти скребки чрезвычайно своеобразной формы, сделаны из обсидиана, обработанного и вставленного в деревянную рукоятку. Обсидиановые лезвия насажены с двух сторон скребка в дыры, выжженные в дереве рукояти, и укреплены в ней черной смолой дерева колквал. Скребки такого типа встречались у гураге

---

[1] Геродот. История, кн. VII, 69.

и среди арусси-галла.[1] Как мы увидим дальше, целый ряд ремесленников, например, кузнецы, гончары и др., в том числе и кожевники чаще всего бывают людьми низших каст. К ним относятся с презрением, они подчинены целому ряду ограничений в правах, с ними запрещается или по меньшей мере не рекомендуется заключать браки и т. д. Таким образом они оказываются во многих местах Эфиопии, например, в Тигре, Годжаме, Шоа, у сомалийцев и других племен как бы изолированными.

Эта изолированность дает возможность устойчивее сохранять традиции ремесла. Быть может поэтому до наших дней дошли эти примитивные обсидиановые скребки — орудия эпохи каменного века.

* * *

ПЕРЕЧЕНЬ НАРОДОВ ЭФИОПИИ

Эфиопия населена множеством разнообразных народностей, говорящих на различных языках. Эти народности находятся на различных стадиях общественно экономического развития.

Основную часть населения составляют народности абиссинского нагорья, населяющие провинции Тигре, Ласта, Бегемдер, Амхара, Дамот и Шоа. Области к югу от них населены народами галла и сидамо; на востоке в провинциях Огаден и Данакиль племена сомалийцев и данакиль. Наконец, в западных районах Эфиопии живут негры шанкалла.

В виду невозможности подробнее остановиться на каждом из племен, населяющих Эфиопию, я привожу здесь лишь перечень наиболее значительных групп населения.

Северные области Эфиопии населяют т и г р е. Тигре распадается на две группы тиграи и тигре. В пределах Эфиопии находится только южная из этих групп, говорящая на языке, называемом тиграи, а по-амхарски — тигринья. Северная группа,

---

[1] Prof. Henry H. Giglioli. On a singular obsidian scraper, used at present of some of the Galla tribes is Southern Shoa. Internationales Archiv für Ethnographie, T. II, 1889, S. 212—214.

Группа Данкали.

собственно тигре, населяет северную часть Эритреи, острова Дахлак, окрестности Массауа, провинцию Менса и небольшие области Сабдерат и Альгеден. И в этническом и в языковом отношениях они очень близки к южной группе тиграи.

Тиграи населяют, как было уже сказано, северные области Эфиопии к северу от реки Такказе с городами — Макале, Аксум, Адуа, Адиграт. Граница Эфиопии с Эритреей разделяет область, занятую тиграи, пополам. К северу от границы находится значительная часть тиграи, населяющая провинции Эритреи к юго-востоку от Массауа. Главнейшие города в этой области — Асмара, Ади-Угри, Ади-Кайя и Ади-Квала.

К югу от реки Такказе основная группа населения — амхара. Амхара населяют области Годжам, Дамот, Бегамедер, Амхара

Дом галла.

Шалаш кочевников племени данакиль.

и отчасти Шоа. В настоящее время амхара являются господствующей национальностью в Эфиопии. Государственным языком является амхарский. Несмотря на то, что в некоторых областях в центральной Эфиопии, как мы увидим в дальнейшем, сохранился родовой строй, неправильно было бы полагать, что тигре, тиграи и амхара являются племенами. Их правильнее считать национальностями.

В лингвистическом отношении близкими к амхара являются гураге, живущие между рекой Омо и озером Зваи, харари, население Харара и окружающей его области.[1]

К югу от области Амхара живут галла. Это наиболее многочисленная группа населения. Численность галла определяется около 5 миллионов. Галла распадаются на несколько групп. Восточная группа к западу от Аддис-Абеба — лиека галла; в области Шоа — тулама; к юго-востоку от Аддис-Абеба — арусси и, наконец, у южных границ Эфиопии живут галла борана.

В восточной части Эфиопии, в провинции Огаден и Харар, а также в Британском Сомалилэнде и Итальянском Сомали живет большая группа племен сомали. Они занимают степи северо-восточного „рога Африки".

Сомалийцы распадаются на ряд групп. Северную группу составляют Хабр-Юнис, Хабр-Ауаль, Хабр-Джиало; другую группу составляют сомали огаден, миджуртин, варсангели и др.; в долине реки Веби живут сомали хавия; четвертую группу составляют сомали раханвин и мн. др. Каждая из этих групп состоит из полусамостоятельных племен, занимающихся скотоводством, кочующих в степях между Джибути и рекой Тана.

Севернее их живут данакиль, также кочевники-скотоводы. Данакиль говорят на языке афар, который относится к той же лингвистической группе, что и галла и сомали. В эту же группу включается язык сахо — небольшого племени, живущего в Эритрее между данакиль и тиграи, к югу от Массауа.

В южной части Эфиопии живут народы, объединяемые общим названием сидама. Наиболее значительным из них является

---

[1] В отличие от амхара, имеющих письменность, основанную на геезском алфавите, харарцы употребляют арабское письмо. Возможно, что гураге и харари являются остатками прежних военных колоний в покоренных странах. См. далее, стр. 177.

каффа. До 1897 г. Каффа представляла собою самостоятельное государство с очень своеобразным государственным устройством. Остальные племена, входящие в группу сидамо, частью до завоевания их абиссинцами, были самостоятельными царствами, вроде Уоламо и Джимма, частью же являлись разрозненными племенами. Наиболее значительными из них являются консо, камбатта, кулло и др.

В северной части Эфиопии, к востоку от озера Цана, живет группа племен агау. Повидимому, в древности народности, говорящие на языках этой группы, населяли значительную часть абиссинского нагорья. В настоящее время народности, относящиеся к этой группе, сохранились в различных удаленных друг от друга местах. Так, наибольшая часть их живет к западу от озера Цана: квара, кемант, ауйя и гафат; в истоках реки Такказе небольшое племя хамир и, наконец, в пределах нынешней Эритреи племя билин или богос.

Вдоль западных границ Эфиопии живут многочисленные негрские племена, говорящие на языках суданской группы. Главнейшими из них являются бареа и кунама, живущие в пределах нынешней Эритреи в области, пограничной с Эфиопией. Несколько южнее их, в западной части провинции Агаумедер, живут гунза; южнее их — группа племен ямбо, гимира, нао, маджи, мурле и мн. др. Все эти племена занимаются земледелием и охотой. Эти племена наиболее примитивны среди всех населяющих Эфиопию.[1]

Кроме того в жарких местностях „кволлы" — в районе реки Омо встречаются карликовые племена пигмеи Доко. Они еще совершенно неизучены — кроме случайных упоминаний о них отдельных путешественников, о них ничего неизвестно. Если сведения о них верны, то это, повидимому, наиболее восточная группа тех же пигмейских карликовых племен, которые живут в районах северо-восточного Конго и в среднем течении Бахрэль-Газаля в Англо-египетском Судане.

Численность населения Эфиопии можно определить лишь очень приблизительно. До сих пор не было произведено ни одной переписи, и все рассуждения о численности населения основывались на примерном определении плотности населения того или иного района. Естественно поэтому, что путешественники

---

[1] См. перечень племен Эфиопии у Conti Rossini, Abissinia, стр. 19—48.

и исследователи Эфиопии, а за ними и все статистические справочники, сообщают разнообразные и очень противоречивые сведения. Так, некоторые из них определяют цифру эту в 6—8 млн. Другие говорят о 6 или 6.5 млн. Нередко встречаются указания на цифру вдвое большую — 13 млн., 12 млн. Можно думать, что 6 млн. цифра явно преуменьшенная, точно также как 13 млн. — преувеличенная. Новейшие итальянские справочники, которых нельзя заподозрить в желании преувеличить число населения, дают цифру в 10.5—11 млн. Так, по приблизительным расчетам в 1930 г. население Эфиопии определялось около 12 млн. Из этого числа — тигре и амхара 3.5 млн.; народности галла 5 млн.; кочевые племена сомали и данакиль около 1 млн.; негрские племена юго-зап. Эфиопии несколько менее 1 млн. К этому следует еще прибавить несколько сот тысяч фалаша — абиссинцев, сохранивших иудейскую религию. Число этих последних, впрочем, также очень неопределенно.

* * *

РОДОВОЙ СТРОЙ ПЛЕМЕН ГАЛЛА В XVI ВЕКЕ

Из числа племен, населяющих Эфиопию, наиболее значительным по своей численности, как было уже сказано, является галла или оромо. Было бы неправильно называть галла племенем или группой племен. Несколько веков тому назад, к моменту их появления в истории Эфиопии, они действительно представляли две близких между собою группы племен — Борана и Бараитума. Расселившись в XVI веке во многих частях центральной Эфиопии и войдя в более тесное соприкосновение с амхара, некоторые группы галласов сильнейшим образом изменили свой прежний племенной строй. В настоящее время лишь некоторые группы галла — Борана, Арусси и некоторые другие, населяющие степи южной Эфиопии, сохранили еще родовой строй. До сих пор эти группы имеют общую родовую собственность, родовые земли, пастбища, но скот находится в руках отдельных больших семей. Эта организация очень напоминает

социальный строй других скотоводческих племен, населяющих восточную Африку: туркана, сук, нанди, масаи, до некоторой степени также юго-восточных банту, как то: амазулу, амакоса и др. Характерной особенностью родового строя южных галла является существование у них особой системы, так называемой *луба* или *гада*, т. е. системы возрастных классов. И в этом отношении южные галла сходны с негрскими народностями.

Совсем иную картину представляют северные группы галла, вошедшие в состав феодального государства Эфиопии. Они составили основную часть крестьянского населения многих областей. Некоторые группы их в настоящее время занимаются земледелием, оставив свое прежнее занятие — скотоводство — лишь в качестве подсобного. Вовлеченные в хозяйственную жизнь тех провинций, в которых они поселились, эти группы претерпели сильнейшие изменения. Прежний родовой строй исчез, уступив свое место новым социальным отношениям. Произошло расщепление некогда однородной массы одноплеменников. Из племени выделилась земельная знать, поработившая частью туземное население, частью своих же соплеменников. Последовавшее затем завоевание южных стран амхарцами произвело дальнейшие изменения. Свободное крестьянское население превратилось в крепостных крестьян „*габаров*“, подчиненных амхарским помещикам. Местная же земельная знать в большинстве случаев удержала в своих руках свои земельные поместья. Не последнюю роль во всем этом процессе сыграло принятие или непринятие христианства. Согласно абиссинским обычаям, одни христиане имеют право владеть землей. Поэтому все группы галла, не принявшие христианства после завоевания их страны абиссинцами, оказались лишенными своих некогда родовых земель и перешли на положение крепостных, выплачивающих аренду за свои земли. Лишь немногие, перешедшие в христианство, общины галла сохранили право свободного владения. Таков в общих чертах очерк социального развития племен галла за последнее время. Из сказанного становится ясным, что нельзя говорить о галла, как об одном племени. В настоящее время они объединены лишь одним общим им всем языком — галла или, точнее, языком оромо. Вне этого лингвистического понятия галла не представляют собою единой группы. Южные галла до сих пор удержали свой племенной

Галла с плугом.

строй, северная же их группа, утратившая его, стала одной из национальностей Эфиопии. Исторические абиссинские хроники позволяют проследить историю галла с XVI века.

Первое упоминание о них мы находим в одном из наиболее интересных памятников, относящихся к истории Эфиопии, в рукописи, составленной неизвестным абиссинским монахом XVI века.[1] В это время Эфиопия подверглась нашествию гал-

---

[1] Хроника издана A. W. Schleicher, Geschichte der Galla ዜናሁ፡ ለገላ፡፡ Bericht eines abessinischen Mönches über die Invasion des Galla im sechszehn-

ласских полчищ, двинувшихся с востока на завоевание богатого феодального государства. Монах этот, повидимому, был свидетелем этого разгрома: целые области были разграблены, города сожжены, монастыри разрушены, и монахи бежали, спасая свое имущество и жизнь. Потрясенный всем этим, этот неизвестный летописец описал все случившееся. В отличие от большинства других составителей исторических хроник, нашего автора больше занимает вопрос, почему все это произошло, а не как это было. И вот, задавшись этой целью, он описывает социальный строй феодальной Эфиопии и социальную организацию племен галла и сравнивает их между собой.

„Я начинаю писать историю галла, чтобы сообщить о числе их племен, их стремлении убивать людей и о грубости их обычаев. Если кто-либо скажет обо мне — к чему писать историю злодеев? — я им отвечу, говоря: поищи в книгах и ты увидешь, что написана история Мохаммеда и царей мусульманских, которые тем не менее враги нашей веры. Также и Георгий Вальда Амид написал историю царей персидских, Феридуна и других царей Фара". Обеспечив себя, таким образом, от упреков в бесполезности дела, которое он предпринял, он переходит к описанию галласов. Составитель летописи говорит: „галла вышли с запада, перешли реку своей страны, называемую Галана, во времена Ванаг Сагада.[1] Это были два племени, называвшихся Бараитума и Боран... Издавна у них был обычай итти вместе на войну, но спустя долгое время они перессорились и отделились одни от других, как разделились Авраам и Лот, когда их стада стали многочисленными. И сказали они друг другу: «разделимся. Ты — направо, я — налево, или же я — направо, а ты — налево». И случилось так, как случилось". Перечислив затем родословную сказочных прародителей этого народа, монах продолжает: „Их дети и дети их детей также умножались и образовали многочисленные племена, которые получили свои имена по имени их родоначальника. И нет у них ни царя, ни господина, как у других народов, но слушаются они Луба в течение 8 лет. А по истече-

---

ten Jahrhundert. Berlin, 1893. Ign. Guidi. Historia Gentis Galla. Помещено в приложении к изданию Conti Rossini Хроники царя Сарса Денгеля: Historia Regis Sarsa Dengel, в серии Corpus Scriptorum Christ. Orient., Scriptores Aethiopici versio. Seria altera, t. III. Parisiis, 1907, стр. 195—208.

[1] Т. е. в царствование Лебна Денгеля (1508—1540).

нии 8 лет они создают другую Луба, а первую распускают. И так делают они во время, положенное для каждого. Луба же означает 'обрезанные одновременно'. Что же до обычаев обрезания, они таковы: когда Луба создается, все Бартума и Боран принимают общее имя, также как называются царские полки (в Эфиопии). Например, *Селлус Хайле* (троица моя сила), *Бадель Сахай* (солнце побеждающее), *Георгис Хайле* (св. Георгий моя сила)... Итак, когда они начали войну, те, которые были обрезаны, назывались Мельба... Вторая Луба называлась Мудана; это они перешли реку Ваби. Третья Луба называлась Килоле; она вела войну в землях квола в Даваро... Четвертая Луба называлась Бифоле; это они опустошили всю страну Давара и начали войну в Фатагаре. Они начали захватывать в рабство жителей страны. И они делали из них рабов и называли их *гебер* (ገበር)... Пятая Луба называлась Месле; они разорили все города и они вошли (и обосновались в стране) со своими стадами, тогда как прежде галла, окончив войну, возвращались обратно (в свою страну). И Месле начали ездить верхом на лошадях и мулах, чего не делали до того, и говорили они о своих предшественниках: «Тех, которые ходили на двух или на трех ногах, мы заставили пойти на четырех». Они говорили «три ноги», потому что они опирались на свои копья, как на палки, когда они уставали в пути.

Эти пять Луба, которых мы перечислили, властвовали в течение сорока лет. Их дети не были обрезаны. После правления пяти Луба, сыновья Мельба были обрезаны и получили имя Гармуфа... Через восемь лет Гармуфа были распущены, и Робале, сын Мудана, создал новую Луба. Это он опустошил Шоа и начал войну в Годжаме. Царь Эфиопии дал им битву у Зваи; он убил множество их и захватил их быков. Много людей разбогатело благодаря этому... Через восемь лет была создана Луба Бирмаджье сыном Килоле. Бирмаджье племени Боран делали себе щиты из бычьей кожи по своему росту и напали на Майя, искусных стрелков из лука, и победили они их потому, что те не могли поразить их своими стрелами, так как щиты их были сделаны из высушенной бычьей кожи. Бирмаджье окружили страну Дамот, увели в рабство мужчин и захватили скот, потому что они нашли страну беззащитной".

Затем продолжается список походов, предпринятых другими Луба, сражений, побед и поражений. Мы не будем следовать

далее нашему автору. Описав разорение эфиопского царства, хроникёр задается вопросом, отчего все это произошло. Как могло случиться, что полчища галласов могли сокрушить более культурное, хорошо устроенное Эфиопское царство? И автор переходит к описанию социального строя феодальной Эфиопии.

Он продолжает:

„Ученые много раз спорили, говоря: «Как случилось, что галла нас победили, ведь мы многочисленны и хорошо вооружены?» Некоторые говорили, что бог допустил это за наши грехи; другие говорили, что это произошло из-за того, что наш народ разделен на десять классов, девять из них не идут на войну и не стыдятся показать страх свой; лишь десятый класс ведет войну и битвы по мере возможности. Итак, хотя мы многочисленны — могущих воевать мало, и большинство не касается войны.

Из этих групп первая — это монахи, которые бесчисленны; среди них есть те, которые стали монахами еще в детском возрасте, привлеченные другими монахами во время своих занятий (в монастыре), как это случилось и с тем, кто написал это повествование, и с подобными ему. Иные становятся монахами из-за страха пред войной.

Другую группу составляют *дабтара*; они изучают писание, священные книги и богослужение, они хлопают в ладоши и притаптывают ногами во время богослужения и не стыдятся страха своего итти на войну. Они считают образцом своим левитов и священников, сынов Аарона.

Третья группа называется *Джан Хасана* и *Джан Маасаре* — они смотрят за судопроизводством и воздерживаются принимать участие в битвах.

Четвертая группа — это те, которые сопрождают жен вельмож и царевен; это люди сильные, бдительные и крепкие, которые не идут на войну и говорят: «мы охраняем женщин!»

Пятую группу составляют старейшины, господа и помещики (владельцы земель „*рест*“); они распределяют свои земли между крестьянами (*геберами*), подчиненными им, и не стыдятся своего страха.

Шестая группа — это крестьяне-земледельцы (*геберы*), они живут на полях и не помышляют совсем о войне.

Седьмая группа — это те, которые извлекают выгоды из торговли и действуют в свою пользу.

Классовая структура феодальной Эфиопии. Картина абиссинского художника Алака Хадис.
Стоящая в центре женская фигура изображает Эфиопию. Около нее помещена надпись на яз. геез: „Это страна наша Эфиопия и мать Менелика. Она питает всех дарами радости и несет пищу радости". Другая надпись на амхарском языке: „Это — Менелика, страна Эфиопия, несет корзину, она всем дает питание". Над нею в радуге изображены цари в виде двух львов. Около верхнего надпись: „Менелик II, царь царей Эфиопии". Около нижнего льва: „Иясу. Менелика второго (сын)". Внизу в виде львов, быков и свиней изображены вельможи, крестьяне и покоренные народы. Около них надписи: „Вельможи и судьи" (над львами), „Народ и народы" (над быками), „язычники" (над свиньями).

Восьмая группа — это ремесленники: кузнецы, писцы, портные, плотники и им подобные; они не знают военного дела.

Девятая группа — это певцы, бьющие в барабаны, играющие на лирах, выпрашивающие себе подаяние. Они призывают благословение на тех, кто им подает, и воспевают их в суетных восхвалениях и бесполезных хвалебных песнях, и если они проклинают тех, кто им отказывает в подачке, — их не винят за это, ибо, говорят они: «таков наш обычай». Эти люди очень далеки от войны.

Десятая группа — это те, кто держит копье и носит щит и может воевать, и они следуют стопам своего царя, чтобы бежать (делая набеги). Из-за их малочисленности наша страна разорена.

У галла же, напротив, девяти классов, которые мы перечислили, не существует; все от мала до велика обучены военному делу, и потому они нас разорили и убивали".

Далее наш автор опять возвращается к галласам:

„Но вернемся к рассказу о галла. Они называют маленьких детей муча, детей постарше называют — эльман, еще постарше — гарба; эти уже начинают принимать участие в войне. Юноши, еще необрезанные, называются квандала. Они заплетают свои волосы, как воины. Если они убьют человека, слона, льва, носорога или буйвола, они бреют голову, оставляя пучок волос на затылке. Но те, кто не убил никого, не бреются, также и женатые не бреют головы, если они не убили.

„И все галла, как обрезанные Луба, так и необрезанные квандала, еще не женатые называются керо. И двадцать среди них должны строить палатки и часть их должна убивать быков, двое жарят мясо и режут его и раздают куски его всем поровну. Пять человек обязаны доить коров для всех, двое черпают молоко из подойников и выдают каждому его долю. Семь человек загоняют скот и отыскивают отбившихся от стада животных. И они выбирают также двух лиц из своей среды, чтобы они наблюдали и били тех, которые имеют сношения с женщинами. Они делают это не ради добродетели, но потому, что они должны быть всегда готовыми к войне. Ибо «женатый заботится о мирском, как угодить жене». Они назначают также десяток мужчин, чтобы они выгоняли стада на пастбища. Те, которые желают жениться, отделяются от них. Старики называются мельгуддо. Они также не оставляют военного дела, если только они совсем не ослабли".

На этом рукопись обрывается. В этих немногих словах монах-летописец сохранил нам сведения о социальной организации галласских племен в XVI веке. Как видно из его слов, галласы представляли собой типичное родовое общество, имеющее общую родовую собственность, общие стада и пастбища.

Все племя делилось на две части. Женатые мужчины со своими женами и детьми жили отдельно, в то время как неженатые еще юноши составляли своеобразные братства. Юноши одного рода жили вместе и, как ясно об этом говорит летописец, среди них существовал коммунизм потребления. Кроме того, по его словам можно заключить, что еще в XVI в. у галла сохранялись большие общие дома, которые столь характерны для родового общества на ранней ступени его развития.[1]

* * *

СИСТЕМА ГАДА У ЮЖНЫХ ПЛЕМЕН ГАЛЛА

Очерченная нами социальная организация галла в основных чертах сохранилась еще до сих пор.[2] Интересно сравнить описание летописца с теми данными, которые получены были в недавнее время. Система Луба (точнее *гада*) представляла собою загадку для этнографов, изучавших племена северо-восточной Африки. Многие путешественники описывали ее, сообщая о ней самые противоречивые сведения. Одни видели в ней своеобразную республику, другие говорили о демократическом характере, присущем галла; третьи, наконец, предполагали, что вся эта система, напротив, чужда галласскому духу ився целиком заимствована у негров. Таково, между прочим, мнение одного из наиболее известных исследователей Эфиопии — Э. Черулли. Однако совершенно очевидно, что галла не представляют

[1] В абиссинском тексте употреблено слово ቤተ. Обычно ቤት обозначает длинный, прямоугольный, большой дом, напр. в хронике Зара Якоба (Perruchon, Les Chroniques de Zará Ja'eqôb, 24 и мн. др. См. также Schleicher, цит. соч., стр. 40, примеч. 2). Теперь таких общих домов у галла не существует. Они живут в небольших хижинах отдельными семьями.

[2] E. Cerulli. Etiopia occidentale. T. I, гл. III и VII; т. II, гл. XIX и XX. Roma, 1933—1934. The Folk litterature of the Galla. Harvard African Studies, vol. III.

E. Cerulli.. I riti della iniziazione nella tribu Galla. Rivista degli St. Or. vol. IX, 1923, pp. 480—495.

какого-то исключения. Система *гада* — это система возрастных классов, хорошо известная у множества племен всего мира, находящихся на стадии родового строя. До настоящего времени южные группы галла, живущие в пределах английской колонии Кении, полностью сохранили свой родовой строй. Близко примыкающие к ним галла южных районов Эфиопии делятся на ряд племен, которые являются в известной степени независимыми. Некоторые из них выплачивают известные подати правителям южных провинций, а в остальном они самостоятельны. Главным занятием их является скотоводство, соединенное с земледелием. Родовая организация племени еще сохранилась в полной силе. Земля и пастбища для скота составляют общую собственность. Всеми делами рода управляет вождь, должность которого является выборной на 8 лет. В течение этого срока вождь вершит все дела, устанавливает законы, разрешает споры между членами рода и является военным предводителем всего племени. Во всех делах ему помогает небольшая группа его, так сказать, сверстников — членов одной с ним „возрастной степени". В этом делении племени на группы и степени и заключается своеобразие социальной организации южных галла. Остановимся несколько на этом устройстве.

Все племя делится на несколько групп. В настоящее время все племена, сохранившие эту организацию, имеют по пяти таких групп, называемых *гада*. Так, например, у одного из галласских племен — гомбиччу — в настоящее время имеется пять таких групп (*гада*), а именно: Робале, Бирмагу, Хората, Мудана, Дуло.[1] Каждая из этих групп является одной из составных частей племени. Принадлежность к тому или иному *гада* определяется по отцу. Управление племенем переходит поочереди к каждой из них. Каждая *гада* подразделена на степени, причем управление делами племени находится в руках лишь одной из этих степеней. Благодаря этой системе обеспечивается строгое выполнение обязанностей и прав и строгое чередование. Система эта действует с такой последовательностью, что заменяет собою календарь. Обычный отсчет лет ведется по годам правления степеней *гада*. У тех же гом-

[1] Трудно сказать, что представляли собой в древности эти группы. Возможно, что каждая из них была экзогамна. Об этом свидетельствуют некоторые пережиточно сохраняющиеся обычаи. Однако, в настоящее время уже нельзя видеть в них самостоятельных родов.

бичч *гада* разделена на пять степеней: Деббале, Фолле, Кондала, Дори, Луба и Юба. Дори и Луба представляют собой лишь подразделения одной и той же степени. Каждый мужчина, член племени, принадлежит какому-нибудь одному *гада* и в течение всей своей жизни последовательно переходит из одной степени в другую, от младшей (Деббале) к старшей (Юба). Продолжительность пребывания в каждой из степеней — 8 лет, лишь степени Дори и Луба — 4 года каждая. Таким образом, прохождение всех степеней занимает время общей продолжительностью в 40 лет. Однако, не следует думать, что в первую степень включаются дети или юноши по достижении ими какого-либо определенного возраста. Вступление в степень Деббале, т. е. в самую младшую, происходит по окончании отцами их самой старшей степени. Когда отцы вышли из Юба, дети их вступают в Деббале. Таким образом в одной степени объединяются лица самых разных возрастов. Если, например, мальчик родился на 27-м году жизни отца, в то время когда тот находился в степени Фолле, то мальчик вступит в степень Деббале лишь тогда, когда его отец закончит прохождение всех степеней, т. е. не раньше как через 25 или больше лет. Следовательно, ему самому будет больше 25 лет. Однако, если ребенок родился, хотя бы за день до вступления его отца в степень Деббале, он проходит эти степени одновременно со своим отцом. Как вступление, так и переход из степени в степень связаны с многочисленными обрядами, магическими церемониями, ритуальными песнями, играми и т. д. Прохождение степеней отмечается особыми праздниками, как бы посвящениями, утверждающими за членами степени определенные права. Одним из главных праздников является *бутта*, на котором в числе прочих церемоний отцы представляют членам племени своих детей, которые должны в ближайшее время вступить в эту организацию. Как было уже сказано, продолжительность пребывания в каждой степени — 8 лет, что при пяти степенях составляет 40 лет. Другими словами говоря, дети начинают прохождение степеней ровно через сорок лет после вступления своих родителей. Этот сорокалетний период служит основой летоисчисления у галла. „Это случилось в Луба моего отца“, „это произошло в Луба дяди моего отца“ — вот обычные хронологические даты. Таким образом, отсчитывая сорокалетние периоды назад, можно установить историю отдельных галласских племен до XV—XVI веков.

Этот сорокалетний период неоднократно упоминается в обрядовых песнях, так, например, в обрядах Фолле поют:

Это время — время Фолле,
Дай мне дойти до пепла моего отца.

Каждая из степеней имеет свои права, причем младшая степень является как бы подготовкой к старшей. При достижении степени Кондала все, состоящие в ней, избирают из своей среды вождя. Этот вождь становится вождем всего племени по достижении степени Дори, т. е. через 8 лет. Вступая в степень Дори, они участвуют на общеплеменных собраниях, а вождь, выбранный ими прежде, становится во главе племени. Тотчас при вступлении устраивается тайное собрание членов степени Дори, на котором не могут присутствовать лица, не принадлежащие к ней. Это собрание имеет большое значение. На нем устанавливают законы племени. Если среди участников собрания окажется кто-либо из посторонних, т. е. не членов степени, то на виновного падет проклятие вождя и сделает бесплодными его семью и его скот. Собрание это предварительно устанавливает законы. Когда намечены все новые постановления, приглашаются все члены племени. Когда все сходятся, новый вождь объявляет: „Я издаю закон! Слушайте меня!“ Собрание отвечает ему согласием. Тогда вождь произносит новые формулы законов, которые были согласованы на закрытом собрании, и племя каждую формулу утверждает. Не принадлежащие к степени не имеют права обсуждения. Они могут лишь торжественно подтверждать, что они знают закон и готовы подчиняться ему. На этом собрании провозглашаются правила поведения в отношении к семье, устанавливаются наказания за неподчинение родителям и за все то, что вредит единству семейной группы и племени. Во время пребывания в степени Дори члены ее являются руководителями племени. Они наблюдают за выполнением установленных ими законов. Их значение еще усиливается, когда через 4 года они вступают в степень Луба. На празднике *бутта*, который является самым значительным за все сорок лет, на общем собрании членов племени, вождь, стоя на куче камней, провозглашает новые правовые нормы. Так же, как и упомянутые законы, они касаются той защиты, которую племя обеспечивает своим членам и семьям, входящим в его состав. Кроме того устанавливаются правила,

относящиеся к уплате определенной суммы в случае убийства или нанесения увечья. Цена за убийство члена племени значительно выше, чем за убийство одного из членов так называемых низших каст, ремесленников. Так, например, у галласов гулалье цена крови члена племени равняется ста быкам, в то время как плата за убийство кузнеца равна лишь двум мулам. Надо сказать, что к числу членов племени относятся также и тотемные животные. Так, у галласов наблюдается особое отношение к змее. Вполне естественно поэтому, что, провозглашая новые законы, вождь не забывает упомянуть и об убийстве священного животного.

„Убили змею!“

„Если они ее убили, то цена крови ее равняется ста“.

Другими словами говоря, в случае убийства змеи необходимо выплачивать ту же сумму, что и за убийство соплеменника. Около каждой убитой змеи обычно кладут сто палочек, или сто камушков и говорят: „Ты Борана и я Борана. Твоя цена крови равна ста“.

Значительно высшая расценка устанавливается за повреждение, нанесенное членам степени Луба. Все Луба и все их имущество: рабы, скот и т. д. объявляются „канани“. За любое, даже непреднамеренное увечье, нанесенное канани, уплачивается полная стоимость крови, т. е. сто быков, так же как и за убийство. Степень Луба, таким образом, ограждена наивысшей нормой.

Пока продолжается собрание, вождь имеет право потребовать изменения произнесенных им самим законов. Если он не заявил об этом, то постановления остаются в силе до следующих собраний Луба, которые состоятся через 8 лет. Это обстоятельство дает возможность вождю потребовать специальных приношений от подчиненных племени лиц. Злоупотребляя своим правом, вождь, например, произносит следующее постановление:

„Они убили кузнеца!“

„Если они его убили, то цена его крови равняется голове осла“.

Этот закон обрекает всех кузнецов и членов их семей на верную смерть, лишая их покровительства племени. Немедленно кузнецы являются к вождю, принося ему дары, на коленях умоляя его: „За что, господин мой? Я делаю для тебя копье,

цепь для твоей лошади, кинжал и лемех. За что, господин мой"? И вождь, приняв дары, произносит новую формулу, определяя, согласно традиции, цену за кровь кузнеца в 50 волов.

Почти все законы, произносимые на собрании, имеют стихотворную форму. Этим обеспечивается лучшее запоминание законов.[1] Непосредственно после праздника *бутта* устанавливается и норма, определяющая ценность убийства разных видов животных, причем эта норма переведена на ценность одного убитого человека. Так, например, по обычаю галла лиека нормы эти таковы:

Один пеший человек считается за одного мужчину,
Всадник считается за двоих мужчин,
Слон считается за десять всадников,
Буйвол считается за одного мужчину,
Лев считается за пятерых мужчин,
Леопард считается за троих мужчин,
Пантера считается за семнадцать мужчин.

Эти нормы определяют храбрость воинов, которые таким образом расценивают свои успехи в борьбе с врагами племени и хищниками.

Через четыре года после праздника *бутта* члены степени Луба переходят в последнюю степень — Юба. Главной обязанностью их является наблюдение за выполнением законов, ими самими установленных. Проведя 8 лет в этой степени, они оканчивают прохождение степеней, и их место заступают их дети, вступающие в младшую степень Деббале одновременно с окончанием родителями степени Юба. Окончившие степень Юба продолжают еще в течение 28 лет принимать участие в делах племени до тех пор, пока их дети сами в свою очередь

---

[1] Ритм и рифма облегчают запоминания. Поэтому ими пользуются при объявлении законов не только у галла, но и у других народов Африки. Даже абиссинские цари возвещали народу свои указы через герольдов нередко в стихотворной форме. Так, напр., указ негуса Федора о мобилизации был таков: „Metâ negarit; ketat Sarâwit"—т. е. „бейте в барабан, собирайтесь в войска" (приведен у Mondon-Vidailhet, Chronique de Theodoros, II, стр 8). Возникнув из необходимости устной передачи указа, стихотворная форма эта удержалась в воззваниях до сих пор. Так, негус Хайле Селассе, собирая свой народ на борьбу с итальянцами в 1935 г., издавал п е ч а т н ы е воззвания, которые сохранили по традиции стихотворный размер, ритм и рифму.

не достигнут степени Луба. После этого старики переходят в разряд „немых“, т. е. лишенных всяких прав.

Таким образом в жизни галласов южных районов можно наметить различные периоды:

1) С момента рождения и до вступления в степень Деббале. Это „немые“ (*ра́ба*), не имеющие никакой юридической власти.

2) Начиная со вступления в степень Деббале, во время периода пребывания в трех младших степенях, т. е. в течение 24 лет, постепенное приобретение юридической правоспособности.

3) Период пребывания в степенях Дори и Луба, т. е. 8 лет, полная юридическая правоспособность и власть над всем племенем.

4) Период Юба. 8 лет. Полная юридическая правоспособность.

5) Со времени окончания Юба и до праздника *бутта*, устраиваемого их сыновьями, т. е. 28 лет — полная юридическая правоспособность.

6) От праздника *бутта* и до смерти — „немые“, не имеющие права участвовать в делах племени.

Все племя, как уже упоминалось выше, делится на пять частей, называемых *гада*. Каждый человек принадлежит к одному какому-нибудь *гада* и внутри него проходит все степени. Существует определенная последовательность в прохождении степеней между отдельными *гада*. Из 40 лет пребывания в степенях члены племени принимают участие в управлении им лишь в периоде Дори и Луба, т. е. в течение всего лишь 8 лет. После того как *гада* № 1 окончила свой восьмилетний срок управления племенем, оно переходит в руки *гада* № 2, с тем чтобы через 8 лет перейти к *гада* № 3, и т. д. Другими словами говоря, одновременно действуют в пяти разных *гада* пять разных степеней, расположенных в последовательном порядке. Если в *гада* № 4 в настоящее время все ее члены достигли степени Кондала, то члены *гада* № 2 и 3 находятся в младших степенях Деббале и Фолле. Управление делами всего (состоящего из 5 гада) племени находится в руках *гада* № 5, а наблюдение за порядком — дело представителей *гада* № 1, которые некоторое время тому назад прошли степени Дори и Луба. Кроме того в *гада* № 1 уже в скором времени начнут выполнение степеней новые Деббале. Этот порядок прохождения степеней по разным *гада* указан на таблице.

ПОРЯДОК ПРОХОЖДЕНИЯ СТЕПЕНЕЙ ПРИ СИСТЕМЕ ГАДА У ПЛЕМЕНИ ГАЛЛА ГОМБИЧЧУ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ ШОА

Года	1 гада (Робале)	2 гада (Бирмагу)	3 гада (Хората)	4 гада (Мудано)	5 гада (Дуло)
1— 8	Дабалле	Фолле	Кондала	Дори и Луба	Юба
9—16	Фолле	Кондала	Дори и Луба	Юба	Дабалле
17—24	Кондала	Дори и Луба	Юба	Дабалле	Фолле
25—32	Дори и Луба	Юба	Дабалле	Фолле	Кондала
33—40	Юба	Дабалле	Фолле	Кондала	Дори и Луба

* * *

СЛЕДЫ РОДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ ДЖИММА и КАФФА.

Как было уже указано, галласы северных районов значительно отличаются от южных групп в отношении своей социальной организации. Однако и среди них во многих местах еще сохранились пережитки описанной системы гада. Эта система при изменившемся социальном строе сохранила лишь некоторые стороны внешней обрядности, утеряв в полной мере свое содержание. Для примера могу указать на остатки этой системы в одном из государств юго-западной Абиссинии — Джимме, которая до сих пор сохранила известную долю самостоятельности. Джимма была завоевана абиссинцами в 1892 г., царь ее изъявил покорность негусу Менелику II и получил право сохранить за собою свой престол, внутреннее управление и весь прежний распорядок в стране. Таким образом Джимма оказалось как бы государством в государстве, что так типично для феодальных порядков Эфиопии. Зависимость Джиммы от Эфиопии выражается лишь о том, что царь ее выплачивает ежегодную подать правительству ее. Именно благодаря тому, что это государство мало изменило свой социальный строй под влиянием абиссинского завоевания, особенно интересно наблюдать в нем следы прежней системы *гада*, потому что эти изменения очевидно произошли задолго до завоевания.

В отличие от чисто родовой организации, на которой, как мы видели, основываются *гада* и отражением которой они

являются, в государстве Джимма они основаны на территориальном принципе. Место прежнего рода заступила деревня.[1]

Завоевав Джимму в XVI в., галла оказались окруженными племенами сидамо, камбатта и др. Так как галла селились среди них небольшими группами, постепенно произошло неизбежное смешение с туземным населением. В настоящее время каждая деревня, справляющая обряды *гада*, состоит не только из галла, но и из потомков прежнего населения. Как те, так и другие одинаково принимают участие в обрядах; другими словами говоря, племенной характер *гада* исчез. Пережиточно сохраняющиеся *гада* существуют бок-о-бок с новыми формами социальной организации. Джимма представляет собою государство во главе с царем, опирающимся на знать. Эта повидимому уже не прежняя родовая знать располагает в настоящее время поместьями, слугами, рабами; выполняет должности царских слуг и чиновников, управляет округами и деревнями и т. д. Неудивительно поэтому, что самое существенное право *гада*, а именно установление законов, превратилось в настоящее время в обрядовую формальность. Царь Джиммы имеет право назначать судей по своему желанию и выбору. Установление законов также перешло в его руки. Поэтому руководитель главной степени Луба, которая некогда устанавливала законы, в настоящее время выполняет весьма скромную роль.[2] Прежние племенные обряды исчезли, так же как исчез сам род. Однако до сих пор сохранился обычай: все односельчане степени Луба, во главе со своим руководителем, каждые несколько лет отправляются к большому дереву, где „*говорят о законе*“. Глава собрания, заступивший место прежнего племенного вождя, провозглашает: „Царь вынес такое решение (и приводит новое постановление царя). Правильно слово царя, или нет?“ Собрание отвечает хором: „Да“. Оно всегда подтверждает царский указ. Лишь иногда предводитель Луба на этом собрании провозглашает древние постановления (нормы обычного права), но только те из них,

---

[1] Вероятно эти деревни представляют собою сельские общины, сходные с деревнями — *мендер*, которые будут описаны ниже.

[2] В Джимме во главе *гада* стоит руководитель, должность которого стала наследственной. Пять семей, соответственно пяти *гада*, являются наследственными руководителями их. Это право сохраняется в их семьях и они попеременно выполняют свои обязанности.

Деревня галла в центральной Эфиопии.

которые до сих пор сохранили свою силу и не противоречат распоряжениям царя. Вот, напр., одно из таких постановлений:

„Я скажу так!“

— „Скажи!“ —

— „Дубильщик кож должен быть отвергнут, кузнец должен быть отвергнут, раб должен быть отвергнут, чужестранец должен быть отвергнут, незамужняя женщина должна быть отвергнута. Все они не свидетельствуют“.

Постановление это, согласно древнему родовому обычаю, лишает права свидетельствовать на суде всех чужаков: ремесленников — представителей низших каст, рабов, чужеземцев и женщин не матерей семейств.

* * *

РАБОВЛАДЕНИЕ В КАФФА

Это сосуществование старых родовых порядков и новой государственной организации патриархально-феодального характера типично для всех царств юго-западной Эфиопии. Повсюду, в большей или меньшей мере, сохранились следы родовой орга-

низации. Так, напр., в Каффа[1] родовой строй ясно прослеживается у каффичо, составляющих основное население страны. Каффичо распадаются на 42 рода. Все, считающие свое происхождение от одного общего предка и носящие одно общее им всем родовое имя, образуют род — „*тибо*". Каждый человек принадлежит тому или иному „*тибо*" в силу своего рождения. Женщины, выходя замуж, переходят в род мужа. Принадлежность к роду определяется по отцу.

Во главе некоторых наиболее крупных родов стоит „*тато*", что можно перевести словом „родоначальник".

Царь Каффы был главой своего рода и, кроме того, назывался „*каффи тато*", т. е. „царь людей Каффа".[2] К этим „людям" относились только каффичо, т. е. совокупность 42 родов свободных людей. Из числа этих свободных людей, по туземному выражению „людей страны" — *шове ашо*, выделялась знать — *шове нихо* „отцы страны", *дээ ашо* „хорошие люди". К числу каффичо не относилась, однако, значительная часть населения. Это были частью остатки прежнего населения, а частью, и прежде всего это были рабы, число которых в Каффа в конце XIX в. было необычайно велико.

Почти половину всего населения Каффы в 60—80-х годах прошлого века составляли рабы. Это были частью военнопленные чужеземцы, а частью обращенные в рабство свободные люди каффичо.

Каффичо, попавши в рабство, переставал быть членом рода. Он превращался в бесправного раба, лишенного поддержки своего рода. Он работал у своих соплеменников, быть может

---

[1] Каффа — одна из богатейших стран на юге Эфиопии — завоевана войсками Менелика II в 1897 г. До этого она была самостоятельным государством.

[2] Bieber переводит этот титул то „царь людей Каффа", то „царь страны Каффа", не зная что это совершенно различные понятия. Грамматически возможен лишь один перевод — „царь людей Каффа". Именно так именует его Cerulli. Понятие о господстве над определенной территорией, хотя уже и выработалось, но в титуле попрежнему отражается представление о царе как о родовом или племенном вожде. Титулы такого рода могут сохраняться и тогда, когда родовые отношения давным давно исчезли. Так, напр., во Франции лишь Генрих IV стал называть себя королем Франции, оставив прежний титул королей Reges Francorum, т. е. „короли франков". Также и в Англии лишь Иоанн Безземельный впервые стал называть себя королем Англии (кон. XI — нач. XII вв.). См. Г. С. Мэн. Древнейшая история учреждений, стр. 61.

Дом в южных районах Эфиопии.

Дом в Каффа.

даже у своих прежних сородичей, на ряду с другими рабами.[1] Каким же образом свободный человек мог быть обращен в рабство? Этого не могло быть, если бы род составлял попрежнему экономическую основу всей социальной жизни страны. Но в Каффа этого уже не было. Экономическое единство рода распалось. Не было общеродовых стад, общинной земли, никакого родового имущества. Принадлежность тому или иному роду была лишенным содержания пережитком. Гораздо большее значение, чем принадлежность к тому или иному роду, имело деление на два больших класса — богатых и бедных. Сородичи различались по своим доходам и состоянию, а, следовательно, и по своему влиянию.

„Одни только богатые были и остались теперь[2] чиновниками и поэтому владеют земельными поместьями, связанными с выполнением этих должностей. Бедные люди были бесправны и именно потому, что они не имели имущества, царь обращал их в рабов и их покупали и продавали.

„Царь мог также обращать в рабство бедняков или неимущих, т. е. обедневших свободных людей, которые не принадлежали к большой и влиятельной семье, могущей заступиться за них, и из-за которых он мог бы приобрести себе врагов. Время от времени он приказывал своим военачальникам во время набегов „брать“ бедняков, не принадлежащих к большой семье, и приводить к нему. Затем он продавал их как рабов и так освобождал страну от нищенства“.[3]

Это сообщение о столь своеобразном способе „борьбы с нищенством“ показывает, в какой степени исчезли прежние родовые отношения.

Царь и окружавшая его знать увеличивали свои доходы, торгуя своими сородичами.

Мы видим таким образом, что в Каффа уже ко времени завоевания ее абиссинцами исчез родовой строй, даже в его поздней форме — отцовского рода, и сохранился он лишь

---

[1] Рабы обрабатывали земли „знатных людей“, носили воду и топливо; рабыни выполняли бесчисленные домашние работы и, кроме того, пололи огороды. Часть рабов, так наз. „царские рабы“, несли службу в военных отрядах по охране „ворот страны“, т. е. незащищенных девственными лесами, удобных для нападения подступов.

[2] То есть после завоевания Каффы в 1897 г.

[3] Bieber. Kaffa. Wien, 1923, Bd. II, S. 34.

Сторожевая вышка на поле маиса.

в виде формальной принадлежности лица к тому или иному родовому имени. И, однако, в той же самой стране Каффа мы находим еще следы древнейшей социальной организации — отголоски материнского права. В Каффа сохранился удивительный обычай. После смерти отца, новый царь наследовал жен своего отца, в том числе и свою собственную мать, которая считалась его главной женой. Она носила особый титул, самостоятельно управляла царским имуществом, его поместьями и крестьянами, смотрела за снабжением дворца всем необходимым и участвовала в управлении страной. Многие исследователи видят в этом следы древнейших родовых порядков — следы матриархата и господства женщин. Действительно, во многих странах Эфиопии женщина стояла во главе государства, была обязательной соправительницей царя и т. д.[1]

Свидетельства об этом сохранили еще авторы классической древности. Так, Плиний, Страбон, Гезихий и др. сообщают сведения о стране, которую они называют Эфиопией, и говорят, что эта страна управлялась царицею, которая носила титул „*кандаки*“.[2] В этих сообщениях однако многое неясно и прежде

[1] Неоднократно упоминавшийся нами исследователь Каффы Bieber хочет видеть также следы материнского рода в следующем обычае. На ряду с тем, что принадлежность к роду определяется по отцу, т. е. дети жены принадлежат роду мужа, дети наложниц рабынь однако считаются принадлежащими семье и роду матери. Совершенно неосновательное заключение. Это правило является лишь следствием отношения каффичо к рабам, которые бесправны так же, как и их дети. В семью, в особенности знатного, а только знать и имела рабов, могут войти лишь дети его законных жен.

[2] Сводку этих свидетельств впервые сделал Bachofen. Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861, SS. 107—109.

всего неясно, является ли Эфиопия древних Эфиопией нашего времени.[1] Как бы то ни было, известно, однако, что у ряда народов, живущих в Эфиопии и в Эритрее, сохранились еще следы материнского рода. В некоторых случаях лишь некоторые указания свидетельствуют о давно исчезнувших отношениях, напр., следы матриархата сохранились у группы племен сомали, населяющих восточные области Эфиопии и соседние с ними английскую и итальянскую колонии Сомали. Сомали живут племенами, которые распадаются на роды. Во многих группах род сохранил еще свое экономическое единство: имеются родовые пастбища, но скот принадлежит патриархальным семьям. Принадлежность к большой патриархальной семье определяется по отцу. Однако, замечательно, что названия тех групп, на которые распадаются сомали, отражают древнюю, давно пройденную стадию материнского рода. Так, некоторые группы сомали называются Хабр-Ауаль, Хабр-Гераджи, Хабр-Тольджале; *Хабр* — значит „мать, бабка, прабабка, прапрабабка“ и т. д. Другими словами говоря, все принадлежащие к одному роду сомали считаются потомками одной матери.[2]

* * *

МАТЕРИНСКИЙ РОД У БАРЕА И КУНАМА

Примеров пережитков материнского рода можно было бы привести больше. В большинстве случаев это лишь слабые отголоски древних порядков. Но эти порядки кое-где еще удержались и до сих пор. Остановимся для примера на социальной организации маленького племени — бареа. Племя это живет в горной стране между долинами рек Мареб и Такказе. В настоящее время бареа находятся на крайнем северо-западном углу Эфиопии за государственной границей ее, уже в пределах итальянской колонии Эритреи, однако, прежде они входили в состав Абиссинского государства.

Бареа и сходные с ними по культуре их южные соседи — кунама занимаются земледелием. До недавнего времени главным занятием населения была охота. Мелкие и крупные анти-

[1] См. ниже статью „Абиссиния с древнейших времен“.

[2] Ferrand. Les Çomalis. Paris, 1903, p. 185.

лопы, гиппопотамы, львы, леопарды, слоны — вот главнейшие животные, на которых некогда охотились. Однако, теперь основным занятием бареа и кунама является земледелие. Плуг, их главное земледельческое орудие, весьма сходен с абиссинским плугом и также как последний очень примитивен. Как тот, так и другой не выполняют плужной работы в собственном смысле этого слова, т. е. они не подымают и не переворачивают пласта, а лишь черкают землю. Помимо плуга, для возделывания земли употребляют также мотыки, лопатки и т. п. Более тяжелую работу по обработке полей выполняют мужчины, более легкую женщины. В плуг впрягают и верблюдов и ослов, но чаще всего быков. Земледелие является главным занятием населения. Сеют обычно пшеницу, просо, сахарный тростник. Это племя, весьма небольшое по своей численности, представляет особый интерес для изучения ранних стадий развития человеческого общества. Не случайно Энгельс упоминает о нем в своем „Происхождении семьи, частной собственности и государства". Говоря о народах, сохранивших различные обычаи материнского права и группового брака, он пишет: „а у бареа в Абиссинии это практикуется и в настоящее время".[1]

Ни у бареа, ни у кунама не существует никаких классовых различий. Основу всего племенного устройства обоих племен составляют первобытно-коммунистические отношения.

Кунама[2] распадаются на 4 рода — каждый из родов имеет тотемное название: люди носорога, люди слона, люди луны и люди буйвола. Не вполне ясно значение этих четырех родов. Основу организации кунама составляет родовая община. Каждая община владеет сообща прилегающими к поселению землями. Каждая деревня фактически независима. Во главе ее стоит совет старейшин, называемый Мохабер. Мохабер некогда объявлял войну, точнее говоря, организовывал нападения на соседние деревни, разбирал дела, требующие кровной мести, заключал мир и т. д. Теперь Мохабер занимается лишь внутренними делами общины. В собрании все имеют право голоса. Первым говорит старейший, за ним следующий и т. д. по старшинству.

У бареа, также как и у южных соседей их кунама, сохранилась древнейшая форма семьи — семья, основанная на мате-

---

[1] Энгельс, цит. соч. Москва, Партиздат, 1932, стр. 51.

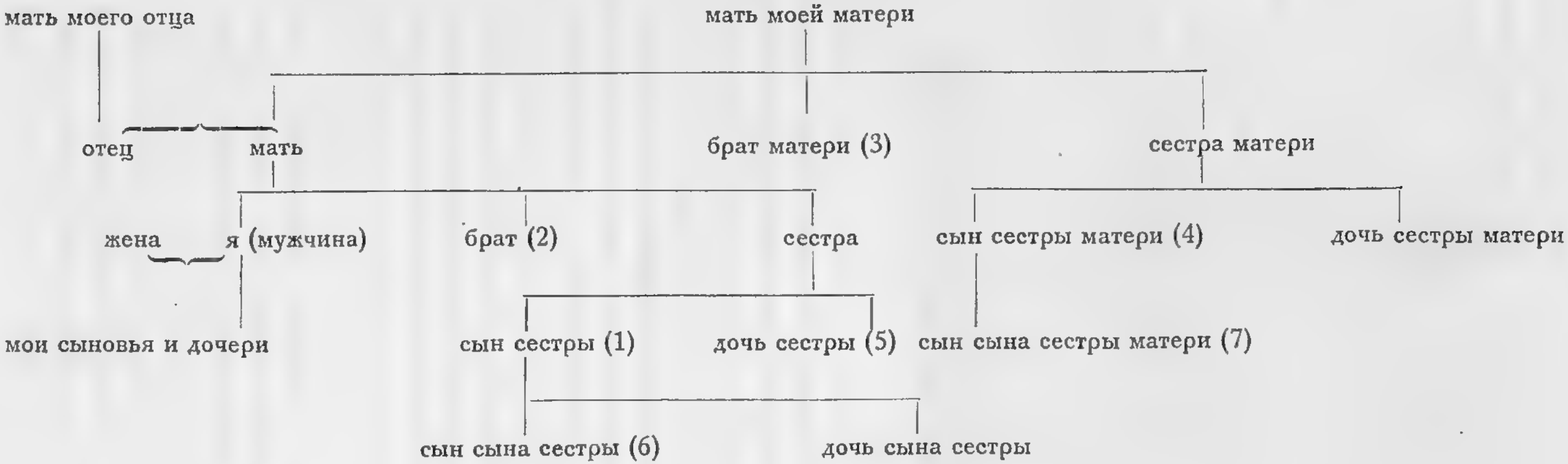
[2] Древняя родовая организация у кунама сохранилась лучше, чем у бареа.

Абиссинский плуг XIV века.

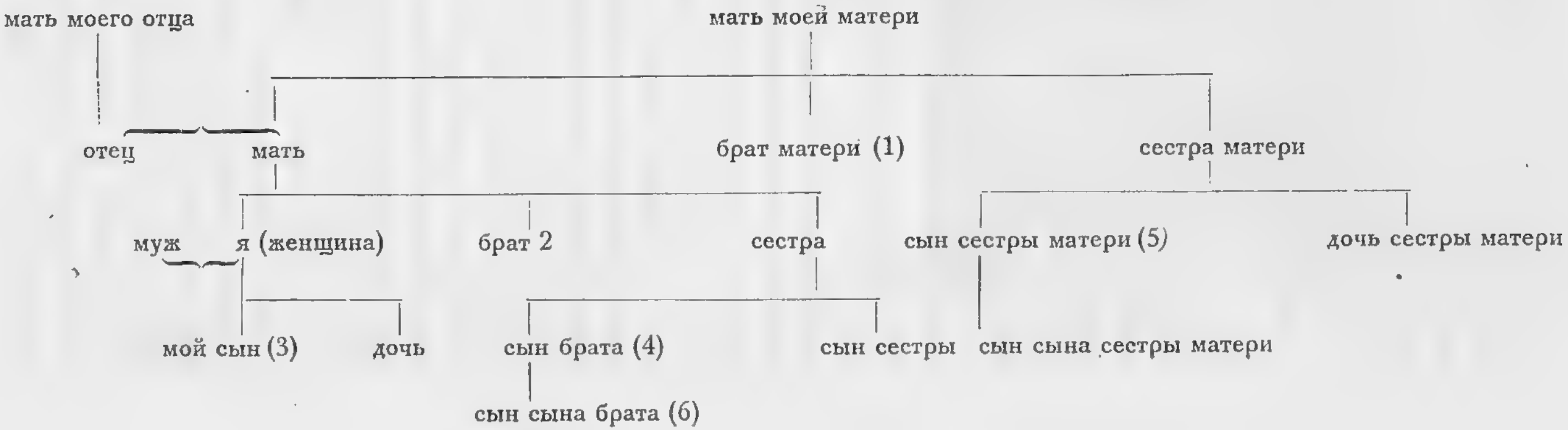
ринском праве. Нормы, основанные на этом праве, вовсе не так просты, как это может показаться на первый взгляд, хотя в основе их и лежит очень простое и ясное правило — счет родства идет по женской линии. Однако при действии этого принципа все привычные для нас отношения оказываются нарушенными. Действительно, все родовые обычаи, как-то: принадлежность к роду, родовое имя, права на наследство, кровная месть и т. д. все это переходит от одного человека к другому по линии матери. При этом порядке дядя и племянник оказываются ближе друг другу, чем отец и сын. Более того, отец и сын принадлежат совершенно различным группам. Остановимся немного на правовых нормах, существующих у этих двух племен.

Соответственно древнейшим обычаям, не муж брал жену к себе в дом, а, наоборот, сам переходил к ней в ее род и в ее семью. У бареа и кунама сохранились еще эти обычаи. После свадьбы муж переходит в семью жены и живет там некоторое время. Лишь через год он имеет право построить себе хижину и поселиться отдельно вместе со своей женой. Связь с семьей жены однако не прерывается. Дети, родившиеся у него, теснее связаны с дядей — братом жены, чем со своим отцом. Брат

ПЕРЕДАЧА НАСЛЕДСТВА, ОСТАВШЕГОСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖЧИНЫ



ПЕРЕДАЧА НАСЛЕДСТВА, ОСТАВШЕГОСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЖЕНЩИНЫ



матери — представитель ее семьи. Он опекун и покровитель детей своей сестры. Права его на ее детей превышают права их непосредственного отца. Брат матери может даже убить их, отец не имеет права с ним спорить. Если же отец убьет своих детей, брат жены его может преследовать его, и суд будет поддерживать права брата матери убитых детей. В течение всей своей жизни они больше связаны с ним, чем со своим родным отцом. В случае женитьбы юноша обращается за деньгами и скотом, необходимыми для заключения брака, не к своему отцу, а к своему дяде по матери. В свою очередь, отец оказывает помощь не своим детям, а детям своей сестры. В случае смерти имущество отца не переходит к его сыновьям. Отцу наследует его племянник — сын его сестры. Соответственно с этим дети наследуют имущество родного брата их матери.

Этот порядок наследования может быть лучше пояснен на прилагаемой таблице (стр. 134).

В случае смерти отца, как сказано, имущество его переходит к сыну его сестры. Если его нет, тогда наследство переходит к брату умершего. В случае, если и его нет, наследство получает дядя его по матери. Никогда сыновья не могут наследовать своему отцу. Они принадлежат группе матери. Иначе обстоит дело в случае смерти женщины. Ее собственные дети правда не сразу получают ее наследство. Имущество ее переходит сначала к дяде ее по матери. Если его нет, наследует ее родной брат, и только в случае отсутствия их имущество остается в ее доме в руках ее сыновей.[1]

* * *

---

[1] О кунама и бареа см.:

1. W. Munzinger. Ostafrikanische Studien. Schaffhausen, 1864.
2. Alberto Pollera. I Baria e i Cunama. Изд. Reale Società Geografica. Roma, 1913. Основная монография.
3. Conti Rossini. Studi sul popolazioni dell'Etiopia, pp. 134—135.
4. Conti Rossini. Principi di diritto consuetudinario dell'Eritrea, pp. 743—802, Roma, 1916.
5. Conti Rossini. Per la conoscenza della lingua Cunama. Giornale della Società Asiatica Italiana, XVI, pp. 187—227 с подробной библиографией до 1903 г. Corso, R. Del matriarcato tra i Cunama. Rivista di Antropologia, Vol. XXX Roma, 1933, p. 1—14.

РОДОВАЯ ОБЩИНА СЕВЕРНОЙ ЭФИОПИИ

Остатки родовой организации встречаются также и в северной части Эфиопии. Родовое устройство тигре, у которых сохранился род, очень сильно отличается от вышеописанной родовой организации у галла, каффа и бареа. Основу социальной организации в Тигре представляет деревня, населенная родственниками. Деревня называется „*ад*“, „*адди*“ [1] и состоит обычно из группы людей, родственных между собой и называющихся одним общим им всем именем. Деревня является частью большого рода. Каждый род занимает определенную территорию, иногда довольно большую. Род называется по имени главы его. Так, например, род Декки Гебри — сыновья Гебри, Декки Атошим — сыновья Атошима и т. д. В некоторых случаях род называется другими словами — *бет*, *энда*, за которыми следует собственное имя родоначальника. Наиболее крупные, экономически мощные родовые группы занимают целые области. Они делятся на меньшие группы. Эти группы в свою очередь называются *дек*, *бет*, и т. д. по имени их родоначальника. Они в свою очередь могут подразделяться еще на более мелкие группы, пока, наконец, последней единицей не явится деревня — *адди*. Каждая деревня состоит из нескольких „*геза*“, что значит семья.

Каждый род, деревня и семья имеют свои особые права и преимущества. Так, например, старейшая ветвь рода пользуется бо́льшими правами, чем все остальные младшие ветви. Кроме того, отдельные роды находятся не в одинаковом экономическом положении. Существуют богатые роды, бедные роды, зависимые от них. Нереко эти различия приводили к прямой зависимости одного рода от другого.

Так, например, если какая-нибудь деревня или род издавна находится в данной местности, куда затем переселялся другой род, то этот последний получал поля в тех местах и в том количестве, которые ему уступал первый род. Таким образом, возникало имущественное неравенство между отдельными родами. Один, быть может, более малочисленный род владеет бо́льшим количеством земель, чем другой, более многочисленный. Совершенно те же отношения складывались и между отдельными семьями в деревне.

[1] Это название сохранилось в названиях городов: Ади Угри, Ади Кайе, Ади Квала и мн. др.

Каждый род вне зависимости от его положения имеет право распределять земли между своими членами, объединяет их всех обычаем кровной мести и, наконец, дает каждому члену его права и преимущества данного рода. Надо заметить, что общность происхождения от одного предка бывает иногда чисто условной. Не всегда этот предок является действительно существовавшим.

Каждая деревня имеет общие земли, которые распределяются между отдельными семьями по жребию. Обычно распределение полей происходит каждые три, четыре, пять, иногда шесть лет в зависимости от севооборота, принятого в данной деревне. В случае если деревня располагает землями разного качества, то земельные наделы каждой семье даются в разных местах в зависимости от качества почвы. Каждая семья получает равное число хороших земель, плохих и т. д. Получив в свое пользование определенный участок, она может распоряжаться им по своему усмотрению. Когда кончается срок пользования, земля передается вновь общине и поступает в передел. Таким образом по истечении определенного срока семья может получить новый надел в совершенно другом месте.

Этот земельный порядок хорошо знаком нам и напоминает земельное устройство русской общины, с тем, впрочем, отличием, что в северной Эфиопии вся деревня является частью одного рода. Это, так называемая, родовая община.

Во главе отдельной семьи стоит отец. В случае его смерти, если остаются несовершеннолетние дети, то его может заменять мать. Если же дети совершеннолетние, то власть переходит к старшему сыну и т. д. Делами рода управляет сход старейшин, которые на своих собраниях выносят те или иные постановления. Эти постановления очень напоминают правды раннего средневековья. В них разбираются прежде всего взаимоотношения между отдельными родами в случае похищения женщин, нанесения повреждений в драке и т. п. Большое внимание уделяется также охране коллективной земельной собственности. В Эфиопии судебные разбирательства происходят обычно по нормам обычного права. Такие постановления никогда не записываются, и поэтому в каждом отдельном случае ссылаются на устную традицию и на опыт стариков. Нередко, например, при разделе земли приглашают в качестве свидетелей молодежь, иногда даже мальчиков, которые должны будут в будущем сви-

Суд на поляне пред лицом деревенских старшин.

детельствовать об этом разделе. Однажды во время одного из таких судебных разбирательств, когда мнения сторон разделились, рассказывает Конти Россини, бывший свидетелем этого,— старики привели в подтверждение своего мнения записи обычного права. Было принесено евангелие из местной церкви, в конце которого были приписаны постановления семи родов данного племени. Эти постановления, опубликованные впоследствии Конти Россини, остаются единственным до сих пор документом записанного обычного права тигре.[1] Я привожу их здесь, ввиду их большого интереса.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЛОГГО САРДА

Доля жены (когда она требует вознаграждения при разводе, вследствие дурного обращения с ней, в случае чего жена имеет право возбудить дело против своего мужа) равна одному энтеламу.[2]

---

[1] Изданы Conti Rossini. Legge dei Loggo Sarda. Roma, 1904.

[2] *Энтелам* — мера зерна. В основе ее лежит „*энкаа*“ или „*энкеа*“. Один *энкеа* зерна примерно соответствует одному килограмму, восемнадцать энкеа равняются одному *гебета*, восемь *гебета*, составляют один энтелам, следовательно энтелам равен приблизительно 144 кг.

По постановлению судьи должник, не уплативший долга, передается кредитору, который может заковать его в цепи и держать его у себя. Кредитор имеет право держать в цепях своего должника до тех пор, пока тот не уплатит свой долг, хотя бы в течение всей его жизни. Обычно цепь, которой приковывается должник к дому кредитора, должна быть достаточно длинна, чтобы позволить ему ходить по всему дому и вокруг него. Если должник не имеет возможности освободиться, он может найти за себя поручителя и быть выпущен на поруки.

Если (присужденный к уплате вознаграждения) запаздывает на несколько дней с уплатой вознаграждения, он должен платить пеню в один каэби[1] *и две коровы. Он платит вдвойне.*

Та, которая принесла в приданое 20 талари,[2] *коров и др., находит изобилие (в доме мужа своего).*

Если поручитель говорит нет, или в случае если поручитель на требование возмещения возражает, говоря, что он не давал поручительства, или не представил его так, как это утверждают, то отец, как посредник, и девушка со своей стороны говорят, свидетельствуя, было ли дано поручительство или нет, и какое именно.

Тот, кто похитил (женщину), кричавшую о помощи (т. е. силой и без ее согласия), обязан уплатить ей (в возмещение) десять голов крупного рогатого скота.

Если (женщина) пошла (с ним) по собственному желанию, то он обязан найти ей поручителя, чтобы удостоверить ее в том, что он женится на ней.

---

[1] *Каэби* составляет 16 гебета, т. вдвое больше энтелама.

[2] *Талари* — талер Марии Терезии.

Если (эта женщина) одна из тех, о которых дурно говорят, то он дает ей керанна.[1]

Это то, что было постановлено семью родами Логс.

Чужестранец, живущий среди членов племени Логго, не имеет права приобрести себе наследственную землю.

Тот, кто получил по жребию для обработки участок общественной земли, принадлежащей Логго, не имеет права продать его.

Тот, кто приобрел землю во время нужды и поклялся в этом, продолжает владеть ею.

Если женщина приобрела землю и ей дают то, что она дала за нее, выкупается она от нее, уплачивается ей цена и она не имеет права продолжать владеть ею.

Женщина из рода Логго, живущая среди Логго, вышедшая замуж за человека из рода Логго, имеет право наследовать.

Тетка со стороны отца не имеет доли в наследстве племянника.

Продавец, раньше чем продать собственную наследственную землю, пусть ищет покупателя сначала среди родственников: если покупатель купил землю, то он продолжает владеть ею, хотя бы он и не был родственником продавшего ее.

Сын женщины из рода Логго, жены мужчины не рода Логго, не делит наследственную землю, он не имеет права участвовать в земельных наделах семьи матери.

Царь, который силою разделит общественные земли, принадлежащие Логго, да будет он проклят!

Тот, кто пожелает насильно разделить общественные земли, превратив их в наследственную собственность, да будет он изгнан! Это „земли Слона“![2]

Тот, кто присвоил себе чужое зерно, чужой корм для скота, обязан уплатить штраф в один каэби зерна и один гебета меда, даже в том случае, если будет всего лишь один свидетель.

---

[1] *Керанна* — мера, применяемая при определении объема пряжи и т. п. Основной единицей объема является *эмет*; 12 таких эмет составляют один *керанна*.

[2] Т. е. общественная земля в этом случае подобна невозделанной земле — земле Слона, на которую никто не может предъявить каких-либо особых частных прав.

Поручитель, до тех пор пока он не уплатил энтелам и корову, да не обращается к судье.

Если поручитель спорит с тем, за кого он ручался, утверждая, что он пострадал, т. е. если человек, за которого он поручился, отказывается платить ему и заставляет его обратиться к судье, то его пеня — пеня того человека, за кого поручился, равняется 55 талари.

Тот, кто вызвал драку, где он сломал вызванному им кость, платит ему 25 талари.

Если сломанных костей нет, зачинщик в наказание должен уплатить небольшое вознаграждение за драку.

Тот, кто ударил своими пятью пальцами, — пеня его 5 талари.

Красной нитью во всех этих постановлениях проходит постоянная забота общины воспрепятствовать разделу общественных земель. Прежде всего община воспрещает поселение чужаков на общественных землях, затем постановления эти стараются предотвратить продажу общинных земель. Продажа эта очень ограничена. Прежде всего право на покупку земли принадлежит членам общины. Однако, все эти постановления не могут не узаконить отдельные случаи продажи земель. В постановлениях это выражено очень гибко: „кто приобрел землю во время нужды", имеет право ею владеть. Совершенно ясно, кто является этими людьми, приобретающими землю во время нужды. История распадения земельных общин показывает во всех странах один и тот же процесс. В среде родовой, позднее сельской, общины выделяются зажиточные односельчане — кулаки, которые в случае недорода, падежа скота, других общественных бедствий, которыми так богата крестьянская жизнь, скупают общинные земли. Несмотря на то, что общинную землю, казалось бы, продать невозможно, так как она возвращается в общину и поступает в новый передел каждые несколько лет, — этот обычай обходится. Уступают сначала известную часть земледельческого труда: различные формы отработки у кулака, поставка ему части урожая, отдача приплода скота и т. д. Однако, в деревнях Тигре, как и во многих общинах других стран, происходит постепенное закрепление за отдельными семьями определенных участков земли. С проникновением денежных отношений расслоение общины

ускоряется и деревня превращается в клиновую деревню, т. е. в деревню, в которой разбросанные там и сям участки земли закреплены за отдельными владельцами. Судя по этим постановлениям, у Логго существуют различные формы владения землей. Большую часть земель сохраняет еще за собой община, но в среде ее имеется группа лиц, владеющих землями, купленными у своих односельчан во время нужды.

Бо́льшую часть этих постановлений занимают также постановления о размерах приданого при заключении брака и о вознаграждении в случае похищения невесты. В Эфиопии женщина пользуется большой самостоятельностью. Она имеет все юридические права, свидетельства на суде, имеет право владеть землей, определенную долю имущества и т. д. До сих пор несмотря на все усилия церкви, которая стремилась ввести церковную форму брака, удержались более древние формы его. Так, например, брак, называемый *демоц*, — это брак, заключаемый на определенный срок. Такой брак заключается на полгода, год и т. д. По истечении срока он может быть продолжен. Дети, рожденные при таком браке, считаются вполне законными и принадлежат отцу. Жена получает известное вознаграждение во все время нахождения в браке и сохраняет свое собственное имущество. Наиболее обычной формой брака является однако не этот брак на срок, а женитьба со сговором между родственниками жениха и невесты. Это форма брака — *каль чидан*. Жених уплачивает родителям невесты известный выкуп, со своей стороны и невеста приносит своему жениху приданое. Этот брак по желанию любой из сторон может быть расторгнут. Лишь в наиболее богатых и знатных семьях, заключая такой брак, обращаются к содействию церкви. Брачный обряд, получивший церковное освящение, считается уже нерасторжимым. Кроме того, существует еще третья форма брака. Это брак с поручителями, о котором между прочим упоминают постановления Логго Сарда. Брак с поручителями заключается в том, что один из числа друзей мужа считается особым покровителем его жены. Он должен блюсти ее интересы, защищать ее в случае ссор с мужем.

В некоторых формах заключения брака видны остатки древних брачных норм. Исторические хроники Эфиопии сообщают еще о той борьбе, которую вела церковь с многоженством. Такие архаические формы брака, как левират, т. е. обязанность

вдовы выйти замуж за брата покойного мужа и вдовца жениться на сестре своей умершей жены существовали в Эфиопии у тигре и амхара еще очень недавно. В хронике царствования Алаф Сагада — царя Иоанна I сохранился его указ, датированный в переводе на наше летоисчисление 1668 годом.

27 числа месяца маскарама[1] *собрался совет. Это случилось в первый год правления царя нашего Иоанна. Задачей его было установить правила и законы, чтобы ни один мужчина не женился на сестре своей жены и ни одна женщина не вышла замуж за брата своего мужа... Отцы наши, священники, собравшиеся отовсюду, а с ними царь и вельможи установили эти законы, объявив их через герольда под страхом отлучения от церкви. Закон, который они установили, гласил: „ни один мужчина не должен жениться на сестре своей жены и ни одна женщина не должна выходить замуж за брата своего мужа“.*[2]

Не последнюю роль в приведенных постановлениях Логго Сарда, как мы видели, играют также и правила о судопроизводстве. Особенностью судебных порядков в Эфиопии являются поручительство и заклад. В споре о чем-либо противники всегда бьются об заклад на определенное количество шамм, денег или голов скота. В случае проигрыша своего дела они теряют свой заклад. Точно так же широко развито и поручительство.

В Эфиопии судебные дела разрешаются по нормам обычного права. Деревенские начальники и выше их стоящие начальники провинций, расы и т. д. вплоть до самого негуса творят суд, имея своим образцом судебные решения, постановленные прежде. Верховным судьей является негус. „Никто не судит после царя, никто не зажигает огня на море“, говорит абиссинская пословица. Непосредственным представителем негуса является афа-негус — „уста царя“, главный судья Эфиопии.

Писаного свода местных законов не существует. Однако существует древний свод законов, называемый Фетха Нагаст, что значит „постановления царей“. По абиссинским преданиям Фетха Нагаст была составлена императором Константином. В действительности она была написана много позднее, в середине

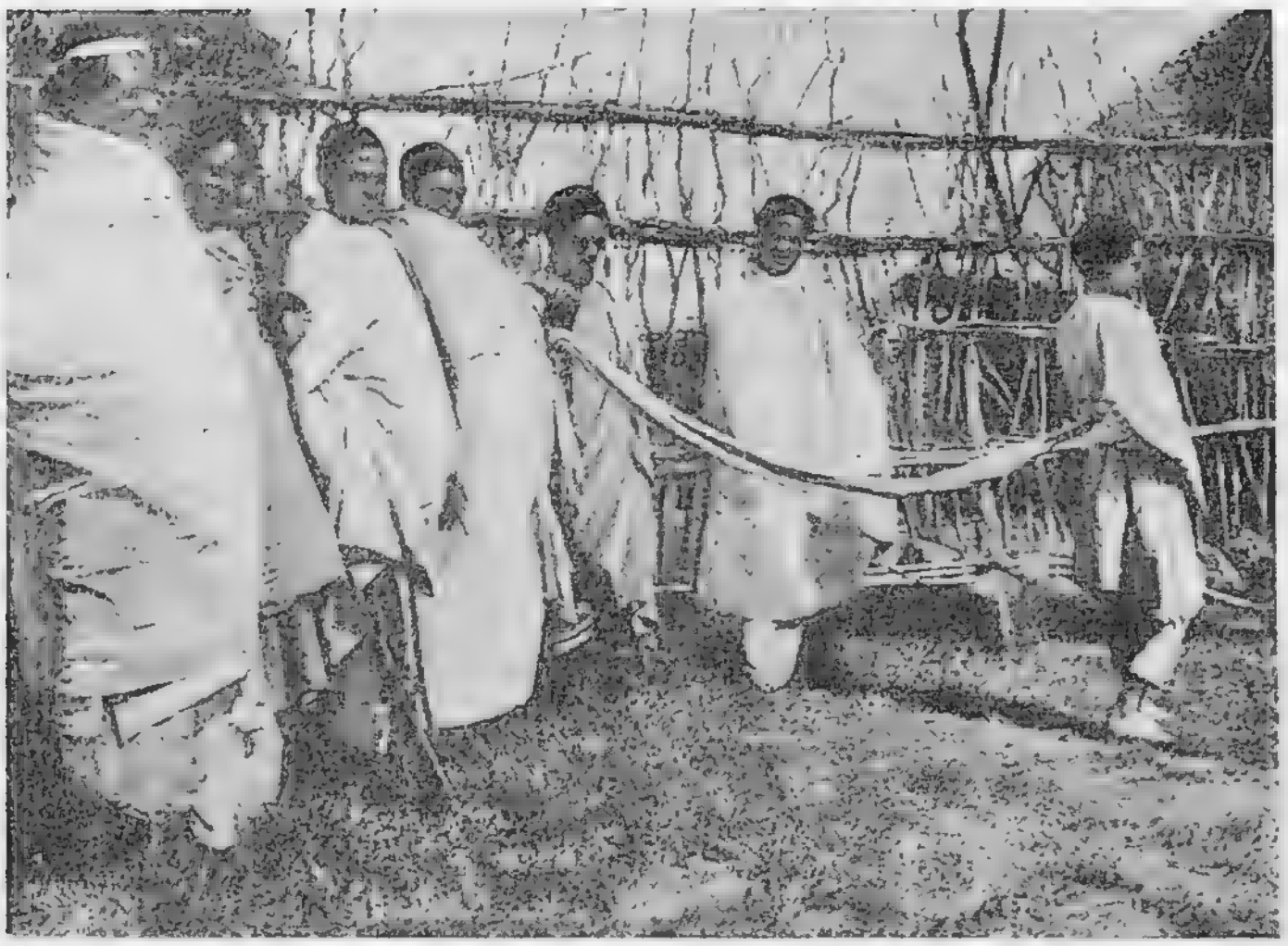
---

[1] Т. е. в сентябре.

[1] Guidi, Ign. Annales Iohannis I, Iyasu I, Bakaffa. Corpus scriptorum christ. orientalium, ser. II, t. 5, Parisü, 1903, p. 8.

Абиссинская картина, изображающая суд пред лицом самого негуса.

XIII века, арабом Аль-Асад Ибн-аль-Ассалем, а затем переведена с арабского языка на эфиопский язык — геез. Составитель Фетха Нагаст в своей работе руководствовался другими церковными юридическими сборниками, так называемыми номоканонами, которые уже существовали в его время. Таким образом он отчасти зависел от них, отчасти пользовался теми же источниками, которые послужили для составления этих номоканонов. Вследствие этого состав книги очень разнообразен. В одной части кодекса, трактующей о гражданском праве, сказывается влияние римского права и византийского кодекса



Льебаша.

Юстиниана. Уголовное право основано на Моисеевом законодательстве. Помимо того в ней отразились Новый и Ветхий завет, послания апостолов, постановления церковных соборов (вплоть до Сардского) и т. д. Так как сборник этот составлен был Асад-Ибн-аль-Ассалем по поручению александрийского патриарха Кирилла III для нужд коптской монофизитской церкви, то неудивительно, что вся первая ее часть трактует исключительно о церковном праве. Позднее, попав в Абиссинию, кодекс этот получил совершенно иное назначение, сделавшись „постановлениями царей" — „Фетха Нагаст".[1]

Книга эта не пользуется популярностью в Эфиопии. Совершенно естественно, что она очень мало соответствует местным потребностям. По сообщению одного очень внимательного путешественника, многие образованные абиссинцы, говоря с ним, отзывались о Фетха Нагаст с презрением, называя ее „дурной книгой".[2]

В практике судебного производства в Эфиопии сохранилось еще очень много своеобразных пережитков.

---

[1] Лучшее издание — Ign. Guidi. Il Fetha Nagast „Legislazione dei Re". Краткое издание: Dr. Lincoln de Castro. Compendio delle „Leggi dei Re" (Fetha Nagast), dalla trad. ital. del Prof. Guidi. Livorno. Ed. Belforte e Co, 1912.

[2] Rey. Unconquered Abissinia as it is to day, стр. 110.

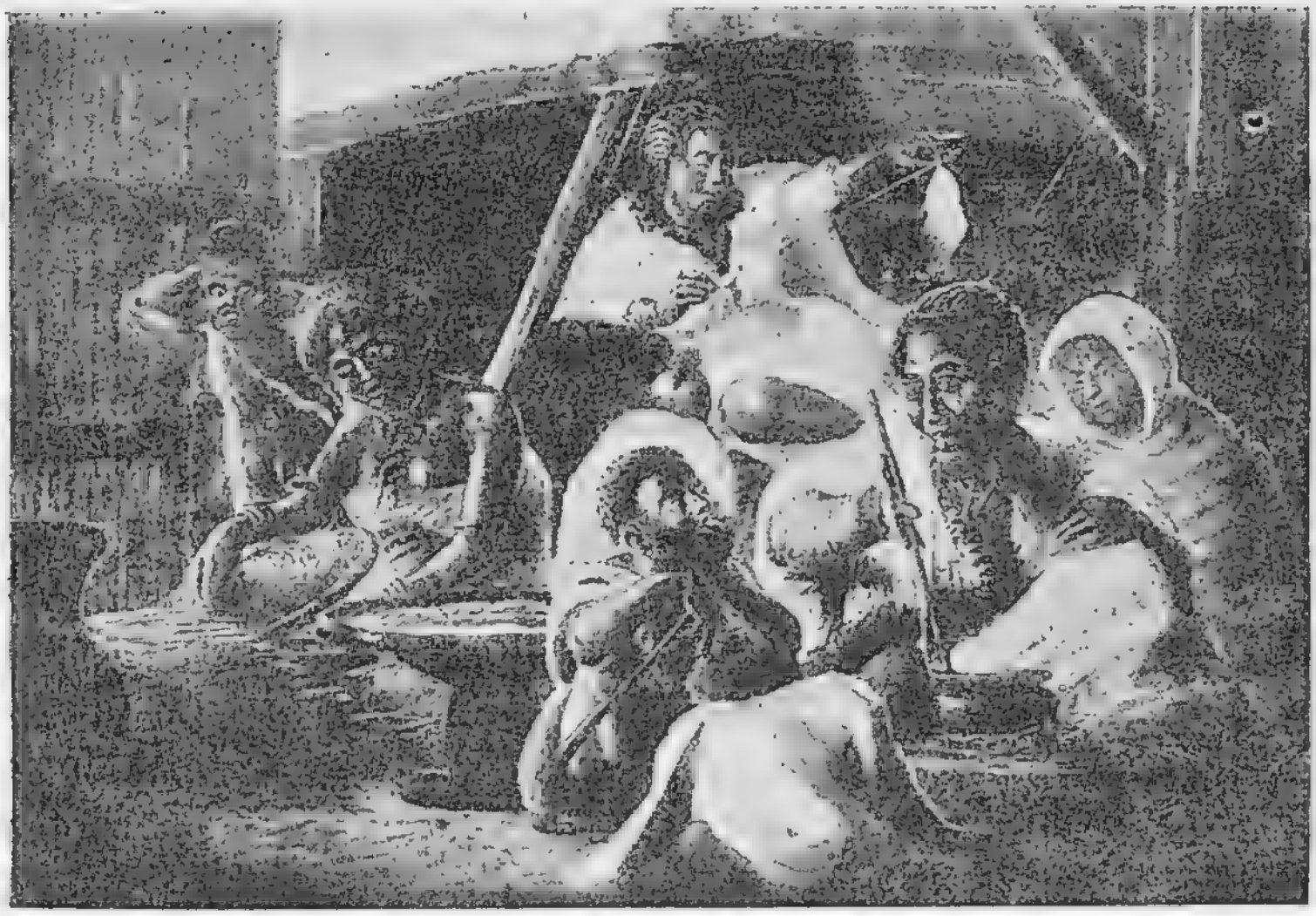
До настоящего времени, например, сохранился очень курьезный способ отыскания виновного. Этот способ мало чем отличается от „божьих судов", наблюдаемых у других народов. Когда виновный неизвестен и все попытки отыскать его тщетны, обращаются к посредничеству *льебаша*. Специальный человек, славящийся уменьем находить виновного, принимает некоторое количество особого снадобья и впадает в транс. Пока он находится в этом трансе, его приводят на место кражи. Если он укажет на кого-нибудь, как на вора, тот по общему убеждению считается виновным. Этот способ применяется только для отыскания воров, откуда его название. *Льеба* — амхарское слово, обозначающее „вор"; отсюда производится название этих ведунов — *льебаша*. В городке Геби существует даже целое братство этих ведунов, к которым обычно обращаются для раскрытия краж. Эти *льебаша* в Геби состоят из малолетних. Ребенка приводят на место кражи. Там ему дают особый опьяняющий напиток и он впадает в состояние экзальтации, тяжело дышет, падает, подымается, бросается во все стороны, с яростью набрасывается на окружающих. Говорят он ведет себя так, как держал себя вор: он идет там, где проходил тот, воспроизводит все его движения, он движется к дому, куда тот входил. Если он останавливается перед дверью — значит вор только прошел мимо. Если он входит — значит хозяин дома должен знать вора и поэтому его считают ответчиком. Все это очень сильно действует на народ: виновного всегда находят, постановление льебаша окончательное, его очень трудно опровергнуть — абиссинцы ему верят. Один из путешественников, наблюдавший сам такие случаи, указывает, что очень часто льебаша действительно отыскивает виновного. Он приписывает это тому, что ребенка, находящегося в таком трансе, ведут люди, предварительно разузнавшие обстоятельства дела и знающие куда его направить.[1]

* * *

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ФЕОДАЛЬНОЙ ЭФИОПИИ

Основные народности Эфиопии — тигре и амхара — населяют северные и центральные области Эфиопии. Эти области являются основой феодального государства. В отличие от пле-

[1] Duchesne-Fournet. Mission en Ethiopie, t. I, pp. 250—251.



Амхарская помещица, окруженная челядью. В крупных поместьях производится все необходимое для нужд хозяйства, так что ничего не покупается на стороне. На рис. худ. Сенигова изображены рабыни-негритянки, занятые домашними работами. Некоторые из них варят пищу, другие растирают зерно и т. д. Сама хозяйка лежит на кровати и сучит нитки, наблюдая за работами.

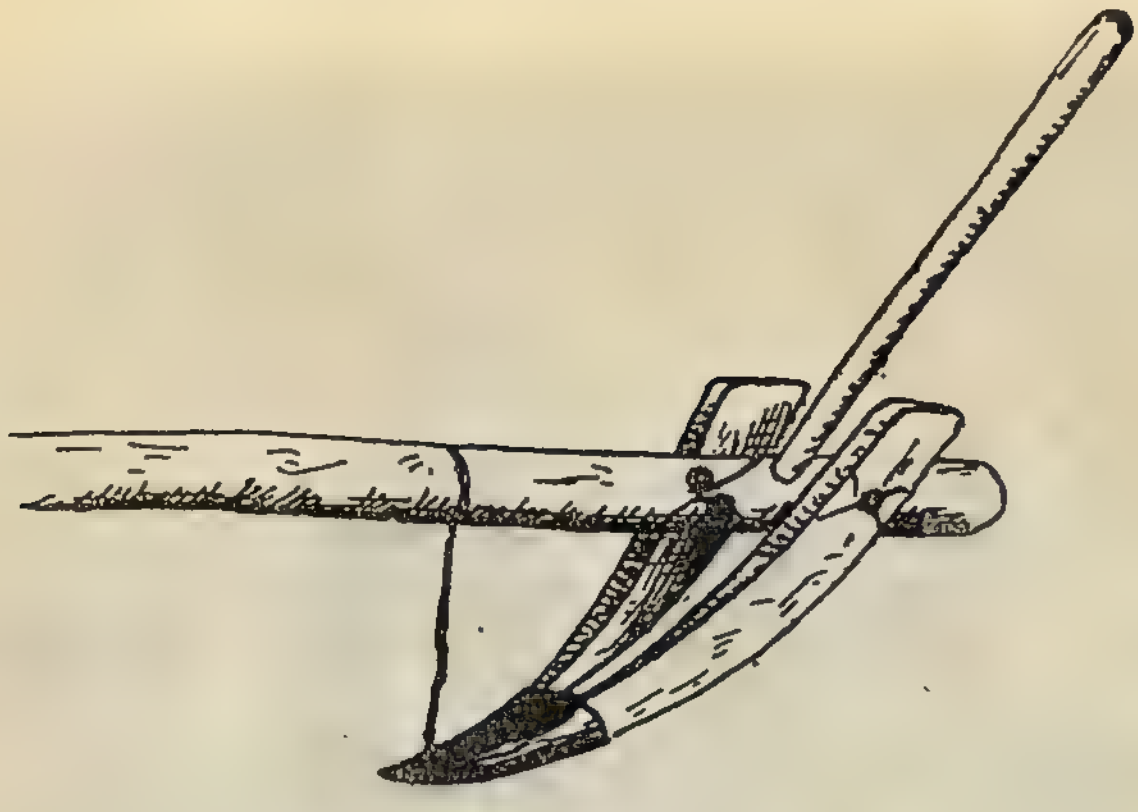
мен, населяющих восточные, южные и западные окраины Эфиопии, тигре и амхара стоят на более высокой стадии общественно-экономического развития. Если можно говорить о сомали, как о группе племен, связанных между собою лишь общим им всем языком и объединяющейся лишь в отдельных случаях для совместной войны и т. д., — этого нельзя сказать о тигре и амхара. Несмотря на то, что в некоторых областях, преимущественно на севере, сохранились еще следы родовой организации, повсюду она уже является пройденной стадией. Как тигре, так и амхара, а также и северные группы галла уже не представляют собой племен. Это национальности, входящие в состав феодального государства. Единственным различием между ними является лишь язык. Амхара говорят на амхарском языке, государственном языке Эфиопии, тигре говорят на двух, довольно близких между собою языках — тиграи и тигринья; наконец, галла говорят на языке оромо.

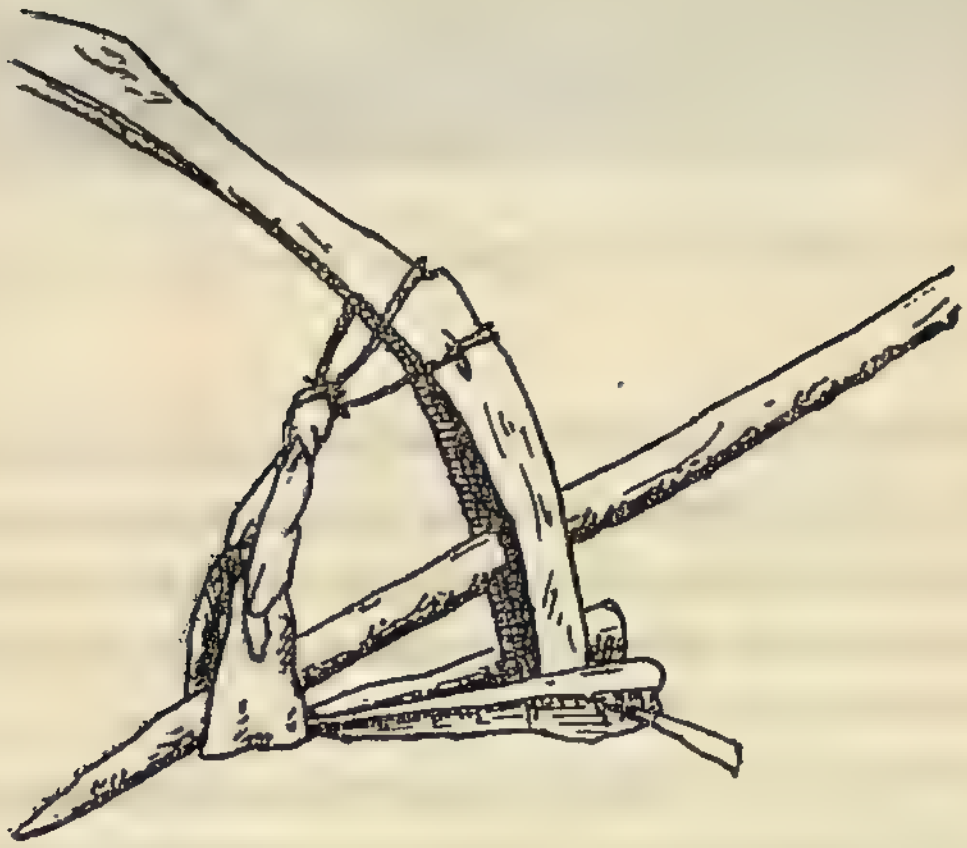
Положение крестьянина центральных провинций Эфиопии, будь он тигре или амхара, в отношении к своему помещику

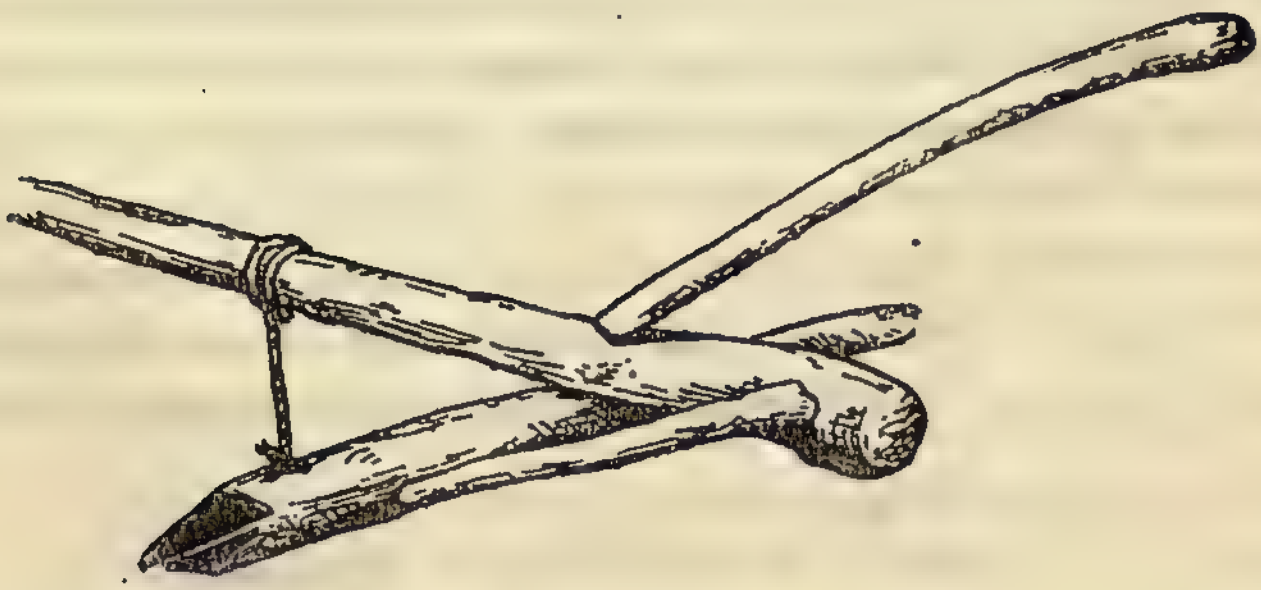
одинаково. Точно так же нет особой разницы между положением крестьянина галла в Шоа или крестьянина амхарской деревни. Оба обязаны выплачивать подати, отрабатывать барщину, давать постои и т. д., словом, выполнять установленные повинности. Во всех этих случаях мы имеем классовые отношения крестьян и помещиков-феодалов.

Правда, амхара занимают более привилегированное положение по сравнению с галласами в южных районах Эфиопии. Но это объясняется тем, что амхарские солдаты были поселены во вновь завоеванных странах, где им были предоставлены земли для колонизации. Однако и в этом случае воин амхара имеет преимущества не столько в виду того, что он амхарец, сколько благодаря тому, что он является одним из завоевателей страны и отношения между ним и туземным населением — это отношения классовые — помещика и его крепостных крестьян.

Основную массу населения составляют крестьяне. Области центральной Эфиопии по преимуществу земледельческие. Лишь в местностях, расположенных на большой высоте в *дега*, основным занятием населения является скотоводство. Большинство крестьян обрабатывают землю. Основными злаками Эфиопии являются пшеница, просо, тефф. Земледельческая техника стоит на весьма низком уровне. Главнейшими земледельческими орудиями являются плуг и мотыга. Плуг представляет собою довольно примитивное орудие. Он сделан целиком из дерева, часто даже не имеет лемеха и вместо него землю разрезает заостренный и обожженный, для большей твердости, конец палки. Абиссинский плуг не является плугом в нашем смысле этого слова, так как он не имеет приспособления для переворачивания пласта земли. По существу это даже не соха, а еще более примитивное орудие, близкое по устройству своему украинскому ралу. Абиссинский плуг не взрезает почву, а только царапает ее, действуя наподобие бороны. Это орудие черкающего типа. Вот как описывает один из исследователей Абиссинии обработку поля: „Обработка производится быками, которые тянут плуг с заостренным сошником, который не переворачивает землю и не проводит борозды, но разрывает землю наподобие большого зуба бороны. Когда земледелец в достаточной мере обойдет свое поле в различных направлениях, то считают, что почва достаточно взрыхлена и избавлена от корней и вполне







Абиссинские плуги.

Обработка поля у гураге. Группа мужчин с кольями в руках подымают целину.

готова для посева".[1] Еще резче говорит другой исследователь: „...и неудобное положение пахаря и упряжка волов на длинной корявой жерди дают соответствующий эффект. Получается не пахота, а беспорядочно всковыренное поле, с отдельными глыбами, с торчащей дерниной".[2]

Такая несовершенная работа плуга, естественно, требует дополнительной обработки. Нередко поэтому поле дополнительно обрабатывается мотыками. Кроме того, в некоторых областях Эфиопии до сих пор удержалась обработка земли кольями. Несколько человек с большими заостренными палками совместно всковыривают почву. Палки эти, длиной около полутора метров, утяжеляются камнями, насаженными на верхний конец палки. Вряд ли в какой-либо стране можно встретить столь примитивные орудия обработки земли. Не менее примитивны и орудия, служащие для обработки зерна. Зерно обмолачивается обычно длинными палками, провеивается на ветру.

---

[1] Duchesne-Fournet. Mission en Ethiopie, t. I, p. 250. Paris, 1909.

[2] Вавилов и Букинич. Земледельческий Афганистан. Лгр., 1929, стр. 185—186.

Абиссинцы вокруг обеденного стола. Корзина особой формы служит столом, вокруг которого сидят на корточках по три-четыре человека. На больших пирах все располагаются на коврах или на циновках по несколько человек вокруг таких низких столов-корзин.

Существует кроме того обмолот зерна быками. Для этой цели снопы раскладывают на специально приготовленной площадке, по которой прогоняют быков. Быки своими копытами вытаптывают зерно. Обмолоченное зерно обрабатывается дальше на зернотерках. Зернотерки эти представляют собою большой камень, положенный несколько наклонно, другой камень значительно меньшего размера служит для растирания.

Эти примитивные орудия до настоящего времени являются обычными в обиходе абиссинского крестьянина. Ясно, что работа такими орудиями требует очень большого количества времени и труда. В то время как обработкой земли заняты исключительно мужчины, приготовлением муки занимаются женщины.[1]

---

[1] Чтобы судить о трудоемкости работы на зернотерках, за отсутствием данных по Эфиопии, укажу на следующие примеры. Так, Хейглин считает, что при работе на зернотерке требуется работа одной женщины в течение одного дня для того, чтобы получить достаточное количество муки для 8—12 человек, если при этом она еще должна приготовить хлеб. Другой путешественник, Марно, указывает, что, занимаясь только растиранием зерна, одна

Как было уже выше сказано, крестьяне, обрабатывающие землю, в огромном большинстве своем являются крепостными. Однако, феодализм в Эфиопии имеет некоторые характерные особенности.

Как и во многих странах древнего Востока (в Египте, Китае и т. д.), царю принадлежит вся земля. Однако, это является только лишь юридической фикцией. Фактически в Эфиопии существуют три группы земель: земли царские, или правительственные: земли, принадлежащие церкви, и, наконец, небольшая группа земель, принадлежащих отдельным частным лицам или общинам — земли *рест.* Наибольшее количество земель относится к первой группе. Немалое число земель принадлежит также церкви; что же касается земель *рест*, то они сравнительно немногочисленны, хотя, как мы увидим далее, последнее время число их начинает увеличиваться.

Правительственные земли состоят из земель вновь завоеванных или подаренных царю. Эти правительственные земли составляют огромные области в южных частях Эфиопии, которые были завоеваны в конце XIX века. За исключением трех государств — Джиммы, Лиека и Уаламо, которые подчинились Менелику II на особых условиях и сохранили свое прежнее устройство, обязавшись уплачивать определенную подать каждый год, все остальные страны к югу от Шоа были объявлены завоеванными и, таким образом, вошли в число царских земель. Эти огромные земельные угодья негус распределял между своими военачальниками, своими родственниками и т. д. При этом распределении Менелик II держался тех же обычаев, которые существовали в течение многих столетий и применялись негусами прежде. Выяснить историю этих земельных пожалований, которые предоставлялись в центральных областях Эфиопии, очень трудно за отсутствием достаточных данных. Зато система земельных пожалований в южной Эфиопии много яснее. Из числа завоеванных земель некоторое количество было выделено в *мад-бьет*, т. е. в „дом стола". Этот „дом стола" находится в ведении вельможи (*азаджа*), которому подчинены большие земельные угодья в разных частях Эфиопии. Так, например, около столицы Эфиопии Аддис-Абеба три

рабыня может приготовить муки на 12—20 человек. Из этих цифр видно, какое количество труда должно быть затрачено только для приготовления муки.

Царь Каффы Гаки Шерочо.

области — Менджар, Мьета и Мьеча приписаны к „дому стола". Представителями азаджа на местах являются его помощники — месленье, которые управляют отдельными провинциями. Эти области, обычно наиболее богатые зерном или медом, должны поставлять продукты для царского дворца, для *геберов*, т. е. тех угощений, которые периодически устраивают вожди своим войскам, для содержания чиновников царского двора и т. п. В ведении „дома стола" находятся специальные области, где разводится скот для царских нужд и для праздников *геберов*.

Другая и большая часть правительственных земель передается царем его ближайшим лицам. Это земли *гульт*. Пожалования эти зависят исключительно от благосклонности негуса,

и не даром говорят, что степень милости, которой пользуется у негуса тот или иной военачальник, может быть легко определена количеством земли, которое было дано ему на прокормление. Этот термин „давать землю на прокормление" в амхарском языке имеет значение пожалования землей.[1]

Для того, чтобы дать более ясное представление о характере земельных пожалований, остановимся несколько подробнее на судьбе одной из стран южной Эфиопии — Каффа. Каффа ранее была вполне самостоятельным государством и только в 1897 г., после упорной борьбы, войска Менелика II заняли эту страну. Полководцу Менелика расу Вальде Георгису удалось наконец захватить в плен царя Каффы и окончательно сломить всякое сопротивление. Царь Каффы Гаки Шерочо, по абиссинскому обычаю, в серебряных цепях был отправлен в столицу Ефиопии, а его страна была передана Менеликом победителю Вальде Георгису. Это пожалование носило характер *гульта*. Об этом было торжественно объявлено в столице Эфиопии. На главную площадь Аддис-Абебы барабанным боем был созван народ, и царский глашатай объявил всем, что вновь завоеванная страна Каффа передается в управление расу Вальде Георгису.

Получив в свое ведение всю страну, Вальде Георгис разделил ее на отдельные участки *мельканьет*, передав их во владение своим соратникам, которые сделались его *мельканья*. Все они получили право не только на землю, но и на использование труда населения, жившего на их землях.[2] Особое совещание, так называемое *сабат Данья*, т. е. „суд семи", занималось распределением между новыми владельцами всего тяглого населения страны. Все крестьяне были переданы держателям *мельканья* в качестве *геббаров*. Количество крестьян, передаваемых новому владельцу *гультенья*, определялось по его рангу. Так, солдаты получали от 3 до 6 геббаров, пятидесятник 20 *геббаров*, сотник от 35 до 50 и т. д. Все эти цифры определяются по числу домохозяев, т. е. отдельных крестьянских семей. Каждые пять лет „суд семерых" вновь производил перерасчет и перераспределение *геббаров*. При этом перерасчете принимались во внимание те изменения, которые происходили за этот период, — прибыль и убыль населения, появле-

---

[1] Duchesne-Fournet, t. I, p. 244.

[2] В раздел поступила вся земля, кроме земель, находившихся в наследственном владении — „рест".

Негус негешти Эфиопии Лидж Ясу (1913—1916) и его сановники. Посредине изображен Лидж Ясу, слева от него патриарх Эфиопии абуна Матеус; справа — Вальде Георгис. Абиссинская картина. (Музей Инст. антропологии и этнографии. № 2594—30).

ние новых хозяйств и т. д. По подсчетам 1905 г. общее число геббаров в Каффа определялось примерно в 110 000 человек мужчин-домохозяев.[1]

Вальде Георгис управлял страной Каффа до 1910 г., до смерти Менелика. Менелик умер ночью 28 октября 1910 г. и в ту же ночь отряд в 3 тысячи человек под начальством царского фитаурари Афте Георгиса перенес его тело в Дебра Либаносский монастырь, где было совершено погребение. Смерть Менелика держалась в глубокой тайне, даже люди этого отряда не знали, кого они переносили. Немедленно Вальде Георгис был отозван из Каффы в Аддис-Абебу. Тогдашний регент-правитель Эфиопии рас Тасама предоставил ему вместо его прежних владений на юге главнейшие области центральной Эфиопии. Вальде Георгис получил страны Амхара, Бегемедер и Семиен с городом Гондар, где и был коронован негусом.[2]

[1] Bieber. Kaffa. Ein altkuschitisches Volkstum im Inner Afrika. Wien, 1923, Bd. II, S. 219.

[2] Официальный титул царя Эфиопии — „негус негешти“ что значит „царь царей“. В этом титуле отразилась структура феодальной Эфиопии, где царь

Смерть Менелика держалась в тайне до конца декабря 1913 г. В течение этого времени фактически Эфиопией управляла небольшая группа вельмож.

Прежние владения Вальде Георгиса были переделены наново. Соседние с Каффой области находились во владении двух вельмож — даджача Бирру и даджача Ламу. Последний из них, бывший братом Вальде Георгиса, умер в том же 1910 г., и все эти земли вместе с Каффой совет вельмож передал Бирру, двоюродному брату нынешнего негуса Хайле Селассе. Часть своих земель Бирру передал в свою очередь своему даджачу Вальде Катама. Когда в 1911 г. умер сам Бирру, его владения были поделены наново. Внук Менелика Лидж Ясу, принимавший уже тогда участие в правлении, передал страну Каффа своему даджачу Луль Саггаду, одновременно дав ему титул *раса битвадета*, т. е. доверенного любимца царя. Всю остальную часть земель Бирру получил даджач Катама. Луль Саггад управлял страной Каффа всего лишь пять лет.

В 1913 г. было официально объявлено о смерти Менелика, и „негусом негешти" был коронован Лидж Ясу. Спустя три года, в 1916 г., между главнейшими вельможами Эфиопии, в числе которых были фитаурари Афте Георгис и негус Вальде Георгис, было достигнуто соглашение о низложении Лидж Ясу. 29 сентября 1916 г. патриарх Эфиопии Абуна Матеос обратился с воззванием ко всему народу, обвиняя Лидж Ясу в покровительстве мусульманам и отступничестве от христианской веры. 30 сентября была провозглашена царицей Эфиопии сорокалетняя Заудиту, вторая дочь Менелика, а правителем и расом при ней был поставлен молодой даджач Тафари, нынешний негус. На помощь свергнутому Лидж Ясу немедленно поспешил отец его — негус Микаэль со своей стотысячной армией. Вблизи Анкобера 23 октября произошла битва, в которой войска Заудиту были разбиты и предводитель их, наместник Каффы Луль Саггад, был убит. Через несколько дней — 27 октября 1916 г. — во второй битве, произошедшей всего лишь в 50 км от Аддис-

---

был лишь старшим среди других царей. В каждой области Эфиопии были свои местные царьки, носившие различные титулы. С исчезновением самостоятельных царьков титулы их по традиции сохранялись, и вельможа, назначавшийся в ту или иную область, получал одновременно с этим и древний титул. В 1910 г. кроме „негуса негешти" в Эфиопии были еще два „негуса" — рас Микаэль и рас Вальде Георгис.

Рабыни приносят *дерго*.

Абебы, рас Микаэль потерпел поражение и вскоре был захвачен в плен.

11 февраля 1917 г. Заудиту короновалась царицей Эфиопии. Она передала оставшуюся без правителя страну Каффа даджачу Катама. Он управлял ею до 1919 г., когда был в свою очередь отозван, и вся страна была разделена на мелкие земельные владения *шалеканьет* между несколькими тысяченачальниками — *шалека*. Сама область Каффа досталась внуку Вальде Георгиса даджачу Хайле Марьяму.

Этот пример наглядно показывает существующий в Эфиопии способ раздачи земель во временное пользование с правом использования труда местного населения и взимания с него всевозможных налогов, кроме десятины, уплачиваемой правительству. Как мы видим на примере страны Каффа, земли даются, отнимаются, перераспределяются и вновь передаются разным лицам в кругу вельмож в зависимости от политического положения в стране.[1]

Пожалованная „на прокормление“ земля, не передается в собственность новому владельцу, но является временным пожалованием на особых условиях. Это земля *гульт*, владелец которой *гультенья* является лишь временным (правда, часто лишь теоретически) держателем. Слово *гульт*, которое неоднократно переводят словом „феод“, в действительности имеет несколько особое значение, не вполне сходное с феодом. Тот или иной вождь, получив землю непосредственно от царя,

---

[1] О судьбах страны Каффа за последнее время см. Bieber, Geschichte des Kaffaisch-Äthiopischen Krieges. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Bd. XXIII—XXV, 1922, SS. 18—43.

может передавать часть ее другим лицам на тех же условиях, на которых он сам получил ее от негуса, т. е. он сам раздает *гульты*, жалуя своих приближенных. Некоторую часть земли он сохраняет для себя, передавая ее для управления своим представителям — чиновникам *мельканья*. Эти в свою очередь управляют тем округом, который им назначен. Они обязаны собирать подати с подчиненных им крестьян и передавать их своему начальнику.

Крестьяне, находящиеся на землях *гульт*, обязаны выплачивать десятину, т. е. одну десятую часть доходов. Некогда десятина поступала в пользу церкви, но еще в конце XIX века церковь утратила эту привилегию. Налоги обычно выплачиваются натурой, что характерно для Эфиопии с преобладанием в ней натурального хозяйства. Обычно десятина уплачивается зерном, медом, воском, скотом, шаммами,[1] железом и т. д.

Помимо десятины, которая уплачивается правительству, каждый сборщик подати, будь то *мельканья*, выше его стоящий рас и т. д., добавляет к этому еще некоторое количество сборов, предназначенных лично для него; так как в Эфиопии нет платных должностей с установленными окладами, то всякий для своего содержания облагает дополнительными налогами подчиненных ему крестьян. Размеры этих добавочных налогов установить невозможно. Они зависят от произвола помещика. Помимо этих налогов крестьяне обязаны приносить подарки или делать взносы в разных особых случаях, как-то: по случаю свадьбы помещика, постройки сельской церкви и мн. др. Этим не ограничиваются обязанности крестьян. Они обязаны поставлять *дерго*. *Дерго* — это особый род повинности, обязывающей население поставлять пищу чужеземцам, проходящим через деревню. Кроме чужестранцев, имеющих охранные грамоты, крестьяне должны кормить также солдат. Выработалась даже особая поговорка: „Мои ноги изранены камнями, моя грудь открыта копью“ — таков ответ солдата, требующего именем царя провизии у крестьян. *Дерго* состоит обычно из мяса, меда и хлеба. Количество пищи зависит от обстоятельств и значительности такого постояльца. Для примера можно привести размеры *дерго*, предоставленного одному французскому

---

[1] Шамма — обычная одежда абиссинца, род широкого плаща из хлопчатобумажной ткани.

путешественнику. „Ежедневно мое дерго состояло из 20 литров меду, 45 хлебов, 2 блюд и 5 мер ячменя. Кроме того, по приказу царя мне давали ежемесячно 20 литров масла, 5 кг соли, 4 литра особого вида меда, 2 быков и 4 баранов".[1]

Насколько обременительна эта повинность, видно из того, что нередко лиц, проезжающих с охранными грамотами расов или негуса, сопровождают по стране большие воинские отряды. Для примера можно привести следующий случай. Один из французских путешественников сообщает, что в 1930 г. в путешествии через западные области Эфиопии: „нас сопровождал секретарь царского двора, выполняя обязанности переводчика, и отряд его охраны. По его приказанию начальники разных стран при проезде через их территорию следовали за нами с отрядами от 100 до 200 человек. Это, конечно, делалось не для нашей защиты. Страна, по крайней мере там, где мы проезжали, была достаточно спокойна. Однако этикет требовал, чтобы нас сопровождали слуги и вооруженные люди. Значение каждого лица определяется длиной его эскорта. Не будет преувеличением сказать, что четвертая часть населения проводит свою жизнь «составляя свиту»".[2]

Имея в виду, что весь этот эскорт, очевидно, получал продовольствие от расположенных по пути его деревень, видно, как тяжела эта повинность. В особенности для населения, живущего неподалеку от больших дорог, *дерго* достигает значительных размеров.

Однако, перечисленными повинностями не исчерпываются обязанности крепостного крестьянина. Помимо всего он обязан еще отрабатывать барщину у своего помещика. Эта примитивная форма земельной ренты — отработочная рента — достигает обычно одной трети всех дней в году.[3]

Барщинные работы, называемые *худад* или *кудад*, обычно состоят в обработке помещичьих полей. В больших поместьях

---

[1] Borelli. Ethiopie méridionale, p. 134. Интересна фактическая сторона дела. Борелли добавляет: „Я должен бы быть удовлетворен. Однако в действительности дело обстояло так: была собрана, примерно, половина обещанного. Из этой половины деревенский староста *шум* удержал в свою пользу большую часть. Это было неизбежно. Остаток дошел до меня в ничтожном количестве. Царская щедрость свелась почти ни к чему".

[2] La Géographie, № 1—2, t. LIV, 1930, p. 2.

[3] Правильнее было бы сказать — всех рабочих дней в году, потому что в Эфиопии очень велико число свободных нерабочих дней.

обработка земли производится обычно рабами и дополнительно к ним привлекаются крестьяне. Рабочий скот в этих случаях поставляется помещиком. В других случаях обработка полей производится только барщинниками.[1]

Эти барщинные работы являются той основой, на которой зиждется феодальное хозяйство. В виду возможности всегда получить даровую рабочую силу в условиях феодальных отношений, становится невозможным введение новых форм труда. Очень характерен ответ абиссинского губернатора одной из богатых южных провинций Эфиопии, данный им английскому консулу Рею. Англичанин спросил губернатора, почему тот не перейдет на обработку земли машинными плугами и не применит их на своих полях, которые при своей обширности вполне оправдают все связанные с приобретением нового инвентаря затраты. Губернатор на это ответил: „Да, это может быть и дешево в вашей стране, но очень дорого в моей. И ради чего мне стоит приобретать плуги? Каждый человек моей области обязан явиться с плугом и парой быков, а то и с несколькими быками, и вспахать нужное число моих полей. Я зарежу нескольких быков, чтобы накормить их, это для меня небольшой расход, а других затрат у меня нет. К чему мне тратить все свои деньги на то, чтоб мои поля были вспаханы немного скорее“?[2]

Таким образом, крестьянин обязан выплачивать десятину, отрабатывать барщину, давать *дерго*, не считая дополнительных налогов и обязательств. Но этим еще не ограничиваются его повинности. Дополнительно ко всему этому крестьянин обязан выплачивать в пользу местных властей, т. е. начальника провинции, особый сбор, состоящий из одного „амолье“ с очага.[3] „Амолье“ представляет собою бруски соли, которые употребляются в Эфиопии в качестве единицы обмена. Ценность

---

[1] *Кудад* — название барщины — связано с глаголом *кведде*, что означает „он выполнил барщину“, или „он обработал царские земли“. Это наглядно показывает, что барщина в основном заключается в обработке полей. Точно так же *кудадье*, *худадье* означает барщину, а также царские земли или поля.

[2] Rey. Unconquered Abyssinia as it is to day. L., 1930, p. 290.

[3] В некоторых случаях крестьяне освобождаются от всех налогов и зависят исключительно от помещика. В этом случае они обязаны пять дней работать на царя: в первый день — обрабатывать землю; во второй — разрыхлять ее, в третий — засевать; в четвертый — жать и в пятый — вязать снопы. См. Borelli. Ethiopie méridionale, p. 94.

этих „амолье“ зависит от удаленности данного места от места добычи этой соли. Соль добывают в стране Данакиль, в равнинах Арехо, и оттуда развозят по всей стране.

Положение крестьянина, находящегося на церковных землях, примерно такое же. Церкви принадлежат огромные земельные богатства в различных частях Эфиопии. Можно сказать, что все наиболее плодородные земли находятся в руках церкви. На севере, около священного города Эфиопии Аксума, во владении монастырей находятся огромные земельные угодья, тянущиеся на сотни километров. В частности, особенно велики владения аксумского монастыря. Они составились из пожалований церкви и дарений как царей, так и вельмож, военачальников и т. д. Все эти земли являются также землями *гульт*. Владелец этих земель, какой-либо духовный владыка, является таким же *гультенья*, как и любой военачальник, получивший от негуса или раса в свое распоряжение землю. Духовное лицо, имеющее в своем распоряжении земли, обладает теми же правами, что и светские держатели. Настоятель монастыря на своей земле творит суд, разбирает тяжбы, в случае войны ведет вооруженный отряд на войну, нередко становясь сам во главе его. Одним словом, это такой же феодал, как и все прочие. Нередко монастыри пользуются еще бóльшими правами, чем какой-либо вельможа, потому что цари неоднократно предоставляли монастырям права на изъятие данных монастырю земель из ведения правителей провинций. Эти права устанавливались особыми грамотами, весьма сходными с иммунитетными грамотами древнего Египта или западно-европейского средневековья.

В архивах аксумских монастырей сохранилось большое число таких грамот, относящихся к XVI—XIX вв.,[1] которые дают ясное представление о характере такого рода пожалований, благодаря которым в течение веков понемногу церковь забрала в свои руки целые области.

Во имя отца и сына и святого духа!

Я, Валатта Марьям, дал в качестве гульта землю Фенкелит со всеми ее угодьями, чтобы увековечено было имя

[1] Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores aethiopici. Ser. II, t. VIII. Documenta ad illustrandam historiam, I, Liber Axumae (Изд. Conti Rossini). Parisiis, 1910. Римские цифры в скобках указывают на №№ документов второй серии (documents féodaux). Ср. также C. Conti Rossini. Donazioni Reali alla Cattedrale di Aksum. Oriente II, № 1—2, Roma, 1895, pp. 1—13.

Марии и мое собственное, чтобы продлила она мои дни на земле и успокоила меня в царствии небесном. Потому что она надежда моя от утробы моей матери. Я дал это поместье, когда небураэд был Хапта Марьям, Кайса Габазом был Габра Марьям, начальником дьяконов Василид... главой общины Осия, градоначальником Аксума Бахале. Если кто-либо нарушит или преступит это постановление, будь то небураэд или уста его (т. е. судья небураэд'а), правитель области (сеюм) или начальник земельный (мельканья), да будет он проклят устами отца, сына и святого духа силою Петра и Павла и устами всех апостолов.

Подать не должна быть приносима царю, но передаваться общине навсегда (XXIV, 2).

Запретительные формулы, применяемые в заключительных строках этих иммунитетных грамот, почти всегда указывают на изъятие жалуемых земель из ведения правителя области. Иногда эти заключительные слова содержат также указания на особые льготы, предоставляемые гультенья, т. е. держателю гульта.

„И я приказал, чтобы никто не вступал в их гульт, ни мадабаи, ни ауфари из Зарафты, ни лошадь, ни лев, даже для того чтобы вести следствие по делу об умершем в воде, или в огне, или в пропасти, или от хищников пустыни, или от голода, или жажды" (XLII).

Я, Зара Якоб, сын Давида, установил и приказал, чтобы никто не входил в (земли) нашей матери Сиона, собора Аксумского, ни лев, ни лошадь, ни мул, ни ауфари из Зарафты. Не через царского посла, или правителя, я приказал это своими собственными устами. Если найдется кто-либо, кто нарушит или преступит это, да будет он проклят, как Арий ересиарх и как Симон маг из Самары. Аминь (XVI).

„... и мы запретили входить (в земли гульт) правителю Тигре и начальникам, ему подчиненным, по какой бы то ни было причине, но в случае, если будет убит человек от руки людей, он должен вести дело, оставаясь в пределах своей страны, не входя в гульт; также как и по делам утонувших, упавших в пропасть, растерзанных хищниками, убитых молнией и умерших с голода" (XLIV).

Грамоты такого рода выдавались монастырям негусами Эфиопии до самого недавнего времени. Совершенно в том же стиле написана грамота Иоанна, царствовавшего в 1868—1889 гг.

„И я царь царей, Иоанн, возобновил все „гульты" и подтвердил владения Дабра Бизан, данные моими отцами, царями Давидом и Зара Якобом, Лебна Денгелем и Галав девосом. Кто нарушит или преступит этот указ, да будет он проклят устами отца, сына и святого духа. Это касается также правителя Тигре и его представителя. Да будет он проклят силою Петра и Павла" (CIII).

По образцу царских грамот каждый из феодалов приносит дары церкви, распоряжаясь землями, зависящими от него.

Во имя отца и сына и святого духа!

Я, рас Вальде Селласе, дал алтарю моей матери, Сиону, землю Хасабо, чтобы это меня привело в царство небесное, которому не будет конца. Серебра, которое я заплатил за эту землю 203 талари, земля должна быть передана: Сиону две части и церкви одна часть. (Следуют имена продавцов и поручителей). С сего дня запрещаем под угрозой отлучения от церкви силой Петра и Павла, что никто не приближается к этой земле, ни правитель Тигре, ни небураэд, ни судья правителя, кроме священников, которые принадлежат к общине, и владельца гульт, и т. д. (LXX).

Небураэд Арам и Вайзаро Валатта Мусе, чтобы войти в царство небесное и получить благословение для своих детей, молитвами нашей владычицы Марии говорят: мы дарим абба Кефла Георгису четыре поля в Харима, одно поле в Ад Дагвау и одно поле в Дамбе Вад Заго. Если найдется кто-либо, кто нарушит и преступит это, да будет проклят он силою Петра и Павла (LXXIX).

Я, деджазмач Себагадис, во крещении За Манфас Кедус, я дал Кайса Бабазу За Амануелю, чтобы он был моим свидетелем в царстве небесном, не преходящем и вечном, третью часть Адалы и четвертую часть Элбаи, подать с которых составляет 25 шамм, Ад Абаэр и Ад Салама, подать с которых составляют 30 шамм. Только для того, чтобы помешать правителю Мадабаи и Барка приблизиться к этим землям по какому-либо поводу, мы защитили под угрозой отлучения

и запретили это силой Петра и Павла устами отца, сына и святого духа и устами митрополита нашего Керлоса. Аминь.

Кроме того, я дал церкви Кидана Мехрад 30 шамм и церкви св. Гавриила из Сатва 30 шамм. И еще я дал 50 шамм податей с земли Абуна Панталеона и 100 шамм подати с земли Аддакере священникам церкви Сиона в Адуа. И еще я дал церкви св. Михаила в Адуа 100 шамм подати с земли Ахсе и церкви св. Гавриила в Адуа 100 шамм. И еще я дал монастырю Дабра Карбе землю Ад Барик, чтобы это дарение послужило мне для поминания; ибо я вспомнил о переходе из этой жизни и о том, что сойду в закрытый гроб — наследство отца Адама; земля Ад Барик, половина ее — священникам и половина ее — отцу Габра Иясусу, Вайзаро Ментевабу и Вальда Крестусу.

И вы, о священники, я вас горячо молю, чтобы вы не забывали восклицать имя мое и поминать меня каждый месяц в день св. Михаила, потому что с самого моего детства это было моим упованием. За это я вам даю к 12 числу месяца Маскарама одну меру (энтелам — 144 кг) молотого зерна для церкви Кидана Мехрат, к 12 числу месяца Текемта один энтелам муки для церкви св. Гавриила в Сатва; к 12 числу месяца Хедара один энталам муки для церкви Сиона, что в Адуа, и т. д. в течение всего года (LXXXIII).

Один любопытный документ из этих же архивов показывает своеобразное „дарение“ монастырской земли монахами любимому вельможе, от которого они, вероятно, неоднократно получали защиту, а может быть и дары.

При помощи владычицы нашей Марии, матери божьей, мы дети Сиона, собора Аксумского, великие и малые, мы дали землю Фельфели господину нашему, возлюбленному нами деджазмачу Вальде Селласе за его благодеяния для нас и потому, что он нас снабдил землями гульт, потому что он нам возвратил земли Сиона, которые были захвачены другими людьми. Но наш подарок предназначен для того, чтобы обеспечить ему вечное поминание и добрую память, ибо сказал Давид: „Вечной памяти будет праведник“. И это поминовение будет совершаться при его жизни и после смерти

и оно не прекратится никогда, будет совершаться в 7-й день месяца Хамле, в день св. Троицы, в который он приобщился к ним телом и духом. Если найдется кто-либо, кто прекратит это поминовение, да будет проклят он нашими устами. Аминь (LXXI).

Как мы видим из этих грамот, церковь представляла собой настоящее государство в государстве. Прежде, когда церковь располагала десятиной, шедшей в ее пользу, владения церкви и ее могущество были неизмеримо больше. Однако, до настоящего времени целые страны принадлежат ей. Так, например, абуна, глава абиссинской церкви, владеет целой страной Манташа в западных пределах Эфиопии.

Все земли, находящиеся в ведении церкви, являются, как было уже сказано, землями *гульт*. Однако, они отличаются от всех остальных тем, что церковные земли не могут быть выморочными и поэтому в течение многих столетий церковь смогла накопить огромные земельные богатства. Земли, находящиеся в ведении церкви,управляются *алека* — управителями, которые передают земли в аренду крестьянам. Таким образом крестьянин, находящийся на церковной земле, помимо десятины, налогов и барщины должен выплачивать еще и аренду. Эта аренда выплачивается как деньгами, так и натурой. Вот образец грамоты, перечисляющей различные барщинные работы и поставки натурой в пользу церкви.

... Вот перечень барщин всех стран, которые поставлены на службу Аксумскому собору.

... Адет приготовит и обожжет кирпичи из глины. Занги вымостит его (Сиона) и принесет камни для колоколов.[1] *Амба Санаит принесет черные плиты. Гаральта принесет камни, называемые римскими. Малбарта срубит тысячу кедров малорослых и сто стволов толстых и принесет их к границам своей страны, где их возьмут жители стран, находящихся на пути (к Аксуму) Далю, Эгала, Гело Македа, Кеферья. ... и Барья Хайда из Табра принесут фитили для факелов.*

Сторожа собора принесут уголь и воду и подметут храм.

---

[1] Абиссинцы употребляют в качестве колоколов звонкие камни, на которых они даже разыгрывают мелодии.

Вся страна, управляемая ауфари из Зарафты и Тората, будет обрабатывать медь ежегодно.

... вот, кто должен строить ограды Аксума: Эдда Маконен и Надер обязаны построить внешнюю ограду. Средняя ограда должна быть построена 74 семьями дабтара, которые должны разделить ее на части по 12 локтей каждая. Третья ограда, внутренняя, воздвигается четырьмя начальниками племен, которые делят ее между собою.

Ад Хаямат, Даро Матакель, Акультана, Бета Москаль принесут мед в землю Мазутай, они принесут бревна на Пасху и на праздник креста и воздвигнут сень в праздник крещения".

Как было уже указано выше, земли *гульт* являются условным держанием. Однако, наряду с землями *гульт* имеется особый разряд земель, называемых *рест*. Это земли, находящиеся в частном пользовании отдельных лиц. В отличие от земель *гульт*, которые могут быть пожалованы и могут быть отобраны, но не могут быть проданы или уступлены, земли *рест* — земли наследственные, которые могут быть продаваемы, наследуемы, словом, они находятся в полном распоряжении своего владельца. Землевладение такого типа существует лишь в областях Тигре, Годжаме, Шоа и отчасти в Хараре. Возможно, что эти земли возникли в результате заимки, т. е. захвата пустопорожней земли. Однако, в настоящее время трудно выяснить этот вопрос точно. Владельцы *рест*, вероятно, составляли некогда большую группу. Во всяком случае характерно то, что в рукописи абиссинского монаха, которую мы приводили выше,[1] нет указания на помещиков — владельцев земель *гульт*, а упомянуты лишь владельцы *рест*.

„*Пятая группа (населения) называется шемагелле (вельможи, господа и владельцы земель рест); они распределяют свои земли между крестьянами, подчиненными им, и не стыдятся своего страха (потому что не идут на войну)*". Совершенно очевидно, что владельцы земель рест в XVI в. являлись крупными помещиками.

И в настоящее время земли *рест* не обрабатываются непосредственно их владельцами. Обычно помещики сдают их в долгосрочную аренду крестьянам из $^1/_4$ урожая. В том слу-

[1] См. стр. 112.

Нищенствующее духовенство. В Эфиопии помимо большого числа монастырей и церквей существует большое число нищенствующего духовенства. С зонтиками и посохами в руках они бродят по стране, выпрашивая себе подаяние. Число их так велико, что, по уверениям некоторых путешественников, каждый пятый человек принадлежит к ним.

чае, если помещик дает арендатору волов для обработки земли и семена для посева, то крестьянин тогда обязан отдать помещику половину своего урожая.

Владелец земель *рест* имеет право продать свои поместья. Обычно этот договор происходит при свидетелях, и дело ограничивается устной сделкой. Однако, для закрепления сделки часто вписывают совершонную продажу в церковную книгу.

Интересно, что в Эфиопии еще не вполне выработалось частное владение землей: эти сделки еще ограничены некоторыми условиями — в которых сказываются прежние права родового коллектива. Так, у тигре при продаже земли прежний владелец должен прежде всего предложить продаваемую им землю своим родственникам. Этот обычай сохранился в северных областях Эфиопии и в Эритрее. Прежде чем продать землю, владелец должен убедиться в том, что сородичи его не претендуют на приобретение земли, и лишь затем может предлагать ее чужаку.

В Шоа, где следы родовой организации значительно слабее, этого ограничения повидимому нет, но тем не менее продажа земли еще не приобрела вполне „законных“ прав, характерных

для более поздних этапов развития общества. Продающий землю, во-первых, сохраняет за собою прав обратного выкупа земли и, во-вторых, что является внешним выражением этого, получает право требовать от купившего его землю постоянной поставки ему зерна. Это так называемый *уорчи* — особый налог, который обязан выплачивать покупатель бывшему владельцу земли. *Уорчи* выплачивается в установленные договором сроки и приобретает форму постоянной повинности, которая существует не только между покупателем и продавцом земли, но и между их потомками.

В настоящее время земель рест ничтожное число. По смерти владельца рест обычно земли делятся, в том случае, если не было завещания, между всеми детьми умершего поровну, причем старший сын получает двойную долю.[1]

Эти разделы приводят к тому, что земельные наделы рест мельчают. Помимо того эти земли уменьшаются в числе, вследствие вымирания семей, владеющих ими. В этом случае они теоретически переходят в ведение государства, а практически ими завладевают *шулы* — местные земельные начальники. Земля *рест* переходит в ведение правительства и в том случае, если владелец ее был уличен в измене, или каком-либо противоправительственном действии. В этом случае его земли конфискуются.

Повидимому негусы Эфиопии были очень озабочены этим исчезновением земель *рест*. Частые конфискации, случаи захвата земель деревенскими начальниками и т. п. делали земельные держания очень неверными. Так как владельцы этих земель составляют значительную часть помещиков, то правительство всемерно старалось противодействовать исчезновению этих земель. Очень характерно, что на первом заседании совета министров Менелика II, учрежденного им в 1908 г., были вынесены следующие решения:

Человек, который совершил тяжкое преступление и поэтому должен быть лишен своих земель, впредь будет подвергаться лишению стад и телесному наказанию, но он не должен быть лишен земли. Однако, бежавший убийца и тот,

---

[1] Женщины имеют право наследования наряду с мужчинами. Более того, женщина может быть также владельцем „*гульта*".

кто будет уличен в заговоре против правительства, лишаются своих земель.

Земля рест — земля, полученная от отца и матери, или купленная на свои деньги. Это не земля „меткейя“ (гульт), но земля „меткейя“, которую правительство сделало землею „рест“, неприкосновенна.

Если кто-либо умрет бездетным, его отец и мать получают его имущество и его землю рест; шум — деревенский начальник не наследует.

Если у него нет ни отца, ни матери, то наследуют его брат или его сестра.

Если у него нет больше ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, то наследовать должны наиболее близкие родственники вплоть до четвертой степени.

Все же, если покойный, исключив своих родственников, завещал свое имущество другому, тот и должен наследовать.

Если родство дальше четвертой степени, должен наследовать шум.

Таковы были эти постановления. Они удовлетворили очень вождей и солдат и были объявлены всенародно на площадях при барабанном бое.[1]

Эти постановления были приняты в июле 1908 г. По существу, они развивают и подтверждают прежние указы Менелика. Так, еще в 1891 г. он издал следующее повеление:

„Я решил, что все галласские земли, называемые „ягашамернет“ от Уяша вплоть до Ауаша будут отныне землями „рест“, по обычаям страны Менз. Если ты обвинен — имущество твое будет отобрано, но ты сохранишь свою землю“.

„Это наполнило вождей его и солдат великой радостью“, не забывает отметить составитель хроники его царствования.[2]

Как мы видели, земли *рест* считаются наследственными и резко отличаются от *гульт* — служилых земель. Несмотря на то, что юридически они резко отличаются друг от друга, в действительности в некоторых отношениях они сходны. Существуют различные так сказать промежуточные формы владения, называемые *рест-гульт*.

---

[1] Guébré Sellasie. Chronique du règne Menelik II, перевод с амхарского. Paris, 1930, t. II, pp. 527—528.

[2] Там же, т. I, стр. 301—302.

Получая землю в условное держание, *гультенья* старается превратить ее в наследственное держание. Выплачивая налоги и добиваясь внесения земли в податные списки, владелец поместья превращает ее таким образом в наследственное держание *рест-гульт*. Большинство земель *гульт* сохраняется за потомками лица, впервые получившего землю. Таким образом появляются помещики, которые уже в силу давности продолжают владеть землями, когда-то давно полученными их предками. Они выплачивают правительству десятину и *дерго*, все остальные подати собирая в свою пользу. Эта наследственность *гульта* впрочем неоднократно оговаривалась при пожаловании земли. Так, еще в старинных грамотах XVI века встречаются указания на то, что *гульт* дается в наследственное пользование.

Я, Сарса Денгель, чье царское имя Малак Сагад, дал в качестве гульта Себхат Лаабу землю Агера, чтобы она по его желанию была наследственным поместьем для него и для его детей. Если кто-либо — царь, правитель или начальник — нарушит или преступит это, да будет он проклят устами отца, сына и святого духа и устами всех апостолов.

Я, Лебна Денгель, чье царское имя Ванаг Сагад, дал страну Бета Мата со всей ее землей в качестве поместья гульт Робелю, чтобы принадлежало оно его детям и детям его детей. Это сделано в то время, когда (следует перечисление разных вельмож с указанием их должностей для указания на дату).

Если правитель Тигре или его главный судья преступит или нарушит это, да будет проклят он устами отца и сына и святого духа во веки веков (XXXIV).

В своем поместье *гультенья* вполне самостоятелен. Единственной связью с правительством является, как было уже сказано, уплата податей. Все владения *рест*, которые к моменту пожалования оказываются в новом *гульте*, становятся подвластными *гультенья*.

Наряду с *гультами*, принадлежащими отдельным лицам, существует небольшое число *гультов*, принадлежащих общине.

Это так называемые *гульти наи себ*, которые сходны с тем родовым владением, которое было описано выше. Так же

Деревенские старосты *чека шумы* на базаре. Для наблюдения за порядком на некотором возвышении устраиваются шалаши, в которых помещаются *чека шумы*.

как и в Тигре, в этих *гультах* каждые пять лет происходят переделы между всеми сочленами деревни (*мендер*).

Такие деревни с коллективным землепользованием встречаются и в Шоа. Они обычно имеют общинные поля, которые распределяются между всеми членами (сельской?) общины каждые пять лет. Во главе такой деревни стоит выборное лицо *чека шум*, который руководит всеми делами общины, наблюдает за переделом, взносом податей, выполнением барщины и т. д. Одним словом, он наблюдает за выполнением всех крестьянских повинностей. Должность *чека шума* выборная. Он сменяется ежегодно.[1]

---

[1] Неоднократно в литературе встречаются указания, что в противоположность земельному владению тигре, основанному на родовом коллективе, в Шоа имеется личное землевладение, земли принадлежат отдельным лицам или семьям, и что род в этих областях отсутствует. В общих чертах это указание несомненно правильно; значение родовой организации в Тигре несомненно больше, чем в Шоа. Однако, остатки родовой организации существуют и в Шоа. Это ясно видно из одного места в абиссинской хронике Федора II. Когда Федор II вступил в качестве завоевателя в провинцию Шоа, „было издано постановление, что каждый должен вновь вступить во владение тем иму-

Чека шум использует свое положение, превращаясь постепенно в пожизненного управителя общиной становясь кулаком-помещиком.[1]

* * *

СИСТЕМА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

При завоевании новых стран издавна негусы пользовались системой военных поселений и размещением солдат в покоренной стране, предоставляя им земельные наделы. Обычно при завоевании земля делилась на три части. Одна часть передавалась вождю отряда, завоевавшего ее; две части солдатам. Какой-либо рас или деджач, получив землю, передавал ее своим солдатам, которые становились зависимыми от него *гультенья*. Этим способом достигались разом две цели: колонизация новых земель и награждение солдат. Солдат, получив земельный

ществом, которое принадлежало его отцу. А не имеющий его должен обратиться к царю, который заменит ему отца (т. е. предоставит ему новые земли). Начиная с этого времени, не было никого в Шоа, кто бы не требовал себе земли, ссылаясь на то, что тот или иной земельный участок принадлежал его отцу, и так было вследствие царского объявления. Каждый желал, таким образом, получить либо должность, либо поместье, люди начали ссориться, а затем убивать друг друга. Царь, узнав об этом, издал новый указ, который восстанавливал постановления Сахле Селласие в том виде, как они существовали в его времена. Однако, так как люди Шоа предавались убийствам, он изменил эти постановления в одном отношении. Он приказал, что лишь один убийца может быть наказан, что ни отец, ни брат, ни родственники убитого не могут быть убиты вместо виновного, если только они сами не были причастны к убийству или не были найдены на месте преступления". Из этих слов совершенно очевидно следует, что в Шоа существовал тогда обычай кровной мести. Mendon Vidailhet. Chronique de Theodoros II, Paris, s. a., pp. 17—18.

[1] О земельных отношениях в Эфиопии см.: Шоа: Guebré Sellassié. Chronique du règne Menelik II, pp. 610—615. Bieber. Die Bodenverfassung Aethiopiens. 1914. Эритрея: Conti Rossini. Principi di diritto consuetudinario dell'Eritrea, pp. 98—163. Conti Rossini. I Loggo e la legge dei Loggo Sarda. Giornale della Societa Asiatica Italiana, 1904, v. XVII, pp. 31—42. Сев. Эфиопия: Annaratone. In Abissinia. 1912, pp. 217—224. Южные страны Эфиопии: Bieber. Kaffa. Wien, 1923, Bd. II, SS. 204—216. Краткая сводка у Conti Rossini. Abissinia, pp. 107—117.

надел, обязан выплачивать десятину и некоторые еще налоги, но не несет никакой барщины.

Каждые пять лет происходит ревизия этих наделов. Выясняют, выплачена ли десятина и производятся ли кроме того необходимые изменения в наделах. Эти земельные наделы бывают обычно определенной величины, примерно в один келад,[1] т. е. 30—50 га. Эти наделы получили название *ягаша медер*, т. е. „земля щита". Дело в том, что прежде солдаты назывались *гашенья* — „щитоносцы". Благодаря практике военных наделов слово *гаша* — „щит" приобрело постепенно значение единиц земельной меры. По этой же причине, очевидно, и название *яселатине медер*, означающее землю солдат правительственных войск, обозначает также „узкий, длинный кусок земли", показывая этим форму и размер типичного солдатского надела.

Наряду с солдатскими наделами существуют также особые виды держания земли, связанные с несением определенной службы. Так, особые наделы получают *баруд бьет* — изготовители пороха, *дессеточ* — носители палаток, *гендабель* — обозные и т. д. В связи с этим жалованная им земля носит особое название по виду этой службы. Так же как владельцы *ягаша марет* обязаны нести военную службу, так владельцы *язеб марет* обязаны нести полицейскую службу; земля *ямет марет* — земли тюремных стражников, *ямагфанья марет* — земля пушкарей, *ялако марет* — земля тех, кто обязан в походе сопровождать транспорт. Некоторые из этих земель связаны с очень своеобразными обязательствами. Так, например, держатели земель *ягендабель* и *ядеста марет* обязаны во время похода носить палатки царя и начальника авангарда или вообще военачальников. Крестьяне *гиндебель* во время войны должны сопровождать войска, одни из них несут палатку, другие — шесты, на которые она натягивается, третьи — колышки для нее, четвертые устанавливают палатку и т. д.

Как и все прочие владельцы земель, полученных в условное держание, все эти солдаты стремятся превратить свои владения

---

[1] Келад — в пров. Шоа обозначает земельную меру. Величина ее колеблется в зависимости от богатства почвы и формы ее поверхности. Величина келада определяется веревкой длиной в 133 локтя. Восемь таких веревок составляют одну сторону, а одиннадцать другую сторону прямоугольника, т. е. в среднем келад равняется 44 га.

в наследственные усадьбы. Всякий солдат, получивший земельный надел, имеет право сохранить его за своей семьей, если представит вместо себя либо своего сына, либо кого другого в качестве своего заместителя. Таким образом земли *ягаша медер* постепенно становятся наследственными и превращаются в земли *рест*. Когда в 1891 г. Менелик II превратил все земли *ягаша медер* провинции Шоа в земли „*рест*“, он только лишь закрепил уже давно совершившееся превращение прежних солдат в помещиков-землевладельцев.

Эта система военных наделов существовала некогда по всей Эфиопии. Так, по абиссинским историческим хроникам известно, что цари Эфиопии Зара Якоб (1432—1468) и Баэда Марьям (1468—1478), завоевывая новые области, поселяли там новых военных колонистов, военные отряды — *сева*.[1] В конце XIX и в начале XX века было колонизовано таким образом большое число земель в южных областях Эфиопии, в странах Галла и Сидамо. После завоевания все земли в этих странах за небольшими исключениями были объявлены царскими. Так, например, владельцы кофейных плантаций получали возмещение в том случае, если у них отбирали земли и, кроме того, те группы галла, которые приняли христианство, также сохранили свои земли в качестве земель *рест*. Таким образом лишились владения землей все мусульманские и языческие племена, а также некоторые группы ремесленников, которые, как уже было выше сказано, находятся в подчиненном положении (напр., кузнецы и т. д.). Практически, конечно, все они остались на своих землях, но были обязаны выполнять целый ряд повинностей и платить подати, как и все крестьяне, находящиеся на помещичьих землях. Все земли были распределены между амхарскими вельможами и их войсками, и соответственно туземное население превратилось в их крестьян. Именно в этих местностях в настоящее время существует своеобразная система использования труда туземного населения, известная под названием системы „геббар“.

Эта система не применяется в настоящее время в провинциях Тигре, Амхара и Годжам, но является характерной лишь для южных районов Эфиопии.

---

[1] Perruchen. Les Chroniques de Zar'a Yâ'eqob et de Baéda Mâryâm, rois d'Ethiopie de 1434 à 1478. Paris, 1893, pp. 147—149 и др.

Покорение страны Уаламо.
Художник-монах изобразил это событие очень своеобразно: абиссинский святой Такла Хайманот крестит людей страны Уаламо. Страна Уаламо была завоевана Менеликом II в 1892 г., а Такла Хайманот, очень популярный в Шоа древне-абиссинский святой, жил по преданию в XIV веке. Явный анахронизм не смущает художника. Очевидно он в Такла Хайманоте олицетворил победоносные войска Менелика II.

Для того, чтобы ознакомиться с существом этой системы, остановимся на организации одной из областей южной Эфиопии — области Лимму. Государство Лимму было завоевано войсками Менелика II в 1886 г. Сразу же после завоевания северные области этого царства он передал одному из отрядов своей армии. Все жители этой местности были объявлены геббарами отряда копьеметателей — *ворвари*. Каждый воин этого отряда получил одну семью геббар для своего содержания. Получая в свое распоряжение крепостную семью, воин обязан поселиться в новом месте со всей своей семьей. Обязанности крестьянина-*геббара* по отношению к своему постояльцу очень

разнообразны. Воин имеет право жить непосредственно на земле своего геббара. В этом случае *геббар* обязан построить совершенно безвозмездно своему хозяину новую хижину. Кроме того, он обязан доставлять лично, если он не богат, или через своих слуг, если он имеет их, ежедневно еду и питье. *Геббар* заботится о доставке воды, колке и носке дров к хижине воина или в место, им указанное. *Геббар* должен доставить рабочие руки и материал для постройки хижин, заборов и всевозможных работ, которые может потребовать от него постоялец.

В некоторых случаях воин может жить в другой местности, в этом случае он имеет право поручить кому-нибудь другому наблюдение за выплатой требуемой им подати. Обычно же постоялец непосредственно сам контролирует подать, приносимую ему геббаром, и ежегодно требует от него свою долю — для себя самого и для всей своей семьи. Эта доля заключается не только в определенной части зерна, но и в определенном количестве всех продуктов земледелия, а также и меда. В случае войны или перемещения отряда *геббар* доставляет для воина продовольствие и средства передвижения во время похода.

Все семьи, выполняющие повинность „*геббар*", записаны в особой книге. Местный туземный начальник обязан предоставлять семьи *геббар* в нужном для отряда количестве. Крестьяне *геббар* не могут уходить из своей деревни или переходить из Лимму в другую область. Если бы так произошло, то воин отряда *ворвари* может потребовать у местных властей предоставления ему новой семьи для выполнения повинности геббар.

Таким образом, собственно говоря, нет никакой связи личного характера между воином — *ворвари* и подчиненной ему семьей *геббар*. В случае побега своего *геббара* воин не требует возвращения ему бежавшего крестьянина, а просто требует возмещения предоставленных ему негусом прав на использование труда одной семьи в данной области. Таким образом дело сводится к тому, что местные власти должны предоставлять *X* семей *геббар* для *У* числа солдат, размещенных в данной области.

Размещенные в стране *ворвари* должны заботиться об охране страны, где они размещены, не говоря уже о том, что

они обязаны участвовать в походах, предпринимаемых в любой области. Однако, такого рода военные поселения делают отряды войск малоподвижными и слишком связанными с местным населением. Мобилизация отряда становится делом очень трудным и медленным, не говоря уже о том, что всякое пополнение или обновление войска делается затруднительным. Всякому вновь включенному в отряд *ворвари* (не сыну одного из солдат этого отряда) пришлось бы дать новую семью *геббар*, но это фактически невозможно в виду малочисленности населения. Уже в 1897 г. часть отряда *ворвари* была переведена в другие области для улучшения жизни солдат, так как местного населения оказалось недостаточно; отнять же наделы у прежних солдат значило бы вызвать среди них возмущение. Однако, если и имеются известные неудобства слишком тесной связи солдат с туземным населением, то эти невыгоды сказываются лишь позднее. Вначале же система военных поселений обеспечивает постоянное наблюдение надо всей, даже домашней, жизнью туземного населения и позволяет легче удерживать вновь покоренную страну. Каждый солдат уже в силу своего положения заинтересован в поддержке власти центрального правительства, давшей ему землю и *геббаров*, потому что она обеспечила ему его преимущественное положение, превратив его в мелкого помещика. С течением времени размещенные таким образом отряды сливаются с туземным населением, образуя в его среде как бы местную знать. Неизбежными были связи между поселенными в области воинами амхара и туземными женщинами Лимму. Это привело к тому, что спустя 30 лет после размещения отряда *ворвари* в Лимму сыновья прежних солдат, вновь вступающие в отряд, в большинстве случаев родились от женщин Лимму. Таким образом их матери и родственники их по женской линии являются их собственными *геббарами*. Э. Черулли, наблюдавший положение дел в Лимму в 1928 г., говорит, что „они постепенно стараются сделаться местной знатью. Если дело пойдет попрежнему, через несколько поколений и новых смешений с туземцами галла они будут хвастаться своим иностранным происхождением, производя свой род от абиссинских предков, завоевателей Лимму".

Размещенные в Лимму воины *ворвари* сохраняют свою военную организацию. Они подчинены своему начальнику даджачу, который не только является их военным начальником, но также

имеет судебные права. Он разбирает тяжбы и ведает всеми делами, связанными с обязательствами *геббар*. Все остальные судебные дела, не относящиеся к этим обязательствам, разбирает правитель Лимму. Естественно, что правители областей заинтересованы в устранении из их областей военных отрядов, так как в этом случае в их ведение поступают продукты труда геббаров-крестьян, работающих на солдат. В виду этого возникает известное соперничество между двумя даджачами, каждый из которых добивается у правительства „превосходства" belainnet над другими, т. е. права разбора судебного дела другого, права аппеляции к нему. В таком же положении, что и воины ворвари в Лимму, находятся и другие части этого же отряда, размещенные в Каффа и Лауро. В других областях размещены были прочие полки армии Менелика. Так, например, полк *Гондарии* получил от негуса геббар в странах Лиека Галла и Илу Бабор и т. д.[1]

В некоторых странах правительство наделяло такими *геббарами* не только воинов и их вождей, но и отдельных лиц,[2] обычно знатных амхарских вельмож и военачальников. Эти военачальники получали в свое распоряжение несколько десятков, а иногда и сотен семей *геббар*, работавших на них.

Таким образом, в этой стране, где господствует натуральное хозяйство, оплачиваются правители провинций, их помощники,

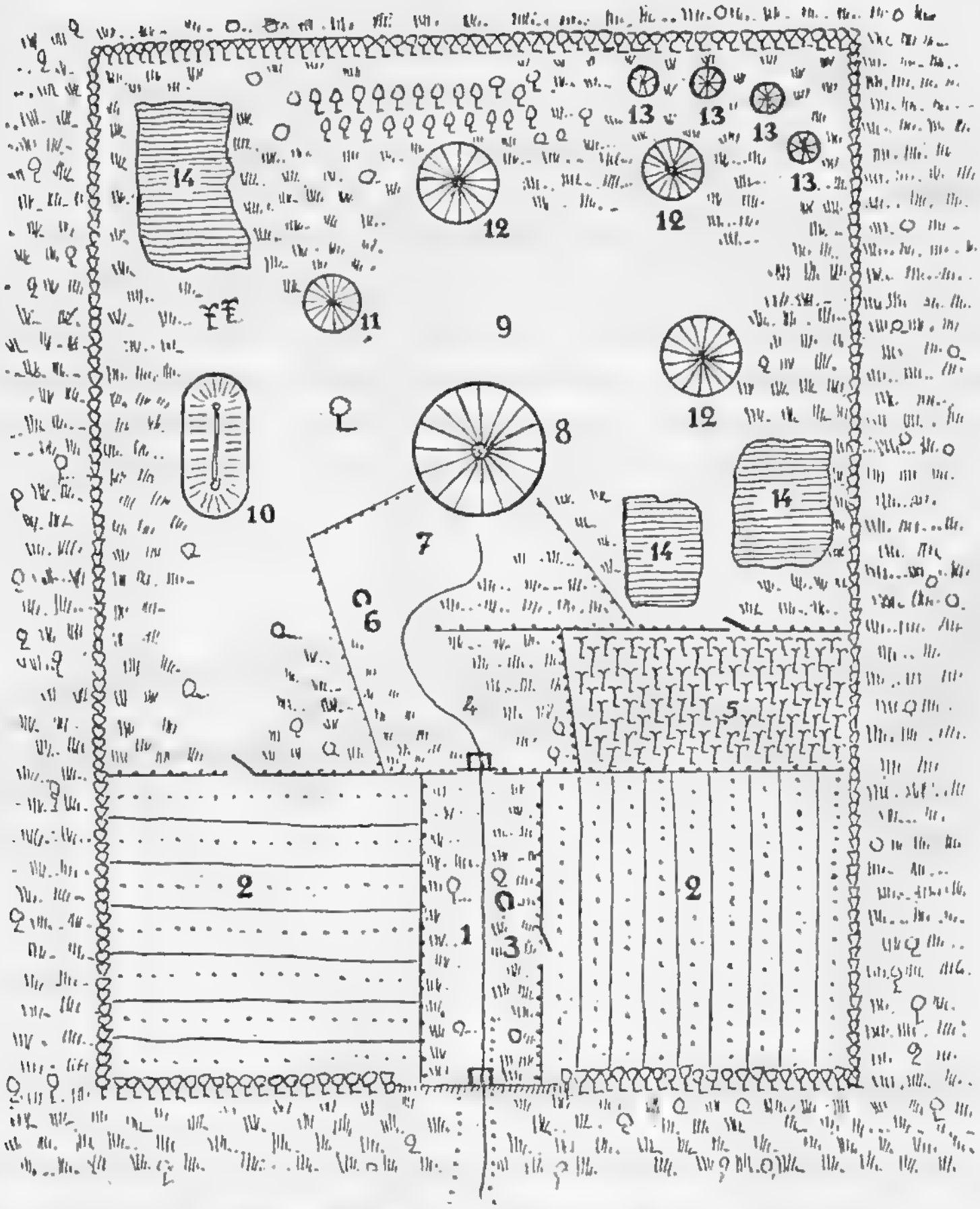
---

[1] Описание практики системы *геббар* в южных районах Эфиопии см. у Cerulli. Etiopia Occidentale. Roma, 1930, v. II.

[2] Следует отметить, что часть земель была предоставлена вельможам в полное наследственное владение (*рест*). Туземные крестьяне, находившиеся в этих поместьях, не могут стать *геббарами* военных отрядов, поскольку земля изъята из ведения местных властей и передана негусом непосредственно владельцу *реста*.

Положение этих крестьян сходно с положением крестьян центральных провинций Эфиопии: они обязаны лишь выполнять работы на своего помещика и освобождены от тяжелых повинностей *геббаров*. Таким образом, население этих владений оказалось в более выгодном положении, чем окрестные жители. Для последних эти поместья являются как бы убежищами. Владельцы этих земель пользуются этим, стараясь облегчать положение своих крестьян для того, чтобы увеличить их число притоком со стороны. Обычно барщина в этих поместьях заменяется налогом, исчисляемым по хижинам и по количеству обрабатываемой земли.

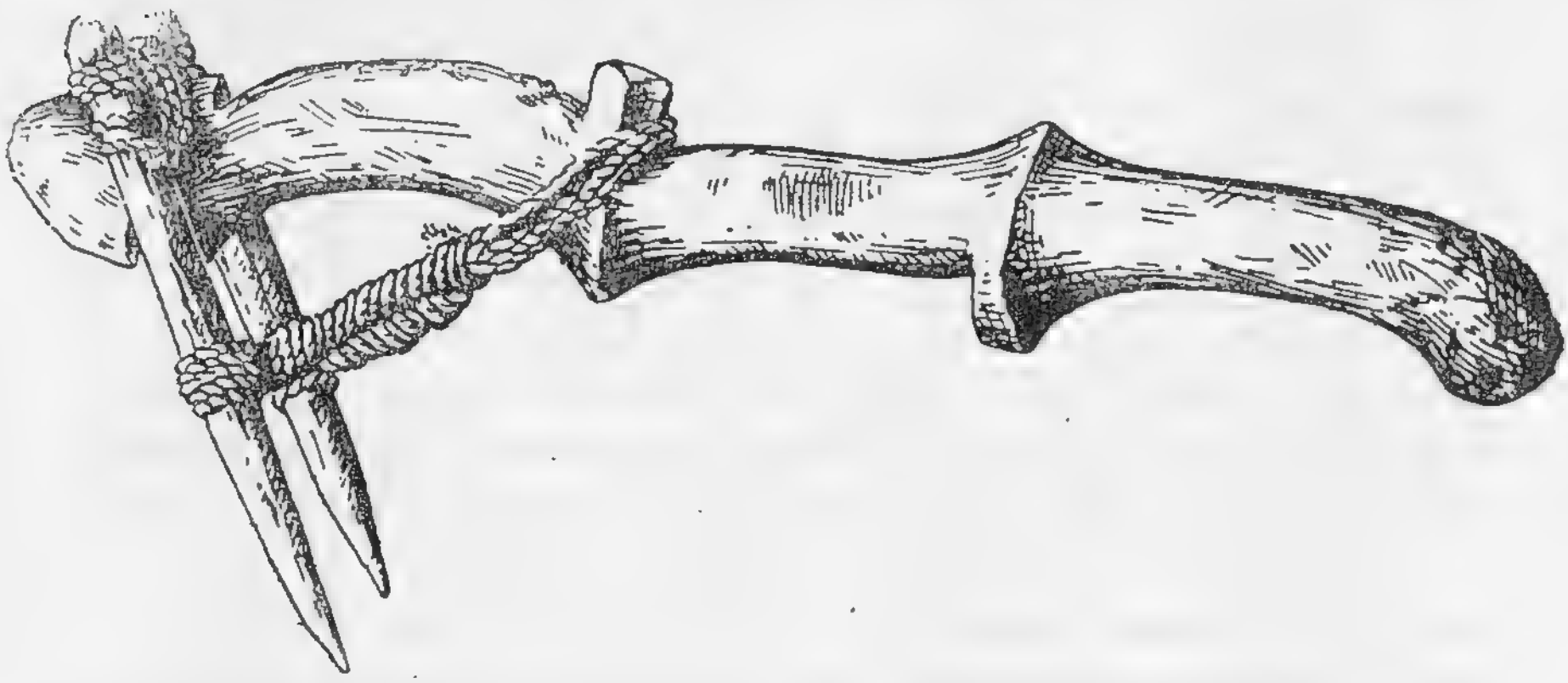
Поэтому в Каффа эти владения сделались центрами народонаселения. Владельцы таких земель — обычно влиятельные вельможи, которые нередко в Аддис-Абеба имеют бо́льшую силу, чем даджач или иной правитель области. Хотя последний имеет право требовать выдачи беглых *геббаров* — практически этого никогда не бывает.



Усадьба богатого помещика в Каффа. Вся усадьба огорожена высоким плетнем и рядами деревьев. Высокие укрепленные ворота с опускающейся дверью ведут в первый двор — *адераш* (1). Справа и слева от него расположены огороженные маисовые поля (2). Вход в одно из этих полей ведет непосредственно из *адераша*. Второе поле со стороны адераша отделено глухой изгородью. Посреди двора находится сторожевая вышка (3). За первым двором находится второй двор — *эльфин адераш* (4),вход в который укреплен такими же воротами. Рядом со вторым двором находится сад с банановыми насаждениями или кофейными деревцами (5). Второй двор пересечен высоким плетнем, и дорога, ведущая в усадьбу, огибая ее, проходит между ним и второй сторожевой вышкой (6). Здесь часто устанавливаются третьи ворота. За ними находится третий — внутренний двор — *эльфин* (7) почти треугольной формы. Плетеная изгородь вплотную примыкает к стенам главного дома (8). За ним находится задний двор, или садовый двор — *геби* (9). В него можно попасть только пройдя через дом хозяина усадьбы. В *геби* находится дом главной жены (10), и если у владельца поместья несколько жен — несколько домов по их числу. Недалеко от них находится хижина, в которой приготовляют пищу (11). Затем ряд хижин, в которых помещаются слуги, рабы и мелкий рогатый скот (12). Хижины рабов всегда строятся внутри этого огороженного пространства. Около них несколько небольших амбаров для хранения зерна (13). На *геби* находятся также огороды (14), обычно устраиваемые в тени деревьев. На кофейную плантацию и в маисовое поле, находящееся у *адераша*, можно попасть лишь со стороны *геби*. (См. Bieber. Kaffa, Bd. I, S. 181.)

наместники, чиновники и начальники более мелких областей. Начальник небольшой области может иметь 200—300 таких *геббаров.*

Чем жарче и нездоровее местность, тем более жестка эта система, так как абиссинцы амхара избегают низколежащих местностей и предпочитают собрать там возможно скорее все сразу, что может быть собрано постепенно в горной местности. Вполне естественно, что система *геббар* изменяется в зависимости от богатства той или иной области. В Арусси, напри-



Деревянная мотыга племени камбата.

мер, где посевы очень значительны и стада велики, население меньше страдает от этой повинности, чем в более бедных областях вроде Гураге, Сидамо или Валлега.[1]

Положение крестьян, называемых *геберами*, в областях центральной Эфиопии — Шоа, Годжаме и др., отличается, как мы видели выше, от положения *геберов* и *геббаров* в странах Галла. В свою очередь положение *геберов* в негрских странах — Гимира, Шанкалла и др. также совершенно особое. По приказу Менелика II все рабы — *барья*, после указа об отмене рабства, были переименованы в *геберов*. Их было запрещено называть прежним именем рабов под угрозой известного наказания. Однако, это не изменило их положения в странах Шанкалла. Таким образом, мы рассмотрим сейчас несколько ближе вопросы о рабовладении в Эфиопии, не смущаясь тем, что мы будем говорить о таких же *геберах.*[2]

[1] Rey. Abyssinia as it is to day, p. 190.

[2] О значении слов см. статью в Сов. Этнографии № 1 за 1936 г. стр. 28.

1. *Манджади* — серп для срезания дурры. 2. *Манджа* — сер. 3. Деревянная мотыка. 4. Мотыга с железным наконечником. 5. *Улетума* — цеп для обмолачивания дурры. 6. *Гафа* — деревянная лопата для провеивания зерна.

РАБОВЛАДЕНИЕ

К сожалению, очень трудно выяснить размеры применения рабского труда в системе феодального хозяйства. Несомненно, что если оно не играет теперь значительной роли, то прежде размеры его применения были довольно велики. За отсутствием всяких данных о экономической структуре древнего Аксумского царства, существовавшего в Эфиопии в первых веках нашей эры, трудно сказать что-либо определенное о размерах рабовладения в эту эпоху. Однако, очень возможно, что в Аксумском царстве широко применялся труд рабов. В пользу этого соображения говорит то обстоятельство, которое я решаюсь высказать здесь, что в непосредственном соседстве с областью древнего Аксумского царства находилось одно суданское племя, которое до настоящего времени называется бареа, что значит по-амхарски — рабы. Можно думать, что в этой области аксумиты захватывали рабов для сооружения тех пышных дворцов и грандиозных монолитных памятников, развалины которых сохранились доныне. Эти суданские племена и были, возможно, тем резервуаром, откуда черпали аксумские правители нужную им рабочую силу, и область, где они брали рабов, сохранила доныне название „рабской области, страны рабов". Самоназвания этого племени ни одному из исследователей выяснить не удалось. Возможно, что собственным названием этого племени является „бареа"; это название впоследствии получило значение раба, сначала раба из этого племени, а позднее раба вообще.

Во всяком случае несомненно, что прежде рабство играло несравненно большее значение, чем теперь. Сказанное в особенности относится к южным областям Эфиопии. Известно, например, что в государствах южной Эфиопии до завоевания их амхарцами широко процветало рабство. Так, в стране Каффа, как мы видели выше, по некоторым данным больше половины всего населения составляли рабы. О размерах существовавшего рабства можно судить лучше всего по сообщению кардинала Массайя, что смертная казнь редко применяется в этой стране. В случае какого-либо проступка виновный почти всегда приговаривался к лишению свободы вместе со всей семьей, благодаря чему, рабы составляли почти половину всего населения. Большое число рабов подтверждает и другой исследователь

этой страны, Бибер, который определяет их число до 60% всего населения. Несомненно, что после завоевания амхарцами положение во всех этих странах сильнейшим образом изменилось. Во всяком случае характерно, что итальянский исследователь Э. Черулли, посетивший Каффу в 1928 г., не сообщает почти ничего о преобладании рабов, хотя мы ожидали бы, что именно на это он должен был обратить свое внимание.

Швейцарский путешественник Монтадон, побывавший в одной из стран южной Эфиопии — Гимира лет через десять после ее завоевания войсками Менелика II, говорит о том, что рабство, в его как бы скрытой форме, существовало тогда в этой стране. Все население шанкалла было распределено между завоевателями. Начальник распределял людей между своими солдатами. Не было ни одного солдата, который не имел бы по меньшей мере хоть одного *габара*.

„На обязанности *габаров*, пишет он, — лежало заботиться о полях, поддерживать дороги, строить дома, изгороди и т. д. Если они имели дело с хорошим хозяином, они не имели повода слишком жаловаться, во всяком случае менее, чем население некоторых европейских колоний. Несомненно это рабы: урожай принадлежит хозяину, который оставляет им то, что им нужно для их собственного пропитания. Другие габары выполняют личную службу у своего хозяина, и было бы очень трудно видеть в тех и в других челядинцев, потому что:

Они не имеют права по своему желанию менять хозяина.

Их заковывают в цепи, если боятся, что они убегут.

Их наказывают бичом, если они не работают или не идут по желанию их хозяина.

Их работа не оплачивается“.

Единственным отличием их от настоящих рабов является то, что они не могут быть проданы; тем не менее их могут дарить, „т. е. *габар* может быть подарен при свидетелях, которые находятся при этом как бы случайно, а плата устанавливается из-под полы“.[1]

Так обстояло дело до недавнего времени в южных районах Эфиопии. В центральных ее областях рабство, конечно, давно уже перестало играть решающую роль. Однако, прежде рабы составляли значительное число населения. Один из наиболее

---

[1] G. Montandon. Au pays Ghimirra, p. 219. Neuchâtel, 1912.

обстоятельных путешественников, англичанин Брюс, сообщает о набегах за рабами, производившихся еще в XVIII веке. В начале XIX века, т. е. в ту эпоху, когда в Западной Европе шла борьба за уничтожение торговли черными невольниками, все путешественники обращали внимание на рабство, о котором так много говорили у них на родине. Все они, вероятно невольно, проводили сравнение между рабством в Эфиопии и ужасами плантационного рабства в Америке и именно поэтому в один голос отмечали мягкость абиссинского рабства и хорошее положение невольников в этой стране.

Действительно, рабство в Эфиопии, по крайней мере в XIX веке, не могло идти в сравнение с рабством центрального Судана и работорговлей в Западной Африке. Большинство рабов в Абиссинии составляли челядь в богатых домах, хотя в некоторых случаях их привлекали для работы в полях. Наиболее знатные вельможи имели в своем распоряжении сотни, а то и тысячи рабов. Еще в эпоху Менелика II царский дворец и *мад бьет* — „дом стола" в Аддис-Абеба располагал большим количеством рабов. Они выполняли самые разнообразные работы. Часть их отбиралась в особые отряды черной гвардии. Все прочие, т. е. большинство, выполняли разную черную работу, а во время войны выполняли обязанности носильщиков. За неимением каких-либо статистических данных трудно конечно судить о размерах рабства. Однако, некоторые цифры встречаются в официальных постановлениях и указах негусов. Первым, кто попытался органичить рабовладение, был негус Федор I. За ним негус Иоанн также пытался воспрепятствовать работоторговле, не принимая впрочем никаких решительных мер. По их следам Менелик II в 1875 г. издал указ, запрещающий продавать и покупать рабов. Однако, этот указ оставался лишь пожеланием, и дальнейшие указы Менелика отражают его колебания. В 1876 г., во время похода в страну Гураге, Менелик разрешил вновь своим солдатам захватывать пленных в рабство. Два года спустя в своем письме от 28 ноября 1878 г. к европейским правительствам он сообщает об освобождении сначала 5 тысяч, а затем 20 тысяч галласов, захваченых в рабство во время последних походов. После этого он сам получает в подарок от царя Джиммы рабов; через несколько лет после этого дарит своему зятю 500 рабов, продолжая, таким образом, вести прежнюю политику в этом отношении. В 1889 г.

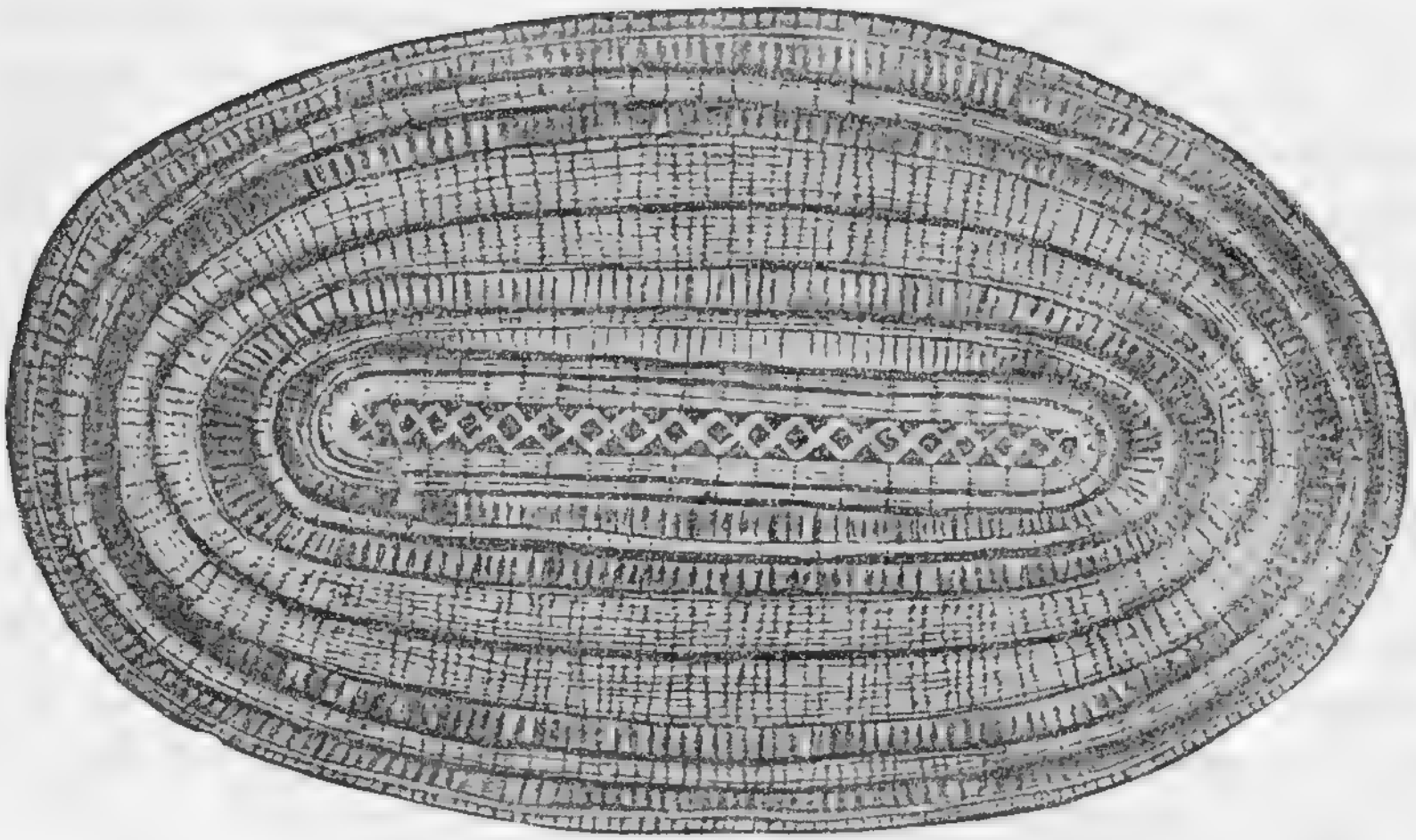
Негритянка племени гимира, несущая гомбу — большой глиняный сосуд для воды.

он вновь подтверждает уничтожение рабства. Однако, все военнопленные, которые должны быть освобождены согласно этому приказу, могут освобождаться постепенно, с расчетом, чтобы все они получили свободу через 7 лет.

Продажа рабов не могла более вестись открыто, но захват новых рабов продолжался. Так, в 1894 г., в походе в страну Уаламо, Менелик приобрел 1800 новых рабов. И позднее Менелик постоянно получает от своих военачальников и сам дарит в свою очередь негров-рабов. Однако, тем не менее торг невольниками прекратился, покупать и продавать их можно было только тайком, но закон обходили тем, что невольников дарили и обменивали. В целях той же борьбы с рабством Менелик воспретил называть туземное население, покоренных негрских народов, рабами — „бареа“, повелев именовать их „геббарами“. Как мы видели выше, положение этих геббаров осталось близким к положению рабов. Конечно, все эти указы не могли уничтожить домашнего рабства, и до настоящего времени большинство абиссинцев пользуется рабами в своем домашнем хозяйстве. Так, сравнительно недавно еще английский консул в Абиссинии Рей описывал состояние домашнего раба в следующих словах: „Несомненно существуют теперь в большей части страны разные формы крепостничества и домашнего рабства. Большинство абиссинцев пользуются услугами крепостных и рабов для разных домашних надобностей, в зависимости от своего положения и достатка. Те рабы, которые были захвачены в плен во время войны или родились от рабов, находятся в хорошем положении—их рассматривают как членов семьи. В небольших хозяйствах они живут, едят и спят в том же доме, а нередко и в той же комнате, что и их господа. Они часто становятся доверенными лицами у наиболее знатных абиссинцев. Нельзя назвать эту форму рабства очень тяжелой. Она составляет неотъемлемую часть социального устройства страны. Слуги европейцев обычно имеют однако или нескольких „домашних помощников“ такого рода, и даже слуги иностранных посольств имели в своих хижинах такого рода крепостных и рабов, которые помогали их женам в домашнем хозяйстве. И только в прошлом году (т. е. в 1926 г.) это было отменено во французской и британской миссиях“.[1]

---

[1] Rey, цит. соч., стр. 183.



Потолок абиссинской хижины. Для того, чтобы предотвратить протекание крыши, на потолке укрепляют плетёнку.

В борьбе с рабством правительству Эфиопии приходится считаться с противодействием отдельных феодалов и церкви. Неоднократно духовенство высказывает взгляды, что обращение язычников в рабство дело полезное и даже похвальное, так как дает им возможность приобщиться к жизни христиан. Такие заявления не должны никого удивлять, так как в южной Эфиопии рабство продолжает существовать, пользуясь покровительством церкви.

После принятия Эфиопии в число членов Лиги Наций, нынешний негус Хайле Селласе I издал два указа о ликвидации рабства.[1]

Первый из этих указов был опубликован в 1924 г., второй, вносящий некоторые изменения и дополнения к первому, был издан в 1931 г. Эти указы подтверждают освобождение рабов в течение семи лет и грозят суровыми наказаниями всякому, кто будет уличен в работорговле. Трудно сказать, насколько действительными являются эти меры. Судя по сообщению правительства Эфиопии генеральному секретарю Лиги Наций о проведении мер по борьбе с рабством, в настоящее время на территории государства учреждено 62 бюро, ведающих этими делами. Судя по этому же сообщению за время с 1924 по 1931 г. было

---

[1] Текст указов см. в приложении к статье Д. Ольдерогге в Советской Этнографии, 1936, № 1.

освобождено 3647 рабов. Повидимому некоторые вельможи и до сих пор владеют большим числом рабов и не идут навстречу реформам правительства. Во всяком случае характерно, что эта цифра специально оговорена указанием, что из общего числа 218 рабов принадлежало расу Хайлу. Из этого можно сделать только тот вывод, что все остальные освобожденные рабы принадлежали либо правительству, либо мелким землевладельцам. Неоднократно в прежнее время вельможи мотивировали свой отказ отпустить рабов на свободу, ссылаясь на то, что освобождение большого числа рабов может вызвать восстание. Отпущенные в большом количестве люди, не имеющие никаких средств существования и не имеющие земли, по их словам, представляли слишком большую опасность, чтобы их вообще отпускать на свободу.

В связи с этим можно затронуть один очень интересный вопрос о наличии в Эфиопии безземельных крестьян. После завоевания некоторых областей на юге Эфиопии, например, Гураге, туземное население было лишено земли и массами начало стекаться в Шоа, в Аддис-Абеба, где они надеялись получить заработок. При отсутствии промышленности и отсутствии спроса на рабочие руки, они вынуждены были браться за любую работу. Эти беженцы в провинции Шоа составляли большое число чернорабочих, а также странствующих ремесленников.

С развитием денежных отношений область Шоа видоизменяется прежде всего. В то время как по всей стране до сих пор преобладают ранние формы феодальной ренты, отработочная рента и рента натурой, в Шоа уже в начале XX века начинался переход к денежной ренте. Так, целый ряд податей был исчислен в денежном выражении. Землевладелец должен был платить один талер с пары рабочих быков. В том случае, если крестьянин не имел быков, он должен был выплачивать талер. Точно так же взимался определенный налог с жатвы. Более бедные устраивали складчину, чтобы выплатить налог.

Таким образом в Эфиопии до настоящего времени существуют бок о бок различные формы феодальной эксплоатации, причем еще не вполне исчезло использование рабского труда. Крестьянство, как мы видели, в основном работает на помещиков и церковь, выполняя тяжелые барщины и выплачивая налоги натурой. Денежная рента едва начала появляться.

Домашняя утварь абиссинцев.

Домашняя утварь абиссинцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Абиссинии существует два типа домов. Первый из них, наиболее распространенный, обычно называется *тукуль*. Это круглая хижина с конусообразной кровлей. Стены делаются из стволов, жердей и оплетаются хворостом. Посредине устанавливается большой столб. Крыша делается из жердей, чаще всего из дерева *колквал* (Euphorbia), одним концом они прикрепляются к столбу, а другим опираются на стены. Сверху крышу покрывают связками соломы, которые укладываются плотным слоем в несколько рядов, причем укладка ведется снизу вверх. На вершине кровли укрепляется глиняное навершье, чтобы предотвратить протекание крыши. Стены дома бывают от одного до четырех метров высоты. Снаружи их обмазывают глиной, смешанной с рубленой соломой. В богатых домах их обмазывают также и внутри, причем глину сглаживают золой, что придает ей сероватый цвет. Иногда также внутри хижины под крышей подвешивают ткани, которые образуют как бы потолок.

Хижины такого типа встречаются у всех племен Эфиопии, кроме кочевников сомали и данакиль. Наиболее примитивны хижины у негрских племен. Хижины каффичо и галла несколько сложнее по устройству, но по имуществу ничем от них не отличаются. В северных областях Эфиопии в провинции Тигре и в итальянской колонии Эритрее тигре строят свои хижины, называемые *агдо*, из мелкого камня, щебня, смешанного с глиной, землей и коровьим пометом. Стены достигают толщины до полуметра. Такая хижина расчитана обычно на одну семью.

Другой тип дома наывается *хедмо*. Он встречается также только у тигре. Стены *хедмо* образуют прямоугольник. Они делаются из мелкого камня, также как и стены *агдо*, Высота их колеблется от 2 до 3 метров. Сверху они покрываются плоской крышей, которая покоится на деревянных столбах с развилкой наверху. Крыша делается из жердей, хвороста и покрывается слоем земли в несколько десятков сантиметров в толщину. Ряды больших глиняных горшков, в которых хранят зерно, делят *хедмо* на несколько помещений.

Внутри абиссинского дома бывает обычно два помещения — *медбирет* и *ушьяте*. Большее из них по размерам — *медбирет* — служит для жилья. В нем находятся зернотерка и дчаг. Тут принимают гостей, тут же помещается скот, главным образом мулы.[1] В *медбирет* обычно также и спят. Вторая, меньшая комната — *ушьяте*, служит для разных чисто-семейных нужд. В ней также готовят пищу. Очаг делается чрезвычайно просто — это лишь углубление в земле. Никаких отверстий для выхода дыма не делается — он выходит в дверь и в щели дома, наполняя при этом всю хижину. Нет также и окон. Свет проникает внутрь только через двери.

Помещенные на табл. I рис. 1, 2 и на табл. II рис. 3 взяты из книги Montandon Au pays Ghimirra. Neuchâtel pp. 184—185; рис. 4—8 по Bulletin de la Société Sultanieh de Géographie. Le Caire, juin 1921, pp. 145—151.

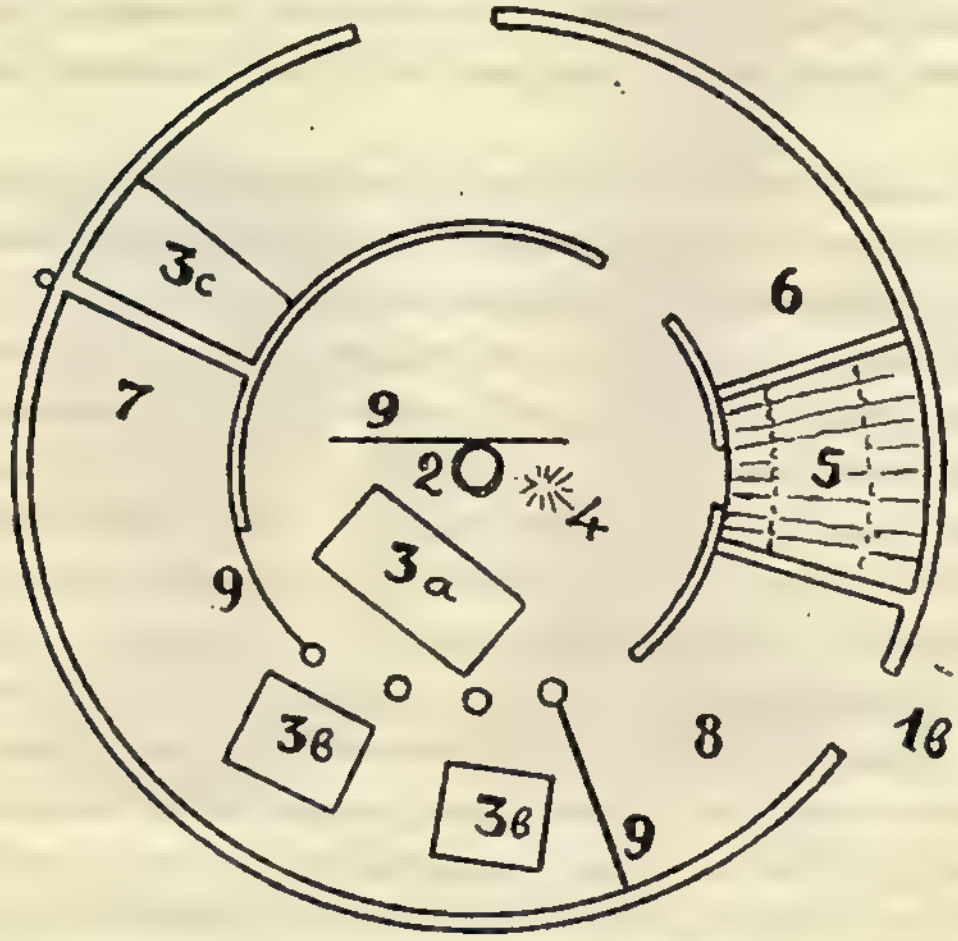
---

[1] Мулы очень ценятся в Эфиопии за свою выносливость. Цена мула в несколько раз выше цены лошади. В то время как верх мул для верховой езды стоит 100 талеров Марии Терезии, лошадь стоит всего 10—30 талеров.

Хижина гимира. Юго-зап. Эфиопия. Гимира.

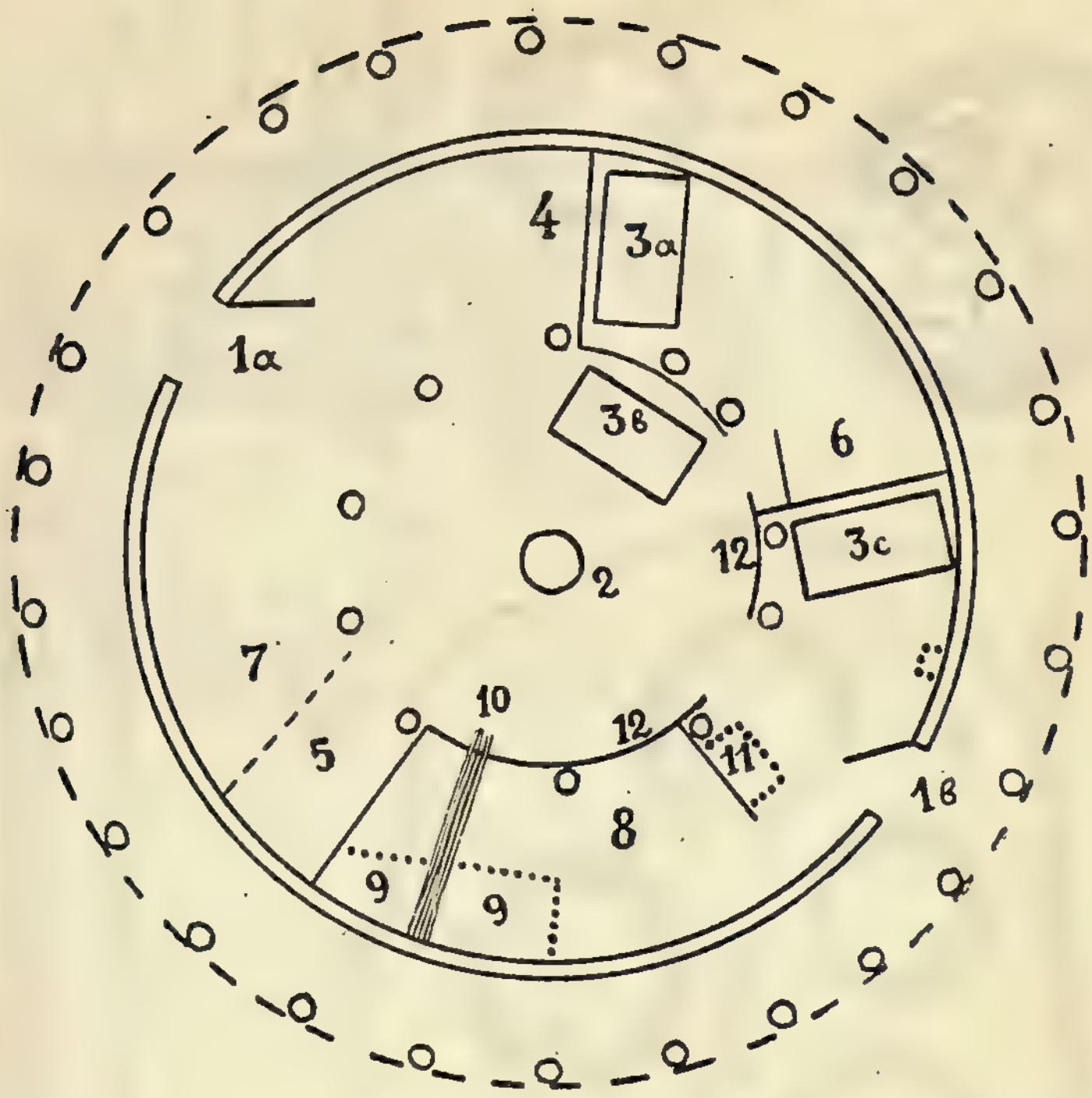
1a. Главная дверь. 1b. Вторая дверь (закрыта плетенкой). 2. Центральный столб, поддерживающий кровлю. 3. Земляные лежанки; они отгорожены решеткой из стеблей сорго. 4. Очаги и места для круглодонных сосудов.

1a



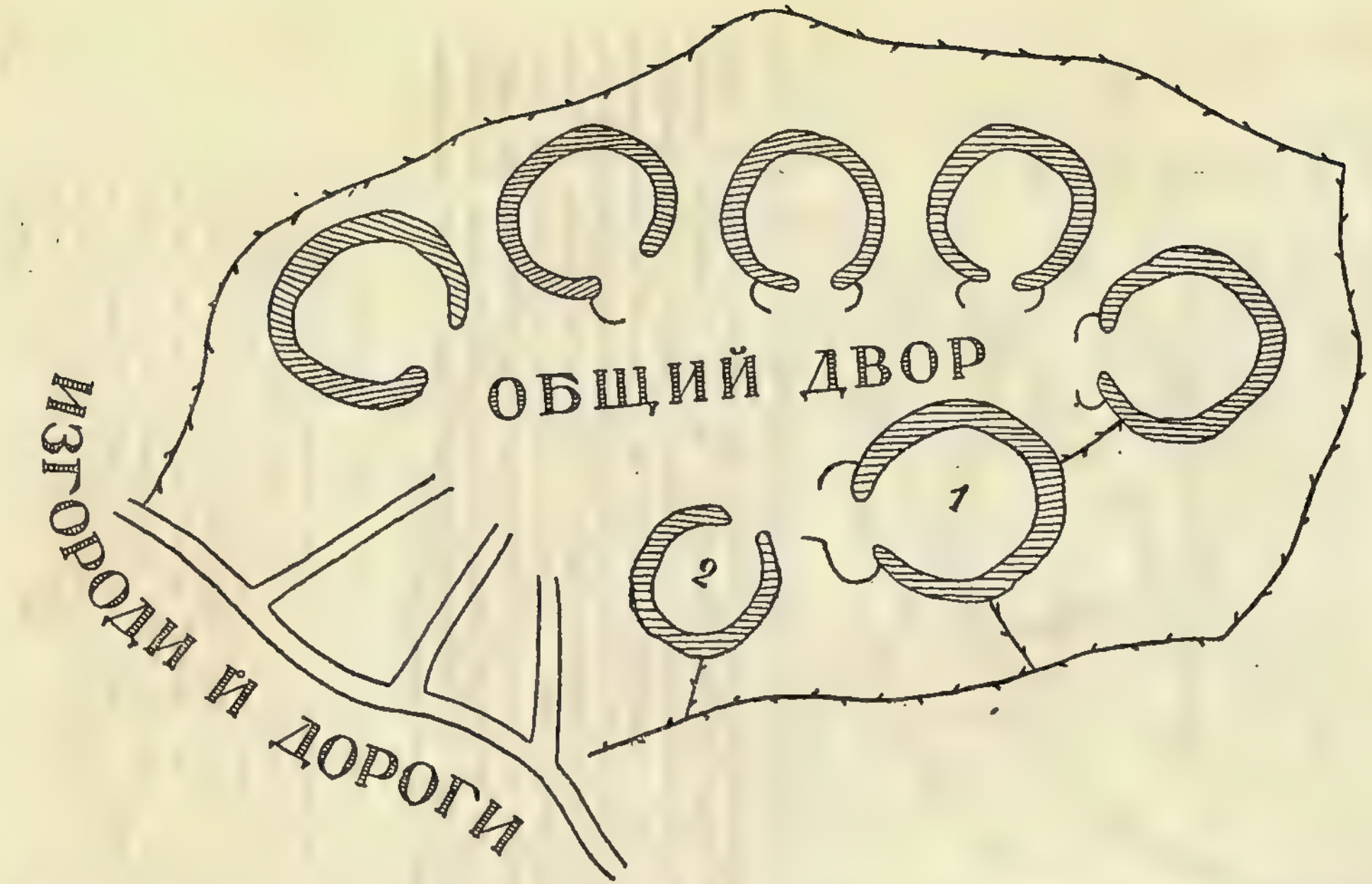
Хижина каффичо. Южн. Эфиопия. Каффа.

1. Двери. 1a — главная дверь. 1b — запасн. дверь. 2. Центральный столб, поддерживающий кровлю. 3a. Постель. 3b. Постель детей. 3c. Запасная постель. 4. Очаг. 5. Помещение для овец; в нем сделан на высоте полуметра помост, на котором спят овцы. 6. Помещение для хранения пищи. 7. Помещение для хранения воды и напитков. 8. Помещение для приготовления пищи. 9. Бамбуковые циновки, разделяющие отдельные помещения.

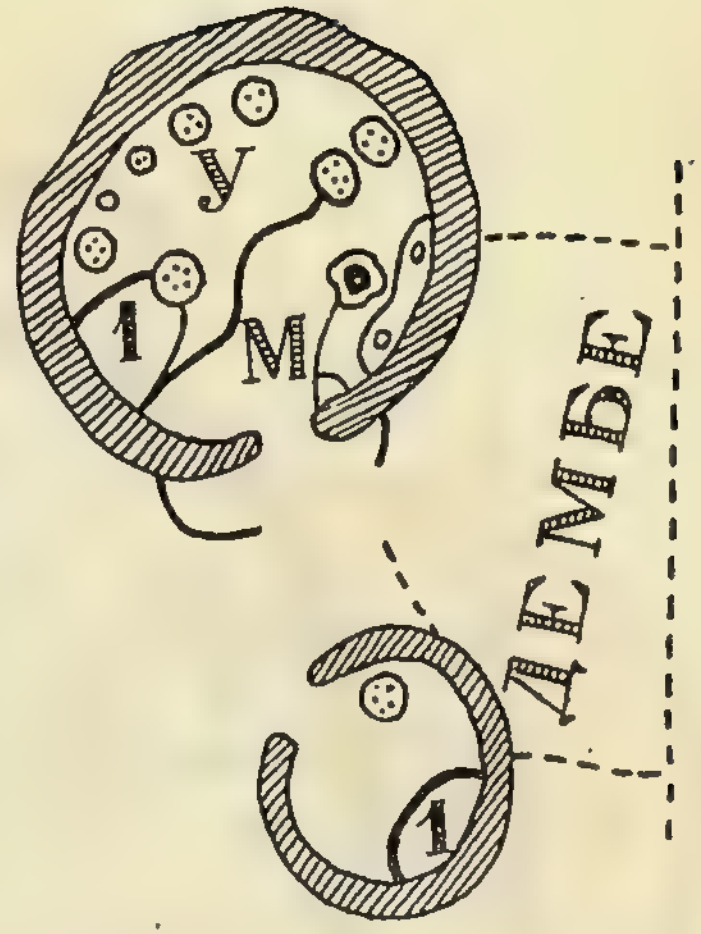


Хижина богатого купца галла. Зап. Эфиопия. Обл. к сев. от Горе.

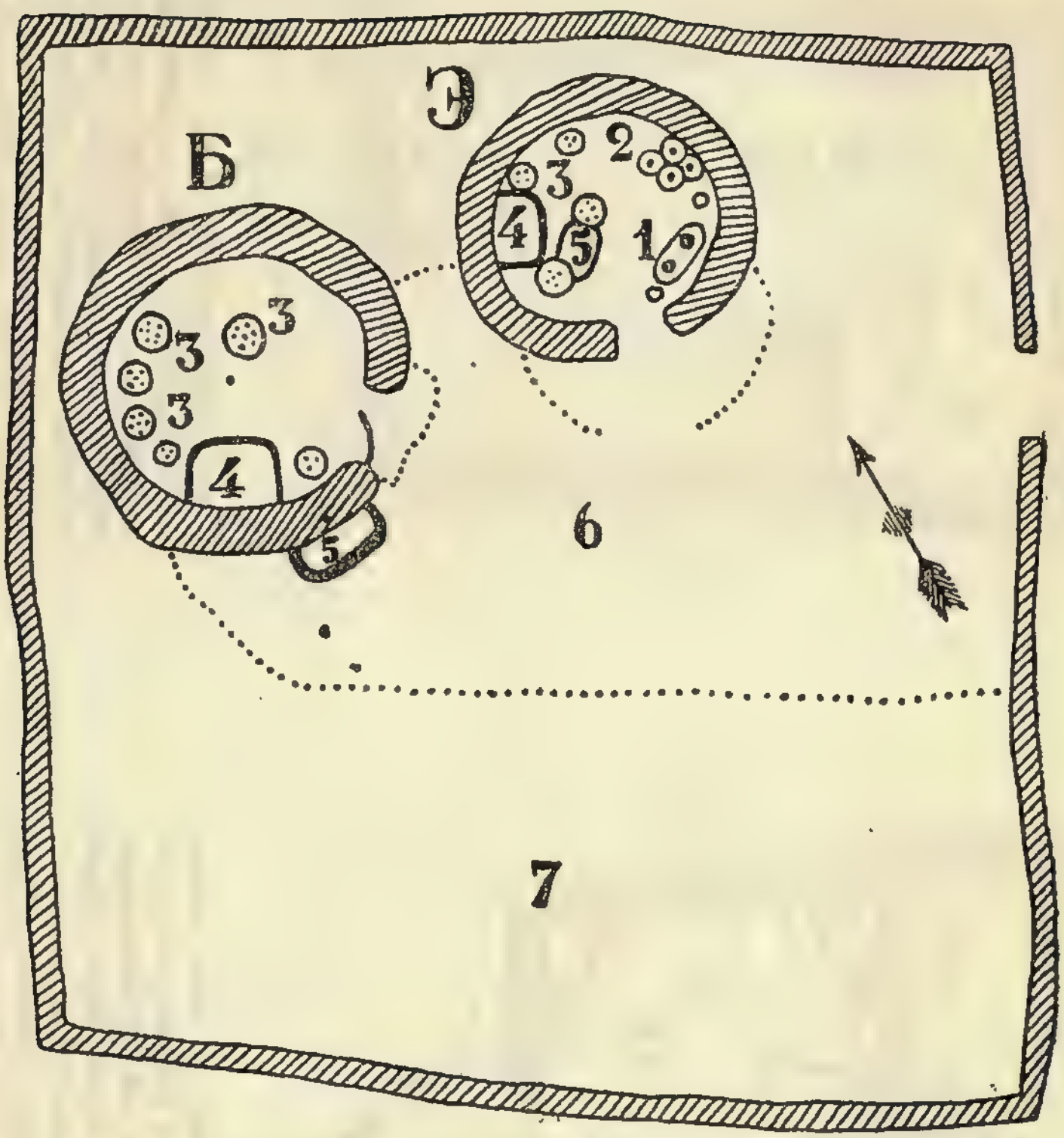
1a. Главная дверь (выс. 1.80 м). 1b. Вторая дверь. 2. Центральный столб, поддерживающий кровлю. Размеры хижины очень велики: диаметр ее 7 м, выс. в центре 5.5 м. Толщина столба 80 см в диаметре. Вокруг него на небольшом расстоянии укреплено еще 11 столбов, поддерживающих кровлю. 3a. Постель. 3b. Постель старшего сына. 3c. Запасная постель. 4. Помещение для коз и овец. 5. Стойло для мула. 6. Стойла для телят. 7. Помещение для коров. 8. Помещение для приготовления пищи. 9. Место для хранения пищи. 10. Запасные факелы. 11. Помещение для кур. 12. Плетенки из сорго, разделяющие отдельные помещения; они не достигают потолка.



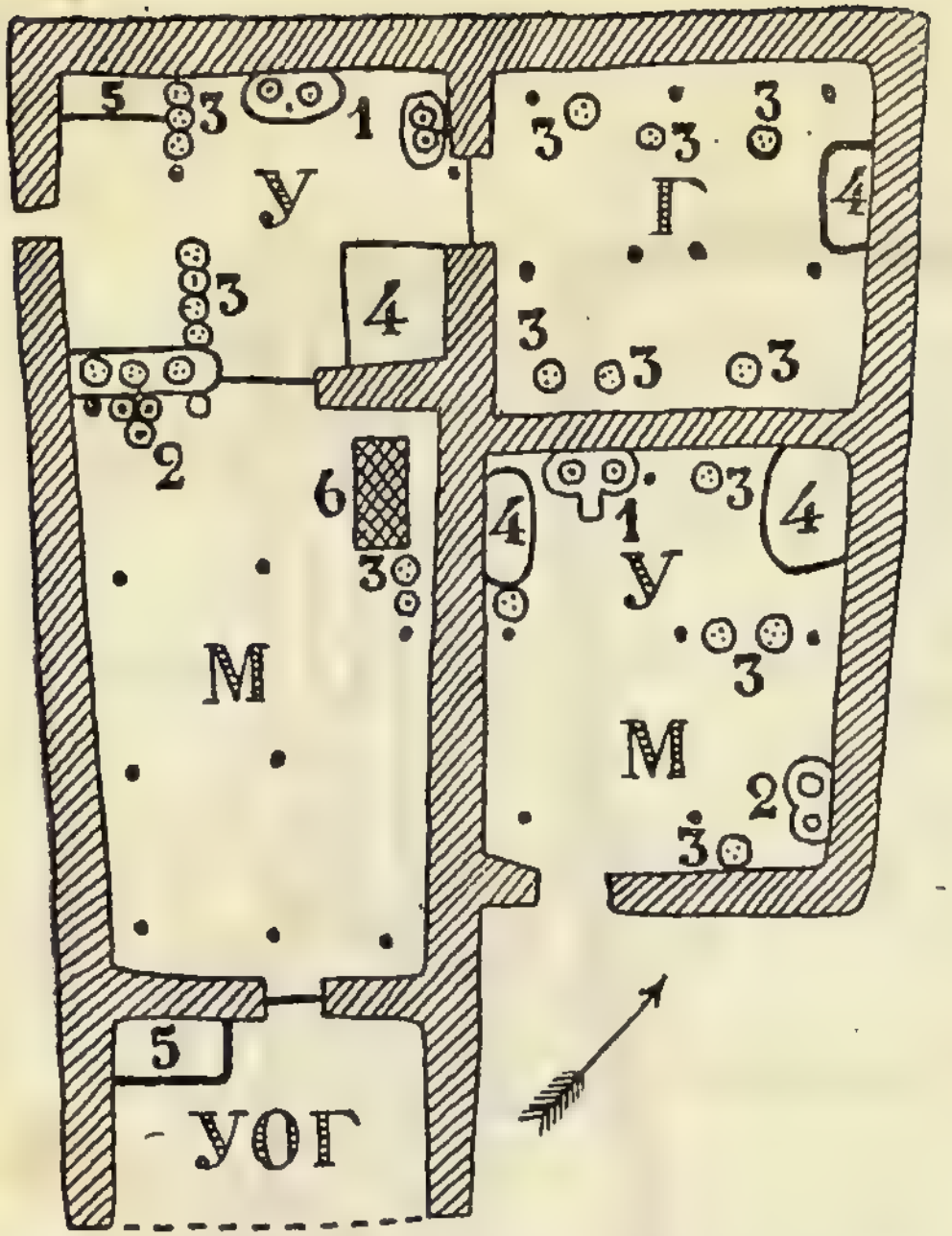
Деревня тигре в Эритрее. Дома располагаются обычно отдельными группами довольно беспорядочно. На плане показана часть деревни.
Несколько хижин, окруженных изгородью, с общим двором посредине, принадлежат группе родственников. Каждую хижину занимает семья, ведущая свое отдельное хозяйство. Хижины, обозначенные 1 и 2, описаны в рядом стоящем рисунке.



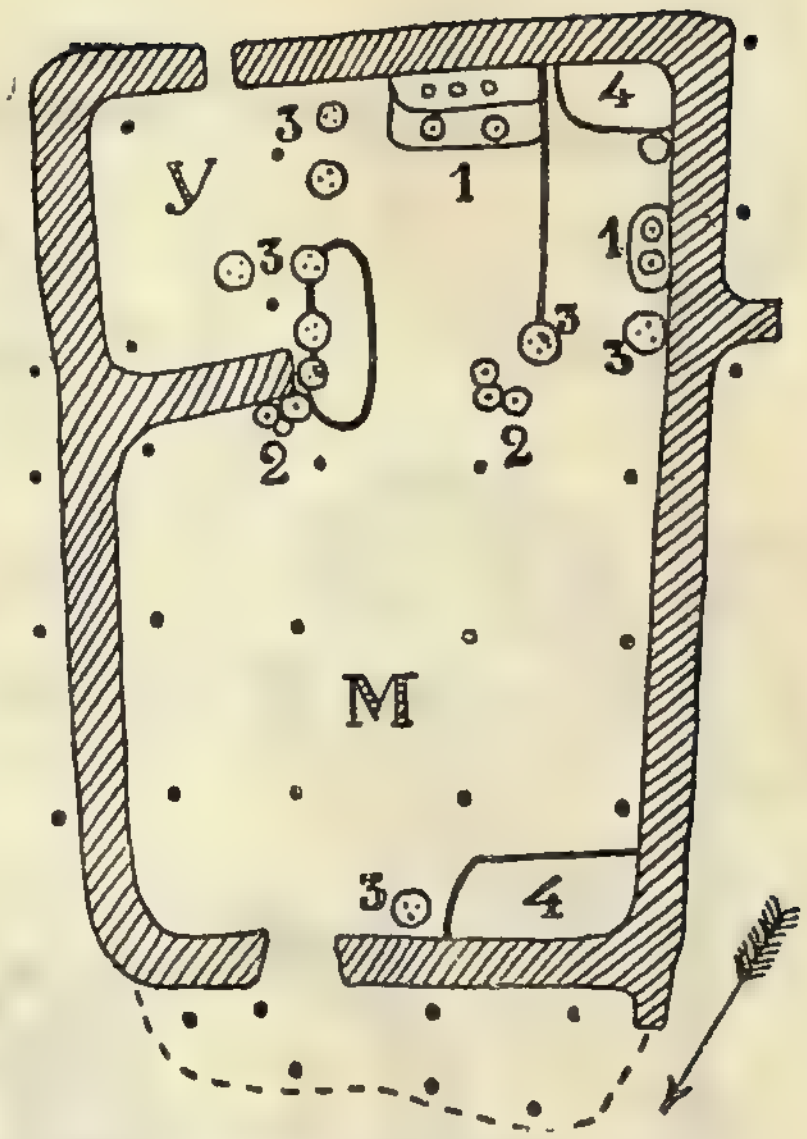
Крестьянский двор. Эритрея. Ади Квала. Обе хижины принадлежат одной семье. Бо́льшая из них служит домом *(эндамогого)*. Она разделена на две половины — *медбирет* и *ушьяте* (обозначенные на плане начальными буквами). В доме находится каменная лежанка (1) и сосуды для хранения зерна (обозначены кружками с точками). В другой хижине *(бетдераба)* помещаются козы. Рядом с хижинами находится обнесенный изгородью двор *(дембе)*.



Крестьянский двор. Эритрея. Ади Квала. Каменная стена окружает небольшой участок земли, принадлежащий одной семье. Внутри находятся две круглые хижины — *агдо*. Одна из них, собственно дом, называется *эндамогого* (на плане Э). В ней находятся очаг, зернотерка и т. д. Другая хижина *бетдераба* (на плане Б) служит кладовой. 1. Очаг. 2. Зернотерки. 3. Сосуды для хранения зерна. 4. Каменные лежанки. 5. Каменные скамьи. 6. Двор — *дембе*. 7. Маисовое поле.



Крестьянский дом (хедмо) на две семьи. Эритрея. Ади Согдо. Дом состоит из двух половин. В каждой из них живет отдельная семья, ведущая свое особое хозяйство. Одна из семей, побогаче — занимает три комнаты: первая *медбирет* (М), вторая *ушьяте* (У) и третья, называемая *гетра* (Г), служит кладовой. Перед входом в дом устроен крытый портик — *угафе* (УОГ). Другая семья, победнее, живет в одной комнате, которая разделена большими сосудами на две половины — *медбирет* и *ушьяте*.



Отдельный дом на одну семью. Эритрея. Амба Дерхо. В доме, как обычно, два помещения — *медбирет* (М) и *ушьяте* (У). Второе из них разделено на две части. Меньшая часть служит кладовой. 1. Очаги. 2. Зернотерки. 3. Большие сосуды для хранения зерна. 4. Каменные лежанки. 5. Каменная скамья. 6. Деревянная переносная постель. Точками показаны столбы, поддерживающие кровлю.

К. Н. ЛУКНИЦКИЙ

ЭКОНОМИКА АБИССИНИИ

Базар в Аддис-Абебе.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ

„Абиссиния все еще представляет собой экономическую загадку. Почти ничего не известно о внешней торговле страны, о ее естественных богатствах, внутреннем товарообороте и промышленности“ — так заявляет Пауль Шварц в „Нью-Йорк американ“.[1] Действительно, по экономике Абиссинии сведения имеются довольно скудные. Статистика в Абиссинии отсутствует. Если неизвестны достоверно ни размеры территории страны, ни численность ее населения,[2] то неудивительно, что

[1] Цит. по „За рубежом“, 5 IX 1935 г.

[2] Территорию страны различные справочники определяют в 540, 600, 800, 1120 и даже 2500 тыс. кв. км. Истина лежит где-то около 1000 тыс. кв. км, но точно никто не знает, ибо ведь и самые границы страны в некоторых частях окончательно не уточнены. Численность населения указывают от 5 до 14 млн. человек, и здесь также нет достоверной цифры, ибо переписи населения в Абиссинии не производилось.

нет никаких, даже приблизительных, статистических данных о сельском хозяйстве, торговле, финансах и прочих отраслях экономики страны.

Естественные ресурсы Абиссинии слабо изучены, особенно ее горные богатства.

Существует мнение, что ресурсы недр Абиссинии невелики. Так, Элизе Реклю, компилятор, вообще говоря, довольно добросовестный, заявлял, что Абиссиния „страна бедная минералами, так как имеет только железо, соль и серу в вулканических местностях, да немного золотого песку в Годжаме и Дамоте".[1] С этим мнением нельзя согласиться, ибо недра страны совершенно еще не исследованы. В отсталой царской России, например, также многие области отличались „бедностью естественными богатствами" просто потому, что разведки не производилось. А вот в СССР, что ни день, то новое и новое открытие ископаемых промышленного значения. И вообще говоря, „естественные" богатства являются не столько продуктом природы, сколько продуктом истории.

Отрывочные данные свидетельствуют о том, что в Абиссинии имеются уголь, нефть, железо, медь, золото, платина, олово, никель, ртуть, селитра, сера и соль.

Уголь был найден в провинции Валлега, на берегу реки Гоанг, австрийцем Хейглином.[2] Елец рассказывает о том, что Менелику приносили из многих мест страны куски угля. Значительные месторождения лигнита нашел в Дебра-Либаносе и Тегулете французский инженер Комбуль, проведший пять лет за разведкой ископаемых Абиссинии. Но никакой разработки угля пока в Абиссинии не производится.

Нефть. Нашумевшая недавно концессия Рикета привлекла внимание к нефтяным ресурсам Абиссинии. Масштабы концессии заставляют предполагать значительные запасы нефти, если вся концессия не коммерческий блеф или дипломатический трюк. Вопрос о действительных ресурсах нефти окутан тайной. Главе американской торговой делегации 1904 г. Скиннеру его абиссинский переводчик сообщил, что упомянутый выше Комбуль, предыдущий клиент переводчика, открыл в больших количествах нефть, и негус получил тщательные отчеты Комбуля.[3]

---

[1] Элизе Реклю. Земля и люди, т. XI, стр. 186.

[2] Th. Heuglin. Reise nach Abessinien ... Gotha, 1857, p. 392.

[3] Skinner. Abissinia of today, p. 188.

По словам отчета об экспедиции Дюшен-Фурне нефть найдена в районе Анкобера.[1]

Железная руда добывается примитивным способом в Каффе и прилегающих галласских областях. Разрабатывают ее только на поверхности земли. Получаемая руда выжигается тут же в небольших глиняных печах древесным углем, дающим слишком незначительную температуру, чтобы вполне расплавить руду. Затем железо, с оставшимися значительными примесями кремнезема, обрабатывается базальтовыми молотами. Добываемого железа не хватает даже для нужд южных областей страны.[2]

Золото встречается во многих местах страны. Золотой песок находят и добывают в некоторых количествах по преимуществу в западных и юго-западных частях страны (Валлега, Джимма, Лека, Каффа и др.). Методы добычи, по словам Скиннера, „такие же, как во времена Моисея". Полученный песок плавится в небольших очагах, вырытых в земле, и золото поступает в продажу в виде колец и слитков.

Медная руда добывается в незначительном количестве на реке Кибиша, в низовьях реки Омо.

Олово и ртуть встречаются и добываются в незначительном количестве в сомалийских горах.

Сера найдена у подножия гор Анкобера.

Селитра добывается на берегах рек в Куалла и идет на изготовление пороха.

Соль самосадочная и выварочная добывается на востоке в Данакиле, на берегах Ассальского озера, и на юге в галласских областях на берегу озерной группы Звай.

Растительные ресурсы Абиссинии потенциально неисчерпаемы. Разнообразие климатических зон от влажных и жарких тропических долин юго-запада, до альпийских горных пастбищ севера ведет к изобилию видов, если не наличных, то, во всяком случае, возможных к возделыванию.

В основной культурной зоне плоскогорий „Война-дега" можно культивировать практически любой злак. Здесь встречается дикорастущее просо, попадаются и наши северные растения: шалфей, клевер, вьюнок. Возделываются зерновые

---

[1] Dushesne-Fournet. Mission en Ethiopie, v. I.

[2] Ф. Криндач. Очерк промышленности и торговли Абиссинии, стр. 12.

Вид в Северной Абиссинии. (По гравюре из атласа путешествия Лефевра, Диллона и Петит, 1839—1843 гг.)

и стручковые. Гористые местности Каффы покрыты зарослями дикорастущего кофе.

В зоне „кволла“, в жарких и влажных долинах рек преимущественно на западе и юго-западе страны, густой девственный лес изобилует редкими тропическими породами. Здесь возможно культивирование хлопчатника, сахарного тростника, каучуконосных деревьев и других ценных тропических и субтропических растений. Главное хлебное растение кволлы, по словам академика Вавилова, — зерновое сорго.

Изобильная и разнобразная фауна Абиссинии представляет широкие возможности для охоты.

Тучные пастбища плоскогорий и высокогорных долин благоприятствуют развитию скотоводства.

Развитие производительных сил могло бы превратить Абиссинию в богатейшую страну. Современная Абиссиния, однако, характеризуется низким уровнем экономического развития, свойственным исторически отсталой стране.

* * *

ТРУД

Основным типом производственных отношений в стране являются феодально-крепостнические. Они переплетаются с встречающимися остатками патриархально-родового строя и рабовладельческой формации и с проникающими в страну и зарождающимися в ней капиталистическими отношениями.

Вся Абиссиния расчленяется на феодальные уделы — королевства, правители которых являются вассалами абиссинского „царя царей" — *негуса негешти*, и на отдельные провинции и районы, управляемые подчиненными негусу племенными вождями или губернаторами. Эти наследственные правители и губернаторы обладают на местах всей полнотой военной, гражданской и судебной власти. Значение этих местных феодалов еще велико. Каждый абиссинец подчиняется прежде всего своему феодалу, а затем уже, через него, негусу.

Основную эксплоатируемую массу абиссинского населения составляет крестьянство. Формально вся земля в Абиссинии принадлежит главному феодалу — негусу. Последний отдает землю своим вассалам, наследствен-

Крестьяне Абиссинии несут своему феодалу оброк в форме дерго.

ным князьям — расам и наместникам. Князья и наместники раздают землю мелким вельможам и помещикам, у которых на этой земле работают отбывающие барщину крепостные крестьяне или принадлежащие помещикам рабы.

Крестьяне платят помещикам оброк, доходящий иногда до трети урожая, отбывают барщину, строят дороги и выполняют множество других феодальных повинностей. Уилд писал о размерах натуральной ренты в Абиссинии: „Десятая часть продукции почвы идет негусу или правителю провинции, и этот налог не так велик, но сборщик налога хочет кое-чего для себя, солдаты также требуют для себя, и власти, путешествующие со своими слугами, из главных городов также получают бесплатное питание“ и т. д. Особенно плохо приходится крестьянину во время войны, когда деревни опустошаются реквизициями.

Основную массу рабов составляют захваченные в плен жители вновь покоренных областей запада и юга. Рабовладельцами являются абиссинские помещики, князья и в особенности церковь. Лорд Люгард, составивший в 1922 г. по поручению Лиги Наций меморандум о рабстве в Абиссинии, пришел к выводу, что рабство в Абиссинии составляет в стране нераздельную часть церкви. Противодействие запрещению рабства, по его словам, „идет, главным образом, от духовенства“.

Число рабов в Абиссинии, по исчислениям некоторых буржуазных авторов, составляет от двух до пяти миллионов человек.[1] Эти цифры явно преувеличены; в число собственно-рабов зачислено, повидимому, находящееся в крепостной зависимости крестьянство. Прав тов. Радек, заявляющий, что „рабский труд играет подчиненную роль в абиссинском хозяйстве. Главную массу эксплоатируемого труда составляет крепостное крестьянство“.[2] Описание крепостнической системы „габар“ дано выше, в главе 2.

Вопрос о рабстве в Абиссинии был предметом многочисленных расследований, меморандумов, разоблачений и прочих видов пропаганды. Империалистская пресса явно раздувала дело и шумела о рабстве в Абиссинии, подводя этим основания под

---

[1] K. Simon. Slavery. London, 1930, pp. 8—40.

[2] К. Радек. Рабство в Абиссинии и новоиспеченные „Спартаки“. „Известия“, 10 IX 1935.

Рынок рабов в Центральной Абиссинии, в середине XIX в. (По картине художника Бернаца.)

захватническую „цивилизаторскую миссию“ европейцев, желающих прибрать к рукам Абиссинию. Не случайно одним из самых активных и милосердных защитников угнетенных рабов Абиссинии являлись итальянские консулы. Рабство в Абиссинии является исторически сожившимся еще до-феодальным институтом. Многие негусы Абиссинии, начиная с Теодора, и в особенности Менелик, вели с ним борьбу административными мерами. Не далее как в 1923 г. Тафари издал законы об освобождении рабов по смерти их хозяев и освобождении всех детей рабов.[1] Все эти меры не могут искоренить окончательно рабства, пока не устранены в стране феодальные и до-

[1] Теодор покупал рабов и затем освобождал. Иоанн подписал в 1884 г. с Англией договор, по которому он обязался принять меры против ввоза и вывоза рабов. Менелик II издал в 1889 г. эдикт, запрещающий рабство, за исключением порабощения пленников войны, которые подлежали освобождению через семь лет. Раб в Абиссинии может достичь высокого общественного положения. Из рабов вышел губернатор Аззаи Вальде Таддик. Нынешний дедзач Балча был не только рабом, но евнухом войны. Освобожденным рабом был фитаурари Хабта Гиоргис, герой Адуа. Воин и политик, военный министр, он умер в 1926 г., будучи с начала XX в. первой после наследника престола персоной в стране (Commentaire de M. Marcel Griaule, etc., Soc. d. Nat. Journ. Offic., novembre 1935, p. 1593).

феодальные отношения. Буржуазные цивилизаторы, вопя о рабстве в Абиссинии, где оно имеет исторические корни, забывают в то же время упомянуть о самых ужасных формах принудительного труда специфически империалистического рабства, господствующего во многих, если не во всех, колониях империалистических держав. В изящной книге леди Саймон мы можем найти красочные описания рабства в Абиссинии, Аравии, Либерии, Непале, Китае и т. д. Но мы почти ничего не услышим от Саймон о массовом рабстве кули в восточных колониях Англии, Франции, Голландии и Японии. Крик миллионов порабощенных индийских, китайских и яванских кули не доносится до ушей авторов всевозможных „расследований“ о рабстве. На самом деле, никакие грубые формы рабства в Абиссинии не могут конкурировать с взрощенными в эпоху империализма утонченными формами рабства кули, работающих на плантациях Аннама, Цейлона, Явы, Суматры, Малайи и Формозы.[1]

Некий мистер Баум, написавший книгу о „дикой Абиссинии“, высказал нечаянно сокровенные желания империалистов в следующем плане ликвидации рабства в Абиссинии: „Я говорил по вопросу о рабстве с многими лицами в Аддис-Абебе, желающими блага стране, и был готов задать им вопрос: «почему не пригласите вы притти в вашу страну иностранный капитал, предложив аренду земельных пространств на тридцать-пятьдесят лет для выделывания кофе, выращивания рогатого скота, мулов, лошадей и для горного дела? Вы можете гарантировать иностранным концессиям крупные количества рабского труда и можете устроить так, чтобы крупные рабовладельцы — некоторые расы имеют 15 000 рабов — могли сдавать в аренду (lease) своих рабов для работы на этих концессиях за хорошую плату. Половина (ее) может даваться рабовладельцу, а другая удерживаться в правительственный фонд для выкупа рабов на свободу“.[2]

План, достойный буржуа, создавших свою цивилизацию на костях миллионов африканских рабов! Здесь все предусмотрено, кроме вознаграждения за труд самого раба. Последний из раба амхарского помещика сразу превращается в кули импе-

---

[1] См. нашу статью „Иммиграционное рабство“. Проблемы марксизма, 1932, № 4—5.

[2] E. Baum. Sauvage Abyssinia, p. 39.

риалиста, эмитирующего сразу под этот капитал на бирже метрополии хорошую пачку акций.

Как европейские путешественники, любящие со времен Брюса говорить об Абиссинии как о варварской стране, насаждают в ней отношения высокой цивилизации, видно из следующей сцены:[1]

СЦЕНА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ВИВИАНА

Абди (*старшина каравана*). *Они говорят, что не пойдут.*
Я (*путешественник Вивиан*). *Скажи им, они должны.*
Абди. Они не хотят, сэр.
Я. Который из них отказывается?
Абди. Вот этот.

Я подошел и накричал на преступника и хлестнул (prod) *очень крепко моим стеком по его голой коже. Он выказал вид сопротивления, но наконец согласился помочь Абди, который пошел в это время собирать мулов. Затем мулы были навьючены, и мы двинулись снова.*

Наш советский академик Вавилов, четыре месяца пробывший в экспедиции в Абиссинии, рассказывает, что ему пришлось подписать с абиссинскими властями своего рода колдоговор, в котором он как начальник экспедиции обязался кормить караванщиков, платить им определенное жалованье, снабжать лекарством и пр. Как видно, европейские путешественники пользуются не очень хорошей славой в Абиссинии, если с них берут такие обязательства! И, в добавление ко всему, академику Вавилову было предложено взять с собою кандалы для наказания провинившихся. Когда наш академик с удивлением отклонил это предложение, ему было сказано: „Все путешественники всегда берут“![2]

Размеры зарплаты в Абиссинии низки, как во всякой колониальной и полуколониальной стране. Низкие размеры зарплаты определяются прежде всего низкой стоимостью рабочей силы, низкими издержами на ее воспроизводство и полупринудительным характером труда. [3]

---

[1] H. Vivian. Abyssinia, p. 101.

[2] Доклад акад. Вавилова в Географическом обществе 21 X 1935 г. (наша запись).

[3] Один из источников указывает следующий пример дешевизны жизни в абиссинской деревне. За один талер можно купить 5—6 брусков соли, на ко-

В книге французского путешественника Мишеля мы находим следующие данные о размерах зарплаты в Абиссинии.[1]

УСЛОВИЯ НАЙМА СЛУГ АБИССИНЦЕВ ИЛИ ГАЛЛА

Слуги	В Аддис-Абебе (в месяц)	В странах галла или на плато (в месяц)
Абиссинцы { мужчины	3—4 талера	5 талеров
Абиссинцы { женщины	1½—2 „	2 талера
Галла . . . мужчины	не нанимаются на месяц	3 „

Дополнительно слуга имеет право на полталера в месяц на питание; в виде одежды получает бумажные штаны и рубашку каждые 6 месяцев.

Слуги абиссинцы, сопровождающие караван

Погонщики мулов . . . . . 6 талеров в месяц
Мальчики и сторожа мулов . . . . . 3 талера „ „

Питание от хозяина; оно состоит из трех-пяти лепешек (инджира) в день, приправ, мяса два раза в неделю и пр.

В Аддис-Абебе для обработки земли, строительных работ и пр. нанимаются люди племени *гураге*. Им платят один талер в день на 6—8 человек.

Погонщикам мулов для каравана от Аддис-Абебы до Харара платят 6 талеров, от Аддис-Абебы до Джибути — 12 талеров.

* * *

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

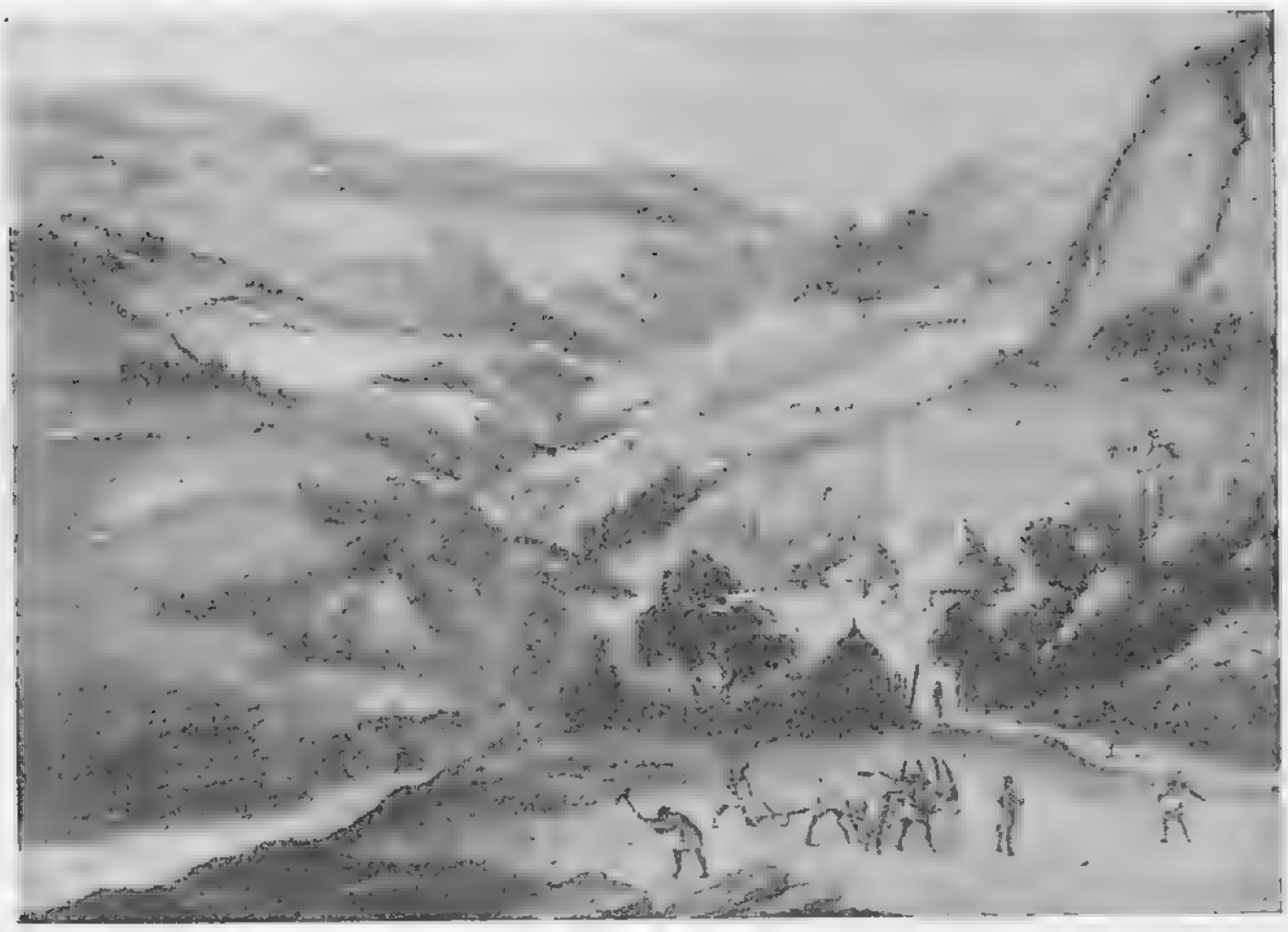
Главнейшее занятие населения Абиссинии, соответственно господствующему феодальному способу производства, — земледелие.

Земледелием население Абиссинии занималось с древних времен. Уилд пишет: „Вероятно в Африке нет больше страны,

---

торые можно приобрести два мешка пшеницы и „столько, сколько нужно дров и красного перцу". Подробнее о ценах см. далее.

[1] Ch. Michel. Mission Bonchamps, etc., pp. 511—512.



Обработка поля в Центральной Абиссинии. (По картине художника Бернаца.)

которая может равняться своим земледелием с Абиссинией, и ее население жило земледелием бесчисленные лета".[1] На монетах древне-абиссинского Аксумского государства изображены колосья абиссинской безостой пшеницы, и в надписях, обнаруженных на камнях, сообщается о земледелии и скотоводстве. Несмотря на свою тысячелетнюю историю, земледелие в Абиссинии стоит на довольно низкой ступени развития. Орудия и методы обработки почвы почти не изменились. Если мы рассмотрим изображения, найденные на памятниках древнего Египта, или обратимся к развалинам Вавилона, то найдем почти такие же методы обработки почвы, какие существуют в настоящее время в Абиссинии. Плуг примерно той же формы. Ярмо, в которое впрягаются животные, и кнут — такие же. Для ручной обработки почвы употребляется кирка не изменившегося за тысячелетия вида.

Орудия обработки почти исключительно деревянные, костяные или каменные. Железные лемеха и мотыги встречаются редко, в особенности в южных районах, где земледелие самое отсталое. В районах, населенных галла, вместо плуга часто употребляется своеобразный „дерносним" в форме трезубца. Трезубец втыкается в землю и посредством него кусок земли

---

[1] Wylde, p. 256.

выворачивается и перевертывается. Затем куски земли разбиваются тяжелым каменным молотом. В ряде районов обработка с помощью трезубца предшествует вспашке плугом. Система земледелия переложная.

На севере земледелие стоит на более высокой ступени. Там земля находится подчас под паром.

Сеются пшеница, ячмень тефф, дурра, дагуса, маис, бобы и горох многих сортов, чечевица, лен, нуг и другие виды масличных.

Главные культурные растения в Абиссинии чрезвычайно типичные, как характеризует их академик Вавилов, — неповторяемые эндемы. Общая возделываемая в Абиссинии площадь исчисляется академиком Вавиловым в $1^1/_2$ миллиона га, что составляет всего $2^0/_0$ по всей земельной площади страны: процент ничтожный. Большие пространства плодородной почвы еще не используются населением. Орошение очень редко, что также указывает на примитивный характер земледелия.

Из полутора миллионов га возделываемой площади большая часть засевается *теффом*. Культивирование теффа ни в какой другой стране, кроме Абиссинии, неизвестно. Это типичная эндема, введенная в культуру самой Абиссинией, что доказывает, по мнению акад. Вавилова, автономность земледельческой культуры страны. Тефф — злак; зерна его в два-три раза меньше проса. Дает очень хорошую питательную муку. Содержание крахмала $8—9^0/_0$.[1]

Большой интерес представляют пшеницы Абиссинии, тщательно исследованные и открытые для мировой науки советской экспедицией академика Вавилова. Пшеница среди возделываемых растений по занимаемой площади уступает место лишь теффу. Особенно распространены посевы пшеницы в районах Черчера, Харара, Аддис-Абебы, Анкобера, Фичи, Годжалы и Гондара, т. е. в основных горных земледельческих районах страны. По грубым подсчетам площадь под пшеницей не превышает $^1/_2$ млн. га.[2]

„Группа пшениц Абиссинии представляет поразительное разнообразие форм, которого не знает ни одна страна в мире.

---

[1] О теффе см. В. И. Серпухова. Новая кормовая культура тефф (Eragrostis Teff). Социал. растениев., № 14, 1935, стр. 139—144).

[2] Н. И. Вавилов, О. К. Фортунатова и др. Пшеницы Абиссинии и их положение в общей системе пшениц. Л., 1931, стр. 7.

Поле, засеянное дуррой. (По Массайя.)

В ней сходятся признаки мягких и твердых пшениц, в сущности признаки всех культурных видов пшеницы".[1] Абиссиния является важнейшей первичной мировой базой генов 28 хромозомных культурных пшениц.[2] Из 650 разновидностей пшеницы, известных в мире, 250 разновидностей находятся в Абиссинии и больше нигде не известны. Советская экспедиция открыла в Абиссинии известную только в ней черную (фиолетовую) пшеницу, безостую твердую пшеницу и т. д.[3]

Большое разнообразие форм имеет в Абиссинии ячмень.

Дурра (hulcus sorgum) — род проса. Семена дурры не требуют очень хорошей почвы, и дурра сеется первой по вспаханной целине. Корни дурры хорошо разрыхляют почву и кроме того, после сжигании, дурра служит удобрением.[4] По словам академика Вавилова, в Абиссинии вообще широко применяется сжигание стерни. На десятки километров горит саванна: сжигают всю растительность. Сжигают в том числе ежегодно и

---

[1] Там же, стр. 3.

[2] Там же, стр. 209.

[3] Доклад акад. Н. И. Вавилова в Географическом обществе.

[4] Wylde, pp. 257 ff.

Абиссинская „мельница" или каменная зернотерка. (По Массайя.)

огромное количество сена. Возможно, что в связи с этим насекомых в Абиссинии чрезвычайно мало. Энтомофауна очень бедна. По всему внешнему виду дурра походит на маис. Ствол дурры нередко доходит до 2.80 м высоты, имеет в своей верхушке несколько колосьев, заключающих в себе большое количество мелких кругловатых зерен. По содержимым питательным веществам дурра заменяет вполне рожь.

Дагусса — хлебный злак. Возделывание его известно в Индии. В Абиссинии он представляет большое своеобразие форм.

Лен в Абиссинии — „хлебное" растение. Волокно его не используется. Зерна его, по словам академика Вавилова, „заменяют абиссинцам шоколад". Из поджаренных зерен приготовляют муку для дороги. Горсти этой муки достаточно для восстановления сил.

Бобы и чечевица возделываются повсеместно в центральной и северной частях страны.[1]

---

[1] О бобах в Абиссинии см. В. С. Муратова. Бобы. М.—Л., 1931, стр. 207—211; о чечевице см. Е. И. Барулина. Чечевица СССР и других стран. Л., 1930 стр. 202—206.

Во дворе богатого дома в Хараре. Женщины около ступ, в которых толкут кофе. На плечах у них огромные песты.

Почва в Абиссинии настолько плодородна и климатические условия благоприятны, что собирается два-три урожая в год. Вслед за пшеницей и дурроой, по словам Уилда, сеется горох, бобы или зерновые, которые поспевают быстро, и часто после этого сеется еще ячмень, который созревает к концу марта или началу апреля. По словам Вавилова, пшеница сеется после бобовых: гороха, бобов, чины, нута, иногда после тэффа и дагуссы. Посев ручной. Удобрения не применяются. Семена пшеницы и полбы очищаются. Основные посевы сосредотачиваются в период дождей, в июне—сентябре. Уборка производится в ноябре и затягиваются до конца февраля. Экспедиция Вавилова заставала пшеницу на корню даже в конце февраля и начале марта.

Уборка производится серпом или острым камнем. Молотьба производится прогоном по току скота: быков, лошадей, мулов. Площадка примитивная, выложенная обычно камнями.

Отвейка производится при помощи ветра особыми лопатами. Зерно ссыпают в корзины, мешки или сделанные из глины зернохранилища, иногда весьма оригинальной формы.

Мельниц в Абиссинии до самого последнего времени не было. Зерно размалывают на камнетерках или перетирают в ступах. Ступы делают большей частью из обрубка дерева, иногда глиняные. Пестик каменный.

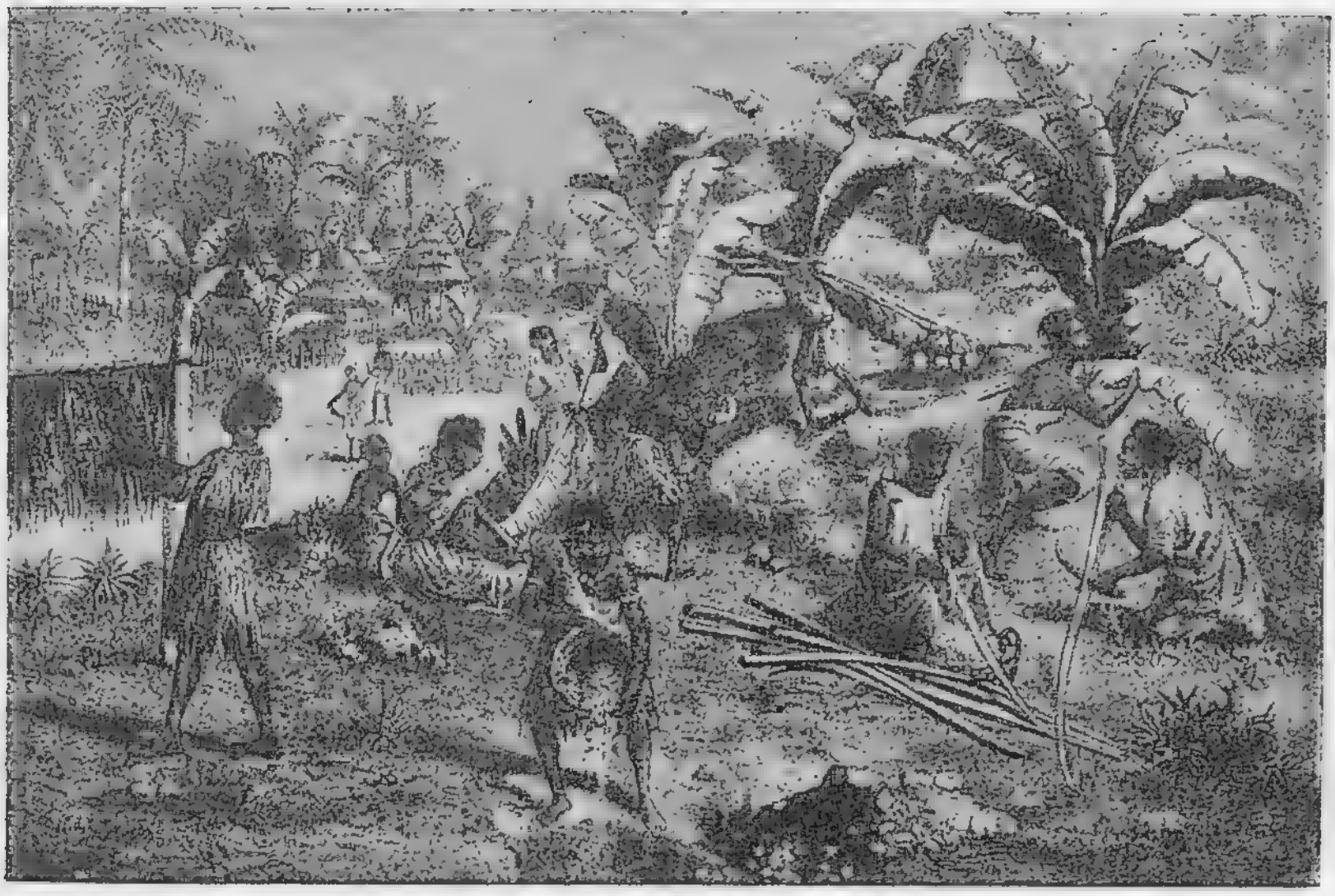
Пшеница, тефф и ячмень служат основными продуктами питания: из них приготовляется основной абиссинский хлеб — блины, называющиеся *инжира*. Замешанную в горшке муку выливают на сковороду, нагреваемую на кизяке. Кизяк — наиболее распространенное в Абиссинии топливо.

Возделывается в Абиссинии клещевина и горчица. Последняя в условиях Абиссинии многолетнее, достигающее 3—4 метров высоты, растение.

Овощеводство в Абиссинии развито слабо. Культивируются капуста, лук, чеснок. Капуста в галасских деревнях достигает высоты в 2 с лишним метра. Ее листья употребляются в варку. Томат во многих местах растет в диком виде, и его имеется много сортов. Абиссинские доктора уверяют, что тот, кто сеет томат, никогда не болеет печенью. В диком виде также растет во многих местах демьянка. Возделываются батат, ямс и другие съедобные корнеплоды. Германский ботаник Шимпер ввел картошку, и она культивировалась в конце XIX века, повсюду от Амхары до Тигре. В последнее время картошку сеять перестали, вследствие ее заболевания. Выращиваются огурцы. В большом количестве культивируется тыква. Фигурная тыква идет часто на изготовление хорошо разрисованной посуды. Тыквенные бутылки употреблялись много раньше, чем стало известно изготовление глиняной посуды.

Повсюду, где подходящие почва и климат, возделывается красный перец. Больше всего красный перец сеется в Иеджи, откуда он идет во все части страны. Долины верхней части р. Голима почти целиком заняты этим растением: под ним многие тысячи акров. Поля хорошо содержатся и даже орошаются. Сбор идет круглый год. Возделываются разные сорта стручкового перца, красных, оранжевых и желтых цветов. Красный перец имеет столь широкое применение, что, как сообщил академик Вавилов, стал ходячей монетой. Мешки красного перца заменяют в Абиссинии кошелек с деньгами.

Плодоводству в Абиссинии в последнее время уделяется мало внимания, хотя климатические условия дают полную воз-



Банан и его использование в юго-зап. Абиссинии. (По Массайя.)

можность его развития. Когда-то плодоводство здесь было развито значительно больше. Вокруг старых городов распространены персики и абрикосы, и само абиссинское плато, на котором сосредоточена земледельческая жизнь страны, называется „Война-дега“, т. е. виноградное плато. Имеются сведения, что виноград культивировался в Абиссинии в широких размерах. К концу прошлого века виноградники, однако, исчезли. Гибель их приписывается болезни, хотя существует анекдот, приписывающий исчезновение винограда приказу Теодора, повелевшего уничтожить виноградники, ибо „вино — напиток, предназначенный для высших, нежели люди, существ“.[1] Повсюду в более теплых местностях в диком (или одичавшем?) виде произрастает лимонное дерево. Оно дает урожай столь изобильный, что ветви подламываются. Хорошо растут также апельсины восточного типа, вроде занзибарских. Имеется ряд сортов сладких и кислых. Встречаются гранат, миндаль, андот (Phytolacca Abyssinica). Последний культивируется ради семян, которые заменяют абиссинцам мыло.

В тропических и субтропических долинах, в особенности в юго-западной части страны, распространена культура банана.

---

[1] Raffray. Abyssinie, p. 10.

Помимо плодов его, утилизируются листья, ствол и корни. Листья идут на корм скоту и на разные хозяйственные поделки: плетение корзин, выделку веревок, мат, на крыши хижин и т. д. Ствол и корни идут в пищу. Вываренные, они получают вкус картофеля и очень питательны, а высушенные и растертые дают муку.[1]

Во многих местах произрастают смоковницы. Весьма распространено на плато дерево коссо, семена которого являются весьма популярным в Абиссинии медицинским средством (глистогонное). Весьма велики в Абиссинии заросли дикой желтолистной маслины. Плоды ее мелкие, несъедобные. Произрастает также „гашу" — дерево из рода лавровых, вечнозеленое, никогда не теряющее своих листьев. Семена его идут на приготовление абиссинского национального напитка „тедж", или меда. В некоторых местах страны выращивается сафлор или красная камедь. Ряд других красителей растет в диком виде.

Большое экономическое значение имеет в Абиссинии кофе, занимающее первое место в вывозе страны. Абиссиния — родина кофе, и существует мнение, что само название „кофе" произошло от имени провинции Каффы, где кофейное дерево растет лесами. Из Каффы кофе распространяется все дальше и дальше и произрастает в настоящее время повсеместно на юге и юго-западе страны. Значительная часть кофе остается не собранным, ибо туземцы собирают его лишь в лесах, близких к деревням. Культурных насаждений кофе в Абиссинии немного. Отдельные помещики имеют небольшие плантации, но число последних невелико. Были попытки иностранного капитала создать крупные плантации, но эти попытки не увенчались успехом.

Качество абиссинского кофе высоко. Есть указания на то, что абиссинское кофе по качеству превосходит аравийское. На рынок абиссинское кофе поступает под названием „Мокко", по имени аравийского порта Мокко, в котором сосредоточена торговля кофе, и многие и не подозревают, что под „аравийским" кофе скрывается часто абиссинское. В самой Абиссинии потребление кофе распространено, главным образом, среди мусульманского населения. В особенно большом употреблении кофе в Каффе, где варят не только зерна, но и шелуху, в кото-

---

[1] Криндач. Очерк промышленности и торговли . . . , стр. 8.

Плантация кофе. (По Скиннеру.)

рой они заключены. Шелуха дает такой же крепкий и ароматный напиток, как и зерно.

О происхождении кофе в Абиссинии существуют различные легенды. По абиссинским преданиям кофе занесено с востока, т. е. из Аравии. Существует версия, что оно занесено знаменитым эмиром Нуром, предавшим Абиссинию огню и мечу в 1470 г. В Аравии, наоборот, есть легенда, что кофе в Аравию занесено с запада, из Абиссинии. Так, арабские историки сообщают, что однажды житель Иемена Каид Омар Джидда заболел. Монах-отшельник, по имени Сиди Арем, посоветовал ему выпить настойку из плодов дерева, произрастающего далеко за морем, среди черного моря. Святой человек покинул Аравию и через год вернулся, принеся с собою зерна кофейного дерева, которыми и вылечил Каида. Каид тогда предложил возделывать кофе в Аравии, и сейчас арабское кофе славится так же, как кофе хararское, которое, на самом деле, является подлинным „Мокко“ и так же хорошо, если не лучше, чем арабское.[1]

Хлопчатник растет в Абиссинии во многих местах. Волокно хорошей длины и очень крепкое, подчас не хуже египетского. Хлопководство, однако, развито слабо, и в последние

---

[1] Skinner, pp. 190—191.

Пчеловодство в Абиссинии. Ульи, расположенные на дереве.

годы посевы хлопка скорее сократились, чем выросли. Хлопок шел исключительно на местное потребление. Все шамма — абиссинская национальная одежда — изготовлялись домотканным путем из местного хлопка. Ввоз иностранных фабричных тканей изменил дело; мелкое ткацкое производство в Абиссинии почти исчезло, в связи с чем и сократилось культивирование хлопка. Бельгийские предприниматели, Суданский хлопковый синдикат и другие представители иностранного капитала, поднимали вопрос о массовом производстве хлопка и делали кое-какие опыты, не увенчавшиеся, однако, конкретными результатами.

Табак, занесеный в Абиссинию, вероятно из Аравии, растет большей частью в диком виде и дает продукт скверного качества, идущий на местное потребление.

В незначительных количествах возделывается в Абиссинии кунжут, сахарный тростник, лакмусовый ягель.

Скотоводство в Абиссинии играет большую роль почти повсеместно. Кочевые племена: данакиль, сомали, разводят по преимуществу верблюдов и овец; оседлые — рогатый скот.

Крупный рогатый скот представлен, главным образом, з е б у. Несмотря на слабый уход зебу, находящиеся исключительно на подножном корму, весьма тучные. Зебу — скот очень крупный и первоклассный по мясистости и молочности. Хорошие экземпляры весят до 14—16 центнеров. Быки зебу используются на тяжелых работах. Наиболее развито разведение зебу, как и вообще скотоводство среди племени галла. Владельцы стад в несколько тысяч голов, среди галла, не редкость.

О в ц ы мелкие и малошерстные, но дают хорошее мясо. Вес их 20—30 ф. Стоят они очень дешево, как и к о з ы, которые имеются повсюду. На доллар Уилд покупал в конце XIX в. три-четыре овцы. Скиннер в 1904 г. сообщал, что овцы стоили от 38 центов до 1.93 долл. штука. Козы от 38 центов до 1.54 доллара. Мишель указывал цену козы на рынках в Хараре и Аддис-Абебе в 1—3 талера. На рынках Горе и Буре — в 1—2 талера за голову. Овцы стоили в Хараре $1^1/_2$—3 талера, в Аддис-Абебе от 2 до 5 талеров за голову. Те же цены были, по данным „Correspondance d'Ethiopie", и в 1927 г.

Свиней в стране почти нет.

Из домашней птицы разводятся только куры, причем яиц абиссинцы не едят.

К о н е в о д с т в о в Абиссинии распространено значительно, особенно среди галла. Лошади, главным образом, арабского и персидского происхождения, высокого достоинства. Все абиссинцы хорошие наездники. Как вьючные животные распространены также ослы, мулы и верблюды.

Сильно развито в Абиссинии п ч е л о в о д с т в о. В некоторых местностях много диких пчел, в других — деревья вокруг домов обильно обвешены плетеными из веток ульями. Абиссинская пчела, по устному сообщению академика Вавилова, очень добрая, не жалит.[1] Мед идет на изготовление *теджа* или медка и для сладких блюд. Воск в большом количестве экспортируется.

В пустынных частях страны, главным образом сомалийцами, приручаются и разводятся с т р а у с ы.

Специфически абиссинская отрасль животноводства — разведение ц и в е т т о в о й к о ш к и, которая держится ради получаемого от нее мускуса. Некоторые абиссинцы держат до сотни

---

[1] О пчеловодстве в Абиссинии см. Н. Вавилов. Пчеловодство в Абиссинии (Вестн. росс. и иностр. пчелов., т. III, № 2, февр. 1928, стр. 56).

Садок циветтовых кошек. (По Массайя.)

таких кошек в маленьких клетках. Много циветтового мускуса идет из юго-западных частей страны через крупный торговый центр Буре. Циветтовую кошку ловят тенетами и сажают в клетку. Почти в каждом доме две-три клетки. Кормят — жареным на масле мясом. На десять циветт идет один баран в день. Каждые девять дней собирают мускус, которого за это время накапливается две чайных ложки. Чем жирнее кошки, тем больше они дают мускуса, который у них выделяется из железок, находящихся под хвостом.[1]

Л е с а Абиссинии изобилуют ценными породами. Встречаются папирус, алоэ, черный и желтый тамаринд, кедр, черное дерево, розовое дерево, шафран, индиго и др. Акации дают гумми, ладан, мирру. Из сока одного сорта алоэ добывается краска, из другого — лекарство для глаз. Лесное хозяйство, однако, находится на низком уровне. Большинство ценных пород систематически не разрабатывается. Леса хищнически вырубаются.

* * *

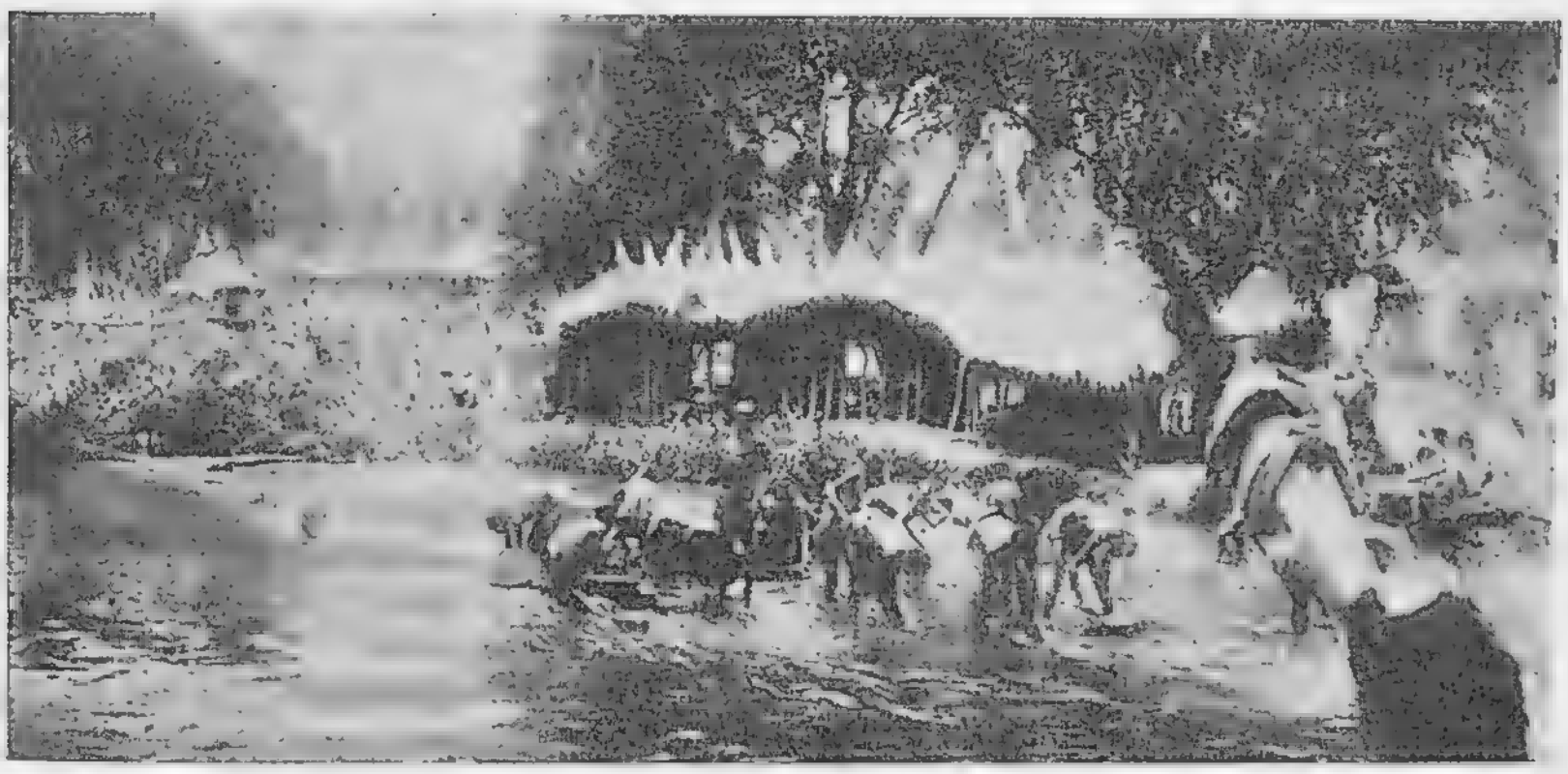
[1] Булатович. Об Энтото до Баро, стр. 19; Wylde. Modern Abyssinia, p. 278 и др.

МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Современной фабрично-заводской промышленности в Абиссинии фактически не существует. В Аддис-Абебе лишь имеются пороховой завод, типография, электростанция, да парикмахерские, которых некоторые также причисляют к „обрабатывающей промышленности".

Соответственно отсутствию в Абиссинии обрабатывающей промышленности и промышленный пролетариат в Абиссинии отсутствует.

Имеется незначительное количество иностранных горных концессионных предприятий, добывающих платину, золото, слюду, поташ и проч. Большинство концессий заброшено или еще не начало работу. Крейтнер сообщал, что из 13 концессий разработка производилась лишь у четырех. Греческий капиталист Суниос разрабатывал в Хараре слюду. Итальянец Андриано Пасторе на севере Абиссинии получил концессию на разработку на площади в 50 кв. км поташа. В 1929 г. эта концессия была передана синдикату: „Societa mineraria coloniale de Torino". Крупнейший европейский капиталист — Альбер Прассо. Этот авантюрист всю жизнь искал заброшенные золотые рудники в Родезии, Катанге и других местах. В конце концов, остановился на Абиссинии, получив здесь две концессии: 1) на крайнем юго-западе страны, от р. Баро до местности Маджи; 2) в Валлега на площади в 32 кв. км. Работал сначала



Промывка золота на руднике „Метти" в Валлега. (Оригинал фото — в музее Инст. антропол. и этнограф. Ак. Наук.)

кустарно, затем в 1926 г. основал в Париже компанию „Société Minière des concessions Prasso en Abyssinie“ с капиталом в 9—10 млн. франков.[1]

Из продуктов горной промышленности главное значение в Абиссинии имеют золото и платина. Их продукция была за последние годы, по данным Пауля Шварца, следующей:

Добыча золота и платины (в кг)

	1926	1929	1932	1933
Платина .	20	119	150	207
Золото . .	120	140	124	—

Мелкая кустарная промышленность в Абиссинии, до проникновения иностранных товаров, имела немалое значение. Под напором иностранной фабричной дешевки, мелкая обрабатывающая промышленность товаров массового потребления, таких как ткани, была, по словам Крейтнера, „почти сметена“. Ее вытеснили английские, американские и японские ситцы. Остались лишь второстепенные отрасли ремесла, производящие деревянные изделия (арбы, мебель), корзинки, посуду; седельное производство и производство уздечек; изготовление украшений: браслетов, сережек; винокурение, выделка кож и шкур и проч. „В общем, — пишет Крейтнер, — несмотря на благоприятные естественные предпосылки, в Абиссинии наблюдается процесс распада ремесла. Совершенно вытеснены такие ремесла, как выделка оружия и металлических изделий, ткачество, почти вытеснено гончарное дело. Между тем, еще 50 лет тому назад Абиссиния славилась качеством своего оружия. Большое количество ремесленников занималось ковкой наконечников для копий, ножей, сабель и т. п. Благодаря своим хлопку и шерсти, Абиссиния одевалась сама. Теперь же немногочисленные ткачи тратят много месяцев на изготовление и ювелирную отделку одежды по особым заказам для феодалов или попов, но они совершенно отказались от производства обыкновенных дешевых тканей для широкого потребления, так как ткани кустарной выделки не могут конкурировать с привозными. Гончарное производство разрушается“...[2]

Сорок лет тому назад Булатович следующим образом описывал мелкую домашнюю промышленность у галласов:

---

[1] Крейтнер, стр. 53—54.

[2] Там же, стр. 52—53.

Измельчение кварца на золотом руднике Метти в Валлега. (Оригинал фото — в музее Инст. антропол. и этнограф. Ак. Наук).

Мелкая промышленность у галласов.

„Между галласами встречаются ремесленники — кузнецы и ткачи. Первые выковывают ножи и копья из железа, которое добывают в стране... Вторые ткут грубые ткани шаммы из местного хлопка. Станок устраивается очень просто. Ткач сидит в яме и, нажимая ногами на педаль, по очереди поднимает и опускает соответствующий ряд основных ниток. Ловким движением руки он пропускает насквозь челнок, после чего другим горизонтальным бруском, висящим над тканью, прибивает только что опущенную нитку к уже сотканным. Кроме этого, есть еще производство глиняной посуды из необожженной глины. Делают большие гомбы, нечто вроде большого кувшина без ручки, вместимостью от полведра до четырех ведер, глиняные сковороды для печения хлеба и горшечки для варки пищи. Есть столяры, выделывающие седельные арчаки и деревянные подставочки под голову, служащие вместо подушки. Упомянутые ремесла вы найдете у всех галласов, но, кроме этого, при дворах владетелей есть еще золотых дел мастера, а в Леке и Джимме есть кожевники, выделывающие самые затейные конские уборы, ремесленники, занимающиеся выделкой щитов, плетельщики соломенных шляп (зонтики и корзины умеют плести все галласы), оружейники, производящие стальные сабли, ткачи, ткущие тонкие шаммы, и т. д.“.[1]

Это цветущее когда-то ремесло находится теперь в упадке.

[1] Булатович. От Энтото до Баро, стр. 72—73.

ТОРГОВЛЯ

Внутренняя торговля в Абиссинии главным образом — базарная. Постоянные лавки имеются лишь в Аддис-Абебе и Хараре. Страна распадается на ряд местных, районных рынков. Единый внутренний рынок находится еще в процессе создания. Товарообороту внутри страны препятствует слабое развитие в стране транспорта и, в особенности, примитивная денежная система. Хозяйство в стране еще в значительной мере натуральное. Продукты сельскохозяйственного производства еще не столько товары, сколько предметы потребления. В обмен поступают, главным образом, излишки от собственного потребления. Главными товаровладельцами являются помещики, феодальные князья-расы и, наконец, сам негус. Оброк, получаемый помещиками от крестьян, поступает от первых на рынок.

Товары еще окончательно не разделились на товары и деньги. То один товар, то другой товар принимает на себя денежную форму: соль, красный перец, куски железа.

Главное значение во внутренней торговле играет скот, лошади, ослы, мулы, кожи и шкуры, ткани, шаммы, кофе, паторны, слоновая кость, скупаемая на экспорт, сорго (дурра), тефф, дагусса. В центрах обмена с негрскими племенами, например в Буре, большое значение еще недавно имели бусы.

Уилд в своей книге приводит список базарных городов в Абиссинии. В списке учтено 27 базарных центров преимущественно северной Абиссинии. Из них наиболее значительные базары бывали в Асмаре (теперь в Эритрее), Адуа, Макалле— крупнейшем соляном рынке, Сокоте, Уальдеа, Грана, Бору, Мьеда, Аддис-Абебе и Хараре. Повсюду в этих центрах шла торговля не только местными продуктами, в первую очередь скотом, но и мелочными европейскими товарами и тканями. Среднего значения базары имели место в таких городах, как Аксум, Адиграт, Абби-Адди, Лалибала и др. Здесь главную роль играла торговля скотом. Наконец, в ряде мест вроде Гильдесса, Самре, Дильди и др. на базары поступало небольшое количество товаров. Это базары узко-местного значения.[1]

Скиннер, описывая рынок Аддис-Абебы, заявлял: „рынок был более богат местным колоритом, чем товарами, дорогими

---

[1] Wylde, p. 493.

Торговка Уаламо на базаре. Перед нею два больших сосуда для воды — „гомба". Она курит трубку. (Оригинал фото в музее ИАЭ.)

для сердца коллекционера". Ослы, лошади, мулы были в изобилии. Путешественников европейцев интересовали мечи; латунные, ручной работы, кресты; латунные и слоновой кости браслеты; шкуры леопардов, львов, зебр и боа-констрикторов; перья страусов, живые обезьяны; кольца из чистого туземного золота.[1]

Описание нескольких торговых центров западной Абиссинии дал Булатович. Вот, например, описание транзитного торгового центра Било, находящегося на западе от Аддис-Абебы:

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР БИЛО

„Било, где мы остановились, — один из самых значительных торговых центров Абиссинии. Хотя он находится на земле дадьямача Демессе, но подчинен не ему, а нагадирасу (в переводе — голова купцов), который ведает всею торговлею известного района и всеми находящимися в нем купцами в судебном, административном и фискальном отношениях. Значение Било как торгового пункта обусловливается его

[1] Skinner, p. 124.

местоположением на пересечении дорог. Все, что идет из западной Абиссинии в Шоа и Годжам и из южной в Годжам, не минует Било. Через него проходят большие караванные пути в Уалагу, Улу-Бабур, Джимму, Каффу, Леку, а на север и восток — в Годжам, а оттуда в Массауа, Джибути и Зейлу через Шоа и Харрар... В самом Било не более 300 дворов, но уже с первых шагов вы чувствуете разницу между этим поселением и окружающими его; сразу видно, что это торговый центр с живыми и кипучими интересами. Тут можно купить и сена, и энджеры, и талы, и теджу и даже коньяку и абсенту".[1]

Дальше, на запад от Било, поблизости от р. Баро находится крупнейший в западной Абиссинии торговый центр Буре. Он описывается в следующих строках:

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР БУРЕ

„*Буре — важный пункт меновой торговли с негрскими племенами той стороны Баро. На субботние базары они приносят слоновую кость, иногда свой скот, и взамен этого покупают украшения, бусы, ткани. Кроме того, Буре, находясь на дороге из западной Уалаги в Каффу и из Мочи и западной Каффы в Леку и Годжам, важен как рынок кофе. Из Каффы, Мочи и соседних областей кофе идет в Буре, где перепродается другим купцам, которые уже доставляют его в Леку или Било и там, в свою очередь, перепродают его. Вместе с кофе идет отсюда много циветтового мускуса*".[2]

Самыми крупными торговыми центрами Абиссинии в настоящее время являются Аддис-Абеба и Харар.

Аддис-Абеба выросла в торговый центр со времен Менелика, основавшего в 1893 г. эту столицу Абиссинии. Здесь сейчас крупнейший базар страны. Аддис-Абеба — центр внешней торговли страны, здесь конечный пункт единственной железной дороги, соединяющей страну с внешним миром, главная таможня, телеграф и телефон.

Базар Аддис-Абебы описывал Валерий Санчов: „Громадная круглая площадь имени Менелика с круглой водяной башней образует центр города. Это главный базар с сотнями крытых

---

[1] Булатович. От Энтото до Баро, стр. 9.

[2] Там же, стр. 19.

ветвями магазинов. Как и всякий восточный базар, он поражает необычайным богатством ассортимента товаров, представленных в каждой лавке. Рядом с висящими тушами баранов торговец предлагает боевые патроны и белоснежную джамму из тонкого сукна, местный национальный убор, напоминающий бедуинский бурнус. У торгующего зернами гэма, из которого приготовляется хмельной напиток гамма, можно наверняка найти львиную шкуру, разбитый морской компас и распечатанную коробку американских папирос «Абдала» из лучшего египетского табака". Тот же автор изображает внешнеторговые сделки, совершающиеся в Аддис-Абебе: „Настоящие" покупатели, европейские экспортеры, не ходят на базар. Они сидят в тенистом кафе гостиницы мосье Фидело, и базар приходит к ним. За мраморными столиками совершаются крупные сделки. Здесь подписываются и скрепляются контракты на вывоз кофе, кож, фиников, цитрусовых, слоновой кости, живых львов для зоологических садов, обезьян и змей. Сотрудник таможни тут же дает консультацию о вывозных пошлинах и рекомендует все породы обезьян называть павианами: павианы — главные вредители сельского хозяйства Абиссинии, и правительство отменило пошлину на вывоз павианов".[1]

Харар — старинный торговый центр, выросший на караванной торговле с берегами Красного моря, Зейлой, Бербером, Аравией. Он типичный мусульманский торговый центр, как будто перенесенный сюда из Аравии. Первым из европейцев, попавших в Харар, был, повидимому, Бэртон. В его времена — середина XIX в. — Харар был крупнейшим внешнеторговым центром. Главными экспортными товарами, шедшими через Харар, были рабы, слоновая кость, кофе. Отсюда шли также красная камедь, табак, ткани, мулы, пшеница, мед, смолы мастик и мирра, бараний жир и сало всех сортов. Ввозились американские холсты и другие хлопчатобумажные ткани, белые и крашеные, муслины, красные шали, шелка, бронза, листовая медь, посуда, бирмингамские безделушки, бусы и кораллы, финики, рис, сахар, порох, бумага и другие товары. Харар был большим транзитным пунктом работорговли. Отсюда переотправлялись рабы племен джинджеро, гураге, галла и др. „Больше всего ценятся, — писал Бэртон, — абиссинцы и амхара, которые стано-

[1] Валерий Санчов. Аддис-Абеба (Известия, 24 XI 1935).

ТОВАРЫ НА АБИССИНСКИХ БАЗАРАХ

Количество товаров, поступающих на базар

Товары	Единицы измерения	Харар, все дни, большой — в пятницу	Аддис-Абеба, все дни, большой — в субботу	Горе, вторник и пятница	Буре, понедельник, среда и суббота
Мулы — верховые	голов	10	20	5	3
Мулы — вьючные	„	18	100	4	3
Лошади — верховые	„	6	12	5	10
Лошади — вьючные	„	4	10	2	4
Ослы	„	12	25	редко	2
Быки	„	15	—	„	редко
Коровы	„	8	30	8	10
Бараны	„	60	80	25	35
Козы	„	20	60	15	25
Кожи сырые — бычьи		мало	мало	редко	редко
Кожи сырые — козьи		„	—	—	—
Кожи сырые — бараньи		„	много	мало	мало
Кожи выделанные — бычьи		„	обильно	обильно	обильно
Кожи выделанные — козьи		„	мало	мало	мало
Шкуры леопарда — обыкнов.		—	редко	„	„
Шкуры леопарда — черные		—	оч. редко	„	„
Золото		мало	мало	„	„
Слоновая кость		обильно	обильно	обильно	обильно
Циветта		мало	„	очень обильно	очень обильно
Воск		„	„	„	„
Мед белый	селетча [1]	20	100	„	„
Масло		мало	много	мало	мало
Сало		—	мало	редко	—
Кофе — харрарское [2]	кг	в год 10 000	—	—	—
Кофе — абиссинское [2]	„	в год 40 000	в год 1 000 000	очень обильно	очень обильно

[1] Селетча — мера из козьей кожи, вместимостью 10—12 кг меда.

[2] Торговля кофе идет на дому.

(Продолжение)

Товары	Единицы измерения	Харар, все дни, большой — в пятницу	Аддис-Абеба, все дни, большой — в субботу	Горе, вторник и пятница	Буре, понедельник, среда и суббота
Хлопчатобумажн. ткани, америк. или индийские (абугедид)	кусок в 30 ярд	в год 350 000	обильно	иногда отсутств.	часто отсутств.
Шаммы { галласск. изгот.		обильно	„	много	много
Шаммы { английск. изгот.		мало	—	мало	—
Хлопок сырец		редко	—	—	обильно
Бусы для обмена		мало	нет	мало	„
Патроны		обильно	обильно	„	мало
Бурнусы козьей шерсти		мало	„	редко	—
Пшеница		мало, караванн.	мало	„	—
Сорго		обильно, караванн.	„	обильно	очень обильно
Маис		мало	„	мало	„
Тефф { белый		„	много	„	—
Тефф { красный		„	„	много	много
Дагусса		„	„	„	—
Веревки, толщ. в мизинец		„	„	мало	мало
Мечания, кож. ремешки .		„	„	„	„

вятся редкими, ибо правитель Шоа запретил их экспорт". Женщины стоят от 100 до 400, мальчики от 9 до 150 а ш р а ф и.[1]

Некоторое представление о характере абиссинской базарной торговли, равно и об особенностях абиссинской экономики в целом могут дать нижеследующие данные, сведенные в таблицы[2] (см. стр. 228 и 230).

Из этих двух таблиц можно установить как товарный состав торговли на главнейших рынках Абиссинии, так и соотношение цен на них в конце XIX в., когда сделала свои наблюдения

---

[1] Burton. First footsteps, II, pp. 24—29. Ашрафи — харарская монета = 1/3 доллара.

[2] Составлены по данным, приведенным Ch. Michel. Mission de Bonchamps, pp. 520—521.

ЦЕНЫ НА АБИССИНСКИХ БАЗАРАХ

т. = талер; п. = египетск. пиастр; а. = амоле; б. = баге[1].

Товары	Единицы измерения	Харар	Аддис-Абеба	Горе	Буре
Талер (обмен)	один	11 п.	4—6 а.	4 а. или 12 б.	4 а. 11—12 б.
Мулы верховые	за голову	50 т.	75 т.	50 т.	60 т.
Мулы вьючные	„	30 т.	40 т.	28—40 т.	35 т.
Лошади верховые	„	50 т.	35 т.	23 т.	20 т.
Лошади вьючные	„	25 т.	14 т.	10 т.	5—10 т.
Ослы	„	10—16 т.	10—15 т.	9 т.	8 т.
Быки	„	15—30 т.	—	18 т.	17 т.
Коровы	„	35 т.	50 т.	26 т.	20 т.
Бараны	„	1 т. 6 п.—3 т.	2—5 т.	2—3 т.	1 т. 2 а.—3 т.
Козы	„	1—3 т.	1—3 т.	1 т.—2 т. 2 а.	1—2 т.
Кожи, сырые бычьи	штука	2 п. за англ. ф.	$2^1/_2$—3 т.	$1^1/_2$ т.	1 т.
Кожи, сырые козьи	„	6 п.	—	—	—
Кожи, сырые бараньи	„	3 п.	$^1/_3$ а.	$^1/_2$ а.	1 б.
Кожи выдел. бычьи	„	3—5 т.	3—5 т.	$2^1/_2$—4 т.	3 т.
Кожи выдел. козьи	„	6 п.	2—3 а.	3 б.	3 б.
Шкуры леопарда обыкнов.	„	—	5—8 т.	3 т.	3 т.
Шкуры леопарда черные	„	—	10—30 т.	8 т.	7 т.
Золото	окиетта[2]	36 т. 6 п.	35—37 т.	34 т.	33 т.
Слоновая кость	фрассела[3]	144-155 т.	125 т.	118 т.	90—110 т.
Циветта	окиетта[2]	2—4 т.	$2^3/_4$—3 т.	2 т.	2 т.
Воск	фрассела[3]	12 т.	8—$9^1/_4$ т.	6—$6^1/_2$ т.	6 т.
Мед белый	селетча[4]	6 т.	4—5 т.	$4^1/_2$ т.	$1^1/_2$ т.
Масло	кг	14 п.	2 а.	3 а.	3—2 б.
Сало	2 кг	—	1 а.	1 а.	—

[1] Талер = 2.50 франц. франка; египетский пиастр = 0.26 франка; амоле (бруски соли) от $^1/_4$ до $^1/_6$ талера; баге = $^1/_3$ амоле.

[2] Окиетта золота и мускуса = 28 г.

[3] Фрассела = 16.8 кг, т. е. примерно равна нашему пуду.

[4] Селетча — мера объема; вмещает 10—12 кг меду.

(Продолжение)

Товары	Единицы измерения	Харар	Аддис-Абеба	Горе	Буре
Кофе харарское	фрассела[1]	7 т.	—	—	—
Кофе абиссинское	„	3 1/2 т.	2 1/4 т.	1 т.	1 т.
Хлопчатобумажн. ткани, америк. или индийск. (абугедид)	кусок в 30 ярд	3 т. 8 п.—4 т. 6 п.	5 т.	6—7 т.	7 т.
Шаммы галласск. изгот.	штука	2—3 т.	2—3 т.	2 т.	1 т. 3 а.
Шаммы англ. изгот.	„	2 т.	—	2 т.	—
Хлопок сырец	фнт.	1 а.	—	—	1 а.
Бусы стекл. и фарфор.	нитка	7 п.	—	1 т.	1 т.
Патроны франц. произв.	штука	1/13 т.	1/12 т.	1/11 т.	1/11 т.
Патроны англ. произв.	„	1/15 т.	1/14 т.	1/13 т.	1/12 т.
Бурнусы козьей шерсти	„	2 т. 2 п.	2 т.	2 т. 1 а.	—
Пшеница	10 кудна[2]	3 п.	1 т.	1 1/2 т.	—
Сорго	20 „	2 п.—10 п. после сбора	1 т.	2 а.	2 а.
Маис	20 „	—	1 т.	—	1 а. 1 б.
Тефф белый	10 „	—	1 т.	—	—
Тефф красный	17 „	—	1 т.	1 т.	1 т.
Дагусса	15 „	—	1 т.	3 а.	—
Веревки, толщ. в мизин.	27 верев. по 14 локтей	1 т. 4 п.	1 т.	1 1/2 т.	1 1/4 т.
Мечания, кож. ремешки	3 ремня по 18 локтей	1 т. 6 п.	1 т.	1 т. 1 а.	1 1/2 т.

французская экспедиция.[3] Торговля скотом была сосредоточена на рынках Аддис-Абебы и Харара. В западных торговых центрах Горе и Буре скота, за исключением баранов и коз, поступало в продажу мало. Сырые кожи также поступали, главным

---

[1] Фрассела = 16,8 кг, т. е. примерно равна нашему пуду.

[2] Кудна = от 4.5 до 5 л.

[3] Более поздние данные, относящиеся к 1925 г., о товарах, поступающих на рынок Аддис-Абебы, и о ценах, см. таблицы в приложении к настоящей главе.

образом, на рынки Аддис-Абебы и Харара. Выделанные кожи, главным образом, бычьи, шли на рынки Аддис-Абебы, Горе и Буре. Шкуры леопарда попадали на рынок редко. Немного поступало и золота. Зато слоновая кость на всех четырех рынках в то время была в изобилии. Мускус, воск и медь были в изобилии на рынках Горе и Буре. Кофе повсюду играло значительную роль. Обширная торговля хлопчатобумажными тканями сосредоточивалась в Хараре и Аддис-Абебе. Там же шла и оживленная торговля патронами. Шаммы местного галласского производства повсюду были в большом количестве. Масло и сало на рынок попадали редко и в незначительном количестве. Торговля хлопком-сырцом почти ограничивалась рынком Буре, находящимся в тропической полосе. Там же сосредоточивалась торговля маисом и бусами. Пшеница играла в торговле повсюду незначительную роль, в противоположность сорго, теффу и дагуссе. Сорго было в изобилии на рынке в Буре, тефф и дагусса сосредоточивались в Горе и Аддис-Абебе.

Чем дальше от берега Красного моря, тем дороже импортные товары: ткани, патроны и бусы и тем дешевле местные, абиссинские товары. Мулы и мелкий скот повсюду почти в одной цене, лишь в Хараре дешевле. Ослы, кожи, шкуры леопарда, золото, слоновая кость, циветта (мускус), кофе, шаммы дешевле всего в Буре. Злаки дешевле всего на рынке Аддис-Абебы.

* * *

ДЕНЬГИ

Таблица цен вскрывает интересный экономический факт. Если взять колонку цен, относящихся к базару Аддис-Абебы, и обратить внимание на нижний отрезок цифр, то можно увидеть, что цены целого ряда товаров все сведены к одному талеру:

10 кудна	пшеницы	=	одному талеру
20 „	сорго	=	
20 „	маиса	=	
10 „	белого теффа	=	
17 „	красн. теффа	=	
15 „	дагуссы	=	
27 веревок		=	
3 ремня		=	

Здесь выступает только что родившаяся из всеобщей формы стоимости денежная форма стоимости. Талер противостоит всем перечисленным восьми товарам, как деньги, и форма цены выступает в своем простейшем, примитивном, зародышевом виде. Стоимость товаров еще не выражается в общественно-значимой форме, которая гласила бы:

1 кудна пшеницы стоит 0.2 талера
1 „ сорго „ 0.1 „
1 ремень „ 0.33 „ и т. д.

Товары приравниваются еще не только к талеру, но и ко всем другим товарам, как в полной или развернутой форме стоимости:

10 кудна пшеницы = 20 кудна сорго, или = 17 кудна красного теффа, или = 15 кудна дагуссы, или = 27 веревкам, или = 1 талеру.

„Стоимость данного товара ... выражается ... в бесчисленных других элементах товарного мира".[1]

На примере Абиссинии можно хорошо проследить установленное Марксом развитие форм стоимости, т. е. историю денег.

В Абиссинии можно увидеть, по преимуществу в западной и юго-западной частях, в районах, населенных негрскими племенами, непосредственный обмен продуктов, который „с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее".[2] Продукты не являются товарами до обмена, а становятся ими лишь благодаря обмену. Обмен еще случаен. Обмениваются излишками.[3] В качестве владельца излишних продуктов выступает какой-нибудь племенной вождь, не могущий потребить всех принадлежащих ему баранов, или амхарский помещик, собравший в виде оброка пшеницу, тефф или дагуссу и отправляющий их на базар.[4]

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1928 г., стр. 24.

[2] Там же, стр. 44.

[3] „Первая предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления утрачивает свою потребительную стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца" (там же).

[4] „Некоторые вожди монополизируют к своей выгоде лучшие продукты их страны" (Dushesne-Fournet, I, p. 252). „Жизненные припасы сконцентрированы у вождей. У них путешественник должен доставать ячмень для своих животных, пищу для аскари" (Montandon, p. 126). Местные феодалы, как увидим дальше, монополизируют и функции размена денег.

Развитие обмена приводит к тому, что часть продуктов, например, соль, кофе, мускус, красный перец, золотые кольца, начинает преднамеренно производиться для обмена. Появляется потребность во всеобщем эквиваленте. „Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг к другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары, различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую и общественную эквивалентную форму, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая эквивалентная форма появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который ее вызвал к жизни. Попеременно выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срастается лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в денежную форму. С каким именно видом товара она срастается, это сначала случайно. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Денежная форма срастается или с наиболее важными предметами, которые получаются извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости для туземных продуктов. Или же с предметом потребления, который составляет главный предмет туземного отчуждаемого имущества, каков, например, скот“.[1]

Какие товары в Абиссинии приняли на себя функцию всеобщего эквивалента, этого товара товаров?

Функции всеобщего эквивалента „мимолетно“ выполняли самые разнообразные товары.

По свидетельству Булатовича, посетившего западные районы Абиссинии, населенные наиболее отсталыми исторически племенами: „меновыми единицами служат куски меди, жести, цинка, телячьи шкуры, отрезки тканей, клубки ниток, свертки табаку,

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 45.

кофе и пальмовых листьев, корарима, куски воска, пустые бутылки, ружейные патроны и т. д.“[1]

Естественно, что большая часть этих товаров выступала в форме эквивалента лишь в „узких пределах“; как говорит Маркс, — попеременно, появляясь и исчезая вместе с мимолетным общественным контактом, т. е. актом обмена. Пустая бутылка, если и является полезной вещью, особенно вдали от цивилизации — не очень удобный вид денег: она может разбиться. Телячья шкура — деньги довольно громоздкие, свертки табаку или куски воска, хоть и являются товарами, но нужны не всем.

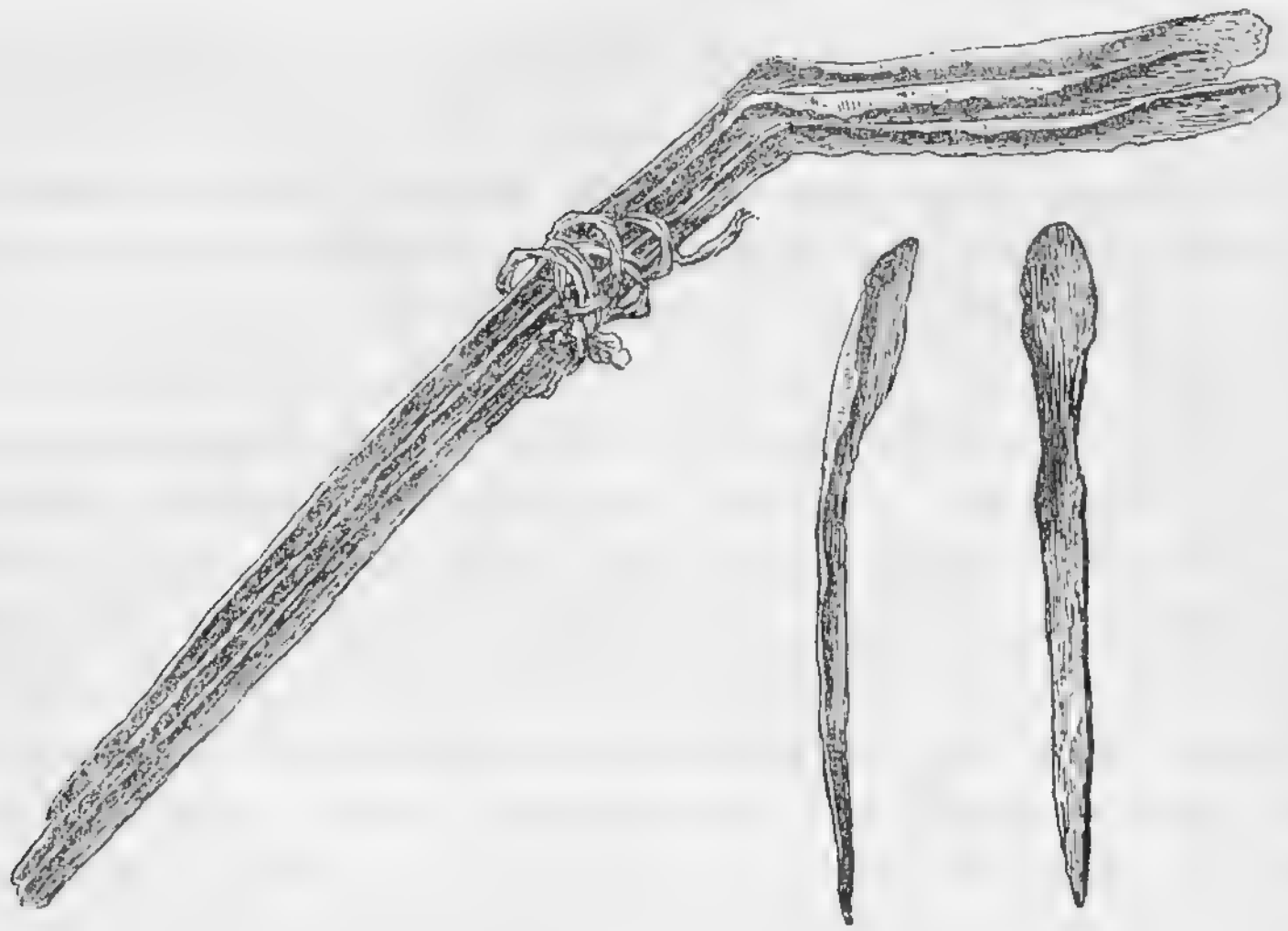
Развитие обмена привело к выделению таких товаров, которые стали принимать на себя функции денег преимущественно перед другими. Такими товарами-деньгами стали в Абиссинии красный перец, бруски железа, ружейные патроны, наконец, соль.

На к р а с н ы й п е р е ц, обращающийся в Абиссинии в качестве денег, указал, как мы выше (стр. 214) об этом говорили, академик Вавилов. Какие причины наделили красный перец денежной функцией? Несомненно, что тут играл роль широкий и устойчивый спрос на этот продукт. Известное значение имели его сравнительно хорошая сохранимость и стандартность и малый объем относительно цены (по сравнению не с золотом и серебром, конечно, но, например, с телячьими шкурами). Наконец, хорошая делимость по весу или по объему. Нет, однако, сомнения, что эти деньги имеют все же локальный характер. Иначе о их существовании сообщалось бы во многих источниках.

Про деньги — ж е л е з н ы е б р у с к и Булатович сообщал: „очень распространенным меновым знаком, в особенности в галласских областях, служат бруски железа от 6 до 12 см длиною, несколько утолщенные по середине и загнутые по краям, употребляемые преимущественно для выделки наконечников к копьям. Стоимость их неустойчивая и разнообразная; в Шоа их дают до 130 штук на талер“.[1] В музее Института этнографии и антропологии Академии Наук выставлены в витрине подобные деньги — железные бруски или полоски. Функцию денег этот товар опять-таки стал выполнять благодаря широкому спросу на него. Он производился на довольно ограниченной территории,

---

[1] Булатович. От Энтого до Баро, стр. 17.



Деньги — железные брусья ($^1/_6$ натур. величины. Хранятся в музее ИАЭ).

но нужен был всем, по всей стране. Всякий другой товар охотно обменивали на железо, редкое в Африке.

Отчасти, по той же причине, деньгами стали и патроны. О деньгах-патронах сообщает ряд авторов. Скиннер, например, писал: „Все наши слуги туземцы носили хорошо наполненные пояса с патронами, имели они ружье или револьвер или нет. Мы сначала полагали, что это вид тщеславия, но это было лишь общепринятым способом носить средства обращения всегда готовыми быть пущенными в оборот".[2] Патронов, по его словам, давалось за талер шестнадцать штук. Мишель, в таблице, переработанной нами (см. выше, стр. 230), указывал цену патрон так „на один талер — патрон столько-то". А именно: Харар 13—15, Аддис-Абеба 12—14, Горе 11—13, Буре 11—12. Патроны отличаются не только устойчивым и всеобщим в Абиссинии спросом, но и стандартностью и сравнительно со многими другими товарами портативностью. Они не являются товарами местного производства, и к ним вполне применимы цитированные выше слова Маркса о срастании денежной формы с наиболее важными предметами, которые получаются извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости для туземных продуктов. Оружие вообще у всех

[1] Там же.

[2] Skinner, pp. 68—69.

Перевозка абиссинских денег — соли. (По Скиннеру.)

первобытных народов является распространенным предметом обмена, а при соприкосновении исторически более отсталых народов с более развитыми, оружие — это то, что отсталые народы хотят получить в первую очередь. У охотничьих племен — оружие это главное средство производства. Естественно, что негры Африки, в равной степени как и индейцы Америки, с особенной охотой выменивали у белых порох, патроны и ружья. Кроме всего прочего, это ведь требуется для защиты от самих белых, от их цивилизаторской миссии! В Абиссинии также известно, какие большие усилия прилагали все выдающиеся негусы, чтобы или наладить у себя в стране производство современного оружия, или добыть его из-за границы. Каждый абиссинец — воин и хорошая винтовка, как и патроны, пользуются в Абиссинии большим уважением.

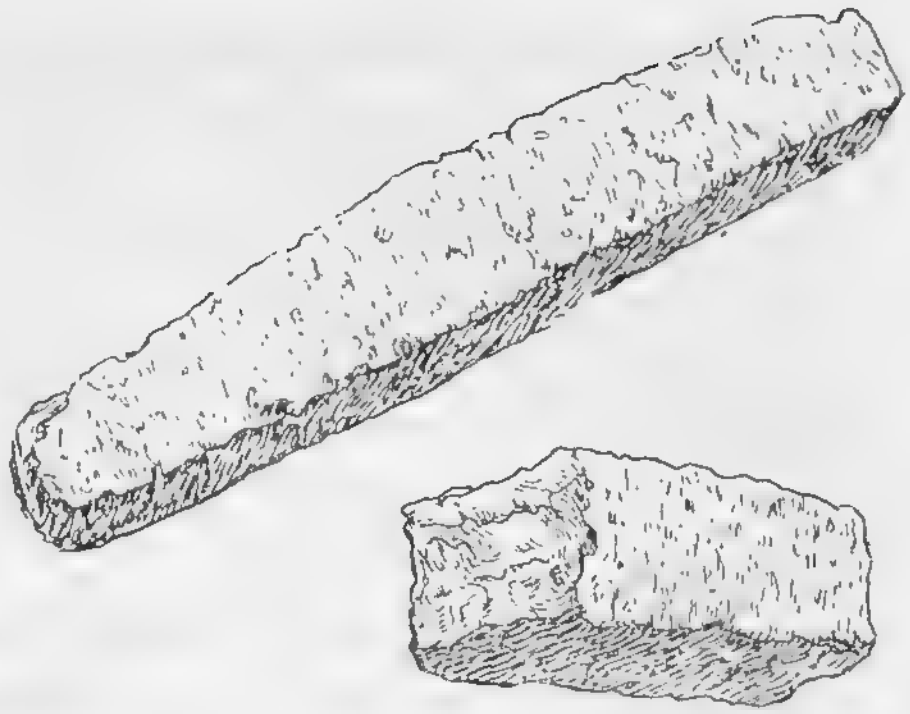
Наконец, с о л ь. Соль в Абиссинии стала всеобщим эквивалентом и побила всех своих соперников. Она стала господствовать над всеми товарами. Соль опять-таки нужна повсюду, действительно жизненно необходима и незаменима. Даже в современном машинизированном обществе в странах, где делается искусственный шелк и строятся бомбовозы, не найдено еще продукта, могущего заменить соль. В отсталых же обществах соль — общепризнанный и едва ли не древнейший вид товара, находящего всеобщее признание. В Абиссинии соль добывается

только в нескольких местностях. Соль в Абиссинии сравнительно дорога. „Он ест соль“ — говорит абиссинская пословица, что означает: это — человек богатый и расточительный. Один из авторов рассказывает: „когда встречаются два друга абиссинца, они вынимают из карманов по куску соли и дают полизать друг другу. Отказаться от этого предложения, значит оскорбить друга“. Торговля солью шла с давних пор и имела, как мы указываем в главе 5, немалое значение в средневековой экономике страны. Соль хорошо делится и неплохо сохраняется. Она нужна всем и повсюду хорошо принимается. Постоянный обмен всевозможных местных товаров привел к тому, что соль сделалась выразителем их стоимости — деньгами. Деньги-соль выполняют свою роль в Абиссинии до сих пор. Академик Вавилов, находившийся с экспедицией в Абиссинии в 1926—1927 г., рассказывал, что если в столице Абиссинии можно купить все на талеры, то в провинции в ряде мест талеры не принимаются вовсе и нужно их предварительно разменять у местных правителей на деньги-соль. Повсюду в Абиссинии деньги-соль широко применяются как разменная по отношению к талеру монета.

Деньги-соль носят название *„амолье“* или *„рэй“*. Они обычно имеют стандартную форму прямоугольного бруска каменной соли длинною в 26 см, шириною $4^1/_2 \times 5$ см. Вес в среднем 640 г. На один талер идет разное количество „амолье“, в зависимости от удаленности местности от Красного моря, близ которого добывается соль. Расходы на перевозку этих „денег“ порядочные. На побережье за талер давали до 120 брусков, в центре страны 5, 7, 10 брусков „амолье“. В области галла большой трехфунтовый брусок распиливался на четыре части и таких четвертей на талер давали 16—20 штук.

Когда-то соль занимала в Абиссинии, как деньги, господствующее положение. Сейчас она подчинена т а л е р у. „Талер Марии Терезии“ — австрийская серебряная монета. Содержит 28.068 г серебра. Довоенный курс талера в Абиссинии примерно равнялся $2^1/_4$ фр., т. е. 85 коп. В самой Австрии талер Марии Терезии давно уже не обращается, но в Абиссинии, куда он проник через торговцев Востока, он стал общепризнанными деньгами. При этом особенно ценится талер определенного образца с датой „1780“, с изображением Марии Терезии в короне и т. д. Путешественник в Абиссинию, не запасшийся

во-время талерами, испытывает большие неудобства, и приобретение талеров в самой Абиссинии, или даже поблизости — в Адене связано с большими потерями на курсе. Чеканка талеров — своего рода австрийский экспорт в Абиссинию. Только за 1901—1926 гг. в Вене было вычеканено 85 млн. талеров, большая часть из них пошла в Абиссинию. В главе 6 мы сообщаем о мерах, которые приняли в 1867—1868 г. англичане для обеспечения себя талерами. В настоящее время, как указывалось в прессе в связи



Деньги — соль. Бруски амолье ($^1/_5$ натур. величины. Хранятся в музее ИАЭ).

Талер Менелика.

с итало-абиссинской войной, у европейских держав опять появилась потребность в талерах, и ими запасались не только итальянцы, но и англичане.

Помимо талеров Марии Терезии в Абиссинии обращаются талеры Менелика, отчеканенные по повелению последнего в Париже. Чеканка монет с изображением абиссинского негуса была в то время великим новшеством, крупной денежной реформой, и указ Менелика о введении новых денег весьма любопытен:[1]

---

[1] Приведен у Елеца и в брошюре Звягина.

ТЕКСТ УКАЗА МЕНЕЛИКА II О ВЫПУСКЕ НОВЫХ ДЕНЕГ

Царство Эфиопское.

Указ Царя Царей Менелика.

Слушайте. Слушайте.

Да не даст бог согласия врагам нашим гор и холмов.

Слушайте. Слушайте.

Да не даст и врагам Менелика, государя нашего.

Слушайте. Слушайте.

Да не даст и врагам божьей матери.

Чтобы прославить нашу страну, наше царство и нашу торговлю поправить, новое серебро с моим портретом и моим именем припечатанное. Я сделал и принес. Это серебро чище прежнего серебра и весом одинаково с прежним и начертание, что написано наверху, амхарское. Я намерен прежнее серебро оставить и это на эфиопское имя сделанное новое серебро распространить. Его наравне с прежним серебром принимайте. А, мастера, новое серебро не лейте. И еще для мелких вещей, которые будут покупать. Я сделал и принес пол серебра, четверть серебра и восьмую серебра. Эти половину за половину, четверть за четверть и восьмую за восьмую пусть меняют и торгуют. Человека же говорящего: „я это серебро не принимаю", приведите ко мне.

Марта 6 дня, Года помилования

Представляет также интерес ознакомиться с хорошо иллюстрирующей феодальный строй доходной частью абиссинского госбюджета времен Менелика:[1]

ИСТОЧНИК ДОХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В АБИССИНИИ

I. Дань Уалаги, Лекки, Джиммы-Аба Дефара:		
Лека — золотом, слоновой костью и деньгами . .	60	тыс. руб. в год
Уалага	60	„ „ „ „
Джимма	50	„ „ „ „
II. Таможенные пошлины — $^1/_{10}$ всех товаров в Хараре и из других областей около	100	„ „ „ „
III. Доходы с собственных земель императора	100	„ „ „ „
IV. Доходы с галласских земель	100	„ „ „ „
V. Доходы с права торговли и с рынков, собираемые нагади расами (начальниками торговцев)	100	„ „ „ „
VI. Подарки натурою и доход с остальных областей . .	200	„ „ „ „

[1] Булатович. От Энтото до Баро, стр. 145—146.

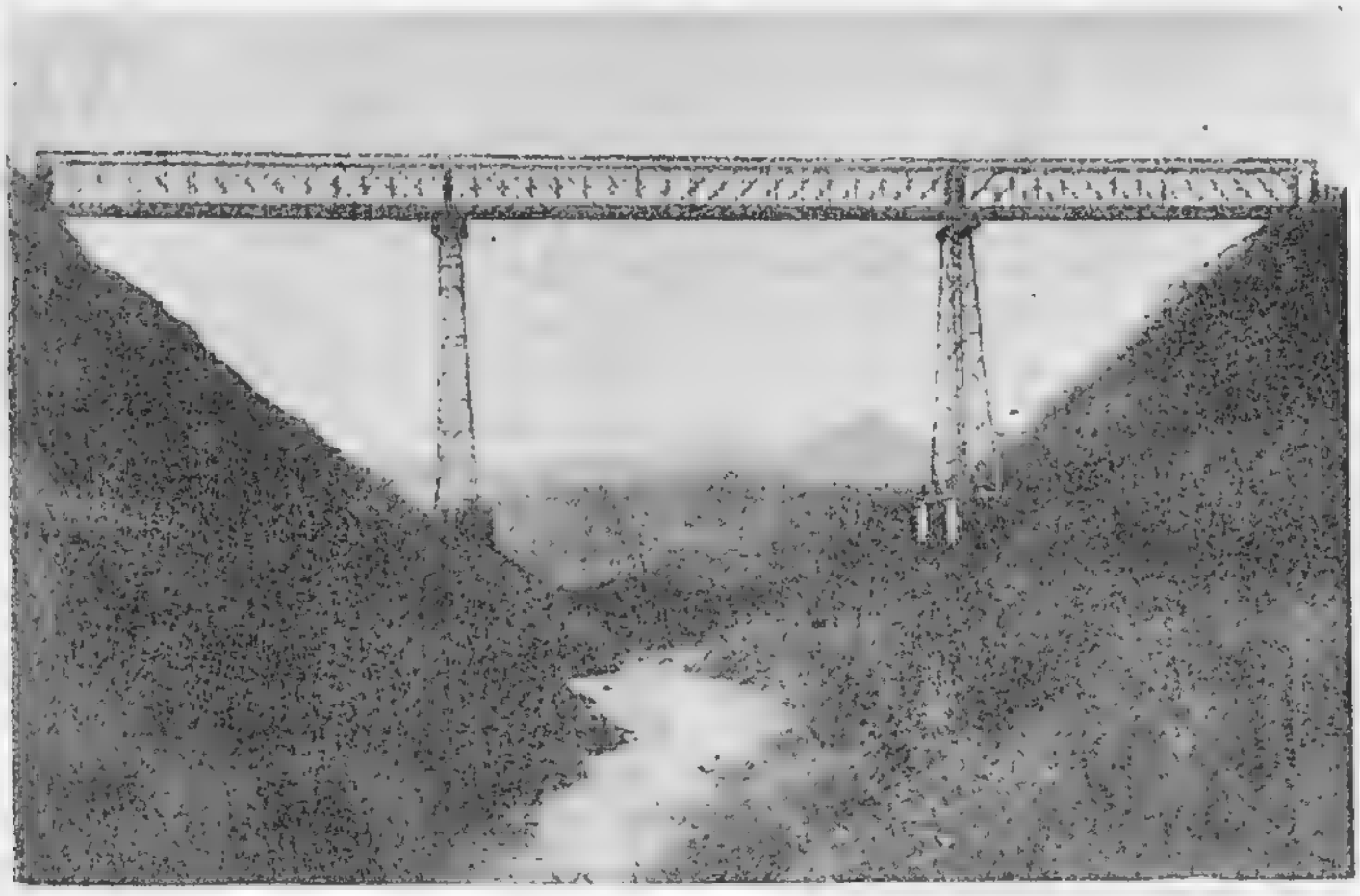
В общем ежегодный приход государственной казны составлял 800—900 тыс. руб. Расход распределялся следующим образом: жалованье армии 300 тыс., на вооружение 100 тыс., подарки церквам 20 тыс., покупки материй и других вещей, изготовление серебряных вещей и пр. 80 тыс. и т. д.

О нынешнем государственном „бюджете“ Абиссинии никаких сведений не имеется.

* * *

ТРАНСПОРТ

Скажем несколько слов об одной из самых отсталых отраслей абиссинской экономики — *транспорте.* Транспорт в Абиссинии примитивен. Это вызвано не только экономической отсталостью страны, в частности связано с слабым развитием товарооборота, который в свою очередь, как упомянуто, встречает препятствие в плохом транспорте. Это вызвано и сознательной политикой абиссинских правителей, не желающих строить дороги, ибо говорят они: „построим дороги, придете вы, европейцы“. Общая длина дорог в Абиссинии исчисляется сейчас в 2615 миль, из них 1150 миль шоссе с щебневым покрытием и 65 миль с макадамовым. Сравнительно неплохая дорога идет



Железная дорога Аддис-Абеба — Джибути. Мост через р. Аваш.

от Адуа, через Макале и Десси до Аддис-Абебы. Другая дорога соединяет Горе с Гамбела портом на берегу реки Собат. Строятся дороги от Аддис-Абебы до Джиммы и до озера Цана. Вообще же говоря, сообщения ведутся преимущественно по горным тропинкам. Клад перевозится на спинах мулов, вьючных лошадей, ослов и верблюдов. Главных караванных путей пять. Один из них ведет в Судан, другой в Кению, третий в Британское Сомали, четвертый в Эритрею, пятый в Итальянское Сомали. Насколько перевозка грузов караванами дорога и длительна, показывают следующие данные, приводимые Мишелем, не потерявшие для некоторых направлений значения и сейчас:[1]

КАРАВАННЫЕ СООБЩЕНИЯ

	Продолжительность пути (дни)	Вес груза на одного верблюда или мула (кг)	Плата за перевозку указанного груза
Джибути — Гильдесса	22—28	240—250	28 рупий
Гильдесса — Харар	2	240—250	4 талера
Харар — Аддис-Абеба, через Черчер	20—25	70—80	12—15 талеров

Сюда не включены еще плата старшинам караванов, расходы на охрану и пр. и пр. В общем итоге перевозка караваном пуда груза от берега до Аддис-Абебы обходилась не менее 5 руб.[2] Такая высокая стоимость перевозки плюс продолжи-

[1] Ch. Michel. Mission de Bonchamps, pp. 513—517.

[2] В книге Дюшен-Фурне приводятся обстоятельные подсчеты лейтенанта Коллата о стоимости перевозок грузов из Джибути в Аддис-Абебу и обратно. Подсчеты относились к началу XIX века, когда железная дорога была проведена только на участке Джибути — Диредауа. Согласно этим подсчетам перевозка тонны груза обходилась:

От Джибути до Харара (железной дорогой до Диредауа, затем караваном) . . . . . 173 франка
От Зейлы до Харара (караваном) . . . . . 120 франков
От Харара до Аддис-Абебы (караваном) . . . . . 340 „
От Джибути до Аддис-Абебы (жел. дорогой до Диредауа, далее караваном) . . . . . 524 франка

(O. Collat. L'Ethiopie économique. Dushesne-Fournet, I, pp. 268—288).

тельность вполне оправдывали постройку единственной в Абиссинии железной дороги Аддис-Абеба — Джибути. О борьбе, которая велась вокруг этой дороги, и о значении этого предприятия для империалистического проникновения в страну мы еще скажем. Дорога принадлежит французской компании. Длина дороги 782 км. Работает дорога довольно своеобразно. Поезда идут в каждом направлении два раза в неделю, причем поездка занимает три дня, так как ночью поезда не ходят.

Несмотря на этот свой примитивный характер, дорога Аддис-Абеба — Джибути служит в настоящее время главным каналом абиссинской внешней торговли.

* * *

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Внешняя торговля — единственная сфера экономической жизни страны, по которой имеются хоть сколько-нибудь удовлетворительные и современные статистические данные. Данные эти черпаются, главным образом, из статистики торгующих с Абиссинией стран: Франции, Италии, Англии и др. Так как три четверти абиссинской внешней торговли идет через Французское Сомали, часть нужных нам сведений дает статистика последнего.

Значение вывоза через Французское Сомали, по сравнению со всем абиссинским вывозом, видно из следующего сопоста-

---

Торговцы в Аддис-Абебе считали, что то, что продается во Франции за один франк, должно продаваться в Аддис-Абебе за один талер. Цена, таким образом, возрастает в $2^1/_2$ раза. Разница в 150% идет на расходы по перевозке, пошлину, торговую прибыль и т. д.

Кусок абугедида, хлопчатобумажной ткани (размеров 27.00×0.90 м), стоящий на берегу 3.5 талера, продавался в Аддис-Абебе за 6 талеров. При этом транспортные расходы составляли $27^1/_2$% к покупной цене, пошлины 16%, остаток торговой прибыли, идущий купцу — $8^1/_4$%.

Другой пример — керосин. Бидон керосина в 18 литров стоил в 1903 г. в Джибути около 4 франков или примерно 2.6 талера. В Аддис-Абебе он продавался за 7 талеров. Издержки транспорта составляли к покупной цене 25%, пошлины $46^1/_8$%, остаток торговой прибыли $13^1/_2$%. Доход купца, $13^1/_2$%, в этом случае немалый, учитывая, что продолжительность оборота его капитала составляла примерно два-три месяца.

вления. В 1927 г. из всего товарооборота в 7 млн. фунт. стерл. направлялось (в процентах):

Через Фр. Сомали (Джибути)	80.0
„ Эритрею	15.3
„ Судан	2.9
„ Брит. Сомали	1.2
„ Итал. Сомали	0.5

В 1930 г. абиссинская внешняя торговля направлялась (в процентах):

	Импорт	Экспорт
Через Фр. Сомали	75.3	76.6
„ прочие страны	24.7	24.4

Эпоха империализма характеризуется в Абиссинии значительным ростом товарооборота, который виден из следующих данных Рея:

	Рост товарооборота				
	1909	1916	1923	1927	1928
Товарооборот в тыс. фунт. стерл.	200	500	3000	7000	9200

Выходит, что за двадцать лет внешнеторговый оборот страны возрос в 46 раз. Такой быстрый рост означал по существу открытие для Абиссинии мирового рынка и открытие Абиссинии для мирового рынка. В 1909 г., как видим, размеры оборота были ничтожными. Внешняя торговля играла незначительную роль в экономике страны. Оборот же в 9 млн. фунт. стерл. цифра внушительная, если учесть общую экономическую отсталость и бедность страны. Эта цифра показывает темпы проникновения иностранного капитала, в руках которого в значительной мере монополизирована абиссинская внешняя торговля. Ввоз, например, соли в Абиссинию монополизирован французской компанией, владеющей в Джибути крупными солеварнями. Ввоз керосина и нефти в руках Шелла и т. д. Иностранный капитал действует через сеть компрадорской буржуазии: арабов, греков, сирийцев, армян, индийцев.[1]

Еще в самом начале XX века абиссинской внешней торговлей распоряжался пестрый конгломерат представителей иностранного капитала. Им указывались следующие торговые фирмы: швейцарская—Дюбайль, имевшая агентства от Красного моря до долины Нила; греческая — Ливиерато; индийская — Бенин; американская — Макс Клайн; английская — Раббер К°;

[1] Крейтнер, стр. 48.

сирийская—Раббер Регие; французские дома — Гюиньон, Гарригуе и Марилль; бельгийская фирма — Байдто; немецкая — Роберт Тор Иенсен; итальянская — Колониальное общество; арабы — Баздра и Саид Ахмед.

Сейчас в абиссинской газете „Courier d'Ethiopie" пестрят объявления представителей автомобильных фирм Рено, Форда, Дженерал Моторс, Тальбо, Фиат, рекламируются:

ОДЕОН И ФОНОТИПИЯ
ЛУЧШИЕ И САМЫЕ РОСКОШНЫЕ
ПЛАСТИНКИ В МИРЕ

и, конечно, рекламируются швейные машины Зингер, лучшие марки вермута, шампанское Перье и сыновья и пианино марки Штауба.

Физический объем внешней торговли и его динамика за последние пять лет видны из следующего исчисления итальянца Пильи, редактора „Аццноне-колониаль":[1]

ИСЧИСЛЕННЫЙ ВВОЗ И ВЫВОЗ ЭФИОПИИ 1929—1933 гг. В ТЫС. ТОНН

	1929	1930	1931	1932	1933
Экспорт	28	33	36	34	30
Импорт	65	56	80	80	78
Весь оборот	93	89	116	114	98

Из таблицы видно, что с 1931 г. оборот внешней торговли упал, что связано с мировым экономическим кризисом, отразившимся и на абиссинской внешней торговле.

Картину внешнего торгового товарооборота Абиссинии за больший отрезок времени дает статистика перевозок по железной дороге Аддис-Абеба — Джибути.

ПЕРЕВЕЗЕНО ПО ЖЕЛ. ДОРОГЕ АДДИС-АБЕБА — ДЖИБУТИ
(в тоннах)

	1910	1915	1920	1925	1930	1931	1932	1933
Импорт в Абиссинию	6004	17431	21358	25474	42566	32683	34230	28111
Экспорт из Абиссинии	7426	10885	11196	26571	24950	27790	26099	23180

[1] M. Pigli. Le Marché intérieur de l'Ethiopie (Revue économique internationale, sept. 1935, pp. 454—478).

Здесь мы видим возрастание вывоза до 1931 г., затем существенное падение. Импорт начал падать с 1930 г.

Какие же товары ввозятся в Абиссинию и какие вывозятся. Иначе говоря, каков товарный состав абиссинской внешней торговли?

СОСТАВ ВЫВОЗА ЭФИОПИИ 1928—1933 гг., (в тоннах)
(через *Джибути*) [1]

	1929	1930	1931	1932	1933
Кофе	13683	14412	18453	19990	13579
Кожи и шкуры	7136	8015	7387	4907	7946
Воск	326	346	339	345	370
Растит. масла	22	77	269	141	—
Разные продукты	371	2100	1342	716	1285
	21358	24950	27790	26099	23180

Как видим, на первом месте в вывозе Абиссинии выступает кофе, затем идут шкуры и кожи, воск, растительные масла и пр. Цифры, к сожалению, статистика дала лишь в физическом выражении. Полных данных о вывозе в ценностном выражении за эти годы нет. Имеющиеся данные в ценностном выражении за 1925 г. мы приводим в таблицах в приложении к настоящей главе. Однако господствующее положение, которое занимает в экспорте кофе, очевидно и из тоннажа, доля кофе в котором колеблется между 60—70%. В 1933 г. вывоз кофе резко упал в связи с кризисом. Значение этого падения вывезенного тоннажа кофе усугубляется еще сильным падением цен на кофе.

В прежние годы большое значение в вывозе Абиссинии играла слоновая кость, страусовые перья, циветтовый мускус, ладан, гумми и мирра. Сейчас их значение сократилось. Торговля слоновой костью была сосредоточена в значительной мере в руках негуса, который получал и отправлял ее на вывоз в первые годы XX в. 35—40 т. Кроме того, вывозилось еще до 30 т слоновой кости, добытой частными охотниками. В одном только 1900 г. экспорт слоновой кости дал 250 тыс. американских долларов. Хищническое истребление слонов повело к падению экспорта слоновой кости и в 1930 г. было вывезено ее всего 3 т.

[1] M. Pigli, ук. ст., стр. 467.

Состав ввоза в Абиссинию в физическом выражении был за последние годы следующий:[1]

СОСТАВ ВВОЗА В АБИССИНИЮ 1929—1933 гг., (в тоннах)
(через Джибути)

	1929	1930	1931	1932	1933
Соль	21037	19314	12840	13294	9511
Хлопчатобумажн. ткани (абугедид)	5180	5516	5137	6339	5180
Нефть и нефтепродукты	2183	2852	2752	2769	2060
Сахар	2023	2113	1228	1039	1115
Стройматериалы	705	1783	3336	3747	3578
Хлопчатобумажн. пряжа	1397	783	1465	1869	1780
Мешки пустые	551	446	545	643	—
Мыло	543	425	172	243	170
Рис	610	297	226	169	—
Автомобили	259	284	135	93	205
Вина	272	252	139	88	—
Стекл. изделия	411	247	169	110	174
Ладан	328	240	160	128	—
Мука	68	230	36	55	—
Финики	175	145	121	170	—
Масла	301	125	59	38	35
Ликеры	705	112	79	100	—
Табак	85	34	60	73	—
Проч. товары	11172	7368	1279	872	—
	48504	42565	32683	34290	28111

О ввозе в ценностном выражении имеются официальные данные за 1931—1932 гг. абиссинской таможенной конторы в Аддис-Абебе. Из этих данных видно, что первую и подавляющую роль во ввозе играет ввоз тканей. Было ввезено: грубых хлопчатобумажных тканей около миллиона кусков на 7.9 млн. талеров, тканей узорчатых, камчатных — на 170 тыс. талеров, муслина — на 440 тыс. талеров, пряжи хлопчатобумажной и ниток — на 2.9 млн. талеров. Второе место занимали во ввозе нефтепродукты. Нефти и бензина было ввезено около 50 тыс. бидонов на сумму свыше 500 тыс. талеров. Третье место занимала соль:

[1] Там же, стр. 469.

Негоцианты в Массауа. (По гравюре из атласа путешествия Лефевра, Диллона и Петит, 1839 — 1843.)

66 тыс. мешков на сумму в 436 тыс. талеров. Затем шли: волнистое железо — 606 т. на 218 тыс талеров, сахар — 151 тыс. талеров, напитки — 132 тыс., спирт — 112 тыс., ладан — 62 тыс., цемент (401 т) — 48 тыс., пряности — 49 тыс., автомобили 3 шт.) — 39 тыс., мыло — 18 тыс., обувь — 15 тыс. и т. д.

Первое место во внешней торговле с Абиссинией в последнее время оспаривают Франция и Италия, на которых падает примерно по $^1/_4$ всего оборота. Третью четверть делят между собою Англия и США. Их нагоняет Япония. Дальше идут Германия, Бельгия и другие страны. Франция, обладающая железной дорогой, имеет явные преимущества перед всеми остальными соперниками, что прежде всего беспокоит итальянских капиталистов, претендующих на монопольное обладание абиссинским рынком. Итальянский империализм не удовлетворяется нынешним положением. Он хочет захватить всю Абиссинию и превратить ее в свою собственную колонию — монопольный рынок сбыта, сырья, приложения капиталов. Однако экономическое значение Абиссинии в планах итальянского империализма играет второстепенную роль, главное, как мы увидим далее, — в стратегическом ее значении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ АБИССИНИИ

Продажа на базаре Аддис-Абебы товаров абиссинского производства
(По данным таможни Аддис-Абебы за год, кончающийся 10 сентября 1925).

Товары	Количество	Сумма в талерах
Шаммы	136 828 штук	297 737
Мед	40 654 фрассел	274 429
Кофе	21 085 „	156 897
Хлопчатобумажн. пряжа, туземн.		84 257
Масло	1 884 „	76 628
Сбруя, патронташи и пояса	40 637 штук	48 125
Водка и спирт		24 785
Железные изделия		18 300
Слоновая кость	46 фрассел	8 194
Пшеница и др. хлеба	73 223 кг	2 946
Шкуры крашеные		2 559
Мирра	173 фрассел	1 213
Веревки	330 „	1 178
Циветта	530 „	1 080
Корарима, зензебиль (пряности)	339 „	1 178
Шкуры козьи	45 корридж	470
Кадила, кресты и др. предметы культа	135 штук	143
Клыки гиппопотамов и носорогов	398 „	111
Масло нуг	15 таник	105
Всего, включая прочие		994.870

Кроме того, продано (сумма не указана): баранов и овец 44 539, крупн. рогат. скота 13 426, ослов 4.129, мулов 1190 и лошадей 324 головы. (По данным „Courier d'Ethiopie", Аддис-Абеба, 30 XII 1925.)

Таблица II

ЦЕНЫ НА РЫНКЕ АДДИС-АБЕБЫ В КОНЦЕ 1928 г.

Товары		Талеров
Кофе Джимма,	фрассела	9.75
„ Сидамо .	„	9.00
Воск очищенн.	„	22.00
Циветта	окиетта	2.75
Слоновая кость	„	190.00
Золото	„	34.00
Шкуры бычьи сухие	фрассела	18.50
Шкуры бычьи на бойне . .	„	8.25
Шкуры бычьи выделанн. . .	„	26.00
Шкуры козьи .	„	18.50
Шкуры бараньи сухие	„	12.00
Шкуры бараньи выделанн. . .	„	23.00
Хлопчатобум. ткань японск.	„	142.00
Хлопчатобум. ткань Kunda .	„	140.00
„ 77, cavalier	„	139.00
„ 66, Ane .	„	124.00
Ткань для рубашек (шертинг)	I сорт	12.50
Сахар	100 кг	26.75
Мыло марсельское . . .	100 куск.	8.25
Свечи	100 пак.	30.00
Масло	17 л	19.00
Мешки	29 шт.	12.00
Пряжа хл. б. №10 ind. 10 фунт. .	20 ра	123.00
Пряжа хл. б. №20 ind. 10 фунт. .	„	145.00
Толь	5 кг	1.50
Цементн. бочки по	180 кг	17.00
Дрова, мимоза .	т	12.50
Керосин . . .	банка	9.25
Бензин	„	16.50
Пшеница . . .	100 кг	12.00
Мука I сорт . .	50 „	13.00
Отруби		2.00
Соль в амолье по 900 гм . . .	(за три бруска)	1.00
Соль	100 кг	9.00
Лес строевой .	$м^3$	70.00
Доски красн. $м^3$: 2 см		90.00
$2^1/_2$ см		85.00
3 см		80.00
4 см		75.00
Доски белые		от 70 до 80

Курс талера = 12.25 франков, т. е. примерно талер равняется одному рублю.

(По данным „Courier d'Ethiopie“, 30 XII 1927).

Таблица III

СТОИМОСТЬ ТРАНЗИТА ТОВАРОВ ИЗ АДДИС-АБЕДЫ В ДЖИБУТИ

Товары	
Шкуры сырые бычьи	франк. 195 за тонну
Кожи выделанные	„ 165 „ „
„ бараньи	„ 95 „ „
„ козьи	„ 85 „ „
Кофе Харрари	„ 205 „ „
„ абиссинское	„ 185 „ „
Воск сырой	„ 147 „ „
„ рафинированный	„ 282 „ „

В тариф включены пошлины Франц. Сомали.

(Согласно объявления „Компании Восточной Африки“ в „Courier d'Ethicpie“ от 11 III 1925.)

Таблица IV

ФРАХТЫ НА АБИССИНСКИЕ ТОВАРЫ ИЗ ДЖИБУТИ В ВАЖНЕЙШИЕ ПОРТЫ

Фрахт, во франках, отгрузка из Джибути

Назначение	Кофе т	Воск т	Кожи т	Зерно т	Быки голов	Бараны голов
Порт Саид	120	120	150	100	75	15
Александрия	150	150	200	110	140	25
Марсель	150	150	250	130	—	—
Лондон	200	200	300	160	—	—
Гамбург	200	200	300	160	—	—
Нью-Йорк	300	300	350	—	—	—

(„Courier d'Ethiopie“, от 11 III 1925).

Таблица V

ЦЕНЫ НА АБИССИНСКИЕ ТОВАРЫ В МАРСЕЛЕ (конец 1827 г.)

Товары	
Обезьяны	18—20 франк.
Леопарды сомалийские I сорта	1000 „
„ „ II „	900 „
„ абиссинские I „	950 „
„ „ II „	850 „
Газели, жемчужн. цвета, 100 шкур	45—50 шиллингов
„ рыжеватые, 100 шкур	45—50 „
Кофе Мокка Ходейда № 1, 50 кг.	770—780 франк.
„ Харрари, 50 кг.	735—750 „
Воск абисс.	18. 50, таможенн. пошл. 5.44 за 100 кг
Шкуры бычьи сухие, до 3 кг	1525—1575 франк., 100 кг
„ абиссинск. от 4 до 9 кг	1425—1475 „ , 100 „

Марсель (берег), 6 XI 1927. По данным фирмы Байе („Courier d'Ethiopie", 30 XII 1927).

Таблица VI

ВЫВОЗ АБИССИНИИ В ЦЕННОСТНОМ ВЫРАЖЕНИИ

Статистика вывоза по данным таможни в Аддис-Абебе, опубл. в журн. „Berhan & Salam"

(Год, кончающ. 10 IX 1925).

Товары	Количество	Талеры
Кофе	327 817 фрассел	2 283 723
Шкуры бычьи	435 918 „	1 988 879
Воск	19 653 „	117 921
Кербе (род ладана)	40 „	280
Циветта	43 904 окиетта	87 809

Продолжение

Товары	Количество	Талеры
Слоновая кость	490 фрассел	85 808
Пряности (аземут, корарима)	1 157 „	2 043
Веревки	3 087 „	735
Сало животное	42 „	184
Шкуры козьи	84 694 корридж	842 948
„ бараньи	20 885 „	82 596
„ львиные	7 штук	420
„ леопардовые	10 196 „	97 005
„ гурецца	489 корридж	5 016
„ черных пантер	18 штук	540
„ разные	601 „	1 697
„ doukala, médaquoi	4 419 „	4 420
„ лисьи	577 „	577
„ зебр, диких коз, агацан	14 „	40
„ обезьян разных	149 „	102
„ животных различных	1 052 „	5 026
„ циветт	288 „	432
Перья и страусовые яйца	200 „	153
Кожи змей, зубы и рога различн. животн.	35 „	35
Рога носорогов, быков	534 „	604
Утварь туземн. различн.	47 „	135
Корзины туземные	88 „	89
Кожи выделанные	58 „	41
Щиты и мечи	16 „	8
Предметы культа	28 „	144
Тоги туземные	89 „	304

Продолжение

Товары	Количество	Талеры
Красный перец и лук	497 фрассел	1 416
Масло	170 „	1 322
Мясо сушеное	19 490 „	12 226
Мед	2 таника	123
Маслосемена (нуг, льнян. семя, горчичное семя и др.)	13 813 фрассел	3 334
Дурра и сорго	31 010 „	775
Ячмень	19 800 „	495
Турецкий горох	105 000 „	4 200
Бобы, горох и фасоль	49 100 „	2 314
Пшеничная мука	75 300 „	19 439
Зерно	179 „	311
Чечевица	2 400 „	289
Быки, лошади	70 голов	2 800
Мулы	320 „	12 800
Всего, включая прочие		5 604 801

(„Courier d'Ethiopie“, 16 XII 1925)

Таблица VII

Ввоз в Абиссинию в ценностном выражении по данным таможни в Аддис-Абебе, опубл. в журн. „Berhan et Salam“. (Год, кончающ. 10 IX 1925)

Товары	Талеры
Абугедид (хлопчатобум. ткань)	3 123 949
Тоги	84 076
Хлопчатобумажная пряжа	1 183 641
Дриль и мардур (крашен. хлопчатобум. ткани)	75 320

Продолжение

Товары	Талеры
Дамасс и дурия (хлопчатобум. ткани)	76 242
Хлопчатобум. фата, коленкор и тюль	307 239
Ткань хаки	86 947
Коленкоры индийские	30 893
Красная и черная ткань для подседельников мулов	49 280
Нитки для швейной машины и тесьма	32 446
Иголки различные	10 924
Трикотаж	42 203
Полотно	23 120
Одеяла шерстяные и хлопчатобумажн. (2 385 корридж)	44 201
Шелка	134 146
Покрывала и ковры	42 388
Непромокаемые ткани и одежда	4 439
Мешки джутовые и конопл.	35 649
Клеенка	5 946
Фетровые шляпы	15 319
Обувь разная	11 330
Кожи выделанн. цветные, зеленые и красные	16 747
Зонты	8 070
Мыло	44 938
Соль	88 707
Консервы и другие пищевые продукты	82 286
Сахар	106 344
Ладан, мирра и ароматн. смолы	38 207
Кальяны	3 432
Свечи	9 528

Продолжение

Товары	Талеры
Спички	2 000
Керосин	81 118
Бензин	25 088
Швейные машины	87 811
Автомобили, моторы и мельницы	45 641
Карманные часы и оптика	1 023
Стеклянные изделия	89 639
Фонари	12 098
Эмалированная посуда, чайники и пр.	121 887
Хозяйственные предметы	24 048
Канцелярские принадлежности	48 401
Столярный и плотничный инструмент	11 648
Железо и сталь	130 742
Предметы из меди и алюминия	37 649
Револьверы, ружья, гильзы, капсюли и порох	93 722
Толь и цемент	44 647
Краски, лаки и масла	19 173
Пустые бутылки и склянки	22 381
Вазелин и духи	49 871
Украшения	46 189
Скупные изделия	115 189
Минеральные воды	105 33
Медикаменты	24 239
Свинец и другие металлы	24 617
Всего, включая прочие	6 999 296

(По данным „Courier d'Ethiopie“, 23 XII 1925).

Н. В. ЮШМАНОВ и Т. В. ПРОСКУРЯКОВА

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА АБИССИНИИ

Н. В. ЮШМАНОВ

ЯЗЫКИ АБИССИНИИ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Классификация. Многоплеменное население Абиссинии говорит на различных языках, классификация которых требует привлечения и языков сопредельных с Абиссинией областей, прежде составлявших с ней одно целое.

Языки Абиссинии в широком смысле слова делятся на семитские, хамитские и суданские (негрские). Семитские языки абиссинской ветви делятся на две группы: северную и южную. К северной группе относятся: геэз, тигринья и тигре́. Первый известен также под названием эфиопского, имеет письменность с IV в. н. э., много веков был государственным языком Абиссинии, но уже давно вымер и сохраняется лишь как богослужебный язык абиссинской христианской церкви. Что касается двух других языков, они являются живым продолжением геэза или ближайших к нему говоров и, хотя называются почти одинаково, представляют собою два различных языка, оба со скудной письменностью. К южной группе относятся: амаринья, гафат, аргобба, харари и гураге. Из этих языков важнейшим является первый, более известный под названием амхарского: это — государственный язык современной Абиссинии в узком смысле слова („язык негуса", как выражаются абиссинцы), имеющий небольшую письменность и даже прессу, но в меньшем масштабе, нежели подобает столь важному и распространенному языку.

Хамитские языки абиссинской ветви называются обычно восточнохамитскими или кушитскими.[1] Они делятся на две группы: нижнюю и верхнюю. Нижняя группа распространена преимуще-

[1] Куш — имя одного из сыновей легендарного Хама, сына Ноя, и название страны, нередко упоминаемой в Библии

ственно у побережья Красного моря и содержит языки беджа (он же бедауэ), сомали, ʻафар (он же данкали) и сахо. Верхняя группа содержит языки агавские (билин или богос, ҳамир, квара, авия) и сидамские (гонга, гунза, зенджеро, гуделла, кафа, гимирра, кулло-валамо, аддиту, бамбало). Между обеими группами есть переходное звено — язык галла, очень распространенный в Абиссинии и за ее пределами. От суданских языков лишь скудные остатки — так, кунама и бареа в Эритрее.

2. Происхождение. На основании исследования современных языков Абиссинии и Эритреи можно предположить, что в отдаленные времена вся их территория населялась народностями, говорившими на суданских языках. Приход народностей, говоривших на хамитских языках и занявших господствующее положение на этой территории, привел суданские и хамитские языки ко взаимодействию, т. е. суданские языки к хамитизации, а хамитские языки к суданизации; господствующее положение пришельцев содействовало исчезновению многих суданских языков и усвоению хамитских языков туземцами. Наконец, пришла очередь колонизации абиссино-эритрейской территории выходцами из юго-западной Аравии, подчинившими себе коренное население и распространившими свои говоры (сабейского наречия южноарабского языка) среди этого населения. Столкновение южноарабской речи с речью коренного населения привело к сложному взаимодействию — к семитизации местных языков и кушитизации (не просто к хамитизации, так как хамитские языки были уже суданизованы) южноарабской речи. Однако кушитизация была различна и по количеству и по качеству: речь высших классов, сопротивлявшихся смешению с туземными народностями и обладавших вывезенной из южной Аравии письменностью, дала геэз — настоящий семитский язык с минимальной кушитизацией; речь низших классов, свободно смешивавшихся с туземными народностями и не знавших письменности, дала языки тигринья и тигре́ со средней кушитизацией, довольно сильно отклонившей эти языки от настоящего семитского типа, и амхарский вместе с близкими к нему языками, т. е. южную группу, которая обнаруживает сильную кушитизацию.

3. Изучение. Знакомство европейских ученых с семитскими языками Абиссинии началось в XVI в. (был известен геэз, который ошибочно назывался халдейским; вскоре стал

известен и амхарский). Цели изучения языков Абиссинии европейцами различны. С одной стороны, интерес к практическому изучению современных языков Абиссинии для сношений с туземцами у колониальных чиновников, миссионеров, коммерсантов, офицеров, врачей. С другой стороны, интерес ко всем семитским языкам, проявляемый семитологами и богословами вместе с интересом к литературе и истории Абиссинии; за интересом к семитским языкам следует вполне обычно и интерес к хамитским языкам, родственность которых с семитскими составляет трудную, но притягательную проблему. Этот двусторонний интерес определяет и характер литературы по языкам Абиссинии, выпускаемой европейцами. С одной стороны, научно-исследовательские работы для студентов и ученых, с другой стороны, практические руководства („толмачи") для тех, кто не собирается погрузиться в бездну проблем, возникающих при научном подходе к языкам. Взаимодействие между обоими типами пособий постепенно приводит к новому типу — пособиям, соединяющим в себе теоретические интересы с практическими. Опыты этого типа уже есть, но крайне редко случается, чтобы один и тот же автор имел достаточную теоретическую подготовку и свободно владел языком практически. Какие же языки из вышеперечисленных представляли до сих пор практический интерес для европейцев? Судя по имеющимся пособиям, это из семитских языков — амхарский, тигринья и тигре́; из хамитских языков — галла, сомали и билин; из суданских языков — кунама.

В дореволюционной России языками Абиссинии почти не интересовались; только геэз привлекал к себе внимание, и факультативный курс этого языка читался от времени до времени покойным акад. Б. А. Тураевым. Что касается живых языков Абиссинии, появилось одно печатное произведение по амхарскому языку,[1] но оно настолько бедно материалом и богато ошибками, что пособием для изучения служить не может; автор — небезызвестный политический авантюрист, казачий атаман.

В СССР преподается амхарский язык на Африканском цикле Ленинградского института философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ). Научное исследование языков Абиссинии ведется в Институте языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра (ИЯМ) Академии Наук СССР.

---

[1] Абиссинская азбука и начальный абиссино-русский словарь. Сост. Н. И. Ашинов. СПб., 1888.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ[1]

4. Согласные. В языках Абиссинии смычные согласные имеют обычно три ступени озвончения, т. е. три способа отличить один звук от другого при помощи различной работы голосовых связок: придыхательные глухие p, t, c, k (= русским п, т, ч, к, с легким придыханием); звонкие b, d, j, g (= русским б, д, дж, г); эективные глухие p', t', ts', c', k' (= напряженным и отрывистым п, т, ц, ч, к; при них единовременно со смычкой во рту делается смычка голосовых связок, размыкание же производится выбросом воздуха, заключенного между обеими смычками, и сопровождается резким щелкающим эффектом). Различие двух рядов глухих смычных — придыхательных и эективных (выбрасывательных) свойственно также кавказским языкам; именно абиссинским p, t, c, k соответствуют грузинские პ, ტ, ჩ, კ (= в аналитическом алфавите акад. Н. Я. Марра φ, ϑ, ϑ̣, q), абиссинским же p', t', ts', c', k' соответствуют грузинские პ, ტ, ჭ, ჩ, კ (= аналит. алф. p, t, ṭ, ṭ, k). Вместо ts' можно услышать и ослабленное произношение — s' (без смычки во рту, но со смычкой голосовых связок). В семитских языках Абиссинии эективные согласные заменяют арабские веляризованные согласные, произносимые с приподнятым задом языка и тоже напряженные; поэтому в семитологической литературе и абиссинские и арабские напряженные согласные передаются одинаково посредством знаков с точкой внизу (ṗ, ṭ, ṣ, č̣, ḳ = q). В африканских языках эективные согласные продукт своей выработки: вполне обычны даже в языках Южной Африки, где не было контакта с семитами, но совершенно чужды языкам Северной Африки, где очень древний контакт с семитами. Кроме того, глухие губные смычные (p, p') встречаются во всех положениях только в литературных семитских языках Абиссинии, а в речи народных масс удерживаются лишь между гласными или вовсе заменяются звонким b. Во многих языках Абиссинии наблюдается тенденция к ослаблению смычки после гласных; в таких случаях вместо b, k, k' слышатся щелевые звуки ʋ, x, x', (т. е. губно-губное в, русское x, эективное x = b^h, k^h, q^h). Во многих кушитских языках встречается согласный, произносимый с заворотом кончика

[1] Передается здесь знаками „Практического письма для африканских языков", принятого Международным институтом африканских языков и культур в Лондоне.

языка к небу — ḍ, который после гласных принимает характер одноударного r (передается часто знаками ḍ, ḷ, ṛ; называется ретрофлексным или церебральным). Носовой согласный приспособляется к следующему согласному в слове, принимая его оттенок (nd, ɳḍ, ɲj, ŋg); кроме того, выработался и самостоятельный согласный — среднеязычный носовой вроде русского нь (= ɲ, ñ, ny). Южноарабские шумнолатеральные согласные ŝ, ẑ (вроде сль, зл; семитологи пишут ś, ḍ) сохранялись еще в древнеэфиопском, но уже давно совпали с обычными s, ts'. „Гортанные шумы" — χ или ḫ (вроде храпа), ħ или ḥ (резкий шопот), ʕ или ʿ (сдавленный голос), h (придыхание) сохраняются лишь в немногих языках (тигринья, тигре́, сомали, сахо, ʿафар), а в большинстве языков единственным гортанным шумом является h; в амхарском же и оно часто исчезает.

При палатализации (смягчении) переднеязычных согласных t, d, t', ts', s, z, n, l под влиянием следующих среднеязычных звуков i, y (= русским и, й) получаются на месте шумных шипящие c, j, c', ʃ, ʒ (= мягким чь, джь, чь, шь, жь; у семитологов č, ǧ, č̣, š, ž), а на месте сонорных n, l тоже сонорные ny, y; по поводу последнего сравни французское „l mouillé" (billiard = = biyár, mitrailleuse = mitrayö́z, taille = tay). Сочетания заднеязычных k, g, k', χ с круглогубными звуками u, w (= белорусским у, ў) перерабатываются в лабиализованные (с округлением губ) согласные kw, gw, kw', χw (в семитологической литературе k^w, g^w, q^w, $ḫ^w$), которые стоят перед плоскогубными гласными: kwa, kwe, kwi... В амхарском встречаются лабиализованные формы почти всех согласных, но только перед a (так, даже лабиализованные губные: bwa, mwa, fwa = b^wa, m^wa, f^wa).

5. Гласные. В языках Абиссинии встречаются главным образом гласные i, e, ɛ — ə, a — u, o, ɔ. Из них e, o — гласные с узким началом (собственно ^{i}e, ^{u}o); ɛ, ɔ — широкие гласные, передаваемые нередко знаками ä, å; ə — гласный типа ы, но ближе к украинскому, чем к русскому произношению. Оттенки гласных меняются под влиянием окружающих согласных; особенно колеблется произношение ɛ, ə (последнее напоминает i, когда находится при палатализованных, но u или ü при лабиализованных, напр.: Amarənya = Amarinya, Gwərage = Gurag^{i}e). Отметим еще, что гласный ɔ не является фонемой (самостоятельной звуковой единицей), но лишь заместителем гласного ɛ

при лабиализованных; после гортанных шумов заместителем ɛ является a, давно уже совпавшее с обыкновенной фонемой a.

Развитие гласных в семитских языках Абиссинии происходило путем переработки южноарабских количественных отношений в качественные (вплоть до стяжения дифтонгов [двоегласных] в монофтонги [одногласные]):

южноарб.	ă	ĭ	ŭ	ā	ī	ū	ay	aw
→ абисс.	ɛ, a, ɔ	ə		a	i	u	ⁱe	ᵘo

Нельзя сказать, что количественная разница совсем утрачена — гласные ɛ, ɔ, ə всегда кратки и поныне; гласные a, ⁱe, i, ᵘo, u бывают теперь трех количеств: долгими в ударном слоге, полудолгими в неударном открытом и краткими в неударном закрытом (или даже в ударном перед двойным согласным). Таким образом, количественная разница физически существует, но лишь в обусловленном положении, и не выражает смысловой разницы, каковая всецело связана с качественной разницей семи фонем (считая ɛ, ɔ за одну фонему — бывшее ă, когда оно не после гортанного).

Из важнейших изменений, претерпеваемых гласными или связанных с гласными, назовем следующие:

1) Абсорпция или поглощение звука звуком. В амхарском сочетания переднеязычных согласных с гласным i стремятся к перерождению в один среднеязычный звук. Тут гласный, вызвавший палатализацию, сам поглощается палатализованным согласным; напр. ant-i ʻты' (жен.) → anci || anc; azzaz-i ʻраспорядитель; старший судья' → azzaʒ; gᵊdal-i ʻубийца' → gᵊday. В харари и подчас также в амхарском наблюдается поглощение согласных гласными, причем процесс охватывает главным образом сочетания гласных с губными согласными или с l; напр., геэз əbn || харари un ʻкамень'; амх. səmmənt || харари sut ʻвосемь'; геэз kəl'etu, амх. hulᵊt || харари kot ʻдва'; геэз sᵊlastu || амх. sost, харари ʃiʃtí ʻтри'. Явление обычно в южноарабском наречии шҳаури.

2) Эпентеза или облегчение трудного сочетания согласных прибавкой вспомогательного гласного. В языках Абиссинии эпентеза наблюдается главным образом перед согласным r (хотя это один согласный, а не сочетание, но он образуется дрожанием кончика языка и потенциально равносилен сочетанию ɹɹ или ɹɹɹ, если условно обозначим каждый удар кончика языка

перевернутой буквой r); напр. амх. ras || əras ʻголова; князьʼ, rəsas || ərsas[1] ʻсвинец; карандашʼ. Явление хорошо известно и в других языках, напр. в древнегреческом (напр. erythrós ʻкрасныйʼ при слав. рудый, нем. rot, англ. red, откуда Erythræa ʻЭритрея, Красноморьеʼ).

3) Внутренняя флексия или мена гласных внутри основы. Семито-хамитские языки вообще известны богатым развитием этого явления, которое особенно часто наблюдается в их словообразовании, спряжении и множественном числе имен (об этом см. §§ 9 и 12). Мена гласных внутри основы происходит либо от редукции (качественного и количественного сокращения) гласных в неударном слоге, либо от внедрения внешней флексии внутрь основы. Примеры первого пути — множественное число, образуемое многими хамитскими языками, путем полного или частичного повтора. Примеры последнего пути чаще в семитских языках; в диалекте мухер языка гураге можно наблюдать живой процесс внедрения в быстрой речи: χə́nnamu ʻониʼ → (в быстром произношении) χə́nnaum; á̰χəmu ʻвыʼ → (в быстром произношении) á̰χum.

6. Слог и ударение. Общей чертой языков Абиссинии является стремление избегать скопления согласных. Большинство языков не допускает двух согласных подряд в начале и в конце слова, а также больше двух согласных подряд внутри слова. Меньшинство языков допускает скопление двух согласных в начале и в конце слова, но с известными ограничениями; так, амхарский довольно свободно допускает в конце слова два согласных, напр. habt ʻдарʼ, aʼənt ʻкостьʼ, nɛfs ʻдушаʼ, но вставляет вспомогательный гласный в сочетание, кончающееся сонорным согласным, напр. mədər земля (= при чтении эфиопского текста: mədr), и колеблется, если сочетание кончается губным, напр. həzb || həzəb ʻнародʼ; напротив, языки тигринья и харари не допускают двусогласного конца и облегчают его прибавлением -i, напр. habtí ʻдарʼ, nɛfsí ʻдушаʼ, mədrí ʻземляʼ, çasʼmí ʻкостьʼ. Старый семитский принцип „нельзя начать слог с гласного“ теперь недействителен, что показывают стяжения на стыке слов, напр. амхарское band kʼɛn ʻоднажды' из bɛ-and kʼɛn ʻв один

---

[1] Не следует думать, будто здесь перестановка звуков (rə → ər), так как ras || əras показывает, что дело в раскатах r и что гласный ə содержится в самой артикуляции r. Отметим еще, что амх. r не поддается палатализации, напр., azmari ʻшутʼ при azmac (= azmat-i) ʻгенералʼ.

день'. Вообще зияние (стык двух гласных подряд) избегается, и при исчезновении согласного между гласными происходит стяжение, напр. в амхарском s'ɛhay || t'ay 'солнце' (первое — книжного характера, последнее — народное с обычной меной s' → t' и пропуском гортанного).

Ударение в языках Абиссинии производится более слабым выдыхом, чем по-русски. Лишь в меньшинстве языков оно прикреплено к одному слогу (так, в тигринья всегда на последнем слоге); в большинстве языков оно свободно и не поддается обобщению в правила. Свободное ударение заключается в том, что отдельно взятое слово имеет равномерно распределенный выдых (т. е. все слоги слова одинаково ударны или, если угодно, неударны), напр. амхарское abɛba 'цветок'=áʊéʊá, но в предложении выступают различные логические и эмоциональные ударения, которые особо выделяют тот или иной слог слова (áʊɛʊa, aʊéʊa, aʊɛʊá — вроде русского: на́ гору, на го́ру, на гору́). Едва ли ошибемся, если скажем, что в таких языках есть стремление свести ударение к концу слова. Однако закрепление ударения за определенным слогом в определенном типе словообразования в некоторых языках встречается и объясняется тем, что ударение приобрело смыслоразличительную ценность (как по-русски в словах вроде му́ка || мука́, ру́ки || руки́); так, в сахо женский род отличается от мужского переносом ударения на конец, напр. okólo 'осёл' || okoló 'ослица', bállo 'свекор' || balló 'свекровь', adámto 'мужчина' || adamtó 'женщина'.

В амхарском языке слабость ударения часто возмещается вторичным удвоением согласного внутри слова; это удвоение, однако, не смысловое и не во всех случаях постоянно: напр. Addam 'Адам', amməst 'пять', nɛggɛsɛ 'править'.

* * *

СТРОЙ РЕЧИ

7. Порядок слов в предложении. Современные языки Абиссинии и Эритреи строят предложение по схеме: субъект, объект, глагол (в предложении без глагола соблюдается схема: субъект, предикат, связка). Родительный падеж стоит перед словом, к которому относится. Вместо предлогов — пос-

лелоги. Придаточное предложение перед главным. Прямая речь перед глаголом говорения. В общем — всё управляемое ставится перед управляющим. Разумеется, в отдельных языках бывают отклонения от этой схемы, но она является преобладающей и ведущей именно в том виде, как мы ее показали. Напротив, геэз сохранил обычную семито-хамитскую схему — всё управляемое следует за управляющим. В глагольном предложении предпочитается схема: глагол, субъект, объект; в именном предложении: субъект, связка ('он, она, они'), предикат. Родительный падеж после слова, к которому относится. Предлоги, а не послелоги. Придаточное предложение после главного. Прямая речь после глагола говорения. Для иллюстрации диаметральной противоположности новоабиссинского и обычного семито-хамитского порядка слов и предложений сравним русский буквальный перевод тех и других оборотов:

Новоабиссинский порядок	Семито-хамитский порядок
1) Человек воду пьет.	1) Пьет человек воду.
2) Брат друг есть.	2) Брат (есть) друг.
3) Отца дом.	3) Дом отца.
4) Чего ради.	4) Ради чего.
5) Посетить чтобы, пришел.	5) Пришел, чтобы посетить.
6) „Хорошо“, сказал.	6) Сказал: „хорошо“.

Можно прибавить, что большинство новоабиссинских языков ставит прилагательное перед существительным („новый дом“), а семито-хамитские языки наоборот („дом новый“), но прилагательное в таких случаях занимает место родительного падежа, каковым падежом очень часто и заменяется („абиссинское войско“ = „войско Абиссинии“). Большинство новоабиссинских языков выражает отрицание при глаголе двумя частицами — одна перед глаголом, другая после глагола; однако эта черта вполне обычна для живых арабских диалектов и вовсе не чужда семито-хамитским языкам вообще, но она не везде одинаково развита.

Особенность порядка слов и предложений в современных языках Абиссинии и Эритреи уже давно разъяснена в научной литературе как пережиток подпочвы — суданских языков. Нужно только добавить, что большинство суданских языков является языками аморфного строя, где грамматические отношения вы-

ражаются местом слова в предложении, а самые предложения следуют друг за другом безо всякой связи — просто по ходу мысли. В таких языках нормальный порядок слов в предложении имеет схему: субъект, глагол, объект („человек пьет воду“; но, учитывая отсутствие формальной разницы между глаголом и именем в аморфных языках и обычное выражение родительного падежа в этих языках расстановкой типа „отца дом“, мы можем перевес.и также: „человека питье — вода“). Меньшинство же суданских языков достигло следующей стадии развития — аглютинирующего строя, где грамматические отношения выражаются приставками, формальная разница между глаголом и именем налична в полной мере, нормальный порядок слов в предложении стал иным (субъект, объект, глагол — „человек воду пьет“ или собственно „человек воды питье делает“), и между предложениями наладилась связь, воспроизводящая ту же схему, которая бытует внутри предложения, т. е. всё управляемое перед управляющим. Семито-хамитские языки достигли дальнейшей стадии развития — флективного строя, где грамматические отношения выражаются не только порядком слов и частицами, но также изменениями внутри основы, которая на предыдущих стадиях развития остается неизменяемой („мру, умер, мор“ с общим корнем *мр*, „везу, воз“ с корнем *вз* и т. д.). Этот строй дает возможность весьма свободного порядка слов, чем геэз пользуется чаще остальных древних семитских языков; однако некоторые элементы речи прочно закрепляются в отведенных им местах, и это сказывается на развитии семитских языков в Абиссинии. Переменив свой старый порядок слов на новый, эти языки сохранили предлоги (правда, только важнейшие) и предложную постановку так наз. nota relatiōnis (относительное местоимение ʿкоторыйʾ, используемое также в качестве частицы родительного падежа следующего имени); напр. геэз bet *zɛ*-nəgus ʿдом царяʾ (буквально ʿдом, который царяʾ, или ʿдом, что царяʾ) = амх. *yɛ*-nəgus bet.

Теперь познакомимся с толкованием вышеупомянутых особенностей строя речи современных абиссинцев современной же итальянской наукой: „Можно сказать, что слово, морфология, самое простое и непосредственное орудие, чтобы выразиться, осталось семитским; способ же рассуждать, сочетать слова и фразы, ум, наоборот — интеллектуально менее развитой расы“. Так говорит один из крупнейших семито-хамитологов Италии —

К. Конти-Россини.[1] Итак, современные абиссинцы, переложив семитскую морфологию на агглютинирующий синтаксис, оказался умственно недоразвитой расой. А как же турки и японцы, которые выражаются совершенно таким же агглютинирующим строем?! Однако итальянцы не считают их недоразвитыми.

8. Род и класс. Языки Абиссинии различают два рода — мужской и женский, как и прочие семито-хамитские языки. Для названий одушевленных существ грамматический род совпадает с полом; названия же неодушевленных предметов допускают свободное колебание между мужским и женским родами, образуя так наз. общий род. Однако употребление названия неодушевленного предмета с согласованием по мужскому или женскому роду может вносить некоторые смысловые различия; обычно в таких случаях мужской род придает увеличительность, а женский род уменьшительность, что напоминает именные классы, свойственные многим африканским языкам и когда-то существовавшие в семито-хамитских языках.[2] Изредка бывают случаи употребления рода, совершенно противоположные употреблению старых семитских языков; напр., тигринья имеет s'ɛħáy 'солнце' в мужском роде, а wɛrəχí 'луна' в женском роде, тогда как у древних семитов солнце было богиней, а луна богом. Согласование по роду сохраняется у глагола и местоимения, редко у прилагательного.

9. Выражение числа. Языки Абиссинии различают лишь единственное и множественное числа; двойственного числа, обычного для старых семитских языков и даже для живых арабских диалектов, не сохранил уже геэз. Что касается образования множественного числа, языки геэз, тигринья и тигре́ сохраняют обычное для южносемитских языков сосуществование множественного разделительного, выражаемого окончаниями (мужское -án, женское -át) и множественного собирательного, выражаемого богатой коллекцией флективных типов

---

[1] P. Mauro da Leonessa. Grammatica analitica della lingua tigray (=тигринья). Con prefazione del P. G. Schmidt e con introduzione del C. Conti-Rossini, Roma, 1928, p. XI.

[2] Все языки, имеющие симметричные местоимения 'кто' (класс лиц) и 'что' (класс вещей), предполагается, пережили эпоху именных классов. В семито-хамитских языках оба местоимения имеют общий корень M: арб. man 'кто' || mā 'что', геэз mɛnnu 'кто' || mənt 'что', амх. man 'кто' || mən 'что', в берберских языках ma одинаково 'кто' и 'что'.

(напр. nəgus ʻцарьʼ ⟷ nɛgɛst ʻцариʼ; gɛmɛl ʻверблюдʼ ⟷ agmal ʻверблюдыʼ; bəħer ʻземляʼ ⟷ bɛħawərt ʻзе́млиʼ). Смысловая разница между обоими средствами выражения множества давно уже стерлась,[1] и в южной группе семитских языков Абиссинии победило более простое средство — окончания; при этом разница между мужским и женским окончаниями, стиравшаяся уже в геэзе (напр. kahən ʻсвященникʼ, мн. kahənát), вообще исчезла, и универсальным окончанием, годным для всех случаев, оказалось женское -at, принявшее в харари форму -ac || -aʃ, в амхарском -oc. На ряду с этим господствующим способом допускаются некоторые архаизмы книжного или официального характера, но всегда можно использовать и господствующий способ, напр. в амхарском: nɛgɛst и nəgusoc ʻцариʼ, mɛmhəran и mɛmhəroc ʻучителяʼ. Кроме того, в амхарском есть оригинальный флективный тип с повтором предпоследнего согласного, напр. mɛlkam ʻпрекрасныйʼ, мн. mɛlkakam (сравни wəndɛm ʻбратʼ, мн. wəndɛmamac). В кушитских языках выражение множества весьма разнообразно: одни языки изобилуют формами, другие ими бедны. Вообще можно различить два принципа: повтор и окончание. Полный повтор имени для выражения множества редок; значительно чаще находим повтор последнего согласного с какой-либо огласовкой (напр. сахо af ʻротʼ, мн. áfof; bol ʻвысотаʼ, мн. bólal), а для более длинных имен повтор заменяется огласовкой, перенесенной из повтора коротких имен (напр. сахо agáb ʻгрехʼ, мн. ágob; gomól ʻстволʼ, мн. gómal). В качестве окончаний встречаем те же -n и -t, что в семитских языках (напр. галла sarey ʻсобакаʼ, мн. sarōn, sarōta, sareyn, sareyyi...), а также особые окончания, из которых приведем -á (напр. сахо abír ʻвеликанʼ, мн. abirá) и -ó (напр. галла в составных окончаниях -ōn, -ōta; реже просто ǒ). В некоторых кушитских языках, так в сомали и сахо, различаются множественное собирательное и множественное разделительное; напр. сахо adám ʼчеловекʼ, мн. соб. adámum ʻлюдиʼ, мн. разд. adámtit ʻчеловекиʼ.

10. Выражение падежа. Именительный падеж в большинстве языков Абиссинии неоформлен, представляя чистую основу, но в кушитских языках именительный падеж может принимать особое окончание (сомали -ba || -wa, сахо -í, галла

---

[1] Для разделительности геэз образует форму на -at от множественного флективного образования, напр. dɛbr ʻгораʼ, мн. соб. adbár, мн. разд. adbarát.

-ni, -n или -i, кафа -y); эта особенность напоминает эргатив или активный падеж других языков, напр. кавказских. Упомянутые окончания несомненно местоименного происхождения (ʿон', ʿтот', ʿкоторый' . . .). Звательный падеж может выражаться прибавлением междометия ʿo!', которое обычно ставится в конце имени, напр. амх. lij *hoy* ʿo, сын!', сахо sáħeb-*o* ʿдруже!', галла náma-*na* ʿo, человек!'. Родительный падеж выражается проще всего контактом имен, причем в большинстве языков владелец предшествует владению (напр. харари amir ç̣askar ʿэмира войско', сахо farás báç̣ela ʿлошади хозяин, всадник'), в меньшинстве языков наоборот (напр. тигре́ ç̣askar amir ʿвойско эмира', галла abā fārda ʿхозяин лошади, всадник'). В геэзе, кроме такого же простого контакта, был еще оборот status constructus: владелец ставится в винительном падеже (= русскому творительному при глаголе „быть"), а владение следует за ним без оформления; этот оборот сохранился во многих книжных элементах живых языков, напр. в собственных именах, как Haylɛ-Səllase, Tɛklɛ-Hawaryat, Gɛbrɛ-Maryam, в титулах, как nəgusɛ-nɛgɛst и т. д. (геэз χayl-ɛ ŝəlase ʿмощь троицы', tɛklɛ- ħawaryat ʿрастение апостолов', gɛbr-ɛ Maryam ʿраб Марии', nəguŝ-ɛ nɛgɛŝt ʿцарь царей'). Есть еще способы выразить родительный падеж: относительное местоимение ʿкоторый' (геэз zɛ, амх. yɛ см. § 7, к концу); притяжательное местоимение ʿего, ее, их' (напр. харари sult'an gar-*zo* ʿсултан, дом *его*' = ʿдом султана'); слово ʿимущество, владение' (напр. тигринья *nay*-nəgús bet ʿцаря дом', где nay из nəwáy ʿимущество'). Для дательного и винительного падежей, которые в ряде языков вообще совпадают, также вырабатываются различные средства выражения; в амхарском языке дательный падеж выражается семитским предлогом lɛ- ʿк', а винительный при определенности имени окончанием -n, при неопределенности вовсе не оформляется (см. образец текста, § 14). Во многих языках выработался артикль (определенный член) — либо из указательного местоимения (напр. сахо -i), либо из местоимения 3-го лица (геэз, амхарский и др.; напр. Kənf-*ú* [муж. р.], T'ay-*itú* [жен. р.] — собственные имена из нарицательных kənf ʿкрыло', t'ay || s'ɛhay ʿсолнце').

11. Породы глагола. Как в семитских, так и в хамитских языках глагол образует немало производных форм, выражая изменение основного действия или состояния в отношении качества, количества или направления. Формальными средствами

для выражения породы бывают: 1) повтор корня или его части, сводящийся в дальнейшем развитии к удвоению согласного; 2) удлинение гласного в основе; 3) приставки. Местонахождение приставок различно по языкам. В семитских языках имеем префиксы, из которых в редких случаях возникают инфиксы (напр. арабское ijtámaçū ʿони собрались' вместо *ta-jámaçū ʿсебя собрали' от корня JMç ʿсобирать'). В хамитских же языках расположение приставок свободнее, что знаменует более старую стадию развития; одна и та же приставка встречается то как префикс, то как суффикс, то как префикс и суффикс единовременно в том же слове — это так наз. конфикс, напр. в берберском t-agmar-t ʿкобыла' от agmar ʿжеребец', где женский показатель и префигирован и суффигирован. В языках Абиссинии наблюдаются те же породы, что и в прочих семито-хамитских языках; в семитских языках сохраняется в основном старая семитская система пород — участительная или итератив с повтором второго согласного, принудительная или каузатив (как „поить, садить" от „пить, сидеть") с префиксом a- или as- и возвратная или рефлексив, заменяющая страдательный залог, с префиксом t-; все три принципа могут соединяться, образуя сложные породы (напр. каузатив-рефлексив вроде „садиться", т. е. „заставить [кауз.] себя [рефл.] сесть [основн.]"). В хамитских языках Абиссинии преобладает суффиксальное образование пород, но некоторые из этих языков допускают все три положения приставок: префиксальное, суффиксальное и конфиксальное; так, сахо имеет: 1) итератив с повтором, напр. ḍah ʿговорить' → ḍaḥḍah ʿболтать'; 2) каузативы с приставками i || y или s || ʃ; 3) рефлексивы с приставками t или m || n. Всё это богатство размножается путем соединений приставок до баснословных и непревзойденных пределов, а каузативная приставка s || ʃ может еще повторяться (это ведь глагол is || iʃ ʿделать') до трех раз. Приведем примеры, не принимая на себя мудреной задачи перевести их по-русски, от глаголов katab ʿписать' (заимствован с арабского) и ab ʿделать' (свой):

1. Простой каузатив двойного рефлексива: m-as-ta-katab, ab-ʃ-it-im
2. Двойной „ „ „ m-as-ta-katab-iʃ, ab-ʃ-it-im-iʃ
3. Тройной „ „ „ m-as-ta-katab-ʃ-iʃ, ab-ʃ-it-im-ʃ-iʃ

Несмысловое вторичное удвоение в амхарском (§ 6, конец) привело к тому, что удвоенный второй согласный в основе

глагола не стал отличать итератива от простого глагола, который принял тип nɛggɛrɛ вместо прежнего nɛgɛrɛ; поэтому образовался новый итератив типа nɛgággɛrɛ.

12. Принципы спряжения. Семито-хамитские языки различают два вида — совершенный и несовершенный; первый выражает законченное действие, факт, и чаще всего соответствует прошедшему времени других языков; последний выражает незаконченное действие, процесс, и может соответствовать как настоящему, так и будущему времени других языков. Однако оформление обоих видов представляет немало разнообразия в каждой группе этих языков, и поэтому немудрено, что в науке существует много теорий происхождения семитского или вообще семито-хамитского глагола. Большинство исследователей в настоящее время полагает, что префиксальная форма семито-хамитского спряжения древнее, чем суффиксальная. Это тем более вероятно, что в предложении аморфного строя субъект стоит перед словом, выражающим глагольное понятие („человека питье — вода“ = „человек пьет воду“), откуда в дальнейшем развитии глагол с субъектным префиксом. Эти префиксы совпадают во всех семито-хамитских языках (за вычетом единичных языков, не применяющих префиксального спряжения, как египетский, и единичных перестроек, не затрагивающих самой сути системы). Система субъектных префиксов такова: a- ʿя'; ta- ʿты, вы; она'; ya- ʿон, они'; na- ʿмы'. Недостающие уточнения могут быть прибавлены в виде суффиксов; так, ʿвы' и ʿони' отличаются от ʿты' и ʿон' показателем множества в конце глагола, женское ʿты' может отличаться от мужского ʿты' показателем женского рода опять-таки в конце глагола. Далее путем особых приставок в одних языках или путем перемены гласных в других языках образуются разные наклонения. В семитских языках префиксальное спряжение выражает несовершенный вид (имперфект), для выражения же совершенного вида (перфекта) эти языки применяют суффиксальное спряжение, легко разложимое на именную основу и субъектное местоимение в виде плотно прилегающего суффикса (в третьих лицах классовые, они же родовые, показатели — как в русском прошедшем времени „был-ъ, был-а, был-и“). В хамитских языках оба вида выражаются в сущности тем же самым префиксальным спряжением, но с различной огласовкой (либо префикса, либо основы, либо обоих — смотря по языку). Разница

огласовки сводится: 1) к передаче временных представлений пространственными в звуках (настоящее и незаконченное ʿздесьʾ, а прошлое и законченное ʿтамʾ — ручная речь, жест, воплощается в звуковую речь; понятие ʿтамʾ в хамитских языках = i, сравни хауса (З. Африка) уа tafí ʿон ушелʾ ⟷ уа tafo ʿон пришелʾ); 2) к качественному и количественному сокращению (редукции) неударенного гласного. Приведем образцы префиксального спряжения сахо (совпадает с ʿафар):

Имперфект		Перфект	
ā	— говорю [1]	ē	— я сказал, -а
tā	говоришь	tē	ты сказал, -а
yā	говорит (он)	yē	он сказал
tā	говорит (она)	tē	она сказала
nā	говорим	nē	мы сказали
tān	говорите	tēn	вы сказали
yān	говорят	yēn	они сказали

Имперфект		Перфект	
alikē	— посылаю [2]	ilikē	— я послал, -а
talikē	посылаешь	tilikē	ты послал, -а
yalikē	посылает (он)	yilikē	он послал
talikē	посылает (она)	tilikē	она послала
nalikē	посылаем	nilikē	мы послали
talikin	посылаете	tilikin	вы послали
yalikin	посылают	yilikin	они послали

Показатель множества -n нам уже известен (§ 9). Окончание -ē является показателем изъявительного наклонения (индикатива);[3] другое наклонение — сослагательное (субъюнктив) имеет показатель -о, напр. alako ʿчтобы я послалʾ. Но в сахо часть глаголов, а в галла и многих других кушитских языках все глаголы, спрягаются суффиксально. Так ли построено суф-

---

[1] В языках Абиссинии глагол ʿговоритьʾ является вспомогательным, как ʿбытьʾ и ʿделатьʾ в других языках. Вместо *á-a, á-i получается стяжение ā, ī.

[2] Основа lak (геэз lɛ'ak-, тигре́ lakɛ). Вместо *a-lak имеем alik, вместо *a-i-lak имеем ilik.

[3] В агавских языках индикатив тяжеловеснее; напр. в языке билин wás-a-kun ʿслышуʾ, wás-e-γun ʿя услышал, -аʾ. В сидамских языках подобные добавки идут еще дальше. Намечается связь добавок с указательными местоимениями.

фиксальное спряжение кушитских языков, как подобное спряжение в семитских языках? Выдающийся немецкий семитохамитолог Ф. Преториус (Fr. Praetorius) давно показал, что кушитское суффиксальное спряжение самобытно и образовано из именно́й основы и вспомогательного глагола простейшего типа (для сахо мы привели его выше). Сравним образцы суффиксального спряжения сахо и галла:

Сахо

Имперфект		Перфект	
ab-ā	делаю	ab-ē	я сделал, -а
ab-tā	делаешь	ab-tē	ты сделал, -а
ab-ā	делает (он)	ab-ē	он сделал
ab-tā	делает (она)	ab-tē	она сделала
ab-nā	делаем	ab-nē	мы сделали
ab-tān	делаете	ab-tēn	вы сделали
ab-ān	делают	ab-ēn	они сделали

Галла

Имперфект		Перфект	
bar-a	изучаю	bar-ey	я изучил, -а
bar-ta	изучаешь	bar-tey	ты изучил, -а
bar-a	изучает (он)	bar-ey	он изучил
bar-ti	изучает (она)	bar-tey	она изучила
bar-na	изучаем	bar-ney	мы изучили
bar-tu	изучаете	bár-tani	вы изучили
bar-u	изучают	bár-ani	они изучили

Разница невелика: структура сахо, вообще говоря, прозрачнее. В обоих языках -у- третьих лиц выпало (*ab-yā, ab-yē, bar-ya, bar-yey; *ab-yān, ab-yēn, bár-yani). У галла в имперфекте заметна стертость окончаний -ti, -tu, -u (вероятно, -ti вместо *-(t)ati, сравни билин wás-ɛ-ti ʿона слышитʾ, was-ti ʿона услышалаʾ; -tu, -u из *-tã, -yã с носовым гласным?). Зато перфект галла прекрасно сохранил первоначальное оформление -tan-i, *yan-i, т. е. первоначальный безразличный вид (ставший несовершенным) плюс окончание -i ʿтамʾ или ʿтудаʾ, как жест прошедшего времени или законченности. В сахо имеем уже стяжение *ai → ē. Спряжение этого строя (имя + вспомогательный глагол)

распространено в самых разных языках, не исключая и индоевропейских языков: наши „дел-а-ю, дел-а-ешь, дел-а-ет . . . “ этого же строя.

Постепенный переход кушитских языков от префиксального спряжения к суффиксальному правильно поставлен французским семито-хамитологом М. Кохеном (M. Cohen) в связь с порядком слов в кушитских языках (управляемое перед управляющим). Заметим, что показатель породы всегда плотно примыкает к основе, следуя за показателем спряжения в префиксальном типе, но предшествуя ему же, т. е. вспомогательному глаголу, в суффиксальном типе, напр. сахо na-*s*-kutub-ē ‘мы заставляем написать’, но ab-*is*-nā или ab-*i*ʃ-nā ‘мы заставляем сделать’. Это показывает, что в эпоху соприкосновения хамитских языков с суданскими в Абиссинии состав глагола был вполне живым в сознании говорящих, т. е. отдельные элементы еще сохранили свою самостоятельность и могли переставляться (иначе возникло бы **s*-ab-nā вместо ab-*is*-nā или даже вообще не было бы суффиксального типа, а был бы префиксальный *na-*s*-aƀ-ē). Совсем не то наблюдается в семитских языках Абиссинии. Здесь еще до соприкосновения с кушитскими языками состав глагола представлял мертвую схему, отдельные элементы которой не обладали уже никакой самостоятельностью и не могли п реставляться. Приведем для образца спряжение глагола NGR ‘говорить’:

	Геэз		Амхарский	
	Имперфект	Перфект	Имперфект	Перфект
Я	ə-nᵉgər	nɛgér-ku	ə-nᵉgər	nɛggér-hu
Ты (м.)	tə-nᵉgər	nɛgér-kɛ	tə-nᵉgər	nɛggér-h
Ты (ж.)	tə-nɛ ə́r-i	nɛgᵉr-ki	tə-nᵉgr-i	nɛggér-ʃ
Он	yə-nᵉgər	nɛgᵉr-ɛ	yə-nᵉgər	néggɛr-ɛ
Она	tə-nᵉgər	nɛgér-ɛt	tə-nᵉgər	néggɛr-ɛc
Мы	nə-nᵉgər	nɛgér-nɛ	ənnə-nᵉgər	nɛggér-nɛ
Вы	tə-nɛgə́r-u	nɛgɛr-kə́mmu	tə-nᵉgr-u	nɛggɛr-áchu
Они	yə-nɛgə́r-u	nɛgᵉr-u	yə-nᵉgr-u	néggɛr-u

Женские формы 2-го и 3-го лица множественного числа (окончание -а в обоих видах), которыми обладал геэз, в амхарском исчезли. Перфект имеет формы на -k- в южноарабском, но -t- в северноарабском, еврейском и арамейском языках (арб.

katáb-ta, евр. kɔtáb-tɔ, арам. kətáb-t ʻты написалʼ). Амхарское -ác(ə)hu занесено в глагол из имени, представляя соединение множественного *-at (§ 9) с суффиксом *-kum ʻваш, васʼ, между которыми было связующее -i- (как в геэзе, где только не -kum, а - kəmmu), т. е. форма *-at-i-kum; в тигринья есть суффиксы -atkúm и -katkúm ʻвашʼ.

Под кушитским влиянием амхарский глагол часто дополняется вспомогательным глаголом allɛ ʻбытьʼ, напр. tə-nəgr-y-állɛ-ʃ ʻты, женщина, говоришьʼ; nɛgr-ɛ-n-ál ʻмы сказалиʼ (из деепричастия nɛ́gr-ɛ-n ʻговорением нашим; мы, говоряʼ).

13. Образец кушитского текста. Для иллюстрации строя кушитских языков приведем небольшой текст на языке сахо с подстрочным буквальным переводом — начало одной сказки, записанной австрийским семито-хамитологом Л. Рейнишем (Leo Reinisch):

Текст

Numā ke bāçela yinīn yēn. Nabā bā́da, endā badā, umbakā
Жена и муж были де.[1] Большой сын, малая дочь, совсем
endā bā́da li yinīn yēn, ay numā ke bāçela. Ay nabā bedi
малый сын у них были де, этих жены и мужа. Этот большой сын[2]
lā yādigilē yēn, endā badā rugagē á́ka tābidē yēn. Ay saçalā
коров доит де, малая дочь телят ему отгоняет де. Эта сестра
á́da maçētyā kitinē yēn, ay te nabá́ saçā́l mángum te yikhenē
лицом красивая была де, этот ее большой брат очень ее полюбил
yēn téya yā́budo téyad kuluçē yēn, amā gēd han bādód yādigilē
де, ее видел чтобы, на неё смотрел де, то время молоко наземь доит
yēn.
де.

Свободный перевод

Жили-были муж и жена. У них было трое детей: взрослый сын, дочь поменьше и совсем маленький сын. Когда старший сын доил коров, сестренка отгоняла от него телят. Девочка была хорошенькой, и старший брат полюбил ее; когда же он

---

[1] Yen ʻсказалиʼ (см. § 12, таблицу спряжения сахо). Выполняет в рассказе функцию латинского или немецкого конъюнктива, подчиненного зачину: „Рассказывают ...“ или „Довелось нам слышать ...“.

[2] Регрессивная ассимиляция (Umlaut) вместо bad-í, где —i играет роль необязательного определенного члена, подчеркивая существительное в роли субъекта (см. § 10).

глядел на нее, чтобы полюбоваться, то доил мимо и молоко лилось на землю.

14. Образец абиссино-семитского текста. Для иллюстрации строя современных семитских языков Абиссинии приведем небольшой анекдот на амхарском языке с таким же аппаратом, как в предыдущем параграфе. Текст записан крупнейшим итальянским семито-хамитологом И. Гвиди (I. Guidi):

Текст

Húlɛt nɛgɛrɛnyóc nébbɛru. Andú bɛ-fít mar sétt'a, hulɛtɛnyáw
Два тяжущихся были. Один вперед мед дал, другой же

bɛk'əló sétt'a. Bɛ-mm-imwággɛtu-b-ét k'ɛn azzáʒ lɛ-balɛ bɛk'əló
мулицу дал. В который они судят об этом день судья для хозяина мулицы

férrɛdɛ. Mar yɛ-sétt'a: „Getayén marún mən agényɛ-b-əny?" álɛ.
решил. Мед кто дал: „Г-на моего Мёда что навело против меня?" сказал.

Azzaʒú s-iméllәs: „Yan már-əh-ən bɛk'əló rɛgt'á sébbɛrɛc-əw!" álɛ.
Судья же, отвечая: „Тот мед твой мулица лягнув разбила его!" сказал.

Свободный перевод

Было двое тяжущихся. Один из них дал взятку медом, другой мулом. В день разбирательства судья решил дело в пользу владельца мула. Давший мед спросил: „Что склонило моего медоточивого господина не в мою пользу?". В ответ на этот намек судья сказал: „Мул лягнул, и меда твоего как не бывало".

* * *

СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

15. Перестройка словаря. При изучении семитских языков Абиссинии, не исключая и геэза, бросается в глаза отсутствие целого ряда самых обыкновенных семитских слов и их замена менее ходкими синонимами; напр. вместо арб. ʃams, евр. ʃémɛʃ, арам. ʃimʃɔ || ʃemʃɔ, асс-вав. ʃamʃu 'солнце' находим геэз ŝ'ɛħay, соответствующее арб. ẓaħā' («ḍaḥā'un») 'позднее утро'; вместо арб. arẓ («arḍun»), евр. éreṣ, арам. arʕɔ, асс.-вав. erṣetu земля' находим геэз mədr, соответствующее арб. madar 'глина, топкая земля'; вместо арб. ʕinab, евр. ʕenɔb, арам. ʕinəbɔ 'виноград' (при асс.-вав. inbu 'плод дерева') находим геэз wɔyn 'виноград'

и ʿвиноʾ (редкое арб. wayn ʿчерный виноградʾ, евр. yáyin и асс.-вав. īnu ʿвиноʾ). Здесь сказывается влияние новой обстановки, которую нашли южные арабы в Абиссинии: не солнце, а пекло; не земля, а топь, глина и т. д.; иные породы животных и растений, иной быт коренного населения. При этом старые арабские слова либо вообще пропадали, не находя себе адэкватного применения (напр. bin || ibn ʿсынʾ пропало,[1] а wɔld ʿдитяʾ сохранилось и переняло его функции), либо приспособлялись к новой обстановке (напр. арб. ðiʾb, евр. zəʾeb, арам. dib, асс.-вав. zību значат ʿволкʾ, а геэз zəʾb, амх. ʒəb значит ʿгиенаʾ). Даже числительные не обошлись без перестройки: вместо арб. iθnáyn,[2] евр. ʃnáyim, арам. təren, асс.-вав. ʃinā ʿдваʾ находим геэз kəlʾe, соответствующее арб. kilā-, евр. kilʾáyim, асс.-вав. kilallān ʿобаʾ. В современных семитских языках Абиссинии находим дальнейшую перестройку словаря — дальнейшую утрату обычных семитских слов и замены, новообразования, сдвиги значений. Этот процесс наиболее заметен в амхарском языке. Вместо общесемитского kalb ʿсобакаʾ (арб. kalb, евр. kɛ́lɛb, арам. kalbɔ, асс.-вав. kalbu), хранимого северной группой (геэз kɛlb, тигринья kɛlbí, тигре́ kəlb), имеем в амхарском wuʃʃa и в харари buc; вместо числительного прочих языков təsʕu ʿдевятьʾ находим амх. zɛtʾɛny, харари zihtʾɛny, тогда как вместо геэз ʕəsra, тигринья ʕəsrá, тигре́ ʕəssərá ʿдвадцатьʾ имеем амх. həya || haya, харари koyá || kwía, т. е. развитие упомянутого корня KLʾ ʿоба-дваʾ, но в амхарском с ослаблением k → x → h, в харари без него.

Из замен старого словарного материала новым в амхарском языке выдается один случай, обусловленный вне всякого сомнения иным общественным строем, чем тот, в условиях которого совершалось формирование основного семитского словаря: это — замена слова ʿбратʾ (геэз əχw, тигринья χaw, тигре́ aχu), являющегося общесемитским (арб. aχ, евр. ɔħ, арам. aħɔ, асс.-вав. aχu), выражением ʿсын материʾ, которое употребляется либо в более не разложимой форме wɔndəm, мн. wɔndəmamac (геэз wɔld-ɛ əmm ʿсын материʾ), либо в совершенно живой и разложимой форме yɛ-ənnat lij ʿматери сынʾ (см. § 10). Это выражение вполне

---

[1] Пережиточно геэз bənt ʿзрачокʾ = арб. bint, евр. bat, арам. bartɔ, асс.-вав. bintu ʿдочьʾ.

[2] Пережиточно геэз sanit ʿследующий деньʾ (= арб. θānī ʿвторойʾ) и sɛnuy ʿпонедельникʾ (второй день семитской недели, начинающейся с воскресенья).

соответствует классификационной системе родства, весьма обычной в Африке, напоминает еще недавний матриархат и отражается в словаре еще некоторых африканских языков, напр. в берберских языках (ag-ma ʿсын матери'=ʿбрат', ult-ma ʿдочь матери'=ʿсестра') и в хауса ('dan-uwā ʿсын матери'=ʿбрат', 'yar uwā ʿдочь матери'=ʿсестра'). Однако в амхарском языке сохраняется до сих пор ət ʿсестра', соответствующее общесемитскому слову — женской форме от ʿбрат' (арб. uχt, евр. ɔħot, арам. ăħɔt, асс.-вав. aχātu=геэз ɔχt, тигринья χawtí, тигре́ χɔt); повидимому, борьба двух разных систем родства привела в одном случае к весьма живучим заменам, а в другом случае к удержанию старого слова.

16. Взаимодействие языков в словаре. Уже в геэзе находим кушитские слова. Приведем некоторые примеры: геэз anbɛt'a ʿсаранча'←ʿафар anawíta (имя единичности от anáwi), сравни галла awā́nisa ʿсаранча'; геэз dipa || diba ʿзасада'←галла d̠ipa ʿприкрытие'; геэз k'op'on ʿбашмак, сандалия'←галла koreu ʿсандалия', мн. kopōn; геэз nolawi ʿпастух' (вместо арб. rāʕī, евр. roʕɛ, арам. roʕe, асс.-вав. rē'u) является именем относительным, т. е. прилагательным отношения вроде ʿскотный' от утраченной основы *nol←галла lōn ʿскот' (сахо lā ʿкоровы', см. § 13); геэз wɔddɛsɛ ʿхвалить'←галла wéydisu 'петь', каузатив от weydu ʿпеснь' (сравни билин, сахо и ʿафар wat'a ʿбард'→тигре́ wat'ay ʿпевец'); геэз ħənbərt ʿпупок'←хамир herbir (сравни егип. χerpeʕ=копт. χelpi). Различные расхождения в фонетике неудивительны тем более, что кушитских языков, соприкасавшихся когда-то с геэзом, теперь уже не сыскать, а подходящий материал из современных говоров при отсутствии у нас исчерпывающих данных может даваться лишь в масштабе приблизительного схождения с геэзом. Разумеется, насыщение современных семитских языков Абиссинии кушитскими словами довольно велико, и процесс еще не закончился — взаимодействие происходит с древних времен поныне; нынешняя война должна еще больше усилить это взаимодействие. Так, тигре́ не только сохраняет упомянутую форму ħənbərt ʿпупок', но еще воспринял из билина форму ətеb ʿпупок'. Кушитские языки в свою очередь почерпают немало словарного материала из семитских языков; при этом очень нередко заимствуются глаголы, напр. сахо lak ʿпосылать'←тигре́ lakɛ; сахо gadaf ʿубивать'←геэз gɛdɛfɛ; сахо bak'al ʿрасти'←геэз bɛk'ɛlɛ, и т. д. Иногда бывает крайне

мудрено установить, кто у кого заимствовал. Так, геэз имеет для ʻволосʼ формы ŝəʕərt и s'ɛgwər; первое слово общесемитское — арб. ʃaʕr, евр. seʕor («śēʿār»), арам. saʕrɔ, асс.-вав. ʃārtu; последнее же, несомненно родственное первому, встречается только в Абиссинии, как в семитских языках (тигринья s'ɛgwər, тигре́ c'ɛgər, амх. t'ɛgur, харари c'igar), так и в кушитских (сомали dɔgŭr, сахо togŭr||tagár и др.; галла cira ʻконский волосʼ||duri ʻгрива льваʼ сюда же?). Кроме того, следует учесть большой наплыв арабских слов в языках народностей, исповедующих ислам; не всегда легко решить, попало ли слово из геэза или из арабского, так как довольно большой процент слов этих двух семитских языков совпадает (но характерны для источника культуры слова́ ʻписатьʼ и ʻкнигаʼ: абиссинцы-христиане усваивают обычно корень ṢḤF, как в геэзе, но абиссинцы-мусульмане — корень KTB, как в арабском).

Интересным случаем из области взаимодействия языков в словаре являются „большие числа“. Общесемитское aʃf ʻтысячаʼ понимается абиссинцами как ʻдесять тысячʼ, тогда как ʻтысячаʼ выражается в геэзе описательно: ʕaŝərtu mə'ət ʻдесять сотʼ, а в современных языках особым словом: тигринья ʃəħ, тигрэ ʃe, амх. ʃih, сахо ʃiəχ; это последнее слово напоминает коптские ʃe ʻстоʼ, ʃēt ʻдвестиʼ, ʃō ʻтысячаʼ.[1] Дело в том, что некогда человеческая культура плохо разбиралась в „больших числах“, и слова, которые теперь являются точным выражением чисел, обозначали раньше неопределенное множество (горсть, куча, тьма...). Отсюда нередкое схождение числительных по форме и расхождение их по содержанию: корень „переднеязычный + зубной“ значит у одних ʻдесятьʼ (беджа tamin || tamun, ʻафар toban, сомали и сахо támman; десятки на -tam, -dom в различных кушитских языках), у других ʻстоʼ (галла ḍiba) или ʻтысячуʼ (хауса dubu), даже ʻдесять тысячʼ (егип. ḏəbaʕ=копт. tba); корень „заднеязычный + губной“ значит у одних ʻдесятьʼ (хауса gōma, суахели kumi), у других ʻтысячуʼ (галла kuma, сомали и харари kum) и т. д. вплоть до грандиозного числа ʻ100000ʼ (егип. ḥefen). Вот в этих-то условиях и получается понижение или повышение числительного в разряде. Отметим, что в районах с мусульманским населением наблюдается склонность к арабскому счету;

[1] Но в египетском эти числительные разного корня: сотня с переднеязычным согласным (ʃet), а тысяча — с заднеязычным согласным (χo').

так, в тигре́ и в харари на ряду со своими числительными употребляются и арабские.

17. Выражение новых понятий. Усвоение иноземной культуры сопряжено с обогащением терминологии, которое происходит либо путем заимствования иноязычных терминов вместе с предметом или понятием, либо путем посильного перевода на свой язык. Амхарский язык как государственный получает иностранную терминологию в первую очередь в силу того, что является языком администрации, технической интеллигенции и прессы.

Если, не вдаваясь в процентное соотношение слоев, сравним амхарский словарный запас с русским, найдем известное сходство между ними во множестве разноязычных наслоений и в роли каждого наслоения. Роль собственно русской части русского словаря в амхарском словаре играет соответственно амхарская часть. Роль церковнославянского слоя русского словаря играет эфиопская часть, т. е. множество слов и выражений из геэза, как из старого церковно-литературного языка страны. Роль татарских, финских и прочих областных вкладов в русский словарь можно приписать кушитским элементам амхарского словаря. Роль греческих слов в русском словаре аналогична роли этих же слов в амхарском словаре, так как и в России и в Абиссинии проводником греческих слов была главным образом христианская церковь. Роль новоевропейских заимствований, столь обильных в русском словаре за последние века, разделяется для амхарского словаря между арабскими и европейскими заимствованиями, которые нередко конкурируют между собой, напр. ʿкарандашʾ = rəsas (арб. raṣāṣ ʿсвинецʾ[1]) и lapis (исп. и португ. lápiz); ʿтелеграфʾ = səlk (арб. silk ʿпроволокаʾ) и telegraf (международное, попавшее и в арабский язык); ʿзнамяʾ = alama (арб. ʿalam || ʿalāma) и bandera (итал. bandiera[2]). До настоящего времени новоевропейские термины поступают в Абиссинию из французского и итальянского языков; учесть роль английского языка пока невозможно. Так, бесспорно именно с французского

---

[1] По-арабски карандаш называется qalam raṣāṣ, т. е. собственно ʿсвинцовое перо' (= нем. Bleifeder, тур. kurşun kalemi), но абиссинцы принимают арабские слова часто в более узком значении. Так, арб. qazāz 'стекло' → амх. k'əzzaz ʿочки, бинокль'.

[2] Нужно вспомнить, что современное абиссинское e = ⁱe (§ 5), следовательно амхарская форма достаточно точно передает итальянскую.

взяты слова bank, biro, telegraf (= banque, bureau, télégraphe), а с итальянского — makina, posta, salat'a (= mácchina, posta, salata). Любопытно раздвоение одного слова: karta ʿгеографическая картаʾ (итал. carta) и kərtas ʿвизитная карточкаʾ (арб. qirṭās), обе формы значат собственно ʿбумагаʾ и восходят к греческому (chártēs → лат. charta ʿбумагаʾ). Не менее любопытно скрещение двух разных слов в одно: мотор × автомобиль → амх. motomobil. Немало европейских слов попадает к аббиссинцам через арабское посредство; напр. babur ʿпароходʾ, sigara ʿпапироса', təmatəm ʿпомидорʾ (арб. bābūr, sigāra, ṭumāṭum ← фр. vapeur, cigare, tomate). Как образец собственного терминологического творчества аббиссинцев приведем yɛ-m(ə)dər babur ʿжелезная дорогаʾ (собственно ʿземной пароходʾ, как и в хауса: baburin k'asa или jirgin k'asa), yɛ-sɛmay babur ʿаэропланʾ (собственно ʿнебесный пароходʾ), səl-anʃ ʿфотографʾ (собственно ʿснимающий изображениеʾ), attɛmɛ ʿприкладывать печатьʾ → ʿпечататьʾ, dɔwwɔlɛ ʿзвонитьʾ → ʿтелефонироватьʾ.

* * *

ПИСЬМО

18. Алфавит. Абиссинское письмо, применяемое ко всем языкам Абиссинии и Эритреи, на которых есть хоть какая-нибудь письменность, происходит из южноарабского письма, занесенного в Абиссинию сабейскими колонистами. Южноарабский алфавит состоит из 29 знаков, выдержанных в правильном геометрическом стиле и выражающих только согласные. Часть сохранившихся надписей держится непривычного нам двойного направления (бустрофедóн): одна строка читается слева направо, а другая справа налево, третья опять слева направо и т. д. Двойное направление встречается и на древнейших греческих надписях; оно является, повидимому, первоначальным направлением письма, из которого впоследствии получилось одностороннее направление — слева направо у греков (отсюда во всех европейских письменностях), справа налево у финикийцев, евреев, арамейцев и арабов. В южной Аравии окончательный выбор пал на направление справа налево, и большинство надписей выполнено с этим направлением. Разница в направлении строки

влияла на форму знаков: знаки несимметричной структуры (т. е. имеющие левую часть непохожей на правую, как русские Б, В, Г, Е... в отличие от А, Д, Ж...) поворачиваются в сторону письма, напр. южноарабские g, m, r изображаются при писании слева направо так: Γ, Β, Ϛ, а при писании справа налево: Ɔ, Ꞁ, ˥. Абиссинское письмо идет слева направо, но форма знаков иногда соответствует обратному направлению (ƛ, ʔ, ϟ = ʾ, g, n), тогда как ⊿ (= f) только часть симметричной буквы ◇. Слово от слова отделяется в южноарабских надписях вертикальной чертой. Это дает возможность свободного переноса части слова со строки на строку. Встречаются и цифры: первые четыре единицы выражены палочками I, II, III, IIII; пятерка, десятка, сотня и тысяча выражены первой буквой соответствующих числительных — *χamʃ, ϛaŝr, ma't, 'alf, т. е. χ, ϛ, m,'; пятьдесят представляет как бы половину знака для ста. Эта система сильно напоминает архаические греческие цифры, где тоже палочки I, II, III, IIII для четырех первых единиц и буквенные сокращения названий для пятерки, десятки, сотни и тысячи (Π, Δ, H, X = pénte, déka, hékaton, chílioi), равно особая лигатура из Π и Δ для пятидесяти. Случайны ли эти совпадения? Трудно сказать.

Древние надписи на геэзе (аксумитские IV в. н. э.) представляют образец письма без гласных, но уже вскоре происходит выработка слогового абиссинского письма, процветающего до наших дней. Из 29 южноарабских знаков выбыло пять, так как геэз уже не различал некоторых южноарабских согласных:

$$\left\{\begin{array}{ll} \text{южноарб.:} & \underbrace{\theta\ s\ \int}_{s}\ \ \underbrace{\eth\ z}_{z}\ \ \underbrace{\underset{\cdot}{\theta}\ \underset{\cdot}{s}}_{s'}\ \ \underbrace{\gamma\ \varsigma}_{\varsigma}\ \rightarrow \\ \text{геэз:} & \end{array}\right\}$$

Но в дополнение к южноарабским знакам прибавлено еще два греческих (π, ψ) для звуков p', p. Эти звуки встречаются преимущественно в греческих и кушитских словах, реже в семитских (это чрезвычайно темный вопрос, которого здесь касаться не будем). В результате получается 26 букв; старое основное начертание букв составляет так наз. первый порядок или „геэз“ (ʔΰ'II gəϛəz), выражающий слоги с гласным ă, т. е. hă, lă, wă... = ha, lɛ, wɔ... (§ 5). Далее идут еще шесть порядков, называемые просто порядковыми числительными (от 2-го до

АБИССИНСКОЕ ПИСЬМО

НАЗВАНИЕ БУКВ	СОГЛАСНЫЕ	Г ① ă	Л ② ū	А ③ ī	С ④ ā	Н ⑤ ē	ЫІ ⑥ ĕ	Е ⑦ ō	АРАБСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ
1 Хōй	h	ሀ	ሁ	ሂ	ሃ	ሄ	ህ	ሆ	ه
2 Лāвӣ	l	ለ	ሉ	ሊ	ላ	ሌ	ል	ሎ	ل
3 Хāўт	ḥ	ሐ	ሑ	ሒ	ሓ	ሔ	ሕ	ሖ	ح خ
4 Мāӣ	m	መ	ሙ	ሚ	ማ	ሜ	ም	ሞ	م
5 Ŝāўт	s	ሠ	ሡ	ሢ	ሣ	ሤ	ሥ	ሦ	ش س
6 Рε'эс	r	ረ	ሩ	ሪ	ራ	ሬ	ር	ሮ	ر
7 Сāт	s	ሰ	ሱ	ሲ	ሳ	ሴ	ስ	ሶ	ث س ص
8 Қāф	q	ቀ	ቁ	ቂ	ቃ	ቄ	ቅ	ቆ	ق
9 Бēт	b	በ	ቡ	ቢ	ባ	ቤ	ብ	ቦ	ب
10 Тāвӣ	t	ተ	ቱ	ቲ	ታ	ቴ	ት	ቶ	ت ط
11 H̱арм	ḥ	ኀ	ኁ	ኂ	ኃ	ኄ	ኅ	ኆ	ح
12 Нахāс	n	ነ	ኑ	ኒ	ና	ኔ	ን	ኖ	ن
13 'Альф	ʾ	አ	ኡ	ኢ	ኣ	ኤ	እ	ኦ	ا
14 Кāф	k	ከ	ኩ	ኪ	ካ	ኬ	ክ	ኮ	ك
15 Вāвӣ	w	ወ	ዉ	ዊ	ዋ	ዌ	ው	ዎ	و
16 ʿĀйн	ʿ	ዐ	ዑ	ዒ	ዓ	ዔ	ዕ	ዖ	ع غ
17 Зай	z	ዘ	ዙ	ዚ	ዛ	ዜ	ዝ	ዞ	ز ذ ظ
18 Йаман	y	የ	ዩ	ዪ	ያ	ዬ	ይ	ዮ	ى
19 Дант	d	ደ	ዱ	ዲ	ዳ	ዴ	ድ	ዶ	د
20 Гамль	g	ገ	ጉ	ጊ	ጋ	ጌ	ግ	ጎ	ج
21 Ṭāйт	ṭ	ጠ	ጡ	ጢ	ጣ	ጤ	ጥ	ጦ	ط
22 Ṗāйт	ṗ	ጰ	ጱ	ጲ	ጳ	ጴ	ጵ	ጶ	[π]
23 Ṣадāй	ṣ	ጸ	ጹ	ጺ	ጻ	ጼ	ጽ	ጾ	ص ظ
24 Ŝаппа	ŝ	ፀ	ፁ	ፂ	ፃ	ፄ	ፅ	ፆ	ض
25 'Аф	f	ፈ	ፉ	ፊ	ፋ	ፌ	ፍ	ፎ	ف
26 Па, пса	p	ፐ	ፑ	ፒ	ፓ	ፔ	ፕ	ፖ	[ψ]

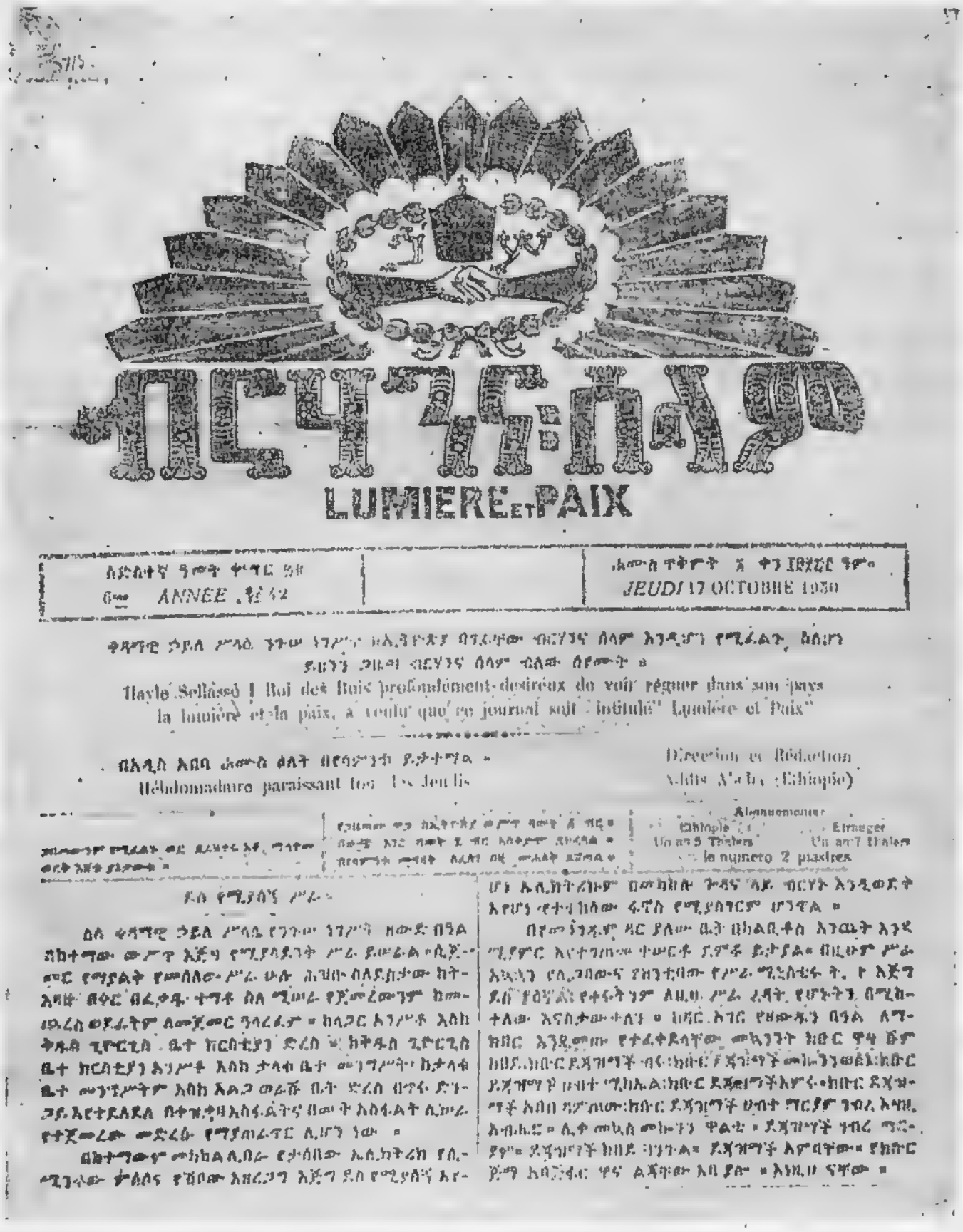
ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ +	ā	ī	ā	ē	ĕ
q^w	ቈ	ቊ	ቋ	ቌ	ቍ
h^w	ኈ	ኊ	ኋ	ኌ	ኍ
k^w	ኰ	ኲ	ኳ	ኴ	ኵ
g^w	ጐ	ጒ	ጓ	ጔ	ጕ

Ц	И	Ф	Р	ЫІ
፩ 1	፪ 2	፫ 3	፬ 4	፭ 5
፮ 6	፯ 7	፰ 8	፱ 9	
፲ 10	፳ 20	፴ 30	፵ 40	፶ 50
፷ 60	፸ 70	፹ 80	፺ 90	
፻ 100		፼ 1000		፼፼ 10000

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ:

СЛОВОРАЗДЕЛ ፡ ЗАПЯТАЯ ፣ ТОЧКА С ЗАП. ፤ ТОЧКА ። КОНЕЦ СТАТЬИ ፠

7-го). Второй и третий порядок выражают слоги с узкими гласными (u, i) и отличаются особым значком справа, причем „u“ помещается выше, чем „i“; буквы с круглым основанием приподымаются на дополнительную ножку, чтобы принять значок „i“ (ሁ=hu, ሂ=hi; ሙ=mu, ሚ=mi; ዉ=wu, ዊ=wi; совсем особо: ሩ=ru, ሪ=ri; ፉ=fu, ፊ=fi). Четвертый порядок выражает слоги с гласным ā, отличаясь удлинением правой вертикали, а у букв с единственной ножкой — загибом ножки влево. Пятый и седьмой порядки выражают средние гласные (ⁱe, ᵘo) и отличаются: пятый порядок закруглением значка „i“ третьего порядка (ሂ = hi, ሄ=he; ሢ=si, ሤ=se), седьмой же порядок либо противоположен четвертому, удлиняя левую вертикаль (ሃ = ka, ሆ = ko), или загибая единственную вертикаль влево (ዎ = wa, ዏ = wo), либо имеет отличительный кружок вверху (ሆ = ho, ሎ = lo, ሮ = ro, ቆ = k'o); совсем индивидуален знак ጎ = go. Шестой порядок выражает слог с гласным ə или согласный без гласного вообще; форма знаков в этом порядке необычайно причудлива и обобщить отличия можно лишь отрицанием: не те отличия, что у прочих порядков. Кроме этих слоговых знаков (а их уже 26 × 7 = 182) имеются особые знаки для лабиализованных согласных (kw, χw, kw, gw — см. § 4); здесь только пять порядков, т. е. нет губных гласных (o, u); отличия хорошо заметны на прилагаемой таблице. Письмо идет слева направо; слова разделяются двоеточием (፡) и допускают свободный перенос на другую строку без особого значка (такового вообще нет). В качестве знаков препинания используется тоже двоеточие („запятая“ в виде ፡, „точка“ в виде ።). За последнее время есть тенденция упразднить знак раздела (፡), и газеты печатаются уже без него. Но это не содействует ясности. Цифры — греческие буквы, стилизованные под абиссинское письмо и отчеркнутые сверху и снизу горизонтальными чертами; цифровое использование греческих букв известно нам из церковнославянского письма („*и* восьмиричное“, „*i* десятиричное“, т. е. греческие $\eta' = 8$; $\iota' = 10$). Алфавитный порядок букв резко отличен от всех существующих, но южноарабского алфавитного порядка мы не знаем. Названия букв частью сходятся с другими семитскими языками, частью оригинальны; отметим лишь, что вместо ʿрыбы' (nūn) других семитских алфавитов абиссинцы получили ʿзмею' (nəhās) — словно по известному евангельскому изречению.



ብርሃንና ሰላም

LUMIERE ET PAIX

ለድስተኛ ዓመት ቁጥር ፶፩ | | ሐሙስ ጥቅምት ፯ ቀን ፲፱፻፳፫ ዓ.ም.
6me ANNEE ፡ ፻፭ 42 | | JEUDI 17 OCTOBRE 1930

ቀዳማዊ ኃይለ ሥላሴ ንጉሠ ነገሥት ዘኢትዮጵያ ባንደኛው ብርሃንና ሰላም እንዲሆን የሚፈልጉ ስለሆነ
ይህንን ጋዜጣ ብርሃንና ሰላም ብሎ ሰየሙት ።

Hayle Sellassé I Roi des Rois profondément désireux de voir régner dans son pays
la lumière et la paix, a voulu que ce journal soit intitulé" Lumière et Paix"

በእሑድ እስከ ሐሙስ ቀለት በየሳምንቱ ይታተማል ።
Hébdomadaire paraissant tous les Jeudis

Direction et Rédaction
Addis Abeba (Ethiopie)

ዋጋው ለኢትዮጵያ ወጦች ፭ ብር ።
በውጭ አገር ለመቀበል ፲ ብር አስቀድሞ ይሰጣል ።
በየሳምንቱ መጣጥ አለበት በፈለጉት ጊዜ ማስቀመጥ ይቻላል ።

Abonnements:
Ethiopie Un an 5 Thalers
Etranger Un an 7 Thalers
le numero 2 piastres

ያመሉመንም የሚፈልጉ ወደ ደብዳቤ አዳራሽ ግላተሙ ወረቀት እንደ ያደርሙት ።

ይህ የሚያስነሣ ሥራ ።

ስለ ቀዳማዊ ኃይለ ሥላሴ የንጉሠ ነገሥት ዘውድ በዓል ስከተማው ውሥጥ እጅግ የሚያሳደንቅ ሥራ ይሠራል ። ሲጀመር የሚያስቅ የመለስተ ሥራ ሁሉ ሕዝቡ ስለደስታው ከትእዛዙ በቀር በፈቃዱ ተግቶ ስለ ሚሠራ የጀመረውንም ከመጨረሱ ወደፊትም ለመጀመር ንላረፈም ። ከላጋር አገሥቶ እስከ ቅዱስ ጊዮርጊስ ቤተ ክርስቲያን ድረስ ፡ ከቅዱስ ጊዮርጊስ ቤተ ክርስቲያን አገሥቶ እስከ ታላቁ ቤተ መንግሥት ከታላቁ ቤተ መንግሥትም እስከ እልጋ ወራቹ ቤት ድረስ በጥሩ ድንጋይ እየተደለደለ በተጠቃዛአስፋልትና በመቱ አስፋልት ሊሠራ የተጀመረው መንገድ የማያወላዋር ሊሆን ነው ።

በዚህም መከከል ሊበራ የታሰበው አዲስ ትራክ የሊጊጎው ቦልስና የሸበው አዘረጋግ እጅግ ደስ የሚያሰኝ አደ-ሆነ አዲስ ትራክም በመክፈቱ ጉዳና ላይ ብርሃኑ እንዲወድቅ እየሆነ ሥተዛከሰው ፋኖስ የሚያስገርም ሆንዋል ።

በየመንገዱም ዛር ያለው ቤት በከልቪቶስ እንዲት እንዲ ሚያምር እና ተገጠመው ተመርቶ ያምቶ ይታያል። በዚህም ሥራ አነኢን የሰጋበውና የዝንቲበው የሥራ ሚኒስቴሩ ት. ኮ እጅግ ይህ ያስሃል የተሩትንም አዘዘ ሥራ ሊጻት የሆኑትን በሚከተለው እናስታውሳለን ። ከዛር አገር የዘውዱን በዓል ለማክበር እንዲመጡ የተፈቀደላቸው መኳንንት ከዙር ዋሣ ቦም ከወደ ከበሮር ደጃዝማች ብሩ ከበሮር ደጃዝማች መኩንን ወልደ ከበሮር ደጃዝማች በብተ ሚከኤል ከበሮር ደጃዝማች እሥሩ ከበሮር ደጃዝማች አበበ ባሥለው ከበሮር ደጃዝማች ሀብተ ማርያም ንብረ አካዚ አብሐር ። ሊቀ መኳስ መኩንን ዋልዱ ። ደጃዝማች ንብረ ማርያም ። ደጃዝማች ከበደ ብንጉል። ደጃዝማች አምባቸው። የከበር ጅማ አባጅፋር ዋና ልጃቸው እቤ ያሎ ። እነዚህ ናቸው ።

Амхарская газета „Bərhan-ənna Sɛlam“ („Свет и мир“).

В применении к амхарскому и другим живым языкам абиссинское письмо обогащено дополнительными знаками для звуков:

ሸ ቸ ኘ ዠ ጀ ጨ или ፀ

ʃ c ny x ʒ j c’

Эти знаки обладают теми же семью порядками, что и остальные; кроме того, в тигринья употребляется еще знак из Ф для особого звука x’ (из k’); как *x*, так и *x’* имеют еще лабиализованные формы по пять порядков. За последнее время из буквы ሏ сделана новая буква для передачи европейского губно-

зубного v (как у арабов ڤ = v из ف = f). Для многочисленных амхарских лабиализованных согласных, встречающихся только перед ā, употребляются либо сочетания шестого порядка со знаком Ⲫ, либо особые знаки со значком ⊤ вверху или ⊓ внизу, напр. для ልⲪ (lwa), ምⲪ (mwa) и т. д. Удвоение согласных ничем не отмечается, напр. አዲም Addam, አምስት amməst, ነገሠ nεggεsε; в европейских изданиях иногда прибавляют арабский значок ـّـ или его абиссинскую имитацию ⁚⁚, напр. አምّስት или አምّስት для amməst.

19. Орфография. Сильные колебания в орфографии заметны уже в геэзе; они обнаруживают, что писатели произносили геэз не так, как он произносился в бытность свою живым языком, а приблизительно так, как произносят современные абиссинцы. Прежде всего по всей Абиссинии и Эритрее никто не различает согласных ሠ, ሰ и ፀ, ጸ; первая пара звучит одинаково s, последняя же одинаково s' или ts'. В амхарском языке совпало произношение согласных ሀ, ሐ, ኀ (все = h) и አ, ዐ (оба = ' или нулю звука), причем в разговорной речи звук h держится лишь на месте прежнего k (напр. ሁሉ hullu 'всё' при геэз ኩሉ kwəllu), иначе опускается, и тогда получается колебание между пятью вышеперечисленными буквами „гортанных шумов". Немудрено, что слово 'четверг' может писаться ሀሙስ, ሐሙስ, ኀሙስ, አሙስ и пожалуй даже ዐሙስ; ведь в произношении вариируются лишь две формы — книжная hamus и разговорная amus, причем последняя имеет все шансы вытеснить первую, так как слабое развитие школы и печати едва ли может противостоять напору стихии разговорной речи.[1] Вполне понятны и такие каламбуры, как ፲ኤል — соединение цифры ፲ = ዕሥራ ʕəŝra 'двадцать' и созвучия ኤል = el, чтобы коротко написать እስራኤል Əsra'el 'Израиль': ведь ዕ и እ, ሥ и ስ фонетически равны. В амхарском нередко бывает смешение ጠ, ጸ, ፀ — разговорное произношение одинаково = t'. Кроме того, большую путаницу в письмо вносит развитие гласных с перевесом качественных различий над количественными (§ 5): первый и четвер-

[1] В амхарских глагольных окончаниях старое -k- колеблется в произношении между x, h; отсюда колебания в письме между ኸ, ኀ и новым знаком из ኸ.

тый порядок совпадают у „гортанных шумов“ (одинаково = a), лабиализованные первого порядка совпадают с основными знаками седьмого порядка (kwɔ = ko; ведь o = ᵘo), лабиализованные шестого порядка совпадают с основными знаками второго порядка (kwə = ku или kü) и т. д. Попытки реформы орфографии наблюдаются у негуса Хайле-Селласье и у европейских миссионеров, которые тщетно добивались бы „грамотных“ изданий на туземных языках, когда понятие об орфографии у туземных ученых весьма смутно. Реформаторы устраняют из письма устарелые буквы (для амхарского ሐ, ሠ, ኀ, ሀ, ፀ и отчасти ጸ, ጸ) и стараются писать фонетически, как слышат. При писании на кушитских языках затруднение представляет звук d̪; для изображения его в абиссинском письме особого знака нет и обычно колеблются написания ደ d, ለ l, ረ r (в некоторых изданиях появляется ደ с таким значком наверху, как у букв ሸ, ኘ, ሸ.)

20. Транскрипция. Передача знаков абиссинского письма знаками латинского или русского письма, а также запись звуков абиссинской речи точным фонетическим алфавитом суть задачи, решаемые до сих пор каждым по-своему. В пособиях для колониальных чиновников применяется простой латинский алфавит без уточнительных средств; таким образом, многие фонемы изучаемого языка оказываются неразличимыми в транскрипции, и это обстоятельство не дает возможности усвоить произношение данного языка. В изданиях научного типа применяются транскрипции, обогащенные всевозможными уточнительными средствами. При этом часть авторов следует транскрипционным навыкам африканистики, а часть пользуется семитологической транскрипцией. Важнейшие различия между теми и другими способами передачи абиссинских звуков приведены в §§ 4 и 5. В транскрипции кушитских языков у Л. Рейниша (Leo Reinisch) противоречиво используется точка под буквами: в одних случаях она выражает эективную артикуляцию (c̣, ṣ, ṭ = c', ts', t'; вместо ḳ пишется q), в других случаях она же выражает ретрофлексную артикуляцию (ḍ, ḷ, ṇ, ṛ обозначают разные оттенки d̪), в одном случае — сужение зева (ḥ = ħ) и в одном случае нечто совсем особое (ẓ = dz по аналогии с ṣ = ts'; напр. сахо soddṓm || saẓẓā́m 'тридцать'; hṓṣe || hṓẓe 'кремень'; háṣē || háẓē 'царь'). Но в кушитских языках встречается также ретрофлексное т, которое у Рейниша передается тоже знаком ṭ! Еще хуже

дело с транскрипцией древнего языка — геэза. Семитологи передают Ш через ś || š, Ѳ через ḍ; при чтении текста произносят первое как ʃ (ш), последнее как d (д), имея в виду современное северноарабское произношение в городах Сирии, Египта и Магриба (кроме Туниса), где тем фонемам соответствуют ش (мягкое шь) и ض (напряженное д низкого тембра). Что касается Аравии, Месопотамии, Туниса и провинций остального арабского мира, ض там звучит как напряженное ð (междузубное з) низкого тембра; поэтому некоторые семитологи вносят поправку: Ѳ оказывается ḏ̣ или ḍ̣ (черта значит щелевое образование, точка — напряженность). Однако геэз и близкие языки берут свое начало из южноарабских говоров; нынешние южные арабы еще сохраняют свою специфическую речь (наречия мехри, соḳоṭри и шх̮аури), где Ш || ش и Ѳ || ض произносятся как шумнолатеральные согласные ŝ, ẓ̂. По абиссинской традиции Ш, Ѳ раньше произносились как междузубные θ, θ'; это невероятно, так как южноарб. θ, θ̣ совпали в геэзе с зубными Ṅ, Ȣ (= s, s'), а не с Ш, Ѳ; но мы знаем, что лица, слышавшие южноарабские шумнолатеральные, нередко воспринимали их как междузубные вследствие шепелявости, свойственной и тем и другим. Поэтому можно не сомневаться, что Ш = звуку ŝ; Ѳ = ŝ' или ṣ̂ (где ⁀ уменьшение λ). Для передачи гласных геэза пользуются обычно количественной системой, т. е. либо „ă, u, i, a, e, ĕ, o“, либо „a, ū, ī, ā, ē, e, ō“; мы пользовались выше качественной системой (§ 5) для более удобного сравнения с живыми языками, но качественная система не может отличить первого порядка от четвертого после „гортанных шумов“, хотя в эпоху выработки слогового письма это различие было.

* * *

Т. В. ПРОСКУРЯКОВА

ЛИТЕРАТУРА АБИССИНИИ

В городе древнем Аксуме, тридцать лет тому назад, европейцами[1] были исследованы высочайшие, доходящие до 30 с лишним метров высоты стелы, на которых от времен „Эзана, царя Аксума, и Химьяра, и Райдана, и Эфиопии, и Савы, и Сальхена, и Циама, и Бега, и Касу, царя царей сына непобедимого Арея“[2] остались победные надписи — древнейшие дошедшие до нас памятники эфиопской письменности. По своему характеру они напоминают летописи и повествуют о покорении восставших племен Геез и Бега, о карательных экспедициях на племена Цараке и Афан, совершавших набеги на торговые караваны, и о том, как в благодарность за победу над народом Бега „ради милости своего родителя, непобедимого Арея (Махрема)“, Эзан воздвигает последнему „золотую статую, серебряную и три медных“. О последующем периоде эфиопской истории, захватившем чуть не семь столетий, не сохранилось никаких памятников письменности.

Литература древней феодальной Эфиопии, дошедшая до нас, связана теснейшим образом с церковью и монастырями, которые постепенно приобретали все большее значение в жизни страны. Духовенство имеет огромную власть при дворе, в его руках находится просвещение. Неудивительно поэтому, что вся наука, состоит в изучении деяний апостолов, чтении евангелия и псалтыря. Выучивший наизусть псалтырь считается самым образованным человеком и получает почетное звание „дека-мезмура“, т. е. сына псалтыря.

---

[1] E. Littmann. Deutsche Aksum-Expedition. Bd. IV, p. 29.

[2] E. Littmann. Vorbericht d. deutschen Aksum-Expedition.

На религиозной почве, в тесных монастырских стенах, крепко сдавленная религиозными традициями возникает древне-эфиопская литература. Она находится на службе религии и состоит главным образом из сочинений, повествующих о добродетелях и подвигах святых и из библейских легенд, размышлений о жизни и всевозможных восхвалений святых. Последние крайне наивны, и почти анекдотичны по своему содержанию. Так, в одном из них рассказывается о монахе Нафане из обители Серапиона, почитавшем богоматерь и постоянно просившем явить ему славу свою. Та является к нему в полночь и дает прикоснуться к своей ланите. На другой день в церкви очарованный монах не может петь, за что подвергается побоям настоятеля.[1] Эти рассказы, помимо желания наивного автора, знакомят нас с бытом и нравами монастырей и абиссинского духовенства. Многие из этих произведений могли бы послужить хорошим сюжетом для рассказов Бокаччио.

Так, в монастырской среде сложился рассказ о том, как папа римский Пахомий ограбил свою собственную церковь и, вероятно, не без выгоды для себя продал мирро. Апостол Петр грозит ему геенной огненной. Как быть? — Пахомий собирает клир и просит у собравшихся совета. Один старец заявляет ему, что спасти его может только поддержка божьей матери, к заступничеству которой небезуспешно и обращается Пахомий.

Среди произведений церковного характера особенно интересны по своей форме „кенэ“ — импровизированные стихи, песни, которые являются неотъемлемой частью каждого абиссинского богослужения, но должны быть уже отнесены непосредственно к чистой поэзии. Возможно, что когда-то это были просто мотивы народного творчества (боюсь это утверждать), которые церковь наполнила религиозным содержанием, связала своими традициями и условностями. Теперь право составлять „кенэ“ принадлежит только окончившим школу стихосложения „кенэ“.[2] Два года тратится в этой школе на изучение мертвого языка геэз, который до самого недавнего времени являлся литературным языком Эфиопии. Потом следует уже обучение самому искусству стихосложения.

И в старом Годжаме, и в горном Бегемедере, и в Диме или в области Шоа — всюду можно встретить подобные школы.

---

1 Б. А. Тураев. Эфиопские мелкие тексты.

2 Е. Е. Долганева. Страна эфиопов (Абиссиния), стр. 96, 97, 98.

Некоторые из них существуют уже около тысячи лет (например, в Гондаре), но метод обучения и курс наук остаются до сих пор неизменными: в сумерки, как только на потемневшем небосклоне начинают загораться первые звезды, ученики располагаются на земле вокруг своего наставника и слушают стихи, которые он им читает. Он декламирует раз, другой..., потом стихи произносит его помощник, а вслед за ним уже хором только что сказанные строчки повторяют ученики. Это длится до тех пор, пока стихотворение не будет выучено наизусть. Потом, после короткого сна, примерно в полночь, занятия возобновляются. По примеру выученного стихотворения нужно составить свое собственное. Ученики уединяются в ближайшем лесу и там, порой забывая о пище и сне, сосредоточивают все свое внимание на заданном предмете.

Только с заходом солнца возвращаются они к своему наставнику и поочередно зачитывают ему свои произведения, которые тут же им и исправляются. В такой учебе проходят годы. Некоторые учатся в школе „кенэ“ по 8—9 лет.

К VII—VIII вв.[1] относят большие сборники религиозных гимнов, составленных по образцу псалмов и иногда являющихся настоящими шедеврами. Дальше поэзия эта выразилась во множестве коротких поэм среднего достоинства, посвященных прославлению святых. Ни строф, ни размера, ни определенного количества строчек, ни гармонии нет в этих произведениях. Даже параллелизм частей, так часто встречающийся в древнееврейской поэзии, тут отсутствует. Единственная характерная черта „кенэ“ — это рифма. Последняя совсем не похожа на нашу и состоит из повторений того же самого конечного слога или во всей поэме, или в отдельной строфе, если она существует в данном случае. Так, первая строфа знаменитого Габиба Габибан кончается словом „ли“, вторая на „бе“ [2] и т. д. Все же „кенэ“ замечательны как разнообразием содержания, так наивностью и простотой выражений. Часто в сюжетах их встречаются следы народных легенд, исторических событий, факты из жизни царей и святых, но чаще всего они строятся на выдержках из Библии.

---

[1] Mondon-Vidailhet. La rhétorique éthiopienne. Journal Asiatique, t. X, Paris, 1907.

[2] Sylvain Grébaut. Note sur la poésie éthiopienne. Revue de l'orient chrétien, t. IV (XIV).

„О ты, который испытывал Иова
болезнью, нищетой и проказою.
Испытывал через сатану веру этого праведника,
Ты, который знаешь все, что заключается
в недрах бездонного моря...
Не испытывай меня болезнью и нищетою,
Потому что нет у меня сил, и я падаю!“

поется в одном „кенэ“. Другое начинается перефразировкой 22-го стиха из I гл. 2-й Книги царств.

„Да не сойдет на Лабу дождь,
Потому что тот, кому песня посвящена, там умер“.[1]

Говоря о „кенэ“, необходимо упомянуть о традициях, связывающих эту интересную литературную форму.

Для кенэ существует десять установленных стихотворных форм, отличающихся друг от друга только количеством строк (от 3 до 12). Кенэ — не читаются, а поются, поэтому для каждой стихотвовной формы кенэ существуют отдельные ноты. Слоги строк должны быть созвучны. В каждой строке поэтому должно находиться определенное количество слогов. Для этого, кроме слов, заключающих в себе мысль, для соблюдения формы стихотворения вводятся подставные слова, которые нередко делают произведение совершенно непонятным.[2]

Тесно связана с кенэ наука о „сам на варк“ — искусстве извлекать „золото мысли из воска слов“. Тайны этой науки нам непонятны, хотя абиссинцы говорят о ней с особенным уважением. Повидимому „сам на варк“ не что иное, как особенная манера писать, употребляемая посвященными. Некоторые абиссинские книжники уверяют, что под невинной внешностью „сам на варк“ иногда хранит те или иные политические намеки.[3]

В европейской литературе даже у символистов трудно найти примеры такой тонкой игры слов и мысли, но в сущности эта игра малоценна, несмотря на то, что абиссинцы восхищаются и гордятся ею. Привожу пример: в одном стихотворении говорится о том, что Христос: „печать мудрости рукою своею

---

[1] Пусть дождь не сойдет на ту землю, где пал Хешал.

[2] Е. Е. Долганев. Страна эфиопов (Абиссиния), стр. 97.

[3] Mondon-Vidailhet. La rhétorique éthiopienne. Journal Asiatique, t. X, Paris, 1907, 310.

слова сорвал". Эти строчки кажутся нам непонятными, между тем как эфиопские книжники сочли бы их совершенными.

Современное кенэ носит всегда след этой искусственности в оборотах речи и бесспорно „сам на варк" сильно повлиял на создание кенэ — туманных и искусственных по своей форме и содержанию. К этому роду литературы относятся стихи-песни „селями" и „мелькаа", сопровождающие каждое описание жизни святого. Первое — своеобразное славословие, перечисляющее факты из жизни святого, особенно поразившие воображение автора; второе — длинная стихотворная молитва, воспевающая отдельные части тела святого — руку, ногу, глаза, нос и т. д.

Изо всей этой церковной литературы бесспорную ценность представляет уцелевший еще от времен самостоятельного государства Иудеи перевод с еврейского на язык геэз сказания „о Енохе на семи небесах побывавшем". Это произведение, подобно Шах-Намэ Фердоуси, освещает целую эпоху, особенно мало известную историкам.

Остальная литература этого времени — переводы с греческого, коптского и арабского житий святых, чудес и т. д.

От более поздних времен до нас дошел целый ряд историографических произведений, собственно представляющих собою не столько историю, сколько прославление царских деяний и самих царей.

К этим произведениям необходимо отнести краткие хроники царей, царские песни XIV—XVI вв., некоторые исторические анекдоты и летописи, возможно ведущиеся и по сей день при дворе нынешнего негуса Хайле-Селласье. К этой же литературе принадлежат исторические легенды, прежде всего „кебра негаст" — слава царей, книга, в которой главное место занимает фантастическое сообщение о том, что сначала Эфиопией правили змеи, а также весьма распространенная на Востоке легенда о Соломоне и царице Савской и о происхождении от них эфиопского царского рода. Остальную часть „кебра негаст" занимают апокрифы и всевозможные книжные заимствования. Художественной ценности эта книга почти не имеет. Язык ее крайне беден и изобилует частыми повторениями, которые очень быстро утомляют читателя.

К историческим легендам относится также и „Богатство царей", книга, повествующая о том, как „Сидел царь, восставший из царей Загвеев, по имени Заэльмакнун; и было время цар-

ствования его вместе с царями, которые царствовали вместе с ним 372 года“ и о том, как незаконно владевшие больше трех веков эфиопским престолом цари Загвея добровольно уступили его прибывшим в Шоа потомкам Соломоновой династии, и о виновнике этого великодушного поступка преподобном Такле Хайманоте, из святого таким образом ставшего народным героем.[1]

Близкое соседство Эфиопии с Аравией и сильное распространение ислама кладет печать арабского влияния на эфиопскую литературу. В эфиопских рукописях нередко встречаются известнейшие восточные легенды. Таковы „слова Варлаама, сказания о птице, именуемой Шухарур, которая сказала (нечто) охотнику, когда тот поймал ее в свою сеть“.

„Она сказала охотнику: «Не убивай меня и не ешь меня: я дам тебе хорошие советы, которые будут тебе полезны, а именно: держи крепко то, что у тебя в руках, не скорби о пропавшем. Если тебе будут рассказывать невозможное — не верь. Не говори «я сделаю», о том, чего ты не в силах исполнить. И сказал охотник: «Я не отпущу тебя, если ты не скажешь мне еще совета». Шухарур сказал: «Отпусти меня подняться на дерево, на котором находится много золота. А ты следуй за мной, взяв что-либо, чтобы копать». Последовал за ним этот охотник. Птица взлетела на дерево, а он сказал ей: «покажи мне, с какой стороны копать». Шухарур ответил и сказал: «Отныне я ускользнул, сказав ложь, от твоих горьких уз — нет золота нигде, кроме Индии. А в желудке у меня жемчужина. Если бы ты меня не выпустил, ты нашел бы эту драгоценную жемчужину». Тогда он стал жалеть и захотел поймать его и бросил камень. А Шухарур (сказал): «после моих советов (их влияние) на тебе не обнаруживается. Во-первых, я тебе сказал: «что находится в твоих руках, держи крепко», а ты пустил меня. Я тебе сказал: «не печалься», а ты печалишься, отпустив меня. Я сказал тебе: «не верь, когда тебе будут говорить невозможное», а ты поверил, что золото бывает на дереве, а жемчужина — в моем желудке. Я тебе сказал «не думай о деле, для тебя невозможном», а ты думал поймать птицу, когда она потрясает крыльями, бросив в нее камень»“. Эта легенда, как доказано исследователями, прошла двойной путь от греческих житий святых в Аравию и оттуда уже в Эфиопию, „страну ладана и благовоний“.

[1] Б. А. Тураев. Богатство царей. СПб., 1901.

К переводной литературе также принадлежит знаменитая „фетха-негаст“—книга законов. Все эти легенды, как и остальная литература, были написаны на языке геэз, доступном и понятном только духовенству или высшей знати. От народных масс эфиопские книжники оградились высокой монастырской стеной.

Народное творчество развивалось само по себе и стояло далеко от узко-феодальной, закристаллизовавшейся, традиционной литературы.

В настоящее время право языка геэз на литературное употребление сделалось менее безусловным и исключительным. Уже во времена царствования Менелика II в литературе Абиссинии, как и во всей стране, начинают сказываться новые политические веяния. Общегосударственным, как и литературным, становится амхарский язык. При Менелике сношения с Европой учащаются, Менелик принимает у себя европейцев и в свою очередь, подобно Петру I, посылает детей своих расов в различные европейские школы.

Эфиопия модернизируется, но в то же время в ней продолжают еще жить корни старой Эфиопии, старые традиции и старый уклад.

Во дворце негуса Хайле-Селласье загорается электрический свет, который освещает прилегающую к резиденции „потомка Соломоновой династии“ единственную асфальтированную в Аддис-Абебе улицу.

Утром в кожаных креслах Абиссинского парламента заседают босоногие вельможи, но к концу дня к зданию парламента с мягким шелестом подкатывает сверкающий ройль-ройс негуса. Хайле-Селласье садится в автомобиль и окруженный всадниками, свитой, толпой пеших воинов и темнокожих подданных медленно движется к своему дворцу.

Смесь нового со старым, ломка вековых традиций и создание новых форм и стиля — характерны для абиссинской литературы последних лет. В то же время параллельно со старыми консервативными формами государства существуют еще отражающие их литературные отголоски. Это — придворная поэзия: стихи, прославляющие богатство и пышность раса или негуса, его великодушие, бесстрашие и т. д.

Каждый влиятельный феодал имеет своего придворного поэта, который находится от него в материальной зависимости

и постоянно ждет всяких милостей. Если рас несправедлив, придворный поэт продолжает его восхвалять, подобно знаменитому певцу из старой абиссинской легенды о Мохамеде сыне Давида.

Умер глава племени Давида, рассказывается в этой легенде. Возник спор по поводу его заместителя. Сын его был слаб, и многие были против того, чтобы он стал вождем. По обычаю вождь имел особенно громко-звучащий барабан, по ударам которого все мужское население деревни собиралось на совет, зная, что предстояло решить какой-то важный вопрос.

Без этого барабана никто не мог править. Заговорщикам удалось хитростью достать барабан вождя в то время, как сын его спал. Заговорщики превозгласили вождем своего ставленника, и барабан зазвучал. Сын Давида Мохамед проснулся, снял со стены огромный меч „кватан", перескочил через ограду своей хижины и внезапно появился на площади совета. Он поразил несчастного барабанщика священным мечом — кватаном и затем повернулся к певцу, который пел хвалу только что избранному вождю.

Перед лицом смерти певец начинает льстить Мохамеду так, как целые века до него льстили своим расам придворные поэты:

„Нельзя презирать в песнях этого Мохамеда —
сына Гадала.
Его мать не рабыня и отец не невольник.
Мать его — законная жена и принцесса,
Отец его — царь и правитель,
Он потомок Фенака, потомка Наведа,
Он потомок Егелла, потомка Еккеда,
Потомок могучего владельца Кватана
(священного меча).
Он темногривый львенок, не рысь или гиена,
Он разгневанный верблюд, не дающий
продеть кольцо в свои ноздри.
Он высокогорбый верблюд, свирепо хрипящий.
Крепкий, как ладья Мафара
И как хижина Гатана.
Он, как луна на небосклоне...
И если бы он был мукой на жернове,
Кто мог бы сделать из него хлеб и есть его?
— Это было бы смертельным ядом!"

Но если поэт оказывается неудовлетворенным милостями и подачками феодала, то горе последнему. Его начинают попросту бранить в своих стихах. Так, Али Вад Фавид из Тигрэ порицает своего раса Даббаба, требуя от него одежды, скота и оружия.

„Теперь браню я тебя.
Даже негус должен брань выдержать.
За мою жизнь браню я тебя.
За молоко, за мясо, за хлеб, которых не вижу.
За обнаженное тело мое браню я тебя,
Чтобы мог я сделать себе одежду.
И за скот мой браню я тебя,
Чтобы число его увеличилось,
И за оружие свое браню я тебя
И за абутц и охотничье ружье,
Но не за кремневое,
Потому что обращаться я с ним не умею.“

Не получив желаемого, Али Вад Фавид снова продолжает порицать своего феодала:

„Разве я должен следовать за этим Даббабом,
Чтобы погасить свою месть?
Или один я должен пройти?
Он ведь нарушил слово свое,
Сын Дагат-Азмати,
Отец которого один зажигал костер,
Когда его войска разбивали лагерь.
Если бы у него не было надежды получить дань,
То он давно уничтожил бы свой народ!
Кто же восстанет против тебя
Из людей, созданных богом?“

И вот, наконец, осыпанный благодеяниями Даббаба, Али Вад Фавид начинает льстить:

„Назовите его разрушителем собственного дома,
Все, чем обладает, — отдает он,
Кормителем хищников назовите его,
Когда он насыщает к нему вошедших,
Я не воспеваю его за деньги,

Те, которые выпали из плаща моего...
Я певец за высокую награду,
Хотя бы я и лишен был этой награды.
Лучше всего тебе — молва человеческая!
Лучше всего тебе — слава,
Из-за славы твоей я тебя пою,
Которая даст тебе вечную жизнь".[1]

Знакомство с европейской литературой вырывает из рамок традиционности целую плеяду молодых абиссинских писателей.

В среде их чувствуются два направления. С одной стороны, многие из них пользуются европейским образованием для своих литературных опытов в новом европейском стиле. Другие обогащают себя материалом, взятым из народного творчества. За последние годы, сперва в Риме, а потом и в самой Абиссинии, печатают свои сочинения, написанные в европейском духе, Афеворк, Завальд и ряд других абиссинских писателей. Такова „История путешествия одного эфиопа через Эфиопию в Италию" Фета Георгиса. Довольно слабо написанная в литературном смысле, эта история поражает точностью и простотой изложения: „потом я простился с друзьями и знакомыми" — пишет Фета Георгис — „некоторые хотели меня удержать, но другие говорили мне: «вас ведь убеждали». Некоторые меня провожали и пришли на берег моря, и там мы простились..."[2]

Эта история похожа на письмо с массой повторений и подробностей.

Обостренная политическая обстановка Абиссинии, боязнь потери национального единства заставляют молодую интеллигенцию Абиссинии ценить и чутко оберегать плоды народного творчества. Глубокие истоки его незаметно, но упорно, вливаются в произведения современной абиссинской литературы, оживляя ее и создавая в ней неожиданную яркость и свежесть. И в Абиссинии, и в Европе начинают печататься до сих пор устно передававшиеся на память народная сказка, песня, стихи, легенды и басни. Тематика их крайне разнообразна: тут можно встретить и описание сражений, и рассказы о диких животных, песни о героях и исторические легенды, до сих пор хранящиеся у многих отдельных племен Абиссинии.

---

[1] E. Littmann. Tigré-Lieder, 1915, Leiden.

[2] E. Littmann. Specimens of Popular Literature of Modern Abyssinia.

Происхождение племени от народного героя — наиболее частая версия народных эфиопских легенд. Нередко встречаются тут отдельные варианты известнейших в Европе легенд и сказок. Такова, например, пришедшая в Эфиопию из Греции и несколько видоизмененная версия сказки о царе Мидасе.

„Гобана сказал, — рассказывают уроженцы Харара, — что негус Джирена проснулся однажды рогатым. Он позвал начальника своего дворца и под большим секретом поведал ему о своем горе. Подумав, они оба решили надеть на голову негуса огромный тюрбан, под которым не будет видно рогов. На беду начальник дворца был из тех людей, для которых всякая тайна становится пыткой. Но сказать ее кому-нибудь — значит сделать ее известной всему двору. Сберечь про себя — выше его сил. Тогда, выйдя в поле и вырыв в земле маленькую ямку, он приложил свой рот к отверстию дыры и закричал во все горло: «Чудо, чудо!.. удивительная вещь! У нашего негуса выросли рога!» Повторив три раза эти слова и успокоившись, он засыпал ямку. Во время дождей крестьянин посеял на этом поле сорго. Но в семенах сорго оказалось случайно одно зернышко калебасы. Оно упало как раз в ту ямку, которую вырыл начальник дворца. Вскоре зернышко пустило ростки, и на этом месте выросла огромная калебаса. Во время уборки крестьянин сказал: «Редкая вещь принадлежит негусу», и со своим сыном понес колебасу негусу Джирену. При дворе удивились размерам калебасы и решили сделать из нее цимбалы. Во время праздника Рамадана, когда музыкант начал бить в цимбалы, чтобы услышать звон ее ударов, все присутствующие услышали голос калебасы: «Чудо! Чудо! Удивительная вещь! У нашего негуса выросли рога!» Вот каким образом стало известно на празднике Рамадана о том, что негус Джирен рогат“.[1]

Близость к природе, к лесу и к лесным обитателям положила свой отпечаток на народное творчество абиссинцев. Излюбленной темой народного творчества являются рассказы о зверях. Такова, например, сказка о льве, гиене и лисице, которые однажды соединились для совместной охоты.

---

[1] R. P. Azais et Roger Chambard. Folklore Oromo. Revue d'Ethnographie, 1925, стр. 125.

Вечером пришло время делить добычу: телку, осла и овечку. Лев спросил гиену и лису: „Как же мы будем делить свою добычу?“ Гиена Длинные зубы (так ее звали) — сказала: „Телка пусть будет тебе, осел мне, а овечка лисе“. Лев услышав такой ответ, рассердился и, прыгнув на гиену, одним ударом лапы убил гиену. Потом, оборотясь к лисе, он спросил: „Ну, а ты лиса, что ты скажешь?“.

„Очевидно, — ответила лиса, — что телка, осел и овечка принадлежат тебе. Первую ты съешь за завтраком, вторую за обедом, а третья останется на ужин“. Лев удивился: „Кто тебя так хорошо научил?“ — спросил он. „Твоя расправа с гиеной“ — ответила лиса.

Народные поговорки и пословицы, которыми так богат амхарский язык, тоже очень часто ассоциируются с именами и повадками зверей. „О, ягненок! если я тебя не съем, ты меня съешь“ — говорит гиена в одной из поговорок. „Довод сильнейшего всегда лучший довод“ — говорят абиссинцы. На эту же тему есть еще другая поговорка. „Лев, что ест он? То, что он уносит. Но кто за него заплатит? Ну, а кто станет на него претендовать?“.

„Нужно ли сердиться, когда уже побит?“ — спрашивается в другой поговорке. Тут же следует ответ: „Делают ли изгородь после того, как гиена унесла скотину?“. „Не беритесь за хвост леопарда, — предостерегает третья, — ну, а уж если взялись, не отпускайте его из рук“.[1]

Среди народных сказок Абиссинии встречается немало сказок, аналогичных по своему содержанию нашим европейским.

Например, сказка о двух глухих и глухом судье.

Глухая женщина с ребенком за спиной полола в своем огороде. К ней подошел глухой человек, который искал своих пропавших овец. Он спросил женщину: „Как поживаешь? Не видала ли ты тут овец? Если ты скажешь, куда они прошли, — я подарю тебе одну овцу, ту, которая со сломанной ногой“. Женщина поняла, что прохожий ее спрашивает: „Где кончается твое поле?“. И, показав пальцем направление, она сказала: „Вон там, а дальше уже чужое идет“. Мужчина подумал, что она показывает,

---

[1] Mondon-Vidailhet. Proverbes abyssins. Journal Asiatique, X scrie, том IV, стр. 487—495, 1904.

куда ушли овцы, и направился в ту сторону и там случайно наткнулся на своих овец. Он тотчас вернулся к женщине, неся на себе овечку со сломанной ногой. „Спасибо тебе, — „сказал он, — я нашел овец, и вот тебе обещанное". Женщина же решила, что он укоряет ее за то, что она сломала ногу овце, рассердилась и сказала: „Да я эту овцу и не видала никогда, как могла я ей ногу сломать". Он же увидав, что женщина рассердилась, подумал, что та хочет жаловаться на него судье, и тоже рассердился и показал на стоящий невдалеке дом судьи. „Ладно, пойдем", — сказала она. И они пошли. На беду судья тоже оказался глухим. Он спросил их: „Расскажите в чем дело?" Хозяин овец сказал: „Я искал овец и, увидя в поле женщину, пообещал ей дать овечку со сломанной ногой, если она покажет, куда они ушли. Она мне овец показала, я их нашел и принес ей обещанное, но она рассердилась и сказала: „Уговор был, что ты мне здоровую овцу дашь, а ты даешь хромую. Пойдем к судье. Он рассудит". Судья сказал женщине: „Что ты можешь возразить на это?" Та ответила: „Я полола поле, а он пришел и стал укорять меня, что я у его овцы ногу сломала, а я ее и в глаза никогда не видала. И потащил меня судиться!" Судья, видя за ее спиной ребенка, решил, что это отец ребенка и что она требует с него на содержание ребенка и сказал: „Чего ты споришь, ребенок твой, он даже похож на тебя. Дай ей то, что ей по закону полагается".[1]

За последние годы литература Абиссинии перестает быть обезличенной, но в то же время продолжает сохранять все особенности форм народного творчества. В произведениях современных амхарских поэтов очень много лирики и в то же время большое богатство выражений и сочность языка.

Молодой погонщик мулов тоскует о своей возлюбленной, которая ушла с кочевниками в глубь страны:

„Девушка ушла туда, в Кефреллу и в Гадем-Гарза,
Леопарды крадутся туда, рыча над своей добычей...
Тучи дождевые плывут туда — ветер их гонит весною,
Реки текут туда, бьются о берег их волны,
Слоны бредут туда, вслед за своими стадами,
Газели бегут туда, навстречу запаху моря,

[1] E. Mittwoch. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Bd. XIV, 1911, Abt. II, 43. S.

Мохамед торопится к Шадидче, чтобы на нее взглянуть,
Я же, чтобы взглянуть на мою возлюбленную
Оставил хижину, оставил все...[1]

Поэт Хамед Вад Аммар весной поет песню девушке:

„Все тебя восхваляют,
Славят тебя, как песню,
Восхваляют тебя Азумради —
— Юноши со стрелами в волосах.
Люди из племени бенараба
Восхваляют тебя,
Земля которых далеко от твоей родины.
Сыны Натаба восхваляют тебя,
— Всадники, гордо сидящие в своих седлах.
Восхваляют тебя и амхарцы,
— Знаменитые охотники на львов,
В их носах золотые кольца,
толстые, как стебли алоэ...
У них цепи вокруг шеи
— Жемчужные нити на золотом шнурке..."

и потом добавляет:

„Ты похожа на ствол пальмы —
— Такая ты коричневая и стройная.
Ты — повелительница,
Что ни сделаешь, то — закон".

Иначе воспевает девушку поэт Ад-Так Лесай. Он уподобляеет ее сказочному огненному цветку, который горит, как ночной костер.

„Дочь большого племени,
Ты, как конец рога куду́ — антилопы,[2]
Ты выступаешь, как львица,
Как последние слоны в стаде...
Влюбленные в тебя бодрствуют ночи.
Волосы твои черны и смазаны благовониями.
Ты похожа на жемчужину, которую бережет богач.

---

[1] E. Littmann. Tigré-Lieder. 1915, S. S. 595, 597, 598, 852.

[2] Рог куду считается драгоценностью в Эфиопии.

Красная, как огненный цветок ночи,
Стоишь ты всегда передо мною.
Алая, как цветок Абрэга,
Как цветок красного Ерэна,
Красная, как полосы на драгоценном платье!
Алая, как кровь, бьющаяся в жилах.
Зубы твои подобны осенней молнии,
Подобны только что выбеленному полотну.
Голос твой — это голос птицы,
Ночами поющей в чаще лесной".

Поэт Амир Вад Габбах скорбит о павшем герое:

„Сегодня опустела земля,
Все мертво и окаменело.
Сегодня разорвалось небо.
В полдень выступили звезды.
Погиб лев..."

Крайне интересны с бытовой стороны стихи о родовой мести. Махаммад Вад Бахалай посылает своего друга Салима Вад Друйя к своей возлюбленной — дочери Хага из Коди и просит его передать ей, чтобы не осудила она его, что он занят сейчас только мыслью о мести:

„Ночью стремятся трое вдаль —
Луна, Плеяды, Юпитер...
Ночью ливни проходят вдаль,
Канавы водой наполняя...
Ночью бредут верблюды вдаль, —
Терпеливые носильщики тяжестей,
Ночью идет оскорбленный вдаль,
Который неправду творит и страдает.
Ночью влюбленный бредет вдаль,
Любовь на чужбину гонит...
Приветствуй Салим Вад Друйя
Дочь Хага из Коди!
Ты ее узнаешь по кольцу,
Которое продето в ее ноздрях,
— Блестящей, прекрасной вещи.
На ее шее сверкает ожерелье
И золотые серьги горят в ушах.

Дочь Хага из Коди — приветствуй ее,
Салим, когда ты придешь туда.
Она тебе не скажет: „Старик“,

Она подруга моих детских лет,

Она не осудит меня.
Она знает мои обычаи.
Все мое дурное, все мое хорошее,
Все мои неудачи и борьбу
И все мои дела.
(Скажи ей)
„Что за ночь, у которой нет рассвета?
Что за день, который не переходит в ночь?
Что за жажда, которой никак не утолить?
Хотя бы пил из многих источников?
Что за нога, которой нет покоя?
Что за тело, которое не чувствует голода?
Встань! о Едрис! брат мой!
Какая польза тебе, что ты спишь?
Мертвецы будят меня,
— Ими коршуны утоляют голод и жажду.
Сироты будят меня,
Оставшиеся без отцов,
Жалобы жен будят меня,
Оставшихся без мужей!“

Отомстив, Махаммад Вад Бахалай поет следующую песню.

„Слушай дочь своего отца (обращается он к дочери убитого)
Дух его не давал мне покоя,
Могила у Тамбукат — это месть за Салаба,
Это возмездие за его смерть.
(Теперь) наше торжество, подобно торжеству наших врагов.
Наша пляска смерти подобна их пляске в Салаба,
Наш барабанный бой подобен их бою.
Каждый из убитых мною был отважен и храбр!
Павшие от моей руки также благородны,
Как и павшие от руки наших врагов!
(Теперь) сон их такой же, как сон наших.

Раны их также глубоки, как наши раны.
Их взоры, как взоры наших убитых.
— Те же потухшие взоры.
Снесите эту мою песню
Дочери Хага из Коди.
Я поседел от горя,
Ее же кудри (пусть будут) попрежнему черны".

Особенного внимания заслуживают стихи Хеммад Вад Аггата, написанные в июле 1894 г. и направленные против итальянцев.

„Велика милость бога!
— Желание всего света исполнилось!
Кроме итальянцев нет владыки в Казала.
Даже дервиши и те покинули страну.
Оставлены наши хижины...
Покинуты сокровища Казала...
Сильна власть итальянцев.
Она подобна власти Осман-ли,[1]
Богато правительство итальянцев,
Неисчислимы их сокровища,
Храбро правительство итальянцев,
Храбрость заставила отступить их в Табу.
Ре Емберто[2] теперь мой господин,
Султаном между владыками.
У него тысячи джененаре (генералов),
Их взгляда нельзя вынести.
У него тысячи кененере (полковников),
Кто может вступить с ними в спор?
У него тысячи маджоре (майоров),
Кто может оценить их величие?
У него тысячи геббетане (капитанов),
Гарцующих на конях,
У него тысячи терентис,
Прекрасных, юных офицеров.
У него тысячи кабрамангори (карабинеров),
За них говорят их штыки.

---

[1] Осман-ли — турок.
[2] Король Умберто.

У него сарганти (сержанты) и ферьеры (фурьеры),
Каждый на своем месте.
У него тысячи канониров,
Полных решения бороться.
Кроме убийства Вад Етмана
Их не в чем упрекнуть,
Но если бы меня спросили,
Я бы распорядился по своему:
„Их подданных послал бы я стеречь свои стада
И должное воздал бы и начальству.
Человек доблести — есть Вад Етман,
Из-за них он принял смерть.
Один из его сыновей погиб у египтян,
Другой в Кассале,
Его юные жены стали вдовами,
Но не хотят других мужей.
Сиротами растут дети его.
Такова теперь судьба достойных и храбрых".

Так из народного творчества разрозненных и позабытых еще совсем недавно племен, теперь втянутых в общую государственную жизнь, создается новая абиссинская литература.

Ее же языком, крайне выразительным и ярким, пишутся современные антиитальянские прокламации.

„Встань, о страна моя, — призывает одна из них, изданная в октябре 1935 г., — встань, ты, созданная раньше всех стран мира! Ты, которая раньше Китая насчитывала уже тысячелетия, которая возникла раньше Египта, Рима и Германии, которая имеет цивилизацию, заимствованную впоследствии французами, турками, англичанами, американцами и русскими..."

Но тут же автор вынужден признаться, что: „Ты призвала, дорогая мать, многочисленных сынов своих, но не нашлось ни одного, который мог бы послужить тебе". Далее следуют жалобы на то, что „молодежь дошла до самого прискорбного нравственного падения, потому что она любит лень и стремится только к заниманию высших должностей и гоняется за титулами". „Все люди разорились, — говорится дальше, — потому что мало работающих и множество тех, которые едят не работая и в великой пышности гуляют по улицам". К последним обра-

щен горячий призыв поставить Эфиопию на верный путь, чтобы избежать беспорядков в стране.

„Пусть Эфиопия наполнится войском, — говорится в другой прокламации, — вставайте и зовите друг друга. В единстве и в надежде, что Эфиопия может достигнуть былого расцвета, культуры и величия — наше спасение".

Далее следуют ободрения и надежды на изгнание врага: „Садитесь верхом на мулов, чтобы сражаться с «макарони».[1] «Макарони» — ешьте их, укорачивая постепенно, они не повредят вам. Если вам попадаются «макарони», их надо съедать тотчас же. Некогда «макарони» были уже съедены нами, но у нас осталось еще на глоток".

Нередко достается и англичанам. В одной из широко распространенных прокламаций англичан ясно обвиняют в том, что они вызвали финансовую гибель Абиссинии. „Благодаря английскому стерлингу, ценность талера понизилась почти до нуля. Иностранная валюта втянула в игру абиссинские деньги, высосала их и сделала наш народ нищим".

По словам итальянского корреспондента, большая часть прокламаций направлена против чужестранцев и содержит в себе призыв освободиться от экономической тирании европейских народов. Так, в одной прокламации сказано, что „покупая иностранные товары, народ эфиопский покупает нищету. После работы в продолжение целого года его руки оказываются пустыми. Тем товарам, которые приходят из чужих стран, надо предпочесть белые одежды, вытканные в родной стране", заключает автор.

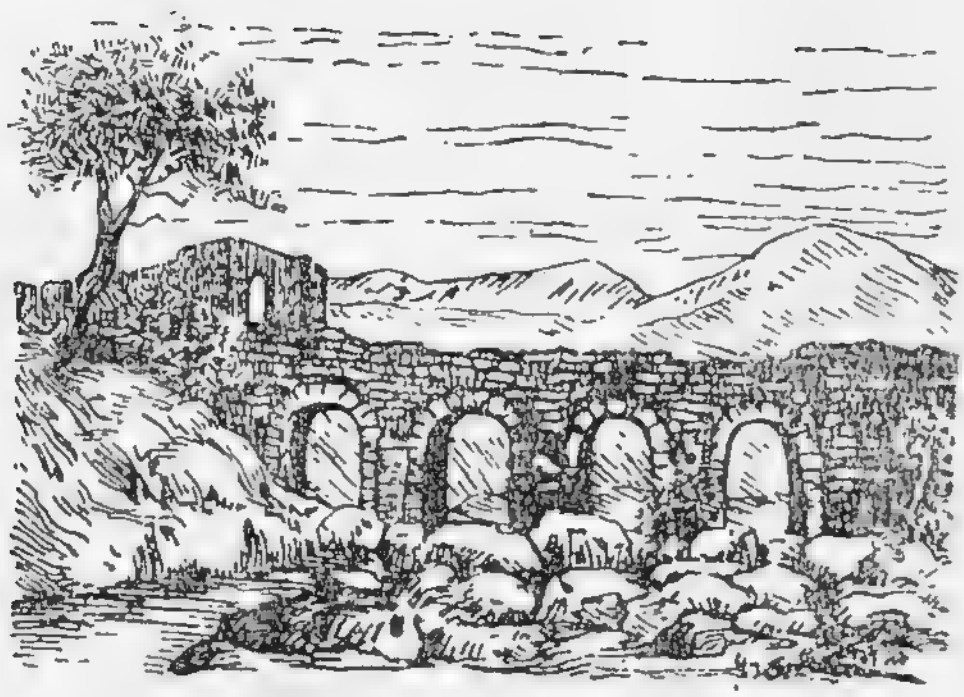
Так, перевернув старые традиции и условности, опираясь на народное творчество и сталкивая по пути подобострастно застывшую на подножке великолепного автомобиля негуса Хайле Селласье придворную поэзию, стремительно движется вперед новая, здоровая, яркая и свежая современная абиссинская литература.

* * *

[1] Насмешливое прозвище, данное абиссинцами итальянцам.

К. Н. ЛУКНИЦКИЙ

АБИССИНИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА



Народы нильской Эфиопии и Нубии приносят дань египетскому фараону Рамзесу II (по цветным барельефам храма Бет-аль-Уали).

ИСТОЧНИКИ

История Абиссинии еще ждет своих исследователей. Особенно мало мы знаем о древней и средневековой истории Абиссинии. Действительно научной, т. е. марксистской работы по истории Абиссинии еще не существует. Лишь в настоящее время, в связи с итало-абиссинским конфликтом и войною, у нас в СССР началось изучение удивительной африканской страны, еще не ставшей колонией.

Имеющиеся по общей истории Абиссинии работы буржуазных авторов немногочисленны и неудовлетворительны. Импозантная с внешней стороны двухтомная работа британского египтолога Беджа[1] представляет собою довольно хаотичное нагромождение фактов, перемешанных с вымыслами. Правда, автор дает много интересного материала, заимствованного из различных источников. Но, на ряду с этим, сколько всякой некритически скомпилированной трухи и какая беспомощность системы и метода, невозможность дать хоть сколько-нибудь цельное представление об Абиссинии с древнейших времен до наших дней, отсутствие всякой, даже скверной буржуазной, исторической перспективы! Пожалуй, лучшая из всех буржуазных общих работ по истории Абиссинии принадлежит перу крупнейшего в мире

---

[1] E. A. W. Budge. A history of Ethiopia, Nubia and Abyssinia, 2 vol., London, 1928.

„абиссинолога" итальянца Карло Конти Россини.[1] Конти Россини великолепно знает языки Абиссинии и издал немалое количество абиссинских текстов. Он изучил на месте многие абиссинские древности и собрал ценные рукописи. Но даже и книга Карло Россини, эта лучшая из работ буржуазных авторов, далеко не может нас удовлетворить. Из нее мы почти ничего не узнаем о материальном производстве древней, средневековой и современной Абиссинии, о ее классовой структуре, о том, какие формы принимала борьба классов, как жило, работало, управлялось и восставало население Абиссинии. Словом, из работы Конти Россини мы не узнаем главного: подлинной истории Абиссинии.

Изучение истории Абиссинии затрудняется, правда, недостатком первоклассных исторических источников, на которые могли бы опираться исследования. Историки древнейшей Абиссинии, например, не имеют в своем распоряжении и сотой доли исторических памятников, подобных тем, которыми располагают, скажем, историки древнего Египта, Вавилонии, Ассирии, Финикии, Мексики, Перу, государства майев и т. д. Об исторических архивах, подобных Телль-эль-Амарнскому, и таких источниках, как дипломатические документы Рамсеса II и ассирийского царя Ассархаддона, донесения чиновников времен Ассурбанипала и переписка царя Хаммурапи, исследователи истории Абиссинии могли бы лишь мечтать.

Эпиграфические как и всякие другие археологические материалы по истории древней Абиссинии очень скудны. До сего времени известны лишь сравнительно немногие надписи, найденные на стелах, обелисках и стенах храмов среди развалин древних городов северной Абиссинии: Аксума, Адулиса, Еха и др. Надписи скопированы и расшифрованы трудами Салта, Рюппеля, Дилльманна, Бента и других ученых. Особенно тщательную работу по их исследованию произвела перед империалистической войною немецкая Аксумская экспедиция, возглавленная Энно Литтманном.[2] Открытые надписи, однако, охватывают незначительные отрезки древне-абиссинской истории и говорят немногое.

---

[1] C. Conti Rossini. Storia d'Ethiopia, 2 vol., Bergamo, 1928.

[2] Enno Littmann. Deutsche Aksum Expedition, 5 Bd., Berlin, 1913; см. также: J. Bent. The sacred city of the Ethiopians. London, 1893; H. Salt. A voyage to Abyssinia, London, 1814; A. Dillmann, Über die Anfänge des Axumitischen Reiches Berlin, 1879, и др.

Древнее наскальное изображение львицы в Тобедра близ Аксума.

В Огадене и других местностях южной Абиссинии миссионером Азаисом были найдены, сравнительно недавно, неолитические монолиты. Их изучал Каммерер, но значение этих памятников полностью еще не вскрыто.

Найденные в разное время золотые, серебряные и медные монеты древнего абиссинского Аксумского государства также говорят немного. На них лишь можно увидеть изображение и прочесть имя царя, время царствования которого, однако, определить точно невозможно. Монеты изучены и описаны Шлюмбергом, Гиллом, Литтманном, Каммерером и др.

Но скудость первоклассных исторических источников не может являться оправданием для буржуазной исторической науки.

Во-первых, археологи еще не все сделали для раскрытия тайн древней и средневековой истории Абиссинии. Очень мало еще уделяется внимания собиранию и изучению предметов материальной культуры: орудий производства, утвари и пр. И, во-вторых, имеющиеся в изобилии такие ценные источники как абиссинские хроники не используются как следует для выяснения истинной истории страны. Упомянутый уже Бедж умудрился в своей книге извлечь из абиссинских хроник едва ли не самое малосущественное. Некоторые маститые ориентологи, и среди

них наш соотечественник Б. А. Тураев, тратили бесконечно много усилий на перевод с древнеабиссинского языка геэз и издание многочисленной абиссинской церковной литературы. Ею интересовались не с целью выяснения идеологического отражения реальных отношений, изучения действительной истории религии и церкви в Абиссинии, а для написания произведений типа „Жития абиссинских святых".[1]

В таком направлении работы виноваты не абиссинские источники, а политические воззрения и им сопутствующие идеалистические установки буржуазных историков.

Абиссинских рукописей в европейских хранилищах собрано много. Уже в 1899 г. Конти Россини смог зарегистрировать в своем перечне 1200 с лишним томов абиссинских рукописей, находившихся в Европе.[2] Из них самым обширным было собрание Британского музея: 470 экземпляров. Большая часть из них были вывезены из Абиссинии британской военной экспедицией Нэпира 1867—1868 гг., которая захватила в крепости Магдале более 500 рукописей, собранных там по приказу негуса Абиссинии Теодора. Большое число рукописей привез также в Англию шотландец Брюс, совершивший в 1769—1771 гг. свое знаменитое путешествие. В описании своего путешествия Брюс напечатал компиляцию, не совсем точную, из собранных им хроник, которая явилась одной из первых попыток использовать абиссинские рукописные исторические источники.[3] Собрание Британского музея описано в каталогах Райта и Дилльманна.

С Британским музеем своими абиссинскими рукописными коллекциями конкурирует Парижская национальная библиотека. Здесь в 1899 г. было 170 рукописей, поступивших из разных

---

[1] См., напр., Б. Тураев. Исследование агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902; его же. Из эфиопской литературы. I. Псалмы как заговоры. II. Велиал и его узы. III. Новая рукопись чудес св. троицы. П., 1918; его же. Коптско-эфиопское сказание о преподобном Кире. СПб., 1903; его же. Исследование Зара-Якоба. СПб., 1904; его же. Агиологическое повествование о падении Аксумского царства. СПб., 1905. См. также. K. Basset. Les apocryphes Ethiopiens. 10 vol., Paris, 1893—1900; A. Dillmann, Liber Henoch, Aethiopice. Lipsae, 1851; H. Zotenberg. Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph. Paris, 1886 и мн. др.

[2] C. Conti Rossini. Monoscritti ed opere abissine in Europa. Rendicontti (5)8, 1899, pp. 606—637.

[3] J. Bruce. Travels to discover the source of Nile, etc. Book III & IV. Annals of Abyssinia. Разные издания. Брюс плохо знал абиссинские языки.

источников: из древнейшего собрания Сегюера, от путешественников д'Ерикура, Лежана и др. Сюда же влились ценнейшие собрания Аббади: 234 рукописи, более 600 различных работ, и в 1910 г. Мондон Видайльета — 133 рукописи. Эти собрания Парижской национальной библиотеки описаны в каталогах Зотенберга, Аббади, Шена и др.

Далее, ценные собрания абиссинских рукописей имеются в библиотеках Ватикана, Берлинской, Бодлеянской в Оксфорде, Франкфуртской, Кембриджской, Тюбингенского университета, Венской и др.

В хранилищах СССР, например, в Государственной публичной библиотеке и в библиотеке Института востоковедения Академии Наук также имеются абиссинские рукописи, однако, к сожалению, исключительно религиозного содержания. Русские собрания абиссинских рукописей были в свое время весьма тщательно описаны Б. Тураевым.

Новую, исчерпывающую библиографию и описание всех собраний абиссинских рукописей как русских, так и иностранных опубликовал недавно итальянец Зануто.[1]

Ученые Дилльманн, Зотенберг, Перрушон, Бассе, Перейра и, в особенности, Гвиди и Конти Россини перевели с абиссинского и издали на европейских языках тексты многих из абиссинских хроник. Эти хроники, как исторические источники, имеют, конечно, ценность относительную, и требуется большая критическая работа для извлечения из толстой скорлупы мифа и традиции зерен исторической истины. Хроники приходится рассматривать в значительной мере не как исторические, а скорее как литературные произведения.

Странные вещи можно прочесть иногда в абиссинских хрониках о прошлом страны. Обычно, например, хроники начинают историю Абиссинии рассказом о большом змие, будто бы правившем в древние времена абиссинским государством.

„Вначале Тигре управлялось большим змием и Тигре поклонялось большому змию. В то время отец царицы д'Хазиеб (Савской), именовавшейся Македа, сумел убить змия, после чего стал царствовать над Тигре. Тигрейцы решили, что его дети должны править после него. Когда он умер, его дочь Македа правила Тигре подобно отцу, под именем царицы

---

[1] Zanuto. Bibliografia ethiopica. Roma, 1932.

д'Хазиеб" — вот как начинается писанная в XX в. хроника Менелика.[1]

Следует помнить, что печатных книг в Абиссинии до самого последнего времени не было. Хроники пишутся придворными летописцами и копируются от руки писцами-монахами, сочетающими немалое усердие с превеликой невежественностью. Перепутываются и искажаются имена, даты, события. Иногда кропотливый труд приукрашивается фантазией, от скуки или в угоду господам духовным и светским. Сочиняются пышные родословные и хвастливые повести о доблестях и славных победах царей. Монополию писания и истолкования истории держит в своих руках абиссинская коптская церковь, и крупицы истины обволакиваются толстой паутиною религиозной лжи, суеверия, басен. Немудрено, что хроники постоянно противоречат одна другой и даже сами себе.

Большинство дошедших до нас исторических хроник — сравнительно недавнего происхождения: они написаны в XVII—XIX вв. Самые ранние из имеющихся хроник относятся к XIII—XIV вв., с какого времени абиссинские источники и дают сколько-нибудь связное изложение подлинных или легендарных событий абиссинской истории в обычном для них феодально-церковном стиле. Здесь на ряду с легендами встречаются часто ценные исторические свидетельства. Там же, где хроники говорят об истории древней Абиссинии, господствуют широкий произвол и путаница.

Так обстоит, например, дело с вопросом о древнейших абиссинских царских династиях.

Некоторые абиссинские хронологические списки царей ведут их род от самого Адама. Другие от легендарного Ори, отожествляемого с библейским Арамом, сыном Сима. Таков, например, список, составленный в 1926 г. по приказу нынешнего негуса, тогда еще раса, Тафари. Список нисходит до 970 г. со дня „сотворения мира" (4530 г. до н. э.) и кончается 7279 г. (1787 г. н. э.). Всего за 6310 лет указано 314 царей. При ближайшем анализе оказывается, что список присваивает Абиссинии не только ряд библейских имен, но и имена царей Месопотамии, Нубии, фараонов Египта. Среди абиссинских царей оказываются (в несколько искаженном виде) имена Аменхотепа, Рамзеса,

[1] Guébré Sellassié. Chronique du Règne de Ménélik II, roi des rois d'Ethiopie, 2 vol., Paris, 1930, I, pp. 1—2.

Псаметиха и др. Повидимому, истина не являлась целью, стоявшей перед составителями списков, работавших во славу абиссинских церкви и государя. Версия о происхождении от Сима — сравнительно недавнего происхождения. Ее смысл доказать, что господствующие классы Абиссинии имеют мало общего с африканскими народами.

Раньше довольно широкое официальное хождение имела легенда о происхождении от Хама. Согласно ей, сыновья Хама были отцами народов:

Куш (Нубия)
Мисраим (Египет)
Пут (Ливия)
Хенаан (Финикия)

Куш был отцом всех народов, живших по западному и восточному берегам Красного моря. Потомки Куша будто бы и основали древнее абиссинское государство Аксум. Один абиссинский священник, например, изложил Литтманну это предание в следующем виде:

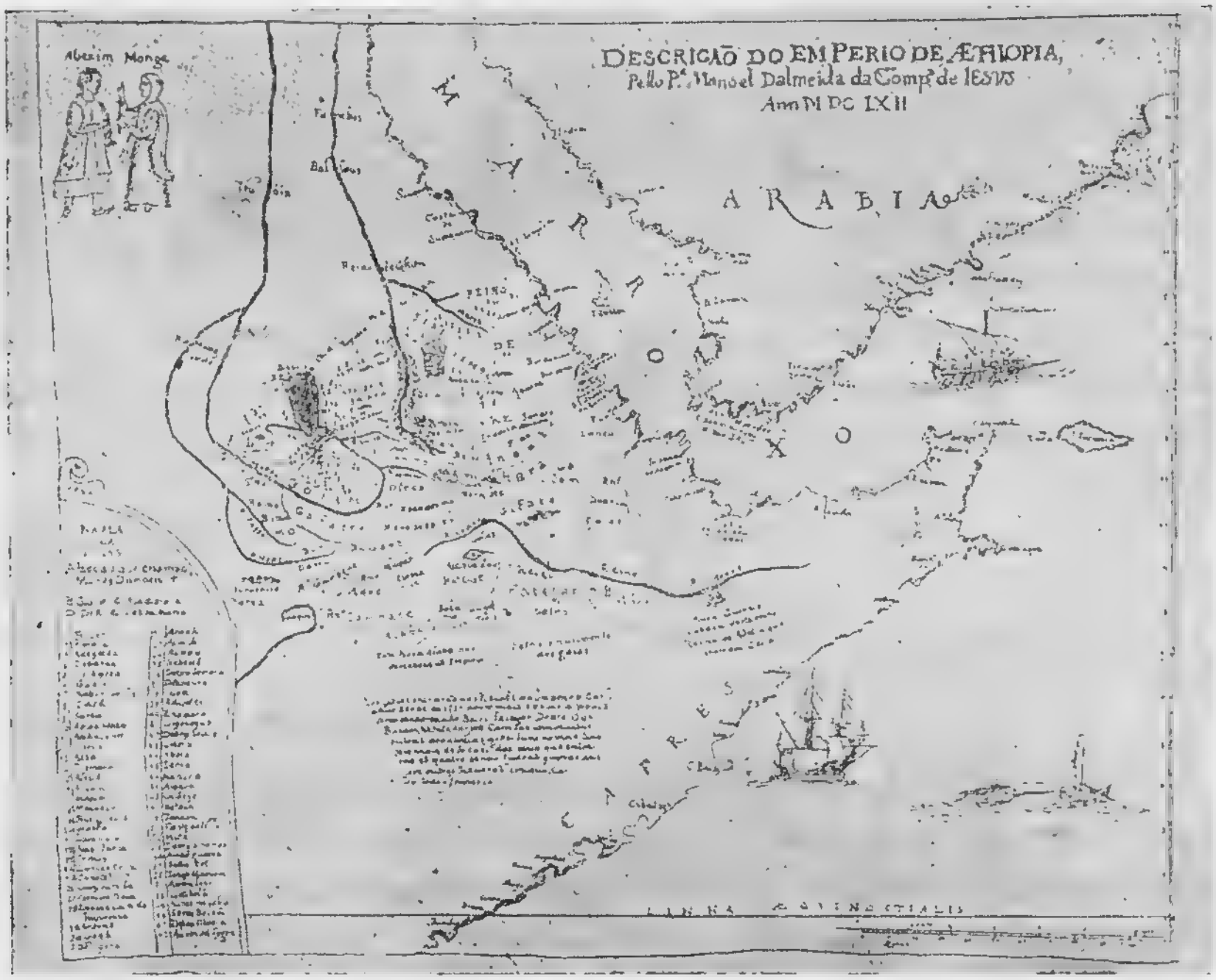
„Хам произвел Куша, Куш произвел Эфиописа, по имени которого страна называется Эфиопией до настоящего времени. Эфиопис был похоронен в Аксуме, и его могила известна там до сего дня... Эфиопис произвел Аксумави, произвел Малакия Аксум, а также произвел Сума, Нафаса, Багио, Кудуки, Акхоро, Фашеба. Эти шесть сыновей стали отцами Аксума..."[1]

Цель этих легенд довольно прозрачная — возвеличить абиссинских государей и присвоить абиссинской церкви библейское наследство; показать, что абиссинцы спокон веку не были язычниками. Так как история самой Абиссинии не была столь древней, как это хотелось абиссинским церковникам-летописцам, то они присвоили Абиссинии не только имя, но и историю древнего государства Куш и Эфиопии. Такое государство действительно существовало в верхнем течении Нила на месте нынешнего Судана, рядом с Абиссинией.

Некоторые ценные сведения можно извлечь из географических и исторических сочинений современников (к которым, однако, нужно всегда относиться с большой дозой скепсиса).

---

[1] E. Littmann. Deutsche Aksum Expedition, I, S. 38.



Карта Абиссинии 1662 г. из книги иезуита Мануэль д'Альмейда.

О древней Абиссинии кое-что сообщают греческие, римские, сирийские и византийские авторы. Здесь укажем прежде всего на имена Плиния, Птоломея, Космы Индоплавателя и на написанный в I в. неизвестным автором „Перипл Эритрейского моря".

На историю Абиссинии в VII—XV вв. проливают свет арабские писатели, особенно Макризи и Эн-дин Ахмед, и некоторые коптско-александрийские произведения.

С конца XV в. в Абиссинию начали проникать европейцы, с самого начала португальцы, иезуитские миссионеры, затем в XVIII и XIX вв. французские, британские, итальянские и прочие путешественники, миссионеры и дипломаты.

Первые португальцы, проникшие в Абиссинию в лице Альвареца, Бермудеца и Кастаньозо, оставили, если не во всем правдивые, то во всяком случае интересные описания Абиссинии XVI в.[1] Более обстоятельны, хоть и также не лишены со-

[1] F. Alvarez. Ho Preste Joam das Indias, Lisboa, 1540; J. Bermudez, Esta he hũa breue relacion de embaxada q. o Patriarcha dõ João Bermudez

знательных или невольных искажений, написанные в XVII в. труды португальских и испанских иезуитов Мануэль Альмейда, Иеронимо Лобо и Альфонса Мендеца.[1]

О пребывании и деятельности в Абиссинии и о самой стране ценные сведения дают также сохранившиеся в Ватикане, во Флоренции и Португалии архивы римского папы, „Общества Иисуса“ и т. д. Часть документов из этих архивов издал в своей монументальной серии Беккари.[2]

Иов Людольф.

Живший в Саксонии в конце XVII в. немецкий ученый Иов Людольф, добросовестно изучив все доступные ему источники, в том числе и абиссинские, дал в 1681 г. первую, приближающуюся к научной, не потерявшую и до сего дня значения, систематическую работу по истории Абиссинии. Людольф был и первым, составившим грамматику и азбуку абиссинского языка, и его справедливо считают основоположником серьезного изучения истории Абиссинии и абиссинских языков.[3]

---

trouxe do Emperador da Ethiopia, Lisboa, 1565; M. Castanhoso. Historia das cousas que o muy efforçado capitaõ Dom Christoũao da Gama fez nos reynos do Preste Joaõ ... Lisboa, 1548.

[1] M. Almeyda. Historia geral de Ethiopia, Coimbra, 1660; J. Lobo. Historia de Etiopia, Coimbra, 1659; A. Mendez. Expeditionis Aethiopicae, 2 vol., Roma, 1908—1909.

[2] C. Beccari. Rerum Aethiopicarum scriptores occidentales inedity, 15 vol., Roma, 1906—1917.

[3] J. Ludolfus. Historia Aethiopica sive brevis et succinta descriptio Regni Habessinorum, Frankfurt am Main, 1681.

Картины Абиссинии XVIII в. дают в описаниях своих путешествий Понсе и Брюс.

По истории Абиссинии XIX—XX вв. сведения, хоть и большей частью отрывочные, сообщают несколько сот разного значения работ на всех европейских языках и ряд собраний дипломатических и прочих документов.

* * *

НИЛЬСКАЯ ЭФИОПИЯ

„Эфиопия" — официальное название Абиссинии. Это слово греческого происхождения. Греки словом „Эфиопия" называли сначала жаркие экваториальные страны, находящиеся южнее хорошо им известного Египта. „Эфиопами" большей частью назывались черные народы Африки. Иногда делались упоминания о „западных" и „восточных" эфиопах. Под первыми подразумевали азиатов, под последними — африканцев.

В гомеровских поэмах эфиопами назывались люди, живущие на краю света; они обедают вместе с богами, и солнце встает и садится в их стране.

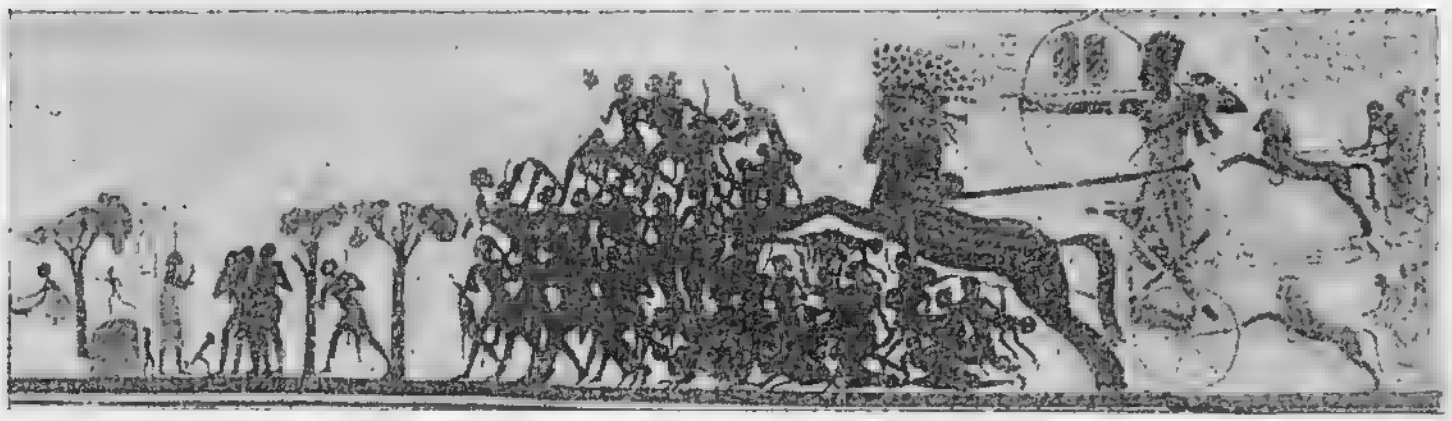
> Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
> (крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
> бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
> Пышную тучных быков и баранов принять экатомбу.
> Там он, сидя на пиру веселился...
>
> *(Гомер. Одиссея)*

Геродот также называл Эфиопией страну, находящуюся на краю земли. „Крайняя страна на юго-западе обитаемой земли — Эфиопия. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород растут в диком состоянии, между прочим эбеновые, живут люди огромнейшего роста, красивейшие и долговечнейшие".[1]

С развитием и уточнением географических познаний, Эфиопией стали называть страну более ограниченную. Диодор, Страбон и Плиний понимали под „эфиопами" жителей Верхней Нубии

---

[1] Геродот: История в девяти книгах, М., 1888, кн. III, 114.



Сцены покорения Нубии Рамзесом II около 1330 г. н. э. (по цветным барельефам храма Бет-аль-Уали).

и „острова“ Мерое. Страбон, например, писал: „Страны к югу (от Египта) населяют троглодиты, блемии, нубийцы, мегабары, т. е. эфиопы, живущие выше Сиены“ и далее упоминал еще об „эфиопах, живущих южнее и около Мерое“.[1]

Евреи называли страну на юг от Египта, т. е. Верхнюю Нубию и Мерое, „Страною Куш“.

Страна была заселена независимыми племенами. Египтяне вели торговлю с этой нильской Эфиопией, интересуясь рабами, слоновой костью, золотом и эбеновым деревом, и совершали свои набеги. При XII династии египтяне покорили значительную часть страны. Фараон этой династии Сенусерт, продвинувший владения Египта далеко на юг, построил на границе крепости и установил стелы с надписями, запрещавшими черным спускаться вниз по Нилу.

„Я хватаю как крокодил, я раздавливаю беспощадно,
Слова не лежат бездеятельными в моем сердце“ ...

угрожал фараон, издеваясь над трусостью черных.[2]

При XVIII династии Египет снова расширил свои владения. Страна стала египетской провинцией и назначаемый во главе провинции чиновник именовался „принц страны Куш“. С населения взималась дань рабами, быками, золотом, слоновой костью, редкими бусами, шкурами и утварью. Жители страны часто восставали и столь же часто усмирялись. Сведения об этих карательных экспедициях записаны на египетских памятниках.

Около XI в. до н. э. Эфиопия стала независимой. Столицей государства была Напата. Государство было столь могуще-

---

[1] Strabo, XVIII, I, 53.

[2] Текст надписи см. E. Budge. History of Ethiopia, p. 14.

ственным, что в середине VIII в. до н. э. покорило Египет, и XXV династия фараонов вошла в историю как эфиопская.

Около 660 г. до нашей эры Египет сбросил власть эфиопских правителей. Эфиопское государство Напата оставалось независимым. Решающее значение в управлении страною играла каста жрецов. Вскоре персидский царь Камбиз предпринял поход против Эфиопии, и столица государства была перенесена в Мерое (нынешний Хартум) на юго-восток от Напаты, на расстоянии трех дней пути. Напата же осталась религиозным центром. Современник Птоломея Филадельфа Эргамен истребил жрецов Напаты и сломил власть духовенства.

В I в. до н. э., когда римляне завоевали Египет, им пришлось встретиться с сопротивлением эфиопов во главе с кандакай—так назывались их царицы. Как повествуют Страбон и Плиний, эфиопы вторглись в Верхний Египет, дошли до Фил, Элефантины и Сиэны, захватили множество пленных и ниспровергли статуи Августа. Тогда римский префект Египта, Гай Петроний, двинулся против эфиопов, дошел до самой Напаты и разрушил ее. Эфиопам пришлось платить дань Риму. Могущество Эфиопии ослабло. Экспедиция Нерона, посланная для исследования верхнего течения Нила, нашла здесь „пустыню". В последующее время Мерое или Эфиопия находится в упадке и в IV в. завоевывается северным абиссинским государством Аксум, явившимся родоначальником современной Абиссинии.

* * *

АКСУМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Абиссинские летописцы неосновательно ведут происхождение современной Абиссинии от древней Эфиопии, или страны Куш. Современная Абиссиния выросла из государства Аксум, существовавшего независимо от нильской Эфиопии (Мерое и Напаты) на востоке от него. Аксумское государство возникло позднее нильской Эфиопии, упадок коей совпал с подъемом Аксума.

Изучение языка Мерое, неразобранного окончательно до сих пор, заставляет предполагать, что нильская Эфиопия была государством хамитов. Население древнего Аксума несомненно, в основном, семитского происхождения. Изучение древнего

абиссинского языка геэз ставит его рядом с южноаравийскими семитскими диалектами. Он близок к древнему савейскому языку и особенно к языку Мехры и Сокотры. Не только древний геэз, но и современные абиссинские языки — амхарский, считающийся государственным, а также тигре́ и тиграи (тигринья) — языки семитские, правда, уже развившиеся с известным воздействием кушитско-хамитских языков. Из южной Аравии занесен в Абиссинию и савейский шрифт, который затем подвергся преобразованию. Наконец, южной Аравии абиссинцы обязаны самим названием страны „Абиссиния", которое произошло от арабского слова „Хабеш", собственно „Эль-Хабеш". Считается установленным, что абиссинское государство находилось в теснейшей связи с южной Аравией. Аравия по своим физическим условиям весьма подходит к противоположному берегу Красного моря — Абиссинии. Абиссинское плоскогорье идет параллельно Аравии и находит себе продолжение в Иемене. Семитские племена в глубокой древности располагались по обеим сторонам Красного моря, и между ними было постоянное общение.

Нет сомнения, что возникновение и развитие Аксумского государства связано с широкой торговлей, ведшейся в те времена по берегам Красного моря.

Значение Красного моря для торговли древних было огромно. Плавания на запад вокруг Африки не существовало. Мир „оканчивался" у Геркулесовых столбов — Гибралтара. От стран северной Африки, в том числе и от Египта, весь черный материк в остальной своей части отделен полосою пустынь. Отсюда естественно, что вся торговля с восточной и центральной Африкой велась через Красное море. Здесь, по обеим сторонам Красного моря, несколько поодаль — в долине Нила и Месопотамии и ближе — на Аравийском полуострове, располагались величайшие государства древних. На север лежал путь в колыбель европейской цивилизации — Средиземноморский бассейн. На восток шел единственный морской путь в Индию и Китай.

В настоящее время океанские пароходы могут не задерживаться надолго в негостеприимном Красном море. Иное дело было, когда плавание совершалось по берегам, чуть не ощупью, медленно, с величайшими трудностями. Еще в XII в. арабский географ Эдризи писал о необычайных трудностях плавания по Красному морю. В его времена плавали по нему только днем с большими предосторожностями, вследствие опасных островов

и постоянных ураганов. Вдоль берегов Красное море усеяно коралловыми рифами и островами, которые заполняют значительную часть морского лона. Глубина моря очень различна. Немаловажное значение, в качестве препятствия навигации, играли направление ветров и их сила, морские течения и, наконец, страшный зной, господствующий здесь в летние месяцы.[1]

В связи с трудностями плавания по Красному морю по берегам его возникли многочисленные гавани и перевалочные пункты,

---

[1] Тяжелое положение, в которое попадали иногда мореплаватели на Красном море, красочно описано Диодором: „Море здесь, — говорит Диодор, — мелко и не превосходит глубиною двух оргюй (около 12 фут.). Цвет его совершенно зеленый; это явление происходит здесь не от свойств воды, а вследствие массы водорослей, просвечивающих через воду. Для плавания гребных судов эти места пригодны, потому что волны здесь не достигают значительных размеров, а рыбы — масса; но лицам, плывущим на кораблях, перевозящих слонов, сидящих глубоко и отягченных такелажем, грозят большие опасности. Идя под парусами и будучи гонимы силою ветра, они нередко ночью наталкиваются то на скалы, то на мели. Моряки не могут при этом выбраться, потому что глубина моря превосходит человеческий рост. Они стараются подталкивать корабль шестами и, когда и тут не имеют успеха, выбрасывают все, кроме пищи. Когда у них при таких обстоятельствах не хватит пищи, они впадают в крайне тяжелое положение, ибо не видят ни острова, ны мыса материка, ни другого корабля, который бы проходил поблизости; ведь описываемые местности очень негостеприимны, и плавающих здесь немного. К этим бедствиям присоединяется еще то, что волны в короткий период времени незаметно наносят к корпусу корабля такую массу песку и образуют из него такие кучи, что место кругом заполняется и корабль как бы попадает на сушу. Лица, подвергшиеся подобному бедствию, сначала еще не очень оглашают своими жалобами глухую пустыню, ибо они не сразу отчаиваются в спасении: часто случалось, что морская волна поднимала их на высоту и, подобно какому-то божеству, избавляла от опасности. Если же такой помощи богов не является, а пища иссякает, — более сильные начинают бросать за борт более слабых, чтобы остатка припасов хватило меньшему числу лиц в течение большего числа дней. Наконец, потеряв всякую надежду, и эти гибнут гораздо худшей смертью, чем умершие ранее: ведь первые скоро вернули свой дух природе, даровавшей им его; вторые же, променяв смерть на множество бедствий, умирают после долгих страданий. Корабли, лишившись пассажиров, долгое время остаются, засыпаемые песком, подобно каким-то надгробным холмам (кенотафиям). Их мачты и реи бывают видны издали и возбуждают в смотрящих чувства жалости и симпатии к погибшим. Существует указ царей (Птоломеев), предписывающий сохранять подобные обломки, чтобы они указывали морякам места, грозящие гибелью".

(Об условиях плавания на Красном море подробно см. И. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 179 и сл. Оттуда заимствована и настоящая цитата из Диодора).

процветавшие благодаря широкой торговле. Вблизи нынешнего Суэца находились города Арсиноя и Клисма. В эпоху Птоломеев и римлян здесь кончался канал, соединявший Нил с Красным морем. Сюда же шли из долины Нила и из Азии сухопутные дороги. Южнее, по африканскому берегу Красного моря, располагались Филотера (ныне Абу-Шар), Мышиная гавань (ныне Абу-Сомер), Белая гавань (ныне Косейр) и Береника (около мыса Рас-Бенас). Последняя была соединена при Птоломее II хорошей дорогой с важным нильским торговым центром Коптом. Эта дорога, как указывает Хвостов, была главным торговым путем, по которому в течение большей части греко-римского периода производилась торговля с Троглодитикой, Восточной Африкой, Южной Аравией и Индией. Далее шли гавани Птолемаида, Саба или Сабат (нынешняя Массауа), Адулис, о котором будет еще итти речь, значительно южнее — Сабы, Дира и др. На аравийском берегу находились: древняя гавань Элана, соединявшаяся сухопутными дорогами с Египтом, передней Азией и с южной Аравией; Хармуфас, в которую входило в I—II вв. до н. э. до 2000 судов, Левке-Коме и Эгре, процветавшие позднее. Далее на юге Аравии, у Баб-Эль-Мандеба, была гавань Муза, являвшаяся крупным торговым центром, и Окелис. Важное значение имели и гавани, расположенные по берегам Аденского залива и Индийского океана, как в Сомали, так и южноаравийские гавани: Счастливая Аравия (Аден), Кана и далее к востоку — Моска[1].

Благоприятное географическое положение содействовало развитию торговли по берегам Красного моря, и не удивительно, что еще задолго до н. э. в южной Аравии возникли крупные культурные государства: Минейское, Савейское, Катабанское и Хадрамаутское. Наиболее прославилось из них Савейское или Сава (Саба), расцвет которого относится к 550—115 гг. до н. э. Государство Сава разбогатело на торговле с восточной Африкой, Египтом, Сирией, Палестиной, Финикией, Ираном и Индией. Предания говорят о баснословных богатствах Савы. Одно из таких преданий записано в Библии, где говорится о посещении царицей Савской царя Соломона: „И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота

---

[1] М. Хвостов. История восточной торговли, стр. 188—218.

и драгоценными камнями... И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни; никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону. И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней. Никогда не приходило столько красного дерева и не видано было до сего дня..."

В действительности, южная Аравия вела широкую торговлю золотом, благовониями, т. е. ладаном и миррой, ценными породами деревьев и корицей. Золото шло, главным образом, из Африки. Оттуда же шли ценные породы деревьев. Благовония: ладан и мирра, имевшие в древние времена громадный спрос, шли с обоих берегов Красного моря. Мирра — смола дерева, которое еще и по сейчас растет на западном берегу Аравии и в стране Сомали. Эратосфен (III в. до н. э.) называл Баб-Эль-Мандебский пролив „страною мирры". Артемидор, писавший в конце II или начале I вв. до н. э., рядом со „страною мирры" указывал в Сомали „страну ладана". И по сейчас ладан играет некоторую роль в торговле Абиссинии и Сомали. Корица шла из Индии, вернее с Цейлона, и южная Аравия выступала в торговле ею столь важным посредником, что многие писатели древних — Геродот, Феофраст, Агафархид и Страбон — считали корицу продуктом Аравии. Другие переносили ее на берега Африки. Арабским же продуктом ошибочно считали также кардамон, тростниковый сахар и мускатный орех.[1]

Савейское государство распространяло свою власть временами и на западный берег Красного моря; в древнейшие времена в Абиссинии были поселения савейцев, по крайней мере в ряде мест Абиссинии, в том числе в Иехе, близ нынешней Адуа и в Аксуме, были найдены савейские надписи.

---

[1] Геродот писал: „Крайняя из обитаемых стран на юге — Аравия; в ней одной родятся ладан, смирна (мирра), касия, корица и леданон". Ладанные деревья, по его словам, „охраняются крылатыми змеями, маленькими и пестрыми на вид. Чтобы собрать ладан, нужно отогнать змей дымом смолы стирака". Еще поразительнее, по словам Геродота, способ собирания корицы. Ее уносят в свои недоступные гнезда птицы, и арабы действуют хитростью: отвлекают внимание птиц мясом разрубленных на куски волов, ослов. Леданон — древесная смола, которую находят в бородах козлов, и т. д. (Геродот, III, 107, 111, 112).

Характерно, что одна из самых распространенных в Абиссинии и официально признанных легенд говорит об основании столицы древнего абиссинского государства Аксум царицей Савской или ее сыном Менеликом. Здесь абиссинские церковники приспособили для целей прославления Абиссинии библейскую легенду из главы десятой „Третьей книги царств". Библейское сказание говорило, что царица Савская беседовала с Соломоном „и увидела всю его мудрость и дом, который он построил, и пищу за столом его, и жилище рабов его, и стройность слуг его и виночерпиев его, и всесожжения его... И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей; но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала". Абиссинские жрецы дополнили это сказание повестью о том, как восхищение царицы Савской мудростью и богатством Соломона перешло в более глубокие чувства, которые оказались взаимными, и результатом любви царицы Савской и царя Соломона явился сын Менелик, основатель Аксума.

Существует много вариантов этой легенды, устных и письменных. Вот одна из версий:

Царица Савская была будто бы Македой, правительницей Эфиопии, великого южного государства, включавшего страны по обе стороны Красного моря. Родилась она в 1020 г. до н. э. и взошла на трон в пятнадцатилетнем возрасте. Она отличалась замечательной красотою. Один из иерусалимских купцов посетил Эфиопию, где он покупал благовонное дерево, отделанное золотом и серебром и оправленное драгоценными камнями. Царица Савская узнала от него о мудрости царя Соломона, о порядках его дома, его славе и богатствах, и послала с купцом Соломону жемчуга и другие подарки. Соломон отправил ей в ответ также подарки и приглашение явиться в Иерусалим. Царица Савская, в сопровождении многочисленной армии и пятисот молодых девушек, верхом на верблюдах и мулах, явилась в Иерусалим. Встреча ей была оказана весьма торжественная. Для нее было отделано специальное помещение и изготовлен великолепный трон из золота и серебра, украшенный рубинами и изумрудами. Свите ее посылались ежедневно хлеб, вино, несчетное количество быков, баранов и овец.

То, что увидела Македа, превзошло всякие ее ожидания. Она была очарована оказанным ей вниманием и мудростью Соломона. Соломон со своей стороны не оказался бесчувственным к ее красоте (Судя по Библии, он был человеком великой страсти и имел 700 жен и 300 наложниц). Результатом их взаимной любви был сын Менелик.

Абиссинское сказание говорит, что не сразу Македа пошла на встречу предложениям Соломона. Он взял ее хитростью. Она отвергала его предложения, и тогда Соломон предложил царице Савской, будто бы в шутку, поклясться, что она станет его женою, если он сумеет ее уличить в воровстве. Македа со смехом согласилась на эти условия, не без удивления заявив: „Как ты, такой мудрый, можешь мне говорить такие вещи? В моей стране у меня ни в чем нет недостатка. Я меряю серебро и золото большими корзинами. Мой дом переполнен драгоценностями. Если я пришла сюда, то не для того, чтобы иметь твое серебро, а для того, чтобы научиться у тебя мудрости". Соломон устроил пышный обед, на котором гостей обильно кормили, но не давали им ни вина, ни воды. У гостей разгорелась жажда, и царица Савская тайно похитила стакан воды и была поймана на месте преступления Соломоном; проиграв спор, она согласилась стать его женою.

Сын царицы Савской и Соломона, возмужав, отправился в Иерусалим к своему отцу, научился у него премудрости и вернулся в Эфиопию. Соломон дал будто бы ему лошадей и повозки, золото и серебро, дорогие ткани и пурпур, драгоценные камни, жемчуг. Сам Менелик, кроме того, похитил тайно у своего отца ковчег завета. Царица Савская устроила сыну торжественную встречу в Аксуме. Заколото было 32 000 быков и коров, и 1300 человек охраняли ковчег завета. Царица Савская уступила ему царствование, и Менелик сделался первым „истинным" царем Аксумского государства под именем Ебна Хаким или Менелик, что значит „сын премудрости". Он копировал государственное устройство еврейского государства и совершил ряд доблестных походов, разорив ряд городов соседних стран. В одном из них он истребил гадюк с человеческим лицом и хвостом осла, растущим из поясницы. Он будто бы опустошил Нубию и угрожал самой Индии.[1]

---

[1] Guèbré Sellassié. Chronique du Règne de Ménélik. II . . . , I, pp. 2—12.

Легенда о царице Савской и царе Соломоне в изображении абиссинского художника. (Оригинал картины хранится в музее ИАЭ.)

Таково краткое содержание легенды о царице Савской. Абиссинские художники изображают ее в своих картинах, а официальные хроники включают ее в историческое повествование. Реальное зерно этого сказания, окутанное пышным убором сказания, — связь древней Абиссинии с савейской культурой южной Аравии.

Против Южной Аравии на берегу северной Абиссинии, близ нынешней Массауа, был древний абиссинский порт Адулис. Развитие красноморской торговли вызвало к жизни этот порт и повело к его процветанию. Большую роль в расцвете Адулиса сыграла торговля южной Аравии, о которой мы выше говорили, а также торговля, которую вел Египет.

Египет издавна вел торговлю по берегам Красного моря, Индийского океана и Персидского залива. Уже в середине 3-го тысячелетия до н. э. из Египта отправлялись экспедиции в „страну Пунт“, местонахождение которой многие исследователи относят к берегам Красного моря. Более оживленными сношения Египта с землею Пунт становятся при XVIII и XIX династиях, в эпоху наибольшего могущества Египта. Изображения на стенах храма Дейр-эль-Бахари детально описы-

вают экспедицию царицы Хатшепсут в страну Пунт, вероятно на Сомалийский берег. Показаны отплытие пяти кораблей, их прибытие в Пунт, ландшафт этой страны, туземцы, ее населяющие, нагрузка кораблей товарами и обратное их прибытие в Египет. Рамсес III говорит о посылке целых флотилий по Красному морю.

Особенно расширилась торговля Египта со странами Красного моря позднее, в эпоху Птоломеев. При Птоломее II Филадельфе (285—247 гг. до н. э.) предпринимается в широких размерах исследование бассейна Красного моря. Сюда посылается ряд экспедиций, основывающих египетские фактории, в первую очередь для охоты за слонами. Слоны интересовали Египет не столько из торговых соображений, сколько из стратегических. Они нужны были для ведения войны. Имея постоянные столкновения с Селевком и его преемниками, обладавшими большим количеством индийских слонов,[1] Филадельф вынужден был искать средств, чтобы не отставать от своих противников. С этой целю он организовал охоту на слонов в нильской Эфиопии и на берегах Красного моря. Для охоты на слонов и ведения торговли при Птоломее II были основаны по западному берегу ряд факторий и городов: Филотера, Охотничья Птоломея, упомянутые уже Арсиноя, Береника и др.

При Птоломее II был заново прорыт канал, соединявший Нил с Красным морем, т. е. по значению приближавшийся к нынешнему Суэцкому. Канал описан Диодором, Страбоном и Плинием. По Страбону: „канал кончается у Красного моря и у Арабского залива близ города Арсинои... Он протекает через так наз. Горькие озера... Свое начало канал, выходящий в Красное море, имеет у деревни Факуссы... Канал имеет в ширину 100 локтей, а глубину, достаточную для прохода большого грузового корабля“ ...Канал строился десять лет.[2] На канале была целая система шлюзов, и он назывался Птоломеевым. От Нила до Красного моря, кроме того, была открыта хорошая караванная дорога.

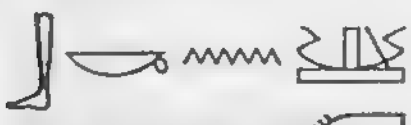
Большая Питомская стела, открытая Навиллем, повествует о том, как для изучения рынка южной части Красного моря

---

[1] Царство Селевка охватывало в это время громадное пространство от Геллеспонта и сирийского побережья Средиземного моря почти до устьев Инда.

[2] М. Хвостов, ук. соч., стр. 302—306.

Статуэтка, найденная среди руин Адулиса.

Птоломей II послал флот из четырех крупных кораблей:  с командой бравых людей, вниз по „Великой Черной Воде“, , т. е. Красному морю, и они дошли до страны черных. Из города Птоломеиса они посылали экспедиции внутрь страны для поимки слонов, которые отвозились в Египет и причислялись к армии Птоломея.

По стопам своего предшественника шел и Птоломей III, Эвергет (247—222 гг. до н. э.). О его походе повествует знаменитая надпись, открытая в древнем абиссинском порту Адулисе Космою Индоплавателем.

Косма был грек из Александрии; монах, коммерсант, путешественник и географ. Он плавал по Средиземному и Красному морям и по Индийскому океану, доходя до Цейлона. Под Эфиопией он понимал местность, простирающуюся к экватору на юг от Египта. Он посетил Адулис (как полагают в 525 г. н. э.) и нашел здесь на базальтовом троне две греческих надписи. Косма скопировал надписи и привел их в своем сочинении „Христианская топография“, в котором самые дикие, фантастические гипотезы о форме земли и строении мира уживались с весьма точными, добросовестными географическими сведениями. Одна из открытых им надписей была высечена по приказу Птоломея III.

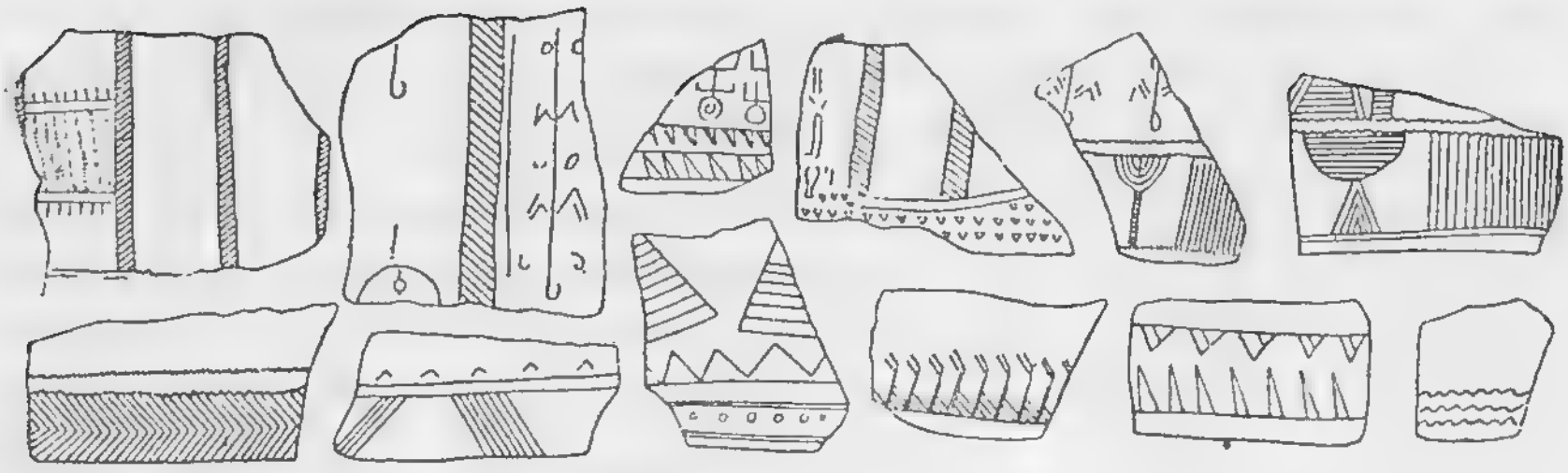
Надпись говорит о том, что Птоломей III, сын Птоломея II и Арсиное, брата бога, отпрыска Птоломея I и

Беренисы, ведущей через своего отца происхождение от Геракла, сына Зевеса, и через свою мать от Дионисия, сына Зевеса, получив от своего отца власть в Египте, Ливии, Сирии, Финикии, Кипре, Лиции, Карии и Цикладее, отправился в экспедицию в Азию. Он взял с собою пеших и конных солдат, флот и троглодитских и эфиопских слонов, которых его отец и он сам поймал в их (туземных) странах, привез в Египет и обучил для службы в армии. Далее рассказывается о покорении Месопотамии, Вавилонии, Сузианы, Персии, Мидии и других стран и возвращении Птоломея вместе с захваченной добычей обратно в Египет через канал.

Порт Адулис, в котором была найдена надпись Птоломея, был выходом в море из северной Абиссинии. После того как египетские охотники за слонами обратили свое внимание на эти берега, сюда устремились торговцы греки, римляне, евреи и арабы. Некоторые из них отправляли караваны вглубь страны за рабами, и город стал крупным рынком рабов. С юга сюда шли слоновая кость, клыки носорогов, шкуры гиппопотамов и носорогов, черепаха, привозимая с больших озер центральной Африки, обезьяны, золотой песок, смолы. Сюда стали стекаться товары из Египта, Индии, Греции, Сирии, Ирана, Аравии. С последней связь была особенно оживленной. Возвышение Адулиса совпало с расцветом торговли в Красном море.

Одним из первых абиссинских городов, который стал извлекать выгоды из этой торговли, был Аксум. Он был местом остановки для караванов, шедших из нынешнего Судана, и местным рынком. К первому веку нашей эры Аксум сделался большим и богатым городом со значительным населением, среди которого было немало греков. Первое сообщение греческих географов о существовании Аксумского государства встречается в „Перипле Эритрейского моря“, в котором упоминается „столица аксумитов“ как складочное место вывозимой через Адулис слоновой кости. Адулис именуется правительственной гаванью для римских и арабских купцов. Говорится, что над всем берегом царствует Зоскал „расчетливый и корыстолюбивый, но честный и не чуждый греческой образованности“.

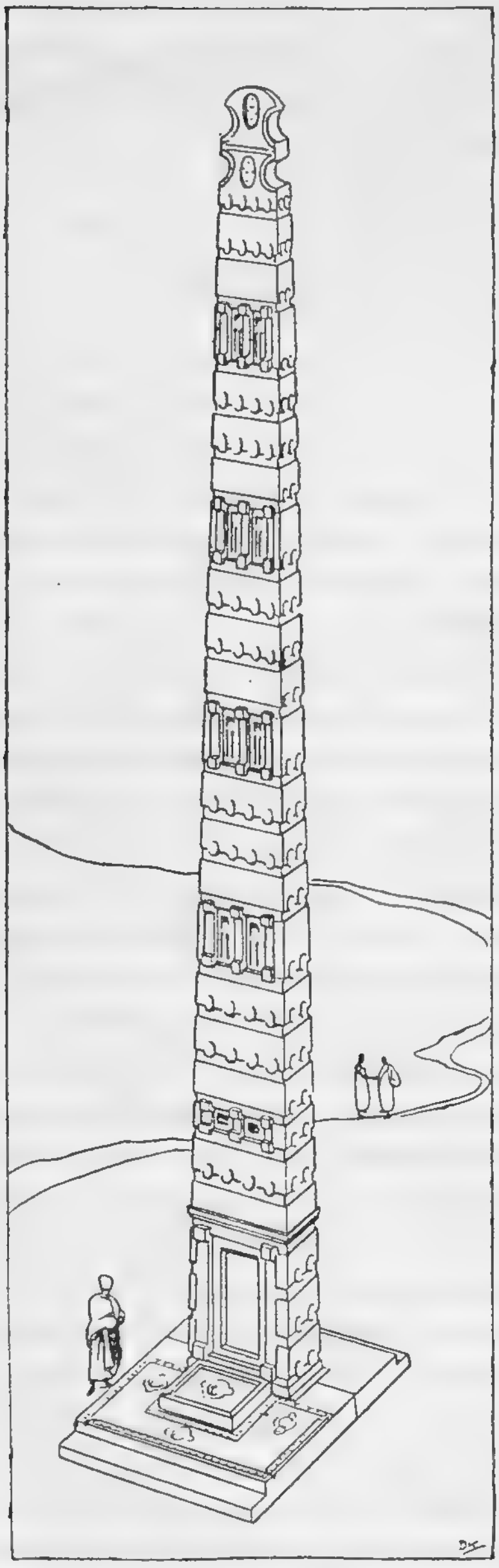
Аксум до сих пор является священным городом абиссинцев, религиозным центром, в котором совершается коронация абиссинских негусов. С этим городом связано много преданий. Мы уже привели легенду о царице Савской. Другая легенда говорит



Керамика из Адулиса.

об основании города отцом царицы Савской, Ангабо, убившем великого змия, царствовавшего здесь в течение четырехсот лет. Этот змий, по имени Вайнабо, жил в Тамбен, районе на юг от Аксума, и когда стало известно что он придет в Аксум, Ангабо обещал аксумитам, что он убьет чудовище, если они согласятся сделать его своим царем. Они с этим согласились, и Ангабо выполнил свое намерение. Он совершил магические действия на дороге, по которой должен был притти змий, и сделал магический железный предмет, который должен был нанести чудовищу смертельный удар. Вайнабо отправился в Аксум, по пути исторгая огонь из своей правой руки и левой ноги, и так, объятый пламенем, пришел в Аксум, где умер и похоронен. И гробница его будто бы известна до сего дня. Сказание об этом змие, или по абиссински „арве", что означает „зверь", „чудовище", записано в житии Исаака Гарима, одного из девяти легендарных аксумских „святых", которое издано Конти Россини в трудах Парижского конгресса ориенталистов. Когда девять монахов-проповедников собрались, к ним явился будто бы правитель Аксума и рассказал следующее:

„Есть великий змий; он — царь земли Эфиопской; ему кланяются все правители и приносят ему в дар прекрасную деву. Разубрав и украсив ее, они приводят пред этого змия и оставляют одну, и пожирает ее этот змий. Так они живут уже шестьдесят пять лет. Длина этого змия — сто семьдесят локтей, а толщина — четыре; зубы его длиною в локоть, а глаза подобны пламени огненному; брови черны, как ворон, а весь вид похож на олово и медь. Когда он пьет, не хватает семнадцати мер, а для пищи приводят ему ежедневно десять быков, десять коров, тысячу коз, тысячу овец и тысячи тысяч птиц.



Большой аксумский обелиск.

На нем рог в три локтя. Когда он двигается, шум слышен на семь дней пути“ и т. д. Подобные мифы о змиях весьма распространены у древних и в частности у египтян.[1] При близости Абиссинии к Египту ничего нет удивительного в том, что в ней нашла распространение легенда о змие. Аксумское государство поддерживало с Египтом связь не только торговую, но и культурную.

Из более достоверных, чем легенды, вещественных памятников можно узнать некоторые эпизоды истории древнего Аксумского государства. В самом Аксуме исследователи обнаружили большое количество замечательных остатков древней культуры. Сохранились до наших дней редкой архитектуры „обелиски“, или вернее монолиты, из которых самый большой достигает высоты в 23 м, а также ряд стел, развалин храмов и алтарей.

Первым из европейцев, описавших аксумские древности, был португалец Альварец, проживший в Абиссинии с 1520 по 1527 г.

„Около этого города, — писал Альварец, — имеется много камней, стоящих и лежащих на земле, очень крупных и краси-

[1] Примеры египетских мифов о змие см. у Budge, pp. 143, 189—191. См. также Б. Тураев. Из абиссинских исторических легенд. Казань, 1913.

вых, отделанных изящными рисунками. Среди них есть один, стоящий на другом и сделанный как алтарь, но очень большого размера, и он помещен в другой, как бы вырезан. Этот стоящий камень шестьдесят четыре локтя длины и шесть ширины; и стороны трех локтей ширины". Он описывает подробно и весьма точно этот знаменитый большой аксумский „обелиск" и окружающие его меньшие монолиты числом свыше 30 и обломки монолитов, лежащие на земле.[1]

Миссионер Лобо и путешественники Понсе и Брюс также упоминали об аксумских каменных памятниках. Более тщательно они были исследованы впервые Салтом, а затем Рюппелем, Бентом и экспедицией Литтманна и Люпке.

Салт открыл и списал в Аксуме на одной из плит греческую надпись, свидетельствующую о подвигах великого царя аксумитов Эзаны. Он побывал также на месте г. Адулиса и вновь открыл обнаруженный еще в VI в. Космою базальтовый трон Птоломея III и две списанные им надписи, одна из которых относилась, действительно, к Птоломею, а другая была ошибочно приписана ему Космою. Оказалось, что эта вторая надпись на мраморной плите в Адулисе относилась к неизвестному аксумскому царю. Диттенбергер, Бент, Литтманн и другие списали в Аксуме и расшифровали еще несколько надписей царей древнего Аксума, сделанных на языках греческом, древнеэфиопском, геэз и савейском.

Одна из надписей, найденная в развалинах храма Абба Пантелеона близ Аксума, говорит о царе, объявляющем себя основателем Аксума, о постройке им алтаря в подарок богу Аресу в честь победы над савейцами. Имя царя не сохранилось. Предполагают, что надпись сделана в I в. н. э.

Об одном из следующих неизвестных царей Аксума свидетельствует надпись, найденная Космою и Салтом в Адулисе. Она была начертана по-гречески на троне.

НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В АДУЛИСЕ

„... и повелев ближайшим народам быть в мире, я повел лютую войну и победил следующие народы. Я завоевал народ Газе, затем Агамэ и Сигуен и, победив их, я отделил половину их владений и их населения, как свою долю. Перейдя

[1] F. Alvarez. Ho Preste Joam das Indias, p. 82.

Нил, я нанес поражение Ауа, Зингабене, Ангабо, Тиана, Атагау, Калаа и Семене, народу, живущему на другой стороне Нила среди негостеприимных гор, покрытых глубоким снегом, в который люди погружаются по колена. Затем я покорил Ласине и Заа и Габала, живущих в горах, со склон которых истекает и устремляется вниз горячий источник. Затем я покорил Атальмо и Бега и все народы с ними. И, покорив Тангаитов, занимавших страну до границ Египта, я покинул свои собственные земли и отправился в Египет. Затем я воевал с Аннине и Метине, бежавших на весьма высокую и неприступную гору. Я окружил их и взял их в плен и я взял тех из их молодых мужчин и молодых женщин, юношей и девушек, которых хотел, и их достояние. Я покорил народы Райсон, живущие внутри страны Варваров, торгующих ладаном на обширных безводных равнинах, и народ Солате и я повелел им охранять морские берега. Разбив и победив в битвах, в которых я сам участвовал, все эти народы, защищенные внушительными горами, я разрешил им оставить себе все земли в качестве данников. Теперь большинство этих народов подчинилось мне добровольно и платило дань. Я послал военный флот и солдат против Арабитов и Кинедоколпитов, живущих по ту сторону Красного моря, и покорил их и заставил платить дань за их страну и мирно вести свои дела на суше и на море. Я воевал от Левке-Коме до земли савейцев. Все эти народы были покорены мною, первым и единственным царем, из бывших до меня, по милости ко мне августейшего моего бога Арея, который также произвел меня и подчинил моей власти все соседние мне народы от страны Ладана на востоке до стран Эфиопии и Сасой на западе. Против одних я сам отправлялся в поход и сражался, против других я посылал (войска). И, водворив во всех покоренных мною странах мир, я пришел в Адулис, чтобы принести жертвы Зевесу и Арею и за мореплавателей Посейдону. И, собрав и соединив вместе все мои войска, я воздвиг на этом месте трон и посвятил его Арею в честь двадцать седьмого года моей власти".[1]

---

[1] Перевод с греческого. Dittenberger. Orientis Graeci inscriptiones Selectae, I, № 199. См. также: Budge. Ethiopia etc., pp. 238—241; Conti Rossini. Storia d'Ethiopia, pp. 121—122; Б. Тураев. История древнего Востока, II, стр. 352—353. Перевод последнего неточен.

Аксумские монолиты (Deutsche Aksum Expedition).

Из надписи явствует, что аксумитский царь подчинил себе все народы Абиссинии на севере и востоке от Аксума (Агаме, Сигуен, Адуа, Атагау, Калаа), на северо-западе, между Египтом и Абиссинией (Ласине, Габала, Атальмо, Бега), у восточного подножия плато (Авиве и Метиве), в недоступных горах Кохейты (Сесае), на юге (Райсон и Селате). Словом, вся Абиссиния от границ Египта до Страны Ладана (Сомали) подпала под власть Аксума. По ту сторону Красного моря аксумиты воевали от Левке-Коме — порта на аравийском берегу, на севере, до земли Савейской на юге. Они прекратили разбой и заставили народы Арабитов (Химьяритов) и Кинедоколпитов платить дань.

Кто был автор надписи и когда она сделана? Здесь мнения исследователей расходятся. Одни считают, что царь, воздвигнувший памятник о своих подвигах, жил до Зоскала, упомянутого в „Перипле", т. е. до I в. н. э. Таково, например, мнение Дилльманна. Другие (Глазер, Лагарде) относят надпись к значительно более позднему времени.[1] Изучение вопроса приводит нас

[1] См. Dillmann. Con. в „Abh. Acad. d. Wiss.", p. 195 ff.; Glaser. Nochmals die Adulitanische Inschrift (Das Ausland, 1881, pp. 202—212); М. Хвостов. История восточной торговли, стр. 35—38 и др.

к выводу, что надпись следует отнести к I в. н. э. или несколько позднее — моменту первого усиления и расширения Аксумского государства, происшедшему одновременно с падением мощи Эфиопского (Мероитского) государства на западе и Савейского государства на востоке.

Возвышение Аксума поставило его на уровень с великими государствами в тогдашнем мире Римом и Парфой. Высокого могущества Аксумское государство достигло, повидимому, в первой половине IV в. н. э. К этому времени относятся несколько дошедших до нас письменных памятников царя Эзаны, которого считают современником Константина.

Надписи сообщают о многочисленных победоносных войнах Эзаны.

Первая из надписей, открытая в 1810 г. Салтом, была на греческом языке. Она выглядела так:

АКСУМСКАЯ НАДПИСЬ

Эзана, царь аксумитов и
Химьяритов и Райдана и
Эфиопии и Савейцев и Сальхена
И Тиамо и Бегаитов и
Касу, Царь Царей, сын
Непобедимого бога Ареса. Так как
Народы Бега восстали,
Мы послали наших
Братьев Сайзана и Хадефана
Воевать с ними. И когда те [оружие]
Сложили, подчинили они их [нашему господству] и
Привели их к нам вместе с их семьями
и 3112 быков
И 6224 [?] овец и вьючных животных,
Дав им мясо и
Хлеб для еды и пиво и
Вино и колодезную воду пить, все в
Достаточном количестве, согласно их числа
[А именно] Шести царьков с их народом числом в 4400,
[именно]
Они получали ежедневно
22000 пшеничных хлебов и вина в течение

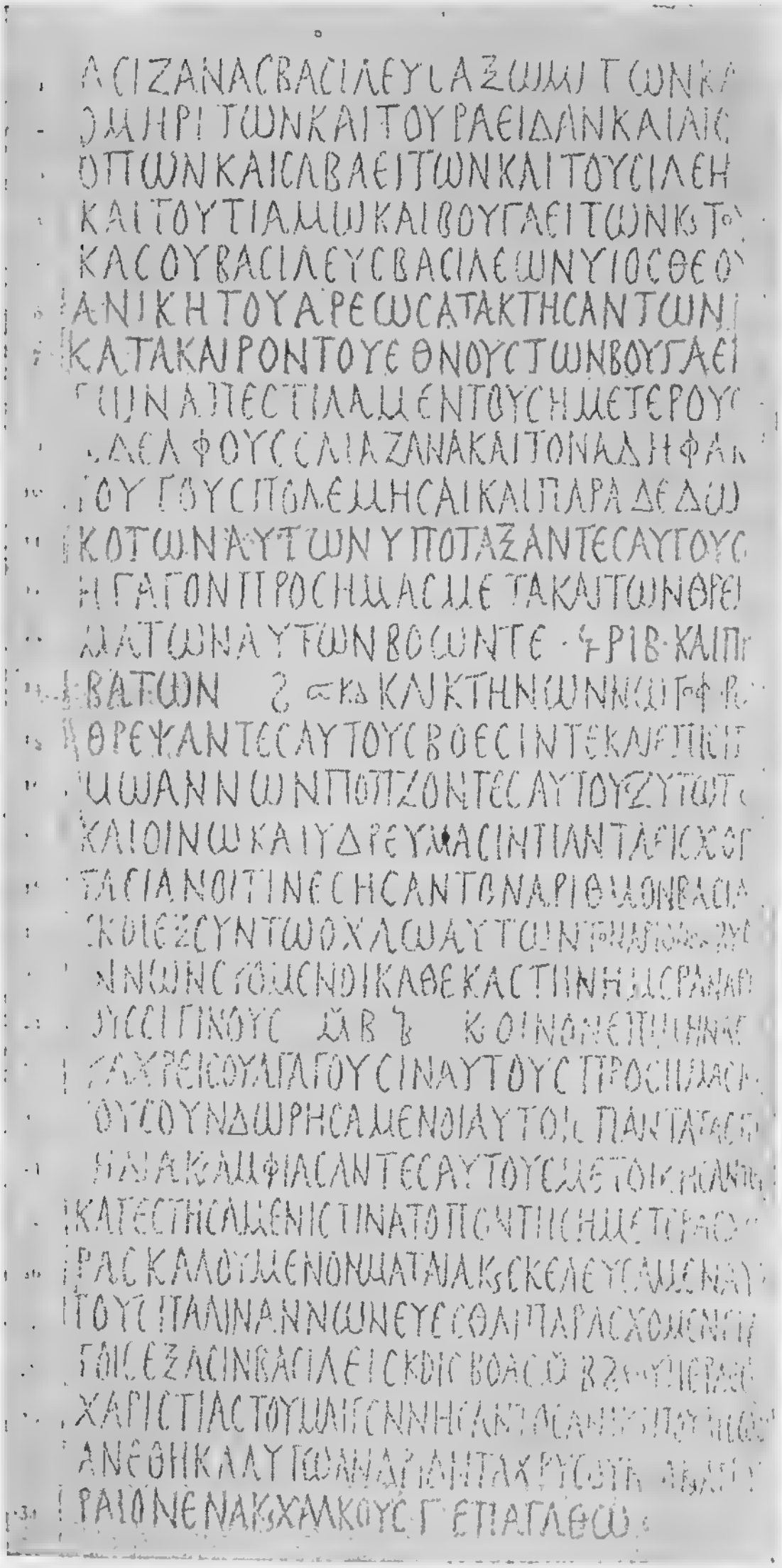
(Четырех) месяцев, пока их вели к нам. Этим
(Людям) мы также разрешили, дав им всю необходимую
пищу
И одев их, переселиться
И осесть в одном месте нашей
Страны, называвшемся Матлия. И мы повелели
Снова давать им пищу и мы
Пожаловали шести царям 25140 быков. За
Милость моего родителя, непобедимого Ареса,
Я воздвиг ему золотую статую и
Одну серебряную и три бронзовых на пользу.[1]

Такова была надпись, открытая Салтом. На обороте плиты он обнаружил какие-то знаки, которые он не понял. В 1893 г. британский путешественних Бент выяснил, что это надпись по-савейски. Бент расшифровал первые строки надписи и оказалось, что они соответствуют греческому тексту, найденному Салтом. Лишь имя бога Ареса заменено именем Махрам. Наконец, Литтманн нашел ниже савейской аналогичную надпись еще на древнеабиссинском языке геэз. Он опубликовал почти полные переводы всех трех. Содержание их сходится, за исключением того, что в савейском и геэзском текстах в конце добавлено несколько строк, говоривших о том, что кто разрушит или опрокинет то, что король воздвиг здесь, тот умрет, а его род и дети будут изгнаны из страны.

Из надписи Эзаны видно, что Аксумскому государству уже подчинялись на западе государство Эфиопское, а на востоке государства химьяритов, Райдана и савейцев. Из истории южной Аравии известно, что приблизительно в I в. до н. э. химьяриты, после длительной борьбы, подчинили своей власти Саву, и их цари стали именоваться „царями Савы и Райдана". Надпись Эзаны свидетельствует о могуществе Аксумского государства, и самый факт одновременной записи на трех языках свидетельствует о высоте культуры в Аксуме и живом общении в нем народов различных национальностей. Подобно Дарию, Эзана

---

[1] Пер. с греческого. E. Littmann. Deutsche-Aksum Expedition, Bd. IV, SS. 4—17. См. также: E. Budge. A History of Ethiopia, pp. 245—246; C. Conti Rossini. Storia, pp. 132—133; J. Bent. The sacred city of the Ethiopians, pp. 240 ff.; H. Salt. A voyage, etc., pp. 411—412. Б. Тураев. История древнего востока, II, стр. 355. У последних двух перевод неточен.



Греческий текст одной из аксумских надписей царя Эзаны.

хотел, чтобы каждый посетитель города мог прочесть о делах аксумского царя на своем родном языке. Эзана выглядит весьма гуманным и мудрым человеком, проявлявшим редкую заботу о пленных. Племя Бега, о восстании которого говорится в надписи, и по сейчас живет в северной Абиссинии (ныне Эритрее) и носит название „Бого".

Из надписи можно получить некоторое представление об экономике древней Абиссинии. Скот — быки, овцы; пшеничный хлеб, вино, пиво — вот чем жили и питались древние абиссинцы. Вино приготовлялось из меда, маиса и добавляемого для крепости корня *саду*. О социальном строе древней Абиссинии мы из надписи узнаем очень мало. Эзана называл себя „царем царей", ему подчинялись ряд государств с их правителями. Он усмиряет шестерых восставших царей, или, как они именуются, младших царей (т. е. князей), и заставляет их переселиться, дает им скот.

Представляют интерес и другие надписи Эзаны. Одна из них, открытая Бентом и расшифрованная Литтманном, повествует о том, как Эзана отправился в поход в районы на восток и юго-восток от Аксума и заставил Аббаалькео, царя Агуэзата, притти к нему и принести подарки. Затем он отправился в страну Атагау, где собрал верблюдов и животных для поклажи (мулов?) и женщин и пищи на 20 дней пути. На третий день Эзана подверг разграблению Агуэзат, всех ограбил, взял и сковал и с Аббаалькео, царя Агуэзата, сорвал одежды и заковал его с теми, кто нес его трон, и т. д.

В этой надписи Эзана называет себя сыном Элла Амида из Халена.[1]

Савейский текст одной из аксумских надписей царя Эзаны.

[1] Геэзский текст надписи и немецкий перевод: E. Littmann, IV, SS. 24—28.

Об одной из следующих карательных экспедиций Эзаны повествует открытая Литтманном надпись.

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЭЗАНЫ

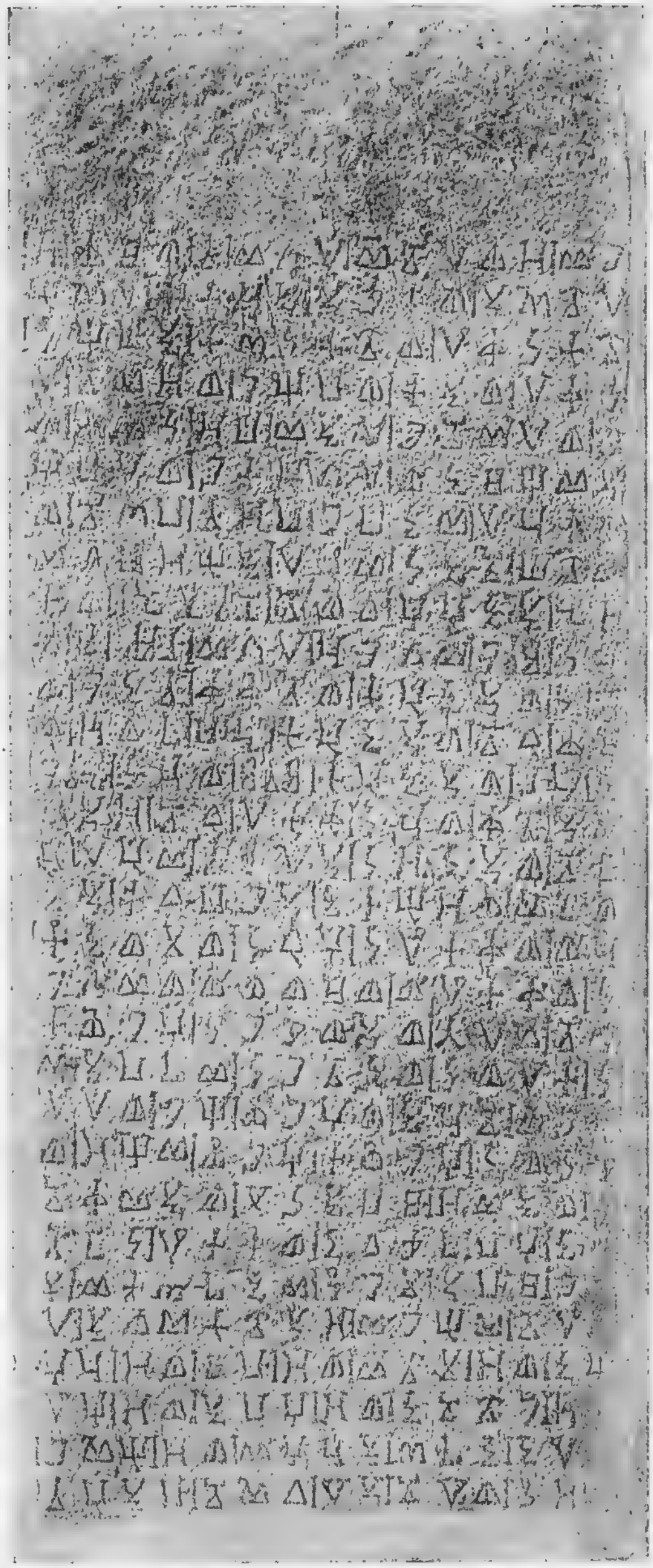
Эзана, сын Элла-Амида, из рода
Хален, царь Аксума и Химьяра
и Райдана и Савы и Саль-
хен и Сиямо и Бега и Касу,
сын Махрема, непобедимого
врагом. Пошли войною на [народ] Саране, чье царство
Афан, после того, как они учинили насилие и торговый
караван истребили. И тогда пошли мы на них войною
и прежде всего
мы послали войска, войско Махаза и
войска Дакуен и войска Хара. И мы сами
следовали позади и стали лагерем на месте сбора
армии, в Ала, и отправили [оттуда] наши войска.
И они убили их и взяли в плен и взяли добычу
от них. И мы победили Сане и Саванте
и Гема и Захтан, четыре на-
рода и взяли в плен Алита с
с его двумя детьми. И было убито мужчин Афана
503 и женщин 200, и было [всего убито] 705.
Взяты в плен мужчины и женщины, сопровождавшие
войско,
мужчин 40 и женщин и детей 165, и
было [всего] 205. Добыча быков 31900 и
57, вьючных животных 827. И [Эзана]
вернулся невредим со своим народом
и воздвиг трон, здесь в Шадо и
поставил его под защиту Астар и Бехер
и Медер. И если кто-либо ниспровергнет его и
удалит, то должны будут он и его страна и его род
ниспровергнуты и изгнаны: из своей страны
должен он быть искоренен! И принес, в благодарность
Махраму, своему родителю, 100 быков и 50 пленных.[1]

---

[1] Перевод с геэз: E. Littmann, IV, SS. 28—32. См. также: Budge, pp. 247—249; Conti Rossini, p. 136 и др.

Из этой надписи видно, что в Аксуме во времена Эзаны прообладала южносемитическая солярная религия и имели место жертвоприношения. В надписи Эзана называет себя прямо царем Аксума. Повод к эспедиции — ограбление каравана. Против виновников посланы три армии и устроено обычное избиение. Добыча — богатая.

В еще более обширной надписи, открытой также Литтманном, Эзана описывает свой поход на запад, на Нил. „Ни один враг не может устоять против меня и ни один не может за мною следовать", гордо заявляет Эзана. Он пошел на народ Ноба (Нубийцев, нильских эфиопов?), ибо народ Ноба восстал и хвастался, — „они не перейдут реку Такказе", — говорили люди Ноба. И потому, что Ноба нападали на народы Мангурто, и Хаса и Бариа[1] и на



Геэзский текст одной из аксумских надписей царя Эзаны.

[1] О народе *бария*, см. выше в очерке „Население и социальный строй".

Черных и покорили красный народ [египтян?]. И дважды и трижды они нарушали свою торжественную клятву и убивали без достаточных оснований своих соседей. Они напали на людей Эзаны, посланных для расследования, обезоружили и ограбили их. Эзана пошел войною и сражался с ними на Такказе. Они бежали, и Эзана преследовал их 23 дня и истреблял, брал в плен и брал добычу там, куда являлся. „Я сжег их города, как выстроенные из кирпича, так и из камыша, и унес их хлеб и их медь, и их железо, и их латунь (?) и [его солдаты] разрушили статуи их домов [храмов] и уничтожили их запасы хлеба и хлопка и сбросили их в реку Сида [Нил]. И было много утонувших; сколько — мне неизвестно; и они потопили в реке их переполненные людьми, мужчинами и женщинами корабли". Эзана явился в Касу и сражался и взял много пленных при слиянии рек Сида и Такказе. И на следующий день послал армии вверх по Нилу [в Мерое] и захватил выстроенные из камня города Альва и Даро. И его войска убили много людей, захватили пленных и сбросили много народу в реку. Затем он послал армии вниз по Нилу, в страну Ноба [Нубию], и снова его войска захватили много пленных и истребили много народу. Он захватил пленными: мужчин 214, женщин 405, всего 629. Мужчин убито 602, женщин и детей 156, всего 758. Добыча: рогатого скота 10560, овец 51050.[1]

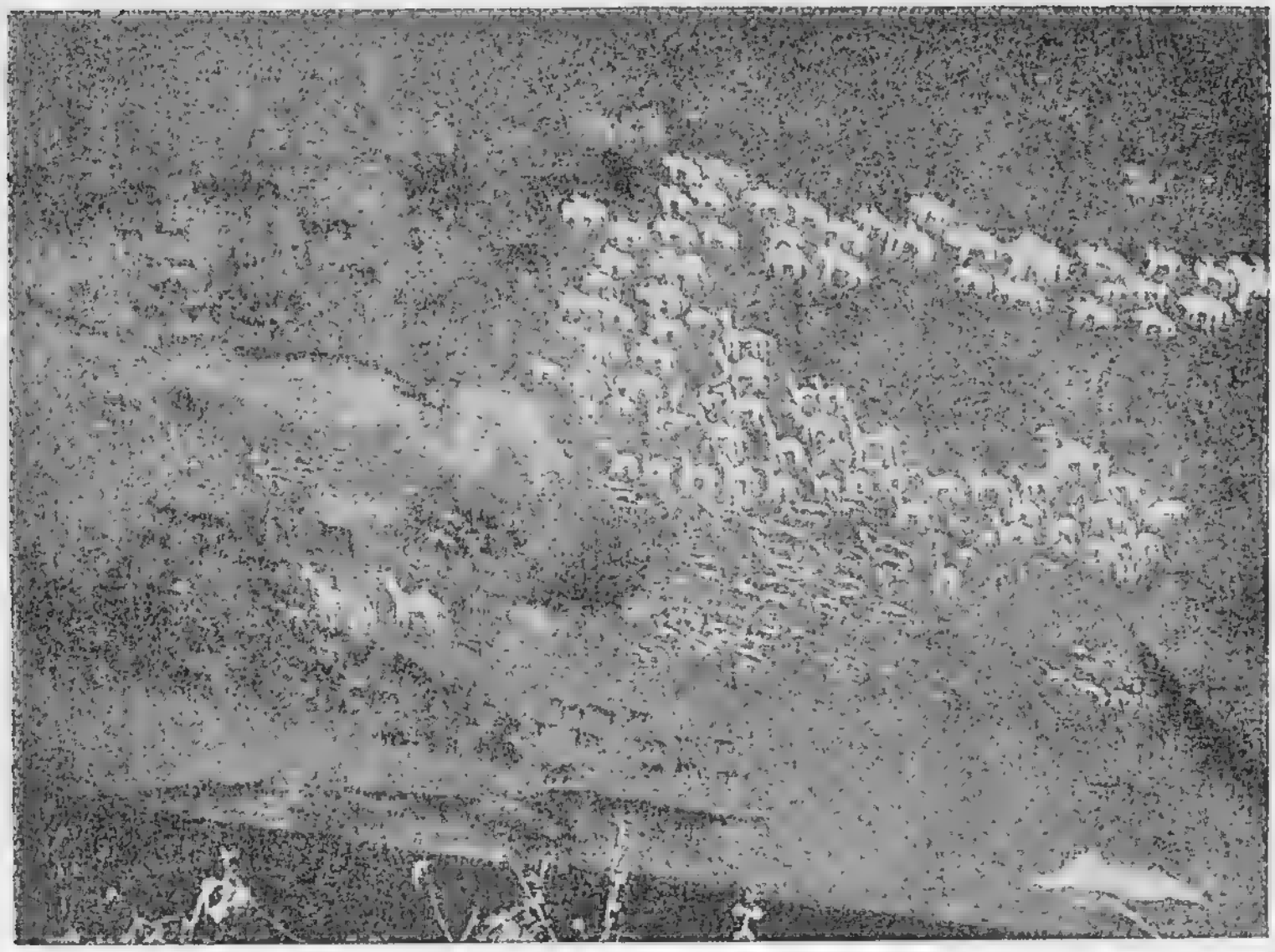
В безводных равнинах по берегам Красного моря и в тропических районах западной части Абиссинии жили отдельные кушитские и хамитские племена, не вышедшие еще из стадии первобытного коммунизма, охотники, полуземледельцы и рыболовы. Об этом свидетельствуют древние географы, упоминающие про ихтиофагов (рыбоедов) Троглодики и — в глубине страны — корнеедов, семеноедов, мясоедов, доящих собак, слоноедов, страусоедов, саранчеедов и охотников.[2]

Агафархид, Артемидор и, на основании их, Страбон, описывали примитивный быт этих племен. Они ходят обнаженными как мужчины, так и женщины. Жилищами им служат пещеры (троглодиты), шалаши, сделанные из костяков крупных рыб, из древесных ветвей, или из морской травы. Ихтиофаги питаются рыбой, собирая рыбу, оставшуюся на берегу после отлива. Для задер-

---

[1] E. Littmann, IV, SS. 32—42.

[2] Diodor, III, 15, 21, 23, 27, 29, 48, 51, 53, 58. Страбон, XVI, 4, 7—14 и др.



Наскальные рисунки троглодитов, пастушеских народов Троглодики.

жания рыбы устраивают искусственные заграждения. Рыбу сушат на солнце и, собравшись все вместе, ее поедают. Если буря мешает улову рыбы, ихтиофаги питаются раковинами и роются в кучах рыбных отбросов; у них еще не образовалась семья и господствует общность жен и детей. Браки — случайные. Религии, повидимому, еще нет, ибо покойников ихтиофаги попросту выбрасывают в море. По словам Агафархида: „у них ни городов, ни государств и никаких признаков каких-либо государственных учреждений".

Троглодиты — кочевники, скотоводы. Живут в шатрах, кругом бродит скот; ходят нагие, имея лишь повязку на бедрах; вооружены луками и копьями. Об остатках матриархата свидетельствует Диодор, заявляющий, что у них пожилые женщины играют большую роль в разрешении споров из-за пастбищ. Каждое племя имеет своего шейха. Жены и дети общие и т. д.

На иной ступени развития находилось Аксумское государство.

Основное занятие населения — сельское хозяйство. Не только скотоводство, но и земледелие было развито, и населе-

ние вело оседлый образ жизни. В больших размерах, повидимому, возделывалась пшеница, ибо монеты аксумских царей имели изображения колосьев безостой абиссинской пшеницы. Самое наличие золотых, серебряных и медных монет Аксумского государства свидетельствует о его независимом положении, сравнительно высоком экономическом уровне и развитой торговле.

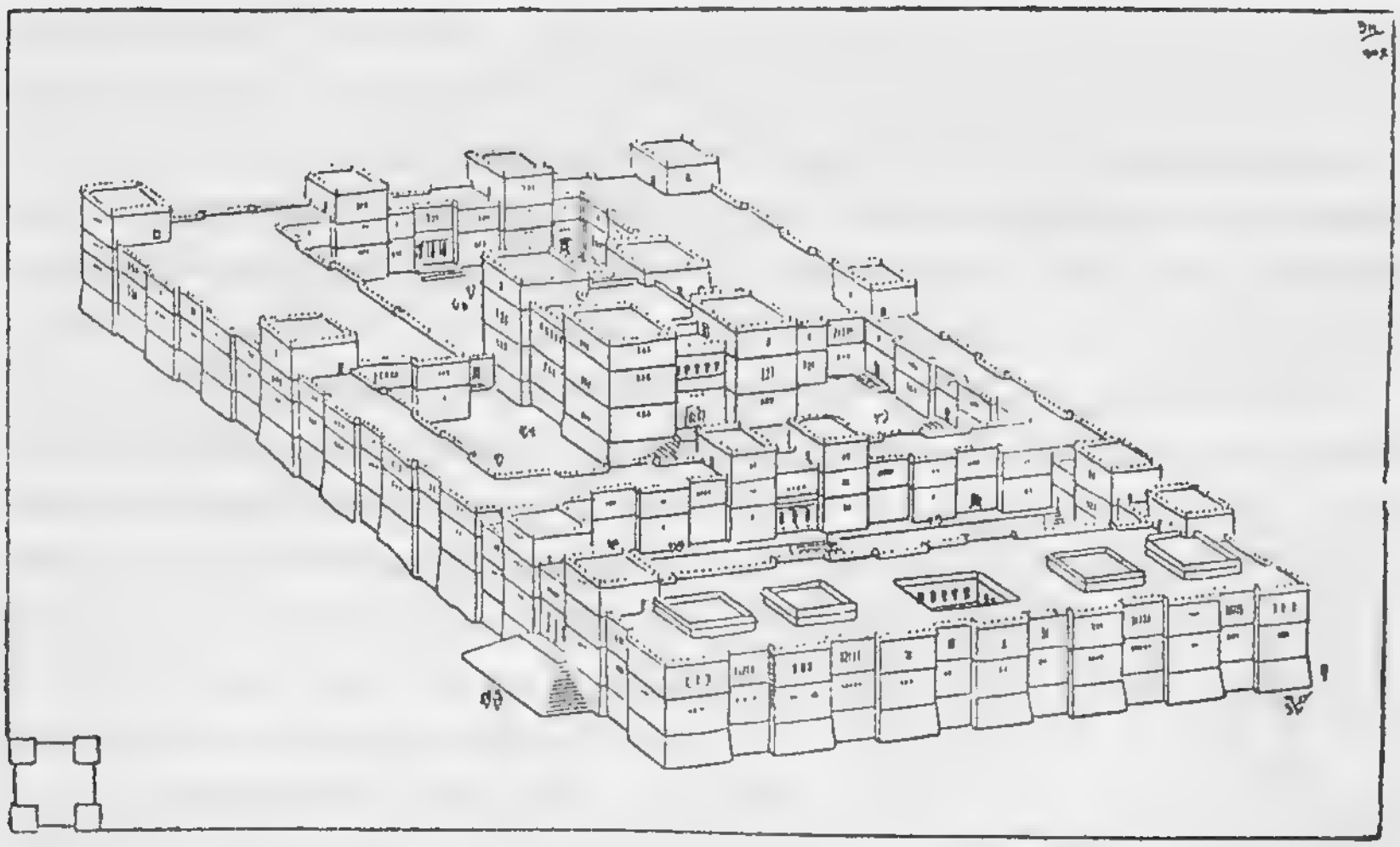
Аксумское государство вело обширную торговлю с Египтом, Аравией, Грецией. По словам „Перипла", целые партии товаров шли из Египта специально для царей Аксума, и торговля Аксума простиралась вплоть до Индии. Вели торговлю преимущественно заезжие купцы: арабы и греки.

Строй древнего Аксума приближался, вероятно, к строю южноаравийских государств, где правителям государств Хадрамаута, Савы и Райдана подчинялись царьки, и существовали касты воинов, земледельцев, ремесленников, торговцев миррой, торговцев ладаном и т. д.

Правители Аксума взимали натуральную ренту в виде дани. Но на ряду с этим уже существовало денежное хозяйство.

Искусно сделанные обелиски, стелы, троны, алтари, гробницы, храмы с лепными украшениями, найденные в Аксуме и Адулисе остатки керамики, собственная письменность — все свидетельствует о высоком, по сравнению с окружающими племенами „варваров", уровне культуры. Аксумское государство находилось под культурным воздействием народов южной Аравии, Египта, Греции, Палестины, Сирии. В Аксум и Адулис стекались из соседних стран не только торговцы слоновой костью и другими товарами, но и ремесленники, находившие здесь неплохой прием. Здесь иногда находили приют беглые рабы.

Событием, которое исследователи относят к первой половине IV в., т. е. к периоду царствования Эзаны, является введение в Абиссинию христианства. Первые надписи Эзаны говорят о нем, как о язычнике, ставящим памятники в честь бога Махрема, или в греческом переводе Ареса (бога войны), богини Астар (богини луны), Медер (бога земли). Однако надпись Эзаны о его походе на Нил начинается словами: о „господе небес, который на небесах и земле милостивее всего существующего", о нем же говорится и в конце надписи. Другим свидетельством считают монеты. На более ранних



Большой аксумский дворец (реконструкция археолога Кренкера: Deutsche Aksum Expedition).

монетах Эзаны и предшествующих ему царей имеется знак солнца и полумесяца: ☾○, на монетах более поздних обозначен мальтийский или греческий крест: ✠; однако крест был известен многим народам древнего мира.

Христианство проникло в Абиссинию из Александрии — коптское, по всей вероятности не без содействия греков — купцов. При „обращении“ Абиссинии в новую веру шло, повидимому, соперничество не только между христианами и иудеями, но и среди христианских церквей различного толка. Так, сохранилось письмо Константина от 356 г., в котором он предостерегает Эзану и его брата Сайазану против обратившего их в христианство коптского епископа Фрументия и рекомендует им своего посланца арийского толка Феофила. Это письмо Константина является прямым свидетельством того, что появление христианства в Абиссинии следует отнести к IV в.[1] Абиссинские источники рассказывают о введении христианства в Абиссинию много разных историй столь же „занимательных“, сколь и неправдоподобных. Рассказывают о девяти святых, явившихся в страну, и их подвигах во славу веры и коптско-

[1] Текст письма см. J. H. Newmann, Athanasius, pp. 182—183. См. также J. Bent. The sacred city, p. 179.

абиссинской церкви. Фактом является лишь то, что христианская церковь в Абиссинии завоевала прочные позиции и обрела себе высокое место в системе закабаления абиссинских масс. Она явилась фактором, постоянно консервировавшим сложившиеся в стране социальные отношения, препятствием к какому-либо движению страны вперед.

О правителях Абиссинии в IV и V вв. мы мало знаем. Абиссинские хроники называют целый ряд имен, ни одно из них не сходится с именами, начертанными по-гречески на монетах. Последние дают изображение увенчанных короною царей: Хезбаель, Уазеб II, Оузас, Эон, Иянаф, Алал Мизийис, Иатлиа, Терсем, Элла Габац, Калеб и др. Лишь о последнем в нашем перечне — Калебе имеются более или менее достоверные сведения из разных источников.

Монета одного из христианских царей Аксума.

Калеб или Элла Асбеха или Давид убил своего предшественника и стал править в 514 г. н. э. Правил он до 542 г. Это было время расцвета Аксумского государства. Калеб был в тесной связи с императором Византии Юстинианом и по его наущению отправился в Красное море и покорил могущественное арабское государство Иемен. Калеб будто бы собрал армию в 120 000 человек. Он не имел своего флота, и Юстиниан дал ему 60 кораблей, послав их в порт Габац, близ Адулиса. В 525 г. он отплыл, высадил свою армию, успешно атаковал химьяритов, взял столицу Иемена Такхар и посадил во главе Иемена своего губернатора, придав ему 10 000 войск. Калеб вернулся в Абиссинию с богатой добычей и стал сбирать с Иемена ежегодную дань. Одну из гробниц, близ Аксума, абиссинцы называют „Домом Калеба“. Она исследована рядом лиц.[1]

Господство Абиссинии над Иеменом продолжалось 72 года, до 598 г., когда арабы изгнали абиссинцев. Аксумское государство в это время стало клониться к упадку. Мировое рас-

---

[1] О походе Калеба в Иемен повествует одна сирийская работа, изданная проф. Аксель Мобергом из Лунда: Kethābhā dhē Hymyarāyē См. также: F. u. E. Pereira. [переводчик]. Historia dos Martyres de Nagran, Lisbon, 1899; Guidi. La Lettera di Simone (Acad. dei Lincei, VII, p. 509); Budge. A History etc., pp. 261—264.

пространение арабов повело к полной изоляции Абиссинии. Торговля в Красноморском бассейне частично прекратилась, частично перешла в руки арабов. Но не в Абиссинию направился путь завоеваний арабов. Суровые горы страны мало, видимо, прельщали их. Негус Армах принял ислам и тем самым отвлек от страны прямой удар. Однако порт Адулис был в 630—640 гг. разрушен. Для продуктов Абиссинии выход на внешний рынок оказался закрыт. Аксумский рынок пришел в упадок, и экспортная торговля умерла. Греческие торговцы перестали навещать страну. Чеканка монет прекратилась. Центральная власть в стране, повидимому, перестала существовать, или потеряла свое значение. Соседние племена стали совершать все более опустошительные набеги.

Три надписи, открытые Литтманном в Аксуме, повествуют об аксумском царе Хазани Даниэль. В первой сообщается о том, что он напал на восставшие племена Кассалы (?) и взял у них громадную добычу. Вторая — о восстании народа Валкайет и об опустошении им Аксума. Даниэль их атаковал и взял у них добычу. Третья — говорит о борьбе Даниэля с другим претендентом на власть в Аксуме.[1] Литтманн относит эти надписи к весьма расплывчатому периоду, обнимающему целые полтысячелетия: VII—XII вв.

Распространение арабов изменило лик мира. Египет стал арабской вотчиной. Абиссиния оказалась изолированной от Европы и от всего света и со своей христианской церковью, чернокожими попами и монахами осталась причудливым средневековым островком среди моря ислама.

Арабы, явившиеся источниками новой культуры, давшей необычайный толчок европейскому развитию, не сумели покорить окончательно Абиссинию. Она осталась закостенелой, отсталой, скованной христианским мракобесием.

* * *

[1] E. Littmann, IV, SS. 42—48.

ХРОНОЛОГИЯ АБИССИНСКИХ ЦАРЕЙ

Согласно абиссинским источникам, хронология абиссинских царей после Менелика может быть разбита на три раздела:

I. „Соломонова" династия от Менелика до Дельнаада (? — около 950 г. н. э.).

II. Династия „Загве" от Такла Хайманота до ? (950—1268 гг.).

III. „Соломонова" династия от Икуно Амлака до Хайле Селласье (1268—1935 гг.).

Сведения абиссинских царских списков о первых двух разделах почти целиком легендарные и недостоверные.

Первый раздел. По одним источникам[1] Менелик правил 4 года; по другим — 29 лет;[2] по третьим[3] — 24 года; по четвертым[4] — 15 лет. От воцарения Менелика до первого года нашей эры прошло, будто бы, 950 лет. Но список Брюса дает имена только 22 царей, правивших 231 год. Список Салта дает имена 17 царей, правивших 136 лет. Список „Царей Аксума" из рукописи № 821 Британского музея дает имена 22 царей, правивших 228 лет. Имена, разумеется, во всех случаях разные. От легендарного Базена, правившего, будто бы, в первом году нашей эры до конца Соломоновой династии (950 г.) список Брюса указывает 32 имени царей. Список Салта — 41 имя. Список „царей Аксума" из рукописи № 821 Британского музея — 42, большей частью других имен. Все эти имена не имеют почти ничего общего с действительными именами аксумских царей, которые можно установить из эпиграфических памятников или монет. Так обстоит дело с первым периодом.[5]

Второй раздел. В середине X в. в Абиссинии, будто бы, происходит династический переворот. К власти приходит так наз. династия „Загве" или „Загва". Царские списки об этом говорят, что после Дельнаада царство перешло к „другому народу, который не был из рода Израиля". Хроники называют этих царей „Загве". Об этих царях династии Загве абиссинские хроники рассказывают всякие страшные вещи.

---

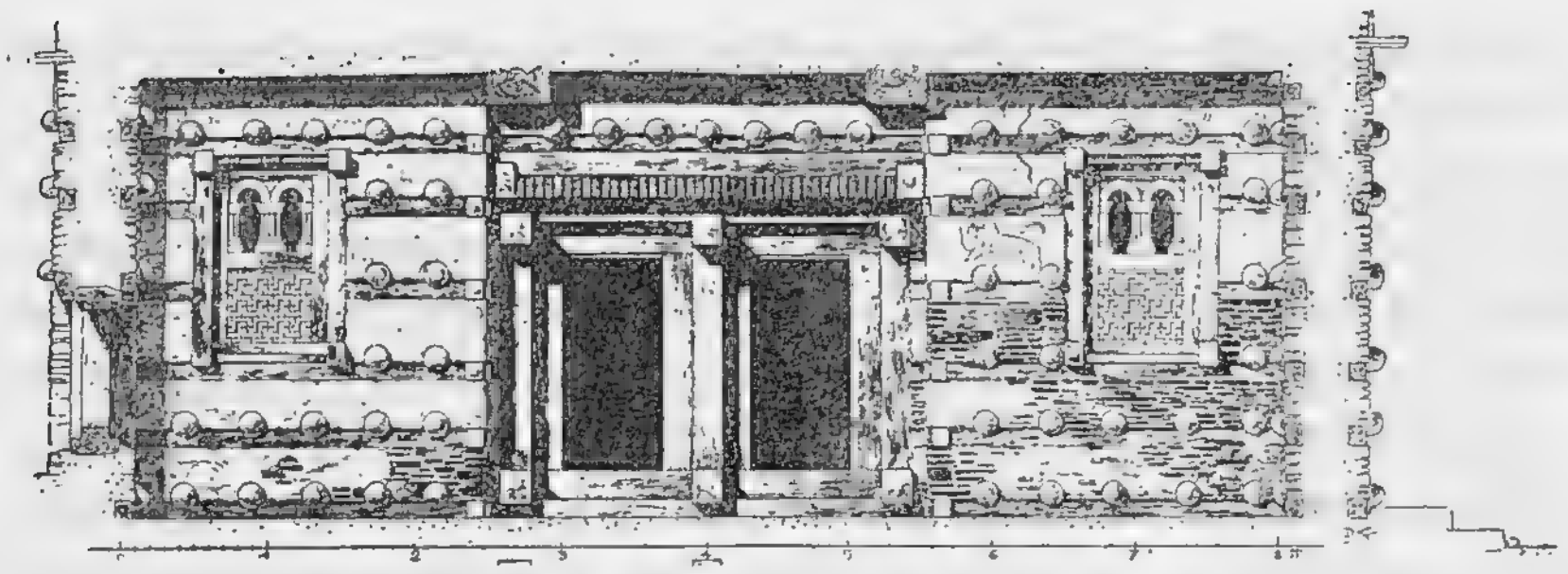
[1] Список, составленный Брюсом по абиссинским рукописям.

[2] Аналогичный список Салта.

[3] Список „царей Аксума" в рукописи Брит. музея; Orient., № 821, fol. 28 b.

[4] Список в „Абиссинской истории царей Дабра Иоаннеса", опубл. Conti Rossini в 1903 г. в его Ricordi di un soggiorno in Eritrea. Asmara, 1903.

[5] См. Budge, pp. 205—212.



Храм Дебра Дамо.

Хроники говорят, что возглавила переворот и стала править некая еврейка Юдифь или Эсфирь, которая, мол, решила победить христианскую веру. Она истребила 400 членов царствующего дома и опустошила и разрушила Аксум, и весь период ее царствования был сценою „убийств, жестокостей и притеснений". Затем правили ее наследники, за которыми последовали члены какого-то видного рода из провинции Ласта. Среди последних были христианские цари, вроде прославленного Лалибала, но они, мол, были „не из рода Соломона".

Возможно, что действительно Аксумское государство было завоевано каким-либо соседним племенем, например, бого, или агау или фалаша. Фалаша и до сих пор иудейской религии. Следует отметить, что один из арабских источников упоминает о какой-то нехристианской царице, правившей Эфиопией в X в.[1]

Могла найти отражение в хрониках попросту борьба за власть между отдельными феодалами. Повидимому, могущественное, более или менее централизованное Аксумское государство в это время распалось, и Абиссиния представляла собою конгломерат враждующих между собою уделов. Каждый из претендентов на власть, разумеется, объявлял себя истинным, законным. По Брюсу, например, династия Загве правила в государстве Ласта, а Соломонова династия продолжалась в Шоа, и в конце концов династия Загве, под влиянием совета знаменитого „святого" Такла Хайманота, добровольно уступила власть Соломоновой линии, в лице Икуно Амлака из Шоа.

---

[1] Этот источник цитируется в работе Ренодо: Hist. Patr. Alex. Paris, 1713, p. 381.

Упоминание про Такла Хайманота заслуживает внимания. В борьбе за власть, несомненно, руководящую роль играла церковь. Брюс приводит содержание соглашения, которое, по преданию, было заключено между последним правителем династии Загве, Наакуэто Лааб'ом, и легендарным Такла Хайманотом. По этому соглашению правитель Ласты обязывался уступить одну треть своего государства в пользу церкви в лице *абуны* (главы абиссинской церкви). Эта треть „должна была быть уступлена целиком абуне для поддержания его сана и достоинства и на содержание церквей и священства, монастырей и монахов".[1] Как видим, аппетиты у церкви были не малые. Кроме того, по соглашению с Такла Хайманотом, ни один туземец абиссинец не может выбираться абуною, а абуна должен обязательно выбираться коптским патриархом и посылаться в Абиссинию из Каира. Здесь уже ясен реальный смысл этой легенды. Она выгодна коптской церкви, которая, действительно, имеет до настоящего времени монополию на поставку абун для Абиссинии, за которых негус Абиссинии уплачивает 10 000 талеров коптскому патриарху с головы. Но встает вопрос: зачем смещаемому правителю нужно было заключать такой договор? Что он получал?

Текст, опубликованный в 1902 г. Конти Россини,[2] бросает некоторый дополнительный свет на темный вопрос о смене еретической династии Загве. В нем сообщается, что Икуно Амлак пошел к Такла Хайманоту и совещался с ним. Тот, разумеется, помолился и затем пошел вместе с Икуно Амлаком „в сопровождении главных священников и шести отрядов солдат" на царя династии Загве. „И Икуно Амлак сражался и победил своего врага и противника молитвами абуны, Такла Хайманота, и тотчас же получил свое царство; и он дал Такла Хайманоту третью часть Эфиопского царства и правил пятнадцать лет".[3] Здесь уже история выглядит правдоподобнее. Икуно Амлак договорился с коптскими церковниками и с их поддержкой пришел к власти, за что и возблагодарил церковь одной третью.[4]

---

[1] Budge, p. 216.

[2] Revue Sémitique, oct. 1902.

[3] Budge, pp. 277—278.

[4] О династии Загве см. Conti Rossini. Appunti ed osservazioni sui Re Zāgue e Takla Hāymānōt. Rome, 1895; его же, Sulla dinastia Zaguè, Rome, 1897; J. Perruchon. Vie de Lalibala. Paris, 1892, pp. I—XIV.

О правителе Лалибала из династии Загве, канонизированном абиссинской церковью (хотя он был и не Соломоновой линии), церковники рассказывают всякие чудеса. Пчелы еще в детстве признали его царем.

Рой пчел окружил новорожденного, чтобы возвестить его великое будущее. В семилетнем возрасте Лалибала умел превосходно читать. Возмужав, он ушел в пустыню, где жил отшельником и был в постоянных сношениях с небом. Посетив однажды седьмое небо и увидев божественные храмы, он получил указания построить такие же на земле и за десять лет построил одиннадцать высеченных в скале храмов.[1] И до сих пор в селении, носящем имя легендарного царя Лалибала, путешественникам показывают эти храмы.[2]

Церковный летописец не жалеет красок для описания благочестивого царя. Его глаза смотрели как утренняя звезда. Он не шел по неверному пути, не слушал наущений дьявола, он гора золота и гора жемчуга, он гора сапфира, холм мирры и чудесных благовоний. Его щеки красны, как кожура граната, пальцы его рук как горлицы, голос у него приятный, уста красноречивы.

Лалибалу несколько раз пытались отравить и. в конце концов, при содействии яда, он попал на небо.

В описании постройки по приказу Лалибалы храмов есть интересная деталь. Летописец указывает на факты, необычные для средневековой Абиссинии: покупку земли царем и уплату жалованья строителям. „Он купил, уплатив золотом у тех, кто владел землею, место, на котором были построены эти церкви". „Тогда Лалибала приказал выковать много железных инструментов всех сортов... Когда были изготовлены необходимые для работы инструменты, он приказал собрать весь народ и говорил так: Вы, все собранные здесь, скажите мне, какое жалованье вы хотите получить за помощь в постройке этих церквей, которые бог мне приказал выстроить; пусть каждый сообщит о плате, которую он желает, как те, кто будет отделывать камень, так и те, кто будет выравнивать почву. Говорите все

---

[1] J. Perruchon. Vie de Lalibala, pp. XIV—XIX, 65—130.

[2] F. Alvarès. Verdadeira informacion, etc., гл. LIII, LIV; G. Rohlfs. Land und Volk in Afrika, Bremen, 1870, SS. 141—146; A. Raffray. Les eglises monolithes de la ville de Lalibéla. Paris, 1882; G. Simon. L'Ethiopie, etc. Paris, 1885, pp. 300—317.

и то, что спрашиваете, я вам дам... и царь уплатил, что он обещал..., и т. д.“.[1]

Строили храмы Лалибалы, по преданию, белые рабочие — пришельцы, эмигранты из Александрии, бежавшие от хозяйничавших в Египте арабов. Эту легенду передают в разных вариантах Альварец, Раффрей и Брюс.

Лалибале приписывают проект повернуть Нил в сторону, чтобы лишить Египет воды, обречь его на голод и тем самым выгнать из Египта мусульман.[2]

Третий раздел. О третьем периоде, начинающемся с воцарения Икуно Амлака, хроники сообщают более достоверные вещи. Авторы хроник повествуют не о далеком, а уже близком для них прошлом, или даже настоящем. Правда, тем более стимулов для всяких сознательных искажений в угоду современным им церковным и светским властям. Но зато, чем ближе описываемые события стоят к нашему времени, тем больше для нас возможностей проверки, сопоставления и критики с помощью внеабиссинских источников.

Здесь уже имеется возможность составить хотя бы приблизительный хронологический список царей.

ТАБЛИЦА АБИССИНСКИХ ЦАРЕЙ (1268—1935)[3]

1268—1285	Икуно Амлак (Тасфа Иясус).
1233—1294	Ягба Сион (Соломон).
1294—1299	Сенфа Ared.
	Хезба Асгад.
	Кедма Асгад.
	Джин Асгад.
	Саба Асгад.

[1] J. Perruchon. Vie de Lalibala, pp. 122—123.

[2] Вопрос от отводе русла Нила представляет большой интерес. Об этом проекте Лалибалы сообщили Брюс (Voyage, II, pp. 336 ff.), Салт и др. Макризи сообщал о таком же проекте другого противника арабов — негуса Амда-Сион, который в 1325 г. послал мамелюкскому султану Муххамеду письмо с угрозой направить течение Нила по другому руслу. (Quatremère. Mémoires sur l'Égypte, II, p. 275). Эту угрозу снова повторил в начале XVIII в. негус Такла-Хайманот I, который в письме к каирскому паше, по поводу убийства французского посланника де-Руле, угрожал, что, если турецкое правительство будет вести себя столь же вызывающе, то он изберет Нил орудием мщения, ибо в руке его ключи этой реки и он может по своей воле дать Египту обилие или голод (Bruce, Voyage, V, pp. 749—756).

[3] Ho Budge, pp. 285—550; см. также Bruce. Annals of Ethiopia.

1299—1314	Ведем Арад.
1314—1344	Амда Сион I (Габра Маскаль II или III).
1344—1372	Невайя Крестос (Сайфа Ared).
1372—1382	Невайя Мариям (Ведем Асфаре).
1382—1411	Давид I.
1411—1414	Теодор (Федор I), Сын льва.
1414—1429	Иешак (Исаак I).
1430—1433	Такла Мариям (Хезба Нань).
1433	Сарве Иясус (Мехрека Нань).
1434	Амда Иясус (Бабель Нань).
1434—1468	Зара Якоб (Константин I).
1468—1478	Баэда Мариам I.
1478—1494	Искендер (Константин II).
1494—1508	Наод (Анбаза Бацар).
1508—1540	Лебна Денгель (Ванаг Сагад I, Давид II).
1541—1559	Галавдевос (Клавдий, Аснаф Сагад I).
1559—1563	Минас (Ванаг Сагад II, Адмас Сагад I).
1563—1597	Сарса Денгель (Маляк Сагад I).
1597—1607	Якоб (Маляк Сагад II).
1607—1632	Сусейнос (Маляк Сагад III, Селтан Сагад I).
1632—1667	Фасилидас (Василий, Алям Сагад).
1667—1682	Иоаннес (Иван I; Ааляф Сагад).
1682—1706	Иясу I (Адьям Сагад).
1706—1708	Такла Хайманот I (Леул Сагад, Герум Сагад, Абрак Сагад).
1708—1711	Тевофлос (Феофил, Ашрар Сагад).
1711—1716	Юстус (Дшахай Сагад).
1716—1721	Давид III (Адбар Сагад I).
1721—1730	Ашма Георгис (Мазих Сагад, Адбар Сагад II, Бакаффа).
1730—1755	Иясу II (Адьям Сагад II, Берхан Сагад).
1755—1769	Иоас I (Адьям Сагад III).
1769	Иоаннес II (Иван II).
1769—1777	Такла Хайманот II (Адмас Сагад II, Тебаб Сагад).
1777—1779	Саломон (Соломон).
1779—1784	Такла Георгис (Фекр Сагад) — 1-й раз.
1784—1788	Иясу III (Баала Шегаб).
1788—1789	Такла Георгис (Фекр Сагад) — 2-й раз.
1789—1794	Шезкеяс (Иезекия).
1794—1795	Такла Георгис (Фекр Сагад) — 3-й раз.
1795	Баэда Мариям II.
1795—1796	Такла Георгис (Векр Сагад) — 4-й раз.
1796—1797	Вальда Саломон (Соломон III).
1797—1798	Ионас (Иона).
1798—1799	Такла Георгис (Фекр Сагад) — 5-й раз.
1800	Деметрос (Димитрий) — 1-й раз.
1800	Такла Георгис (Фекр Сагад) — 6-й раз.
1800—1801	Деметрос (Димитрий) — 2-й раз.
1801—1818	Эгвала Сион (Невайа Сагад, Гвалу).
1818—1821	Иоас II.

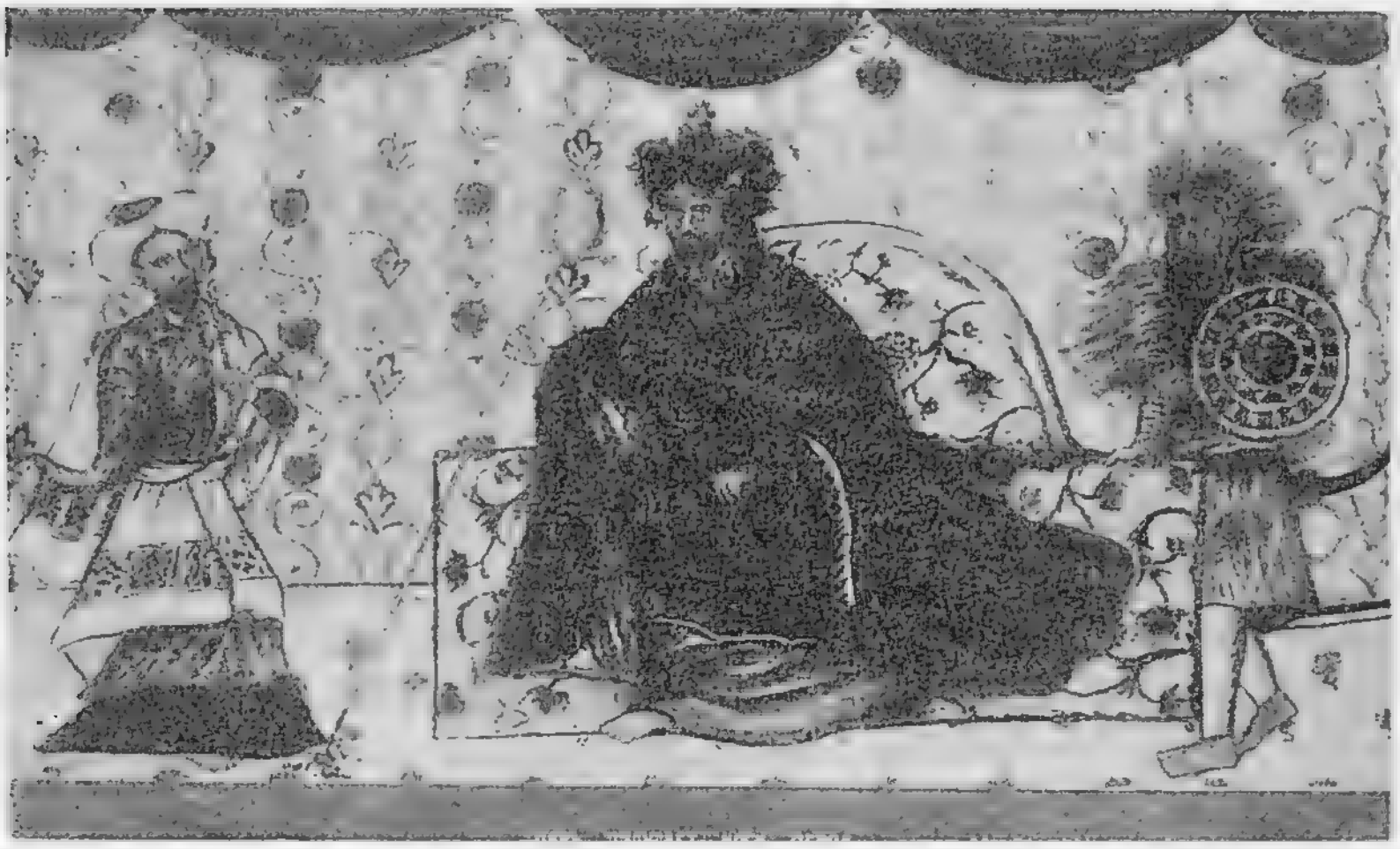
1822—1826	Гигар — 1-й раз.
1826	Баэда Мариам III.
1826—1830	Гигар — 2-й раз.
1830—1834	Иясу IV.
1832	Габра Крестос.
1832—1840	Сахла Денгель — 1-й раз.
1840—1841	Иоаннес III (Иван III) — Сумасшедший.
1845—1850	Сахла Денгель — 2-й раз.
1850—1851	Иоаннес III (Иван III) — 2-й раз.
1851—1855	Сахла Денгель — 3-й раз.
1855—1868	Каса Теодор (Федор II).
1868—1889	Иоаннес IV (Иван IV).
1889—1913	Менелик II.
1913—1916	Лидж Иясу (Васан Сагад).
1916—1918	Заудиту.
1918— д. с. п.	Тафари (Хайла Селласе I).

Наш список охватывает не только период средневековой истории Абиссинии, но и период ее новой истории. Последний, однако, чрезвычайно краток. Абиссинское средневековье тянется очень долго. Строго говоря, и по сейчас в Абиссинии много средневекового, что соответствует господствующим в стране феодальным отношениям. Лишь ряд внутренних и, в особенности, внешних событий в истории Абиссинии позволяет считать период, примерно, со второй половины XIX в. периодом новой абиссинской истории.

* * *

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АБИССИНИЯ

Средневековый период истории Абиссинии довольно однообразен. Бесконечные феодальные распри, войны и смуты разнообразятся лишь монотонными диспутами церковников. Походы негусов и бунты их вассалов и военачальников: деджазмачей, баламбарасов и кениасмачей никогда не прекращаются. Крестьянские массы как-будто существуют лишь только для того, чтобы платить оброк, сражаться и подвергаться очередному разграблению, истреблению и обложенью данью. Их восстания часты, но трудно узнать что-либо из хроник, обычно не отделяющих народных восстаний от мятежей феодальных князей. Во многих хрониках все сливается в один бесконечный клубок



Царь пронзает ногу певца. (Оригинал картины абиссинского художника хранится в музее ИАЭ.)

кровопролития, славных царских побед, христианских чудес и очередной смены царей. Классы и массы для большей части придворных летописцев не существуют, и встает даже вопрос: не из одних ли рыцарей и монахов состоит средневековая Абиссиния?

Лицо правящего класса средневековой Абиссинии вырисовывается из следующих отрывочных черточек, подмеченных историческим преданием.

Амда Сион, по уверению летописцев, жил с наложницей отца и высек публично на улице видного церковника. Живьем сжигал восставших вождей.

Давид I был большой любитель лошадей, и одна из лошадей смертельно ранила его в голову. Его сын, Теодор I, который отличался большой добротой и великодушием, был умерщвлен.

Зара-Якоб любил религиозные диспуты и преследовал еретиков. По доносу шпионов убил четырех своих сыновей и трех дочерей. Казнил людей, разрушал дома. Его исполнитель был за свои жестокости прозван „семя сатаны“ — намек на самого правителя, имя которого означает в переводе „семя Иакова“.

Баэда Мариам по вступлении на престол взял командование конницей в свои руки и посадил новых губернаторов во главе провинций. Наказывал плетьми язычников. Украсил

церкви; народ стал жаловаться, что он проводит время на спине лошади и забросил дела государства. Недовольным были перебиты ноги. Солдат, ослушавшихся его, он приказал раздеть, привязать к ним легкое осла или быка, и в таком виде он их держал десять дней в своей палатке. Народ провинции Дембеа в страхе бежал от него, погрузив весь скарб на верблюды. Баэда Мариам нагнал бежавших и истребил великое множество мужчин, женщин и детей. Повидимому, в знак такой победы выстроил церковь.

Искандер убит подосланными людьми.

Клавдий стал царем одиннадцати лет.

Сарса Денгель издавал „крик, подобный льву". Казнил в один раз 3000 солдат.

Сусейнос отрезал нос одному мятежному монаху. Повесил своего зятя и его сестру.

Фасилидас засадил одного из своих сыновей. Истреблял иезуитов.

Давид III. Устраивал диспуты церковников. Учинил варфоломеевскую ночь монахам. Отравлен.

Иоас I смещен и умерщвлен.

Такла Хайманот II смещен. Его сын Соломон также смещен расом Михаилом, устраивавшим массовые казни. Его брат, Такла Георгис, также смещен, равно и царствовавший вслед за ним Иясу III. В общем, Такла Георгиса прогоняли с трона пять раз. В 1788—1789 гг. фактически правило пять царей.

Баэда Мариам III правил всего три дня; Габра Крестос правил несколько месяцев. Отравлен.

Иоанн III прозван „сумасшедшим", и т. д.

Войны, мы говорили, занимали большое место в средневековой Абиссинии, хроники их тщательно регистрируют. Многие правители средневековой Абиссинии, вроде упомянутого уже Баэды Мариама, никогда не слезали с коня и спали с мечом в руках, готовые в любой момент сразиться с врагом. Абиссиния была окружена враждебным морем ислама, посылавшим волны одну за другой: арабы, турки, галласы. С юга и запада постоянно нападали „варвары" — негрские племена. Еще больше беспокойств причиняли враги внутренние. Губернаторы провинции, вассальные князья, воеводы учиняли постоянные интриги, козни, заговоры. Отказывались платить дань, заключали союзы с неверными, предательски нападали днем и ночью. Врагом

оказывался собственный сын, брат, дядя, племянник. Войны следовали непрерывной цепью. Не успевала закончиться одна, как начиналась вторая и третья. То там, то тут происходили восстания, мятежи, возмущения. Часты были дворцовые перевороты. Борьба за власть стихала только для того, чтобы на завтра вспыхнуть с новой силой.

Про Искандера сообщается, что он был хороший всадник и воин и в то же время был милостив, великодушен и сострадателен. Но солдаты забрали власть в свои руки и притесняли народ. „Они разорили весь народ, заставили стонать бедных и он их не обуздывал".[1] Сарса Денгель тридцать лет жизни провел в сражениях, подавляя восстания и воюя с неграми, фалашами, галласами, арабами и турками.

Ярким примером не прекращающихся сражений служит история царствования Сусейноса (1607—1632). За двадцать шесть лет его царствования не было, как будто, и трех лет мирной жизни страны. Судя по абиссинской „хронике Сусейноса, короля Эфиопии",[2] царствование Сусейноса выглядит так:

Первый год царствования. Усмирение мятежей губернаторов провинций. Походы против племен галла. Усмирение восстания в Тигре. Массовое истребление мятежников в Годжаме. Борьба с претендентом на трон За Селасе и обезглавление последнего.

Второй и третий год. Подавление ряда мятежей в Тигре.

Четвертый год. Битвы против галла Борана и галла Дораго.

Пятый год. Опустошение Сусейносом провинции Атчафар в Амхаре. Эпидемия чумы.

Шестой год. Налет на Дара около оз. Цана. Битвы при Шабале в Годжаме, налет на Уалак и битва при Уаракша.

Седьмой год. Разгром племени агау в государстве Дамот.

Девятый год. Битва в Самене против вождя фалашей Гедеона. Взятие в плен и казнь мятежника Таклуй.

Одиннадцатый год. Борьба с племенами шанкалла. Их поражение.

Тринадцатый год. Борьба с племенами галла. Их поражение в битве при Машаламия.

Четырнадцатый год. Нападение на возмутившегося деджазмача провинции Бегемдер.

Пятнадцатый год. Борьба с ним же.

Шестнадцатый год. Кампания против племени галла, к которому бежал деджазмач провинции Бегемдер.

Восемнадцатый год. Поход в Бегемдер.

---

[1] J. Perruchon. Histoire d'Eskender, d'Amda-Seyon II et de Nâ'od ... Paris, 1894, p. 43.

[2] F. M. Esteves Pereira. Chronica de Suseynos, Rei de Ethiopia,. Lisbon, 1892.

Девятнадцатый год. Битва в Самене против фалашей. Они разбиты. Их царь убит.

Двадцатый год. Битва с фалашами.

Двадцать первый год. Война против племени агау в Чара и галласов в Годжаме.

Двадцать второй год. Восстание в Ласта, возглавленное братом Сусейноса.

Двадцать четвертый год. Ласта опустошена.

Двадцать пятый и двадцать шестой года. Восстание и война в Ласта. Битва в Вайна Дага.

Так же выглядит и царствование многих других негусов. Вот, например, выдержки из хроники Иоанна I (Алаф Сагада) (1667—82):

ИЗ ХРОНИКИ ИОАННА I (АЛАФ САГАДА)

(1667 г.) „*12-го* тахзаса *(20-го декабря) рас Малкеа Крестос атаковал 12 народов галла... Бог дал ему мужество и победу... рас убил в этот день много этих (галла).*

(1668 г.) *После этого, 18-го* тера *(25-го января) король послал блаттенгета (первого министра двора) Габра Леула и такакен блаттенгета (сенешала) Айгабаца в страны шанкалла, ибо стало известно о бунте раба по имени Муххамед; 8-го* якатита *(16-го февраля) они сильно атаковали. Бог им дал большое мужество и победу. Они не пощадили никого. Муххамед спасся и бежал в Сеннаар... Габра Леул и Айгабац вернулись в Салил 17-го (25-го февраля), они атаковали и убили много людей, не пощадив никого“.*

„23-го генбота *(30-го мая) царь отправился в Аринго и перешел реку Абай; он сделал один переход к Ханкаша, 6-го* сане *(12-го июня) и 7-го их атаковал и захватил много рабов и быков. 14-го (20-го июня) он атаковал (племя) Банджа и убил многих, приведя много рабов и взяв в добычу много быков. Он стал лагерем в Ахуса. 21-го* сане *(27-го июня) он отправился оттуда и совершил набег на (страну) Аскуна Банджа, которую он сильно опустошил“.*

(1669 г.) *„27-го* тахзаса *(5-го декабря) он совершил переход в сторону Банджа и бросил отряды на всю землю (племени) Банджа“.*

(1670 г.) „*22-го* текемта *(31-го октября) сделали быстрый марш из Уанаба в Энамора. Царь был в пути, когда деджазмач Лоренс ему послал сообщение: „Галла вернулись в нашу страну. Они стали лагерем перед Анбаситом, в местности под названием Шаточге". 23-го (1-го ноября) царь стал в Колала и 5-го* хедара *(13-го ноября) в Энзагедеме; 11-го он перешел р. Арафа; 20-го он совершил быстрый марш к Саде. Когда он был в пути, деджазмач Анестасиос послал ему сообщение: „Галла вернулись в нашу страну и стали в Чаку". (Царь) пробыл там до 17-го* тахзаса *(25-го декабря) и затем вернулся в Иебаба; он провел пост в Абасераре" ...*

(1672 г.) „*8-го* якатита *(16-го февраля) он стал лагерем на земле Гам; он разграбил и опустошил все дома и все хлеба между Секут и Шалена. Он убил много агау из Банджа; он взял тех, которые остались, и обратил в христианство... 14-го... были большие битвы... 15-го он пустился в путь; перейдя реку Дура, он стал лагерем в центре земли Макатал; он сжег селение Агау под названием Арси, уничтожил все дома агау (земли) Макатал, много было убито, а женщины и дети обращены в рабство; там они пробыли 10 дней; 22-го* аббето *(князь) Иостос и деджазмач Асрат снова совершили набег на Матакал, дойдя до Лалабола; они убили много агау, увели в рабство женщин и детей, забрали скот". Затем был разграблен там главный город агау, разрушены храмы и сожжены их боги. В сентябре был совершен поход на племя Боран (Тулама).*

(1673 г.) *Снова поход на агау в землю Матакал. Много убито. Женщины и дети обращены в рабство. Захвачено бесчисленное количество скота и т. д.*[1]

Такой же вид имеет и хроника последующих лет царствования Алаф Сагада.

Естественно, что положение абиссинских масс не могло не быть чрезвычайно тяжелым при этих непрерывных

[1] I. Guidi [trad.] Annales du roi Yoannes I-er, etc. Paris, 1903, pp. 9, 11, 13, 14, 16 et 17.

войнах. Голод, чума и прочие „стихийные бедствия" были частым явлением. Даже в пристрастных источниках проскальзывают замечания о тяжелом положении населения и усталости от войн. „Народ устал от так наз. войн, которые не прибавляли стране ни земли, ни иностранной добычи" — сообщается про царствование Иоаса I. Про Иясу I, пожалуй, единственного из всех правителей говорится, что он был любим народом, который прозвал его „великим". В то же время сообщается, что при нем требования чиновников и их грабеж при сборе налогов стали столь неистовыми, что царь вынужден был в 1698 г. лично заняться вопросом. Он собрал всех своих чиновников и вельмож от Эндарты до Уагары и предложил им дать объяснения по поводу системы сбора пошлин. Главным предметом торговли была каменная соль.

Выяснилось, что большую часть соли, привозимой купцами на ослах и мулах, власти провинции Тигре забирали под видом таможенных пошлин. Соль же, „приносимую на плечах", т. е. приносимую крестьянами, местные власти забирали всю целиком.

Негус установил более умеренные размеры пошлин. С каждых 5 мулов и 8 ослов, груженных солью, была установлена пошлина в один амоле (брусок соли). С людей, переносящих соль на своих плечах, не должно взиматься, под страхом смертной казни, ничего. Было значительно сокращено число таможен. Но все таки их осталось порядочно, что весьма характерно для экономики феодально-раздробленной страны. В одной только провинции Тигре их было оставлено не менее дюжины, а общее число установленных для северной Абиссинии таможен доходило до 20. До реформы их было, по крайней мере, втрое больше.[1]

Реформа таможенной системы была проведена Иясу прежде всего в интересах торгового класса. Иясу был покровителем торговцев, и при нем сильно развилась торговля с Египтом. В Каир регулярно отправлялись караваны.

Аристократия не взлюбила Иясу, и он был убит своим собственным сыном.

Хоть летописец и старается уверить, что Иясу был „любим народом", крестьянству при нем жилось нелегко, о чем свиде-

---

[1] I. Guidi. Annales du roi Iyasu (Adyam Sagad). Paris, 1903, pp. 208—209.

тельствуют имевшие место крестьянские восстания, сведения о которых проскальзывают в хронике. Так, например, в хронике рассказывается о восстании крестьян, обитателей куоллы. „Вот причина их восстания. Не получив от них старой подати, которую они платили издавна, со времен царя Алаф-Салада, — 100 мулов, служивших вьючными животными для королевского дома, царь сказал этим крестьянам: „Почему вы отказываетесь уплачивать вашу старую подать, которую вы ежегодно уплачивали с давних пор? И теперь, так как вы лишаете нас вашей подати, получите гарнизон солдат (*чава*) из Сулала, которые водворятся над вами и будут жить в вашей стране, согласно установленному правилу (?), тогда как вы будете (жить) в одной третьей части вашей страны (которая вам остается)".[1] Крестьяне не согласились на гарнизон и восстали. Восстание было подавлено.

Хроника Иоанна I также упоминает неоднократно о восстаниях крестьян ряда провинций и о продолжительных войнах с ними.

Нечего и говорить, что положение населения соседних покоренных и обращенных в рабство племен: галла, уолло, шанкалла (негритянские племена запада), тулама и других было еще более тяжелым, чем положение крестьянства господствующих христианских племен северной и центральной Абиссинии. Их деревни подвергались постоянному разграблению, хижины сжигались, мужчины убивались и — живые и мертвые — кастрировались, женщины и дети уводились в рабство, скот угонялся. Летописи всех абиссинских царей блистают многочисленными победами над этими „неверными".

Представление о классовой структуре средневековой Абиссинии можно получить из абиссинской хроники „Истории галла", относящейся к концу XVI в. В это время Абиссиния была завоевана и опустошена племенем галла — последователями ислама. Автор хроники, которая включена в „Историю царствования Сарса Денгеля", сокрушается о поражении Абиссинии в борьбе с галласами и приводит весьма интересное объяснение причин абиссинских неудач:

„Мудрые устраивают нередко совещания и говорят: «Почему выходит так, что галлы нас побеждают в то время как мы

---

[1] I. Guidi. Annales du roi Iyasu, pp. 145—149.

многочисленны и имеем много оружия?» Некоторые говорят, что бог это позволил из-за наших грехов; другие говорят, что причина в том, что наши люди разделяются на десять классов, из которых девять не идут на войну и не стыдятся показать свой страх; только лишь десятый класс ведет войну и сражается в меру возможности. И хотя мы и многочисленны, тех, кто может воевать, немного, зато многочисленны те, кто не приближается к войне. Из этих групп первая — это группа монахов — они бесчисленны. Среди них имеются те, кто пошел в монахи еще в детском возрасте, привлеченный другими монахами во время их службы, как это обстоит (например) с пишущими настоящую историю и ему подобными; имеются, кроме того, такие, которые идут в монахи вследствие страха войны. Вторая группа — это те, кто называет себя «дабтара»; они изучают священное писание и все сочинения, относящиеся к занятиям духовенства; они хлопают в ладоши и пляшут во время богослужения, они не стыдятся своего страха итти на войну. Они берут примером левитов и жрецов, а именно сыновей Аарона. Третья группа называет себя *Джан Хазана* и *Джан Массаре*.[1] Они ведают судами и охраной, избегая сражений. Четвертая группа — это те, кто сопровождает знатных женщин и принцесс; это люди сильные, мужественные, крепкие, которые несмотря на это не идут на войну и говорят: «Мы гвардия женщин!» Пятая группа называет себя «*шемагелль*» (старцы), господа и владельцы «*рест*»,[2] которые распределяют свои земли между пахарями, им подчиненными, и не стыдятся своего страха. Шестая группа — это *пахари*, земледельцы, которые живут на полях и не помышляют совершенно о войне. Седьмая группа — это те, кто извлекает выгоды из *торговли* и посредством ее получает свой барыш. Восьмая группа — это *ремесленники* такие, как кузнецы, писцы, портные, плотники и им подобные; они не знают искусства войны. Девятая группа — это *странствующие певцы*, те, которые играют на «*кандо кабаро*»,[3] те, которые играют на «*багана*»,[4] и те, кто промышляют сбором пожертвований. Они призывают благословение на тех, кто дает им подарки, и воздают им тщеславные

---

[1] Придворный штат.

[2] Землевладельцы.

[3] Род маленького барабана.

[4] Род десятиструнной лиры.

хвалы и пустые похвальные слова и если они проклинают тех, кто отказывает им в даяниях, их не винят за это, ибо они говорят «это наш обычай». Эти держатся на хорошем расстоянии от войны. Десятая группа, наконец, это те, кто несут копье и щит и которые могут воевать, и которые следуют за своим царем, чтобы бежать, чтобы совершать набеги. Из-за их немногочисленности наша страна опустошена".[1]

Так сжато и выразительно летописец показывает нам классы и подклассы феодальной Абиссинии:

монахи, несть им числа,
попы,
судьи,
придворная челядь,
сановники, господа, землевладельцы,
земледельцы, на них работающие,
торговцы,
ремесленники: кузнецы, писцы, портные, плотники,
бродячие певцы и музыканты-попрошайки,
воины.

Церковь в этой системе занимает роль едва ли не господствующую. Дворцов в средневековой Абиссинии было немного, но зато она вся была покрыта густой сетью церквей.

Народ был нищ; мор и глад часто навещали страну, но церкви накопляли несметные количества золота и драгоценностей и великолепно украшались. Волны арабов, османов и галла заливали страну, привлекаемые в первую очередь этими церковными богатствами, и религиозный фанатизм приверженцев ислама, их нетерпимость к христианству проявлялись в основном в грабеже ценностей, храмы украшающих и подвалы монастырей наполняющих. „История завоевания арабами Абиссинии", написанная арабом Шихаб Эддин Ахмед

---

[1] Historia Gentis Galla interpretatus es Ignatius Guidi, гл. XIX (Scriptores Aethiopici versio. Series altera, t. III. Historia Regis Sarsa Dengel, etc. Paris, 1907), pp. 204—206. Далее автор хроники указывает, что у галла в отличие от коренных абиссинцев „девять упомянутых (не воюющих) классов" отсутствуют; все от мала до велика опытны в войне; и по этой причине они нас губят и убивают". Далее дается интересное описание социального строя галла, их еще родового быта, военной организации и т. д. (стр. 206—207).

Бен Абд эль Кадер и переведенная и изданная Бассэ,[1] изображает весьма картинно, как арабы (фактически галла) во славу Аллаха обдирали золото с потолков и стен церквей; богатства последних, судя по описанию Абд эль Кадера, были необычайные, что вполне возможно, вследствие того положения, какое занимала в средневековой Абиссинии церковь и занимает еще по сейчас.

ВХОД МУСУЛЬМАН В БЕТ-АМХАРА

Эта страна возделывания и жатвы, орошаемая реками и дождями, где сеют пшеницу и овес. Там находятся христианские монахи, священники и врачи; это местопребывание царя, но он не живет там все время. Ни один из тех, кто правил Эфиопией, не признается царем, пока он не получит инвеституры в Бет-Амхара. Жители Бет-Амхары являются людьми церкви, их называют дабтара.

Войдя в Бет-Амхара (округ Амара, на левом берегу р. Абай), имам, шедший во главе мусульманских войск, спросил: сколько здесь церквей. Ему указали большое число их, среди них были названы Макана-Селассе, Антронза-Мариам (трон Марии), построенная негусом Зара Якобом, Дабра Нагуадгуад, Бета Семайят. Имам послал людей во все церкви, кроме Макана-Селассе, в которую он пошел сам.

Имам прибыл в Макане-Селассе, остановился около ее ограды с солдатами и проник в нее с восхищением. Он вошел в церковь со своими друзьями; немногого не доставало, когда ее созерцали, они не теряли вида; она была украшена накладным золотом и серебром и инкрустацией жемчуга; створка одной деревянной двери имела десять локтей длины и четыре ширины; она была отделана листами золота и серебра и инкрустациями различного цвета. Церковь была сто локтей длиною и столько же шириною; высота ее превышала сто пятьдесят локтей; ее крыши и внутренние помещения были отделаны листами золота и украшены золотыми статуями. Мусульмане остолбенели от этой работы; те, которые не вошли, начали кричать имаму: „открой нам дверь, чтобы мы вошли и обозрели“. Имам им открыл, они броси-

[1] Chihab Eddin Ahmed Ben 'Abd el Quader (Arab Faqih) [Fotouh el-Habachah]. Histoire de la conquête de l'Abyssinie (XVI siècle), trad. franç. par R. Basset, 2 vols, Paris, 1897—1901.

Абиссинское церковное искусство. Александр Македонский, похищающий священную сикомору с неба. (Оригинал картины — в музее ИАЭ.)

лись в церковь и имам им сказал: „То, что каждый возьмет, будет его, за исключением листов (золота)". Они принялись за работу с множеством секир, срывая золото и инкрустации, бывшие в церкви, с полудня до вечера. Каждый из них взял столько золота, сколько следовало, и разбогател как никогда. Более трети золота церкви сгорело в ней.

Имам провел ночь по соседству. Он спросил бывших с ним арабов: „Видели ли вы в странах Рума, Индии или каких-либо других странах церковь подобную этой, с ее статуями и золотом?" — „Нет, ни в странах Рума, ни в Индии, —

сказали они, — мы ничего не видели и ничего не слышали о подобном, этого нет ни в одной части света“ ... Подобные же богатства арабы нашли и ограбили и в других церквах.[1]

Большинство абиссинских царей находились в тесной связи с абиссинской церковью или были ее прямыми ставленниками. Выше мы уже говорили об Икуно Амлаке, отдавшем церкви по преданию одну треть (земель и доходов). „Великодушный“ Теодор I изменил соглашение с церковью. Вместо одной трети страны (провинции Ласта?) церковь получила земли в каждой провинции. Теодор I был, как говорит хроника, большой любитель священной литературы и построил много церквей. Зара Якоб отличался, как мы показали выше, большой жестокостью. Она совмещалась у него, повидимому, с не меньшей религиозностью. По крайней мере хроника сообщает о том, что он построил ряд церквей и впервые на храме установил золотой крест; любил церковные дискуссии. Во время завоевания Абиссинии племенем галла в XVI в., абиссинский правящий класс был занят ожесточенной внутренней борьбою из-за дня, в который нужно праздновать пасху. В XVII в. между церковниками шла ожесточенная борьба, разумеется, из-за материальной причины: борьбы за власть и доходы. Идеологическая же борьба обосновывалась вопросами „о помазании“, „о природе человека новорожденного“ и „о почитании божьей матери“. Одна партия утверждала, что младенцы рождаются безгрешными, другая — своего рода пессимисты — заявляла о сознательности утробной жизни и о возможности греха еще до рождения (sic!). Одна партия опиралась на Годжам, другая — на монастырь Дебра Либанос в государстве Шоа. На соборе 1661 г. годжамцы были преданы анафеме и изгнаны. При Иясу I, о действиях которого в угоду торговцам мы уже говорили, было три церковных собора. Годжамцы участвовали в заговоре против Иясу и его умерщвлении. Сын Иясу I Такла Хайманот I также был убит не без участия годжамцев.

Собранные в изданной Гвиди „Книге Аксума“, документы хорошо показывают экономическую и политическую мощь церкви в средневековой Абиссинии. Негусы не только короно-

---

[1] Ibid., pp. 306—312, passim.

вались в священном городе Аксуме, но и отдавали в пользу Аксума в вечное ленное владение целые провинции. Сделки с церковью оформлялись соответствующими грамотами, форма которых для правителей Абиссинии носила характер довольно унизительный. Вот образец такого документа:

ГРАМОТА НЕГУСА ЗАРА ЯКОБА (1434—1468)

Во имя отца и сына и святого духа.

Я, Зара Якоб, сын Давита, я дал в ленное владение (гульт) нашей матери Сиона, кафедральному собору Аксума землю Наэдер со всеми ее территориями, землю Дагна, для поминания моей госпожи Марии и для прославления ..... для того, чтобы это меня свело в царство небесное. Я не сделал этого ни посредством королевского гонца, ни через посредничество губернатора, но моими собственными устами. Если найдется кто-либо, кто нарушит или преступит (этот акт), да будет он проклят устами девы Марии, устами Петра и Павла и устами отца, сына и святого духа, во веки веков. Аминь".[1]

Тот же Зара Якоб предоставил другими грамотами твердыне церкви, Аксуму во владение: Мадегуэ, Ад Акайт, Ад Карн, Дебура, Добра Салам, Таака, Мазутай, Дабра Закариас, Она Маесо, Садва и многие другие местности. Легендарные Абреха и Асбеха предоставили ей округа Хаваста, Хамбара, Форима и др. Негус Габра Маскале дал церкви Абба Гарима земли Тефа, Баро, Биито, Адуа, Гуэфа и многие другие. Негус Анбаса Салам дал Аксуму земли Дабра Салам, Таэка, Мазутай и многие другие. Негус Сайфа Ared (1344—1372) — страны Куакуэ, Дарака, Гаша Уарк и другие, и т. д.[2]

Эти феодальные владения приносили церкви громадные доходы. Подати собирались ею пшеницей, медом, маслом, скотом и хлопчатобумажными тканями. Подати собирались и на богослужение, и на ладан, и на праздники — рождения девы, и успения, и на Эпифания, и на поминовение негусов.

---

[1] Liber Aksumae, p. 27.

[2] Ibid., pp. 20 ff.

Вот два характерных документа:

ПОДАТИ С ОКРУГОВ ХАВАСТА И ХАМБАРА В ПОЛЬЗУ АКСУМА (XVI в.)[1]

„Подать со стран царского дома. С (округа) Хаваста:

Сих Тамбук: 5 энталам *пшеницы, 5* куэра *меду, 5* фарг, *один* энталам *в дар церкви, одно* кабо *масла.* — *Бета Киркос: 5* энталам *пшеницы, 5* мадегга *меду, 5* фарг, *одно* кабо *масла.* — *Дабра Энкуэ и Сагамо: 5* энталам *пшеницы, 5* мадегга *меду, 5* фарг, *одно* кабо *масла.* — *Канаф: 5* энталам *пшеницы, 5* мадегга *меду, 5* фарг, *одно* кабо *масла.* — *Ребау (должно) писцам (?).* — *Ад Хоша: 5* энталам *пшеницы, 5 (горшков) меду, 5* фарг, *одно* кабо *меду ... (и так далее) ... Всего: 85* энталам *пшеницы, 85* дабре *меду, 120* фарг, *3* габата *и одно* маслас *масла* маланес *и один* энталам *в дар церкви.*

Подать со стран царского дома. — *С (округа) Хамбара:*

Ад Месгана: 10 энталам *пшеницы, 10 (горшков) меду, один* энталам *в дар церкви, одно* кабо *меду.* — *Тахтай Зангун: 5* энталам *пшеницы, 5 горшков меду, 5* фарг, *один* энталам *в дар церкви, одно* кабо *масла.* — *Лалау Зангун: 10* энталам *пшеницы, 10 (горшков) меду, один* энталам *в дар церкви, одно* кабо *масла.* — *Ад Мар: 10* энталам *пшеницы, 10 (горшков) меду, один* энталам *в дар церкви, одно* кабо *масла.* — *... (и так далее) ... Всего 110 (мер) пшеницы, 19* фарг, *75* энталам *пшеницы, 75 (горшков) меду, 3* габата *и одно* маслас *масла, один* энталам *в дар церкви ...*

Вся вместе подать с Хамбара: 85 энталам *пшеницы, 85 (мер) меду, 11* энталам *в дар церкви, 3* габата *и одно* маслас *масла, 3* габата *на ладан (для церкви).* — *Хаваста и Хамбара должны 3* фарг *каждый и один* хедад *каждая страна поровну. Для поминания царя (они должны) одно* кабо *меду, каждая страна.* Форима тахтай *и* лалай:[2] *30* фарг *и один* хедад, *каждая страна поровну. Для поминания кафедрального собора, Хаваста и Хамбара должны* берц[3] *и муку.* — *Ад Ашатиа: 12* энталам

---

[1] Liber Aksumae, pp. 7—10.

[2] Это значит: „Высшие и низшие", т. е. все деревни одного народа или одной страны.

[3] Напиток из воды с медом.

Абиссинское церковное искусство. Святой Самуил Вальдебский верхом на льве (Оригинал картины — в музее ИАЭ.)

пшеницы. — С Дега (плато) Музутай: 10 энталам *пшеницы, 10* мадегга *меду; Дабра Салам, (страны) королевского дома, доверенные невриду (губернатору Аксума), дадут подать такую, какую он захочет.*

Для поминания Марии. С Куакуе: 32 энталам *пшеницы. С Задидо и Катате, обоих, 32* энталам *пшеницы; они не должны платить никакой другой подати, кроме подати для поминания Марии. Акашен (правитель страны Сараве) будет избран* невридом *(губернатором Аксума) из числа дабтара. Ад Баррах (дает одну корову для поминания негуса Давида. Макемек одну корову для (праздника) рождества девы Марии. Ак Раза одну корову для поминания негуса Зара Якоба. Для поминания Марии Наэдер должен каждый год 33 быка; Наэдер должен, в дар церкви, 7* энталам *и Аулео, в дар, 3* энталам. *Всего — 9* энталам *в дар церкви с Наэдера и 12* энталам *в дар с Хаваста и Хамбара.*“

ПОДАТИ В ПОЛЬЗУ АКСУМА.[1]

„*С Мазутая: дега (плато) Мазутай (должно платить) 10* энталам, *10* мадегга *меду.* — *Дабра Закариас и Она Маесо: 20* энталам *и 20* мадегга *меду.* — *Дабра Салам, в Арата и Мадалба: 10* энталам *и 10 (горшков) меду; королевские владения в ведении* неврида *(губернатор Аксума) дадут подать такую, какую он захочет.*

Для поминания Марии, 67 энталам. *Ад Варра (даст) одну корову для поминания негуса Давида Мекемек: одну корову для (праздника) рождества (девы). Ад Раца: одну корову для поминания негуса Заре Якоба. Две коровы с общины Аксума, один* энталам *и 20 (горшков) пива, 100 хлебов: каждый дом должен иметь полный стол; коров (которые община должна дать) — 2. То же самое будет для поминания негуса Давида. Для поминания негуса Сайфа Арада, одну корову. Для поминания негуса Баэда Мариам, 2 коровы, один* энталам *меду, 100 хлебов и 20 (горшков) меду. Для царя Эскандера, то же самое. Для поминания негуса Наода, 4 коров, 2* энталам *меду, тысяча хлебов и 40 (горшков) масла.* — *Фенкели то же самое для поминания* астарейо *(Эпифания)*“.

Многочисленные, „как песок на берегу морском“, служители абиссинской церкви, монахи, книжники жили, во славу бога, девы Марии и всех святых, не плохо. Вот любопытный пример:[2]

„Еда, которую небура (губернатор Аксума) дает 70-ти дабтара (книжникам): 7 быков на рождество, 7 на Эпифания, 7 на каббала,[3] 7 на пасху, 7 на рождение (девы), 7 на (праздник) Дабра Метмак, 7 на успение, 7 на святого Иоанна, 7 на маскаль, 7 на (праздник) Сиона (Марии). В эти 9 праздников он дает, таким образом, семь быков каждый раз.“

Из имеющихся в хранилищах Западной Европы и СССР абиссинских рукописей большое число рукописей — религиозного содержания. Они показывают духовное лицо средневековой Абиссинии. Что представляют собою эти распространенные памятники абиссинской письменности? Это многочисленные переводы на древний абиссинский язык геэз (знание которого является монополией абиссинских попов) Библии, псалмов

---

[1] Liber Aksumae, pp. 10—11.

[2] Ibid., p. 19.

[3] Каббала — праздник в субботу или воскресенье перед великим постом.

Абиссинское церковное искусство. За-Микаэль Арагав, поднимающийся на гору Дамо на змие. (Оригинал картины в музее ИАЭ.)

Давида и евангелий. Это всевозможные часословы, антифоны, глоссарии, псалтири, молитвы против дурного глаза, молитвы против бесов, против града, на разрешение заговоров. Это заклинания против укушения змей и против рези в животе.

Вот перед нами, написанная на абиссинском языке, повидимому в XV в., рукопись „Чудеса владычицы нашей Марии". Здесь, среди чудес фигурируют и исцеление царя египетского от укушения льва, и спасение еврея, поглощенного змеем, и воскрешение какого-то монаха Вардавы из Паллады, согрешившего на пути к Авве Иакову и лишившего себя жизни по наущению дьявола. Здесь и рассказ о кораблекрушении паломников, ехавших по Красному морю, и поучительная повесть о некоем Ионе, изменившем своей жене, и о монахине, сбежавшей с попом из какого-то средиземноморского монастыря, и история пчеловода, положившего, по совету колдуньи, в улей изо рта причастие. Мы можем узнать отсюда также о некоей грешнице, которая, решившись с отчаяния покончить с собою, проглотила скорпиона. Страдая от боли, она положила на грудь образ святой божьей матери и после этого родила трех скорпионов и, конечно же, покаялась. Не менее занимательна, в особенности для нас, безбожников, и история константинопольского купца Аболи, который, обеднев, занял денег под залог сына у еврея Гардона, отправился торговать на берега Тигра и разбогател. Возвращаясь, он узнал в Акко, что ему на корабле не доехать домой к назначенному дню уплаты долга, просрочка которого должна повлечь за собою рабство сына.

Помолившись божьей матери, он бросил в море сундук с деньгами и письмом к ростовщику. Ангелы доставили ящик по назначению и т. д.

Другими свидетельствами абиссинской церковной „культуры" являются многочисленные абиссинские образа-картины, написанные в определенно импрессионистском стиле, яркозелеными, красными и желтыми тонами. Некоторые из них хранятся в Музее института антропологии и этнографии. Вот перед нами святой Фаддей, в руках у него игла, перед ним верблюд. Одеяние апостола — верхнее зеленое, нижнее — красное. Фон темнозеленый. В левом верхнем углу картины надпись по абиссински:

„Как провел верблюда
сквозь иглины уши
Фаддей апостол".

Другая картина изображает яркозеленого святого Авива, пронзившего себя четырьмя мечами. Фон — вверху красный, в середине желтый, внизу зеленый. На третьей картине изображен знаменитый абиссинский преподобный За-Микаэль-Арагав, взбирающийся на гору Дамо при содействии змея. Одеяние сего святого — синий клобук, желтая ряса и красное нижнее с синей подкладкой. Фон желтый. Надпись:

„Как взялся за змия при восхождении
на гору
Отец наш Арагав из Дабра-Дамо".

О значении церкви в современной Абиссинии путешественник Рей пишет: „Благосостояние и влияние церкви исключительны. Размеры церковных земель огромны: монастыри, церкви, обители не только покрывают всю страну, но им принадлежат большие пространства земель, и доходы, собираемые с них, употребляются на содержание почти невероятного числа монахов, священников и дьяконов. Количество этих людей, как мне передавали абиссинцы, превышает миллион — я едва этому могу поверить, но я убежден, что свыше четверти всего мужского абиссинского населения принадлежит к этой категории паразитов..."[1]

По существу эти строки приложимы целиком и к средневековой Абиссинии.

---

[1] Цит. по книге Крейтнера, стр. 44—45.

Жестокий удар абиссинской церкви, этой „второй державе", нанес приход арабов в страну.

Абиссинские хроники начинают говорит о распространении арабов и войнах с ними, примерно, с середины XIII в. При этом под арабами понимается подчас всякий последователь ислама, например, галлас. Про последнего из династии Загве, правителя Наакуэто Лааб, говорится, что он был сыном галласки, был в Иемене, подпал под влияние арабов, тайно посетил Каир и окружил себя галласами. При нем, будто бы, арабы усилили свое влияние в Абиссинии. Икуно Амлак, как говорят абиссинские источники, ненавидел арабов и преследовал их, но потерпел поражение в боях, и мусульмане опустошили многие части страны.

В конце XIII в. арабы усилились на берегу Красного моря. Центром их была Зейла, которую, вместе с окружающей подвластной арабам территорией, источники того времени называли Адал или Адель. Отсюда арабы совершали нападения на абиссинскую территорию вместе со своими союзниками, племенами галла, занимавшими соседнюю юго-восточную часть страны. Центром их, вероятно, был Харар. Некоторые галласские, а возможно и арабские племена, находившиеся в вассальной зависимости у Абиссинии, начали восставать.

Марко Поло в 1290 г. (?) описывал Абиссинию того времени следующим образом: „Абаш есть крупная провинция и ее называют средней или второй Индией. Главный властелин страны — христианин и имеется шесть других царей, трое из которых христиане и трое арабы, все подчиненные его власти. Главный христианский царь имеет резиденцию в центре страны. Арабский царь находится вблизи района Адем. Абиссинцы народ очень сильный в оружии и великие воины и имеют постоянные войны с султаном Адель и народом Нубии и со многими другими народами; и, отсюда, вследствие их постоянной практики в оружии, считаются лучшими солдатами в Индии". Далее рассказывалось о войнах абиссинцев с арабами и взятии первыми Аделя и дается описание Аделя.[1]

Свои высокие военные качества абиссинцы оправдали при Амда Сионе. Амда Сион послал в 1325 г. ан-Назиру, мамелюкскому султану Египта, резкий протест по поводу преследований абиссинцев арабами. Затем он повел войну против Сабр-ад-Дина

---

[1] Ramusio, vol. III, p. 59.

из Ифата, страны на восток от государства Шоа. Последний в конце концов сдался. Затем на восточную часть Абиссинии напали могущественные (повидимому галласские) племена *адал* и *мора*. Это поощрило арабов. Но Амда Сион их разбил, взял богатую добычу, и он пошел в страну Адал и сражался два месяца подряд, день и ночь. Победа Амда Сиона всполошила арабов и против него объединились все их племена. Они выступили, по словам летописца, многочисленные, как туча саранчи, как звезды на небе или песок на берегу морском; но Амда Сион выиграл битву, захватил в плен правителя Адала, опустошил страну, сжег города и мечети в них.

Войны с арабами (галласами?) продолжались при Невайе Крестосе, Невайе Мариаме, Давиде I, Теодоре I, Баэде Мариам и Искандере в XIV и XV вв. Успех был переменный. В ряде случаев абиссинцы снова проникали в Зейлу, но имел место и ряд серьезных поражений абиссинцев.

XVI в. принес поражение Абиссинии. На абиссинской сцене появились турки-османы; арабы и галла стали их вассалами и получали от них помощь. В январе 1517 г. Селим, сын султана Баязида II, вошел в Каир. Синан Паша, генерал Селима, прошел всю Аравию, убивал всех губернаторов и вельмож, не подчиняющихся ему. Повсюду он ставил турецких губернаторов и наделял их солдатами. Турки заняли сразу все порты на арабском берегу Красного моря и Суакин на африканском берегу. Их главной целью было не завоевание, но контроль над всею торговлею между Египтом и Индией и ограбление караванов. Арабы перенесли торговлю на восточный берег — в Зейлу, и турки захватили тогда ее. Страна Адал подчинилась османам, и турки начали помогать ей в борьбе с Абиссинией. Турки принесли с собою в Аравию пушки и ружья, и это огнестрельное оружие было немаловажным козырем мусульман в борьбе с абиссинцами, которые все еще сражались копьями и мечами.

Жестокая борьба с мусульманами шла при Лебне Денгеле или Ванас Сагаде I, носившем кличку „лев“.

Мусульмане подступали все ближе и ближе. Сначала Лебна Денгель совершил успешный поход. В одной из битв в июле 1516 г. было убито 12 000 приверженцев ислама, но затем Лебна Денгель начал терпеть поражения. Во главе мусульман (галла) стал непобедимый Ахмед Мухxамед, по прозвищу Грань, что значит „левша“. В 1527 г. Грань начал завоевание Абиссинии.

Сцена из средневековой истории Абиссинии. Шестьсот всадников ночью падают в пропасть. (По гравюре 1691 г. из книги Людольфа.)

Он занял восточную Абиссинию, Ифат, Шоа, сжег Дебра Либанос, завоевал Амхару, левый берег р. Аваш. В 1534 г. нанес поражение у оз. Цана. В следующем году сжег Аксум и занял Семен, Дембеа и Бегамдер. В 1536 г. он опустошил Годжам, в последующие два года его войска наводнили провинции Галила, Даваро, Ангот. В 1540 г. галла захватили царскую казну и истребили почти весь царский род. Сам Лебна Денгель, этот „лев", растерял все свои войска и всех своих подданных (девять десятых абиссинцев перешло в ислам). Сгоняемый с места на место, он, в конце концов, в 1541 г. умер где-то в пустыне, не то от голода, не то от истощения. Абиссинское крестьянство в лучшем случае относилось равнодушно к приходу мусульман: разве гнет ислама мог быть тяжелее власти абиссинских помещиков и церкви? Выше мы уже приводили свидетельство об отношении десяти „классов" к войне с галла. Море ислама затопило Абиссинию. Лишь на вершинах неприступных гор „амба" укрылись остатки абиссинского правящего класса, в том числе мать Лебны Денгеля, Елена, фактическая правительница Абиссинии в течение сорока лет.

И тут неожиданно пришла помощь со стороны. В Абиссинию прибыли свирепые противники „мавров" — португальцы.

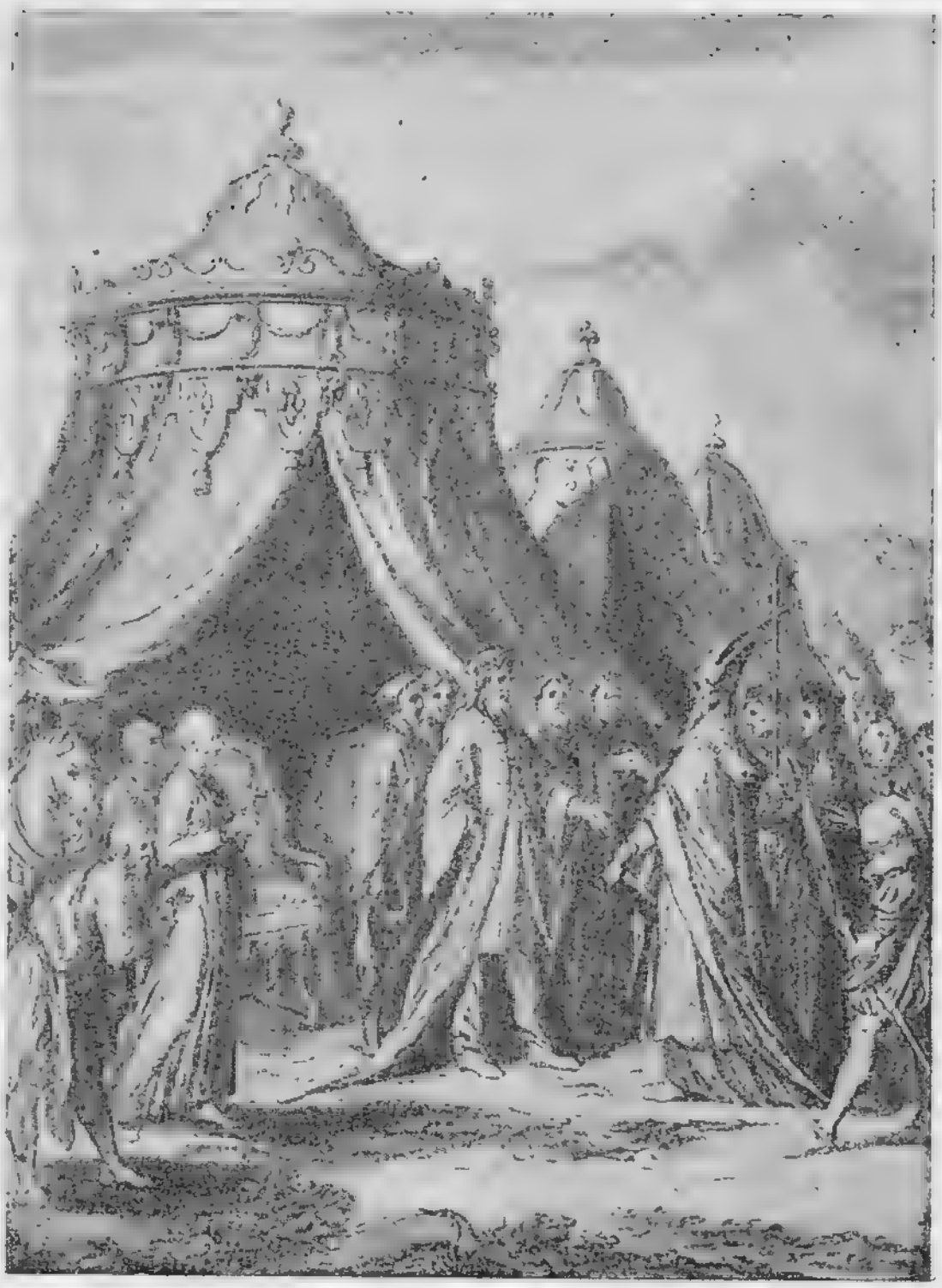
Арабские купцы и пираты отступают повсюду по берегам Африки под натиском кораблей португальцев. Португальцы, наконец, находят путь вокруг Африки и становятся хозяевами Персидского залива, а затем и всего Индийского океана. Абиссиния лежит на берегу Красного моря, в восточной Африке, т. е. на пути в Индию. Естественны поэтому обнимающие собою добрых полтора столетия попытки португальцев обосноваться в Абиссинии.

Сами абиссинцы также не прочь были завязать сношения с великой державой, появившейся на мировой арене, и получить от португальских гидальго поддержку против ислама. Теодор I (1411—1414) писал королю франков (под франками понимались европейцы), прося поддержки в походе против Ифата и Адала. Зара Якоб, при котором был венецианский монах и художник Бранка-Леоне, обращался в 1441—1445 гг. за помощью к римскому папе, предлагая объединить абиссинскую церковь с римской.

Вскоре после достижения в 1487 г. Мыса Доброй Надежды, португальский король послал в Абиссинию двух человек, имевших задание проникнуть в западную африканскую христианскую „Страну пресвитера Иоанна“[1] и завязать с ней сношения. Один из посланных Педро де-Ковильям в 1490 г. прибыл в Абиссинию и был принят с почестями в столице Тегулете негусом Искандером. Искандер сделал его своим советником и не отпускал из страны. Ковильям женился на абиссинке и жил в стране еще в 1520 г., когда туда прибыло новое португальское посольство, в составе дон Родриго де Лима, Франциско Альвареца и Бермудеца. Посольство это прибыло по приглашению фактической правительницы страны Елены. Португальское посольство было в Абиссинии шесть лет и не дало существенных результатов.

---

[1] В XII—XIII вв. в Европе была распространена легенда о загадочной христианской стране, находившейся где-то на востоке. Страну возглавлял „Пресвитер Иоанн“, ему подчинялось 72 короля; 12 архиепископов и 20 епископов сидели около него. Страна была, конечно, богата золотом, драгоценностями, пряностями, ароматическими смолами и населена всякими крылатыми чудовищами и быками, пожирающими человеческое мясо. Вполне вероятно, что в этой созданной средневековым воображением легенде причудливо преломились те смутные, отрывочные сведения, которые случайно проникали в Европу о действительно существовавшей христианской Абиссинии и не без некоторых оснований, когда была открыта Абиссиния, ее начали отожествлять с этой сказочной страною „Пресвитера Иоанна“.



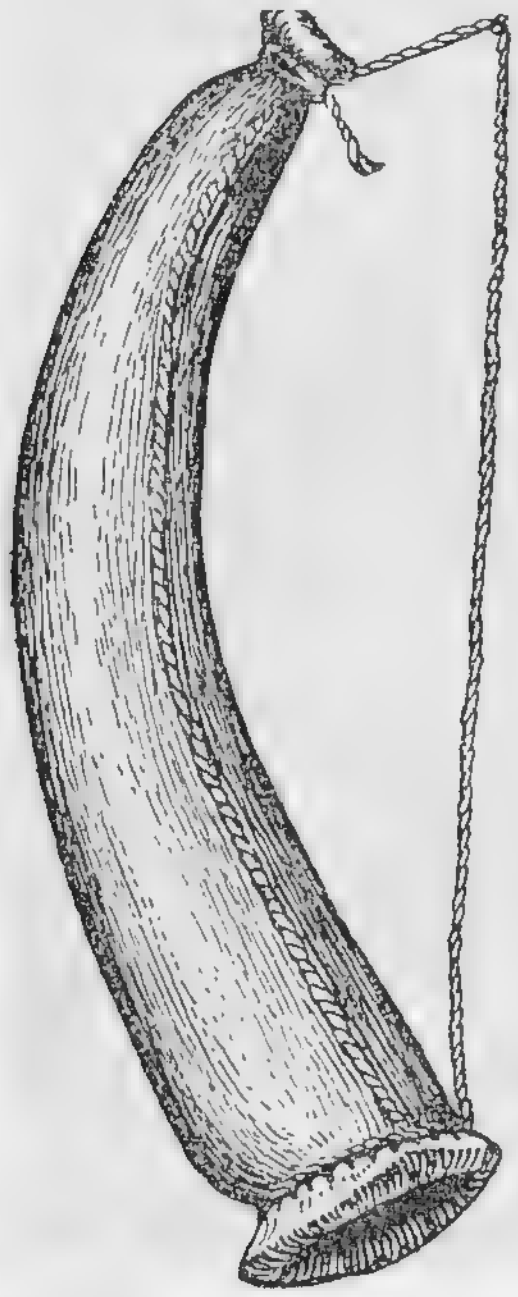
Прием португальского посольства в Абиссинии в XVI в. (По гравюре из книги Иеронима Лобо.)

В 1526 г. дону Родриго де Лима было предложено покинуть страну, и он выбыл, но его секретарь и врач Бермудец остался в Абиссинии. Через некоторое время Бермудец стал патриархом Абиссинии, и в 1538 г. он был послан в Рим к папе за конфирмацией и в Лиссабон к португальскому королю за военной помощью Абиссинии. Последний (Иоанн III) послал Бермудеца в португальскую твердыню на востоке — крепость Гоа. Вицекоролем Индии вскоре стал Эстьен де-Гама, сын Васко де-Гама. Желая истребить турецкие галеры, укрывшиеся в Суэце, Эстьен де-Гама прибыл с флотом в Красное море, имея на борту Бермудеца, и бросил якорь в Массауа.

Абиссинцы просили у португальцев помощи. Абиссинский негус в письме, обращенном Бермудецу, писал:

„Письмо вами мне посланное было мне доставлено, и тот, кто принес его, дал мне полное описание вас и, найдя его правильным, я был совершенно обрадован счастью, посланному мне небом. Я послал вас моим послом из этой Тиопии и, благодарение богу, вы никогда не задерживались, преодолевая трудности из любви ко мне и, главным образом, чтобы высказать веру в Христа. Все мои вожди восстали против меня, чтобы помочь арабам, и опустошили и силой овладели моими странами; устрашаясь этого, я просил у короля, моего

брата, людей, и вы мне сказали, что он пожаловал мне триста обученных людей. Королевство Португалии мое, равно и моя страна и все, что он хочет, принадлежит королю, моему брату. Я прошу вас привести много людей. Оставайтесь, ибо я знаю, что вы не спите у меня на службе, но держите это в своих мыслях. Все, что вы сделали и намереваетесь сделать, хорошо. Ваши земли в мире; они должны удвоиться от наилучшего в моем королевстве". [Далее подтверждалось получение писем от короля Португалии и вице-короля Индии и выражалась благодарность за полученные подарки. Сообщалось также, что *„некоторые из восставших против меня, услышав об этих письмах и о надеждах на прибытие флота христиан, возвратились к повиновению"*].[1]



Рог для меда.

Четыреста человек португальцев высадились на берег и под начальством молодого Христовано де-Гама, брата вице-короля Индии, отправились в свою знаменитую экспедицию в Индию. Она описана в книгах участников ее Кастаньозо и Бермудеца.

Вот начало книги Кастаньозо, описывающее первый этап перехода португальцев, шедших по той же дороге, по которой сейчас прошли из Массауа итальянские войска, воюющие в северной Абиссинии.

„КАК ПРЕСВИТЕР ИОАНН ПОСЛАЛ ЗА ПОМОЩЬЮ К ДОНУ ЭСТЕВАНО ДЕ-ГАМА, ГУБЕРНАТОРУ ИНДИИ"

Когда дон Эстевано де-Гама, губернатор Индии, бросил якорь против Массауа со всем своим флотом, который он привел в пролив Мекки после того как сжег и разрушил город Суакин и порт Алькоцер и город Тор, в двух лигах от которого находится тело блаженной св. Екатерины горы Синай, и многие другие подвиги, что он сделал в эту экспедицию:

---

[1] G. Correa. Lendas da India, Lisbon, 1858—1864, t. IV, p. 138.

сжигая корабли и разрушая во всех проливах, занятых арабами и турками, пришел к нему начальник Пресвитера, по имени Барнагес,[1] *с письмами, просящими его обратить внимание на то, что королевство его было четырнадцать лет занято арабами и что большая часть его народа в плену; что, так как король (Португалии), его брат, привык помогать слабому, он умоляет его оказать внимание и послать какую-либо помощь, ибо эти королевства принадлежат его величеству и он (пресвитер Иоанн) держит их на его имя. Когда губернатор прочел эти письма, он собрал капитанов своего флота и фидальго, чтобы держать с ними совет, что делать в этом случае, и они согласились, что это будет службой богу и его величеству, если они пошлют им помощь в их великой нужде. Это предприятие было очень желательным для всех капитанов и было популярным среди тех, кто считал, что оно будет дано им. Губернатор, движимый своей великой настойчивостью, дал это поручение своему брату, дону Христовано. Тот немедленно подготовился со всеми своими людьми и высадился на берег, чтобы начать путешествие.*

ГЛАВА I. КАК ДОН ХРИСТОВАНО НАЧАЛ СВОЙ ПОХОД И ЕГО ПРИЕМ В СТРАНЕ БАРНАГЕСА

„В субботу, в 9-й день июля 1541, в конце дня, покинув губернатора и весь его народ, отправился в поход со своим отрядом, несшим артиллерию и военные запасы. Все солдаты имели по два комплекта оружия и выступили весьма тщательно снабженными и с очень хорошим запасом. Они спали эту ночь и остановились у нескольких солоноватых источников. Следующий день, воскресенье, они до захода солнца не шли, ибо страна была очень жаркая и очень суровая и они могли путешествовать только ночью, затем они шли и остановились у нескольких источников, более сладких, чем прошлые, на равнине, полной дикой птицею. Здесь мы должны были установить охрану на оставшееся время ночи, вследствие многих очень страшных диких зверей на равнине. Так мы шли шесть суток, всегда ночью, ибо страна была очень

---

[1] Бахарнегэш, или правитель моря, титул губернатора северной границы Абиссинии.

жаркая и воды было очень мало, что очень беспокоило народ. Дон Христовано шел со всеми пешком, ибо не было животных для езды. Артиллерию, боеприпасы и провизию везли на верблюдах и мулах, которые с собою привел Барнагес; но мы часто разгружали их и несли груз и даже артиллерию на своих спинах сквозь очень суровые ущелья, где груженые верблюды и мулы не могли пройти... Как мы сказали, мы шли таким путем шесть суток и в конце этих дней мы восходили на гору столь высокую, что мы взбирались до вершины с утра до вечера. Когда мы достигли вершины, мы нашли очень обширные плоскости и страну очень ровную и очень прохладную с хорошим воздухом и хорошей водою... На следующий день мы продолжали итти через эту прохладную страну, которая нам была значительно приятней, чем прежняя (жаркая), и по ней мы шли трое суток, пересекли ряд потоков очень хорошей воды, пока мы не достигли очень большого города с каменными домами, плоскокрышими, подобными арабским. Этот город был подчинен начальнику, который шел с нами.[1] *С одной стороны он ограничивался очень красивой рекою, в которой много рыбы, и на берегах которой по обеим сторонам много деревень с многочисленными стадами, все на виду у города. В это время эти деревни были обезлюдены, вследствие боязни арабов, и жители бежали со своим скотом на гору, где скрывались, забросив свое хлебопашество, но, по нашем прибытии, они все вернулись в свои дома. Из этого города вышло навстречу дону Христовану много монахов с крестами в руках, в торжественной процессии, молящихся богу о милости. Когда они встретили дона Христована, то сказали ему, что бог привел его в эту страну во время великой смуты, когда в течение четырнадцати лет враги нашей святой веры господствовали над страною и разрушили церкви и монастыри; что они видят, что он апостол бога, пришел, чтобы освободить их из плена и порабощения и они призывают его отомстить этим злым людям; это они просили с такими воплями, что всякий, кто их слышал, был готов плакать тысячью слез. Затем, мы пошли помолиться в их монастырь, который был разрушен. То, что из него уцелело, было построено из камня и колонн и имело алтарь,*

---

[1] Повидимому, город Дебароа.

подобный алтарю в жилище бедного пустынника, и было крыто соломою, ибо на большее они не осмеливались, вследствие боязни арабов.

Дон Христован распрощался с ними, утешая их много, что с помощью нашего господа они быстро вернутся к преуспеянию, так как он пришел в эту страну только для того, чтобы изгнать арабов и умереть во имя Христа. Монахи были очень довольны этим ответом. Дон Христован пошел в сопровождении своих солдат в свои палатки, которые Барнагес поставил на плоскости близко к городу. Здесь мы расположились с комфортом и по приказу Барнагеса земледельцы принесли нам какие могли припасы, но припасы не были обильны, ибо земледельцы были сильно обобраны и долгое время ни пахали, ни сеяли".[1]

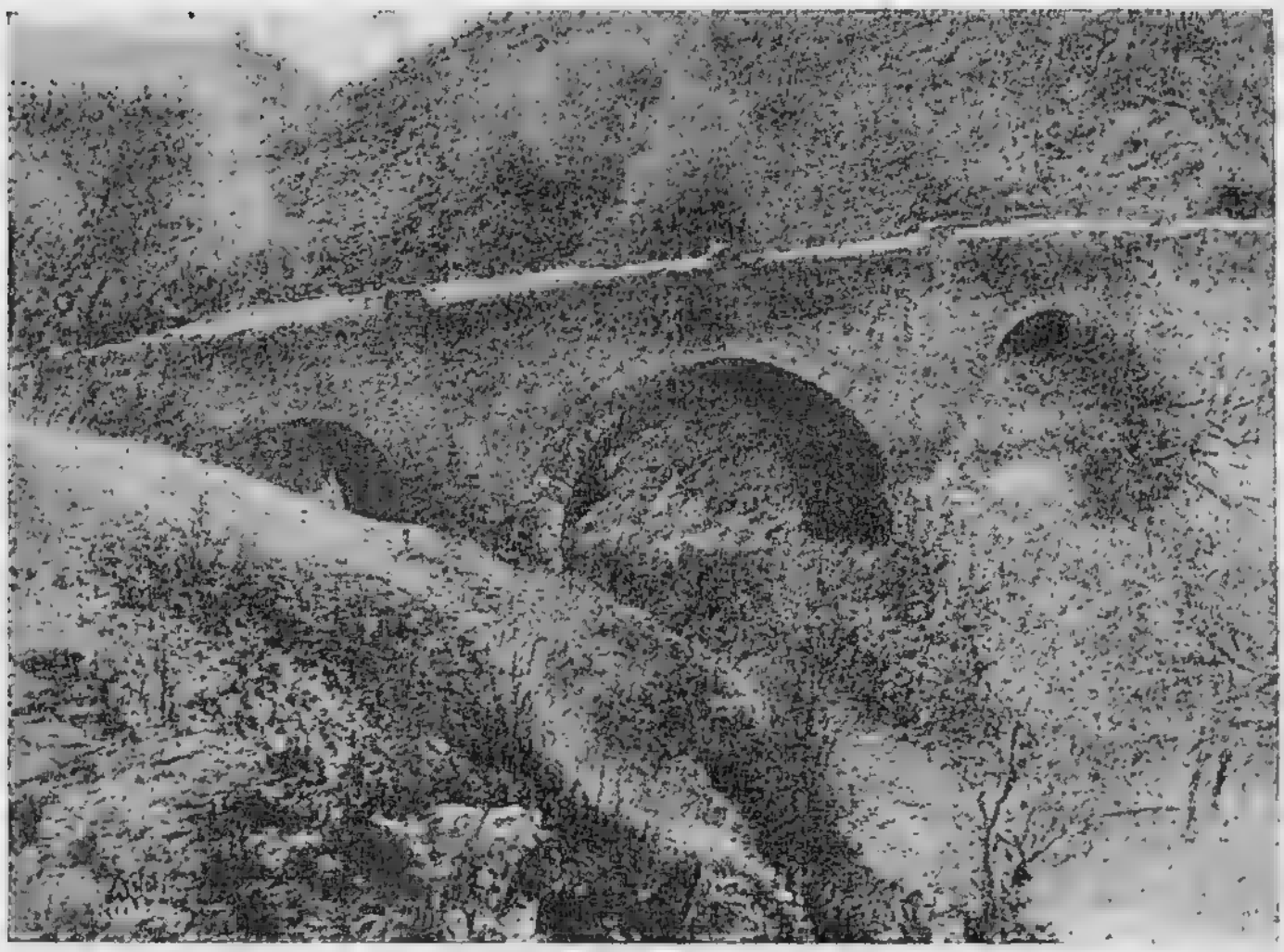
Дальнейшие приключения четырехсот португальских авантюристов Кастаньозо описывает следующим образом. Христован держит совет с Барнагесом и народом страны о том, что нужно делать, как сражаться с правителем Зейлы Гранем и решается переждать зиму. Он разбивает свое войско на пять отрядов по 50 человек, во главе которых ставит капитанов, и шестой отряд, во главе которого становится сам. Абиссинцы снабжают португальцев продуктами и абиссинская правительница Елена посещает их лагерь. Сама она находилась на неприступной горе *амба*, вершина которой составляла $^1/_4$ лиги, и на ней находилось 500 человек. Они там имели воду и возделывали пшеницу, ячмень, просо; держали коз и птицу. Прибывшая правительница была торжественно принята португальским командиром, одетым в костюм из красного сатина, расшитого золотой парчею, в черной шляпе. По окончании зимы, в середине декабря, португальцы отправились в поход. По дороге они вмешиваются в управление провинциями и берут приступом несколько занятых „арабами" гор. „Король Зейлы" (Грань) посылает к португальцам людей, советуя им покинуть страну, португальцы отвечают, что они прибыли по приказу „великого морского льва. У них один господин — король Португалии и его вассалами являются все короли Индии, Аравии, Персии и большей части Африки". В издевку над Гранем храб-

[1] M. Castanhoso. Historia Dar Cousas que o muy esforçado capitão Dom Christovão da Gama fez nos Reynos do Preste João, com quatrocetos Portugueses, Lisboa, 1564.

рые гидальго посылают ему щипчики для бровей и большое зеркало, чтобы сказать тем самым, что он — женщина. В первой и второй битвах галласы терпят поражение. Пушки и мушкеты португальцев делают свое дело. Но вот беда: у португальцев нет лошадей и они не могут преследовать врага! Португальцы снова остаются на зимовку. Тем временем их противники посылают за помощью в аравийские порты к туркам, соглашаясь быть вассалами последних, и посылают им много золота, серебра и бриллиантов. Турки дают Граню в помощь 900 солдат, вооруженных пищалью, и десять полевых бомбард. 28 августа 1542 г., в решительной битве, португальцы терпят жестокое поражение. Их командир ранен, попадает в плен и умерщвлен. Оставшиеся португальцы собирают силы, вокруг них объединяются 8000 абиссинских пеших и 500 всадников. В битве в Вайнавега, в провинции Амхара, 21 февраля 1543 г. галласы разбиты; их вождь убит. Армия Граня уничтожена.

Так, абиссинские войска и португальские гидальго оправдали свою славу непобедимых. В следующем году абиссинцы уже предпринимают поход на галласское государство „Надуаз", со столицей Харар. Страна галла покоряется и галла обращаются в рабство. Сама Абиссиния восстанавливается.

Португальцы были первыми из европейцев, открывшими абиссинские истоки Нила. Греческие географы уже знали о их существовании, но не видели их. Вот что Кастаньозо пишет в главе XXV своего сочинения: „Об озере, откуда течет Нил": „Из упомянутого озера... берет начало Нил; покинув озера, он пересекает всю страну Пресвитера, пересекает Египет, минует город Каир и впадает в море левантийское в Александрии". Само озеро очень велико, путешественник может объехать его лишь в десять дней, посреди озера много островов, по берегам монастыри. Затем следует красочное описание гиппопотама: „В озере живут некие твари, вроде морских лошадей, которыми они могут быть. Они так велики, как большие лошади, и формы и цвета слона; их головы исключительно широки, с очень широкой пастью; устройство нижних и верхних зубов таково, как будто они изображают зубы змея; по краям, с обеих сторон челюсти, как у слона, выступают два клыка, но они не так велики; когда они (твари) открывают свою пасть, это удивительное зрелище, ибо верно, что человек обыкновенных размеров, стоя на нижней челюсти, не достанет своей головой



Мост через Голубой Нил, выстроенный португальцами в XVII в. Им пользуются до настоящего времени.

верхней; а по ширине челюсти уместится двое людей. Эти твари выходят на равнину есть траву и ветки и если видят людей, то отступают в воду. Они так многочисленны, что, плывя в воде, они покрывают всю ее (поверхность). Они живут под водою и когда выходят, из их пасти бьет фонтан больший, чем делает кит".

Вымысел и реальность причудливо переплетаются в сочинениях первых португальцев. Приводим выдержку из книги Бермудеца, дольше всех пробывшего в стране. Из этой выдержки можно получить некоторое представление об одном из абиссинских феодальных государств, его природе, ресурсах, экономике, равно и о стиле сочинений эпохи великих географических открытий:

„О КОРОЛЕВСТВЕ ДАМУТ И ЕГО ПРОВИНЦИЯХ И О ВЕЛИКИХ БОГАТСТВАХ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В НЕМ, И О НЕКОТОРЫХ ЧУДЕСНЫХ ВЕЩАХ"

„Королевство Дамут[1] граничит с запада с (королевством) Гафат..., оно на берегу Нила... Эта провинция скорее окружена Нилом, чем находится на одной стороне его, ибо река делает здесь многие и значительные изгибы. Доступ к этому королевству очень затруднителен, вследствие

[1] Вернее, Дамот — часть государства Годжам в западной Абиссинии, на берегу Голубого Нила.

суровых утесов здесь на берегах Нила. Кроме того что эти утесы отвесны, некоторые проходы, искусственно проломленные в скалах, закрыты воротами, охраняемыми вооруженными людьми; таким образом, незначительные силы могут устоять и воспрепятствовать входу тех врагов, кои желают пройти без разрешения... Королевство Дамут велико, с рядом соподчиненных провинций. Главная часть населена христианами, но ряд провинций принадлежат язычникам. Во всей стране находятся значительные запасы золота и горного хрусталя. Вся страна хорошо обеспечена и плодородна, особенно в части ближайшей к Нилу, которая имеет больше гор и рек, чем остальная. Она (страна) вскармливает многочисленных животных диких и ручных, червей и удивительных ядовитых змей. Они (жители) выращивают скот, лошадей, буйволов, мулов, ослов, овец и другие стада; скот крупнее, чем наш настолько, что некоторые из него почти так велики, как слоны. Они имеют большие рога, некоторые из которых даже вмещают целый кувшин вина. Они употребляются для перевозки и хранения вина и воды, как кувшины и бочки здесь...[1] *В этой стране находится вид единорога, дикого и буйного, имеющего форму лошади и размер осла.*[2] *Там имеются слоны, львы, леопарды и другие дикие звери, которых мы не знаем здесь...*" (*Далее рассказываются обычные небылицы про женщин амазонок, птицу феникс и др.*)... *Вверх по Нилу, к югу, граничит с королевством Дамут большая провинция, называющаяся Конче. Она подчинена Дамуту и населена язычниками; вождь называется по имени своего титула Акс Гаксе, что означает господин богатых, как и есть в действительности. Когда это ему нужно, Акс Гаксе собирает десять тысяч всадников и свыше двадцати тысяч пеших. Он имеет при своей армии тысячу ручных мельниц, в которых женщины толкут нужную армии муку. Когда мы были в Дамуте, вождь взбунтовался против короля Дамута...*[3]

---

[1] Здесь подразумеваются, повидимому, зебу, с их длинными рогами, доходящими до 4 фут. Размер животных явно преувеличен.

[2] Эго, повидимому, антилопа орикс, которая в профиль выглядит как имеющая один рог.

[3] Глава I из книги: João Bermudez. Breve relaçaō da embaixada qō Patriarcha dō João Bermudez trouxe do Emperador da Ethiopia, etc., Lisboa, 1565.

Замок в Гондаре, выстроенный в XVII в. португальцами для негуса Фасилидаса.

Далее Бермудец пишет, что он, патриарх, утихомирил вос-ставшего вождя и тот принес дань правителю королевства Дамут, описываются громадные змеи, богатые россыпи золота в стране и т. д.

Португальцы шли за океаны ради быстрого обогащения. Им нужно было золото, много золота. Но в Абиссинии они опоздали. Всю массу золота, накопленного правителями и церковью Абиссинии, унесли мусульмане. Некоторое количество золота добывалось еще в стране, но и его португальцы не могли получить: их силы были немногочисленны. Между пришельцами начались ссоры и раздоры. Их вмешательство в государственные дела стало досаждать абиссинцам и те стали преследовать португальских авантюристов Бермудеца и иже с ним и вскоре сослали их. Этому содействовала коптско-абиссинская церковь, боявшаяся конкуренции католиков.

Однако португальские иезуиты продолжали попытки овладеть страною. В 1555 г. вопрос был доложен Игнатию Лойоле и им был назначен патриархом Абиссинии Иоанн Нуньец Барето. Последний обосновался сначала в Гоа и оттуда послал в Абиссинию иезуитов Гонзало Родригеца, Фульгенцио Фрейре и Диего Диас с заданием: войти в доверие к абиссинскому негусу Клавдию и попытаться обратить его в католичество. Миссия окон-

чилась неудачей и вернулась в Индию. Португальский король дал приказ послать новую миссию в сопровождении 500 солдат, но Индия в это время не имела ни сил, ни денег и был послан лишь патриарх Овиедо. Негус Минас, правивший уже в это время (1559), стал активно противодействовать происками иезуитов, запретил абиссинцам посещать католические церкви, выходить замуж за португальцев и пр. Португальцы объединились с турками и мятежными феодалами, но в битве 1562 г. были разбиты. Овиедо и другие были сосланы. Коуто пишет: „Наши люди были столь дискредитированы, что ни один из императоров не стал им больше верить или просить еще помощи от вице-королей".[1]

В 1603 г. в Абиссинию проник энергичный испанский иезуит Паец. Он быстро научился читать и писать по-эфиопски, учредил школу. Захвативший в это время в Абиссинии власть За-Денгель был обращен в католичество и писал письма папе римскому Клименту VIII и Филиппу III. У последнего он просил ремесленников. Но вскоре он был свергнут. Последующий негус Сусейнос также был расположен к католичеству (что объяснилось мощью Испании). В 1623—1625 гг. в Абиссинию прибыли Альмейда, Альфонс Мендец, Иероним Лобо и другие иезуиты. Католичество получило официальное признание, и всех абиссинцев начали перекрещивать в новую веру. Коптско-абиссинские попы и монахи повели ожесточенную борьбу против негуса и победили. Сусейнос принужден был отречься. Его сын, Фасилидас, ставленник абиссинской церкви, стал преследовать иезуитов, изгонять и убивать их. Мендец просил у испанцев войск и сговаривался с абиссинскими противниками негуса, но был разоблачен. По приказу Фасилидаса иезуиты были выданы туркам, с которыми негус поддерживал связь.

После этого изгнания иезуитов долгое время немногие из европейцев решались проникнуть в Абиссинию. Был издан закон, по которому проникавшие в Абиссинию наказывались смертной казнью. Сын Фасилидаса, Иоанн, проводил политику „Абиссиния для абиссинцев". Все порты Абиссинии, занятые турками, были закрыты для европейцев.

Колонизационная деятельность европейцев к тому же концентрируется в Северной и Южной Америке, Вест-Индии и Вос-

---

[1] Couto. Decades VII, кн. X, гл. VI.

точных Индиях. Африка интересует европейские державы, главным образом, как источник негров-рабов.

Лишь время от времени, с большими трудностями, в Абиссинию проникают отдельные европейские путешественники.

В 1699 г. в Абиссинию пробрался из Каира, поднявшись по Нилу, французский врач Франсуа Понсе. Он сумел вылечить негуса Иясу, стал его фаворитом и негус послал вместе с Понсе в подарок Людовику XIV: десять молодых абиссинцев (пять юношей и пять девушек), двадцать кофейных чашек, шелковый пояс, железный крест, ткани, лошадей и одного слона. Обратная поездка Понсе окончилась, однако, неудачей: Паша Джидды забрал у него по дороге большую часть подарков, а французский консул в Каире стал обвинять Понсе во лжи, обмане, мошенничестве и пр. В результате этого Понсе был плохо встречен во Франции.

В 1704 г. в Абиссинию пытался проехать французский консул Ленуар де-Руле. Он был убит по дороге, в Сенааре. Неоднократно пытались проникнуть в Абиссинию францисканские и прочие миссионеры, но их миссии оканчивались неудачей.

Наконец, в 1769 г. в Абиссинию прибыл через Массауа шотландец Брюс. Ему удалось приобрести расположение фактического правителя страны. Он научился немного абиссинскому языку и собрал богатый материал об Абиссинии, ее истории, истоках Нила. Его восьмитомное описание „Путешествий к истокам Нила“ представляет большой интерес и до сих пор. Какими трудностями сопровождалось проникновение европейцев в Абиссинию во времена Брюса, видно из следующей выдержки из его письма Вуду от 1 марта 1770 г. из Гондара: „После тысячи огорчений и трудностей нам, наконец, разрешили въехать в Абиссинию; мы все одеты, как греки. Как таковые, мы проходим до сих пор. Мы прибыли в Гондар, столицу, в конце февраля. Я лучше всего поясню вам трудности путешествия в этой стране тем, что я находился в пути от Массауа до Гондара, что составляет всего около 200 миль, — шестьдесят один день. Часть пути я проделал пешком...“.[1] Об абиссинцах он писал: „я никогда не видел столь варварскую нацию, а я думаю я видел многих варваров“. В этом уже проявлялось британское капиталистическое высокомерие и колонизаторский дух. Брюс

---

[1] J. Bruce. Voyage, etc., vol. I, p. CCXIX.

был пионером европейского проникновения в страну. Его путешествие открыло фактически вновь европейскому миру забытую страну и привлекло к ней внимание Англии и Франции, боровшихся между собою в Индии и на подступах к ней.

Экспедиция Наполеона в Египет была одним из этапов этой борьбы, которая привлекла интерес и к Абиссинии.

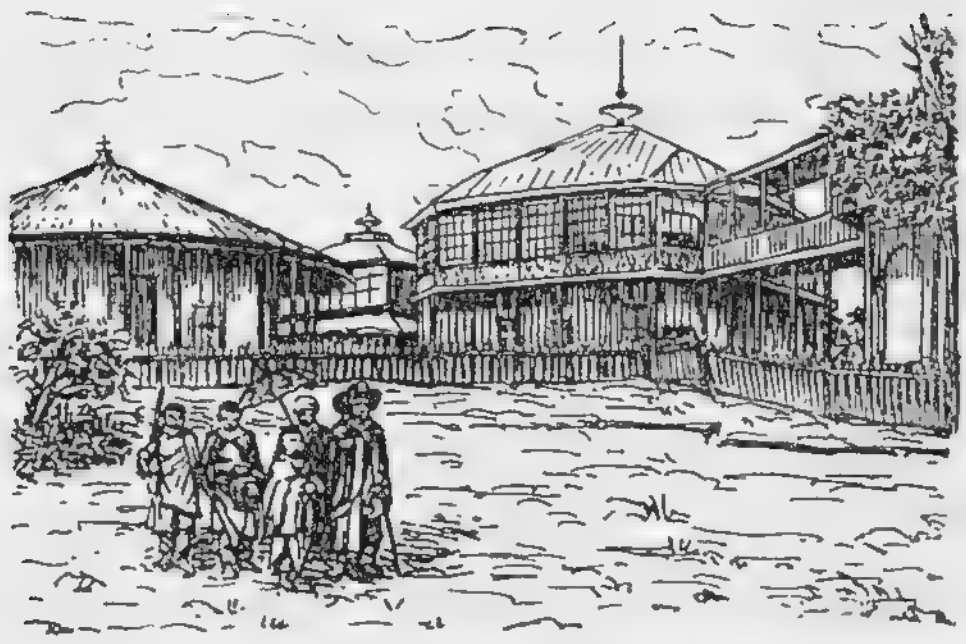
С новой силой борьба за подступы к Индии, за Египет и Абиссинию разгорелась с прорытием Суэцкого канала в эпоху империализма.

Аксумская монета. (Из коллекций Гос. Эрмитажа).

* * *

К. Н. ЛУКНИЦКИЙ

БОРЬБА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ ЗА АБИССИНИЮ (до 1914 г.)



Марш войск британской военной экспедиции в 1868 г. близ Донголо.

АНГЛИЯ И АБИССИНИЯ

Англия первая из крупных капиталистических держав обнаружила заинтересованность в Абиссинии.

В 1775 г. в Бостоне были выброшены в море ящики с чаем. Началась великая американская революция, в результате которой Англия лишилась своих самых ценных заатлантических колоний. Отныне колониальная политика Англии обратилась на восток и основой британской колониальной политики стала Индия.

„19 октября 1781 г., в день, когда Корнуэлс, разбитый на суше и на море, сдался Вашингтону, первая Британская империя умерла. 12 апреля 1782 г., когда Родней настиг и разбил среди Малых Антильских островов французский флот, вторая британская империя, можно сказать, родилась. Ибо... [этой битвой]... британское господство на море было восстановлено, и это господство на море сделало возможным, если не почти обеспеченным, создание нового британского мирового обще-

ства на развалинах старого".[1] Господство на море обеспечило Англии господство в Индии.

Индию англичане завоевали в боях с Францией. Более столетия Англия боролась с Францией за мировое превосходство, за господство на море, за обладание Индией и путями к ней. Эта борьба завершилась войнами Англии с французской революцией (1793—1802) и Наполеоном (1803—1815), окончившимися полным поражением Франции.

Вопрос об Индии и об Египте играл далеко не последнюю роль в этих войнах. Британский историк Сили, например, писал про войну 1803 г.: „С самого начала это была война из-за острова Мальты. По Амьенскому договору Англия обязалась в определенный срок очистить Мальту, но потом, исходя из некоторых оснований... отказалась сделать это. Но почему же Наполеон хотел, чтобы она очистила Мальту, и почему Англия отказалась от этого? Потому что Мальта была ключом к Египту, и Англия имела основание предполагать, что Наполеон вновь займет Египет и что опять возобновится борьба за Индию. Таким образом, война эта была все-таки войной из-за Индии..."[2] Значение Мальты определил сам Наполеон, который, как говорят, в припадке ярости воскликнул, что „предпочел бы видеть англичан в Антуанском предместьи (Парижа), чем на Мальте".

Победительницей вышла Англия. Победу ей принесли не только военные таланты Нельсона и Веллингтона, но и изобретения Кея, Харгрифа, Кромптона и Уатта. Над миром стали господствовать британские хлопчато-бумажные ткани и открывающие им путь во все страны идеи Адама Смита и Кобдена.

Борьба за колонии стихла. Англия торговала. Весь мир сделался ее рынком. Франция оправлялась от ран. Но господство идей свободной торговли в Англии, в середине XIX в., отнюдь не мешало ей укреплять и расширять свою империю на востоке. В 1839 г. Англия захватывает Аден. В 1843 г. она захватывает Синд, в 1852 — Нижнюю Бирму, в 1853 — Нагпур, в 1856 — Ауд. В 1857—58 гг. подавляется восстание сипаев.

Однако, чудесное зрелище британского промышленного капитализма, монопольно господствующего на мировом рынке и потому проповедывающего свободу торговли, можно было наблюдать не вечно. Франция — старый соперник — снова под-

[1] R. Coupland. Raffles, 1781—1826. London, 1934, p. 5.

[2] John Seely. The Expansion of England. London, 1891.

Аден. (По картине художника Бернатц из его „Scenes of Ethiopia“).

няла голову. На мировой сцене появились и новые промышленные враги. Вступление капитализма в империалистическую стадию означало резкое обострение борьбы за колонии. Державы бросились делить мир. Главной ареной борьбы сделалась Африка и на этой арене главными противниками оказались Англия и Франция.

В Египте, как и в Индии, Франция сначала опередила Англию, но также снова оказалась побежденной. В 1854 г. великий француз Фердинанд Лессепс получает концессию на постройку Суэцкого канала. Французский капитал господствует в обществе Суэцкого канала и хозяйничает в Египте. Но ослабленная войною 1870 г. Франция не может удержаться на завоеванных позициях. Ловкий шахматный ход Дизраэли и (в 1875 г.) пакет акций компании Суэцкого канала переходит в британские руки. Египет попадает в сети сначала финансовой, затем и политической зависимости от Лондона. Дармштеттер, по этому поводу, весьма уместно процитировал:

Что упущено в минуту
Того и вечность не вернет.

Кто владеет Египтом, тот должен владеть всем течением Нила и его истоками. И борьба за Египет повела за собою

борьбу за все течение и за все истоки Нила, т. е. за Судан, за Абиссинию, за Кению и Уганду.

Как всегда в колониях, пионерами капитализма в борьбе за истоки Нила являлись скромные, невинные ученые, путешественники, географы.

Брюс первый нашумел в Англии своим путешествием к абиссинским истокам Нила. Он, между прочим, указал и на Массауа, как хороший порт, могущий сделаться базой в Красном море.

Затем на абиссинской сцене появился Салт. Он прибыл в страну сначала в 1804 г. с первым официальным британским посольством ко двору Вальды Селасси, правителя абиссинского государства Тигре.[1] Второй раз Салт прибыл к тому же Вальде Селасси в 1810 г. и подарил ему две трехфунтовые пушки. Салт не только внимательно изучил истоки Нила и большую часть северной Абиссинии и сделал, между прочим, свои аксумские археологические открытия, но и тщательно вымерил глубины по берегам Красного моря и описал ряд его портов, заливов — словом, проложил пути для британского флота.

Вслед за Салтом большие исследования берегов и портов Красного моря были проделаны в 1828—1838 гг. офицерами британского индийского флота. Они составили подробнейшие карты Красного моря, произвели тригонометрические съемки и т. д. Были исследованы берега Сомали, Мекран, южный берег Аравии, о-в Сокотра и пр.[2] Немедленно, вслед за этим, Англией был занят Аден.

Нил исследовали: Буркхардт (1813—1814); Кальо и Леторзек (1817—1820); Бельфон (1827); Руссегер (1837—1838); Арно, Сабатье, Верне (1839—1841); Бик (1839—1841) и др. Но особенно прославились своими исследованиями истоков Нила, открытием и изучением озер Виктория в 1858—1864 гг. Спик, Грант и Бэкер. „Нил установлен", послал в Англию свое сообщение Спик. Однако установлена им была с известным приближением лишь система Белого Нила. Систему Голубого Нила „установил" в то же время Бэкер. Он поднялся вверх по Нилу и объехал абиссинские притоки Нила: Атбару и Голубой Нил.

Бэкер так пояснял результаты этих исследований.

---

[1] См. Voyages and travels of viscount Valentinia, 3 vols, London, 1809. Салт был во время этого путешествия секретарем лорда Валентиния. Последний, прибыв в Красное море, послал Салта в Абиссинию.

[2] Burton. First footsteps, etc. London, 1894, pp. XVII—XX.

„Экспедиции Спика, Гранта и Бэкера раскрыли, что главными источниками, питающими Нил и орошающими Египет, являются дожди в экваториальных округах. Эти дожди питают два крупных озера Виктория и Альберт, воды которых достаточны для поддержания Нила на всем его протяжении через горячие пески и горящие пустыни до тех пор, пока он не достигнет дельты Нижнего Египта.

„Казалось, что открытие озер целиком решило тайну веков и что плодородие почвы Египта зависит от дождей, происходящих на экваторе и концентрирующихся на озерах Виктория и Альберт. Но открытие притоков Нила в Абиссинии разделило систему Нила на две части и раскрыло тайну Нила до конца.

„Озерные источники центральной Африки поддерживают жизнь Египта, питая во все времена года реку, имеющую достаточные размеры для предохранения от истощения, высыхания и поглощения. Но эта река, если бы не имела помощи, никогда не смогла выйти из берегов. Египет, таким путем лишенный ее ежегодного разлива, влачил бы жалкое существование, и земледелие ограничивалось бы только узкой полосой вдоль берега.

„Разливы, которые благодаря своим ежегодным осадкам ила фактически создали дельту Нижнего Египта; разливы, от которых зависит плодородие Египта, имеют свое происхождение, целиком независимое от озерных источников центральной Африки и приток воды получается исключительно из Абиссинии.

„Два главных притока Нила — Голубой Нил и Атбара. Они вливаются в главное русло Нила, соответственно, при 15°30′ и 17°37′ северной широты. Эти реки чрезвычайно многоводны во время абиссинских дождей, от середины июня до сентября. В течение сухих месяцев дожди сокращаются почти до нуля, и Голубой Нил становится столь мелким, что не годится для навигации. Атбара почти пересыхает. В это время снабжение абиссинской водою прекращается, и Египет целиком зависит от экваториальных озер и притоков Белого Нила, до тех пор пока сезон дождей не наполнит снова две великих абиссинских артерии...

„Не только разливы являются результатом абиссинских дождей, но и отложения ила, которые сформировали дельту и которые ежегодно приносятся поднимающимися водами, также являются следствием абиссинских рек, главным образом реки

Атбары, которая известна как «Бар эль Асват» (Черная река) и несет значительно большее количество почвы, чем какой-либо другой приток Нила. Таким образом, Атбаре прежде чем каким-либо другим рекам, следует приписывать богатство и плодородие Нила".[1]

Бэкер исчерпывающе поясняет вопрос; однако, открыл ли в действительности Бэкер эти абиссинские притоки Нила и то, что им Египет обязан разливами?

Ведь Понсе, Брюс, Бик и другие еще до Бэкера путешествовали по Нилу и знали (хоть и неточно) абиссинскую систему притоков Нила. Больше того, еще раньше, в XVI в., значение абиссинских притоков Нила было известно португальцам. В предыдущей главе мы уже цитировали Кастаньозо. Здесь мы можем привести отрывок из книги Бермудеца, вышедшей в свет за триста лет до путешествия Бэкера.

Бермудец писал:

„Прежде чем покончить с Нилом, я хочу разрешить недоумение, которое европейцы считают неразрешимым и относительно которого некоторые высказали фантастические мнения, ибо они не знали ни последовательности сезонов в этой стране, ни её климата. Недоумение относится к причинам подъема [воды] Нила. Ваше величество должно знать, что эта река поднимается в течение трех месяцев года, самых сухих в Европе, именно июля, августа и сентября. Нил возрастает настолько, что весь Египет оказывается под водой и Нил никогда не разливается в другое время, за исключением времени, которое здесь, как я сказал, самое сухое в течение года; из-за этого ряд лиц высказали сомнение, что подъем не может быть следствием дождя, ибо он происходит в сухой сезон; но в этом они ошибаются, ибо в странах, чрез которые течет Нил, самый разгар зимы происходит как раз в эти месяцы, поэтому он [Нил] поднимается тогда, а не в другое время. Он несет много воды, ибо берет начало издалека, более двухсот лиг выше Далмута; таким образом со своими изгибами и поворотами [составляет] восемьсот лиг, прежде чем он достигает Египта; он проходит великие горные цепи, с которых он вбирает много потоков, несущих много воды...

---

[1] S. Baker. The Nile tributaries of Abyssinia, etc. London, 1874, pp. VIII—IX.

Немного есть людей, знающих все секреты Африки, особенно реки Нила, ибо даже живущие по соседству к нему не знают всего, ибо это внушительная река и трудная для исследования".[1]

Мало того, даже греческие и римские географы знали кое-что о причинах разлива Нила и о его абиссинских притоках. Анаксагор объяснял разливы Нила таянием снегов в Эфиопии. Эратосфен имел отчетливое представление об области Мерое между Атбарой, Нилом и нижним течением Голубого Нила. Он имел сведения о находящемся в Абиссинии озере Цана и знал, что Голубой Нил вытекает из этого озера. Римский географ Марин Тирский (конец I в.) и знаменитый Клавдий Птоломей (II в.) обнаруживают поразительное знакомство с верховьями Нила: они имеют понятие о двух озерах, из которых вытекает Белый Нил, имеют, хотя и неясное, представление о снеговых горах под экватором (Кения и Килиманджаро).

Что же открыл Бэкер? Чем он прославился? Верно, что Бэкер был отличным охотником и занимательно описывал свои приключения при охоте на жирафф, слонов, львов, гиппопотамов и пр. Но это ли привлекло всю британскую общественность и научные круги многих стран к его путешествиям? Мы думаем иное.

„Истоки Нила" нужно было открыть в этот момент раздела Африки. Нужно было доказать, что англичане „открыли" истоки Нила и изучили его и поэтому имеют право занять все страны от истоков до устья великой реки. Путешествие Бэкера и других имело политическое значение, хоть и велось под флагом охоты на крокодилов и бескорыстного научного исследования.[2]

В самой Абиссинии англичане постепенно завоевывали одну позицию за другой. Они прежде всего обратили внимание на богатое северное государство Тигре. Мы уже упоминали о Салте, приобретшем расположение Вальды Селасси. Пришедший к власти после Вальды Селасси Сабагадис (1816—1830) также поддерживал связь с Англией и снабжался английскими мушкетами.

---

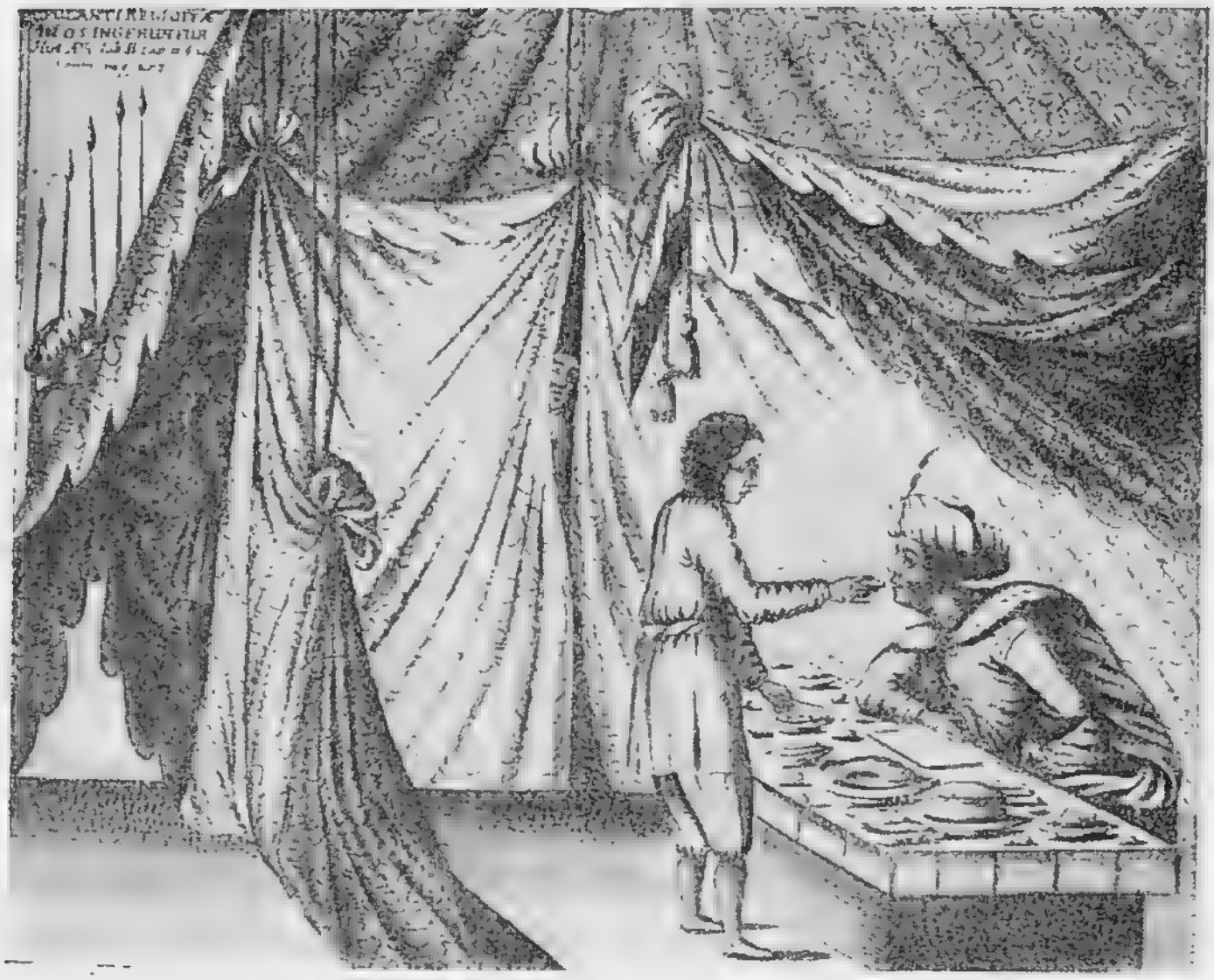
[1] Из гл. II книги J. Bermudez. Breve relacao da embaixada etc., Lisboa, 1565.

[2] С точки зрения научной книга Бэкера из всех описаний путешествий в Абиссинию самое бессодержательное. Не странно ли, что она единственная, которая была переведена, и неоднократно, до революции, на русский язык?

Момент для проникновения в Абиссинию был удобный. Она вся, примерно с 1800 г., распалась на ряд враждующих между собою феодальных государств, княжеств, провинций. Негусы, правившие с 1800 по 1855 г., были негусами только по названию; они не имели ни влияния, ни силы. Правители отдельных государств сражались друг с другом и делали, что хотели; меньшие правители следовали их примеру, солдаты опустошали страну, грабя народ дочиста.

Воюющие непрерывно между собою феодалы многочисленных государств и провинций, на которые в то время была раздроблена Абиссиния, не прочь были приобрести себе могущественного покровителя и не раз сами обращались к Англии за поддержкой. В 1841 г. посланный индийским правительством майор Гаррис посещает Сахему Селасси, князя государства Шоа, и заключает с ним договор о дружбе. Через несколько лет в Абиссинию прибывает энергичный проводник британской политики Плоуден. Рас Али, правитель Северной Абиссинии, встречает его весьма любезно и посылает с ним британской королеве Виктории отделанную серебром кожу буйвола, седла, пики, ткани и другие подарки. Плоуден назначается британским консулом в Абиссинии и тотчас же, в 1849 г., заключает с расом Али торговый договор, а в следующем году договор о дружбе. Находящийся в полувассальных отношениях к расу Али князь государства Тигре, Убие, также не в плохих взаимоотношениях с англичанами; они его снабжают оружием и медикаментами. Англичане усиленно изучают вопрос, какой из портов Красного моря наиболее подходит для проникновения из него в Абиссинию, и их внимание останавливается на Массауа.

В этот момент, в середине XIX в., однако, активная борьба за Абиссинию еще не разгорелась. Англия текстиля господствует на мировом рынке и занята торговлей. Франция еще только начинает оправляться от ран. Другие державы еще не вышли на мировую арену. Но время не проходит даром. Абиссинию все чаще посещают отдельные миссионеры, ученые, дипломаты и тайные сотрудники генеральных штабов. За какие-нибудь пятнадцать—двадцать лет, начиная с 1830 г., сюда являются миссионеры Гобат, Крапф, Изенберг, Блюмхардт; немецкие ученые Руппель и Шимпер; французские путешественники Лефевр с коллегами, Феррет и Галинье, братья Аббади, Роше д'Эрикур; англичане Пэркинс, Джонсон, Гаррис, Бик и другие. Они



Слуга кормит абиссинского правителя из своих рук. (По гравюре 1691 г. из книги Людольфа).

изучают топографию и климат страны, флору и геологию, собирают исторические и экономические сведения, пребывают в стране год или десять лет и пишут по возвращении одинаково многотомные сочинения. За эти годы страна незаметно исследуется, намечается арена будущих действий, завязываются первые знакомства, связи, заплетаются невидимые узелки интриг.

Когда в 1855 г. власть в северной Абиссинии захватывает Каса, объявляющий себя императором Теодором, англичане попрежнему в фаворе. Консул Плоуден и путешественник Бэлл являются личными друзьями императора, они сопровождают его во всех походах и оказывают большое влияние на его политику.[1]

Теодор, несомненно, выдающаяся личность в истории Абиссинии. Он выступает как первый властный объединитель постоянно враждующих феодальных государств — уделов.

Мать Касы добывала средства к существованию продажей на базаре в Гондаре семян коссо, идущих на медицинские цели. Сам он был писцом в монастыре и здесь получил свое образо-

---

[1] Бэлл даже получает должность „Лика маквас", т. е. главного конюшего.

вание. Когда монастырь был разрушен одним из мятежных князьков, Каса бежал в горы и стал вождем недовольных. Он был лучший в Абиссинии наездник, бегун, стрелок и метатель копья и не знал поражений. Разбив в 1854 г. могущественного раса Али, фактического правителя центральной Абиссинии и подчинив себе правителя Тигре, Убие, которому он также нанес поражение и взял его в плен, Каса объявляет себя „царем царей", коронуется и становится неограниченным властелином Абиссинии под именем Теодор II.

Теодор подчиняет себе всю феодальную знать, создает единую, громадную по размерам армию, запрещает работоторговлю и приглашает в страну европейских рабочих и мастеров. Чтобы солдаты не грабили населения, он вводит, впервые в истории Абиссинии, плату им жалованья. Он выбивает почву из-под ног феодалов, реорганизуя налоговую систему, устраняя многочисленные поборы, объединяя в своих руках все доходы государства. Феодалы лишаются и войска, — во главе солдат различных провинций он ставит преданных ему военачальников. С феодальной знатью он расправляется решительно, но первое время без лишней жестокости. Своего непримиримого врага Убия он годами держит у себя при дворе. Это в Абиссинии, где издавна существовал обычай отправлять всех сыновей и братьев негуса, кроме прямого наследника, в заточение (на гору „амба"), во избежание дворцового переворота.

Несмотря на свой религиозный фанатизм, не менее решительно Теодор расправляется и с кастой духовенства. У главы абиссинской церкви — абуны он получает всякий раз благословение, лишь „приставляя револьвер к груди". Он требует, чтобы церковники являлись к нему с непокрытой головой, и, что гораздо неприятнее, посягает на доходы и имущество церкви.

По словам „Хроники Теодора II" негус отзывался о попах и монахах следующим образом:

Это бездельники,
Это длинноволосые,
Повязывающие свою голову тюрбаном
И принимающие вызывающий вид.[1]

---

[1] C. Mondon-Vidailhet. Chronique de Théodoros II, Rois des rois d'Éthiopie (1853—1868). Paris, s. a., p. 31.

Негус Теодор II.

В конце концов Теодор разрушает Гондар, как „поповский город“, и сажает абуну на цепь.

Теодор пытается создать великую Абиссинию. Подчинив всю северную и центральную Абиссинию, он открывает поход против беспокойных галлов юга. Он хочет победить этих приверженцев ислама и затем выступить в крестовый поход против мусульманских Египта и Турции. И в этом его слабость: его планы слишком широки и притом облечены в устарелую, заскорузлую форму средневекового фанатизма. Как будто он живет в XII в.! И главное: он восстановил против себя не только феодальную аристократию и духовенство, но, в конце концов, народ, крестьянство. Его трехсоттысячная армия — непосильное бремя для страны с трехмиллионным тогда населением. Армия

съедает все, как саранча, государственная казна пустеет, земледелие, вследствие постоянных войн, заброшено. Крестьяне восстают. Князья, у которых Теодор отнял все, умело используют недовольство масс. Один рас за другим выступают против Теодора. Его армия быстро тает. Теодор теряет равновесие. Он становится жесток. Его карательные экспедиции сжигают деревни, убивают пленных, нагромождают горы трупов.

Эти карательные экспедиции Теодора низводят горделивого правителя до уровня кровожадного феодального царька средневековья.

Хроника повествует о подавлении Теодором восстания Абето Сайфа, сына Сахелы Селасси, правителя Шоа. Всем до одного захваченным мятежникам были отрублены по старому аббисинскому методу правые руки и левые ноги. Об этом эпизоде народ сложил двустишье:

Теодор очень сильно оскорблен;
Воздав должное всем людям Шоа, он отбыл.

В этих строках игра слов скрывает, на самом деле, иной смысл:

Теодор много путешествовал;
Отрубив руки всем людям Шоа, он отбыл.

В местности Энджабарра после карательной экспедиции Теодора говорили:

Золотых дел мастера многочисленны в доме царя,
Они делают ожерелье для всех женщин.

Последняя строчка на самом деле означала:

„Царь сделал всех женщин вдовами".

Во время набега на Кароду, страну винограда, было захвачено тысяча семьсот человек, включая и детей. Они были подвергнуты ужасной казни. Все они были заперты и сожжены живьем. Также были сожжены все пленники, захваченные в Амус-Уанце, Аморра-Гадал и Тагуре.

После одной из карательных экспедиций сложили такой трагический стих:

Когда грабили Мётчу, мародеры сорвали и одели мою одежду,
Стрелки гонят моих быков перед собою и их режут,

Солдаты постояльцы грабят мой хлеб и его едят.
Царь! вам остается только произнести несколько слов
по амхарски;
Почему вы не украдете (мои) внутренности, чтобы я,
наконец, обрела мир!

Беспрерывные войны, карательные экспедиции, грабежи войск опустошили поля. Голод навис над страною. В одном месте хроники читаем:

„В эту эпоху, в то время как негус стоял лагерем в Лоза близ Гондара, ужасный голод разразился в стране. Внутренности быка продавали за одно амоле (брусок соли, служащий в Абиссинии деньгами). Люди сильно страдали". В Заге, в провинции Бегемдер были не только разрушены все дома, но и истреблены все сады. Все запасы хлеба были сожжены. Быки и коровы перекалоты и в таком количестве, что хищные птицы и гиены не могли их пожрать. Люди провинции Бегемдер помирали с голоду и одна кунна (мера) зерна стоила талер и т. д.[1]

Режим Теодора потерпел крах и все сторонники негуса покинули его.

Но у Теодора есть еще последняя надежда. У него есть друзья-англичане. Разве не англичане поощряли его горделивые планы? Разве не являются англичане христианами, которые должны ему помочь в его походе против мусульман галла, против Египта и Турции? Он много слышал про мощь и величие Англии, и его друзья-англичане Плоуден и Бэлл вселили в него уверенность в расположении к Абиссинии великой страны.

Но англичане ему изменяют.

Теодор посылает британской королеве Виктории письмо. Он пишет в нем, что его отцы, императоры, „забыли нашего создателя и отдали свое королевство галлам и туркам", но власть перешла к нему, Теодору, и он выгнал из своей страны галлов. Он предложил покинуть страну туркам, но те отказались. Сейчас он идет сражаться с ними. Плоуден и Бэлл рассказывали о великой королеве, которая любит всех христиан. Они сказали, что могут установить дружбу между ним и королевой. Он был этому очень рад и отдал им свою любовь. К сожалению оба (Бэлл и Плоуден) убиты его врагами, желавшими нанести ему вред, убив его друзей. Он уничтожил этих врагов, не оста-

[1] Chronique de Theodoros II, pp. 29—49, passim.

вив ни одного в живых. „Смотрите как ислам притесняет христиан“ [1] — заканчивает Теодор свое письмо.

Письмо не удостаивается ответа. Теодор отвечает на это арестом британского консула Камерона, заменившего в 1862 г. убитого врагами Теодора консула Плоудена. Вместе с Камероном арестовывается ряд других европейцев, преимущественно миссионеров, интриговавших против Теодора. Камерону Теодором ставится в вину нарушение его доверия. Во-первых, Камерон не доставил лично письма Теодора в Англию и не привез ответа на него, как это обещал сделать. Во-вторых, Камерон поехал в районы Египта, прилегающие к северной границе Абиссинии, и вел там какие-то секретные переговоры с врагами Абиссинии — египтянами и турками. Действительно, Камерон был в Кассала и Метемма и вел переговоры с турецкими пашами. Теодор был возмущен типичной для империалистических стран двойной политикой: натравливанием одного государства на другое.

Арест консула Камерона послужил поводом к англо-абиссинской войне 1867—1868 г. Следует отметить, что британское правительство проявляло удивительную медлительность в попытках мирного разрешения конфликта. Камерон был арестован в ноябре 1863 г., и лишь в июле следующего года, уполномоченный британским правительством Ормузд Рассам прибыл в Массауа и послал о себе сообщение Теодору. Ответа получено не было и через полтора года (!), в декабре 1865 г., Рассам прибыл в Абиссинию с долгожданным ответом от Виктории. Теодор задержал Рассама и послал новое письмо в Англию с просьбой прислать квалифицированных рабочих. Просимые рабочие прибыли в Массауа в июле 1867 г., и Теодору снова было послано письмо с предложением освободить арестованного Камерона и других. Эта удивительная медлительность и пассивность британского правительства наводит на вопрос: да желало ли вообще британское правительство мирного разрешения конфликта? Не был ли факт задержания консула тем удобным случаем, который англичане могли использовать для оккупации Абиссинии?

Маркгэм в своей авторитетной книге по истории английской военной экспедиции в Абиссинию пишет: „нет сомнения,

[1] United Kingdom. Correspondence respecting Abyssinia 1846—1868. London, 1868, pp. 224—225.

что если [Теодором] был бы получен вежливый ответ, объясняющий посещение Камероном турок, не нужно было бы тратить миллионы на Абиссинскую экспедицию".[1]

Флэд, британский миссионер, признавал, что „вся борьба Теодора, невзгоды и заключение британского консула капитана Камерона и всех, кто находился под его защитой, вызваны частично неосторожным ведением консулом дела и частично невнимательностью (британского) министерства иностранных дел, а также поведением некоторых европейцев, вызвавшем подозрения царя (Теодора) и недоверие к британской нации". Эти свои слова Флэд далее подтверждает рядом фактов.

Сам Теодор неоднократно высказывал желание разрешить мирным путем конфликт. Посланного британским правительством уполномоченного Рассама Теодор принял сначала в высшей степени любезно и подарил ему вещей и денег на общую сумму в 25 000 талеров. Консул Камерон получил от Теодора деньгами 1000 талеров и подарками и пр. около 2000 талеров. Миссия Рассама не удалась, вследствие нетактичности и грубых ошибок последнего, в результате чего все высвобожденные Теодором в апреле 1866 года пленные европейцы были вновь арестованы.

Еще продолжались переговоры по улажению конфликта, когда начала подготавливаться военная экспедиция и господа военные действовали куда быстрее дипломатов. В апреле 1867 г. британский министр иностранных дел официально предложил министрам военному и по делам Индии заняться вопросом о возможной военной экспедиции в Абиссинию. Базой для операций был избран Бомбей, и 10 июля министр по делам Индии запросил по телеграфу губернатора Бомбейского министерства: как скоро, если экспедиция будет решена, войска будут готовы отправиться из Бомбея, полностью экипированные и обеспеченные продовольствием. Еще раньше, в самом начале 1867 г., будущий начальник экспедиции, генерал Нэпир, поручил полковнику Файру собрать всю необходимую информацию об условиях войны в Абиссинии. 13 июля губернатор Бомбея уже сообщил предварительно, что подготовка войны займет четыре

---

[1] C. R. Markham. A history of the Abyssinian expedition. London, 1869, p. 83. Маркгэм сопровождал военную экспедицию в качестве географа. Его обстоятельная книга принадлежит к одной из лучших работ, описывающих англо-абиссинскую войну.

месяца. Имеется потребность в патронах. Трудно будет достать мулов, а также верблюдов. Их надо закупать в Аравии и других странах Ближнего Востока. 16 июля министр по делам Индии запрашивает губернатора Бомбея: „Какое количество войск необходимо? Каков их должен быть состав? Кто ими должен командовать? Как скоро, по получении приказа, войска могут быть отправлены из Бомбея? Как будет налажен транспорт? Где их надо будет высаживать?... и т. д. 1 августа губернатору Бомбея было приказано: „Собирайте животных для транспорта и сообщите нам без промедления, что вам нужно из Англии". 13 августа британский кабинет постановил послать в Абиссинию военную экспедицию и назначил ее начальником генерала Нэпира. Через месяц из Бомбея отбыла первая подготовительная партия военных. 7 октября отбыла авангардная бригада войск. 19 ноября 1867 г. Виктория провозгласила войну с Абиссинией. Через десять дней парламент вотировал на войну первые два миллиона фунтов стерлингов. К концу декабря из Индии было отправлено более 10 000 человек войск, включая свыше 1000 кули. Отправка войск продолжалась до 1 апреля 1868 г.

Всего было отправлено из Индии, Бомбея и Калькутты британских войск за время кампании:

Офицеров европейцев	304
Рядовых „	3 605
Рядовых и офицеров туземцев	10 195
	14 104

Кроме того было отправлено 9000 „сопровождающих", т. е. обслуживающего персонала, обозных, вольнонаемных и пр.

Войска были собраны со всех концов Индии. Тут были: королевская артиллерия из Гайдерабада, Кирки, Бельгаума и Джарджеелинга, эскадрон 3-го драгунского из Ахмедпура, 3-й полк легкой кавалерии и 3-й полк Синдской кавалерии из Пуны; пехота из Бомбея, Карачи, Пуны, Сурата, Маллегаума, Ахмедабада; пионеры из Пешавара; саперы и минеры из Бенгалора и Секундерабада.

Общее число людей, сосредоточенных Англией в Абиссинии и отправленных обратно по окончании кампании, превышало 40 000 человек.

Свыше 300 кораблей перевозили британские войска, снаряжение и припасы из Индии, Англии и других мест.

В находящемся близ Массауа порту Зуле, базе операций, было выгружено для транспорта:

Мулов и пони	17 673
Буйволов	7 071
Верблюдов	5 735
Лошадей	2 538
Ослов	1 759
Слонов	44
	34 820

Из Англии были отправлены: снайдеровские и энфильдские ружья, снаряды, патроны, горные батареи, телеграфное оборудование, сигнальные ракеты, теплая одежда, обувь, седла для вьюков, палатки, брезенты, кухни, фильтры, кузницы, железо, насосы, ручные мельницы, грохота, топоры, консервы, солонина, ром, мука, метеорологическое оборудование и пр. и пр. Каждое из трех отправленных госпитальных судов имело 250 дюжин портвейна, 100 дюжин шерри, 10 пинт шампанского, 5 пинт джина „Старый Том“ и немалые запасы виски, бренди, эля и портера.

В общем снабжение экспедиции было поставлено с большим размахом: все, что только могло пожелать и придумать командование, отгружалось в Абиссинию.

Экспедиция была обильно снабжена деньгами. Так как в Абиссинии имеют хождение, по преимуществу, талеры Марии Терезии, то в Александрии, Адене, Вене, Триесте и других городах было приступлено к скупке талеров. Их оказалось немного и, по договоренности с Англией, австрийский монетный двор стал чеканить для нужд экспедиции большое число талеров с маркою 1780 г. Всего Англия купила в Вене 4.5 млн. штук талеров на 10 млн. рублей. Общие затраты Англии на экспедицию составили 100 млн. рублей золотом.

Авангардная бригада британских войск прибыла в порт Зула в конце октября 1867 г. Основная масса войск высадилась в декабре—январе. 10 апреля англичане выиграли первую и фактически единственную битву при Ароге. 13 апреля 1868 г. находившаяся на расстоянии 380 миль от Зулы крепость Магдала, в которой укрылся абиссинский негус Теодор, была взята. Теодор покончил с собою. Англия выиграла войну.

Однако, в чем же выражалась война? Не был ли это скорее военный марш?

Решающую роль для победы Англии сыграла не сила британского оружия, но критическое политическое положение Теодора, окруженного со всех сторон абиссинскими врагами феодалами и восставшими крестьянами, всем ненавистного, изолированного, покинутого даже своими сторонниками.

Британский генерал Роуан-Робинзон в своей, вышедшей в 1935 г. книге признает, что трудности кампании 1867—1868 г. „были бы совершенно непреодолимы, если бы британская армия встретила единую Абиссинию".[1]

Теодор фактически остался без войск. В битве при Ароге участвовало всего 3000 плохо вооруженных абиссинцев. Вот все войско, которое Теодор мог противопоставить англичанам.

Вся Абиссиния была в руках врагов Теодора. Ласта была в руках Ваксум Гобаце, отец которого был повешен Теодором по подозрению в измене. Государство Тигре находилось в руках Кассаи, бывшего подчиненного Гобаце. В октябре 1867 г. Кассаи разбил войска Теодора близ Адуа.

Менелик, бежавший из плена у Теодора, владел Шоа.

Государство Годжам было в состоянии восстания против Теодора. Племена галла были его смертельными врагами.

Еще до начала кампании, в своем первом меморандуме об условиях войны в Абиссинии, датированном 23 июля 1807 г., Нэпир писал о политическом положении Теодора: „Дело выглядит так, что благодаря своему дурному управлению Теодор сделал врагами всех своих соседей и что народы тигре на севере и галла на юге объединятся с готовностью против него... Его ресурсы и сторонники очень сильно сократились и некоторые считают, что небольшая компактная сила, хорошо снабженная средствами транспорта, может с безопасностью достичь Магдалы, разбить Теодора и освободить пленных; все это вероятно так, но может так не остаться; император, увидя опасность, может договориться со своими врагами, интриганы других наций могут поднять враждебность против нас" и т. д.[2]

---

[1] Rowan-Robinson. England, Italy and Abyssinia, L., 1935, p. 31.

[2] Официальный отчет об экспедиции: Record of the Expedition to Abyssinia... by T. J. Holland and H. Hosier. London, 1870, vol. I, p. 156. Из этого отчета почерпнута большая часть приводимых нами сведений о британо-абиссинской кампании.

Деревня Ади Уока в северной Абиссинии, на пути следования британских войск. (По гравюре из отчета о военной экспедиции Нэпира.)

Вступление британских войск в Магдалу. (По гравюре из отчета о военной экспедиции Нэпира).

Если под „народами“ в этих славах Нэпира понимать феодалов, то он оказался прав. Большая часть противников Теодора, фактически являющихся уже хозяевами страны, заняла по отношению к британской экспедиции позицию благожелательного нейтралитета или прямо содействовала англичанам.

Три главных претендента на трон негуса-негести: Кассаи, Гобаце и Менелик вели с англичанами секретные переговоры. Видя неминуемое падение Теодора, они именовали себя заранее негусами-негести и стремились блеснуть перед Англией пышностью своего двора, истинностью своих прав, размерами своего войска.

Рассчитывая, при содействии британского оружия и денег, побороть своих соперников, они, проявляя при этом большую осторожность и подозрительность, предлагали Англии свою дружбу. Путь к крепости Магдале лежал через территории государств Тигре и Ласта. Фактическими правителями их были Кассаи и Гобаце. Экспедиции Нэпира было чрезвычайно важно не только обеспечить их нейтралитет, но и заручиться их поддержкой. Воевать с ними было немыслимо: для этого британских войск было мало. Нужно было обеспечить свои

План Магдалы и прилегающей местности.

коммуникации. Кроме того, положение с продовольствием, и, главное, с фуражом у британской экспедиции было тяжелое, если не критическое. Без содействия могущественных противников Теодора его приобрести было невозможно.

Особенно важно было заручиться содействием Кассаи: 150 миль пути британской экспедиции лежало через его владения. Война с Теодором была немыслима без поддержки Кассаи. Союз с Кассаи обеспечивал Англии продовольствие, фураж, коммуникации и тыл. С другой стороны, сам Кассаи имел достаточно врагов в Абиссинии — в первую очередь Гобаце и Теодора, чтобы не делать своими врагами еще англичан: их оружие кое что значило. Больше того: Кассаи только что пробился на поверхность и больше всех нуждался в британской поддержке. Тяготение к союзу у экспедиции Нэпира и у Кассаи, таким образом, было взаимным.

Британский политический агент в Адене, полковник Мереуизер, один из фактических вдохновителей и организаторов экспедиции, уже в ноябре 1867 г., узнав, что Кассаи восстал против Теодора и захватил все Тигре, завязал с ним сношения. 4 декабря 1867 г. Мереуизер получил от Кассаи письмо с прямым предложением союза.[1]

ПИСЬМО КАССАИ ПОЛКОВНИКУ МЕРЕУИЗЕРУ

Именем отца и сына и святого духа. Письмо послано Дадьязмачем (генералом) Кассаи, негусэл-негести Эфиопии, начальнику английских солдат. Как вы поживаете? хорошо ли?

Милостью божиею я восстановил трон моих предков Микаэля, Вальды Селасси, Сабагадиса. С давних пор мы друзья домами: от консула Салта до Плоудена. Я ожидал получить письмо от вас, но, так как оно запоздало, я посылаю сам. Я не знаю для чего вы пришли; если я узнаю — это доставит мне удовольствие. Мы друзья домами. Я посылаю Лидж Мурча, сына Ату Вурке, он знает мой и ваш язык. Я вам посылаю свое сердце и вы мне также пошлите ваше сердце...

Полковник ответил немедленно (5 XII) в том же стиле, прямо заявляя о потребности англичан в продовольствии и фураже.[2]

---

[1] Record, etc., p. 320.

[2] Idem.

ОТВЕТ ПОЛКОВНИКА МЕРЕУИЗЕРА КАССАИ

Как вы поживаете, хорошо ли?

Ваше письмо прибыло и доставило мне большое удовольствие.

Мы уже послали вам два письма и очень огорчены, что они не достигли вас.

Мы послали вам эти два письма, полагаясь на уверенность в нашей взаимной дружбе со времен раса Микаэля, Вальды Селасси и Сабагадиса.

Мы сейчас на пути в Сенафе и останемся там до прибытия генерала сэра Роберта Нэпира.

Тем временем мы просим вас, во внимание к нашей великой дружбе, опубликовать прокламацию, вам посылаемую, в провинциях, находящихся под вашей властью.

Другое, наиболее важное дело: нам нужны пшеница, ячмень, зерно и все другие виды провианта, а также большое число мулов; за все мы хорошо заплатим.

Мы просим вас соблаговолить поставить в известность об этом вождей и крестьян, чтобы они могли принести их нам.

Мы были бы рады оставить Лидж Мурчу у нас, ибо он будет полезен для наших взаимных сношений, и поэтому мы просим вас его отпустить.

В январе Нэпир, по прибытии, послал к Кассаи для переговоров майора Гранта. Кассаи принял британскую миссию с большой помпой, вел беседы с Грантом „по всем интересующим экспедицию вопросам", сделал подарки и обещал снабжать экспедицию продовольствием. Через месяц состоялась встреча Нэпира с прибывшим и нему Кассаи. При этом британский главнокомандующий восседал на слоне... „Слон был использован в этом случае, чтобы произвести впечатление на Кассаи, ибо абиссинцы сильно боятся этих животных и никогда не пытались их приручить".[1] Нэпир вел с Кассаи секретные переговоры, причем Кассаи „был очень озабочен тем, чтобы британская армия гарантировала его владения от нападения его соперника Ваксум Гобаце". Кассаи обещал еженедельную поставку 1500 пудов пшеницы и ячменя, защиту телеграфной линии и британских конвоев и пр.

[1] Record. etc., p. 414.

Воины британского союзника Кассаи (по фотографии из отчета о британской военной экспедиции 1867—68 гг.).

Вступив в тайный союз с Кассаи, англичане не отказывались и от сношений с его соперниками Гобаце и Менеликом. От Гобаце было получено дружественное письмо и к нему был послан британский агент.[1] Менелик еще в июле 1867 г. послал письма полковнику Мереуизеру и королеве Виктории с предложением своих услуг и подарок в виде лошади и мула.[2] Он даже выступил со своим войском против Теодора, но затем без боя отступил, решив: пусть Кассаи и Гобаце сначала передерутся между собою, а англичане разобьют Теодора.

Разбив Теодора, англичане продолжали свою игру в одновременную поддержку нескольких феодалов, однако отдавая все преимущества Кассаи. Англичане победили Теодора, но оставаться их войскам в Абиссинии было невозможно. Шестнадцать тысяч британских войск растянулись в ниточку от Зулы до Магдалы, находясь во враждебной им стране, не имея достаточно ни фуража, ни продовольствия. Кассаи и Гобаце были их союзниками, но только на условии, что англичане вернутся обратно: такие гарантии Нэпир дал Кассаи во время свидания. Невыполнение англичанами этого условия означало бы неме-

---

[1] Idem, pp. 434 ff.

[2] Текст писем см. Correspondence respecting Abyssinia..., p. 679.

дленную гибель экспедиционного корпуса, против которого абиссинцы могли выставить войска, численностью в десять раз большей.

Уйти, поставив во главе Абиссинии своего ставленника,— такова была единственная возможность для Англии.

Выбор пал на Кассаи. Ваксуму Гобаце, который был, вообще говоря, в сношениях с Францией, было послано любезное письмо с предложением забрать себе Магдалу, но Кассаи получил от Англии более ценное: оружие и часть запасов провианта, находившегося в базе экспедиции Зуле. Подарок был вручен Кассии лишь тогда, когда экспедиционный корпус благополучно вернулся в Зулу.

Кассаи получил:[1]

6	мортир	со снарядами
6	гаубиц	„ „
180	комплектов	седел
725	мушкетов	
130	ружей	
349 000	кругов	патронов для мушкетов
2000	мешков	печенья
3888	„	риса
1300	„	муки
380	„	сахара

и многое другое.

Не является удивительным, что, получив от благодарных англичан такой подарок (плюс неизвестно еще сколько талеров Марии Терезии), Кассаи сумел побороть своих соперников и стать „царем царей Эфиопии“. Как только англичане ушли, три претендента на власть в Абиссинии начали между собою сражаться. В 1872 г. Гобаце атаковал Адуа, столицу подчиненного Кассаи Тигре, но был разбит и взят в плен. Решили дело мушкеты, полученные Кассаи у англичан. Кассаи объявил себя официально царем царей и короновался как Иоанн IV.

Нет нужды доказывать, что во время господства императора Иоанна, с 1872 по 1889 год, влияние Англии в Абиссинии было преобладающим. Иоанн уничтожил пошлины на английские товары, предоставил англичанам большие концессии для разведения хлопка, кофе, индиго и пр. Он оказал также громадную

---

[1] Record, etc., II, pp. 96, 97.

услугу англичанам своими войнами с дервишами Судана, над которыми абиссинские войска одержали ряд сокрушительных побед. В бою с дервишами в 1899 г. Иоанн был убит и негусом Абиссинии сделался Менелик. К этому времени уже начался упадок британского влияния в Абиссинии и выдвижение на первый план Франции и Италии.

Причину упадка британского влияния в Абиссинии следует, пожалуй, искать в событиях в Египте. В 1882 г. Англия перед самым носом у Франции приступила к оккупации Египта. Эта оккупация отняла у Англии много сил. В Судане поднял восстание пророк „махди" Мухамед-Ахмет. Он решил объединить вокруг себя весь мир Ислама. В ноябре 1883 г. войско англичан под командой Хикса было уничтожено махдистами. Англия приступила к эвакуации своих войск из Судана. Город Хартум, в котором пытался удержаться генерал Гордон, был взят махдистами, сам генерал Гордон убит.

Франция на потерю ею Египта ответила усилением активности на берегу Красного моря. Еще в 1856 г. французский консул в Адене купил на берегу Красного моря, со стороны Абиссинии, город и порт Обок. Обок был куплен за 50 тысяч франков, причем в договоре покупки, заключенном с вождями племени Данакиль, было указано все, кроме границ приобретенной территории. Теперь, в 1883 г. Франция приступила к расширению своей колонии, названной впоследствии Французское Сомали. Англия немедленно заняла немного южнее порты Зейлу и Берберу.

Но как удержать Францию от проникновения в Абиссинию?

Италия — вот выход, который находит министерство Гладстона. Англия находит себе в африканских делах союзника, которого она противопоставляет Франции. В Италии как раз буря франкофобии — ненависти к Франции. Ведь Франция в 1881 г. захватила Тунис, который считали своей колонией итальянцы. Италия жаждет колоний и Англия умело использует ее колониальные иллюзии.

Она отдает ей на берегу Красного моря порт Массауа, порт, кстати говоря, Англии не принадлежащий. Массауа, этим выходом к морю из северной Абиссинии, владела Турция, затем у Турции его арендовал хедив Египта. В 1884 г. египетские войска были из Массауа эвакуированы и порт был занят, по соглашению с Англией, итальянцами. Не обошлось здесь без

Негус Иоанн IV.

бесстыдного надувательства. Правителем Абиссинского государства Тигре был рас Алула. Англия договорилась с Алулой, что он поможет ей в борьбе с дервишами (махдистами) Судана и в компенсацию за это получит Массауа. Рас Алула честно выполнил свои обязательства, освободив британские гарнизоны целого ряда осажденных махдистами крепостей Судана. Но когда рас Алула повернул свои войска к Массауа, Англия уступила этот порт Италии. Рас Алула стал воевать с итальянцами. Но ведь это и нужно было Англии! Разделяй и властвуй — вот ее принцип. Отдавая Массауа Италии, Англия сталкивала ее с Абиссинией и с Францией. Свои же силы целиком сконцентрировала на операциях в Египте. Италия в то время была еще слабой страной и ее соперничества Англия не боялась. Кроме того, отдача Массауа Италии преследовала цель столкнуть

Италию и с Турцией: ведь на Массауа заявляла свои права Порта. И, действительно, не успела Италия занять в 1885 г. Массауа, как Турция ей заявила ряд протестов, оставшихся, однако, без последствий.

Мало того, последовавшими соглашениями 1891 и 1894 гг. Англия отдает Италии не принадлежащую самой Англии часть Судана и всю Абиссинию.

Соглашение 1891 г. говорило следующее:[1]

ПРОТОКОЛ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Рим, 24 марта 1891 г.

Ст. 1. Демаркационная линия в Восточной Африке между сферами влияния, предоставленными, соответственно, Италии и Великобритании, будет, начинаясь от моря, итти по руслу реки Джубы до 6° сев. шир. Территория Кисмаю, расположенная по правому берегу реки, остается, таким образом, английской. Затем линия будет итти по параллели 6° сев. шир. до меридиана 35° вост. долг. Гринвича, доходя по ней до Голубого Нила,

Ст. 2. Если в будущем дальнейшие исследования покажут целесообразность этого, то линия до 6° сев. шир. и 35° вост. долг. сможет быть изменена в деталях по общему соглашению и сообразно с гидрографическими и орографическими условиями страны.

В дополнительном соглашении от 15 апреля 1891 г. были определены границы между итальянскими и британскими владениями на севере Абиссинии, которые тождественны нынешним границам между Суданом и Эритреей. Иначе говоря, вся Абиссиния отходила в итальянскую сферу влияния, что видно из воспроизводимой нами карты.[2]

Протокол от 5 мая 1894 г. разграничивал британскую и итальянскую сферу влияния в Сомали. Италия со своей стороны, как и Германия, гарантировала британский захват Египта и Судана.

Так, при содействии Англии, Италия утвердилась на берегу Красного моря, на подступах к Абиссинии.

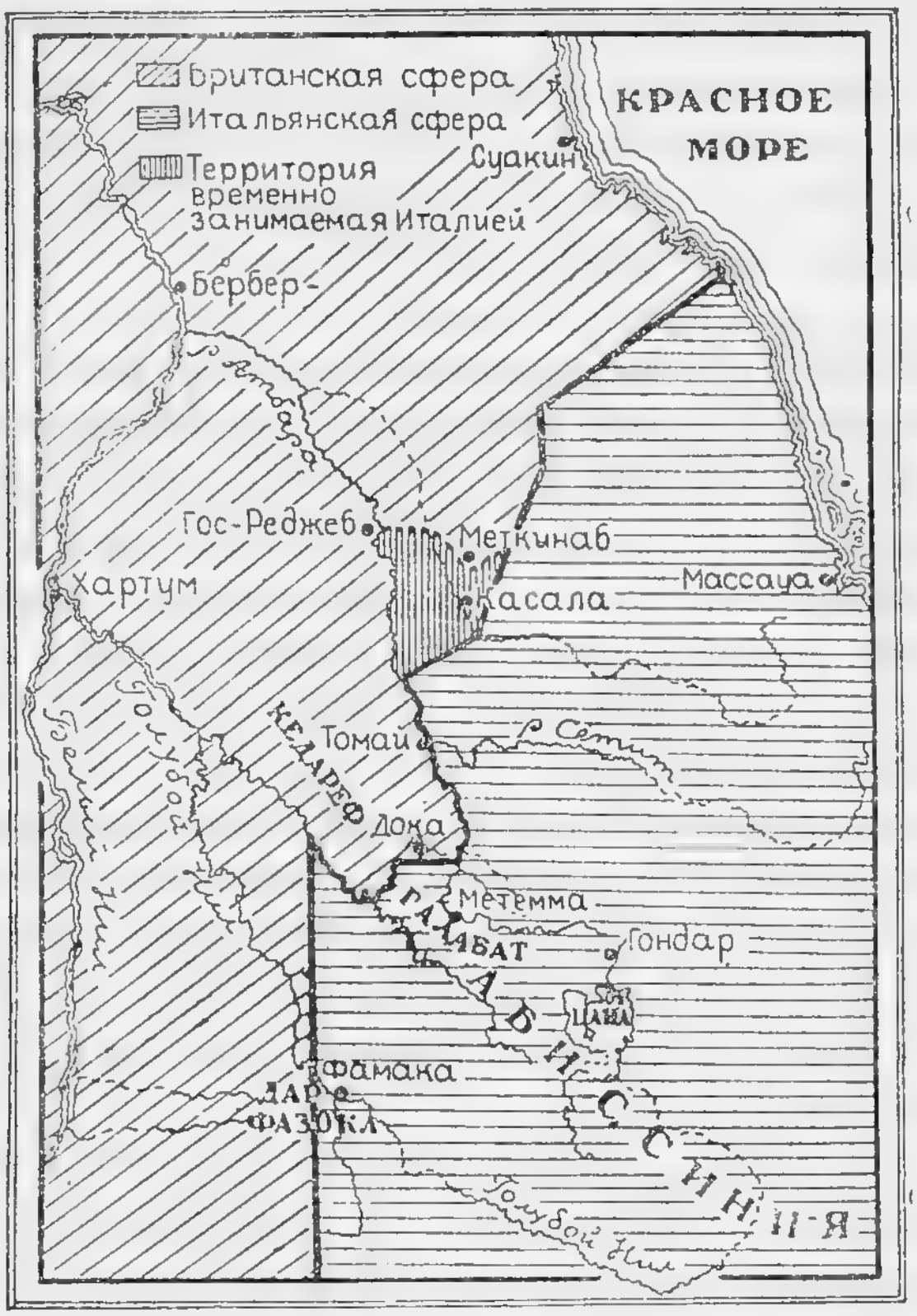
---

[1] Цитирую перевод по „За рубежом", 1935, № 30.

[2] Карта напечатана в полуофициальном английском издании: E. Hertslet. Map of Africa by treaty. London, 1909. Там же — тексты договоров.

ИТАЛИЯ И АБИССИНИЯ

Англия сама толкала Италию в Абиссинию, добровольно отдавая ей абиссинский северный выход к морю — Массауа, признавая всю территорию Абиссинии как итальянскую сферу влияния.



Раздел Восточной Африки между Англией и Италией по договору 1891 г. (По Hertslet'y).

Расчет у британских политиков был, повидимому, прост: Абиссиния крепкий орешек, Италия может поломать себе о него зубы. И этот расчет в известной мере оправдался. Французский автор Сангуинетти еще в 1906 г. со злорадством писал о том, как Англия в Абиссинии „эксплоатировала колониальные иллюзии Италии". Италия, мол, дебютировала на колониальном поприще с намерением поглотить Абиссинию, населенную воин-

ственной расой, любящей независимость. Итальянские государственные мужи игнорировали не только человеческие права, но и практические трудности. За это Игалия заплатила дорогою ценой: все ее жертвы деньгами и людьми послужили, в конечном счете, „лишь выполнению планов Англии". Сама Италия не получила почти ничего.[1]

Италия, действительно, потерпела в Абиссинии неудачу. Начала Италия, подобно Франции, с берегов Красного моря. Первым итальянским владением была угольная станция Ассаб. 15 ноября 1869 г. Иосиф Сапето купил у султанов Ассаба Хассан-бен-Ахмеда и Ибрагим-бен-Ахмеда часть территории Ассаба.

В марте 1870 г. была приобретена еще часть территории Ассаба. Это была итальянская точка опоры. К активному расширению своей первой колонии Италия перешла через десять лет, когда за четыре года, с 1879 по 1883, итальянская пароходная компания Рубаттино и сама Италия заключили с вождями динакильских племен и султанами Ассаба шесть договоров об уступке береговой территории и ряда островов и признании итальянского протектората.[2]

Менелик, правитель Шоа, предлагавший свои услуги Англии и Франции, договорился, наконец, с Италией, с которой у него завязались оживленные сношения со времени занятия ею Ассаба. В 1883 г. был подписан договор между Италией и Шоа. В нем говорилось о дружбе, мире, свободе торговли и ее защите, назначении консулов и пр.

Ряд итальянских „научных" экспедиций потерпел неудачи. Экспедиция Гюльети-Бильери была перебита в 1881 г. данакильцами. Экспедиция Бианки в 1882 г. подверглась той же участи.

3 февраля 1885 г. взвился итальянский флаг в Массауа. Итальянский адмирал Каими в выпущенной при этом прокламации писал:

НАСЕЛЕНИЮ МАССАУА

Итальянское правительство, в согласии с английским и египетским и, без сомнения (sic!) также с абиссинским,

---

[1] J. Sanguinetti. Essai de pénétration européenne en Ethiopie (1885—1906). Montpellier, 1907.

[2] Текст договоров см. Hertslet, II, pp. 446—447.

приказало мне взять сегодня владение крепостью Массауа и поднять итальянский флаг рядом с египетским...

На это занятие Массауа никто, разумеется, кроме Англии, согласия не давал. Египтяне, не имея возможности сопротивляться, отступили.

Заняв Массауа, итальянцы занялись укреплением города, постройкой порта и дальнейшим расширением итальянских владений на берегу Красного моря. К концу 1886 г. Италия владеет уже всем берегом от Рарата на севере до Ассаба на юге. От Ассаба до столицы Шоа была открыта дорога, по которой итальянцы посылали Менелику оружие, нужное ему для борьбы против негуса Абиссинии, Иоанна. Итальянская дипломатия подбивала Менелика на эту борьбу.

Укрепившись на берегу и собрав силы, итальянцы отправились из Массауа в глубь страны и захватили первый пункт на плоскогорье — Саати. В ответ на это рас Алула атакует и почти полностью истребляет в Догали (близ Саати) итальянский отряд полковника Христофориса. После этого поражения Италия посылает в Массауа значительные силы.[1]

С Менеликом 20 октября 1887 г. заключается союзный договор, по которому Италия обещает не аннексировать территорию Менелика, „царя Шоа, Каффа и страны Галла". Ободренный поддержкой Италии, Менелик устраивает заговор против негуса Иоанна. Иоанн собрался итти на Менелика, но с запада нахлынули дервиши, и негус Иоанн был убит в бою при Метемма.

Менелик немедленно объявил себя царем царей Эфиопии. Итальянцы ему помогают; они дают ему пять тысяч винтовок Ремингтон. „Этот подарок оружия итальянцами, — заявлял осведомленный в абиссинских делах англичанин Уилд, — дал возможность Менелику преодолеть после смерти Иоанна всю оппозицию в Годжаме, Амхаре и Тигре, взять провинцию Харар и подчинить южных галла".[2] Энергичный Антонелли, снабжая Менелика

---

[1] О поражении при Догали см. подробнее: Н. Орлов. Итальянцы в Абиссинии. СПб., 1897, стр. 18—20. Книга полковника Орлова содержит ряд интересных сведений об итало-абиссинской борьбе, в частности, в ней приводятся подробные данные об организации перевозки, численности, составе и вооружениях итальянских войск и описаны военные операции с 1886 по 1896 гг. Но изложение Орлова не лишено ряда фактических ошибок.

[2] Wylde. Modern Abyssinia, p. 50.

оружием, не забывает и жену Менелика, Таиту: ей он дарит парижские туфли и чулки.

Но за поддержку надо платить. Не прошло и сорока дней после того как Менелик объявил себя негусом негести, как он заключает с Италией знаменитый Уччиальский договор (от 2 мая 1889 г.).[1] Статья первая договора говорила о вечном мире и дружбе между Италией и Эфиопией. Статья третья устанавливала границы. Менелик отдавал Италии ряд территорий, в том числе район, занятый племенем Богос, Асмару, Халаи и др. Территории эти принадлежали фактически противникам Менелика — расу Алуле и расу Мангаше. Статья шестая устанавливала свободный транзит оружия и аммуниции для Менелика через Массауа. Караваны с оружием и аммуницией, вплоть до границ Эфиопии, должны будут итти под защитой итальянских солдат до самой границы Эфиопии. В последующих статьях говорилось о свободе торговли, прекращении работорговли и пр. Наконец, в параграфе 17 Уччиальского договора, было сказано в абиссинском тексте: „Его величество царь царей Эфиопии *может* прибегать к услугам правительства его величества итальянского короля во всех делах с прочими державами и правительствами". В итальянском тексте слово „может" было заменено словом „должен" и получалось, таким образом, признание Менеликом итальянского протектората (господства) над Абиссинией. Эта подделка вскоре была обнаружена, и один французский депутат сообщил о ней Менелику.

Отдаваемые итальянцам по Уччиальскому договору территории в северной Абиссинии были платою за поддержку Менелика. Уилд указывает, что ценою, уплачиваемой Менеликом за помощь Италии, были северные провинции Богос, Хамасен и Окуле-Кусай с границами по рекам Мареб, Белесса и Маи Муна.

Для ратификации Уччиальского договора Менеликом был послан в Европу рас Маконнен. 1 октября 1889 г. им была подписана дополнительная конвенция к Уччиальскому договору. В конвенции указывалось, что Италия и Эфиопия гарантируют взаимно *фактически* занятые территории. Италия предоставляла Менелику заем в 4 миллиона лир. Не записано было в конвенции, что добрая часть этой последней суммы шла в уплату продаваемого Менелику оружия.

---

[1] Полный текст договора: Hertslet, II, pp. 454—455.

Дворец рас Алулы.

Пока рас Маконнен подписывал конвенцию, *фактические* владения Италии расширялись. Италия забрала Асмару, провинции Керен, Хамасен, Окуле-Кусай и др.

Пока итальянцы не перешли реку Мареб, установленную границей в тайном соглашении, все шло как будто благополучно. Но — аппетит приходит во время еды — в январе 1890 г. генерал Ореро перешел реку Мареб и захватил Адуа, столицу государства Тигре. Тут уже начались разногласия между Италией и Менеликом.

Государство Тигре было подчинено противнику Менелика, расу Мангаша. Итальянцы, по обычному принципу „разделяй и властвуй“, поддерживали и Менелика и Мангашу. С Мангашею велись секретные переговоры. Но когда итальянцы вторглись в Тигре, Мангаша был для Италии потерян. Менелик с ним тайно помирился.

В феврале 1890 г. итальянские владения на Красном море были официально названы колонией Эритреей и Италия официально объявила о своем протекторате над Абиссинией. В конце марта того же года Менелик прерывает переговоры с Италией о границах. В конце сентября Менелик опротестовывает статью 17 Уччиальского договора, в которой слово „может“ было заменено словом „должен“. После неудавшейся новой попытки в начале следующего года договориться с Италией, Менелик 10 апреля 1891 г. разослал всем европейским державам циркуляр, указывающий границы Абиссинии, — в отличие от итальянских притязаний. В этом письме Менелик бросил Италии вызов:

„Я не имею намерения быть равнодушным наблюдателем, как отдаленные державы появляются с идеей раздела Африки, — Эфиопия была четырнадцать веков островом христиан среди моря язычников. Так как всемогущий защищал Эфиопию до сего дня, я уверен, что он защитит и увеличит ее в будущем“.[1]

Итальянцы вновь повели переговоры с Мангашей, чем он, казалось, был страшно доволен. Он роздал итальянским генералам титулы: рас, дедзяч, кениазмач, и, в довершение комедии, итальянские генералы прошли триумфальным шествием, разодетые в абиссинские белые тоги и цветные знаки отличия. Но тем дело и кончилось.

В 1893 г. к Менелику в Аддис-Абебу прибыла новая итальянская миссия: итальянский советник Саламбини и с ним два „доктора“: Неррацини и Траверси. Доктора, вместо лекарства, привезли 2 млн. патрон. Итальянцы решили купить согласие Менелика на Уччиальский договор этими патронами. Менелик перехитрил. Патроны он взял и тотчас скинул маску. 27 февраля 1893 г. он открыто денонсировал (объявил расторгнутым) Уччиальский договор. Дальнейшую историю неудачной миссии Саламбини Елец в своей книге „Император Менелик“ передает в следующем анекдотизированном виде:[2]

МЕНЕЛИК, РЕЗЧИК ПЕЧАТЕЙ, И РАЗРЫВ С ИТАЛИЕЙ

Саламбини, искренно убежденный в существовании протектората, создал из этого отказа целый вопрос и на основании трактата потребовал разъяснений. Они были охотно даны Менеликом, который тотчас же дал понять Саламбини, что между Италией и Эфиопией существует дружба, но не вассальные отношения. По этому поводу возникла горячая дипломатическая переписка между резидентом и Римом, откуда решено было послать опять графа Антонелли, дабы повернуть дела на прежний путь. Антонелли явился в столицу Эфиопии со своим секретарем, который был не кем иным, как резчиком печатей, и представил Менелику, как говорят, дополнительный к первому договору акт, снабжен-

---

[1] G. Berkeley. The Campaign of Adowa, etc., pp. 35—36.

[2] Ю. Елец. Император Менелик и война его с Италией. СПб., 1898, стр. 18—19.

ный печатью императора. Император был поражен этим небывалым документом и приказал узнать, каким образом он появился без его ведома. Когда все дело открылось, Менелик велел позвать к себе мнимого секретаря и, объявив, что он потерял нужную ему печать, просил сделать ему таковую в одну ночь, за что пообещал сто талеров и мула. Обрадованный итальянец принялся за легкую для себя работу во дворце же. Тогда Менелик велел пригласить к себе Антонелли и провести его через импровизированную мастерскую. Можно представить себе удивление и смущение бедного дипломата, которому так деликатно было указано на то, что игра его была раскрыта. Вполне удовлетворенный своей тонкой местью, Менелик не признал тем не менее нового акта, имевшего целью оформить границы, а также и оговорить неудобный 17-й пункт. Тогда Антонелли в бешенстве изорвал акт и покинул Эфиопию, думая этим повлиять на негуса.

Отношения между Италией и Менеликом прекратились, и итальянцы начали наступление в северной Абиссинии. Менелик этому был только рад: ведь итальянцы занимали владения раса Мангаши, окончательно тем самым восстанавливая его против Италии. Рас Мангаша, травимый итальянцами, действительно явился в июне 1894 г. с камнем на шее (знак покорности) к Менелику и получил от него корону Тигре. Так два врага объединились окончательно против Италии.

Италия послала в Абиссинию с новой миссией полковника Пьяно с ультиматумом, угрожая войною. Пьяно нашел Менелика занятым сдачей французам концессии на железнодорожную линию, постройкою телеграфа, чеканкою монет, заказами всевозможных машин и равнодушным к Италии, и Пьяно вернулся ни с чем. Абиссинцы тем временем распевали повсюду в стране песнь, в которой говорилось:

От укуса черной змеи вы вылечитесь,
Но от укуса белой змеи никогда.

В конце 1894 г. начинается война итальянцев с расом Мангашею. Баратьери занимает Ади Угри. Мангаша идет на север. В январе 1895 г. Мангаша дважды терпит поражение, в Коатит и Сенафе, и отступает. 25 марта итальянцы занимают Адиграт, имеющий большое стратегическое значение: он командует над главною дорогою на юг — в центральную Абиссинию,

2 апреля войска генерала Баратьери занимают Адуа. Стесненное в средствах итальянское правительство не одобряет такого быстрого продвижения вперед, оно требует оставить Адуа и Адуа, в конце концов, была оставлена, что по признанию всех военных специалистов было большой ошибкой.

Итальянская колония в это время уже расширилась до 15 000 кв. км. Эту территорию призваны защищать 3000 белых и 11 000 туземных войск, включая все гарнизоны. Итальянцы ведут войну на два фронта: в направлении на юг — с абиссинцами, в направлении на запад — с дервишами. Еще в декабре 1893 г. дервиши были разбиты у крепости Агордат и понесли потери в 4000 человек. В июле 1894 г. войска итальянцев захватили занятую махдистами Кассалу.

До сих пор итальянцы побеждают, но это увеличивает их трудности, ибо коммуникационные линии растягиваются все больше и больше. Защита коммуникационных линий и снабжение армии становится все труднее. Баратьери требует денег и подкреплений. Торгуясь с кабинетом Криспи, он трижды подает в отставку. Его вызывают в Рим для переговоров. В Риме он, победитель, встречается с величайшим триумфом. Шовинистически настроенные круги организовали в честь приезда Баратьери праздники, иллюминацию. На вокзал явились сенаторы, депутаты. Палата, включая и крайнюю левую, встретила Баратьери стоя, громом аплодисментов. Премьер-министр Криспи облобызал победителя толп плохо вооруженных тигрейцев. Как описывает Елец, „Опьяненный успехом Баратьери везде повторял одно и то же: «Откройте мне кредит, дайте еще два батальона берсальеров и мортирную батарею — и я ручаюсь, что привезу Менелика в клетке в Рим»“.[1]

По мнению Баратьери, чтобы Италии победить в Африке, достаточно было увеличить там численность войск до 18—20 000. Это дало бы возможность по его мнению выставить против Менелика армию в 12 000 человек.

Война с Менеликом стала неизбежной. Узнав о поражениях раса Мангаши, Менелик энергично стал готовиться к отпору итальянцам, которые явно недооценили своего врага. Итальянцы совершенно не учитывали абиссинских сил. Они не знали ни политического положения в стране, ни военных качеств абис-

---

[1] Ю. Елец. Император Менелик, стр. 38.

синцев, ни их действительных вооружений. Они питались слухами об анархии в стране и надеялись подкупить феодальных вассалов Менелика.

Если итальянцы надеялись совершить поход в глубь Абиссинии, подобный английскому 1868 г., то они глубоко ошибались в возможностях этого. Абиссиния в это время нисколько не напоминала мрачную эпоху Теодора. Менелик оказался более мудрым политиком и ловким тактиком, чем неудачный Теодор. Менелик сумел действительно объединить всю Абиссинию и если не привлечь, то хотя бы подчинить своей твердой руке всех феодалов. Менелику удалось то, что не удалось Теодору: политическое объединение Абиссинии и умелая защита ее независимости. При этом Менелик ловко применил по отношению к империалистическим державам их собственную политику: „разделяй и властвуй“ и „нападай на своих собственных союзников“. По сути говоря, все феодалы применяли в своей борьбе за власть такие принципы по отношению друг к другу, но Менелик сумел „надуть“ самих империалистов. Оружие, полученное у итальянцев, он обратил против них же. Менелик сумел быстро мобилизовать против итальянцев значительные силы абиссинцев и вооружить их. Пока Баратьери разъезжал по Риму, принимая поздравления, Менелик объявил чрезвычайный налог для закупки оружия. Каждая пара быков была обложена талером. По всем городам и деревням страны был открыт сбор пожертвований. Запасы вещами, хлебом и деньгами сосредоточивались у расов, откуда отправлялись к негусу. В короткий срок было собрано два миллиона талеров. С августа через Джибути стали прибывать в Абиссинию усиленные транспорты оружия. По определению купцов, всего было закуплено более 130 000 ружей, что, с имевшимися прежде в стране, составляло до 250 000 ружей. Объявление войны итальянцам и мобилизация были возвещены манифестом, в котором говорилось:[1]

МАНИФЕСТ МЕНЕЛИКА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ С ИТАЛИЕЙ

Внемлите мне и пусть глухота постигнет врагов нашей веры и родины нашей. Внемлите мне и пусть глухота постигнет врагов Менелика, государя вашего...

---

[1] Абиссинцы в борьбе за свободу, стр. 19.

... Из-за моря пришли к нам враги; они нарушили неприкосновенность наших границ и стремятся уничтожить нашу веру, наше отечество. Я все переносил, я долго вел переговоры, чтобы пощадить нашу страну, которой так жестоко приходилось страдать в последние годы. Но враг неустанно идет вперед; он, действуя наподобие крота, грозит нашей земле и нашему народу. Теперь довольно. Уповая на триединое божество, я собираюсь выступить в защиту страны и дать отпор врагу. Пусть всякий, у кого есть силы, следует за мною, а те, кому силы изменили, пусть молятся за успех нашего оружия. Вотадарсы [действующие части войск в провинциальных гарнизонах] *должны все собраться в главную квартиру у Джарона, а фанносы* [ополченцы] *поспешно запастись продовольствием, дабы всех моих хулов* [старшин] *можно было призвать к оружию. Оставаться дома никто не должен, ибо все обязаны выступить в поход в защиту отечества и домашнего очага. Я хочу видеть вокруг себя всех моих воинов. Да будет это вам известно.*

При первом же известии об объявлении войны к Менелику и расам стало стекаться огромное количество воинов. 21 сентября негус двинулся из своей столицы Энтото, имея 30 000 человек пехоты, 12 000 конницы и 32 орудия. Из Харара двинулись 15 000 человек раса Маконнен с 4 орудиями. Из Гондара — войска Мешаша-Атикэма в составе 6000 человек; из Уоло — войска раса Микаэля, численностью в 16 000 человек; из Эджу — войска раса Олиэ в составе 10 000 человек. На севере уже находились войска раса Мангаши и раса Алулы, общей численностью в 18 000 человек при 6 орудиях. Всего, таким образом, за короткий срок Менелик сколотил армию в 112 000 человек при 44 орудиях. Знали ли итальяцы об этой двигающейся на них под покровом большой тайны массе? Вероятно — нет. Или, во всяком случае, не знали точно ни численности, ни дислокации, ни направления и быстроты передвижения, ни вооружения и организации абиссинских войск.

Подкупить вассалов Менелика итальянцам также не удалось. Большинство из феодалов, охотно ведя тайные переговоры с Италией, сообщали немедленно их содержание Менелику. Аусский султан, к которому был командирован итальянский капитан Персико, получил у последнего оружие и деньги для

Абиссинские воины. (По фото из „Хроники Менелика II “.)

снаряжения 20 000 отряда данакильцев, предназначенных в помощь итальянцам, и тотчас же сообщил о своих тайных переговорах Менелику и ему же переслал полученные ружья. С расом Маконнен, главою Харара, вел переговоры итальянец Фельтер. После каждой беседы Маконнен извещал обо всем Менелика для получения дальнейших инструкций. „Продолжайте в том же духе“ — получал он неизменный ответ от Менелика. Царя Годжамского Текле Хайманота итальянцы также пытались склонить к измене. Менелик, хорошо знавший характер своих вассалов и зорко за ними следивший, послал ему сказать: „Я горюю не о тебе, но жаль мне твоей страны... которую, кажется, придется скоро обратить в пепел“. Этого было достаточно, чтобы предотвратить измену. Рас Микаэль вел переговоры с ведома Менелика. Рас Олиэ не пошел дальше слов. Лишь Уакшим Буру, правитель Сокоты, договорился с итальянцами об измене, но был во время арестован Менеликом.

В начале октября 1895 г. Баратьери с пятью батальонами, численностью в 6000 человек, вышел из Асмары в Тигре вдогонку войскам раса Мангаши. Вскоре без боя были заняты Макале и Антало. Одна из колонн войск Баратьери продвинулась дальше к югу и заняла Дебра Айла в 45 км от Антало, нанеся поражение расу Олиэ. Авангард итальянских войск дошел до Амба Алаги, горного прохода на высоте 3000 м и здесь укрепился.

Победа у Дебра Айла вскружила итальянцам голову. Все государство Тигре было в их руках. Они считали Менелика уже побежденным и требовали от него ни больше, не меньше как:

1) разоружения абиссинцев;
2) отозвания пограничных правителей;
3) заключения раса Мангаши в тюрьму;
4) уступки всего Тигре и Агаме;
5) признания верховных прав Италии над Абиссинией.

Однако скоро последовало первое разочарование. Войска раса Маконнена появились неожиданно перед Амба Алаги, и 2 декабря разыгрался бой, во время которого итальянцы понесли полное поражение.

Итальянские войска майора Тозелли, численностью в 2450 человек, занимали не плохую позицию. Абиссинцы, однако, значительно превышали их численностью: у одного раса Маконнена

было 15 000 человек, общее же число абиссинцев доходило вероятно до 45 000. И дрались абиссинцы не плохо. Тщетно итальянцы ждали подкреплений от генерала Аримонди. Почти весь отряд Тозелли во главе с командиром был истреблен..

Немногие спаслись бегством и по дороге встретили запоздавшее подкрепление — колонну Аримонди. Возможно, что при этом, действительно, произошла следующая сцена: [1]

СЦЕНА В АДЕРА

...ровно в четыре подошел к генералу (Аримонди) лейтенант Бодреро, адъютант майора Тозелли.

— Где же ваш батальон? обратился к нему Аримонди.

— Его более не существует, был лаконичный ответ.

— Но разве Тозелли не получил приказаний отступать? вскричал пораженный ужасной новостью генерал.

— Майор Тозелли никаких приказаний подобного рода не получал, отвечал Бодреро.

— Значит ординарцы были захвачены. Какое несчастье!!!

Несчастье, в самом деле, для итальянцев было большое. Дело не только в том, что был уничтожен один из лучших итальянских отрядов. Дело в политическом значении первого серьезного поражения итальянцев. Абиссинцы перестали бояться их оружия. Итальянцы потеряли престиж.

Не успел генерал Аримонди узнать подробности боя в Амба Алаги, как на него самого напали абиссинцы, преследовавшие остатки отряда майора Тозелли. „Генерал Аримонди и майор Гальяно, — говорилось в официальном абиссинском сообщении, — стояли лагерем по ту сторону горы и, услышав гром пушек и ружей, снялись с лагеря, чтобы итти на помощь. Беглецы же, преследуемые нашей конницей, добежали до их лагеря. Оставив его и обоз и взяв только пушки, генерал убежал. Наши воины их преследовали и убили много людей. Только ночь их остановила. Майор Гальяно, достигнув Макале, вошел в крепость“. Генерал Баратьери сообщал в Италию о поражении и отступлении в Макале куда более туманно. По его словам колонна Тозелли была атакована неожиданно всей шоан-

---

[1] Ю. Елец. Император Менелик..., стр. 158.

ской армией. Генерал Аримонди на полпути в Амба Алаги „встретив неприятельские колонны, завязал бой, соединился с офицерами и 300 аскариев, которые отступали из Амбы, и сосредоточил все свои войска в большом порядке в Макале“ и т. д.

Оставив часть войск в Макале, во главе с майором Гальяно, Аримонди отступил еще дальше, по направлению в Адиграт. По дороге в Адиграт итальянцы ощутили первые результаты потери своего военного престижа. Абиссинские крестьяне почти поголовно восстали и началась партизанская война. Итальянцев на каждом шагу ждали засады.

Итальянское правительство на поражение в Амба Алаги ответило посылкой новых войск: еще 14 батальонов и 4 млн. патронов.

Затем настала очередь Макале. Зачем было оставлять один батальон итальянских войск в Макале — является неясным. Видно, итальянцы попрежнему недооценивали сил врага. Из поражения при Амба Алаги они не извлекли урока. Некоторые указывают, что это было сделано для чести итальянского знамени, чтобы скрасить размеры поражения. Странное понятие о чести было у итальянских генералов.

Макале была когда-то столицей Иоанна. Итальянцы в октябре—декабре 1895 г. выстроили здесь крепость. В ней и укрылись 1190 человек войск Гальяно. Осада началась 8 декабря. Атаки абиссинцев начались 7 января. Атаки отбивались, но положение осажденных, вследствие недостатка продовольствия и воды, становилось все хуже. Баратьери, располагавший 16 000 войск, ничего не предпринял для освобождения осажденного гарнизона. 20 января 1896 г. итальянцы сдали крепость.

Здесь произошло нечто неожиданное. Абиссинцы не только не истребили пленных, как это можно было ожидать от „варваров“, какими их рисовали (и рисуют по сейчас) итальянцы, но отпустили их всех, разрешив им соединиться со своей армией. Мало того, факт небывалый в военной истории — абиссинцы снабдили их мулами, продовольствием, охраняли дорогою от нападений партизан и, в довершение всего, в защиту от последних дали им оружие. Это событие вызвало всеобщее недоумение и всякие толки. Говорили о выкупе гарнизона Макале за приличную сумму в 2 млн. талеров. Будто бы к Мене-

лику явился итальянский агент Фельтер с ослом, груженым золотом, и Менелик рассудил, что золото ему для войны нужнее, чем тысяча голодных пленных, которых надо кормить.[1] Итальянская печать объясняла факт, конечно, слабостью Менелика. Официальное сообщение негуса Менелика объясняет дело его „состраданием к ближним". В этом сообщении, между прочим, указывается, что итальянцы загнали в крепость мирных жителей из соседних деревень и подвергли их тяжелой участи:

„Итальянцы заставили собраться в крепость попов, балагеров (крестьян), женщин и детей из соседних деревень, но не находя у них никакого сострадания, женщины, страдая от жажды, бросались ночью вниз с крепостных стен. Они умирали от жажды и, чтобы иметь воду, стали изменять и приходить. Все стада и балагеры, кои были в крепости, умирали и так как некому было их хоронить, ужасный запах стал далеко распространяться"...

После подобных действий итальянцев, поступок Менелика по отношению к пленным был действительно актом сверхгуманности, свойственной, возможно, только народам еще „нецивилизованным".

Баратьери сам подтверждал, что абиссинцы ничего не потребовали за освобождение гарнизона.[2]

Взяв Макале, Менелик предложил итальянцам мир. Условия Менелик выставил весьма скромные: граница между итальянскими владениями и Абиссинией устанавливается по рекам Мареб и Балеза и отменяется статья 17 Уччиальского договора. Однако итальянцы хотели не мира, а победы. Они хотели „rivincita" — мести за Амбо Алаги.

После Макале войска Баратьери сосредоточились в Адагамусе, на восток от Адуа. Войска Менелика продвинулись на Адуа, не встретив сопротивления со стороны итальянцев.

Беркли, написавший серьезный труд об итало-абиссинской войне в италофильском духе, считает, что итальянцы сделали ошибку, допустив абиссинцев в Адуа. Сами итальянцы находились в бесплодной местности, тогда как Менелик получил возможность базироваться на западные провинции и снабжаться

---

[1] Эту версию поддерживает Елец, см. стр. 177—183 его книги.

[2] Baratieri. Memorie d'Africa, p. 292.

из соседних местностей, богатых зерном, теффом, ячменем и пр. Но главное, с продвижением в Адуа, Менелик стал угрожать итальянским коммуникациям. Все снабжение итальянских войск шло из Массауа через Асмару и Ади Кайе. За спиною Баратьери было более 200 км коммуникаций. Итальянцы испытывали все большие и большие трудности с транспортом. С большим трудом итальянцам удалось собрать 8000 верблюдов и 3000 мулов, истратив значительную часть отпущенных на армию средств. Особенный недостаток ощущался в мулах. Мулы, привезенные из Италии, были слишком велики. Итальянские седла не годились для местных мулов. Погонщиков не хватало. За мулами итальянцы были вынуждены обращаться в Индию; англичане, однако, давали животных, но не давали людей. Не меньшие трудности испытывались и с фуражем. Естественно, что число транспортных животных быстро сокращалось.

Менелик хорошо понимал все выгоды своего маневра.[1] 1 февраля войска Менелика продвинулись еще дальше и заняли территорию Гундетта на север от Адуа. Тем самым Менелик оказался ближе к Асмаре, чем Баратьери. Баратьери вынужден был ответить переменой позиций. Он покидает Адагамус и направляется на запад по направлению к Адуа и достигает 13 февраля Саурии. Авангард итальянских войск занимает Энтишио. Цель итальянского маневра — угроза Адуа и защита Адиграта, который Баратьери сделал своей базою.

Менелик тотчас отступил из Гундетта в Адуа, и так две армии очутились одна против другой в выжидательной позиции. В таком положении они остаются до решительной битвы 1 марта.

Положение Баратьери все ухудшалось. Единственные из бывших на стороне итальянцев расы Себат и Агос покинули их, присоединились к Менелику и стали угрожать тылам Баратьери. Положение с продовольствием резко обострилось. Запасы истощались. Прибытие из Массауа все

---

[1] Ю. Елец пишет: „Трудный маневр этот был выполнен Менеликом с полным успехом... Идею и исполнение этого марша следует приписать врожденному таланту Менелика. По этой операции итальянцам следовало бы заключить, что они имеют дело не с простым дикарем, а с весьма опасным соперником“ (стр. 186). Не менее высоко оценивает перемену Менеликом операционной линии и Н. Орлов (стр. 52—53).

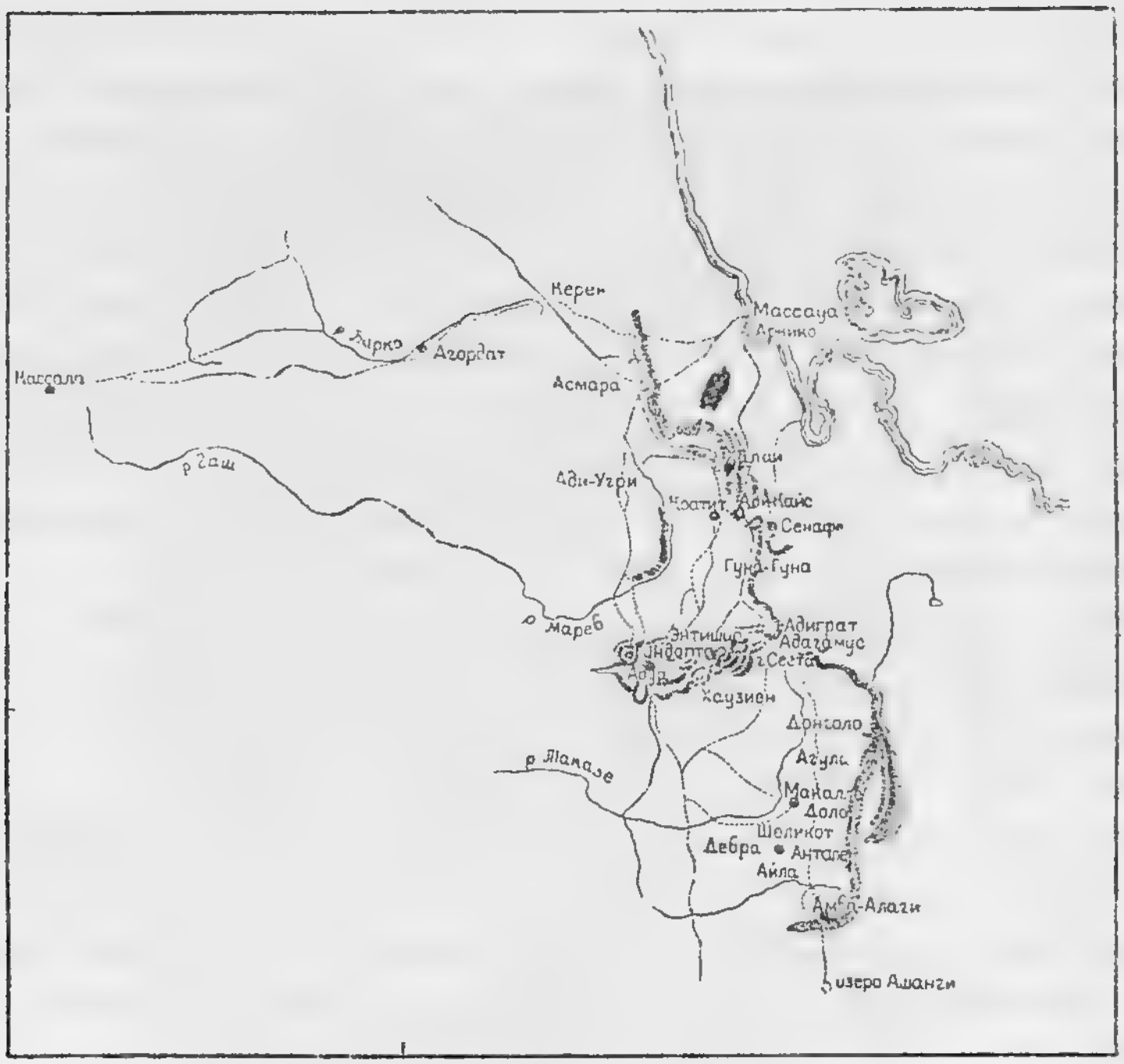


Схема театра итало-абиссинской войны 1895—96 г. и войны итальянцев с дервишами; ● места сражений.

уменьшалось. Склады были пусты. С половины февраля едва хватало продовольствия для итальянских солдат. Офицеры получали солдатские рационы; аскариям выдавали вместо муки по 1.5 фунта ячменя в день и по 2 талера. Фуражная дача была доведена до минимума. Транспорт окончательно расстроился. Число верблюдов сократилось с 5000 до 2300, а затем до 1700; оставшиеся были в жалком состоянии. Животные не возвращались в Массауа. Плохо было со снаряжением. Не только лопаты, но и все ружья требовали ремонта. Солдаты были оборваны и босы. Естественно, что их политико-моральное состояние ухудшалось. Что могла дать итальянским рабочим и крестьянам авантюра в Африке? Итальянский капитан Манарини признавал: „моральное состояние ухудшалось и дисциплина становилась слабою". Беркли указывает, что итальянское командование, видя, что бездействие разлагающе действует на армию, занимало солдат разными ненужными работами.[1]

[1] G. Berkeley. The Compaign of Adowa, etc., p. 250.

Взвесив обстановку, Баратьери решил отступить к Ади Кайе. Уже 16 февраля был заготовлен приказ об отступлении, однако, до 23 февраля генерал медлил, не решаясь осуществить свое здравое намерение. Наконец, на 24 было назначено выступление всему корпусу. Менелик, у которого, в отличие от Баратьери, информация была поставлена неплохо, узнав о намеченном отступлении, в ночь с 23 на 24 выдвинул 10 000 отряд под командою раса Габаю к Гундетте. Перейдя реку Мареб, абиссинцы заняли позицию на гундеттских высотах, став в угрожающее фланговое положение к отступающим. Баратьери был вынужден отменить приказ об отступлении.

25 февраля Криспи телеграфировал из Италии генералу Баратьери: „это военная чахотка, а не война... Мы готовы на жертвы, чтобы спасти часть армии и престиж монархии".

Эта телеграмма лучше всяких рассуждений вскрывает отношение правящего класса капиталистических стран к людскому составу буржуазной армии и в то же время бросает свет на причины сокрушительного разгрома итальянцев при Адуа.

28 февраля Баратьери собирает военный совет и ставит на его обсуждение вопрос о том, что делать. Положение таково: запасов продовольствия хватит на несколько дней. На сообщения действуют отряды абиссинцев. Можно оставаться на позиции в ожидании подкреплений, но это сопряжено с риском истощить все запасы продовольствия и быть отрезанным от базы, имея перед собою всю армию Менелика. Можно отступить к Сенафе, Ади Кайе или даже Асмаре с риском быть атакованным на марше. Наконец, третья возможность: решиться атаковать противника, разбить его и тем открыть себе полную свободу действий? За это третье решение, по мнению Баратьери, говорило то, что по сведениям, им полученным, абиссинская армия также испытывала недостаток продовольствия и большая часть войск находилась в отсутствии — они были заняты реквизициями.[1] Мнения офицеров на совете разошлись. Тем не менее Баратьери решил наступать. 29 февраля был дан

---

[1] На самом деле это был ложный слух. Армия Менелика находилась в сборе. Хорошо осведомленный Елец передает версию, что этот слух распустили сами абиссинцы, желая каким-нибудь путем выманить со своих хорошо

Сражение при Адуа. (Фрагмент картины абиссинского художника. Оригинал картины в музее ИАЭ.)

приказ о выступлении вечером всего операционного корпуса в наступление на Адуа.

Это решение дать бой под Адуа само по себе было ошибкой. Беркли, например, утверждает: „Если бы он (Баратьери) оказался в состоянии остаться на своих укрепленных позициях еще одну неделю, может быть даже еще один день, Менелик мог бы быть вынужден отступить и возможно, распустить свою армию... Когда запасы продовольствия были исчерпаны и отступление казалось неизбежным, итальянцы внезапно оставили свои укрепленные позиции и устремились в одну из глубочайших долин горной Абиссинии".[1] Итальянцы покинули хорошо защищенные позиции и направились в Адуа по неблагоприятной и плохо известной им местности. Помимо этого, Баратьери совершил ряд грубейших тактических ошибок, которые привели к ужасающим размерам поражения при Адуа.

Силы противников в бою при Адуа были далеко не равные, что видно из следующего подсчета.

Состав итальянских войск:

	Человек	Орудий
I. Туземная бригада (генерал Альбертоне) .	4 076	14
II. Первая пехотная бригада (генерал Аримонди)	2 493	12
III. Вторая пехотная бригада (генерал Дабормида)	3 800	18
IV. Третья пехотная бригада (генерал Эллена)	4 150	12
Всего . .	14 519	56

Бригада Альбертоне составляла левую колонну, бригада Аримонди — среднюю, бригада Дабормида — правую колонну, бригада генерала Эллены — резерв.

Вместе с артиллерией и вспомогательными родами оружия численность итальянских войск составляла 17 700 человек.

укрепленных позиций в открытое поле „дженераля Барри". Во всяком случае известно, что Баратьери не имел точных сведений о своем противнике, ни о численности, ни о дисклокации его войск.

[1] G. Berkeley. The Campaign of Adowa, etc., p. 259.

[2] Wylde. Modern Abyssinia, pp. 198—199; G. Berkeley, pp. 267—268. Несколько иные цифры дает Елец (стр. 199—200).

Силы абиссинской армии[1]

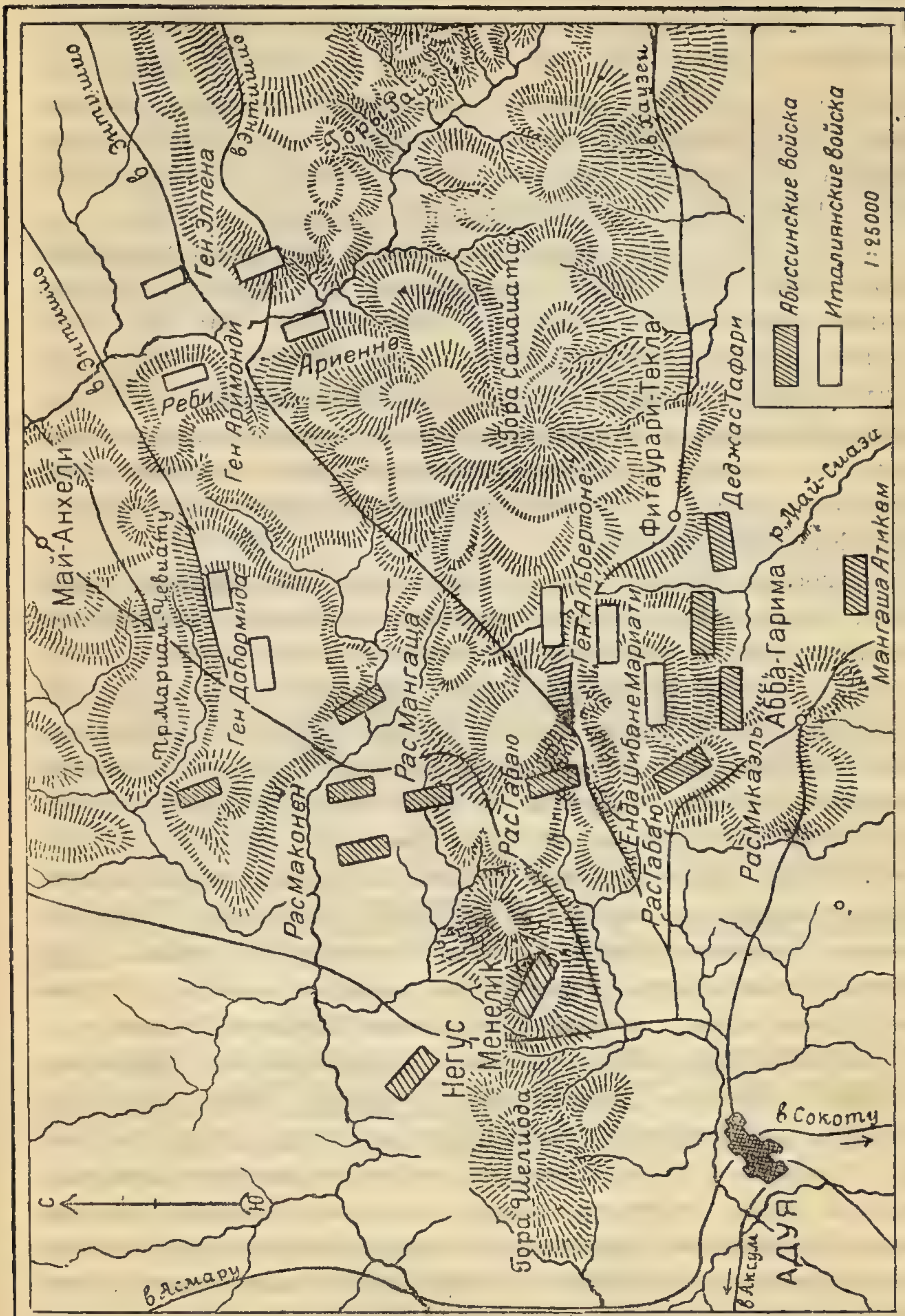
	Пехоты чел.	Конницы чел.	Орудий
Негус Менелик	25 000	3 000	32
Таиту	3 000	600	—
Рас Маконнен	15 000	—	4
Рас Мангаша и рас Алула . . .	12 000	—	6
Рас Мангаши Атикэм	6 000	—	—
Рас Микаэль	6 000	5 000	—
Текла Хайманот	5 000	—	—
Рас Олиэ и пр.	8 000	—	—
	80 000	8 600	42

Войска негуса Менелика и царицы Таиту составляли шоанцы, южные и юго-западные галла. Маконнен, племянник Менелика, командовал хараркими войсками, рас Мангаша и рас Алула — тигрейцами, рас Микаэль — войсками племени уолло галла, Текла Хайманот — годжамцами. Кроме этой почти девяностотысячной армии, вооруженной ружьями, у абиссинцев было еще 20 000 копьеносцев и различные группы вооруженных крестьян.

Ошибки итальянского командования привели к тому, что разница в численности еще более углубилась. Фактически в бою участвовала только половина итальянских войск, и четыре колонны, оказавшись разрозненными, были разбиты поодиночке. Бой происходил в трех разных пунктах и в разное время.

Вечером 29 февраля войска Баратьери выступили к Адуа. Путь итальянских войск шел по отрывистым горным тропинкам, ночной переход по которым был весьма затруднителен. Вдобавок, в виду крайне небрежно и неверно составленных крок местности, пути движения колонн пересеклись и бригады стали задерживать одна другую. Бригада Альбертоне задержала на полтора часа среднюю колонну Аримонди и поэтому пришла на позиции раньше других. Все передвижение заняло восемь часов, против предположенных четырех. Позиции были определены в приказе и плане Баратьери так неточно, что Альбертоне (левое крыло) ушел на 6 км вперед от намеченного пункта и утерял всякую связь с центром, вступив в бой раньше всех. Абиссинцы его окружили и разгромили, и все остальные войска итальянцев

[1] G. Berkeley, p. 268.



Кроки сражения при Адуа. (По Елецу.)

вынуждены были сражаться с незащищенным левым флангом. Баратьери, увидев с запозданием тяжелое положение Альбертоне, приказал выдвинуться вперед правой колонне генерала Дабормида. Дабормида пошел вперед, но не смог поддержать Альбертоне, ибо был отделен от него горою, занятою абиссинцами. Он выдвинулся затем настолько вперед, что также оторвался от центра и потерял с ним и с командованием всякую связь. Центр оказался незащищенным и с правого фланга.

В 5 ч. 32 м. утра раздались первые выстрелы авангарда Альбертоне. В 10 ч. 30 м. Альбертоне дал приказ отступать. К этому времени его колонна уже была почти полностью уничтожена атакой войск раса Габаю, раса Микаэля, Фитаурари Текла и Деджач Тафари — общей численностью около 30 000 человек. Итальянская артиллерия не могла оказать должного действия: вследствие характера местности были большие мертвые пространства. К 10 часам абиссинцы зашли во фланги и перешли в рукопашную.

Разгромив Альбертоне, густые массы абиссинских войск в том числе войска негуса, двинулись на центр — Аримонди, прибегая к своей излюбленной тактике охвата с флангов. Главный удар пал на незащищенный, вследствие ухода вперед Дабормиды, правый фланг. Вскоре колонна Аримонди дрогнула и была разгромлена вместе с выдвинувшимся к ней на поддержку резервом Эллены. Немногие из уцелевших, в том числе генерал Баратьери и генерал Эллена, обратились в паническое бегство. Во все время сражения Баратьери проявлял почти полную бездеятельность и, видимо, совершенно растерялся. Когда же генерал Баратьери увидел разгром Аримонди, то сказал: „Ну, теперь остается лишь спастись нам самим“ и вместе с генералом Эллена ускакал в Ади Кайе, сделав 105 км в 24 часа.[1]

Колонна Дабормиды, ушедшего далеко вперед, сражалась лучше и держалась дольше всех. Встретив войска раса Маконнена, она вступила с ними в бой, не успев занять как следует позицию. К 5 часам вечера, расстреляв все свои снаряды, колонна стала отступать, однако в большем порядке, чем колонны Альбертоне, Аримонди и Эллена. Абиссинская конница преследовала отступавших и наносила им большие потери. Бегство итальянских войск было столь же ужасным, как и сражение.

---

[1] Ю. Елец, стр. 223. То же самое говорит и Беркли.

Потери итальянских войск в сражении при Адуа составили: [1]

Убитых и тяжело раненых . . .	8 000—11 400 чел.
Пленных	1 500— 4 000 „

Среди убитых были генералы Дабормида и Аримонди. Раненый Альбертоне попал в плен. Некоторые итальянские батальоны потеряли 87—92% своего состава. Потери абиссинцев составили примерно 4000 убитыми и 6000 ранеными.

Таковы были итоги битвы при Адуа. Оценивая битву, Елец, в основном, правильно указывает на следующие:

Причины поражения итальянцев при Адуа [2]

1) Полное незнакомство и нежелание его у итальянских генералов со своим противником и его качествами.

2) Большой численный перевес абиссинцев.

3) Несоответствие плана генерала Баратьери относительно ведения этого боя действительному положению дел. Желая стратегически наступать, а тактически обороняться, итальянский главнокомандующий, в свою очередь, был неожиданно атакован быстро изготовившимся к бою противником.

4) Неправильное применение принципа инициативы начальниками отдельных колонн, вследствие чего они разновременно вступили в бой.

5) Руководство боем не было сосредоточено в руках главнокомандующего.

6) Небрежная рекогносцировка неприятельской позиции, подступов к ней и дорог, по которым должны были следовать войска.

7) Отсутствие связи между колоннами, вследствие пересеченной местности.

8) Милиционный состав итальянских войск, каковым можно было назвать его, вследствие крайне коротких сроков службы, малого периода боевой подготовки солдат и физической недоразвитости (?) их.

9) Непривычка их к знойному климату Африки и каменистой и песчаной почве.

10) Отсутствие, вследствие вышеупомянутых двух причин, должного подъема духа войск, столь важного фактора победы.

11) Чрезвычайно быстрое наступление абиссинцев, что парализовало все преимущества вооружения итальянцев, так как период артиллерийского и ружейного боя был слишком незначителен.

12) Полное знакомство абиссинцев со страною и привычка ко всем условиям климата и обстановки.

---

[1] Подсчеты сильно расходятся. Италофильский Беркли дает со слов майора Бурелли минимальные цифры: 6133 убитых, 1428 раненых, 1428 пленных. Елец, пишущий по материалам Леонтьева, бывшего на стороне абиссинцев, указывает число убитых и раненых 385 офицеров и свыше 11 000 солдат; пленных 42 офицера и 3600 солдат.

[2] Ю. Елец, стр. 234—235.

13) Перевес в силе и ловкости у абиссинцев в рукопашной схватке, в которой собственно и заключался весь бой.

14) Высокий подъем духа абиссинских войск, вызванных святою (?) идеею — защиты своей родины.

Елец, разумеется, слишком мягко формулирует грубые промахи итальянского командования. Говоря об отсутствии у итальянцев „должного подъема духа", он далек от классовой оценки действительного: империалистического, захватнического грабительского характера итальянской войны в Африке. Следует, однако, отдать должное: сами по себе отдельные итальянские солдаты (и офицеры) дрались геройски, но вся система буржуазной армии и ее империалистические цели обрекли как всю кампанию, так и бой при Адуа заранее на неудачу. Участь итальянских солдат была трагическая — они погибали за чуждые им, даже противоположные по существу интересы.

Относительно же абиссинских воинов нет нужды доказывать, что дрались они превосходно, защищая свою страну, ее независимость, борясь против цепей колониального рабства. Рассматривая штурм Макале, Беркли вынужден признать относительно абиссинцев: „никакое восхваление не является слишком высоким для них. Они не были людьми, подобно более нецивилизованным расам, игнорирующим эффект ружейного и гранатного огня, ибо абиссинцы испытали и то и другое в Амба Алаги и сами они научились пользоваться ружьями и пушками. И вот они бросались в атаку снова и снова, неся подъемные лестницы, надеясь пробить себе дорогу сквозь проволочные заграждения, встречая возможность мин, угрозы жизни, как будто она не шла в счет. Итальянцы сами выражали восторженное восхищение смелостью, выказанною людьми раса Маконнена",[1] и т. д.

Но, помимо своей смелости, абиссинцы отличались еще и своей военной инициативой, умелой тактикой, хорошим выбором позиций, меткостью стрельбы, подвижностью. Уилд, тщательно изучивший положение на месте боя при Адуа, отмечает умелый выбор позиций абиссинцами, хорошо защищенных отвесными утесами, скрытых от взоров нападающих. Атакующие же эти позиции итальянцы не имели прикрытий. Абиссинцы имели скорострельные пушки Гочкиса и артиллерия эта

---

[1] G. Berkeley, p. 209.

Сцены боя при Адуа. (Фрагменты картины абиссинского художника. Оригинал картины в музее ИАЭ.)

хорошо использовалась. Ружья у абиссинцев были всех систем. Тут были и Ремингтон и Мартини-Генри, Грас и Бердан, Маузер и Снайдер. „С этими ружьями абиссинцы били хорошо на расстояние 400—600 ярд, а на меньшее расстояние были такими же хорошими стрелками, как и все африканцы, ибо они никогда не выбрасывали патрон и никогда не стреляли торопливо".[1]

Инициативность и тактические преимущества абиссинских воинов характеризуются в следующих словах: „Они не знали никакой дисциплины огня, не имели епропейской выучки, но они знали, что враг у них в стране и его нужно атаковать в самый благоприятный момент. Когда дается команда «вперед», они могут сказать, на основании позиции, в которой они находятся, каковы их обязанности, и они знают общий план боя, а именно — окружить своего врага так быстро, как возможно, и когда окружение выполнено, использовать всякий возможный кусочек прикрытия при приближении к центру, где находится их враг. Только когда враг попадает в пределы, хорошо доступные мушкету, они начинают стрелять. Их мишень всегда велика, ибо пришельцы (invaders) всегда сражаются в тесных рядах.

Со своим небольшим грузом и босыми ногами абиссинец может двигаться с легкостью, рысцою и, как правило, может

---

[1] G. Berkeley, pp. 201—202.

сражаться во время им избранное, а не когда хотел бы его враг. Он всегда имеет громадные преимущества".

Битва при Адуа была хорошим примером этих преимуществ абиссинских воинов перед европейской „серой скотинкой". „Мы сражаемся человек за человека, заявляли абиссинцы, но вы [европейцы] сражаетесь как толпа рабов".

Сокрушительное поражение итальянцев при Адуа означало для них проигрыш войны.

3 марта Баратьери телеграфировал о поражении при Адуа.

13 марта между Италией и Абиссинией открылись мирные переговоры. В мае была освобождена часть итальянских пленных.

26 октября 1896 г. в Аддис-Абебе был подписан мирный договор Италии с Абиссинией.

Италия признала себя побежденной. Она обязалась уплатить контрибуцию и безоговорочно признала „полную независимость Эфиопской империи, как суверенного и независимого государства".

Так закончилась первая итальянская авантюра в Африке.

* * *

ФРАНЦИЯ И АБИССИНИЯ

Когда Менелик во времена Теодора предлагал свои услуги англичанам и французам по части „приведения в порядок страны" — его предложения, повидимому, не встретили большого сочувствия. Менелик, еще молодой, не внушал уверенности в своих силах и способностях. Со смертью Иоанна Менелик стал хорошо известен Италии. После Адуа имя Менелика прогремело на весь мир. Ему прислали из Европы 4000 поздравительных писем.

Возвращение Менелика из битвы при Адуа, однако, не было триумфальным шествием. Путь на юг, в столицу, сопровождался непрерывными стычками с местными крестьянами. Азебу, галла,

Негус Менелик.

талталы и другие племена, населявшие страну по дороге в Шоа, грабили обозы, убивали отставших, угоняли свой скот, чтобы спасти его от реквизиции, и т. д.

Негус Менелик II несомненно стоит выше всех своих предшественников. Он объединил и сплотил разрозненную феодальную Абиссинию в одно целое. Он был „западником", новатором. Но этот его путь был устлан не розами, а шипами. Ему приходилось быть постоянно на-чеку, усмирять мятежи, вести войны. Чтобы удержать феодальную знать в повиновении, ему приходилось пускать неоднократно в ход всю свою силу, хитрость, ловкость, такт, дипломатическое искусство. Хищникам, окружавшим его, готовым разорвать его при малейшей оплошности, он должен был внушать не только почтение, но и страх.

Сын правителя Шоа Ато-Хайлэ-Селасси Менелик провел молодость в плену у Теодора, который желал устранить возможного соперника. Плен был обставлен почетно: Теодор женил его на своей дочери и не отпускал из своей резиденции. Но Менелик бежал с тысячью своих сторонников и быстро овладел Шоа, сместив ставленника Теодора Безабеха. Теодор готов был выступить против Менелика, но ему в этом помешала война с Англией. Менелик, как мы видели, предлагал англичанам свои услуги, но активных действий не предпринимал. Кассаи и Гобаце были могущественными соперниками, и Менелик, человек осторожный, решил предоставить им возможность драться между собою. Плен у Теодора, повидимому, научил Менелика кое-чему. Когда Кассаи победил Гобаце и стал негусом Иоанном IV, его главным соперником остался Менелик. Последнему стоило большой ловкости уцелеть от уничтожения: феодалы Абиссинии не церемонятся со своими врагами. Когда в 1878 г. против Менелика восстала его собственная жена, дочь Теодора, Иоанн воспользовался моментом и пошел войною на правителя Шоа. Войска Иоанна быстро приближались, но Менелик не оказывал им сопротивления и направил послов к Иоанну просить мира. Послы были отосланы с отказом, и войска Иоанна, уже перейдя границу, начали грабить и убивать. От Менелика ждали, что он соберет армию и будет сражаться против врага, но Менелик оставался спокойно в своей столице — Летше. В конечном счете переговоры возобновились, и Менелик признал верховную власть Иоанна и обязался платить дань, подписав следующий типичный феодальный договор.

ДОГОВОР МЕЖДУ ЦАРЕМ ИОАННОМ, ЦАРЕМ ЦАРЕЙ ЭФИОПИИ, И ЦАРЕМ МЕНЕЛИКОМ, ЦАРЕМ ШОА.

Ст. I — *Царь Менелик должен платить дань царю Иоанну.*
Ст. II — *Он должен снабжать провизией армию царя Иоанна, когда она находится в его владениях.*
Ст. III — *Он должен перестать называться царем царей Эфиопии и называться только царь Шоа.*
Ст. IV — *Он должен, в случае нужды, в любое время помогать царю Иоанну.*
Ст. V — *Царь Иоанн должен оказывать Менелику в случае нужды помощь.*

Ст. VI — Царь Менелик будет править магометанами Уолло Галла, которые находятся между Шоа и Абиссинией.

Ст. VII — Царь Менелик должен построить христианские церкви в стране Уолло Галла и ввести там христианство.

Ст. VIII — Царь Менелик должен дать армии царя Иоанна свободный проход до самого Дебра Лебанос, монастыря в Шоа.

Соглашение достигнуто и подписано обоими царями 14 марта 1878 г.

Царь Иоанн, новый император Эфиопии, короновал Менелика его собственной короной, как царя Шоа, 26 марта 1878 г. и объявил через своего герольда: „Я короновал моего сына Менелика царем Шоа, чтите его, как вы чтите меня".[1]

Дальнейшее нам известно. Со смертью Иоанна Менелик завладел властью. Его самым сильным соперником был Мангаша. Война с Италией объединила двух врагов. После Адуа Мангаша снова поднял голову. В 1898 г. он восстал и собрал 80 000 армию, но при появлении посланных Менеликом войск раса Маконнена армия Мангаши разбежалась, и в 1899 г. восстал шейх Огадена, Хаджи Мухамед, „сумасшедший мулла". В 1902 г. поднял восстание в Тигре Гукса, внук Иоанна IV.

Американец Мун говорит: „что касается Менелика, то, выражаясь стилем романов, он жил счастливо до конца своих дней". Здесь Мун подразумевает умелое отстаивание Менеликом независимости, в этом Мун прав. Однако, в отношении самого Менелика это звучит не совсем верно. В 1906 г. ближайший помощник Менелика, рас Маконнен, был отравлен и с тех пор над самим Менеликом собрались черные тучи. Враги Менелика неоднократно пытались убрать его с дороги обычными в феодальных странах методами. Однажды, как говорят легенды, ему дали яд, но страшным напряжением воли, целый день скача на лошади, Менелик поборол его действие. Тогда его отравили вторично медленно действующим ядом и старались подорвать бодрость его духа зловещими предсказаниями. Каждый вечер

---

[1] Autobiography of Theophilus Waldmeir, Missionary, being an account of ten years'life in Abyssinia, 1859—1868. Цитир. по Wylde, p. 471.

находил он в своей комнате труп черной кошки. Когда, наконец, царица Таиту объявила о его смерти и о том, что правительницей становится она, противная партия арестовала ее и заявила, что Менелик жив, но болен, и видеть его нельзя. С тех пор никто не допускался к Менелику и не видел его, кроме узкого круга лиц, и неизвестно точно, когда он умер. От имени Менелика правил рас Тасама, который затем внезапно умер от яда. В эти дни призрачного существования Менелика была сложена про него характерная песня:

Смерти не миновать;
был император Абу-Данья,
но у леопарда болят глаза,
он не выходит из своего логовища.
Лошадь Абу-Даньи
не стала бы трусливой;
Трусливая лошадь тени боится,
начиная от слона и кончая жираффом.
Кому завещал он свой щит?
Пока еще он продолжает грозить,
но люди держат его
лишь по привычке.

Такова была сила Менелика, что имя его продолжало грозить после его смерти. Силу Менелику придало то, что он выражал собою прогрессивные стремления абиссинского народа и умел отстаивать независимость страны, играя на противоречиях империалистических держав.

Придя к власти, Менелик энергично принялся за переустройство страны, постройку дорог, проведение телеграфа, укрепление и вооружение армии. Он выписал из Европы мастеров, архитекторов и инженеров, ввел чеканку монеты, организовал почтовую связь, искоренял рабство, реформировал налоговую систему, поощрял земледелие и ремесла. Он сделал много, чтобы вывести страну из средневековья. Попов он не долюбливал, а миссионеров допускал в страну лишь тех, кто мог оказаться полезным ремесленником, мастером.

Елец пишет, что „природный большой ум, наблюдательность и редкая энергия дали ему возможность научиться многому. Так, он практически хорошо изучил наблюдения по хронометру, знает механику и нет предмета, попавшегося ему в руки,

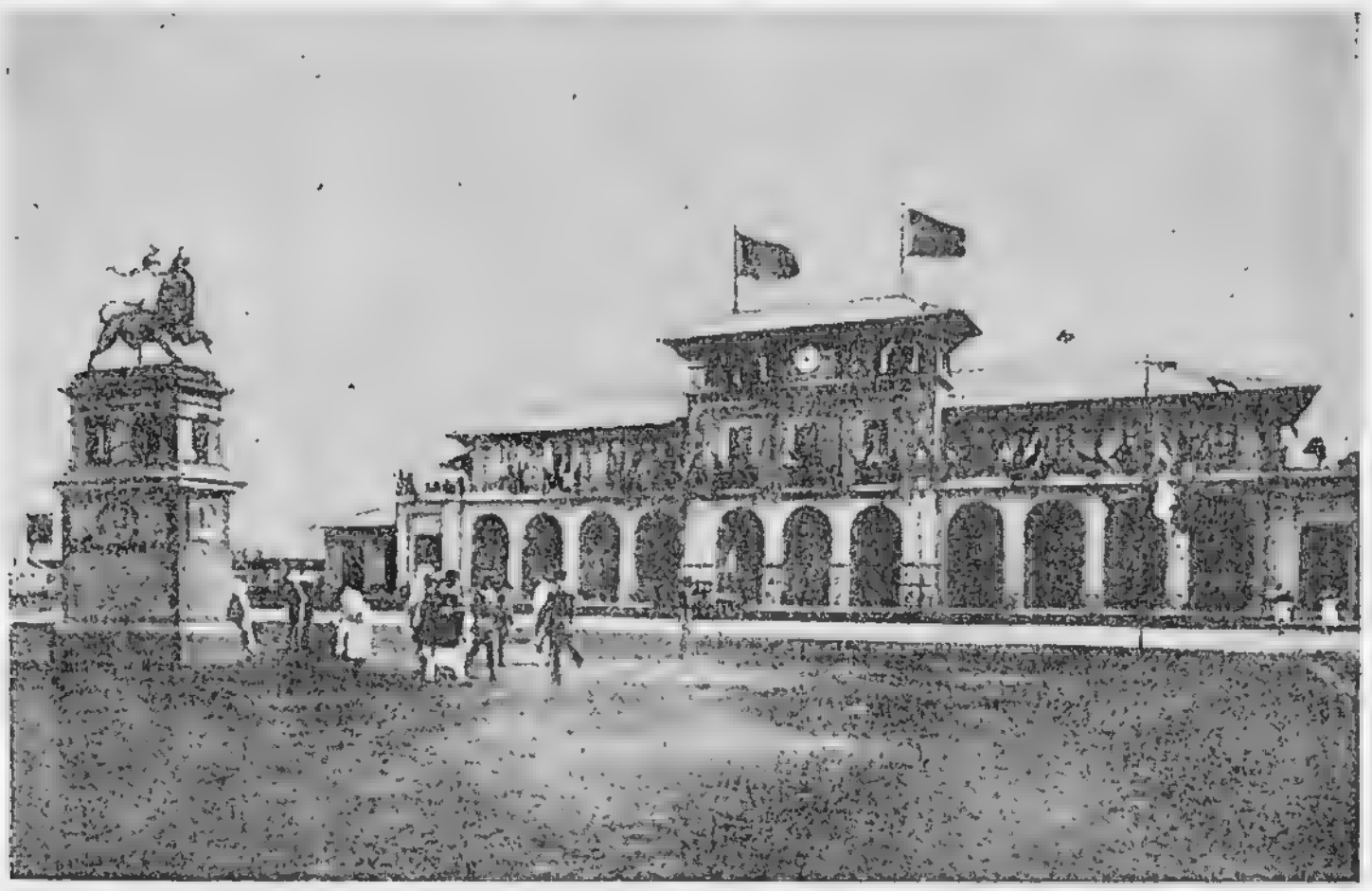
Негус Менелик и его приближенные. (Оригинал картины абиссинского художника в музее ИАЭ.)

с устройством которого он бы подробно не ознакомился, будь то музыкальный ящик, картечница, ружье или более простейшее орудие". Он интересовался и медициною и разведением эвкалиптов.

Скиннер, возглавивший в 1903 г. американскую торговую миссию в Абиссинию, рассказывал о своем свидании с Менеликом, о том, что тот расспрашивал о длине американских рек, протяжении американских городов и т. д. Это не было простым любопытством со стороны Менелика и узко личной его любознательностью. „Новые железные дороги, новые мосты и телефоны его лично мало интересовали, но он считал, что страна должна двигаться вперед. Он хотел, чтобы его народ был способен утилизировать эти новейшие средства и изобретения в свою пользу для защиты своей страны и ее национальной независимости".[1]

Как защищать независимость Аббиссинии от хищных империалистических государств, вооруженных всеми орудиями цивилизации? Единственная возможность — действовать их же излюбленным методом: „разделяй и властвуй". Пусть империа-

[1] Skinner, p. 86.



Железная дорога Аддис-Абеба — Джибути. Вокзал в Аддис-Абебе.

листические державы дерутся между собою и сами помогают Абиссинии.

Война с Италией — тому пример. Италия сама помогла Менелику подняться и вооружиться. Когда же Италия выступила против него, Менелику, естественно, было обратиться за поддержкой к сопернику Италии — Франции. По существу итало-абиссинская война 1895—1896 г. была эпизодом в англо-французской борьбе за северо-восточную Африку. Италия выступала орудием в руках Англии, но Менелику, несомненно, помогала Франция. Если не Франция как государство, то во всяком случае отдельные французы. Мун пишет про Менелика, имея к этому некоторые основания: „Французские дипломаты подогревали его гнев и поощряли его противодействие итальянцам, а французские офицеры обучали его армию и доставляли французское оружие и амуницию его солдатам“. В победах Менелика над Италией немалое значение, как указывал один осведомленный британский автор, сыграли полученные им у французов скорострельные пушки Гочкиса. Не менее осведомленный Леонтьев сообщал об усиленных транспортах оружия, полученных Менеликом перед началом боев с Италией через Джибути. Известно также, что в 1896 г. итальянцы задержали голландский пароход „Дульвик“ с адресованным в Абиссинию грузом в 30 000 ружей и 5 млн. патронов. Владельцем значился француз

Шерне. Если еще добавить о полученной в 1894 г. французским подданным концессии на постройку железной дороги от французского порта Джибути в глубь Абиссинии и далее к Нилу, то станет ясным тот факт, что при Менелике влияние Франции в Абиссинии сильно возросло. Формально концессия была дана „Эфиопской компании". Организаторами были европейские советники Менелика, француз Шеффно и швейцарец Ильг. Фактическими хозяевами — французские капиталисты. Содержание концессионного договора было следующим:

КОНЦЕССИЯ, ДАННАЯ НЕГУСОМ ЭФИОПИИ „ИМПЕРАТОРСКОЙ КОМПАНИИ ЭФИОПСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ" НА ПОСТРОЙКУ И ЭКСПЛОАТАЦИЮ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ДЖИБУТИ—ХАРАР

Аддис-Абеба, 9 марта 1894 г.

Ст. 1 — Его величество Менелик II, царь царей Эфиопии, дает г. Альфреду Ильг, инженеру, разрешение учредить, под названием „Императорской компании эфиопских железных дорог", общество, имеющее целью постройку и эксплоатацию железной дороги, идущей от Джибути до Харара, от Харара до Энтото и от Энтото до Каффы и Белого Нила.

Ст. 2 — Все эти линии, в отношении изысканий, производства работ и различных условий постройки, разделяются на три участка: первый — от Джибути до Харара, второй — от Харара до Энтото, третий — от Энтото до Каффы и Белого Нила. Настоящее соглашение касается лишь линии, которая пройдет от Джибути до Харара.

Ст. 3 — Настоящая железнодорожная концессия дана сроком на 39 лет, начиная со дня окончания работ и начала эксплоатации, и это постановление будет применяться к каждому из участков. Вследствие этого условлено, что никакой другой железнодорожной компании не будет разрешено строить конкурирующие линии либо от берегов Индийского океана или берегов Красного моря в глубь Эфиопии, либо из Эфиопии до Белого Нила.

Последняя фраза третьей статьи имела самое важное значение. Ею признавалась монополия французского капитала на постройку железных дорог в Абиссинии. Ни „одна другая компания" — здесь подразумевалось прежде всего: ни одна

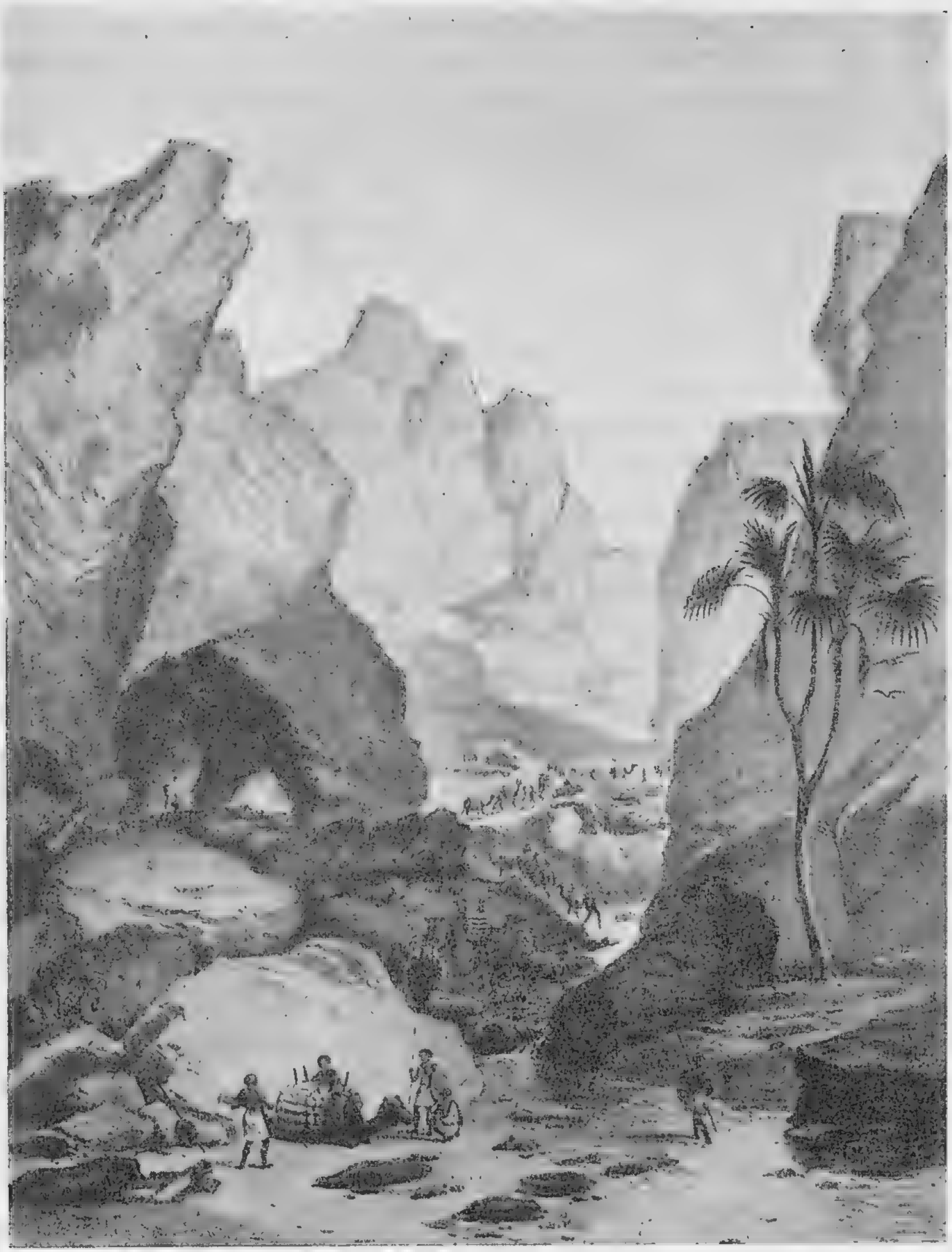
английская. Этот концессионный договор был крупной победой Франции над главным своим африканским соперником Англией.

Франция пришла в Абиссинию позже Англии. Она не посылала сюда своего экспедиционного корпуса. Она лишь сделала своим союзником Менелика, как до того Англия обеспечила себе союз с Иоанном.

Это был момент самого разгара англо-французской борьбы за бассейн Нила, больше того: борьбы за всю Африку.

Британский план, намеченный идеологом британского империализма „африканским Наполеоном" Сесилем Родсом, был: создать единую цепь британских владений с севера до юга великого континента, от Каира до Капштадта. Осуществление грандиозного империалистического плана, который превратил бы всю Восточную Африку в британскую колонию, а Индийский океан — в английское озеро, продвигалось быстрыми темпами. На севере, вслед за оккупацией в 1882 г. Египта, англичане стали подниматься вверх по Нилу, распространяя свое господство на Судан. Центральные звенья цепи составляли захваченные в 1890 г. Уганда, часть Восточной Африки и Ньяссалэнд. Они обеспечивали господство над истоками Белого Нила. На юге материка цепь (с некоторыми перерывами) продолжалась Родезией (1888), землями Базуто и Бечуана, Каплэндом и Наталем.

Французская колониальная империя в Африке строилась с запада и северо-запада. На средиземноморском побережьи Африки Франция владела Алжиром и Тунисом. На прибрежной полосе Западной Африки она захватила Сенегал, Франц. Гвинею, Слоновый берег и Дагомэ. Обширный внутренний западный Судан и Французское Конго составляли неплохое дополнение, благодаря которому французы делались хозяевами почти всей западной половины Африки на протяжении от Средиземного моря до экватора. Франция распространялась с запада на восток все дальше и хотела построить великое здание своей африканской колониальной империи от Атлантического океана до берегов Красного моря. На берегу последнего Франция владела уже опорой в виде Французского Сомали. Франции недоставало только нескольких звеньев цепи: восточного Судана и Абиссинии. Но этих же звеньев недоставало и Англии для осуществления своего плана: от Каира до Капштадта. Пути двух империалистических хищников пересеклись в суданском местечке Фашода.



Ущелье Гунгута во Французском Сомали. (По картине художника Бернатца.)

Англия соглашениями 1891 и 1894 гг. с Италией, как мы видели выше, обеспечила себе свободу действий в Судане, предоставив Италии расправляться с Абиссинией. Франция, как это ни странно, узнала о соглашении 1891 г. только в 1894 г. В то же время Англия заключила соглашение с бельгийским королем Леопольдом об уступке Англии корридора от озера

Альберта до озера Танганийка. Уступать Англии Судан и коридор через Конго Франции отнюдь не хотелось: это означало крах французского плана единой цепи владений от Зеленого мыса до Сомали и это означало, что выковываются последние звенья единой цепи британских колоний от Каира до Капштадта. Франция заявила протест против англо-бельгийского соглашения и стала готовить экспедиции из Французского Конго и из Абиссинии в Судан — к верхнему Нилу. Слухи о проектируемых экспедициях дошли до Лондона, и Эдуард Грей, товарищ министра иностранных дел, 28 марта 1895 г. заявил в парламенте со всей свойственной империалистам энергией:

„Сфера британского влияния покрывает все течение Нила... Мы не имеем никакого основания думать, что какая-либо французская экспедиция получила инструкцию следовать в долину Нила, ибо продвижение вперед французской экспедиции... на территорию, на которой наши права известны издавна, было бы не просто актом непоследовательным и невнимательным; французское правительство должно прекрасно знать, что это будет актом недружественным и будет рассматриваться как таковой Англией". Произнеся такую речь, угрожающую на языке дипломатии войной, Грей отправился на свою гемпширскую дачу подстригать розы.

На угрозы Грея Франция ответила: договора, заключенные Англией с Германией и Италией о признании всего течения Нила британской сферой, для Франции необязательны. И... продолжала готовить экспедиции.

В результате произошел знаменитый инцидент в Фашоде, который хорошо описан талантливым Муном:

ИНЦИДЕНТ В ФАШОДЕ

Когда Италия ушла со сцены, соперники встретились лицом к лицу. Как только в Лондоне были получены известия о поражении Италии при Адуа, Китченеру, состоявшему в то время командующим египетской армией, были посланы инструкции двинуться к югу от Египта и занять Донголу в египетском Судане. Китченер тронулся в путь, но Судан — страна большая, и методический Китченер двигался медленно, ибо он одновременно строил железнодорожную линию, чтобы обеспечить сообщение со своей базой снабжения. Осто-

рожность Китченера была счастливой случайностью для Франции.

В феврале 1896 г., перед тем как Англия отправила Китченера в Судан, парижские империалисты решили поручить капитану Маршану, бесстрашному французскому исследователю, руководить экспедицией через самое сердце Африки в Нильскую долину. Одновременно с этим, двум другим французским офицерам было предписано повести экспедицию из Абиссинии, чтобы встретить Маршана на Ниле.

Путешествие закончилось 10 июля 1898 г., когда Маршан достиг нильской деревушки Фашода и поднял трехцветный французский флаг над старым египетским фортом. Преисполненный радости, он 14 июля отпраздновал национальный праздник. Но по мере того как проходили дни, а его разведчики не встречали никаких следов сильных французских колонн, высланных ему навстречу, его радость уступала место тревоге. Франко-абиссинские экспедиции, посланные с востока, закончились неудачей,— одна вследствие того, что у нее не хватило лодок для переезда рек и болот, а другая потому, что люди заболели лихорадкой. Но Маршан держался в Фашоде и заключил договор с местным вождем, отдававшим левый берег Нила под французский протекторат.

Тем временем Китченер медленно двигался к югу. Это отняло у него более двух лет и он все еще находился в северной части Судана, сражаясь с дервишами. Только в сентябре 1898 г. он одержал решительную победу при Омдурамане, в которой было убито 20 000 дервишей.

Войдя в Хартум, где произошло убийство Гордона, он отомстил за события 1886 г. и развеял по ветру прах Махди.

Узнав, что французская экспедиция завладела берегом Нила в пятистах милях к югу, Китченер с частью армии поспешил в Фашоду и нашел там Маршана и трехцветное знамя. Маршан поднялся на борт китченеровского корабля и с вежливой иронией приветствовал его „от имени Франции". Не решаясь атаковать Маршана и вызвать этим европейскую войну, Китченер воздержался от решения вопроса силой. Он наговорил Маршану комплиментов, похвалил его храбрость, согласился передать вопрос на рассмотрение Лондона, подарил вина и получил в ответный подарок свежие

овощи. Несмотря на враждебность, вежливость была соблюдена.[1]

Дело чуть было не кончилось англо-французской войной. В конце концов Франция капитулировала, и Маршан был отозван из Фашоды. Судан достался Англии.

Но пока внимание Англии было поглощено Суданом, Франция укрепила свои позиции в Абиссинии. В девятисотых годах один из британских колониальных деятелей с раздражением писал, что „с момента как Менелик поссорился с итальянцами и увидел, что от них нельзя получить ничего больше, он начал свою великую дружбу с французами, которые не теряли времени сделать все возможное, чтобы стать его советниками, приняв позу незаинтересованных". Франция снабжала Менелика оружием, которое дало возможность Менелику одержать сокрушительную победу при Адуа. Благодаря этой помощи, французы заняли в стране такое положение, что при известном такте могут получить в стране все, что хотят.[2]

Другие английские путешественники и резиденты жаловались, что страну заполнили французские торговцы и повсюду слышна французская речь. Французы обладают телефонами. Главные почтовые чиновники — французы. Марки печатаются во Франции. Там же чеканятся монеты за счет итальянской контрибуции в 10 млн. лир, которую собирают французы. Большинство продукции Абиссинии: слоновая кость, кофе, мускус и воск, также идет в руки распоряжающихся ею французов и т. д.

В начале 1897 г. в Аддис-Абебу прибыл французский посол Лагарде. Покидая Францию, Лагарде получил инструкцию „организовать абиссинские действия, совместные с действиями Франции на Ниле".[3]

Организованные Лагарде французские экспедиции к Нилу в Фашоду навстречу Маршану, как мы видели выше, не удались. Один из путешественников, Клоше, умер по дороге, другой, Бошан, не сумел достичь цели.[4]

Зато Лагарде успел в осуществлении другого пункта своей инструкции: побуждении Менелика к захвату областей на запад и юг от центральной Абиссинии. В военных экспедициях,

---

1 Т. П. Мун. Империализм и мировая политика, стр. 87—88.

2 Wylde, pp. 57—58.

3 Pierre-Alype. L'Ethiopie et les convoites allemandes, p. 127.

4 U. Michel. Mission de Bonchamps vers Fashoda. Paris, 1900.

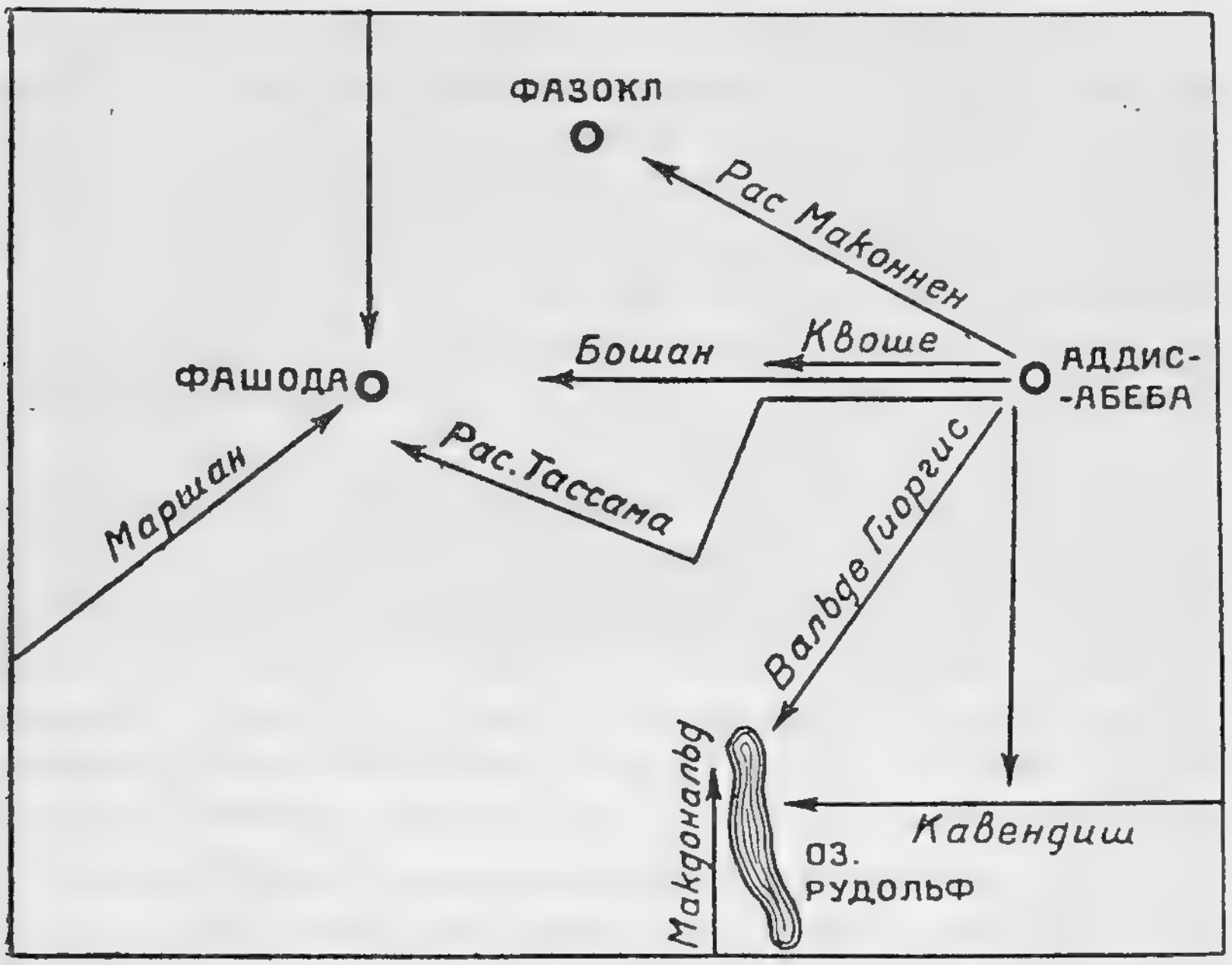


Схема экспедиций в момент инцидента в Фашоде.

посланных Менеликом, принимали руководящее участие французы и действовавшие в контакте с ними русские.

Фитаурари Апте-Георгис, во главе 15 000 армии, отправился совместно с известным французским путешественником Леон Даррагоном на юг через страну Борана. В конце июля 1897 г. они достигли местечка Согида на восток от озера Рудольфа. По возвращении они расставили посты, и пройденную ими страну Борана Менелик объявил присоединенной к Абиссинии.

В январе 1897 г. отправилась на юго-запад военная экспедиция раса Вальды Георгиса с 30 000 армией при участии представителя русского империализма, поручика „лейб-гвардии гусарского его величества полка" Булатовича. Экспедиция прошла вниз по реке Омо до озера Рудольфа и подчинила Менелику племена по обоим берегам реки. Устье реки было достигнуто в апреле 1898 г.[1]

В декабре 1897 г. рас Маконнен во главе 30 000 отряда пошел на северо-запад вниз по Голубому Нилу и завоевал богатую золотом страну Бени-Шонгула и часть провинции Фазокл.

[1] См. А. Булатович. С войсками Менелика, СПб., 1900.

В апреле 1898 г. дедьязмач Тасама, племянник Менелика, во главе 8000 отряда, направился на запад, получив предписание овладеть нижним течением р. Собат и верхним течением Нила. Экспедицию сопровождали француз Февр, швейцарец Поттер и русский полковник Артамонов. Отряд Тасамы имел задачей соединиться с экспедицией Маршана, но достиг Белого Нила раньше его (в июне 1898 г.) и, водрузив флаги, ушел обратно. Правый берег Нила был объявлен абиссинской территорией, левый берег — французским.[1]

Эти абиссинские завоевания шли прежде всего вразрез с планами Англии, которая стремилась овладеть не только левым, но и правым берегом Нила, и продвинуть границы „Судана" как можно далее на восток и считала Абиссинию „естественным дополнением к Египту и Судану". Менелик весною 1897 г. прямо заявил чрезвычайному британскому посланнику Ренальду Роду, что считает своими границами „2° и 14° сев. шир. и побережье океана на востоке и правый берег Нила на западе" и что он всеми силами будет поддерживать свои притязания. Откуда черпал силы и вдохновение Менелик для таких смелых заявлений? Нет сомнения, что немалую роль тут сыграл секретный договор о союзе Абиссинии с Францией, заключенный Менеликом с французским послом Лагарде 20 марта 1897 г. Этот договор признавал притязания Менелика на установление восточной границы Абиссинии по Нилу от 5 до 14° сев. шир. Договор также говорил об общих действиях Франции и Абиссинии „во всех сферах идей, торговли, финансов, общественных работ, территориального распространения" и т. д.[2]

В следующем 1898 г. был официально опубликован франко-абиссинский договор „дружбы и торговли".[3] После Адуа все страны наперебой стремились заключить всевозможные договоры с Абиссинией, но лишь одна Франция имела в Абиссинии нечто более реальное: железнодорожную концессию плюс фактическое преобладание во всем, что касалось внешней политики и торговли.

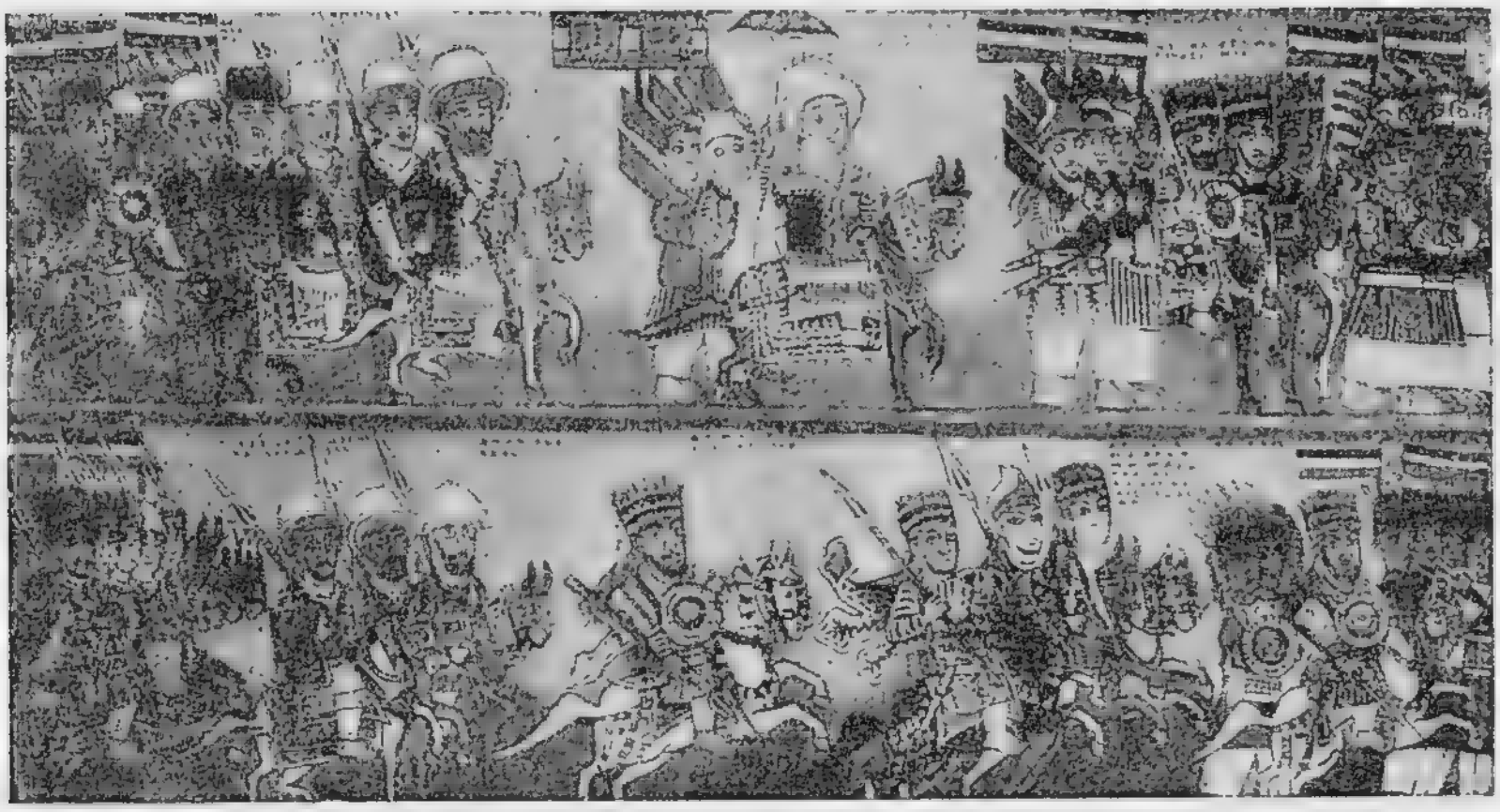
Могла ли Англия спокойно отнестись к определенному франкофильству Менелика?

---

[1] Ch. Michel. Mission de Bonchamps, etc.

[2] G. Hanotaux. Le Partage de l'Afrique, pp. 133—135.

[3] Текст договора: Pierre-Alype, pp. 131—134.



Вельможи Эфиопии времен Менелика II. (Оригинал картины абиссинского художника Фере Хайвата хранится в музее ИАЭ.)

Англия всячески стремилась сорвать постройку французской железной дороги. Борьба разгорелась с особенной силой, когда в 1902 г. была закончена первая очередь линии: Джибути—Диредауа, длиною в 310 км, и новым соглашением права концессии были столь расширены, что дело стало походить на полный контроль Франции над страной. Соглашение это было учинено 6 февраля 1902 г. между правлением компании в лице француза Шеффно (советника Менелика) и губернатором французского Сомали—Бонуром.

Французское Сомали предоставляло компании, в течение пятидесяти лет, ежегодную субсидию в 500 000 франков. Эта финансовая поддержка предоставлялась на следующих (среди прочих) условиях:

Компания регистрируется на основах французского закона и должна иметь местопребывание [правления] в Париже.

Все увеличения акционерного капитала и эмиссия облигаций могут совершаться только с согласия французских министров колоний и финансов.

Без согласия французских министров колоний, иностранных дел и финансов не могут быть ни временно, ни совсем уступлены ни целиком, ни частью линии, принадлежащие компании между Джибути и долиной Аваш. Ни путем сдачи, ни путем продажи, ни иным путем.

Без согласия тех же лиц не может быть построена ни одна ветка между Джибути и долиной Аваш.

Французское правительство в Эфиопии будет иметь контроль над всеми мерами, необходимыми для сохранности и хорошего порядка железной дороги на Эфиопской территории и т. д.[1]

В этом соглашении все было предусмотрено, одно лишь было забыто: спросить мнение самой Абиссинии. Французская компания заключала договор с французским же правительством, а вопрос шел об Абиссинии.

Соглашение было вызвано в свет английской конкуренцией. Когда у компании, возглавленной двумя советниками Менелика, Ильгом и Шеффно, иссяк капитал, они обратились за помощью к французскому денежному рынку. Пока французские капиталисты торговались об условиях, англичане образовали „Интернейшионэл Эфиопиан Рейлвэй трест“ (Международный абиссинский железнодорожный трест), который принялся скупать акции и долговые обязательства компании в таком количестве, что французы испугались потери контроля над железной дорогой. При этом, англичане предполагали строить дорогу Аддис-Абеба — Бербера или Зейла.

В результате кампании, проведенной во француской прессе, необходимые кредиты были получены на условиях, указанных выше.

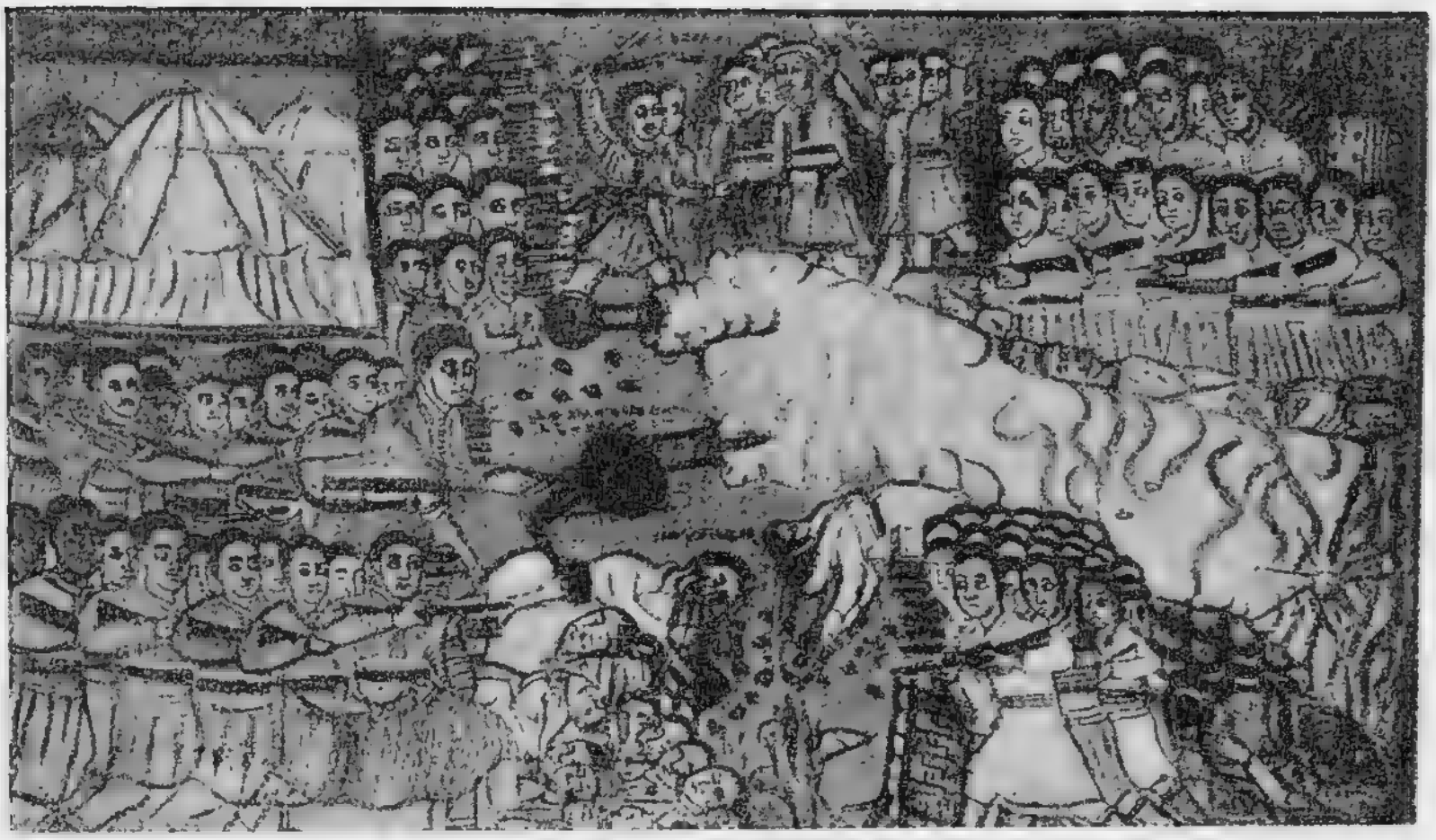
Менелик не согласен был итти на такое усиление роли Франции и вскоре, 15 мая 1902 г. подписал с Англией договор, в котором говорилось:

Ст. 1. — *Границы между Суданом и Эфиопией устанавливаются от Кхор Ум Хагара до Галлабата, по рр. Голубому Нилу, Баро, Пибор и Акобо до Мелиле, затем до пересечения между 6° сев. шир. и 35° вост. долг. по Гриничу.*

Ст. 3. — *Его величество итператор Менелик II, царь царей Эфиопии, обязуется перед британским правительством не устраивать и не разрешать устройства никаких сооружений на Голубом Ниле, озере Цана или р. Собате, которые задерживали бы течение их вод в Нил иначе как по соглашению с британским правительством в Судане.*

---

[1] Pierre-Alype, pp. 240—247, где напечатан текст полностью.



Борьба Менелика с феодалами. Рас Абата, посланный Менеликом, сражается с мятежником деджазмчем Абреха и берет его в плен. (Оригинал картины абиссинского художника хранится в музее ИАЭ.)

Ст. 5. — *Его величество император Менелик II, царь царей Эфиопии, предоставляет британскому правительству и правительству Судана право построить железную дорогу через территорию Абиссинии для соединения Судана с Угандой. Траса этой железной дороги будет избрана по соглашению между высокими договаривающимися сторонами.*[1]

Этот договор сильно улучшил позиции Англии в Абиссинии, в ущерб, разумеется, Франции.

Что же касается французской железнодорожной компании, то согласно одной английской газете[2] негус Менелик собрал 11 апреля 1905 г. иностранных представителей и концессионеров и заявил, что он прекратит конфликт из-за дороги тем, что построит ее сам „без чьей либо помощи“. Он выразил также сожаление, что французская компания вошла в 1902 г. с французским правительством в соглашение, в котором была задета его, Менелика, супрематия. Он всегда смотрел на постройку железной дороги как на коммерческое предприятие и никогда не предполагал, что она станет политическим инструментом в иностранных руках. Он поручил французскому послу информировать французское правительство, что расторгает концессию.

---

[1] Hertslet, II, pp. 431—432.

[2] „Colonial Dispatch“ от 18 V 1905.

Дело стало настолько серьезным, что французским империалистам пришлось пойти на компромисс с британскими и их союзниками итальянскими. Во французских официальных документах прямо было сказано в 1906 году: „Железная дорога не может остаться французской без соглашения с нашими соперниками, которым нам легко будет предложить компенсации, ибо они также имеют в Эфиопии интересы, которые мы можем признать. Англия хочет определить границы на северо-западе и юге, а также хочет получить проход по эфиопскому плато для ж. д. от Капа до Каира... Италия не хочет терять ничего из ее экономических выгод в районе и будет действовать охотно в согласии с нами, если будет уверена, что мы будем уважать ее интересы“ и т. д.[1]

Результатом англо-франко-итальянского компромисса явилось соглашение 1906 г. Ему предшествовали отношения столь напряженные, что, как указывал один французский писатель: „в отдельные моменты можно было ожидать серьезных конфликтов, способных нарушить европейский мир“.

Соглашение 1906 г. говорило в основном следующее:

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ИТАЛИЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО АБИССИНИИ

Лондон, 13 декабря 1906 г.

Ст. 1 — Франция, Великобритания и Италия будут сотрудничать в деле сохранения политического и территориального статус кво в Абиссинии.

Ст. 2 — Концессии, предоставленные одному государству, не должны нарушать интересов двух других государств.

Ст. 3. — (Обязательство сохранять нейтралитет и не вмешиваться во внутренние дела страны, в случае столкновений или внутренних изменений в Абиссинии).

Ст. 4. — В случае нарушения статус кво, определенного в ст. 1, Франция, Великобритания и Италия употребят все усилия для сохранения целостности Абиссинии. Во всяком случае они будут действовать совместно на основе соглашений, перечисленных в названной статье, для того чтобы охранить:

---

[1] Docum. Parliamentaire, 1906, Annexe 2661.

а) Интересы Великобритании и Египта в бассейне Нила, главным образом в отношении регулирования вод этой реки и ее притоков (оказывая должное внимание местным интересам), без нарушения итальянских интересов, указанных в § „б".

б) Интересы Италии в Абиссинии, поскольку они касаются Эритреи и Сомалилэнда (включая Бенадир), главным образом, в отношении хинтерланда ее владений и территориальной связи между ними к западу от Аддис-Абебы.

в) Интересы Франции в Абиссинии, поскольку они касаются французского протектората над Сомали, хинтерланда этого протектората и зоны, необходимой для постройки и эксплоатации железной дороги от Джибути до Аддис-Абебы.

Ст. 5. — (Принятие к сведению концессионного договора 1894 г. на жел. дорогу).

Ст. 6. — (Согласие трех правительств на продолжение жел. дороги от Диредауа до Аддис-Абебы с ветвью до Харара. Постройка может быть осуществлена абиссинской или частной французской компанией).

Ст. 7. — Французское правительство постарается устроить так, чтобы в правление французской компании или компаний, которым может быть поручена постройка и эксплоатация железной дороги от Джибути до Аддис-Абебы, были назначены 1 англичанин, 1 итальянец и 1 представитель абиссинского императора. Британское и итальянское правительства, со своей стороны, постараются устроить так, чтобы французский директор подобным же образом был назначен в правление всякой английской или итальянской компании, которая была создана или будет создана для постройки или эксплоатации железных дорог, идущих от какого-либо пункта в Абиссинии до какого-либо пункта в прилегающих английской или итальянской территориях.

Ст. 9. — Три правительства пришли к соглашению, чтобы все железнодорожное строительство в Абиссинии к западу от Аддис-Абебы происходило, поскольку иностранная помощь потребуется, под покровительством Великобритании. Точно также три правительства пришли к соглашению, что все железнодорожное строительство в Абиссинии к западу от Аддис-Абебы, соединяющее Бенадир с Эритреей, происходило,

поскольку иностранная помощь потребуется, под покровительством Италии...[1]

(Далее указывается право Англии построить при предварительном согласии Франции и Италии железную дорогу от Британского Сомали до Судана)...

Как видим из договора 1906 г., три империалистические державы договорились между собою о дележе Абиссинии и согласовании своих действий. В договоре закреплены фактические достижения трех стран в борьбе за захват Абиссинии и намечен план дальнейшего империалистического грабежа. Учиняя дележ, державы, разумеется, забыли спросить мнение самой Абиссинии, и Менелик не признал договора 1906 г. Тем не менее договор является доказателем временной передышки в предвоенной борьбе держав за Абиссинию, передышки, обусловленной наступившим общим сближением Англии с Францией в их европейской политике и распределением их сфер влияния в Африке.[2]

После соглашения 1906 г. предвоенная борьба империалистических держав за Абиссинию стихла. Внимание империалистических соперников перенеслось на другие участки земного шара и борьба держав за передел мира в конце концов привела к мировой войне.

Следует отметить, что и русский империализм проявлял интерес к Абиссинии, что выражалось, например, в посылке ряда официальных и частных миссий, гражданских, военных и поповских экспедиций (Ашинов, Паисий, Ефрем, Леонтьев, Булатович и др.). Здесь уже история переходит часто в гротеск или скорее в фарс.

* * *

---

[1] Полный английский текст: Hertslet, II, pp. 436—444, франц. текст см. Piere-Alype, pp. 187—195. Русский перевод (без приложений): „За рубежом", 1935, № 30.

[2] Известную роль в стимулировании соглашения 1906 г. сыграло и непосредственное проникновение Германии и других стран на абиссинский рынок.

К. Н. ЛУКНИЦКИЙ

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА

Абиссинский партизанский пост в горах.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ

История капитализма неразрывно связана с захватом и порабощением колониальных стран. В эпоху империализма, как это блестяще показал Ленин в своей работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“, раздел мира великими державами закончился. „Империализм начала XX века, — писал Ленин, — докончил раздел мира горсткой государств“. Этот окончательный раздел мира, явившийся следствием громадной колониальной экспансии, неразрывно связан с монополистической природой последней стадии капитализма. Окончательный раздел мира тесно связан с господством монополии и финансового капитала, с вывозом капитала, с появлением на мировой сцене международных монополий, со всеми основными признаками империализма.

В результате империалистической экспансии с восьмидесятых годов прошлого столетия до первых десятилетий нынешнего завершается раздел Азии, Океании и Южной Америки и происходит полный раздел черного материка — Африки.

Ореолом славы окружает капиталистический мир знаменитых путешественников — Ливингстона и Стэнли, Рольфса, Нахтигаля, Спика, Гранта, Швейнфурта и Эмин-Пашу, пролагающих для империализма пути в северной, западной, восточной и центральной Африке. Воды рек Нила, Нигера, Конго и Замбези орошаются кровью народов Африки. Черный континент рассекается вдоль и поперек на отдельные части английскими, немецкими, французскими и итальянскими саблями и штыками. Тот, кто сильнее, получает больше. Египет, Судан, Гамбия, Нигерия, Уганда, Кения, Родезия, Бечуаналэнд, колонии Оранжевой реки и Трансвааль переходят в руки первой колониальной державы — Англии. Франция захватывает Тунис, Дагомэ, часть Конго, часть Марокко, Сахару, Мадагаскар и расширяет Сенегал. Германия получает Того, Камерун, Танганайку и часть юго-западной Африки. Молодой итальянский империализм приходит позже всех. Ему достаются пустынные Триполи, Эритрея и часть Сомали.

Из всей Африки лишь Либерия и Абиссиния остаются перед империалистической войной неразделенными. Италия, как мы видели, не сумела овладеть Абиссинией, этой горной страной.

Империалистическим державам колонии нужны, как монопольные рынки сбыта, сырья, вложения капиталов. Загнивающему капитализму нужны дешевый колониальный труд и колониальные сверхприбыли.

Италия была обделена в итоге раздела мира. Она не получила ни ценных источников сырья, ни сколько-нибудь емких рынков сбыта или вложения капиталов. Италия бедна сырьем. У нее нет ни нефти, ни угля, ни железа, ни каучука. Она вынуждена привозить сырье, нужное для ее промышленности, из-за границы. Итальянские капиталисты с завистью смотрят на капиталистов французских и британских, живущих на жирные колониальные прибыли. Все итальянские колонии можно променять за десяток рудников Родезии или дюжину плантаций Цейлона.

Неравномерность раздела мира видна хотя бы из того, что в 1915 г. на каждого жителя метрополии приходилось жителей в колониях:

Великобритания	8.6
Голландия	7.5
Франция.	1.2
Германия	0.2
Италия	0.01

Неравномерный раздел мира привел к борьбе за передел, вылившийся, в конце концов, в мировую империалистическую войну.

Италия пошла в мировую войну с надеждой получить новые колонии. Союзники обещали Италии колонии, как плату за участие в войне на их стороне. В 1915 г., при вступлении Италии в войну, она заключила с Антантой секретный договор, в котором говорилось: „В том случае, если Англия и Франция увеличат за счет германской территории свои колониальные владения в Африке, обе эти державы принципиально согласны, что Италия также должна получить соответствующую компенсацию. Особенно это относится к расширению границ итальянских колоний в Эритрее, Сомали и Ливии, а также и к некоторым прилегающим к ним колониям, принадлежащим сейчас Англии и Франции".

Однако союзники „обидели" Италию. По окончаниии войны, она не получила почти ничего из колониальной добычи. Передел мира оказался столь же неравномерным, как и довоенный раздел. Кто был сильнее, тот снова получил больше других. Больше всех получили Англия и Франция, и без того самые богатые колониями страны. Англии достались: Танганайка, Юго-западная Африка, Палестина. С Францией она поделила Того и Камерун. Франция, кроме того, получила Сирию и т. д. Италия не получила ни одного мандата на колонии. Ей дали только маленький кусочек в английской колонии Кения у реки Джуба и маленькие прирезки у границы Египта. Мировая война лишь усилила неравномерность раздела мира, и в числе обиженных оказалась Италия. Победители, хозяйничавшие в Версале, воспользовались ее военной и экономической слабостью.

Италия не переставала возмущаться против „несправедливого" дележа военной добычи и обида Италии была в числе не последних причин, содействовавших приходу к власти воинствующего итальянского фашизма во главе с Муссолини.

Бывший итальянский министр иностранных дел Гранди недавно выражал итальянские жалобы в следующих словах: „Общественное мнение во всем мире начинает спрашивать себя, как могли государственные люди разделить громадные колониальные территории, не принимая во внимание единственную страну, для которой рост населения создавал жизненную и острую проблему? Как могли государственные люди, распределяя колониальные мандаты, передавать их Великобритании, Франции,

Японии, Бельгии, Южной Африке, Новой Зеландии, минуя Италию? Почему они, рискуя причинить итальянскому народу глубокую обиду, решились создать столько искусственных затруднений и помех итальянским национальным стремлениям, почему, короче говоря, Италия — лойяльный член победоносной коалиции — была намеренно оттолкнута, зачем было в ней вызывать недовольство? Без сомнения, итальянская дипломатия допустила ошибки в Париже, но это не меняет того факта, что представители Англии, Франции и Соединенных Штатов в основном не понимали итальянских нужд, не понимали, что Италия была молодой, активной страной, вступившей в новую фазу экономического и демографического развития, что ее одушевляли новые идеи, принявшие форму, более мужественных концепций будущего нации и роли государства. Их ошибка тем более странна, что ведь они имели в руках ключ к пониманию новой политической ситуации Италии. Ведь Италия не была втянута в мировую войну силой сложившихся условий. Ее вмешательство представляло добровольный акт. Прежде чем вовлечь страну в такое предприятие, правительство постаралось обеспечить право Италии на компенсацию после окончания войны... Разве после того удивительно, что Италия ушла с конференции с чувством, что ее интересы и права нарушены, что ее обманули и ограбили, ушла с решением исправить эти ошибки и получить компенсацию?[1]

Итальянский фашизм является самым оголтелым выразителем интересов итальянского империализма.

Милитаризм является жизненным проявлением империализма. Итальянский фашизм является активным выразителем воинствующего итальянского империализма.

Империализм нельзя мыслить без внешней экспансии, без борьбы за передел мира. Итальянский фашизм одной из главных своих целей поставил создание великой итальянской империи путем внешних завоеваний.

Итальянские фашисты во внешней политике, таким образом, не являются новаторами. Они идут по стопам воинствующего японского империализма, британских, французских и германских довоенных и послевоенных „джингоистов“. Особенность итальян-

---

[1] „The Foreign Policy of the Powers“. Сб. статей, New-York, 1934, pp. 79 ff. Цитир. в ст. К. Радека. Итало-абисс. война и великие империалистические державы. Большевик, 1935, № 19, стр. 25—26.

ского фашизма лишь та, что он один из первых стал выразителем самой воинствующей части буржуазии. Немалую роль тут сыграла итальянская обида при дележе военной добычи.

Глава итальянского фашизма, Муссолини, не раз высказывал воинствующие принципы итальянского империализма. 11 декабря 1925 г. Муссолини заявил: „Считаю итальянский народ находящимся в перманентном состоянии войны. 5 или 10 ближайших лет будут иметь решающее значение для судеб нашего народа. Они будут решающими, ибо борьба между народами есть и будет с каждым днем все острее, и нельзя допустить, чтобы можно было сказать о нас, что мы вышли с запозданием на историческую арену".

25 мая 1927 г. Муссолини заявил: „Основная обязанность фашистской Италии — это подготовка всех вооруженных сил на суше, на море и в воздухе. Мы должны иметь возможность мобилизовать 5 млн. людей, мы должны укрепить наш флот. Наша авиация, вера в которую у меня с каждым днем растет, должна быть так сильна, чтобы гул ее моторов заглушил все другие звуки, чтобы наши крылья затемнили небеса, и тогда, когда в 1935 г. мы достигнем переломного момента в истории Европы, мы будем в состоянии добиться признания наших прав. Эта подготовка потребует еще нескольких лет".

В 1932 г. в статье в итальянской энциклопедии Дуче писал: „Только война приводит человеческую энергию к величайшему напряжению и покрывает честью народы, которые имеют мужество вести ее. Все другие формы испытания народов — это подделка, которая никогда не ставит человека перед высшим решением, перед выбором между смертью и жизнью".

Вслед за Муссолини и другие идеологи итальянского фашизма твердят, что война — это идеал, к которому нужно стремиться. „Война и мир, — пишет фашистский теоретик Риччи, — являются двумя одинаково необходимыми фазами жизни народов для их развития, величия и будущего".

Бывший генеральный секретарь фашистской партии Джуриати следующим образом излагает „философию истории": „Мир — это господство насилия, а не справедливости. Мир — это не что иное как более или менее продолжительный промежуток времени, необходимый для подготовки новой войны".

И, следует отдать справедливость, итальянский фашизм много сделал для осуществления поставленного им идеала. Итальян-

ские фашисты проявили большую энергию в деле милитаризации Италии, в деле укрепления своих военных сил. Италия создала первоклассную авиацию, первую, совершившую большой трансатлантический перелет. Италия одна из первых моторизировала армию. Итальянский морской флот сильно реконструирован и насчитывает в своих рядах быстроходные крейсера, истребители и подводные лодки. Итальянский фашизм проводит усиленную милитаризацию населения. Фашизм, по словам Гантизона в „Тан", „формирует душу молодежи в огне милитаристского опьянения, которому придается сила религиозного экстаза. „Итальянец проходит военное обучение с раннего детства и почти до самой старости. Понятия гражданина и солдата признаются неотделимыми друг от друга. Каждый физически здоровый итальянец, в возрасте от 8 до 55 лет, в обязательном порядке поступает в военные или в военизированные организации. С 8 лет итальянец подчиняется строгой военной дисциплине и получает физическое и моральное воспитание, подготовляющее его к выполнению обязанностей солдата. С 18 до 21 года он проходит в обязательном порядке курс предварительной военной подготовки или поступает в особые отряды по подготовке летчиков, военных телеграфистов, моряков и т. п. Число молодых людей, проходящих военную подготовку, доходит ежегодно до миллиона. В возрасте 21 года итальянец поступает в казарму. Отбыв срок военной службы, гражданин-солдат подлежит до 32-летнего возраста еженедельному военному учению по субботам. До 55 лет итальянец состоит в запасе. Каждый итальянец должен быть солдатом. Итальянец, не являющийся солдатом, не желающий или не могущий с оружием в руках служить отечеству, не считается полноценным гражданином. „По своей вине или нет, — писала недавно «Джорнале д'Италия», — граждане, не носящие солдатскую форму, это несчастные, которых надо оплакивать и которые никогда не смогут рассчитывать на командную должность в государстве".

Вооруженная до зубов Италия разрабатывает широкие планы создания великой Италии в границах Римской империи. Итальянские завоеватели направляют свои взоры на Австрию, которая уже в значительной мере экономически и политически зависит от Италии; на Венгрию; на восточный берег Адриатического моря, где Италия имеет уже опорный пункт в виде Албании; на Аравийский полуостров, где итальянцы ведут усиленную анти-

английскую пропаганду; на Африку, которая, по их мнению, должна стать итальянским континентом. Средиземное море должно стать итальянским озером. Еще во время империалистической войны вышла книжка итальянца Россо, в которой намечались завоевательные планы Италии. Россо обрушивался на союзников Италии — Англию и Францию, захвативших германские колонии в Африке. Он требовал расширения границ североафриканской итальянской колонии Ливии и предоставления в качестве исключительной сферы влияния Йемена, отделенного от Эритреи Красным морем. Йемен, мол, дополняет Эритрею в географическом отношении. По климату и почве он богаче всех арабских стран, взятых вместе. Эритрея, Йемен и Абиссиния были связаны между собой в течение двух тысячелетий. Россо заявлял о необходимости установления „нового равновесия в восточной Африке". Вопреки договору 1906 г. он требовал, чтобы Абиссиния была признана исключительной сферой влияния Италии. Англия и Франция должны отказаться от своих владений, разделяющих Эритрею и Итальянское Сомали. Россо требовал далее захвата Италией большей части Малой Азии, включая Смирну.

Муссолини заявлял о том, что: „Италия могла бы прежде всего цивилизовать Африку и положение Италии в Средиземном море дает ей это право и возлагает на нее эту обязанность".

Широкие империалистические замыслы Италии встретили после войны прежде всего сопротивление Франции. Францию беспокоило усиление итальянской авиации и ее морского флота, она неравнодушно относилась к планам итальянского преобладания в Средиземном море. Три четверти французских колоний находятся в Африке. На севере Африки Франция имеет Марокко, Алжир, Тунис. Могла ли Франция согласиться на итальянские претензии „цивилизовать" всю Африку? Особенное противодействие Франции встречало итальянское проникновение в Тунис. Франция выхватила в 1881 г. Тунис почти из рук Италии. Итальянские империалисты всегда рассматривали этот захват Туниса Францией „незаконным", „ограблением Италии". Большинство белого населения в Тунисе — итальянцы и расположен Тунис на африканском берегу против Италии. Францию беспокоили также ревизионистские планы Италии, ее недовольство версальским разделом мира.

Гранди писал о франко-итальянских отношениях в послевоенное время: „... государственные люди в Париже не видели

идеалов нового итальянского поколения, они не понимали и практического значения итальянского вопроса. Стабилизация Европы отнюдь не требовала, чтобы Италии был отрезан путь, на который ее толкали потребности растущего населения. Отнюдь не в интересах европейской цивилизации было снижать новый дух энергии, жививший итальянский народ... Государственные люди Франции проявили самое большое непонимание реального положения Италии, и это было первой причиной неуверенности и неустойчивости франко-итальянских отношений после войны". Чтобы ослабить Францию, Италия поддерживала Германию. „Центром итальянских стремлений было создание условий, уменьшающих неравенство итало-французских сил. Надо было либо добиться громадного роста своих военных сил, либо уменьшения военных сил Франции или усиления Германии. Первый путь был ограничен финансовыми возможностями Италии. Сколько бы Италия ни вооружалась, Франция успевала опередить ее. Уменьшение французских вооружений было возможно только путем международного договора, увеличивающего французскую безопасность. Уменьшение темпа вооружений соответствовало интересам итальянской политики, но оно могло быть достигнуто только через ослабление франко-германских противоречий. Поэтому итальянский фашизм принял участие в Локарнском договоре, на основе которого он сделался, вместе с Великобританией, гарантом «статус кво» на Рейне. Но итальянский фашизм отдавал себе полный отчет в том, что Локарнский договор не решает вопроса, что Германия будет стремиться к ликвидации Версальского договора, к отвоеванию права на вооружения и к переделу мира. Итальянский фашизм, добиваясь ослабления позиций Франции, высказывался за ревизию Версальского договора, за возвращение Германии права на вооружение".[1]

С Англией у Италии первые годы после войны не было особых противоречий. Британский империализм попрежнему рассматривал Италию как своего союзника и в Европе и в Африке. Он по инерции не считал Италию сильной державой, могущей стать поперек британского пути. Итало-французские противоречия и ревизионистские стремления Италии не нарушали непо-

---

[1] К. Радек. Итало-абиссинская война и великие империалистические державы. Большевик, 1935, № 19, стр. 32.

Негус Тафари Хайле Селасси.

средственно британских интересов. Англия сама не желала слишком большого усиления Франции и не раз поддерживала Германию в ее попытках ослабить путы Версальского мира. Итало-французские противоречия на Средиземном море Англия рассматривала со своей точки зрения „разделяй и властвуй" как выгодные для британского империализма, делающие Англию верховным арбитром и хозяином на Средиземном море.

В Абиссинии Англия проводила, попрежнему, политику сотрудничества с Италией. В ноябре 1919 г. итальянская делегация обратилась с предложением к великобританскому правительству о поддержке Италией Англии в ее стремлении получить концессию на постройку плотины на озере Цана и поддержке Италией „Великобритании с целью получения последней права построить и содержать автомобильную дорогу между озером Цана и Суданом". В обмен на эго Италия просила „поддержки Великобритании для получения от правительства Эфиопии концессии, необходимой для постройки и эксплоатации железной дороги от границы Эритреи до границы Итальянского Сомали", а также предоставления Италии „исключительного влияния в западной части Эфиопии" и т. д. В декабре 1925 г. Англия и Италия обменялись нотами, в которых они договорились на основе предложений, высказанных итальянской делегацией в 1919 г. Британское правительство соглашалось благосклонно принять „поддержку Италии, которая была ему предложена". „Взамен британское правительство готово поддержать шаги итальянского правительства с целью получения от правительства Эфиопии концессии на постройку и эксплоатацию железной дороги от границы Эритреи до границы Итальянского Сомали". „Если британское правительство получит при ценном содействии итальянского правительства желаемую им концессию на озере Цана, то оно будет готово признать экономическое влияние Италии на западе Абиссинии, на всей территории, которую будет пересекать вышеупомянутая железная дорога" — так говорила нота британского посла Грэхема на имя Муссолини. Ответная нота от имени последнего подтверждала согласие итальянского правительства на взаимную поддержку в Абиссинии. В ней указывалось, между прочим, что: „итальянское правительство приняло к сведению, что британское правительство признает уместным распространить на указанный вопрос

принцип дружественного сотрудничества, оказавшийся столь ценным в других областях...“

Абиссиния опротестовала эти ноты, в которых, по словам регента Тафари, Англия и Италия „договорились без нашего ведома относительно своих интересов в Эфиопии“... тем не менее они остались дипломатическими документами, указывающими на известное единство англо-итальянской политики в Абиссинии в 1925 г.

В 1928 г. Италия заключает с Абиссинией договор о дружбе:

ИТАЛО-АБИССИНСКИЙ ТРАКТАТ О ДРУЖБЕ

от 2 августа 1928 г.

Ст. 1. — Непрерывный мир и постоянная дружба будут господствовать между Италией и Абиссинской империей.

Ст. 2. — Оба правительства взаимно обязуются не совершать ни под каким предлогом никаких действий, способных вредить или наносить ущерб независимости другого, и ограждать интересы своих стран.

Ст. 3. — Оба правительства обязуются развивать и поощрять торговлю между обеими странами.

Ст. 5. — Оба правительства обязуются подвергать согласительной и арбитражной процедуре спорные вопросы, которые могли бы возникнуть между ними и которые не могли бы быть разрешены нормальными дипломатическими средствами, не прибегая к силе оружия. Оба правительства, по их совместному соглашению, обмениваются нотами относительно способа назначения арбитров.

Договор этот, возможно, был призван усыпить бдительность Абиссинии. Одновременно с ним Италия заключила с Абиссинией конвенцию о постройке автомобильной дороги от Ассаба до Дессие и приступила к конкретной подготовке захвата Абиссинии. Был построен ряд дорог в Эритрее и Итальянском Сомали. На границах Италия создала множество военных постов, в которых были расквартированы хорошо вооруженные итальянские отряды. Итальянское дорожное строительство встретило сопротивление Франции. Особенно разгорелась борьба между Италией и Францией в 1930 г. из-за проникновения в район Уолло.[1]

[1] См. об этом соперничестве: Крейтнер, стр. 30—31.

В самые последние годы во франко-итальянских отношениях наступило существенное изменение. Здесь сыграло роль изменение международной обстановки, вызванное приходом к власти в Германии фашистов и последующими довооружениями Германии. Италия боится слишком большого усиления Германии. Итальянской внешней политике противоречит усиление позиций Германии в Австрии и в юго-восточной Европе, на Дунае. Италия решительный противник аншлюсса: присоединения Австрии к Германии. В 1934 г. Германия пыталась захватить Австрию изнутри путем свержения правительства Дольфуса силами австрийских национал-социалистов. Всем известно, что попытка национал-социалистского путча воодушевлялась из Германии, где наготове стояли австрийские отряды. Италия ответила на это частичной мобилизацией и угрозой занять Австрию. Столкновение Италии с Германией, главным образом из-за Австрии, толкнуло Италию к урегулированию своих отношений с Францией. Гранди в 1934 г. констатировал, что отношения Франции и Италии „в последние годы... начали улучшаться". Редактор „Джорнале д'Италия", авторитетный Гайда, писал 7 марта 1935 г.: „Италия, стремясь к европейскому равновесию, поддерживала Германию, зачастую выступая против французской политики, в то время как Франция стремилась совершенно уничтожить Германию. Политика Муссолини считает необходимым существование сильной, хотя и не играющей руководящей роли в Европе, Германии... К концу 1933 г. окрепшая Германия под давлением необходимости начала добиваться больших успехов в международной политике, все в большей степени за счет Австрии, после того как убедилась, что все другие пути для нее закрыты. Движение за аншлюсс с Австрией отнюдь не вчерашнего происхождения, но лишь за последние два года эта проблема обострилась из-за открытого вмешательства Германии. Тут-то мы и приходим к пункту, где Италия отмежевывается от Германии. Дело в том, что теперь попытка Германии подчинить и аннексировать Австрию означает серьезную угрозу европейскому равновесию. Италия для защиты этого равновесия сейчас выступает против Германии".[1] Раз против Германии, значит — с Францией. В январе 1935 г. французский премьер Лаваль приехал в Рим и заключил с Муссолини соглашение

[1] Цит. у Е. Варга. Итальянский фашизм и поход на Абиссинию. Большевик, 1935, № 13, стр. 25—26.

по ряду вопросов. Италия получила от Франции, в порядке исправления границ, прирезки территории в пустыне южной Ливии и узкую полоску земли во Французском Сомали. Был урегулирован вопрос об итальянских подданных в Тунисе. Кроме того Италия получила двадцатипроцентное участие во французской железной дороге Аддис-Абеба — Джибути, а также ряд имеющих большое стратегическое значение островов в Красном море между Ассабом и Джибути.

В печати неоднократно поднимался вопрос, не обещала ли Франция Италии во время этих римских переговоров поддержку в Абиссинии в обмен за поддержку Италией Франции и Германии? Лаваль отрицал существование такого тайного соглашения, признавая лишь, что разговор касался только экономического проникновения Италии в Абиссинию. Однако, дело даже не в устном или письменном тайном или явном соглашении, а в общем повороте, наступившем в итало-французских отношениях. Факт, что Италия и Франция согласовали в ряде существенных вопросов свою политику в Европе и Африке, и это позволило, между прочим, Франции и Италии снять значительную часть войск с итало-французской границы. Нет сомнения, что в связи с улучшением во франко-итальянских отношениях итальянский империализм стал рассматривать международную обстановку как благоприятную для перехода к осуществлению своих завоевательных планов.

События на Дальнем Востоке также сыграли известную роль в приободрении Италии к осуществлению своих захватнических планов. Италия увидела, что захват Манчжурии прошел Японии безнаказанно. Лига Наций не сумела воспрепятствовать японской агрессии. Почему бы и Италии не попробовать?

* * *

ЗНАЧЕНИЕ АБИССИНИИ ДЛЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Объектом итальянской агрессии стала Абиссиния.

Какое значение имеет Абиссиния для Италии? Абиссиния имеет безусловную ценность, как источник сырья. Правда, известные запасы недр Абиссинии, как мы видели из гл. 3, еще не велики, но ведь они совершенно почти не исследованы.

„Естественные" богатства являются не столько продуктом природы, сколько истории. Сами абиссинцы и никто в мире не знает точно, какими могут оказаться запасы угля, нефти, золота и т. д. Кроме того, потенциальные возможности Абиссинии, как источника растительного сырья и вообще растительных продуктов, фактически неограничены. Разнообразие климатических зон Абиссинии, от полосы вечных снегов до жарких и влажных тропиков, дают возможность возделывать в стране почти все известные культурные растения. Особенное значение тут имеет возможность возделывания тропических и субтропических культур большого экономического значения, как хлопок, каучук, сахарный тростник, кофе и т. д.

Как рынок сбыта в настоящее время бедная и нищая Абиссиния имеет ограниченное значение, несмотря на свои 10 млн. населения. Однако, захват Абиссинии сулит Италии возможности превратить Абиссинию в базу торгового проникновения в соседние страны Африки и Азии.

Как рынок приложения капиталов, Абиссиния, несомненно, будет иметь немалое значение. Изучение экономики показывает те методы, которыми капиталисты извлекают громадные сверхприбыли из колониальных стран. Здесь капиталисты, на основе дешевого колониального труда, все капитализируют, т. е. превращают в капитал и сверхприбыли: и воду, и землю, и запасы недр и леса. Немалые выгоды извлекаются из постройки шоссе, железных дорог, портов и пр., расходы по которым несет обычно население колониальных стран, громадные же сверхприбыли кладутся в карман хищными колониальными предпринимателями. Нет сомнения, что Абиссиния во всех этих отношениях представляет объект отнюдь не хуже всякой другой колониальной страны при равных, скажем, территории, населении и природных условиях. И во всяком случае сравнение Абиссинии с тремя главными итальянскими колониями: Ливией, Эритреей и Сомали говорит далеко не в пользу последних. Это, прежде всего, пустыни с редким населением и весьма ограниченными экономическими возможностями. Правда и пустыни могут быть превращены в цветущие оазисы, как это не плохо показано в детской книжке Ильина „Горы и люди". Но это только в условиях социалистического хозяйства. Капитализм ищет в колониях дешевой, быстрой и легкой наживы. Этого не дают ни Ливия, ни Итальянское Сомали, ни Эритрея. Вывоз самой богатой

из итальянских колоний — Ливии — составляет в год всего каких-нибудь 30—40 млн. лир. На первом месте тут фигурируют губки и рыба, т. е. продукты моря, дальше идут кожи, смолы и красящие вещества и это почти все.

Словом, как рынок сырья, сбыта и приложения капиталов, Абиссиния может иметь для Италии некоторое значение, особенно в виду бедности самой Италии сырьем и малой экономической ценности наличных итальянских колоний. Следует, однако заметить, что опыт других империалистических держав, как Англии, Франции, Японии, Голландии, Бельгии, показывает, что освоение колоний идет не так уж быстро, как это часто хотят империалисты. Здесь требуется не только наличие у метрополии достаточных капиталов (чего у Италии нет), но и наличие у нее колониального опыта, армии энергичных колониальных деятелей, вроде английских „младших сынов", создавших заморскую британскую империю. Даже такая старая и богатая капиталами колониальная держава, как Франция, не сумела освоить хоть сколько-нибудь и десятой части своих колоний, и каких-нибудь двенадцать лет тому назад во Франции проводилась кампания, имевшая целью привлечь внимание к эксплоатации французских колоний.[1] Опыт Японии в Манчжурии показывает, что колониальные страны часто оказываются весьма дорогой затеей, выгодной первые годы, если не десятилетия, почти лишь узкой кучке военных спекулянтов.

Итальянские империалисты обосновывают свои колониальные притязания перенаселением Италии, потребностями найти выход для массовой итальянской эмиграции. Абиссиния, мол, может явиться территорией, куда будут переселяться миллионы итальянских рабочих и крестьян, не находящих себе применения в самой Италии. Этот довод не нов. Японские империалисты также обосновывали захват Манчжурии перенаселенностью самой Японии. Опыт Манчжурии опять-таки показал, что все эмиграционные планы — сплошной блеф. Ни о каких миллионах итальянских переселенцев в Африку говорить не приходится. Английский миссионер Матью в письме из Абиссинии в редакцию „Таймса" подвергает основательной критике доводы о возможностях итальянской эмиграции (в имеющую быть завоеванной)

---

[1] См., например: A. Sarraut. La mise en valeur des colonies françaises. Paris, 1923.

Абиссинию. Он приводит пример Эритреи, где живет всего 3500 европейцев. „Сколько из них чиновников военных и гражданских, торговцев, миссионеров и сколько крестьян, нашедших землю, чтобы ее обрабатывать рука об руку с жителями Эритреи и развивать ее производительные силы?“[1] — спрашивает автор.[1] О том же пишет и американский автор А. Витон в журнале „Нэшен“. „Как поле для колонизации Эфиопия... не продуктивна, — пишет он. — Итальянские чиновники, сильно преувеличивая, допускают, что Италия может рассчитывать поселить там [в Абиссинии] в ближайшие двадцать пять лет не более миллиона людей. Но даже этот миллион будет означать страшные расходы на перевозку — не только самих людей, но и их жен, семей и на перевозку оборудования и т. д.[2]

Главное значение Абиссинии для Италии не в ее экономических ценностях и не в мифических возможностях для переселенцев. Абиссиния для Италии лишь трамплин для разбега, лишь первый этап ее широкой империалистической завоевательной программы. „Поход на Абиссинию, — пишет товарищ Радек, — является частью большой программы итальянского фашизма, направленной на передел колоний и на завоевание позиции, соответствующей его великодержавным стремлениям“.[3]

Интересную иллюстрацию к этому тезису можно получить в статье Альберта Витона, которую мы только что цитировали в связи с вопросом об эмиграции. Автор следующим образом излагает планы Италии:

ПОСЛЕ ЭФИОПИИ АНГЛИЯ?

Какова же... цель Муссолини в эфиопской авантюре? Ответ следует дать не экономический, но политический.

Муссолини отправился в широкую кампанию, имеющую целью превратить итальянское королевство в империю. Эфиопия только начало; Средиземное море, превращенное в итальянское озеро, — конец. В глазах итальянских военных и дипломатических лидеров Эфиопия предназначена быть

---

[1] См. подробнее у К. Радека в его статье: „Война фашистской Италии против Абиссинии“ (Известия, 5 X 1935).

[2] A. Viton. After Ethiopia — England? Nation, 16 IX 1935, p. 429.

[3] „Известия“, 5 X 1935.

итальянским Гибралтаром, основой новой римской империи. Но куда Италия будет распространяться? Ответ на этот вопрос будет звучать фантастически вне Италии, но он является избитым местом в мечтах Муссолини. Муссолини предполагает взрастить итальянского имперского льва на трупе Британской империи. Почти каждый итальянец, вплоть до простого человека с улицы, убежден, что Британская империя или при смерти, или уже умерла и что необходимо иметь только сильное желание со стороны Италии, чтобы наследовать ее величие...

... Италия будет цвести на могиле Британской империи — сказал мне один видный итальянский экономист. Это объясняет войну в Эфиопии, решение Муссолини отвергнуть все дипломатическое противодействие, затратить миллиарды на страну сомнительной экономической ценности. Муссолини можно верить, когда он говорит, что британское противодействие не беспокоит его. Он готов, если необходимо, сражаться с Англией. Он считает, что Британская империя падет и что Италия сможет тогда занять Египет, Палестину и большую часть Африки, возможно с Индией в придачу...

Исходящие из этого убеждения имперские планы Муссолини совершенно просты: он рассчитывает употребить итальянские колонии как источник людских сил, нужных для завоевания Британской Африки. Даже для эфиопской войны итальянцы уже получили более 100 000 цветных солдат, а если Эфиопия будет покорена и умиротворена, они надеются иметь колониальную армию в полмиллиона. Их следующим пунктом нападения будет Египет, который они надеются отторгнуть от Англии в течение следующих двадцати пяти лет... Как только Египет будет в их руках, а это будет означать Суэцкий канал, вход в Красное море, — они уже контролируют выход из Красного моря — они направят стилет в сердце Британской империи — Индию. И под этой угрозой Англия не будет препятствовать захвату ими Аравии. За Аравией, в качестве итальянской колонии, последуют быстро Палестина, Ирак и Персия. После этого будет делом только округлить империю в Африке — Судан, Кения, Танганайка, Родезия. Более оптимистически настроенные итальянцы говорят об Индии и некоторые

даже об Австралии. Но вот что нужно отметить: вся империя должна быть построена без нарушения интересов Бельгии или Франции.

Это итальянская мечта и постоянная основа их внешней политики.[1]

Так пресса изображает итальянскую программу максимум. Абиссиния — лишь начало. Захват Абиссинии даст возможность Италии господствовать на Красном море, перерезать великий путь в Индию, угрожать Египту и Аравии.

Как всегда в истории, внешняя авантюра итальянского империализма стимулируется внутренними причинами. Кризис нанес жестокий урок фашистской Италии. Миллионная армия безработных — угроза фашистскому режиму. Государственный долг Италии за время с 1929 по 1934 г. возрос на 15 мрд. лир. Итальянский экспорт за тот же период упал в три раза. Чем отвлечь внимание масс от тяжелого экономического положения, чем занять безработных? — Войной.

Нет сомнения, что война не вылечит от кризиса, но во время войны тяжелое положение масс можно объяснить чрезвычайными обстоятельствами. Можно требовать жертв ради войны.

Некоторые авторы прямо указывали на то, что внешняя авантюра нужна была фашизму из внутренних политических соображений. Так, в одном из номеров британского журнала, посвященного Ближнему Востоку, „Нир Ист Энд Индиа“, писалось: „Фашистское правительство несомненно не в состоянии тратить в таком масштабе... оно испытало серию бюджетных дефицитов, национальный долг Италии быстро растет и налогоплательщик... обложен до ручки. Предполагается даже, что восточноафриканская экспедиция была предпринята, чтобы отвлечь его внимание от безработицы и волнений в самой Италии. Что бы ни случилось, правительство должно что-нибудь показать за деньги... Отсюда ясно, что Италию ничто не остановит. Режим должен итти своим путем или его дни будут сочтены“.[2]

Международная обстановка казалась Италии благоприятной для выступления в поход, шаткое внутреннее экономическое положение толкало фашизм на авантюру, объект был избран в виде Абиссинии. Оставался лишь повод для выступления.

Этим поводом стал инцидент в Уал-Уал.

---

[1] A. Viton. After Ethiopia — England?

[2] Near East and India, 25 VII 1935 г.

ИНЦИДЕНТ В УАЛ-УАЛ

За два месяца до инцидента в Уал-Уал, в октябрьском (1934 г.) номере руководящего французского журнала „Африк Франсез" римский корреспондент этого журнала писал: „За последний месяц здесь циркулирует странный слух: говорят, предрешена зимняя военная экспедиция в Абиссинию. Все — от швейцара до газетчика — открыто говорят о предстоящей частичной мобилизации и ищут в школьных учебниках более точных сведений об этой африканской стране, куда, как они предполагают, король и дуче пошлют их завоевывать победные лавры. Более или менее руководящие лица сообщают по секрету самые подробные детали: некоторые из собеседников утверждают, что мысль о наступлении одобрена в верхах в особенности потому, что оно позволит занять сотню тысяч безработных в течение предстоящей зимы, которая обещает быть в Италии не менее тяжелой, чем в других местах!" Римский корреспондент высказывал сомнение в правильности этого слуха, говоря, что трудно вообразить, что Италия решится на африканскую кампанию в тот момент, когда положение в Европе столь опасно. Он указывал, что пятьсот тысяч безработных будет дешевле занять в самой Италии или в ее колониях на общественных работах. Но, одновременно, этот весьма осведомленный корреспондент заявлял, что есть прецедент такому слуху. Осенью 1932 г. корреспонденту сообщили, что в высоких сферах решена абиссинская кампания. Гранди даже сообщил о ней Джону Саймону, но тот категорически возразил против проведения в жизнь проекта. Против проекта также возразили итальянские маршалы, которых поддержал премьер Алоизи и король.

Римский корреспондент намекал, что всякие сепаратные действия Италии в Абиссинии обречены на неудачу до тех пор, пока Франция не уступит порт Джибути и железную дорогу, а Англия не откажется от своего экономического проникновения в район озера Цана.

Но вот на что корресподент обратил внимание: Италия интенсивно вооружает свои колонии в восточной Африке. „Вооружение Эритреи и Сомали, по его мнению, факт, которого нельзя игнорировать". Увеличены значительно ассигнования. Возросли контингенты милиции. Усилилось снабжение военными материалами, расширилась значительно авиация. Весьма при-

мечательно, что сильно возросли итальянские перевозки по Суэцкому каналу. Перевозки всех стран за первый триместр 1934 г. увеличились против предыдущего года на 7%. Итальянские перевозки на целых 25%. Обращает внимание очень сильное укрепление и усиление порта Могадишу (в Итальянском Сомали), превращающее его в первоклассную морскую базу. Корреспондент констатирует наличие определенного „психоза войны".[1]

В ноябрьском номере „Африк Франсэз" тот же корреспондент, под псевдонимом „Либикус", разбирал вопрос об урегулировании Франции с Италией колониальных вопросов. В обзоре указывалось желание Италии найти выход за счет Абиссинии. Кончался обзор весьма многозначительными словами: „со дня на день, — писал Либикус, — может вспыхнуть конфликт или в стороне Судана и Чада, или же, почти наверное, в Абиссинии".[2]

Через месяц, действительно, произошел конфликт. И, как заявляет Италия, по вине Абиссинии. Италия, разумеется, его не ожидала и ни в чем не виновата.

Выслушаем беспристрастно обе стороны.

В меморандуме, представленном 15 января 1935 г. правительством Эфиопии в Лигу Наций, инцидент в Уал-Уал описывается следующим образом:

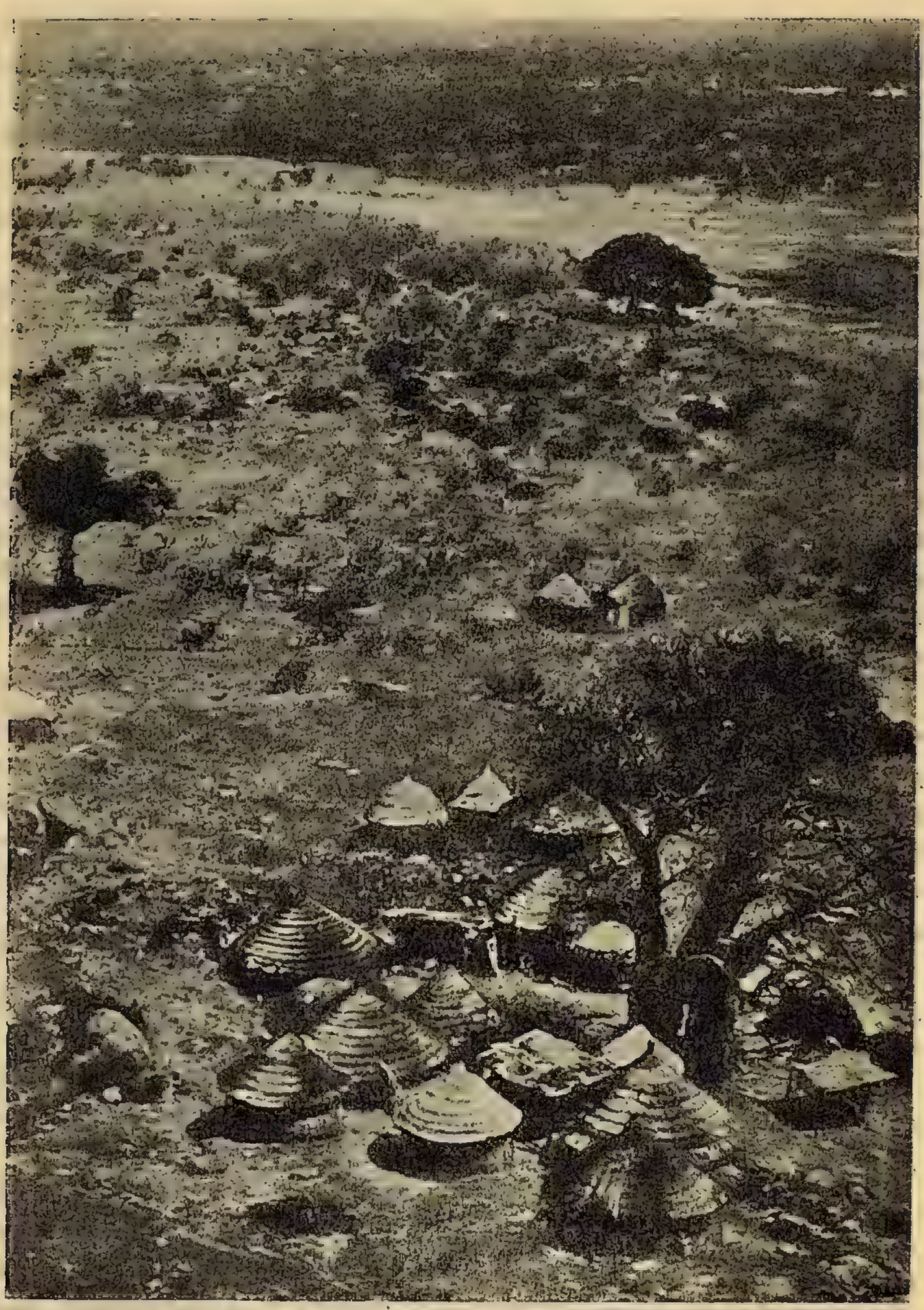
ИНЦИДЕНТ В УАЛ-УАЛ В АБИССИНСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. 23 ноября в Уал-Уал прибыла смешанная англо-эфиопская пограничная комиссия, обследовавшая пастбища в Огадене, могущие быть использованными жителями британского Сомали. Фитаурари Шиффера, губернатор Джиджиги и Огадена, командовавший эскортом, охранявшим смешанную комиссию, прибыл туда раньше, чтобы подготовить лагерь.

2. Прибыв в Уал-Уал, комиссия встретила там итальянский вооруженный отряд численностью около 250 человек. Командир отряда, младший офицер сомалиец, предложил комиссии под угрозой оружия удалиться. Комиссия и эскорт, однако, расположились в Уал-Уал, поблизости от источников воды. Когда были разбиты лагери британской и эфиопской

[1] L'Afrique Française, octobre 1934, pp. 602—604; см. также М. Джаллон, Итало-абиссинский конфликт. Революционный Восток, № 2, 1935, стр. 184—188.

[2] L'Afrique Française, novembre 1934, pp. 670—672.



Уал-Уал.

делегаций, на расстоянии, примерно, в 1350 м от них был обнаружен итальянский вооруженный пост.

Утром итальянский отряд арестовал младшего офицера сомалийца из эфиопского охранного отряда.

3. Комиссия послала днем 23-го протест командиру итальянского отряда по поводу чинимых отрядом препятствий свободному передвижению смешанной комиссии.

4—5. Итальянский капитан Чиммарута отказался обсуждать вопрос о протесте комиссии. Об арестованном сомалийце он заявил, что это был дезертир итальянской армии, добровольно вернувшийся.

6. Капитан Чиммарута пожелал отметить границу между расположившимися друг против друга итальянским отрядом и абиссинским охранным отрядом. Абиссинский комиссар не принял этого предложения. Капитан Чиммарута отказался удовлетворить просьбу отвести несколько назад свой отряд, чтобы эфиопский охранный отряд имел свободный доступ к воде. Капитан Чиммарута предложил абиссинцам брать воду за линией итальянского отряда под контролем последнего. Итальянский офицер отказался обсудить „модус вивенди" и угрожал призвать подкрепление.

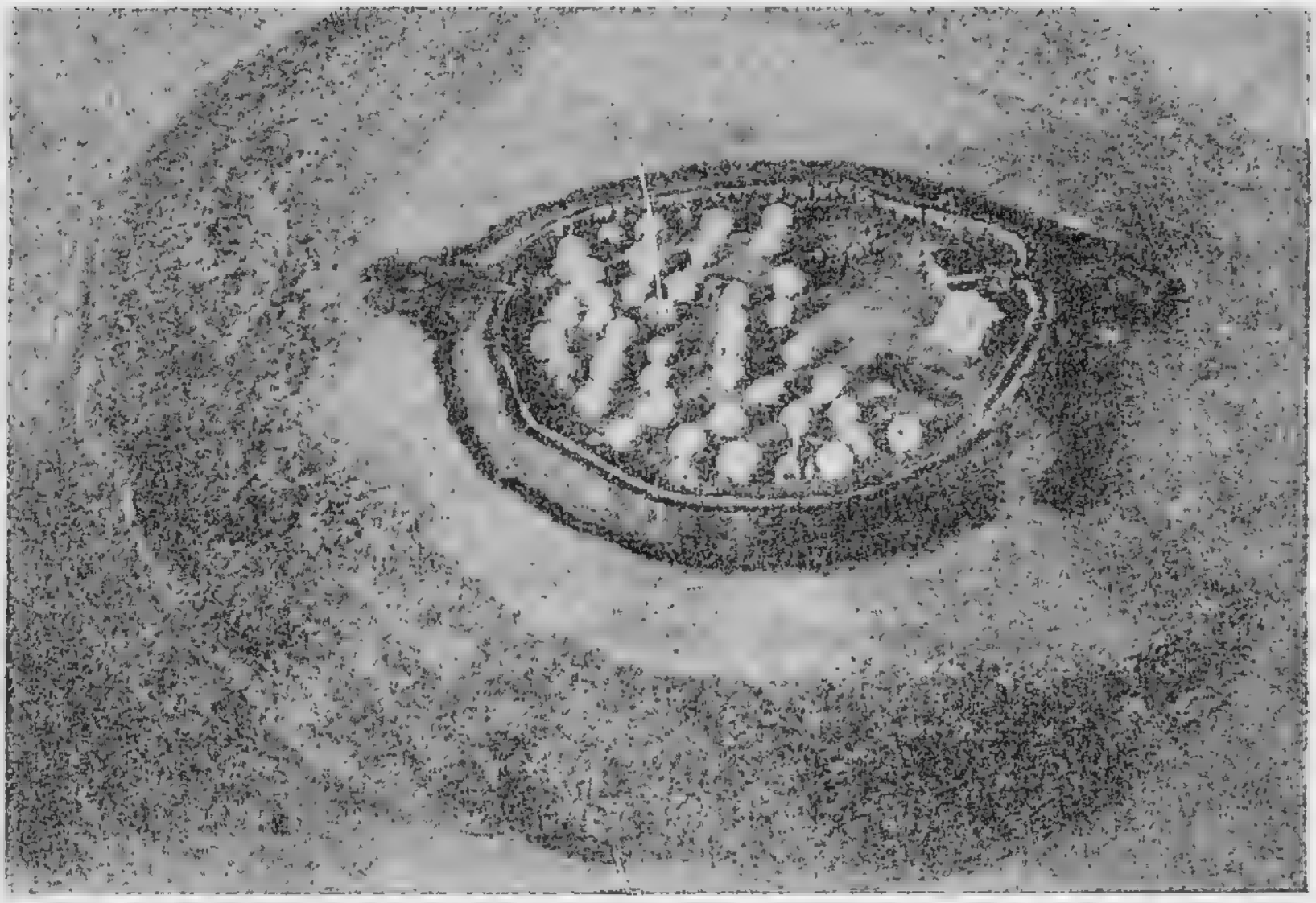
7. В 16 часов прибыли с юга два итальянских военных аэроплана. Они летали над британским и эфиопским лагерями и команда одного из аэропланов наводила на смешанную комиссию пулемет. Перед лицом этих угроз эфиопская и британская делегации заявили капитану Чиммарута протест и сообщили, что сразу же, как только смогут, они перенесут свой лагерь в Адо.

8. Утром 25 ноября британская и эфиопская делегации удалились в Адо. Эскорт и итальянский отряд остались на своих местах до 5 декабря.

9. 26 ноября капитан Чиммарута послал начальнику эфиопского охранного отряда угрожающее письмо, в котором называл эфиопского офицера вождем разбойников.

10. Уже в 1932 г. этот пустынный район стал посещаться итальянскими патрулями; это никоим образом не оправдывает устройства здесь итальянских вооруженных постов, водворение офицеров регулярной армии, распоряжение ими эфиопской территорией, препятствия свободному передвижению по национальной эфиопской территории регулярных эфиопских войск, составлявших охрану международной комиссии.

11. 5 декабря 1934 г. в 15 час. 30 минут итальянским отрядом капитана Чиммарута неожиданно и внезапно был



Итальянский редут в Уал-Уал. (По фотографии, заснятой 24 ноября 1934 г. Из документов, представленных в Лигу Наций.)

атакован эфиопский охранный отряд. Итальянцы пустили в ход танки и военную авиацию. Было убито большое число эфиопских солдат. Уцелевшие отступили в Адо, находящееся примерно в 30 км позади, где был лагерь смешанной эфиопско-британской комиссии.

12—14. Комиссия покинула Адо 8 декабря. В тот же день прилетели сюда итальянские военные аэропланы. Один из них сбросил 5 бомб, из которых одна не разорвалась. Она была привезена в Харадигит. Вес ее установлен в 27.5 фунт.

15. Итальянские аэропланы появлялись повсюду в Огадене. На эфиопский пост в Герлогуби были сброшены бомбы.

16. Эфиопские потери в сражении в Уал-Уал исчисляются в сто семь убитых и сорок пять раненых.[1]

Итак, абиссинцы утверждают, что итальянцы, утвердившиеся незаконно на эфиопской территории, беспричинно напали на эфиопский отряд, пустив в ход танки и аэропланы.

Итальянцы интерпретируют инцидент совершенно иначе:

[1] Société des Nations. Mémorandum du Gouvernement Imperial Ethicpien sur les incidents de Walwal, etc. Genève, 1935, pp. 2—4. Мы даем сокращенный перевод.

ИНЦИДЕНТ В УАЛ-УАЛ В ИТАЛЬЯНСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. Начиная с марта 1934 г., в Огадене были сформированы нерегулярные эфиопские банды под командой „эмигрировавшего" итальянского подданного Омара Самантара. В июле банды приблизились к Уал-Уал. Гарнизонам итальянских постов было приказано удвоить бдительность. В августе люди Омара Самантара, в виду недостатка воды, удалились из Уал-Уал в направлении эфиопского поста в Дагабуре.

2. Положение на сомалийской границе ухудшилось снова в ноябре. 19 ноября в зоне Данот в 100 км от Уал-Уал была установлена концентрация значительной группы вооруженных эфиопов. Омар Самантар со своими 400 нерегулярных передвинулся в Адо.

Эта группа вооруженных абиссинцев появилась на следующий день поблизости от Уал-Уал, и ее командир фитаурари Шиферра заявил о желании войти в переговоры с итальянскими властями. В виду того, что стало известным о приближении в направлении на Уал-Уал других эфиопских вооруженных людей, правительство Сомали, не зная о действительных целях эфиопов и нерегулярных войск Омара Самантара, послало в Уардер, в качестве меры предосторожности, три аэроплана.

3. Смешанная пограничная британо-абиссинская комиссия прибыла в Уал-Уал 23 ноября и расположилась лагерем против итальянского редута. Вооруженные эфиопы пытались с целью занятия редута немедленно перейти итальянскую линию, которую охраняли туземные итальянские солдаты. Туземные солдаты воспрепятствовали этому, не прибегая к силе и позволив эфиопам разбить свой лагерь на близком расстоянии. Капитан Чиммарута послал в тот же день письмо эфиопскоми командиру, прося того принять меры, чтобы предотвратить всякие инциденты. В ночь с 23 на 24 ноября капитан Чиммарута получил письмо, подписанное британскими и абиссинскими членами комиссии, с протестом по поводу препятствий к свободному передвижению „в Эфиопии в районе Уал-Уал". Между тем в эфиопский лагерь, расположенный против Уал-Уал, беспрерывно прибывали подкрепления, и вооруженные люди все больше и больше приближались

к итальянской линии и установили напротив нее другую линию на расстоянии только трех метров.

Капитан Чиммарута, во избежание инцидента, предложил 24-го отодвинуть итальянскую и эфиопскую линии. Он дал согласие на то, чтобы эфиопы пользовались водою в Уал-Уале. 25-го комиссия выбыла в Адо со своим собственным эскортом в 30 аскари и 50 вооруженных эфиопов, тогда как в Уал-Уал остались приблизительно 1100 вооруженных людей под командой фитаурари Шиферра и фитаурари Алемайо.

4. Следует подчеркнуть, что невозможно утверждать, что вооруженные эфиопы, сконцентрировавшиеся перед Уал-Уал, составляли эскорт смешанной англо-эфиопской комиссии.

5. Последующие дни положение становилось все более напряженным. Эфиопские войска прибывали беспрерывно не только к Уал-Уал, но также к постам поблизости от Адо и Герлогуби. Эфиопы пытались побудить итальянских туземных солдат к дезертирству и провоцировали их оскорблениями, кидая в них кости животных. Туземные итальянские солдаты, выполняя инстоукцию, не отвечали на эти акты провокации.

6. 4 декабря капитан Чиммарута, установив очень сильную концентрацию вооруженных эфиопов против Уал-Уал и их агрессивные намерения и факт, что ночью эфиопы пытались форсировать итальянскую границу, удаляя ветки и колья, ее обозначающие, и выказывая намерения открыть проходы, чтобы облегчить проникновение и последующую атаку итальянских позиций, послал фитаурари Шиферра и Тесама Бакти письмо, предупреждая, что все попытки форсировать линию, нами занимаемую, будут рассматриваться как направленные против итальянской территории.

7. 5 декабря в 17 ч. 30 м. началась атака эфиопов. Со стороны итальянских туземных войск не было никакой провокации. Сигналом к атаке был выстрел из ружья одного эфиопа. За ним последовала частая стрельба в итальянских туземных солдат со стороны эфиопов. Тридцать итальянских солдат пали мертвыми и многие были ранены. Атака эфиопов была неожиданной. Сражение продолжалось до ночи, когда прибытие подкреплений к итальянцам и возможность использовать более эффективно механические средства (три аэроплана и два танка) позволили отбить эфиопскую атаку.

Эфиопы отступили в беспорядке и покинули свой лагерь.[1]

Обе заинтересованные стороны подтверждают свое изложение событий всевозможными документами. Ни один документ, правда, не может доказать основное: кто первый начал стрелять 5 декабря. Однако, важно ли это? Кто бы ни был конкретным виновником инцидента в Уал-Уал, важно, что этот инцидент не был в интересах Эфиопии. Не в интересах Эфиопии было давать повод к нападению Италии. И, наконец, истинные намерения сторон показали последующие события. Из последовавших за инцидентом событий для всего мира стало ясным, кто стремился к мирному урегулированию конфликта и кто был агрессором.

Узнав об инциденте, эфиопское правительство заяьило протест. Со своей стороны итальянский посол также заявил протест и потребовал со стороны Эфиопии извинений. Абиссинское правительство, основываясь на договоре 1928 г. о дружбе, предложило Италии прибегнуть к согласительной процедуре и арбитражу. В ответ на это итальянский посол в Абиссинии в ноте от 11 декабря:[2]

а) утверждал, что Уал-Уал и Уардер принадлежат к Итальянскому Сомали;

б) одобрял полностью поведение капитана Чиммарута;

в) возлагал ответственность на эфиопское правительство;

г) требовал формальных извинений и наказания виновных;

д) требовал возмещения в двести тысяч талеров;

е) требовал выдачи итальянского мятежника по имени Омар Самантар.

На вторичную просьбу об арбитраже, направленную прямо в Рим, итальянское правительство также ответило отказом, настаивая на том, „чтобы репарации и извинения... были даны как можно скорее“.[3]

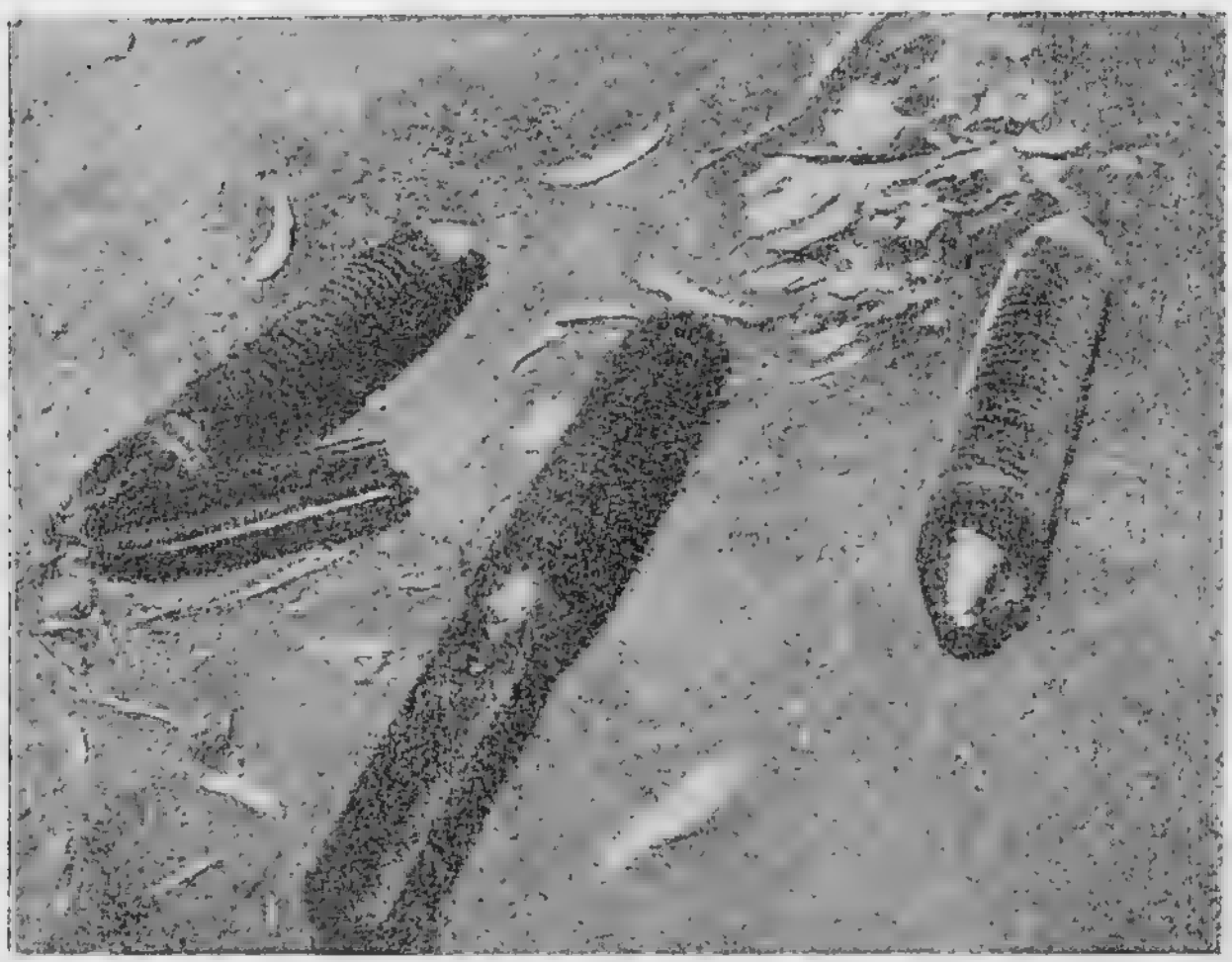
Тогда эфиопское правительство обратилось в Лигу Наций. В своем обращении в Лигу Наций эфиопское правительство привело вышеизложенное описание событий, а также указало

---

[1] Société des Nations. Mémoire du Gouvernement Italien etc. II. Documentations. Genève, 1935, pp. 120—121. Наш несколько сокращенный перевод.

[2] Société des Nations. Différend entre l'Ethiopie et l'Italie. Requête, etc. Annexe 2/6, pp. 10—12.

[3] Там же, стр. 12—13.

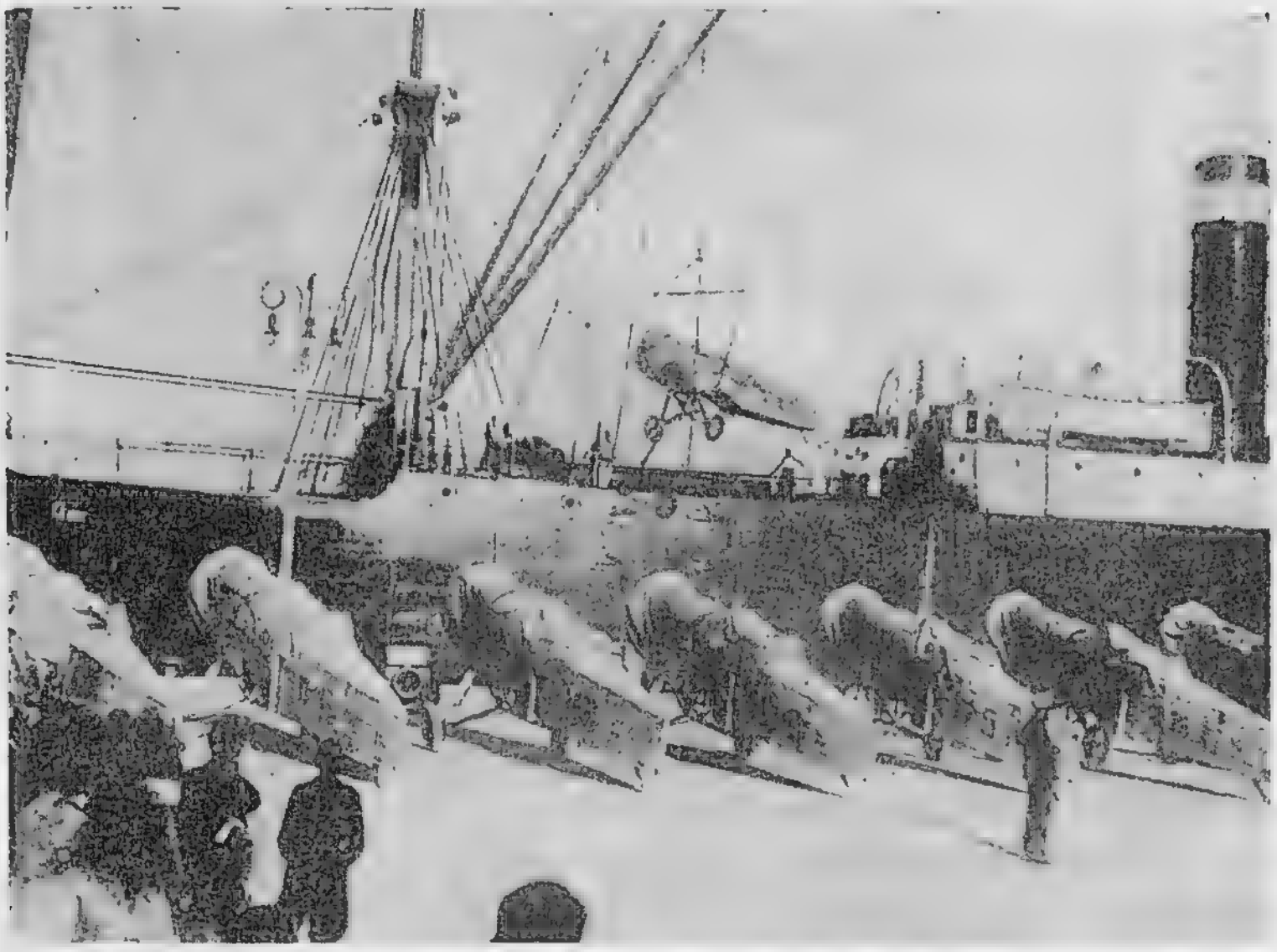


Бомбы, сброшенные с итальянских аэропланов во время одного из „инцидентов". (Из документов, представленных в Лигу Наций.)

на юридическую сторону вопроса о взаимоотношениях между Италией и Абиссинией и о принадлежности Уал-Уал. Договор между Италией и Абиссинией 1908 г. устанавливает направление границ между Абиссинией и Итальянским Сомали. По этому договору выходит, что вся территория Огаден относится к Абиссинии.

Это подтверждают изданные незаинтересованными сторонами карты. Эфиопское правительство ссылается на карту, изданную британским военным министерством в 1925 г. Выходит, что Уал-Уал находится на эфиопской территории в 100 км от итальянской границы.

Абиссинское правительство указывает, что оккупация итальянскими войсками Уал-Уал и Уардера, укрепления, устроенные в Уардере, над которыми поднят итальянский флаг, присутствие танков, означают оккупацию абиссинской территории и нарушают тем самым статью 10 устава Лиги Наций; что атака против эфиопского охранного отряда составляет акт агрессии против Эфиопии; налеты военных аэропланов в Адо и Герлогуби составляют новые нарушения международного права. Правительство Эфиопии протестует против нарушения независимости страны и надеется, что Совет Лиги Наций вмешается со всем необходимым авторитетом, чтобы



Погрузка на пароход итальянских аэропланов в Неаполе для отправки в Африку.

всеми мерами, которые он сочтет необходимыми, обеспечить защиту мира.[1]

Пока абиссинцы протестовали, итальянцы посылали в восточную Африку транспорты с войсками.

За инцидентом в Уал-Уал последовали новые „инциденты". 24 декабря правительство Эфиопии телеграфировало в секретариат Лиги Наций: „Итальянцы продвигаются вперед, строят дорогу Уардер — Ардо — Герлогуби. Итальянцы собираются занять Афдуб на эфиопской территории. Появление 21 декабря итальянского аэроплана над Герлогуби заставляет предполагать новую атаку на этот последний, уже ранее бомбардированный. Ухудшение положения вынуждает повторить протест".[2]

Телеграмма эфиопского правительства от 3 января сообщала о концентрации итальянских войск против Герлогуби и нападении на эфиопский гарнизон. Нота правительства Эфиопии от 1 февраля сообщала о столкновении абиссинцев с итальянцами в Афдубе и о новых полетах итальянских аэропланов над абиссинской территорией. Итальянский посол в Аддис-Абебе

---

[1] Idem, pp. 5—6.

[2] Société des Nations. Différend etc. Aide-mémoire, Genève, 1935, p. 5.

перелагал в ответ ответственность за инцидент на эфиопов. В последующие месяцы продолжался оживленный обмен нотами. В одной из них абиссинское правительство сообщало, что даже на итальянских картах Уал-Уал находится на абиссинской территории. Абиссинское правительство снова неоднократно предлагало мирным путем урегулировать вопрос. Итальянское правительство продолжало посылать в Африку войска и вести военную пропаганду. Война против Абиссинии — священное дело, ибо Абиссиния — варварская страна, которую можно цивилизовать, — заявляли фашисты.

В представленном в Лигу Наций меморандуме, итальянское правительство изображает Абиссинию варварским очагом зла, насилия, бандитизма, беззакония и анти-итальянской агрессии. Приводим краткий перечень итальянских обвинений Эфиопии.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБВИНЕНИЯ АБИССИНИИ

Ч. I. ИТАЛИЯ И ЭФИОПИЯ

I. Нарушение Абиссинией итало-абиссинских договоров

Нарушения договоров о границе с Эритреей: засада, устроенная против группы итальянских подданных; препятствия работам смешанной комиссии; незаконное занятие эфиопами итальянской территории; атака эфиопских грабителей в долине Мабра, насилие над женщинами и детьми и т. д.

Нарушения договоров относительно границы с Сомали: невозможность проводить работу по определению границы; военная оккупация эфиопами итальянской местности Сциллаве.

Нарушение договора дружбы 1928 г.: препятствия, чинимые правительством Эфиопии итало-эфиопской торговле; систематическое противодействие того же правительства итальянскому сотрудничеству в вопросах администрации, техники, социальных, гуманитарных, сельскохозяйственных, торговых и промышленных.

Нарушения договора Клобуковского об обращении в Эфиопии с иностранцами: абсолютное запрещение обладать недвижимой собственностью; препятствия свободе передвижения; исключительные монополии и привилегии на покупку и продажу; незаконное преувеличение таможенных прав; дискриминация между соседними странами; незаконные аресты иностранных подданных и т. д.

II. Акты, направленные против безопасности итальянских колоний и против итальянцев в Эфиопии

Эфиопские попытки агрессии против итальянских колоний во время войны с Ливией и во время европейской войны.

Агрессия против дипломатических представителей Италии.

Акты, направленные против жизни, собственности и интересов итальянцев.

Рейды, агрессии и попытки вторжения на итальянскую территорию.

III. Хронический беспорядок в Эфиопии

Хроническое состояние беспорядка в Эфиопии. Восстания и карательные экспедиции и т. д.

Ч. II. ЭФИОПИЯ И ЛИГА НАЦИЙ

I. Как Эфиопия стала членом Лиги Наций

(Указывается, что против ее принятия в Лигу возражали Англия и другие державы).

II. Политическая структура Эфиопии

Эфиопия и ее „колонии". (Здесь проводится разделение между собственно Эфиопией и территориями, „завоеванными ею". Негус господствует над другими народами, которые играют роль „рабов", и т. д.)

Дезорганизация общественной власти в Эфиопии: недостаточный авторитет центральной власти и т. д.

III. Нарушение Эфиопией ст. 23 устава Лиги Наций (говорящей об условиях труда)

IV. Нарушение Эфиопией обязательств перед Лигой Наций

Рабство в Абиссинии
Торговля оружием

V. Варварское состояние Эфиопии

Калечение и торговля евнухами. Людоедство и насилие над детьми. Жизнь прокаженных. Варварское право. Насилия. Эфиопские тюрьмы.

Все эти обвинения Эфиопии изложены на убористых 60 страницах итальянского меморандума и 150 страницах документации.[1]

Итак, Абиссиния по словам итальянцев — варварская страна, ее нужно цивилизовать. Эту священную цивилизаторскую миссию должна взять на себя фашистская Италия. Характер итальянской „цивилизаторской миссии" в Абиссинии виден

---

[1] Société des Nations. Différend entre l'Éthiopie et l'Italie, etc. Mémoire du Gouvern. italien sur la situation en Ethiopie. I. Rapport. II. Documentation. Genève, 1935.

из „походной песни“ фашистских отрядов, отправляемых в Абиссинию, приведенной в „Ационе колониале“ от 9 мая:

Если вы меня не знаете,
То взгляните на меня,
Я тот солдат,
Который нравится абиссинцам.
Бомбы в руки, ласки кинжала...
Если вы меня не знаете,
Посмотрите на мой мундир.
Я — пулеметчик,
Который потрошит рас...
Бомбы в руки, ласки кинжала...
Если вы меня не знаете,
То лучше ройте себе могилу.
Я — солдат,
Который всем ломает кости.
Бомбы в руки, ласки кинжала...

Иностранная печать сообщала об усиленной обработке в Италии общественного мнения и вербовки в солдаты многочисленных безработных. Вот характерная корреспонденция, опубликованная в „Нью-Йорк-Таймс“: „Помимо повсюду заметных военных приготовлений наблюдатель все яснее видит, как общественное мнение обрабатывается в предвидении войны. Во Флоренции, Милане и Турине население живет в ожидании войны не в Европе, а в Африке. В прошлом году никто не упоминал об Абиссинии. Шесть месяцев назад угрозы отправки карательной экспедиции вызывали малый интерес и не были популярны. Сегодня же перспективы экспансии в Африке обсуждаются повсюду. Изо дня в день на первых страницах газет всякое оборонительное мероприятие абиссинского правительства истолковывается как „воинственный“ шаг. Разговоры на улицах и в кафе о том, что военные действия начнутся в октябре, обычное явление, ибо сейчас невозможно маневрировать в стране, где нет дорог. Тем временем солдаты и военное снаряжение беспрерывно отправляются в итальянские порты в восточную Африку.

„Почти все безработные изъявили согласие вступить добровольцами в армию. Снятие с пособия тысяч безработных штукатуров, плотников, монтеров, вступивших в армию доброволь-

цами, дает возможность правительству успокоить брожение умов внутри страны и нанять квалифицированных рабочих фактически бесплатно. При помощи искусной пропаганды непопулярная авантюра стала настолько популярной, что когда Муссолини предупреждает население о том, что близятся тяжелые времена, то в толпе кричат с энтузиазмом: „Абиссиния!“ Никто не знает дальнейших планов правительства, но повсюду преобладает мнение, что негуса заставят согласиться на преобладающую роль Италии в экономическом развитии Абиссинии.

„Мы опоздали с Африкой. Другие страны, менее нуждающиеся, давно захватили африканские территории. Мы должны или вывозить ежегодно 4 миллиона человек или задохнуться“, — таков обычный аргумент“.

Французская газета „Попюлер“ указывала, что повторные инциденты, происходящие у границ Абиссинии, тоже входят в план подготовки войны.

Военные приготовления Италии и все более ожесточенная в ней кампания за войну стали привлекать к себе все больше внимания. Итальянское правительство рассчитывало на благоприятную для ее выступления международную обстановку. Оно рассчитывало, что поход на Абиссинию не вызовет слишком большого сопротивления европейских держав, прежде всего Франции и Англии. Разве не признали эти державы преимущественного права Италии на Абиссинию? — Англия в 1891 и 1925 гг., Франция в 1934 г. Разве не сошел Японии даром захват Манчжурии?

Однако, Италия в этом несколько ошиблась. Она натолкнулась прежде всего на сильнейшее сопротивление Англии. Сопротивление Англии итальянскому походу на Абиссинию оказалось столь сильным, что повсюду заговорили о возможности перерастания итало-абиссинского конфликта в итало-британский.

* * *

РЕЗКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ АНГЛИИ

Англия заняла позицию самого решительного сопротивления итальянскому походу на Абиссинию.

Что определило позицию Англии?

До империалистической войны, как мы видели, главными противниками в борьбе за Абиссинию являлись Англия и Франция. Особое положение занимала Италия, которая выступала первое время заодно с Англией. Сейчас расстановка сил иная: основными соперниками в империалистической борьбе за Абиссинию являются Англия и Италия.

У Англии много колоний и Абиссиния ей важна не как еще одна территория для колонизации, для добычи сырья, вложения капиталов или сбыта британских товаров. Абиссиния важна Англии именно потому, что у нее много колоний и ей эти колонии нужно сохранить и обеспечить безопасный путь к ним. Абиссиния находится поблизости от великого британского морского пути в Индию. Вот в чем прежде всего значение Абиссинии для Англии.

Великий британский морской путь в Индию — позвоночный хребет Британской империи — проходит из Англии мимо берегов Испании, через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Баб-Эль-Мандебский пролив, Аденский залив и далее через Индийский океан. Воды Индийского океана омывают берега не только Индии, основы британской колониальной империи, но и целого ряда других важнейших британских владений: Австралии, Малайи, Цейлона, Кении, Родезии и отчасти Южноафриканского союза. Если отнять от Британской империи Канаду, которая уже фактически на две трети принадлежит Соединенным штатам, и некоторые другие незначительные британские владения в Америке, то остающиеся британские владения почти все жизненно связаны с Индийским океаном; находятся либо в Азии, либо в Африке.

Через Индийский океан идет, кроме того, путь на Дальний Восток.

Великий британский морской путь в Индию — это река, которая питает Англию мясом и маслом Австралии и Новой Зеландии, каучуком и оловом Малайи, чаем Цейлона, пшеницей, джутом и рисом Индии. Этот путь граничит со странами Ближнего Востока с их нефтью и с Египтом с его хлопком.

Вся имперская стратегия Британии исходит из защиты, сохранения и укрепления этого пути. Вдоль него расположены мощные морские базы — Гибралтар, Мальта, Суэц, Аден и др. На востоке эта цепь баз дополняется — Коломбо, Сингапуром, Гонг-Конгом и рядом австралийских морских и воздушных крепостей.

Нетрудно увидеть, что стратегическим центром этого британского и вместе с тем мирового пути являются Суэцкий канал и Красное море. Здесь морской путь пересекается с сухопутным, идущим в Индию и Аравию, соединяющим Азию с Африкой.

Здесь в треугольнике Александрия — Каир — Бейрут также узел основных британских воздушных путей: Англия—Индия—Австралия и Англия — Южная Африка. Вся имперская воздушная политика последнего времени основывалась на развитии этих путей и постройке и оборудовании соответствующих аэродромов. Освоению этих воздушных путей способствовали также рекордные перелеты Англия—Австралия и Англия—Капштадт. С развитием авиации вообще вся стратегия этого участка Суэцкий канал — Красное море, с прилегающими странами, сильно изменилась, значение его чрезвычайно возросло. Он фактически командует не только над путем в Индию, но и над всей Африкой, Аравийским полуостровом и в значительной мере вообще над всем Ближним Востоком.

Первостепенное значение этому стратегическому узлу придает и вопрос о нефти. Почти вся нефть, потребляемая Англией, без которой не могут обойтись ни ее морской, ни воздушный флот, ни танки и автомобили, идет из стран, прилегающих к Суэцкому каналу, или проходит через этот канал.

Мы уже указывали в главе 6, что вся стратегия Британской империи после американской революции сосредоточивалась на развитии и укреплении пути в Индию. Чтобы обеспечить путь вокруг Африки, Англия захватила Кап и остров Маврикия. Чтобы обеспечить путь через Средиземное море, Англия захватила в 1704 г. Гибралтар, в 1799 г. Мальту, в 1839 г. Аден, в 1878 г. Кипр. Занятие в 1882 г. Египта тоже было в плане обеспечения пути в Индию, значение которого особенно выросло с момента прорытия Суэцкого канала. Послевоенная стратегия Англии еще больше концентрировала внимание на укрепление средиземноморско-суэцкого центрального участка путей в Индию. Англия захватила Палестину и выстроила здесь первоклассную морскую базу Хайфу. Сюда был проведен нефтепровод из Ирака. На острове Кипре была выстроена морская база Фамагуста. Между Палестиной и Ираком Англия создала арабское государство Трансиорданию. В связи с этим приобрела важное стратегическое значение гавань Акаба в северо-восточном заливе Красного моря. „Берлинер Берзенцейтунг“ от

15 октября писала о намерении Англии создать себе на палестинской линии Хайфа — Акаба — Красное море — Судан запасный путь рядом с Суэцким каналом. Печать также сообщала о намерении Англии создать обходный путь вокруг Суэцкого канала с запада.

Англия построила также большое количество аэродромов: в Александрии, Каире, Измаилии, Газа, Бейруте, Дамаске, Багдаде, Басре и др.

Однако, вот что важно отметить: несмотря на это усиленное британское военное строительство, стратегические позиции Англии на Средиземном море после войны ослабились. До итало-абиссинского конфликта почти никто в Англии этого не замечал. Рост итальянских морских и воздушных сил не вызывал в Англии особого беспокойства, ибо Италия попрежнему, по инерции, рассматривалась союзником Англии. Англия при этом исходила из излюбленного своего принципа равновесия сил. Морские и воздушные силы Италии противоставлялись аналогичным силам Франции и взаимно балансировались. Тем самым Англия считала себя господином положения на Средиземном море. Сближение между Францией и Италией, происшедшее на почве взаимной боязни усиления Германии, изменило стратегическое положение на Средиземном море далеко не в пользу Англии. Итало-абиссинский конфликт вызвал громадное беспокойство в Англии не потому, что британские империалисты вдруг преисполнились несвойственного им сострадания к колониальным народам, а потому, что британские политические деятели поняли, что Абиссиния — только начало. Англию встревожили широкие империалистические планы Италии. Италия, по мнению многих англичан, хочет построить свою великую империю не иначе, как на трупе дряхлого британского льва. Англичане остановили внимание на этом предположении и, продумав его, перепугались. Оказалось, что центральная часть великого британского пути в Индию находится в серьезной опасности. Стоит только предположить противником Англии Италию и тогда выходит, что Англия является отнюдь не полновластным хозяином на своем основном пути. Английские политики увидели, что Англия больше не господствует на Средиземном море.

Когда-то Англия поддерживала Италию в ее планах завоевания Абиссинии. Больше того: мы видели, что Англия толк-

нула Италию на путь в Абиссинию. Англия считала Италию тогда не опасной для себя ни на Красном море, ни на Средиземном. Сейчас это положение изменилось. Что изменилось в этой позиции британского империализма? На это дает ответ тов. Радек: „Изменилось то, что Великобритания поняла, насколько усилился в военном отношении итальянский империализм и в какой мере выросли его аппетиты. Приход к власти фашизма в Италии был встречен с глубокой симпатией английскими имущими классами. Итальянский фашизм был в их глазах героем, победившим пролетарскую революцию. Итальянский фашизм укрепил военную мощь Италии, сделал Италию силой, ограничивающей могущество французского империализма на европейском континенте, которое стало невыгодным для Великобритании. Английский империализм приветствовал внешнеполитическое усиление Италии. Английский империализм поддерживал дипломатическую игру итальянского фашизма, стремившегося к созданию концерта четырех западноевропейских великих держав, как силы, решающей судьбы Европы. К мечтам о восстановлении старой Римской империи английский империализм отнесся как к красивым словам, которые должны прикрыть сравнительную слабость итальянского фашизма и помочь ему удержать в повиновении народные массы.

„Но когда итальянский фашизм бросил 250 тыс. солдат в северо-восточную Африку, когда началась переброска итальянских войск в Ливию, — перед английским империализмом вырисовалась действительная картина: в Средиземном море появилась новая империалистическая держава, которая начинает борьбу за передел мира, за создание своей колониальной империи...

„Английский империализм отличается большой трезвостью. Когда он спрашивает себя: не является ли фантазией мысль о завоевании Италией Египта, который уплывает из английских рук, или Палестины и Сирии, — он отвечает: нет, это не утопия. Это не утопия с точки зрения военной, если рассматривать положение не под углом зрения соотношения сил изолированной Италии и изолированной Англии, а учитывать соотношение сил, которое может создаться в случае войны двух коалиций. Национальное движение в Индии и Египте подорвало колониальное господство Англии в этих странах, заставило Англию прикрывать это господство различными конституционными

одеяниями, вроде признания независимости Египта, но с оставлением там английских войск, или вроде индийской конституции, хотя бы и с вице-королем.

„Английский империализм ищет возможностей другого направления для колониальной программы итальянского империализма и усматривает его только в стремлении Италии к завоеванию французских колоний. Но итальянский империализм думает и об английском Египте, и об английской Палестине, и о французской Сирии. Заняв решающие стратегические позиции в Средиземном и Красном морях, итальянский империализм может в случае войны выдвинуть и перед Францией, и перед Англией программу колониального передела за счет одной или другой державы. Он может — и этого не исключает господствующая верхушка английского империализма — стремиться к сделке с Францией за счет Англии, точно так же как он может стремиться к сделке с Англией за счет Франции. Но исторически события повернулись так, что стремления итальянского империализма к захвату Абиссинии направлены теперь в первую очередь против Англии и вызывают у Великобритании боязнь франко-итальянской сделки.

„В свете этой опасности английский империализм подошел к проблеме Средиземного моря, где произошли глубокие изменения по сравнению с предвоенным положением. Эти изменения состоят в появлении мощной итальянской авиации, итальянского подводного и крейсерского флота“.[1]

Иностранная военная и прочая пресса переполнена высказываниями о потере Англией господства на Средиземном море с связи с этими изменениями. Вот некоторые из этих высказываний:

«СЛАБОСТЬ АНГЛИИ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ»

„Британское господство на Средиземном море опиралось на морское могущество Британии. Она имела флот, который был в состоянии стереть с лица земли всякого, кто стал бы оспаривать ее позиции. Но новые способы ведения войны создали новую ситуацию. Подводные лодки и самолеты изменили те условия, которые дают стране возможность контролировать такое море, как Средиземное.“

[1] К. Радек. Итало-абиссинская война и великие империалистические державы. Большевик, 1935, № 19, стр. 38—39.

„Кто знает пределы честолюбия Муссолини? Кто знает, не возвращаются ли его мысли, когда он мечтает о второй великой Римской империи, к тем дням, когда Рим господствовал над водами, омывавшими берега имперской метрополии и другие берега этого моря, которые назывались „колыбелью цивилизации“? Кто может сказать, что итальянский диктатор после торжества его легионов в Восточной Африке не будет стремиться к господствующему положению на водах, отделяющих Италию от ее африканских колоний, старых и новых?“.[1]

„Великобритания уже не пользуется неоспоримой мировой гегемонией на море. Соединенные штаты, Япония, Франция и Италия либо достигли паритета с Великобританией, либо совсем не далеки от уровня Великобритании“.[2]

„Великобритания в данный момент недостаточно сильна, чтобы самостоятельно дать отпор Италии в Средиземном море“.[3]

„Средиземное море в настоящее время находится под господством авиации, которая резко сократила расстояния и сделала возможными совершенно новые военные перспективы. В соответствии с чрезвычайно сильным развитием военных, морских и воздушных сил Италии позиция на Средиземном море в отношении Англии стала несравненно сильнее, чем когда-либо раньше. Пожалуй, это сильное воздушное орудие позволило Муссолини впервые в современной истории угрожать интересам Британской империи в Средиземном море“.[4]

„Традиционное стратегическое положение Англии уже не соответствует ее прежнему могуществу... После появления авиации значение английских стратегических баз на Средиземном море значительно уменьшилось... Авиация подорвала стратегическое положение Англии на Средиземном море, ибо укрепленная морская база на Мальте может подвергнуться воздушному нападению и уже не представляет надежного убежища для морского флота, ибо Гибралтар может с южной

---

[1] „Нью-Йорк Таймс“, 18 VIII 1935.

[2] Там же, 28 VIII 1935.

[3] Там же, 11 IX 1935.

[4] „Фелькишер Беобахтер“. Эту и предыдущие выдержки цитирую по обзору зарубежной печати Аквиллы и Тивеля. Большевик, 1935, № 19, стр. 81—82.

стороны подвергнуться воздушному нападению при поддержке морских сил; ибо сухопутные авиобазы средиземноморских стран расположены очень близко от сухопутных баз и от возможных убежищ английского флота. Можно, повидимому, прийти к тому выводу, что стратегическое положение Англии в Средиземном море уже не то, каким оно было, и что авиация потенциально разрушила здание, которое, по мнению военных рутинеров, нелегко было разрушить".[1]

„Подумайте, что означала бы война Британии с Италией в первой своей фазе. Эта первая фаза продолжалась бы очень долго и означала бы неисчислимые бедствия. В то время когда мы спали, стратегические условия на Средиземном море в основном изменились нам во вред. Со времен разумных соглашений лорда Сольсберри с Италией в 1887 г. наша морская позиция в Средиземном море опиралась на дружбу с Италией. Путь Гибралтар — Мальта — Египет — Аден, — это жизненная линия империи. Сегодня — очень грустно это признать — мы этих средиземноморских путей не могли бы удержать против враждебной Италии, если Англия одна противостояла бы Италии на этом море. Италия располагает преобладающими воздушными силами. Что касается морских сил, то наша столетняя мощь в этих героических водах ослаблена. Италия имеет там больше ста миноносцев и 70 подводных лодок. Ничего удивительного, что у наших друзей повысилось настроение. В данный момент они держат нас в руках. От Гибралтара до Адена мы не были бы в состоянии удержать собственными силами против враждебной Италии жизненные коммуникационные пути империи, ведущие в Индию. В первую фазу мы бы не могли посылать войска и амуницию через Средиземное море. Мы были бы принуждены двинуться через Кап".[2]

Захват Абиссинии Италией, в связи с этим изменением стратегического положения на Средиземном море, является ныне перспективой совершенно неприемлемой для британских политиков. Он означал бы первый практический шаг Италии по пути ее широких империалистических замыслов. Итальянцы могут сколько угодно клясться в исконной дружбе Италии

---

[1] „Лаворо фашиста", 13 IX 1935.

[2] „Обсервер", 25 VIII 1935.

к Англии, в отсутствии у Италии каких-либо антибританских замыслов, — британские империалисты ей не поверят. Со стороны британских политиков налицо не только рассудок, но и страх, боязнь потери империи, созданной в течение сотен лет. Слабость британских позиций на Средиземном море — лишний стимул к британскому противодействию Италии. Парадоксальным является то, что сила британского сопротивления Италии прямо пропорциональна уяснению британскими политиками своей слабости на Средиземном море.

Британский империализм резко выступил против итальянского похода в Абиссинию. В ход было пущено все: кампания прессы, дипломатический аппарат, поиски компромисса, увещевания и угрозы, наконец перегруппировка военных сил. Англия сконцентрировала в Средиземном море большую часть флота и стала лихорадочно укреплять Гибралтар, Александрию, Порт Саид, Каир.

Мальта оказалась слабым пунктом в виду близости к Италии. Итальянские тяжелые бомбардировщики могут в 40 минут долететь до Мальты со своей базы в Сицилии. Британский флот поэтому сконцентрировался в Александрии.

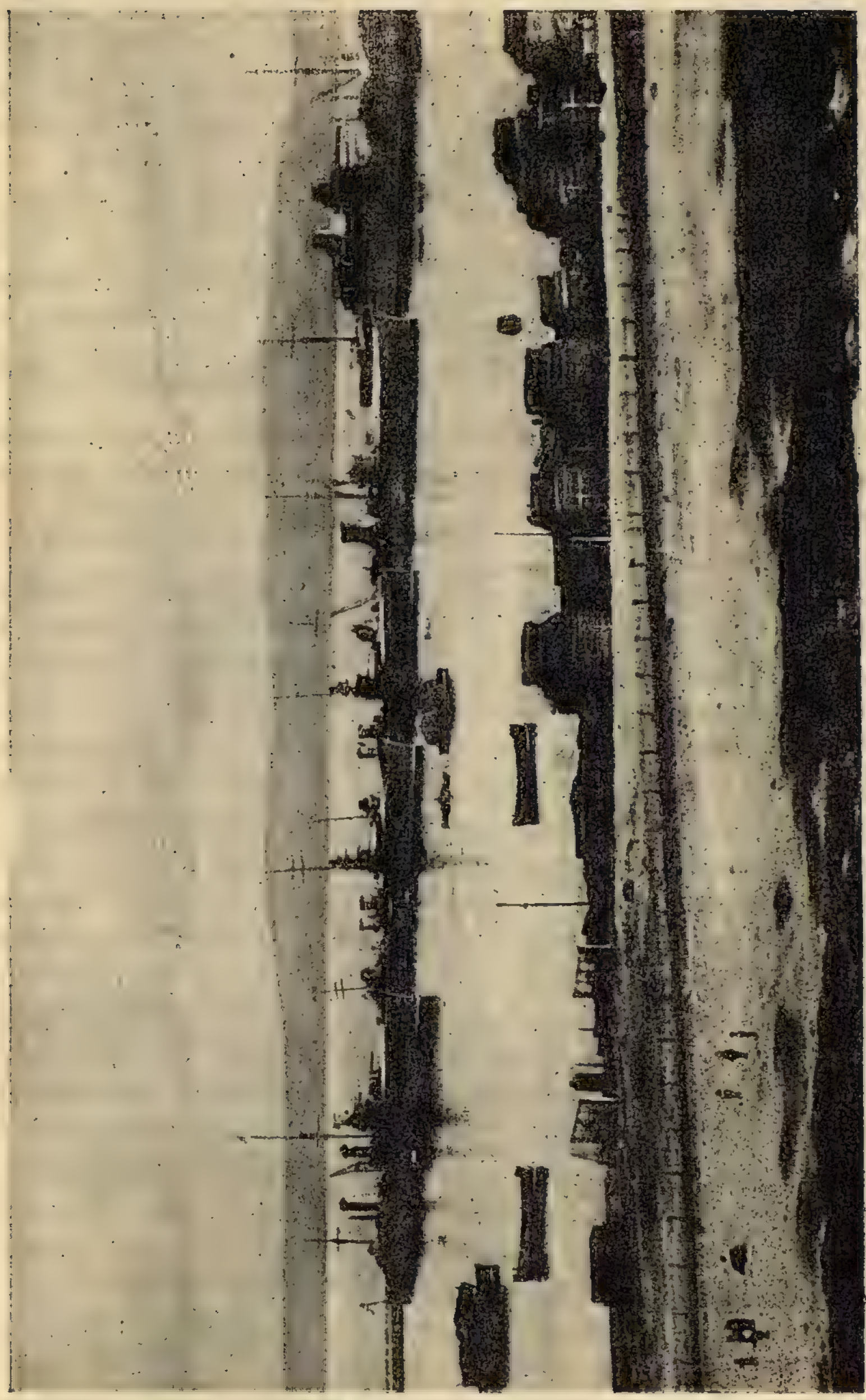
Военные приготовления Англии в Средиземном море, Египте, Палестине, Трансиордании и Аравии начались в августе, когда выяснилась безнадежность попыток дипломатическим путем предотвратить поход Италии на Абиссинию. В сентябре уже военные приготовления Англии приняли широкий размах. Печать ежедневно сообщала об этих приготовлениях и все более напряженном положении. Вот типичные телеграммы:

ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ АНГЛИИ

Лондон, 2 сентября. На морских верфях Чатхэма идут лихорадочные работы по переоборудованию военных судов Работы ведутся днем и ночью. Все отпуска отменены.

Лондон, 3 сентября. Английское правительство принимает усиленные меры для укрепления обороны острова Мальта. В территориальных водах Мальты на разных глубинах поставлены мины. Из Саутгэмптона выезжают на Мальту отряды моряков для укрепления противовоздушных частей.

Лондон, 8 сентября. 24 английских военных судна находятся теперь в Александрии.



Британский флот, сконцентрированный в Александрии.

Лондон, 11 сентября. 13 эсминцев английской средиземноморской эскадры и крейсер „Девоншир“ будут сконцентрированы в порту Лимасоль, на острове Кипре.

Рим, 12 сентября. Как сообщает египетская газета „Ахрам“, на аэродром Абукир, близ Каира, прибыли на днях в секретном порядке 300 английских военных самолетов.

Лондон, 13 сентября. В Аден прибыли пять английских миноносцев.

Лондон, 18 сентября. В Гибралтар прибыли английские линкоры „Гуд“ и „Риноун“ в сопровождении второй крейсерской эскадры и шести эсминцев. Третьего дня в Гибралтар прибыли четыре эсминца.

Лондон, 20 сентября. В Средиземном море сосредоточено в настоящий момент 57 английских военных судов разных типов.

Стали открыто говорить о возможности военного столкновения между Англией и Италией. Хорошо информированный Авгур в „Таймс“ от 11 августа заявил: „Абиссинский конфликт является только поводом. Главным же вопросом англо-итальянского конфликта является вопрос о господстве на Средиземном море. Муссолини открыто предостерег господина Идена, что на горизонте виден кризис отношений между Англией и Италией. Многие спрашивают, как это стало возможным в виду традиционной дружбы между Лондоном и Римом, которая всегда приводила к параллельной политике обеих держав. Эта старая традиция объясняется столетним преобладанием британского флота в Средиземном море, когда Италия не была сильной державой и не влияла реально на европейские дела. Это положение коренным образом изменилось.... Итальянцы понимают, что Италия стала державой, господствующей на Средиземном море, и это приблизило момент конфликта с Великобританией, флот который стоит в Средиземном море, как страж основных коммуникационных путей английской империи. Трудно, чтобы два государства делили гегемонию на Средиземном море“.

Бургес в „Пти Паризьен“ в начале сентября писал: „Здесь опасаются, что помимо итало-абиссинского столкновения придется иметь дело с англо-итальянскими осложнениями. Никогда еще международная атмосфера не была до такой степени серьезной“.

Фельдмаршал Чемвод произнес о Симле речь, в которой он заявил: „Если нам придется воевать, то мы хотим, чтобы Индия была с нами".

В парижском журнале „Вю" появились „фантастические" очерки войны между Англией и Италией.

Немалую роль в обострении итало-британских отношений сыграла британская угроза закрыть Суэцкий канал. Закрытие канала „означало бы англо-итальянскую войну" — заявила „Кельнише Цейтунг" от 29 IX.

Большой шум вызвал абиссинский маневр в виде предоставления нефтяной концессии британскому капиталисту Рикету. Первое сообщение о концессии Рикета гласило следующее:

КОНЦЕССИЯ РИКЕТА

Нью-Йорк. 31 августа. По сообщению агентства „Ассошиэйтед пресс" из Аддис-Абебы английский промышленник Фрэнсис Рикет известил корреспондента „Ассошиэйтед пресс", что абиссинский негус, пытаясь предотвратить нападение Италии, предоставил американскому нефтяному тресту „Стандарт ойль" и английским промышленникам концессию на эксплоатацию нефти и минералов на территории, превосходящей половину Абиссинии, сроком на 75 лет.

Только немногие абиссинские официальные лица и финансовый советник негуса, американец Кольсон, знали о переговорах.

Соглашение было заключено в полночь 29 августа. Концессия охватывает территорию свыше 150 тыс. кв. миль в восточной части Абиссинии. В эту территорию входят нефтеносные районы Аусса и Джиджига, которые недавно были обследованы итальянцами. Рикет заявил, что концессионеры намереваются первоначально вложить 60 млн. долларов в эксплоатацию нефтяных и минеральных ресурсов и согласились строить дороги и радиостанции.

Как указал Рикет, все предприятие будет контролироваться компанией „Африкен эксплорейшен энд девелопмент компани", находящейся под контролем „Стандарт ойль". Концессионеры предполагают построить нефтепровод на протяжении около 500 км от Гелудии до моря, по всей вероятности до побережья Британского Сомали. Позже они, возможно, построят также железную дорогу параллельно нефтепроводу.

Абиссинский негус подтвердил сообщение о концессии. Итальянская печать резко выступила против Англии, спрашивая, не хочет ли Англия вступить в конфликт из-за абиссинской нефти. Британское правительство заявило, что оно ничего не знало о переговорах Рикета о концессии. Сам Рикет, являющийся видным британским нефтяником, утверждал, что компания „Африкен Эксплорейшен" на 100 процентов — американская. Американское правительство предложило ликвидировать эту компанию, что и было формально сделано.

Все это несколько разрядило атмосферу. Однако, сам Рикет заявил, что он не отказывается от концессии.

Англия выступила против итальянского похода в Абиссинию, исходя из собственных интересов. Исходя из этих своих интересов, Англия стала защитницей мира и, надо сказать, приложила, действительно, немало усилий к предотвращению войны в Абиссинии. Пытаясь помешать итало-абиссинской войне, Англия стремилась укрепить Лигу Наций, а английские делегаты в Лиге Наций проводили активную политику, выступая за разрешение конфликта мирным путем. Для тех, кто наблюдал позицию Англии во время поглощения Манчжурии Японией, такая позиция Англии могла показаться сюрпризом. Однако в этом повороте Англии в пользу коллективной безопасности и придания авторитета Лиге Наций нет ничего удивительного. Английские империалисты отнюдь не сделались ни принципиальными поборниками мира, ни, тем менее, противниками колониальных захватов. Англия стала в данном случае защищать мир и укреплять Лигу Наций, исходя из собственных интересов.

Какую же позицию по отношению к итало-абиссинскому конфликту заняли другие державы и какую роль сыграла Лига Наций?

* * *

ДЕРЖАВЫ, ЛИГА НАЦИЙ И ИТАЛО-АБИССИНСКИЙ КОНФЛИКТ

Франция в итало-абиссинском конфликте заняла позицию промежуточную. С одной стороны, французский империализм не имел ни малейшего желания рвать дружественные отношения с Италией. С другой стороны, французский империализм не

желал пойти против Англии. Дружба Франции с Италией давала возможность французскому империализму снять часть войск с франко-итальянской границы и перебросить их на германскую границу. Италия, кроме того, важна как сдерживающее начало устремлениям германского империализма в Австрии и юго-восточной Европе. Разорвать с Италией — это значит толкнуть ее в объятия германского империализма. Но не менее нежелательно для французской буржуазии ссориться с британской. Почти вся послевоенная политика Франции основывалась на дружбе с Англией. Значение единой европейской политики между Англией и Францией еще более возросло в связи с вооружением фашистской Германии. Франция все время добивалась от Англии поддержки системы коллективной безопасности, активного участия в Лиге Наций, гарантий объединенного выступления против агрессора, и вот настал час, когда Англия решительно выступила против нарушения мира, за коллективную безопасность, за верность обязательствам, вытекающим из устава Лиги Наций. Что тогда делать Франции? Поддерживать ли Англию в ее попытках предотвратить итало-абиссинскую войну, а если поддерживать, то до каких пор? Что если противоречия между Англией и Италией доведут до прямого разрыва? Что если пушки британского флота, сконцентрированного в Средиземном море, начнут стрелять или британский флот сделается объектом неожиданного нападения? Что если Англия попытается закрыть Суэцкий канал? Пойти против Англии, не значит ли это поставить раз и навсегда крест на систему коллективной безопасности, на Лигу Наций? Не значит ли это содействовать англо-германскому сближению? С другой стороны, английская буржуазия прямо поставила перед французской вопрос: поддержит ли Франция Англию в данной конкретной обстановке, в обмен за английские обязательства будущей поддержки Франции в случае конфликта между Францией и Германией? Английская дипломатия прямо поставила вопрос французскому правительству: в случае, если британский флот сделается объектом нападения на Средиземном море, разрешит ли Франция пользоваться ее военно-морскими базами и окажет ли поддержку французский флот? Французскому империализму очень заманчиво было получить от Англии гарантии поддержки Франции в случае нужды. Французская дипломатия (по мнению печати) даже предложила Англии франко-британский военный союз. Но выступать реши-

тельно против Италии французская буржуазия не хотела. Французская дипломатия принялась лавировать, стремясь достичь в рамках Лиги Наций компромисса между Англией и Италией и между Италией и Абиссинией. Об интересах абиссинского народа французская буржуазия беспокоилась не более английской, т. е. вовсе не беспокоилась и была готова дать согласие на любое компромиссное решение за абиссинский счет, лишь бы не ссориться с Англией и Италией. До сих пор дело еще не дошло до прямого разрыва между Англией и Италией, и французской дипломатии удавалось выполнять щекотливую роль примирителя. Но что же будет делать французская буржуазия, если события примут такой оборот, что придется выбирать между Англией или Италией?

Внутри самой Франции среди буржуазных партий не было и нет единодушия по отношению к итало-абиссинскому конфликту. Правые партии, исходя из своей фашистской ориентации, заняли в общем проитальянскую позицию. Один из выразителей этой линии, Анри Кериллис, писал, например, в „Эко де Пари“ от 19 октября: „Мы должны сказать со всей откровенностью нашим друзьям-англичанам, что их стремление вовлечь нас, вопреки нашему желанию, в конфликт с Италией встречает все больший отпор французского общественного мнения, даже со стороны тех, которые недовольны методами Муссолини и упрекают его в том, что он подверг тяжелому испытанию всеобщий мир своим колониальным, плохо подготовленным в дипломатическом отношении предприятием...“ Кериллис опасается войны с Италией и мировой войны и указывает, что ни та, ни другая не входит во французские расчеты. „Франция... глубоко убеждена в том, что она может потерять все в новой войне, чем бы она ни кончилась“. Кериллис считает, что, увы, чрезвычайно трудно примирить английскую и французскую точку зрения: „Англия не желает, чтобы Италия укрепилась в Абиссинии — узловом пункте британских колониальных путей. Франция же, наоборот, желает, чтобы Италия возможно подальше реализовала свои колониальные вожделения и перестала озираться на Тунис. Англии хочется, чтобы Италия не имела возможности расширяться и была слабой на Средиземном море, не могла бы мешать британским коммуникациям. Франция же считает, что после нее Италия является на европейском континенте единственной силой, способной сдержать Германию...“

Иначе рассуждают французские левые. Они исходят из того, что для Франции важнее всего обеспечить поддержку Англии в случае нападения на Францию германского фашизма. Вот, например, передовая, напечатанная в газете „Люмьер", отражающей позицию группировок народного антифашистского фронта, от того же 19 октября, что и вышеупомянутая статья Кериллиса. Передовая указывает, что в результате ответов, данных французским премьером Лавалем английскому послу, возникли большие англо-французские разногласия. Лаваль заявил, что выполнит обязательства, вытекающие из статьи 16 устава Лиги Наций. Но когда британский посол сделал из этого вывод, что британскому флоту будет таким образом обеспечена помощь французского флота, его баз и арсеналов в случае итальянского нападения, вызванного применением санкций, то Лаваль сделал оговорку, заявив, что поскольку англичане с Францией не посоветовались, когда объявили частичную мобилизацию британских морских сил на Средиземном море, Франция не обязана отвечать за последствия. „Люмьер", в связи с этим, приводит следующий гипотетический пример. „Между Германией и Чехословакией разыгрывается конфликт наподобие итало-абиссинского. Франция принимает военные меры предосторожности: проводит частичную мобилизацию. Германия поворачивается против Франции и нападает на нее. Происходит то, чего Англия опасается со стороны Италии. Тогда Франция призывает на помощь Англию. Но Англия дает такой ответ: „Основываясь на прецеденте, созданном в октябре 1935 г. Лавалем, мы отклоняем ваше обращение. В самом деле, вы не советовались с нами перед тем как мобилизовать два возраста, по крайней мере мы не давали вам на это согласия. Мы не можем отвечать за последствия этой меры. Устраивайтесь, как хотите".

В общем итоге, французское правительство не желает итало-абиссинской войны, боясь ее превращения в мировую. Однако, оно не желает ссориться с Италией и поэтому считает необходимым ограничиться самым минимальным давлением на Италию. Лишь под нажимом британской дипломатии Франция с большой неохотой соглашается на экономические меры принуждения Италии, предпочитая итти по пути компромисса. Если бы не Англия, Франция могла бы согласиться на полный захват Италией Абиссинии в обмен за поддержку Италией Франции в Европе.

Если Франция боится чего-либо потерять из-за итало-абиссинского и англо-итальянского конфликта, то Германия очень хочет что-либо на конфликте приобрести. Германии выгодно отвлечение итальянских сил из Европы в Африку и известное ослабление Италии. Германский фашизм надеется половить рыбку в мутной воде. Ослабленная войной с Абиссинией Италия не сможет, в конце концов, как надеются германские империалисты, оказывать сопротивление германским планам в Австрии и юго-восточной Европе. Германская дипломатия стремится также, пользуясь итало-абиссинским конфликтом, вбить клин между Англией и Францией, равно и между Францией и Италией. Если Франция склонится к поддержке Англии, то почему бы германской дипломатии не поработать над привлечением к союзу с фашистской Германией фашистской Италии? Ослабленная войной с Абиссинией, Италия ведь будет тогда более сговорчивой насчет Австрии.

Один из влиятельных сотрудников Гитлера, по словам корреспондента „Матен," заявил: „Муссолини, хотя и с трудом, но мог одновременно стоять во всеоружии и у Бреннера (итало-австрийской границы), и у границ Абиссинии. Теперь Англия заставила его укреплять свой тыл на Средиземное море. Но так как он, наверное, не откажется от Абиссинии, то ему придется быть несколько более податливым в Австрии. После тяжелого опыта, который он проделал в последнее время, не исключено, что ему придется поискать новых приятелей или подновить старую дружбу". С Италией можно найти общие точки соприкосновения по вопросам ревизии договоров, передела мира и т. д.

Если, наоборот, Франция пойдет навстречу Италии, то почему бы Германии не поработать над сближением с Англией? „Вбивая клин между Францией и Англией и помогая превращению конфликта на Средиземном море в затяжной конфликт, германская дипломатия надеется добиться принципиальной сделки с Великобританией насчет положения в Европе. Предупреждая Великобританию перед сближением с Францией, „Франкфуртер цейтунг" (от 29 сентября) пишет: „В Европе существуют другие надежные силы, которыми никто не может длительно без вреда для себя пренебрегать, а тем более притеснять их... Молчаливое допущение вооружения Германии и германо-английский морской договор показали направление

развития. Даже некоторые английские критики этого договора поняли некоторую его пользу, когда один за другим корабли английского северного флота смогли отправляться в Средиземное море".

„Как немцы говорят, это — намек оглоблею.

„Незаинтересованная в абиссинском вопросе Германия пытается англо-итальянский конфликт использовать, чтобы добиться от Великобритании сделки, которая дала бы ей свободу рук в Европе".[1]

Однако вести открыто германская дипломатия столь сложную игру не может, и поэтому внешне она выступает в позе полной неизаинтересованности в конфликте.

Заокеанские империалистические державы — США и Япония — активного участия в дипломатических переговорах по поводу итало-абиссинского конфликта не принимают. США заявляют о своей политике изоляции и невмешательства и правительство США официально 5 октября запретило вывоз оружия в воюющие страны. Относительно общей торговли с воюющими странами Рузвельт заявил: „я довожу до сведения, что всякий американец, добровольно совершающий сделки любого характера с той или иной воюющей стороною, делает это на свой страх и риск".[2] Объективно такая позиция США на-руку Англии и Абиссинии, ибо выходит так, что бойкот США воюющих стран направляется фактически только против Италии, которая нуждается во ввозе из США оружия и военных материалов. США также присоединились и к финансовому бойкоту Италии. Последние сообщения говорят, что в вопросе о запрещении ввоза в Италию нефти американский капитал выступает чуть ли не в роли инициатора. Поддерживая фактически в итало-английском конфликте Англию, американский капитал, возможно, в обмен желает получить поддержку Англии в других вопросах, скажем в дальневосточной политике. Следует, однако, заметить, что определенные круги американских капиталистов, заинтересованные в военных поставках, выступают за торговлю с воюющими странами и ведут борьбу против „изоляционистов", одержавших пока победу.

Занятая „освоением" Китая, Япония официально заявила, что „не имеет намерения вмешиваться в итало-абиссинский

---

[1] К. Радек. Германия и война в Абиссинии. Известия, 18 X 1935.

[2] М. Танин. США и война в Абиссинии. Известия, 10 X 1935.

конфликт и вообще японское правительство не имеет каких-либо политических интересов в абиссинской империи".[1] Однако Япония отнюдь не прочь подзаработать на войне. Война определенно выгодна Японии. Выгоды, которые Япония может извлечь из войны, сформулировала японская газета „Иомиури" в следующих тезисах:

1. В связи с войной в Африке экспорт Италии сокращается и, наоборот, экспорт японских товаров будет все время увеличиваться.

2. Эта война также окажет весьма благоприятное влияние на положение японских морских транспортных компаний.

3. В связи с итало-абиссинской войной стал более очевидной необходимостью передел колоний, и это, вероятно, к признанию всем миром тех действий, которые Япония осуществляет в Манчжурии, Монголии и Северном Китае.

4. Напряженное положение в Европе приведет к тому, что Япония получит решающий голос в международных делах.

Конечно, такого оживления в экономике Японии, какое было во время последней мировой войны, вероятно, не будет, тем не менее современное неустойчивое положение в Европе окажет благоприятное влияние и на экономическое и на международное положение Японии. С этой точки зрения также улучшится и финансовое положение Японии. Несомненно, африканский конфликт принесет свою пользу Японии.

Италия пошла по стопам Японии, она пытается применить в Африке те же методы, которые Япония применяла и применяет в Азии. Это, конечно, не может не вызвать японского одобрения. Япония довольна, кроме того, самым наличием и углублением конфликта. Но все же японская печать выступает скорее на стороне Абиссинии, чем Италии. Объясняется это японо-итальянской конкуренцией. Япония проникла на рынки Африки, Ближнего Востока, Средиземного моря, и японская шелковая промышленность ожесточенно конкурирует с итальянской, тоже и промышленность искусственного шелка.

Проникновение Японии в Абиссинию искусственно раздувалось итальянской прессой, но фактом является то, что Абиссиния обращалась за помощью к Японии и определенные круги в Японии поддерживают Абиссинию.

---

[1] Е. Жуков. Япония и итало-абиссинская война. Известия, 20 X 1935.

Единственная страна, ведущая безоговорочную и принципиальную политику мира и ничего не имеющая общего с борьбой за передел мира — это СССР. Отношение Советского Союза к итало-абиссинскому конфликту и войне определяется, во-первых, тем, что СССР противник всякой колониальной эксплоатации, и, во-вторых, решительный сторонник мира во всем мире. Отсюда СССР за усиление сотрудничества тех держав, которые готовы защищать мир и готовы дать отпор силам войны.

Передовая „Правды“ от 15 сентября 1935 г. следующим образом излагала политику Советского Союза по отношению к итало-абиссинскому конфликту, единственную действительно мирную политику, совершенно отличную от политики империалистических держав: „Советский Союз стоит за подлинную самостоятельность и независимость Абиссинии и является последовательным и решительным противником решений судеб абиссинского народа методами мандатов, сфер влияния и т. п. Поэтому Советский Союз отвергает империалистические методы разрешения итало-абиссинского конфликта. Осуждая всякие планы, направленные к превращению Абиссинии в чью-либо колонию, СССР исходит из неоспоримого права каждого государства на суверенность и независимость...

„Советский Союз борется за подлинный мир, а не за подмену его „мирными“ средствами, которые на деле могут привести лишь к обострению положения. Подлинная мирная политика — это полный отказ от колониальной политики, от колониальных захватов, чем бы они ни прикрывались.

„Не подлежит сомнению, что всякое разрешение итало-абиссинского конфликта, которое носило бы характер империалистической сделки и не подтвердило бы со всей ясностью и определенностью полного и подлинного равноправия всех государств, входящих в Лигу Наций, было бы чревато для всеобщего мира самыми тяжелыми последствиями“.

Мирная политика СССР не имеет ничего общего с политикой империалистических держав, хотя бы и тех, которые из своих собственных интересов в данную минуту выступают противниками итальянской агрессии в Абиссинии.

Советский Союз исходит из стремления поддержать всякое, хоть мало-мальски содействующее миру начинание и поэтому он вступил в Лигу Наций. „Вступая в Лигу Наций, СССР преследовал основную цель: совместно с теми государствами,

которые заинтересованы в сохранении мира, создать дополнительные гарантии к предотвращению возможности возникновения вооруженных конфликтов и к усилению коллективной безопасности".[1]

Эту политику советские дипломаты неустанно проводили и проводят в Лиге Наций.

Какую роль сыграла Лига Наций в деле предотвращения итало-абиссинской войны?

Лига Наций — коллективный орган. Тов. Литвинов заявил: „Как справедливо сказал уважаемый первый делегат Великобритании, Лига всегда будет тем, чем члены Лиги ее делают". Решения и все мероприятия Лиги есть результат коллективного решения вопроса членами Лиги. В политике Лиги Наций по отношению к итало-абиссинскому конфликту и предотвращению войны со всей очевидностью выявилась тенденция большинства делегатов входивших в Лигу стран решить конфликт мирными средствами. Следует отдать справедливость, что по отношению к итало-абиссинскому конфликту Лига Наций проявила значительно большую активность, чем в свое время по отношению к нападению Японии на Манчжурию. Тут сказалось прежде всего присутствие делегатов СССР, неуклонно и принципиально проводивших и проводящих политику мира. Тут сказалось, возможно, и отсутствие среди членов Лиги некоторых стран, правящие группировки которых не слишком заботятся о мире. Тут, наконец, сказалось и то, что страны, к голосам представителей которых большинство из остальных участников Лиги прислушиваются с особым вниманием (Англия и Франция), заняли позицию сопротивления попыткам решить конфликт не мирными средствами.

В результате всего этого Лига Наций приложила в общем немало усилий к мирному разрешению конфликта и продолжает прилагать таковые усилия и сейчас. Это не значит, однако, что между державами членами Лиги не было никаких расхождений как в самом отношении к конфликту, так и в оценках путей и методов, ведущих к его разрешению. Выше мы уже обрисовали основные тенденции политики отдельных держав. Сейчас посмотрим, как эти тенденции преломились в конкретных решениях и действиях Лиги Наций.

---

[1] Передовая „Правды" от 15 IX 1935.

Карта Абиссинии, представленная Италией в Лигу Наций. Карта показывает Абиссинию „в ее исторических границах“ (заштрихованная часть) и стремится доказать, что $^3/_4$ территории Абиссинии (незаштрихованная часть) завоевано ею в недавнее время: после 1887 года. В „исторические границы“ Абиссинии не попали не только области издавна экономически и политически нераздельно связанные с Абиссинией, напр. страны Галла, Уаллега и др., но даже столица абиссинского государства, основанная Менеликом, — Аддис-Абеба. Не попали по „странной случайности“ и области, захваченные у Абиссинии Италией в 1886—1896 гг.

Несмотря на неопределенность термина „исторические границы“, ясно во всяком случае одно, — ни одна из частей современной Абиссинии, какую бы историю она ни имела, никогда не входила в „исторические границы“ Италии.

14 декабря 1934 г. абиссинское правительство обратилось в генеральный секретариат Лиги Наций с протестом против действий Италии.[1] Положение в Абиссинии, как мы видели выше (стр. 502), становилось все более напряженным. 15 января делегация Эфиопии представила на заседание Совета Лиги Наций документированное ходатайство и через два дня вопрос был поставлен на повестку дня.[2] Под давлением Совета Италия согласилась на регулирование конфликта с Эфиопией путем, указанным в параграфе 5 итало-абиссинского договора 1928 г. (т. е. арбитражной и согласительной процедуры). Оба правительства обязались перед Советом принять все меры, необходимые для того, чтобы предотвратить новые инциденты. В соответствии с этим, в марте в районе Уал-Уал была установлена нейтральная зона.

Между 19 января и 16 мартом 1935 г. в Совет Лиги не поступало ни одного заявления по поводу конфликта. Переговоры велись непосредственно между Италией и Абиссинией. 16 и 17 марта правительство Эфиопии сообщило в Совет Лиги Наций, что непосредственные переговоры фактически прекратились, что итальянское правительство действовало средствами приказа, „требуя репараций прежде всякого изучения дела“, что оно не желает передать вопрос в арбитраж. Положение ухудшалось „мобилизацией одного возраста в Италии“ и „продолжающейся посылкой войск и военных материалов“ в итальянские восточноафриканские колонии. Правительство Эфиопии поэтому заявляло протест в Лигу и просило провести полное расследование, предусмотренное статьей 15 устава Лиги Наций.[3]

Итальянское правительство отрицало мобилизацию одного возраста войск и заявило, что посылка войск в Африку вызывалась необходимостью обеспечить безопасность колоний. Оно заявляло, что приняло оборонительные меры перед лицом стольких куда более серьезных военных мероприятий Эфиопии; что на границах положение продолжает оставаться ненормальным, ибо происходят многочисленные инциденты. Итальянское правительство возражало против рассмотрения вопроса в порядке статьи 15 устава Лиги.[4]

---

[1] Société des Nations. Journal officiel, février 1935, p. 274.
[2] Journal officiel, févr. 1935, pp. 252—274.
[3] Journal officiel, mai 1935, pp. 571—572.
[4] Idem, p. 573.

15 апреля на сессии Совета Лиги вновь встал вопрос об итало-абиссинском конфликте. Переговоры между Италией и Абиссинией об арбитраже продолжались без всякой надежды на успех. В то же время правительство Эфиопии обратило внимание на „мобилизацию ряда возрастов" в Италии и на посылку „многочисленных войск и важных военных материалов" в Эритрею и Сомали под предлогом, что император Эфиопии „объявил, мол, всеобщую мобилизацию".

Вопрос был поставлен на обсуждение Совета Лиги Наций, собравшегося в конце мая. Правительство Эфиопии представило записку, содержащую необходимую документацию,[1] и просило принять меры, чтобы приостановить военные приготовления Италии. Совет в принятых резолюциях констатировал неудачу непосредственных переговоров между Италией и Абиссинией и постановил, что арбитражная и согласительская процедуры между двумя странами должны закончиться к 25 августа.[2]

19 июня правительство Эфиопии телеграфировало, что Италия „не перестает посылать в восточную Африку в больших количествах войска, военное снаряжение и сопровождает посылку войск горячими речами, угрожающими независимости и неприкосновенности Эфиопии". Печать Италии ведет кампанию за принятие самых „решительных мер защиты" и пр.

9 июля согласительная (примирительная) комиссия, рассматривавшая итало-абиссинский конфликт, приостановила свои работы на неопределенное время. Итальянская сторона отказалась продолжать работу в комиссии под предлогом, что представители Абиссинии подняли вопрос о границах: о принадлежности Уал-Уал.

Остин Чемберлен заявил: „в качестве последней инстанции мы должны принять решение за столом заседания Совета в Женеве. Мы должны взять на себя смелость сказать: «Мы готовы выполнить наши обязательства, вытекающие из устава Лиги Наций, если остальные страны сделают то же самое. Мы должны это открыто заявить на сессии Совета, даже идя на риск, что другие откажутся»".

Париж не терял надежды найти компромисс. Франция совещается с Англией насчет урегулирования конфликта. Отноше-

---

[1] Société des Nations. Différend entre l'Ethiopie et l'Italie... aide-mémoire, Genève, 1935.

[2] Journal officiel, juin, 1935, p. 640.

ния между Италией и Англией обостряются. Итальянская печать нападает на Англию и Лигу Наций. Вся активность Англии, по мнению газеты „Стампа", направлена к тому, чтобы укрепить Абиссинию в ее сопротивлении.

31 июля „Энтрансижан" помещает беседу известного французского писателя Пьера Бенуа с Муссолини. „Ни для кого не секрет, — заявил Муссолини, — что у меня уже много военных материалов и много солдат. Я увеличу свои силы в два и даже в три раза. Я не являюсь человеком, придерживающимся крохоборческих методов. Полагаю, что негус знает о средствах, которыми я располагаю, так же как и о моих планах. Ему надлежит как следует учесть опасность подобной авантюры и принять решение с полным сознанием этой опасности". Далее Муссолини заявил, что абиссинское предприятие не ослабит Италию в Европе. „На европейских границах у меня будет 800 000 солдат".

Чрезвычайная сессия Совета Лиги Наций собирается 31 июля в атмосфере, созданной угрозами итальянской печати и отправкой войск в Африку. По словам „Таймс" разногласия между Англией и Францией по поводу конфликта сильно смягчены и обе страны хотят пойти навстречу Италии. Абиссиния должна взять на себя кое-какие обязательства. 3 августа сессия вынесла решение продолжать работу примирительной комиссии и пополнить ее пятым членом. Комиссия не должна заниматься вопросом о границах. Разрешение вопроса отсрочено до 4 сентября. Иден заявил: „Мы назначили день, в который переговоры либо должны закончиться успехом, либо Совет Лиги Наций должен будет выполнить свой долг, вытекающий из устава Лиги". Иден указал далее, что французский премьер действовал с полным единодушием и что „если бы не было Лиги Наций, то положение было бы почти безнадежно". Муссолини 5 августа снова дал воинственное интервью, в котором заявил, что „подлинные интересы Абиссинии требуют, чтобы она пользовалась покровительством Италии" и что он не думает, что „реальное и радикальное разрешение проблемы" может исходить от Женевы. 6 августа было объявлено в Италии о мобилизации для отправки еще трех дивизий, и „Лаворо фашиста" откровенно писала: „Положение ясно указывает, что дело идет к войне. Только оружием можно будет радикально и окончательно разрешить абиссинский вопрос". Война — вот в чем итальянские фашисты видели радикальное разрешение вопроса.

Негус в своей речи, возлагая надежды на Лигу Наций, сказал: „опасность войны становится все более серьезной, но мы продолжаем надеяться на Лигу Наций".

14 августа в Париже состоялись переговоры между Лавалем и Иденом и было достигнуто соглашение, что итало-абиссинский конфликт должен рассматриваться исключительно в рамках Лиги Наций.

16 августа в Париже состоялась конференция представителей Англии (Идена), Франции (Лаваля) и Италии (Алоизи). Одновременно состоялось заседание примирительной комиссии. Излагая французскую позицию, „Тан" писал: „Позиция французского правительства определяется законным желанием сохранить франко-английское сотрудничество как основу всякой политики мира и одновременно сохранить в неприкосновенности франко-итальянскую дружбу".[1] Желание это быть можеть законное, но его все труднее стало осуществлять, ибо Италия заняла позицию, не склонную к компромиссу, и отвергла на парижской конференции все французские и английские предложения.

Британский кабинет, заседавший 25 августа, обсуждал вопрос о разрешении ввоза в Абиссинию, о запрещении ввоза угля в Италию и возможности закрытия Суэцкого канала. Официальных решений по этому вопросу принято не было. Однако итальянский официоз „Джорнале д'Италия" угрожающе предупредил, что санкции „означают войну, войну, которая будет перенесена из Африки в Европу и из Европы во все части мира". Муссолини также заявил в интервью, опубликованном 26 августа в „Дейли-Мейль", что если в Женеве будет решено применить санкции против Италии, последняя выйдет из Лиги и ответит вооруженным сопротивлением. Тогда, по его словам, отдаленная колониальная кампания превратится во всеобщую европейскую войну. Он закончил утверждением о неизбежности войны с Абиссинией: „Мы не можем теперь отступить, 200 тысяч итальянских винтовок в Восточной Африке сами начнут стрелять".

4 сентября открылась сессия Совета Лиги Наций. Англия и Франция снова пытались склонить Италию к компромиссу. Иден в своем выступлении указал, что французский и британский делегаты предложили проведение в Абиссинии финансо-

---

[1] „Temps", 16 VIII 1935.

вых, экономических, административных реформ и пр., но Италия отвергла эти предложения. Алоизи в резкой речи обрушился на Абиссинию, потребовал ее исключения из состава Лиги и сказал, что „всякая возможность мира и сотрудничества между Италией и Абиссинией к сожалению рухнула". Арбитражная комиссия, рассматривавшая инцидент в Уал-Уале и другие пограничные инциденты, явившиеся предлогом для итальянского похода на Абиссинию, вынесла решение, что ответственность за эти инциденты не может быть возложена ни на одну сторону. Таким образом, отпал главный итальянский предлог для войны. Это не помешало, однако, представить Италии обширный меморандум с перечислением тысячи смертных грехов варварской Эфиопии (см. выше, стр.503) Главное практическое решение Совета Лиги (от 6 сентября) — организация Комитета пяти в составе представителей Испании, Англии, Франции, Польши, Турции. Комитет должен изучить итало-абиссинские отношения на предмет изыскания мирных средств урегулирования конфликта. Бургес в „Пти Паризьен" констатирует: „мысль о том, что столкновение отныне неизбежно, распространяется все более среди всех делегаций. Женевские круги все больше привыкают к мысли, что как только тропические дожди в Абиссинии прекратятся, итальянские войска выступят из Асмары чтобы взять Адуа".

Тов. М. М. Литвинов выступил 5 сентября с речью на заседании Совета Лиги Наций. Он высказал сожаление по поводу неудачи попыток представителей Англии и Франции полностью ликвидировать конфликт между Италией и Абиссинией и с большим сожалением заявил о своем несогласии с позицией, которую „уважаемый представитель Италии приглашает нас занять", а именно констатировать „свою незаинтересованность в конфликте, свое безразличие, санкционировав требуемую им для своего правительства свободу действий.

„Инцидент, послуживший поводом для постановки обсуждаемого нами вопроса, — заявил тов. М. М. Литвинов, — ликвидирован и, собственно, никакого конкретного спора между сторонами больше не существует. Тем не менее налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы и забыть про существование статей 10-й, 11-й 15-й устава Лиги? Разве это не было бы

вопиющим нарушением устава Лиги? Разве нарушение его всем Советом не означало бы совершенного отрицания и упразднения пакта?"

Далее тов. М. М. Литвинов сослался на печальный прецедент, „когда Совет Лиги не принял всех нужных мер для предотвращения конфликта между двумя членами Лиги", упомянул о принципе неделимости мира, получающем все большее признание, и подверг критике мотивировку предложения, сделанного итальянским представителем, исходящую из внутреннего режима Абиссинии „как он описан в представленных нам документах". „В смысле внутреннего режима страны мира представляют в настоящее время значительную пестроту и весьма немногие из них сохранили между собой сходство. Ничто в уставе Лиги не дает нам, однако, права различать между членами Лиги по их внутреннему режиму, цвету кожи, расовым признакам или по степени цивилизации и лишать тех или иных из них привилегий, которыми они пользуются в силу своего членства в Лиге, и в первую очередь права на сохранение своей территориальной целостности и независимости. Я полагаю, что для поднятия отсталых народов, для воздействия на их внутреннюю жизнь, для поднятия цивилизации можно придумать иные средства, чем военные. Я должен напомнить, что в том печальном прецеденте, о котором я упомянул, также были попытки оправдания агрессии со ссылками на отсталость, внутренние неурядицы, плохую администрацию и т. п. Не подлежит сомнению, что при любой попытке агрессии будут подобные или другие оправдания. Лига Наций, мне кажется, должна защищать тот принцип, что для военных операций нет оправданий, за исключением случаев самообороны, как не допускает этих оправданий пакт Келлога-Бриана, запрещающий всякую войну в качестве орудия национальной политики". Так заявил тов. М. М. Литвинов со всей силой своей несокрушимой логики и закончил свою речь предложением Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт.[1]

9 сентября открылся пленум Лиги Наций. Одновременно в Германии во время приема Гитлером нового итальянского

---

[1] Полный текст речи тов. М. М. Литвинова см.: „Мировое хозяйство и мировая политика", № 9, сент. 1935, стр. 159—160.

посла состоялась демонстрация итало-германской дружбы. Гитлер в речи говорил об общих идеалах, связывающих фашистскую Италию с национал-социалистской Германией. Итальянская печать распространялась о том, что „Италия, так же как Германия и Япония, является одной из великих держав, нуждающихся в экспансии и в расширении своего места под солнцем".[1]

Британский министр иностранных дел Хор выступил 10 сентября с большой речью, содержание которой может быть сведено к следующим тезисам:

1. Англия считает, что система Лиги Наций, и в частности система коллективной безопасности, должна быть и может быть наиболее действительным средством сохранения и укрепления мира.

2. Правительство Великобритании намерено строго придерживаться пакта Лиги Наций и выполнить все без ограничения обязательства, вытекающие из него.

3. Само собой разумеется, что меры по сохранению мира должны быть коллективными и направленными против всякой агрессии.

4. Малые нации имеют неоспоримое право на самостоятельное существование.

5. Возможно предвидеть перераспределение экономических ресурсов, особенно колониальных, равно как и другие изменения нынешней системы. Однако этот вопрос может быть обсужден только в атмосфере спокойствия, без всяких угроз.

Эта речь хорошо выразила политику Англии в абиссинском вопросе. Англия согласна на экономические уступки в Абиссинии, но против превращения Абиссинии в итальянскую колонию. Англия за коллективную безопасность и за выполнение обязательств, вытекающих из устава Лиги, т. е. за меры воздействия (санкции), против агрессора. Поскольку Франция долгое время боролась за принцип коллективной безопасности, ей трудно не присоединиться к такой речи. Итальянская печать оценила речь Хора как подтверждающую непримиримую позицию Англии. „Пополо ди Рома" писала 13 сентября, что лучший ответ на речь Хора — это отправка войск в Африку.

Выступивший 13 сентября Лаваль заявил, что Франция сохраняет верность уставу Лиги Наций. Эти слова Лаваля

---

[1] „Пополо д'Италия", 9 IX 1935.

Заседание Совета Лиги Наций, обсуждающего итало-абиссинский конфликт. Места итальянских делегатов пустуют.

значат, что если Лига постановит считать Италию агрессором и применить к ней санкции, то и Франция примет в них участие. Однако Лаваль все еще возлагает надежды на примирение и утверждает, что „Комитет пяти изучает всякое предложение, могущее удовлетворить законные стремления Италии". Эта речь Лаваля расценивается прессой как, в основном, поддержка Францией Англии.

Комитет пяти, действительно, изыскивает средства компромисса и говорит о планах предоставления Италии чего-то вроде „мандата" на Абиссинию или об отдаче Италии части Абиссинии. По сообщению „Ивнинг Ньюс" французское предложение

Комитету пяти сводится к следующему: 1. Абиссиния уступает Италии провинцию Огаден. 2. Италия аннексирует ту часть абиссинской территории, которая населена племенами, не признающими абиссинское правительство. 3. Абиссиния уступает территорию, завоеванную в свое время абиссинскими войсками. 4. В Абиссинии создается международная полиция и т. д.

Муссолини сделал на заседании совета министров подробный доклад в стиле: „Италия ничего не боится, никакой компромисс для Италии не приемлем, военные приготовления продолжаются с повышенной интенсивностью".

Весьма откровенно против Англии выступает „Реджиме фашиста": „Если у англичан волосы становятся дыбом при мысли, что Италия может обосноваться в Абиссинии, то это значит, что пункт мы избрали как следует. Если Англия дрожит при мысли, что Италия может выйти за пределы средиземноморской тюрьмы, обогатиться, располагать морскими путями, иметь свою собственную независимую мощь в Африке, что она может стать державой, с которой следует разговаривать, как с равной, — то и отлично. Это есть то, чего мы хотим: фашизм родился, главным образом, из страшной реакции Италии на измену, совершенную в отношении нас союзниками в Париже Фашизм хочет раз и навсегда решить проблемы внешней экспансии. Путь, избранный для этой экспансии, хорош, надо по нему следовать, чего бы это ни стоило. Удобные случаи бывают редко. Либо сейчас, либо никогда".[1]

Итальянский совет министров выносит решение об отклонении всяких компромиссов. „Италия решила воевать" — так расценивают это решение в европейских столицах. Муссолини в интервью, данном газете „Матен", угрожает: „Речь идет не о партии в покер, но Италия тем не менее решила сыграть на карте, на которую поставлено очень много. Мы пойдем прямым путем... По сигналу, который я дам, десять миллионов человек будет мобилизовано в один день" и т. д.

На мировых биржах в предвкушении войны — оживление.

Комитет пяти 15 сентября сформулировал свои предложения, сводящиеся к весьма широким уступкам Италии. Проект Комитета пяти предоставляет Италии очень широкие экономические и территориальные концессии. Над Абиссинией устанавливается

---

[1] „Реджиме фашиста", 14 IX 1935.

нечто вроде международного мандата. При негусе учреждается пост „главного советника", делегата Лиги Наций, в руках которого будет сосредоточено управление полицией, финансами, экономикой, внутренняя администрация и т. д. Намечаются всеохватывающие экономические и административные реформы в Абиссинии: реорганизация полиции и жандармерии, возможность иностранцам принимать участие в экономическом развитии страны (землевладение, горное дело, промышленная и торговая деятельность); реформа системы внешней торговли, реорганизация транспорта, связи, финансов, судебного дела и образования под контролем европейцев. Все это проводится в форме „плана помощи Абиссинии".[1] В Женеве напряжение достигает высшей точки. Ждут итальянского ответа. Лондон дает понять, что предложения Комитета пяти — это максимум уступок. Фоном, дополняющим картину, является громадная концентрация британского флота в Средиземном море.

Италия отклоняет предложения Комитета пяти. 21 сентября итальянский совет министров принимает решение: „Внимательно изучив предложения Комитета пяти, совет министров считает их неприемлемыми"...

Абиссиния, наоборот, с некоторыми оговорками приняла предложения комитета.

Англо-итальянские отношения обостряются. Франция пытается смягчить положение. Французская печать заявляет, что итальянский ответ оставляет возможность дальнейших переговоров. Пока французская печать занимается многоречивыми уговорами обеих сторон, британская лаконично сообщает о передвижениях британских военных судов.

Италия выставила следующие контртребования:

1. Назначение итальянских военных советников в Абиссинию.

2. Эти военные советники должны немедленно приступить к разоружению абиссинской армии.

3. Новый выход к морю, предоставляемый Абиссинии, должен находиться на территории итальянских колоний.

4. Европейские административные советники в Абиссинии должны назначаться Италией.

5. От Абиссинии остаются лишь старые центральные провинции, в которых учреждается режим итальянских военных

[1] См. Société des Nations. Différend entre l'Éthiopie et l'Italie, etc. Rapport du Comité des Cinq au Conseil. Genève, 1935.

советников. Вся остальная территория страны просто оккупируется итальянцами в порядке „территориальных прирезок".

Требования, по сообщению печати, были высказаны итальянским представителем Алоизи председателю Совета Лиги Наций устно. Эти требования фактически сводятся к полному политическому и экономическому контролю Италии над Абиссинией.

Комитет пяти счел свою работу законченной и передал свой отчет Совету Лиги Наций. Совет Лиги Наций принял 26 сентября решение, в котором констатировал, что усилия Комитета пяти не увенчались успехом. Взамен Комитета пяти решено создать Комитет тринадцати, который должен заняться вопросом о применении статьи 15, параграфа 4 устава Лиги Наций, т. е. выяснением вопроса, имеется ли налицо агрессия и кто является агрессором.

Негус прислал Совету Лиги телеграмму, в которой, заявляя о провокационном образе действия Италии, уведомляет Совет Лиги о том, что абиссинские войска, во избежание каких-либо инцидентов, отведены на 30 км от границы, и просит прислать нейтральных наблюдателей, которые могут быть свидетелями агрессии.[1]

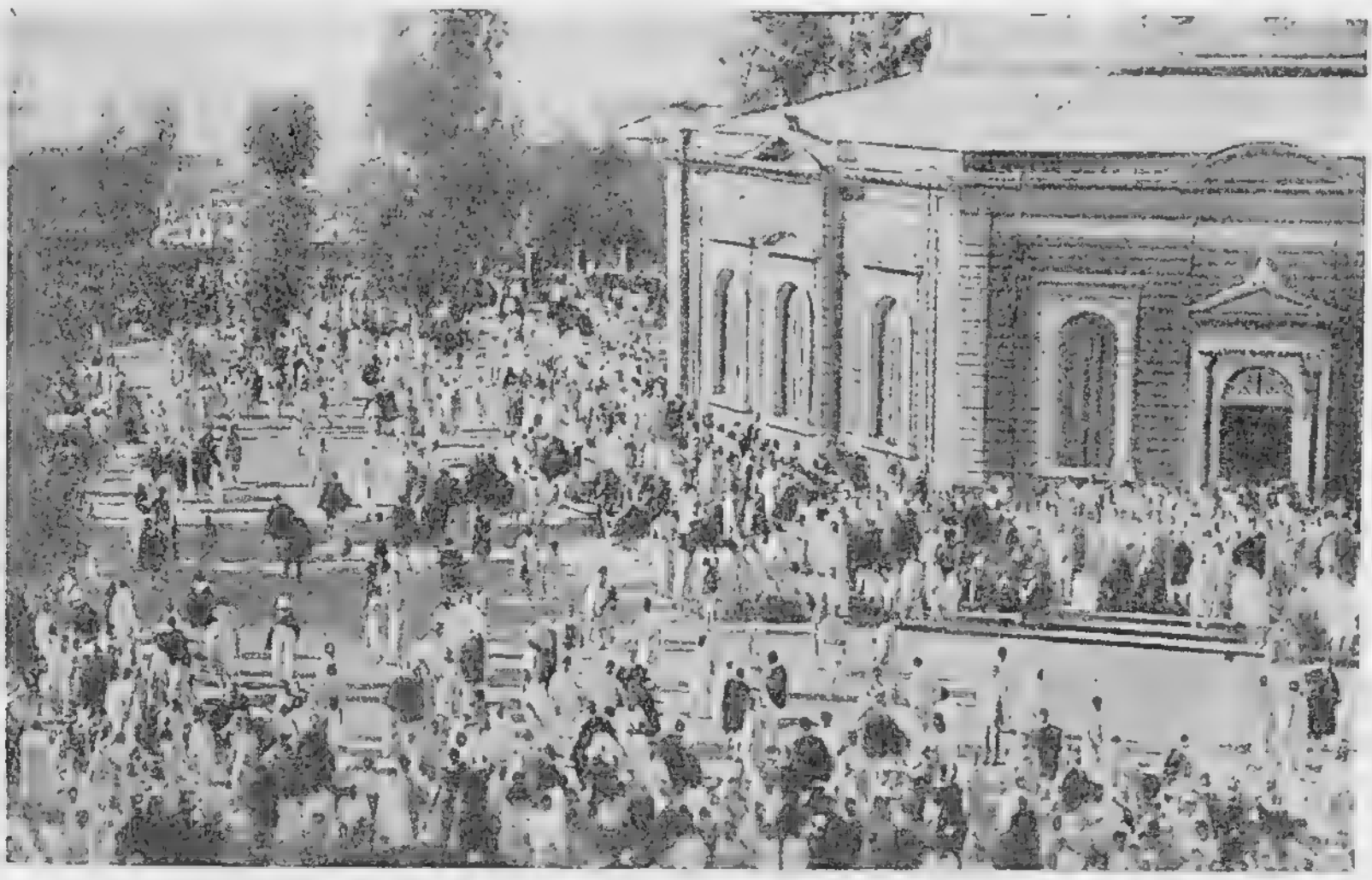
Итальянская печать угрожает: „Все попытки Лиги Наций запугать Италию, — заявляет „Мессаджеро", — не задержали отправки в Африку ни одного итальянского отряда, не заставили нас отозвать ни одного солдата и не прекратили ни на секунду работы наших заводов, которые беспрерывно производят оружие и военные машины".

„Иль Пикколо" пишет: „В Абиссинии закончился период дождей, может быть уже не далек тот день, когда участники женевских разговоров будут потревожены грохотом пушек. Тогда эти господа вспомнят, что Италия начала урегулирование старых и новых счетов".

Англия и Франция обменялись заявлениями относительно принципов политики в случае аналогичного конфликта в будущем. Франция задала вопрос Хору, смысл которого: будет ли Англия поддерживать Францию против возможного агрессора в будущем. В зависимости от ответа на этот вопрос Франция поддержит Англию в настоящем случае или нет. Хор заявил

---

[1] Document C. 384. M., 192, 1935, VII.



Аддис-Абеба. (По фотографии 1935 г.)

о том, что Англия стоит за коллективную защиту устава и за непреклонное коллективное сопротивление неспровоцированной агрессии.

Со своей стороны Англия запросила Францию: „какие меры она готова принять в Средиземном море при определенных обстоятельствах". Словом, между Францией и Англией идет торг: за поддержку сейчас Франция хочет от Англии твердых заверений о поддержке в будущем.

Тем временем в Абиссинии начинаются военные действия. 29 сентября негус подписывает приказ о всеобщей мобилизации. 30-го печать сообщает о начале войны:

Женева, 30 сентября. Здесь получено сообщение агентства „Юнайтед пресс", в котором указывается, что военные действия в Абиссинии якобы уже начались. Итальянцы тремя колоннами вступили в страну одновременно из Эритреи и из Сомали.

Берлин, 30 сентября. Из Аддис-Абебы сообщают, что сегодня утром итальянские войка начали военные операции на абиссинской границе, наступая со стороны Ассабы (Эритрея) и Уал-Уала.

Лондон, 30 сентября. Агенство „Бритиш юнайтед пресс" сообщает из Аддис-Абебы, что, согласно официальному объявлению абиссинских властей, выпущенному сегодня попо-

лудни, итальянские войска, имея исходными пунктами свои базы в Ассабе, Уал-Уале и Асмаре, начали военные действия на границе. Последние рассматриваются как первый шаг к вторжению в Абиссинию.

* * *

УСЛОВИЯ ВОЙНЫ

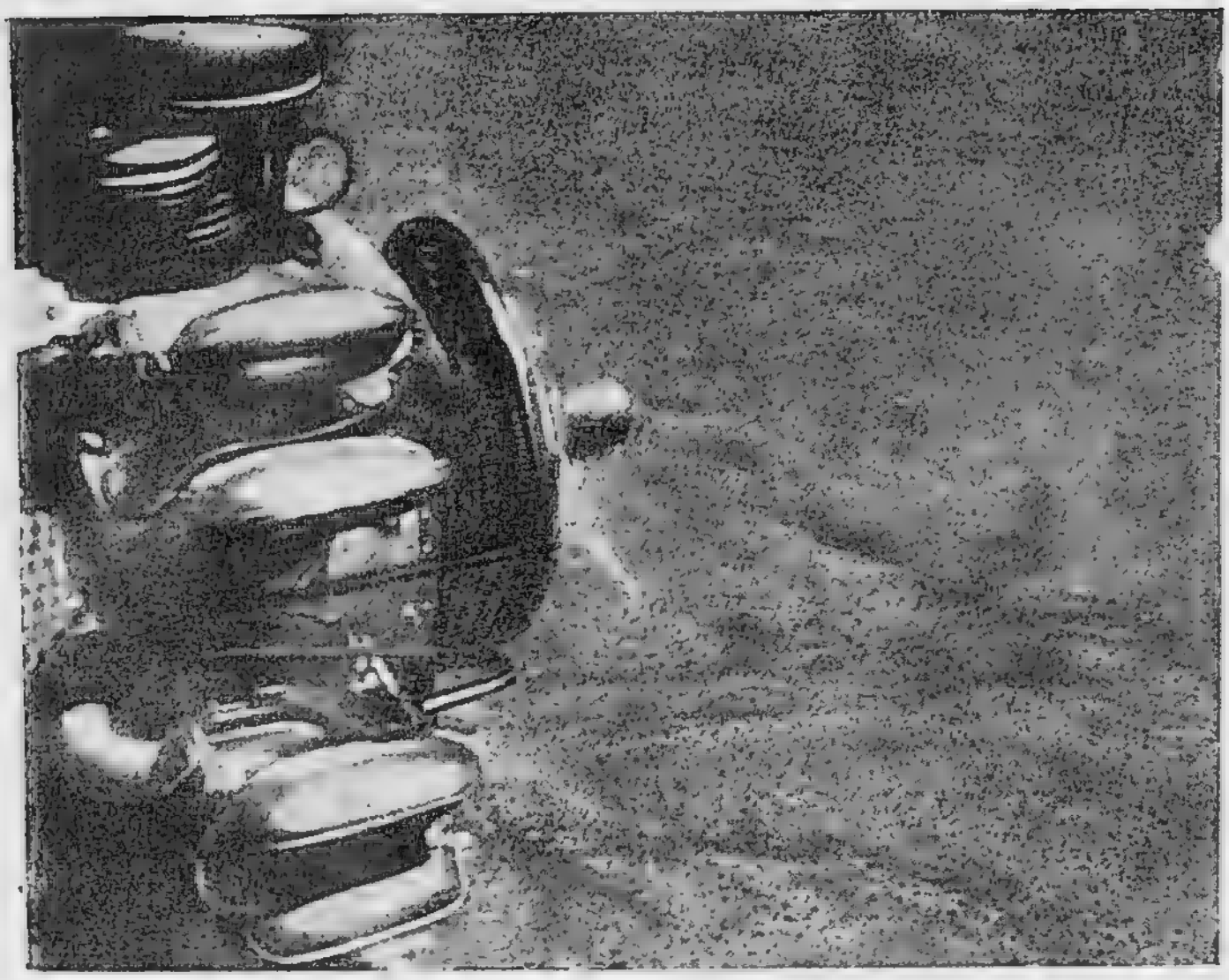
Война, которую затеяла фашистская Италия в Абиссинии, не предвещает для итальянского фашизма ничего хорошего. Опыт многих колониальных войн заставлял предполагать, что это будет война длительная, сопряженная для итальянцев с громадными трудностями. Первые месяцы войны оправдали полностью это предположение.[1] Если итальянцы надеялись на быструю и легкую победу над плохо вооруженным противником, то они в этом сильно ошиблись. Опыт прежних войн в Абиссинии тоже должен был бы их кое-чему научить. Абиссинцы почти всегда выходили победителями. Поражение итальянцев при Адуа не было случайным эпизодом, оно показало силу сопротивления, которое могут оказать абиссинцы армии империалистической державы, пытающейся превратить независимую страну в колонию. Правда, в 1858 г. поход Нэпира увенчался успехом, но как мы показали выше в гл. 6, это не была война в собственном смысле. Британская армия фактически не встречала сопротивления страны и, свергнув Теодора, поспешила уйти, чтобы не испытать на себе действительного сопротивления, которе могло привести к печальным последствиям для экспедиционного корпуса.

Могут сказать, что со времен Нэпира и Баратьери военная техника продвинулась необычайно вперед, но подлежит еще выяснению, насколько обесценивается современное оружие в условиях войны в Абиссинии, при отдаленности от Италии театра войны, скверных условиях сообщения, природных особенностях страны военных действий и т. д.

Многие иностранные обозреватели указывали на трудность и длительность предстоящей кампании. „Колониальные войны

---

[1] Писано в начале декабря 1935 г. *К. Л.*



Итальянский бомбовоз над северной Абиссинией.

даже для сильной военной державы имеют тот недостаток, что они требуют большой выдержки и терпения и длятся целые годы, — указывал один из авторов. — Вряд ли война против Абиссинии будет легче, чем война на германском юго-западе [Африки], чем война с бурами или марокканская кампания. Кто бы ни вышел победителем из этой войны, одно ясно, что до окончания войны обе стороны должны будут сильно напрячь свои силы и принести большие жертвы.[1] Британский генерал-майор Темперлей в „Дейли Телеграф" заявлял: „цена, которую Италия уплатит за войну, — а война продолжится несколько лет, — это длинный траурный список и полное финансовое истощение". Абиссинский корреспондент „Манчестер Гардиан" высказывался перед началом войны в том же духе: „Если война начнется, то мир будет свидетелем тяжелой борьбы. Абиссинцы дорого продадут свою свободу". Германский подполковник Вегели обещал Италии победу, исходя из лучшего обучения, более строгой организации и преимуществ вооружения итальянской армии, но

---

[1] „Франкфуртер Цейтунг", 14 VIII 1935. См. Н. Петров. Военные проблемы итало-абиссинского конфликта. Правда, 7 IX 1935.

Вегели сопровождал свой вывод весьма существенной оговоркой: „если этих плюсов будет достаточно, чтобы разбить абиссинские силы в быстром наступлении". В случае затяжки войны он предсказывал крушение итальянских планов:

„Чем более затянется война, чем больше итальянцы должны будут вводить в дело материальных средств, тем более повысятся шансы абиссинцев, особенно если им удастся разбить части итальянцев в удобных пунктах. Мне кажется, что в этой ожидаемой войне время будет работать на Абиссинию, — чем больше война затянется, тем больше материальных средств понадобится итальянцам, тем выше будут их военные издержки. И в недалеком будущем может настать такое положение, что Италия настолько будет ослаблена в финансовом отношении, что ни одна страна не даст ей в кредит нужного для войны сырья. То обстоятельство, что американцы уже закрыли Италии кредит, должно броситься в глаза!

„И чем дольше будет война, тем больше будут потери итальянцев больными, к которым присоединятся и кровавые потери. Мне кажется большим вопросом: сможет ли Италия продолжать войну, если абиссинцам удастся продержаться до дождей будущего года.

„И если тогда привыкшие тем временем к войне абиссинцы атакуют превосходными силами в удобный момент измученных физически и, возможно, упавших духом из-за отсутствия больших успехов итальянцев, это сможет, вероятно, дать им решающую победу. Но остается гадательным, удастся ли им в течение войны настолько улучшить свое обучение, организацию, снабжение и вооружение, чтобы они были способны к большому решительному наступлению. Если это не удастся, они могут прибегнуть к малой войне и обороне, в которых преимущества будут на их стороне. Таким способом воля итальянцев к победе может быть сломлена".[1]

Итальянцы выставили против Абиссинии к началу кампании примерно 300 тыс. войск. К середине октября в Восточную Африку было отправлено и находилось там 7 пехотных дивизий регулярной армии, 6 дивизий фашистской милиции (чернорубашечников) и 6 отдельных батальонов чернорубашечников.

---

[1] Вегели. К предстоящему ведению войны в Абиссинии. „Дейче Вер" 1935, № 34. Цитировано там же.

Итальянская артиллерия.

Кроме того в Эритрее и Сомали находилось по одному корпусу туземных войск. Войска хорошо оснащены техникой. Дивизия регулярной армии имела в своем составе, помимо пехотных полков, артполк из трех дивизионов горных орудий, пулеметный батальон, танковый батальон, инженерный батальон и пр. Помимо пехотных дивизий и чернорубашечников в Абиссинию были отправлены части тяжелой артиллерии, танковые, инженерные, вспомогательные войска и не менее 500 самолетов. Италия обладает целым рядом выдающихся типов самолетов и за итальянской авиацией насчитывается не один мировой рекорд.

В области механизации и моторизации итальянская армия также занимает одно из видных мест. В Абиссинии итальянцы располагают большим числом быстроходных танков, отличающихся мощью и маневренностью, и вездеходными автомобилями. Не менее 3500 грузовиков и 50—60 тыс. вьючных животных обслуживают итальянскую армию. Корреспондент

„Манчестер Гардиан“ писал недавно: „Армия Муссолини является технически наиболее совершенной и в то же время, вероятно, наиболее многочисленной европейской армией из тех, которые когда-либо предпринимали военный поход в Африке“.

Что могут противопоставить абиссинцы этой технически совершенной армии? К началу военных действий численность абиссинских войск определялась примерно в 500 тыс. человек. Более девяти десятых этой армии — нерегулярные, плохо вооруженные войска самого пестрого возрастного состава, собранные со всех частей страны. Значительная часть бойцов имеет собственных лошадей или мулов. Оружие — разнокалиберные винтовки, копья и мечи, некоторое количество пулеметов и малочисленная артиллерия. Танки и бронемашины фактически отсутствуют. Аэропланов насчитывается всего 10 штук. За первые два месяца войны вооружение несколько возросло за счет усиленного подвоза из-за границы и частично за счет отбитого у противника. Корреспонденты английских газет в Аддис-Абебе в конце октября месяца сообщали, что Абиссиния в случае необходимости сумеет, помимо уже купленного оружия, приобрести вооружения на сумму не меньше чем 75 млн. фунтов стерлингов. Корреспондент „Морнинг Пост“ писал из Аддис-Абебы о крупных партиях оружия, уже поступающего из Бельгии, Чехословакии и Англии. Корреспондент агентства Эксчендж Телеграф, находящийся в Эритрее, писал, что по сведениям итальянских летчиков, со стороны Судана в Аддис-Абебу движется большое количество караванов с оружием. Караваны идут и с востока и с побережья Красного моря. Корреспондент агентства Рейтер сообщал, что в Аддис-Абебу поступают из Англии крупные партии пулеметов и частей к ним и т. д.

Численность также возросла и определялась в начале ноября специальным корреспондентом „Нейе Цюрхер Цейтунг“ в 895 000 человек, состоящих из следующих десяти групп:

I. Рас Айэлу	60 000	человек	— к северу от озера Цана
II. Рас Сейюм	45 000	„	— в Тигре, к западу от Адуа и Макале.
III. Рас Касса	120 000	„	— южнее Макале.
IV. Абисс. престолонаследник	80 000	„	— Дессие южнее Магдалы.
V. Рас Имеру . .	численн. неизвестна		— южнее оз. Цана.
VI. Силы негуса	190 000	человек	— в районе Аддис-Абебы.

VII. Рас Габра Мариам .	200 000	„	— в зап. части страны.
VIII. Рас Нассибу	60 000	„	— в районе Харара.
IX. Рас Деста	40 000	„	— в районе Джинир — юг страны.
X. Расы Маншаша и др.	80 000	„	— в юго-зап. части страны.

Как это видно из расположения (см. схему на стр. 546), большая часть этих войск за первые два месяца кампании еще не была введена в действие (группы IV, V, VI, VII, X).

Абиссинская армия в европейском смысле неорганизована и необучена. Основная масса войск состоит из войск провинций, организация которых чисто феодальная. Командование сосредоточено в руках князей и помещиков, ведущих большей частью подчиненных им крестьян. Часть войск возглавляется племенными вождями, ведущими свое племя. Лишь не более 40—50 тыс. человек гвардии негуса организовано и обучено по-современному и еще меньше прошло школу у иностранных инструкторов. Однако война — лучшая школа, особенно для таких смелых, инициативных и выносливых бойцов, какими являются абиссинцы. Выше (гл. 6) мы уже говорили об отличительных качествах абиссинских солдат. Бедж не даром указывает, что предки абиссинцев сражались веками и абиссинец

Абиссинские солдаты с пушкой.

Схема расположения абиссинских войск.

более подходит для солдата, чем для какой-либо другой профессии, что они бравые и бесстрашные солдаты и стоит прислушаться к словам этого автора, когда он говорит: „Абиссинец никогда не позволит иностранцу быть хозяином в его стране, ибо независимость абиссинца значит больше, чем сама жизнь“.[1] Известный военно-колониальный эксперт генерал Немет-Нейер не без основания заявляет: „Абиссинцы невелики ростом, но слывут храбрыми солдатами. Они бойки, понятливы, очень искусны в стрельбе, в использовании местности и в рукопашном бою. На своих выносливых горных лошадях они являются очень хорошими и отважными кавалеристами. Абиссинское население окажет необычайное сопротивление всякой чужеземной армии“. Политико-моральное состояние абиссинских войск, борющихся за независимость своей страны, за свою родину, нечего и говорить, превосходное, в особенности, по сравнению с итальянскими туземными частями, которые вынуждены испытывать на себе основную тяжесть кампании ради их же поработившего чужеземного империализма. Белые итальянские войска если и были в некоторой своей части объяты в начале кампании шовинистическим духом — в результате фашистской пропаганды — столь непривычны к природным условиям, что быстро приходят в полное физическое истощение и в соответствующее моральное состояние. Нет нужды доказывать, что итальянские рабочие и крестьяне, составляющие значительную часть этой буржуазной армии, не видят для себя ничего хорошего в восточноафриканской авантюре итальянского империализма.

Если на стороне итальянцев современная техника, то на стороне абиссинцев — природа, обесценивающая в значительной мере эту технику и чрезвычайно затрудняющая для итальянцев

---

[1] Budge, p. XXI.

ведение войны. Абиссиния — природная крепость. Пришельцы должны преодолеть высокие горы с узкими, извилистыми ущельями, пылающие пески пустынь, знойные тропические долины с убийственной малярией.

Рассеченное глубокими и узкими долинами рек на множество отдельных плоскогорий абиссинское плато поднимается уступами с запада, с востока же обрывается внезапно отвесной скалой. Над плато, средняя высота которого 2000—2500 м, поднимаются горные цепи, вершины которых достигают 4000—4500 м. Гора Рас Дажан достигает высотою 4680 м. Отдельные горные проходы находятся на высоте 2600—3800 м. Озеро Цана на севере страны находится на высоте 1820 м. Высокую среднюю часть страны окружают с востока, северо- и юго-востока безводные пустыни. Пустыня Данакиль, ограждающая страну с востока, настоящее адское пекло. Воды здесь нет. Температура здесь доходит до 60—70° Ц. В Массауа на берегу Красного моря температура доходит до 53°. Пустыня Огаден на юге почти лишена воды. Про долины рек также нельзя сказать, чтобы климат был для европейцев подходящий. Один из справочников указывал даже: „В глубоких жарких долинах Мареба и Такказе... европейцы не могут выживать; даже для обитателей плоскогорья пребывание в этих местностях очень опасно“.

Розита Форбс в „Сфир“ так описывает природу основного северного театра войны: „Ряд за рядом горы вздымаются, они громоздятся столь тесно, что даже с воздуха трудно обнаружить долины, тянущиеся между ними“.[1] Другой автор сравнивает физическое строение страны с поставленными на острие один за другим камнями с проходами между ними.[2]

Войска, наступающие с севера, из Эритреи, наталкиваются прежде всего на каньон реки Мареб и линии гор на юг от нее, которым прикрыта Адуа и Адиграт. Это — первое и наименьшее препятствие. Южнее его — каньон Такказе, от которого ответвляются на восток веерообразно другие каньоны. Еще южнее — горный массив Семиен; далее — вряд ли менее неприступные горы вокруг Магдалы. Британская экспедиция, дошедшая до Магдалы, узнала, сколь труден был этот путь. Затем идет каньон Голубого Нила, после которого вздымаются горы Шоа,

---

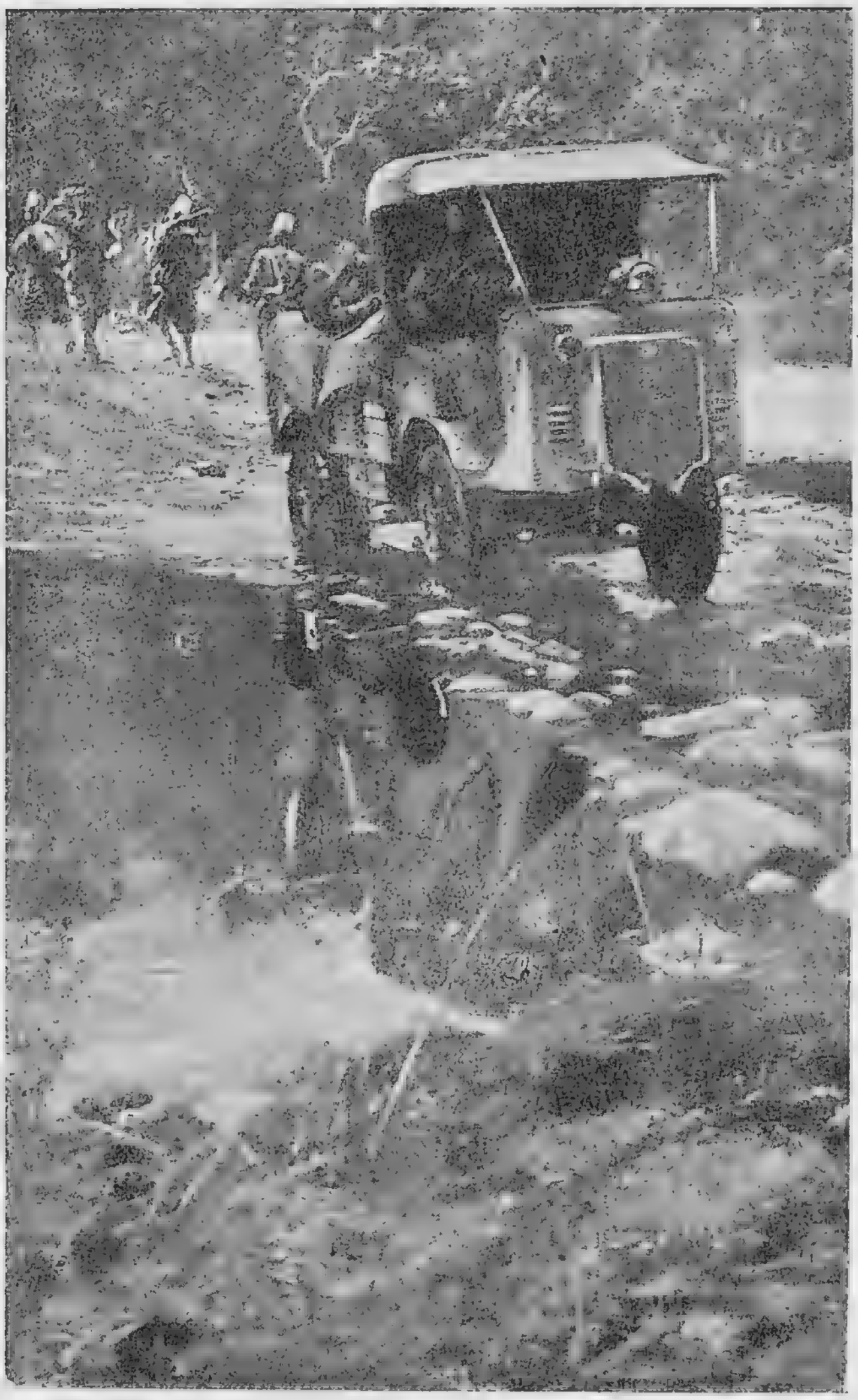
[1] „Sphere“, 14 IX 1935.

[2] „Economist“, 12 X 1935.

и только за ними открывается долина реки Аваш, ведущая к центру страны. Никакая европейская армия не может пройти страну широким фронтом. Ее путь неизбежно должен сузиться в два коридора. Один, получивший после экспедиции Нэпира название „британского пути", идет по восточному краю массива гор. Другой идет на запад к озеру Цана. Средняя ширина восточного пути не более 80 км, в некоторых же местах он сужается до узкого прохода.

Современная армия, оснащенная техникой, требует хорошо налаженных сообщений. Нужно подвозить громадные массы продовольствия, военных материалов, снарядов, горючего, нужно обеспечить возможность передвижений танков, броневиков, артиллерии. Абиссиния же почти лишена дорог. Даже главные линии сообщения представляют в значительной части узкие горные тропы. В пустынях востока и юга жара такая, что танки и автомобили выбывают из строя и превращаются иногда в средство не ускорения, а замедления передвижения армии, как это показал опыт первых месяцев войны. Тропические дожди на юге также сослужили службу абиссинцам: итальянские танки и броневики во время наступления завязли в грязи.

Сильно пересеченный профиль местности в северной и центральной части страны облегчает для абиссинцев ведение партизанской войны, устройство засад, перерыв коммуникаций. Абиссинцы знают каждую тропинку, и каждый камень может служить для них прикрытием. Один британский автор пишет: „В этой стране, которая удивительно приспособлена для засад и партизанских действий, абиссинцы особенно искусны в этих формах ведения войны. Их разведочная служба удивительна. Они избегают регулярных сражений и используют все естественные условия для того, чтобы разбить силы противника, который оказывается особенно уязвимым во время неожиданных и кратковременных атак". Германский подполковник Кремер признает, что „в горной части северной Абиссинии можно даже при бедном вооружении и соответствующей технической подготовке так прочно запереть немногие скверные дороги, что нападающему придется открывать их горными боями по обеим сторонам дороги. Если абиссинцы устроят на всех доступных горных фронтах укрепленные и возможно защищенные от танковой атаки позиции, то итальянцы столкнутся со всеми не-



Итальянский грузовик на пути в Адуа.

взгодами горной войны, усугубленными в два-три раза климатом, что исключит возможность быстрого успеха даже и при значительном превосходстве в вооружении".[1] Известный британский теоретик, генерал-майор Фуллер, сообщал из Асмары, что главная проблема в абиссинской войне — это пути сообще-

[1] Кремер. К итало-абиссинскому конфликту. „Дейче Вер", 1935, № 32.

ния. Действительно, итальянская северная армия, наступающая из Асмары, сразу столкнулась с этой трудностью. Постройка дорог требует бóльших жертв, чем самые военные операции. Дорожные работы, как бы они ни производились быстро, задерживают продвижение итальянской армии. Скверные дорожные условия чрезвычайно ограничивают возможность использования танков и автотранспорта. „Естественные условия делают почти невозможным применение автотранспорта и танков" — писал недавно один британский офицер в журнале „Нью стейтсмен энд нейшен".

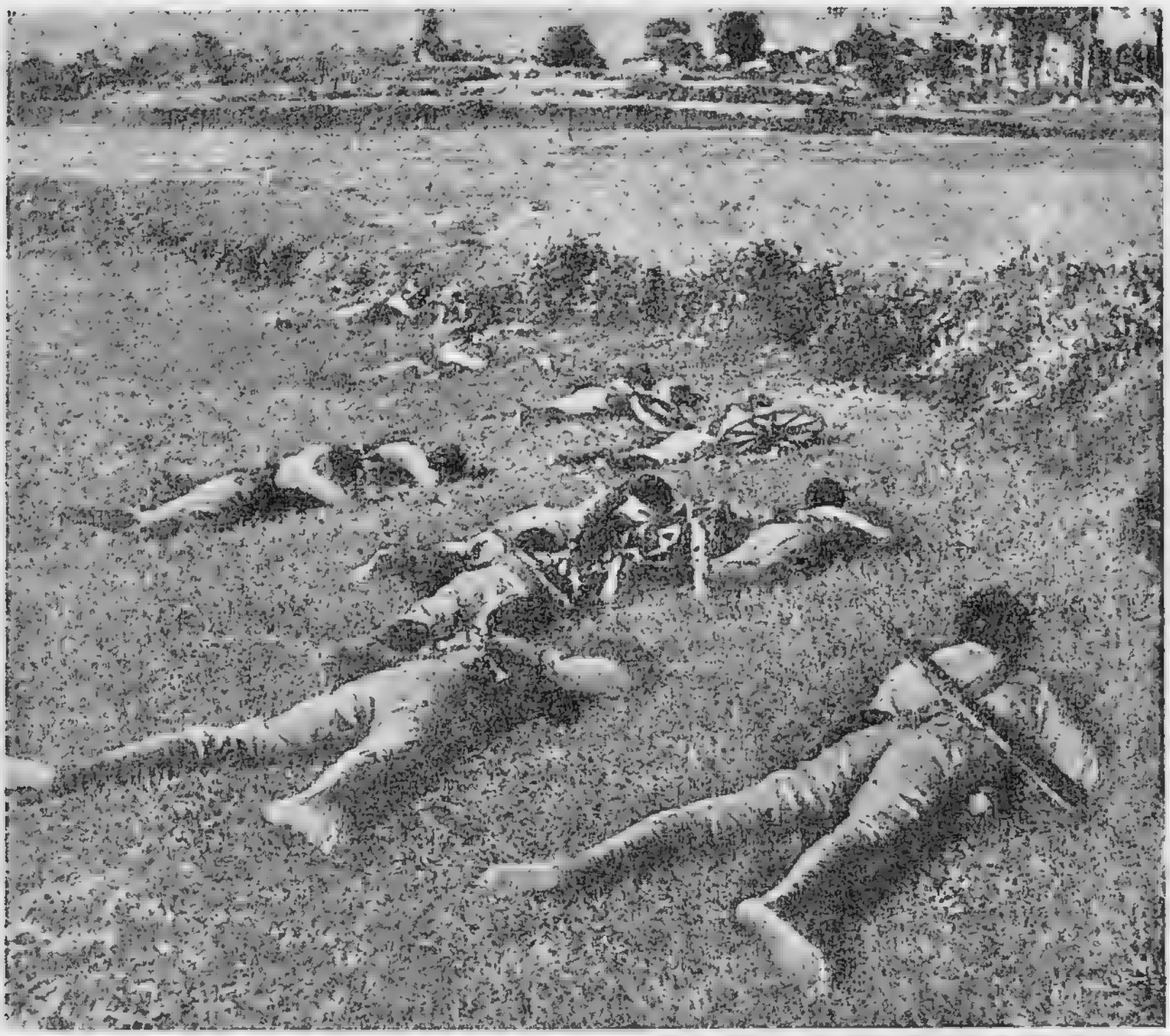
Интересные примеры, насколько современное оружие теряет свое значение в условиях Абиссинии, приводил в своей статье „Условия войны в Абиссинии" тов. Радек:[1]

„Рассматривая свои военные шансы и сравнивая их с тем, как обстояло дело в войну 1896 г., итальянская пресса указывает не только на то, что во время сражения под Адуей итальянский главнокомандующий Баратьери имел только 20 тыс. войск против 100 тыс. абиссинских войск. Она указывает, что тогда по существу дело решала винтовка, теперь же итальянцы будут иметь громадный перевес огневой силы, ибо у них пулеметов несравненно больше, чем у абиссинцев, не говоря уже об авиации. Аргумент насчет огневой силы будет действителен только в том случае, если абиссинское командование пойдет на полевой бой с итальянской армией. Если же, как это можно предположить, абиссинские войска будут избегать генерального сражения и будут завлекать итальянские войска в глубь страны, чтобы использовать свое великолепное знакомство с топографией местности для партизанской войны, то вряд ли перевес огневой силы итальянцев сможет доказать то действие, на которое рассчитывает итальянский штаб. Что касается роли авиации, то генерал Роуан Робинзон, имеющий большой опыт войны в гористом Курдистане и Северной Индии, пишет:

„Итальянцы известны как искусные и смелые авиаторы. Они имеют сильнейшую авиацию, но их ожидает большое разочарование, если они надеются на ее мощную разрушительную силу. Они, понятно, могут разрушить Аддис-Абебу, Харар или Дире-дауа, но это не окажет никакого серьезного влияния на разви-

---

[1] К. Радек. Условия войны в Абиссинии (Известия, 3 X 1935).



Пулеметное звено абиссинских солдат, укрывшееся в виду налета итальянской авиации.

тие военных операций и на силу отпора абиссинского народа. В Европе существование всякой страны зависит от дюжины других стран, и массы населения, сосредоточенные во всяком городе, зависят не только от импорта из-за границы, но и от состояния железных дорог, связывающих города. Вот почему для них бомбы представляют такую опасность. Они разрывают тонкую паутину современных путей сообщения... Кроме того, атака на источники силы — на фабрики, на арсеналы, на резиденции правительства — все это подрывает возможность отпора... Но доктрина Дуэ применима только к Европе. То, что он писал, не имеет значения в Абиссинии, где нет фабрик, арсеналов и железных дорог. В Абиссинии народ может разбежаться во все стороны и найти средства для существования. Абиссиния состоит из бесчисленных деревень, дома в которых построены из глины и дерева. Они могут быть легко разрушены и так же легко восстановлены. В наших боях на севере Индии...

мы пришли к убеждению, что разрушение этих жилищ требует громадного количества бомб, значительного времени, причем израсходованная энергия не находится ни в каком соответствии с военным результатом. Понятно, что достойной мишенью для авиации представляются племена, собранные в одном месте, но этого достигнуть удается раз или два. Патанам, беду или курдам не нужно было много времени, чтобы найти способ, как защищать себя от огня авиации. Летчик мог много часов летать над горами Вазиристана или Курдистана, не находя этих племен, ибо они скрывались".[1]

Роуан Робинзон считал, что авиация в абиссинской войне в первую очередь будет использована как средство для подвоза. Он очень скептически относился и к роли механизированных орудий войны в таких странах как Абиссиния. Он писал: „Итальянцы не имеют свежего опыта в борьбе в гористой местности против полуцивилизованных народов. Они имеют только опыт борьбы на равнинах Триполи и Ливии. Они не замечают, что современные средства борьбы, вместо того чтобы давать перевес регулярным войскам над нерегулярными, как это предсказывали многие военные авторитеты, усилили позицию горцев, вооруженных современной винтовкой, против организованной армии. В 1860 г. британская колонна, оперировавшая в Вазиристане, проходила из Джандоля до Макан в четыре дня, в двадцатом году это уже требовало двух месяцев. Эта разница объяснялась задерживающей силой хорошей винтовки в руках искусного партизана. В июле 1933 г. во время французских операций в Атласе, в горах Беду 7 тыс. туземцев боролись с 35 тыс. французских войск, вооруженных наиболее современными средствами войны. Непосредственные атаки, поддерживаемые аэропланами и артиллерией, ни к чему не привели".

Действия авиации в Абиссинии затрудняются высокими горами. В северной, центральной и местами и в южной части страны авиация должна поражать цели, расположенные на высоте свыше 2000 м. Это уменьшает потолок авиации и увеличивает ее уязвимость. Большая лесистость страны дает хорошее укрытие абиссинцам и, кроме всего прочего, разрушать авиации (равно и артиллерии) почти нечего. Английская газета „Дейли Телеграф" иронизирует по этому поводу: „Воздушные

---

[1] Rowan Robinson. England, Italy and Abyssinia London, 1935, p. 130.

Итальянские войска на пути в Адуа.

налеты на Аддис-Абебу не приведут к победе Италии, даже если удастся снести с земли кучу лавок и туземных хижин. Абиссиния — единственная страна в мире с передвижной столицей. Нынешняя столица, не имеющая исторического значения, может быть легко перенесена без ущерба для настроения туземцев".

Относительно того, что собою представляла еще недавно Аддис-Абеба, может дать представление следующий эпизод, описанный английским путешественником Вивиан:[1]

ГДЕ АДДИС-АБЕБА?

„Мой последний путь к столице, казалось, никогда не кончится. Я рассчитывал достичь менее, чем в три часа, но прошло около четырех часов, прежде чем я обернулся и спро-

---

[1] H. Vivian. Abyssinia. London, 1901.

сил одного из своих людей, когда мы, наконец, достигнем Аддис-Абебы?“

„Но, саиб, она здесь“.

„Где?“

„Здесь, мы уже прибыли“.

„Я посмотрел кругом недоверчиво и не увидел ничего, кроме немногих легких хижин и одной случайной белой палатки, отдаленных друг от друга, раскиданных в неровном, холмистом котловане у подножия отвесных гор. Я с трудом допускал, что мы приближались к деревушке; мысль, что это могла быть столица великой империи, резиденция царя царей, казалась мне чудовищной“ и т. д.

Правда, с того времени Аддис-Абеба значительно выросла, но все-таки эта столица Абиссинии представляет мишень для разрушительной деятельности авиации не весьма благодарную.

Итальянские империалисты возлагали большие надежды на феодальную разрозненность страны. Империалисты в колониях, вообще, любят прибегать к использованию феодальных и межплеменных противоречий, подкупая местных вождей. Нет сомнения, что расчеты на политическую неурядицу в стране занимали видное место в планах итальянских генералов. Характерна в этом отношении следующая заметка из „Эко де Пари“ (цитирую по „За рубежом“):

ДВАДЦАТЬ МАРОККО

В какие формы выльется трудная война в Абиссинии? Прекрасная итальянская авиация не сможет нанести решающего удара противнику, который может быстро рассеиваться и прятаться за скалами. Более того, опыт показал, что под тропическим солнцем и высоко в горах газы оказывают сравнительно небольшое действие.

Вероятнее всего, что при подобных обстоятельствах французский генеральный штаб постарался бы свести военные усилия до минимума. Другими словами, он бы действовал короткими внезапными ударами, останавливаясь, чтобы укрепить фронт и обезопасить тыл. Единственное неудобство подобного метода — это его медлительность.

Тут должно быть пущено в ход политическое действие. Не надо забывать, что Абиссинию населяет не один народ,

а несколько враждующих друг с другом. Воспользовавшись подобным положением, англичане в прошлом почти без боя достигли с 17 тыс. солдат столицы страны, заставив сдаться императора Теодора.

Следовательно, можно с уверенностью сказать, что итальянская дипломатия, итальянские интриги, итальянские деньги тщательно подготовили почву для намечающейся кампании. Поэтому операции логически должны принять следующую форму:

1) фронтальная атака с эритрейских баз в Адуе, расположенной всего в 150 км от теперешней границы, с целью добиться большой победы, которая сгладит тяжелые воспоминания об ужасающем разгроме итальянцев в 1896 г.;

2) закрепление за собой занятых позиций;

3) воздушные налеты и набеги не столько для того; чтобы разбить неуловимого противника, сколько для того, чтобы ослабить моральное сопротивление врага, и

4) интенсивная политическая активность, которая повлечет за собой разлад в стране и, следовательно, ослабит сопротивление, тем самым позволяя более частые лобовые атаки.

Конечно, подобный метод уменьшает, но не исключает риск, хотя победа Италии и кажется несомненной. Нельзя скрывать, что ей придется пойти на тяжелые жертвы. Абиссиния большой кусок. „Двадцать Марокко", как говорят французские колониальные офицеры.

Если итальянцы имели, действительно, такой план, то он не очень удался. Никакой большой победы итальянский империализм за первые месяцы войны не добился. Воздушные набеги оказывают свое моральное воздействие, но абиссинцы, как показывают первые месяцы кампании, не упали духом Никакого разлада в стране итальянцы не добились. К ним лишь перешел давний их союзник и враг нынешнего негуса рас Гукса. Страна же в целом показывает большую сплоченность, могущую быть сравнимой с временами Менелика. Ненависть к захватчикам объединила всю страну и устранила всякую рознь.

Недаром абиссинская пословица говорит:

„Фател биррададда анбассан яскарал"

Помогая друг другу, сыновья сдерживают самого льва.[1]

---

[1] Faitlowitch, p. 44.

Наступление итальянского империалистического „льва“ может в этом отношении привести к ускорению процесса централизации, т. е. к результату, обратному целям фашистской Италии.

Зато в самой Италии абиссинская кампания может привести действительно к серьезным политическим последствиям. В случае поражения Италии в Абиссинии фашизму в Италии конец. А то, что такое поражение не исключено, показывает не только рассмотрение условий войны в Абиссинии, но и рассмотрение конкретного опыта истекших месяцев, который говорит об отсутствии решительной победы на стороне Италии, затяжном и тяжелом характере войны. Если даже Италия в военном отношении и не потерпит поражения, то экономически и политически империалистическая Италия будет чрезвычайно ослаблена войною.

Не следует здесь забывать и роли империалистических соперников Италии, которые весьма благосклонно отнесутся ко всякому ослаблению Италии. Заметим кстати, что большое значение для Италии в этой войне играет вопрос о морских коммуникациях. От Италии до Эритреи 2000 км, а до Сомали — 4000 км. На этом расстоянии нужно обеспечить все снабжение 400 000 армии. В самой Восточной Африке итальянцы не обладают никакими почти ресурсами продовольствия, ни тем паче какой-либо промышленностью, играющей сложную технику современной армии. Все это нужно доставить из самой метрополии по сравнительно узкой морской дороге, через Красное море, Суэцкий канал и т. д. Перерыв этой ниточки, скажем вследствие закрытия Суэцкого канала, означал бы для восточно-африканской армии полную катастрофу.

* * *

ВОЙНА

Итак, война фашистской Италии с Абиссинией началась. Итальянские войска вторглись на абиссинскую территорию.

Официальное итальянское сообщение обосновывало начало итальянцами военных действий не чем иным, как... абиссинской агрессией. „Мобилизация в Абиссинии создала прямую и непосредственную угрозу итальянским войскам в наших

колониях. Высшее командование в Эритрее получило приказ действовать. Итальянские войска продвинулись вперед, заняли некоторые позиции за пределами наших колоний" — так заявляло официальное коммюнике, опубликованное в итальянских газетах. В телеграмме итальянского правительства секретариату Лиги Наций Италия обвиняла Абиссинию в подготовке агрессии против Италии и указывала, что „в результате приказа о всеобщей мобилизации в Абиссинии, эта агрессия приобрела еще более значительный размах и несет с собой серьезную опасность, на которую необходимо реагировать без промедления по элементарным соображениям бесопасности.

В виду такого положения, итальянское правительство вынуждено было разрешить высшему командованию в Эритрее принять необходимые меры обороны".

Так лицемерно империалисты обосновывают свою собственную агрессию, нападение на мирный народ.

Сейчас мы имеем возможность подвести первые итоги итальянской империалистической агрессии. Прошло четыре с лишним месяца войны[1]. Каков был ее ход и каковы дальнейшие перспективы? Насколько близок итальянский фашизм к своей цели — превращению Абиссинии в свою колонию?

Первые месяцы военных операций в Абиссинии подтвердили предположения о трудностях, с которыми итальянский фашизм встретится в Африке. Война для Италии оказалась не только чрезвычайно изнурительной, но и бесславной. Никаких решительных побед над „варварами" абиссинцами итальянцы, несмотря на всю свою современную технику, не добились. Надежды итальянцев на феодальную раздробленность Абиссинии, на разложение в стане противника, не оправдались. Итальянская техника — аэропланы, танки, бронемашины и артиллерия в условиях Абиссинии сильно обесценились. Условия транспорта оказались чрезвычайно тяжелыми. Дороги, вернее, их отсутствие, играют роль едва ли не главного и почти непреодолимого препятствия, если не считать сопротивления противника. А сопротивление противника выявило все превосходные качества абиссинского воина, борющегося за независимость своей страны. Абиссинцы, как мы и предполагали, показали себя смелыми и стойкими бойцами. Они сумели выработать тактику, применяясь к невидан-

---

[1] Писано в середине февраля 1936 г. *К. Л.*

ным в Абиссинии средствам войны. Они выказали свою организованность, выносливость и инициативность. Итальянский фашизм явно недооценил сил сопротивления абиссинского народа и вовлек Италию в авантюру, тяжелые последствия которой уже начинают сказываться. Экономическое положение Италии резко ухудшается с каждым днем. В армии наблюдаются массовые случаи дезертирства. В стране все более открытое недовольство и возмущение масс. В правящих кругах Италии и в командовании армии — растерянность, колебания и противоречия. Завтрашний день не несет ничего приятного итальянскому фашизму.

С самого начала кампании обозначились три фронта военных действий: северный, восточный и южный.

Главные действия войск резвернулись на северном фронте. Здесь итальянское командование сосредоточило к началу войны основные массы войск, не менее десяти дивизий. Войска были обеспечены более 3500 пулеметов, 300 орудиями легкой артиллерии, 200 танками, 400—500 самолетами. Итальянская армия имела здесь колоссальное техническое превосходство над плохо вооруженными и организованными абиссинцами. И несмотря на это превосходство, итальянцы в течение первых месяцев кампании добились самых минимальных успехов. Итальянские войска до февраля месяца не сумели достигнуть горного прохода Амба Алаги, до которого итальянцы доходили в кампанию 1895—1896 г., ни тем более, они не достигли Магдалы, взятой в 1868 г. англичанами. Последние из обозреваемых нами месяцев (декабрь и январь) итальянцы здесь, на северном фронте, не наступали, а оборонялись и потеряли часть захваченной ими в провинции Тигре и районе Тембиен территории.

Действия на восточном фронте Абиссинии совершенно не развернулись. Здесь произошло лишь несколько стычек второстепенного значения. Безводную пустыню Данакиль итальянское командование, повидимому, сочло непреодолимым препятствием. Занятую в самом начале войны гору Мусса-Али итальянцы затем оставили.

Немаловажное, хотя и не решающее исход кампании, значение приобрели действия на южном фронте. Сюда, на южный фронт, Италия послала значительно меньшее количество войск, чем на северный фронт, и итальянцы определенно испытывают здесь постоянный недостаток войск для более широких опера-

ций. Профиль местности здесь для ведения итальянцами наступления более благоприятный, чем в северной Абиссинии, но зато климатические условия более тяжелые. Значительным препятствием здесь служит недостаток воды. Кроме того, южный театр войны чрезвычайно удален от Италии, и снабжение итальянских баз, посылка подкреплений, связь и пр. здесь сильно затруднены. Но зато и силы абиссинцев на южном фронте значительно более слабые, чем на северном фронте, и условия местности для них менее благоприятные. Урон, который здесь терпят абиссинцы от танков, бронемашин и авиации, повидимому, не малый. В итоге здесь, на южном фронте, борьба идет с переменным успехом. Первоначальное, относительно быстрое наступление итальянцев на Сасса-Бене закончилось еще более быстрым, прямо паническим отступлением итальянцев. В январе, наступавшая на Дало армия раса Деста понесла определенное поражение и, преследуя ее, итальянские войска совершили рейд в северо-западном направлении, достигнув Негелли. Однако, сил итальянских войск оказалось недостаточно для того, чтобы задержаться на достигнутом рубеже, и итальянский командующий на южном фронте, генерал Грациани счел благоразумным оттянуть итальянские войска назад, почти к исходным позициям. Таким образом, *на всех фронтах итальянские планы быстрого наступления* (если они действительно существовали) *потерпели крах. Продвижение, в общем итоге, оказалось чрезвычайно медленным.*

Никто, пожалуй, не сомневался в трудностях, с которыми должны встретиться итальянские войска при продвижении в Абиссинию. Однако, вряд ли кто предполагал, что на пятом месяце войны главные силы итальянской экспедиционной армии на северном фронте будут не дальше ста с лишним километров от границы, а остальные войска будут находиться в тех районах, где они начали войну. Относительно южного фронта, например, за несколько месяцев до начала кампании газета „Таймс“ приводила такое предположение: „Существует мнение, что если проблема воды будет здесь решена, танки и механизированная пехота могут достигнут легко города Харара вечером следующего (за началом военных действий. *К. Л.*) дня“. Как далека действительность от этого, слишком оптимистического предположения! Прошло целых 130 дней, и Харар остается недосягаемой мечтой.

Итальянцы совершенно не ожидали столь сильного сопротивления, которое им оказали и продолжают оказывать „отсталые“ абиссинцы. Когда в середине ноября итальянский командующий войсками в Восточной Африке генерал де-Боно был смещен и на его место был назначен маршал Бадольо, в иностранных дипломатических и военных кругах высказывали предположение, что причиною смены итальянского командования в Восточной Африке является недовольство Муссолини чересчур медлительной тактикой де-Боно. От нового главнокомандующего маршала Бадольо ожидали ускорения хода военных действий. Но события показали, что Бадольо действует так же медленно, как и его предшественник. Итальянцы медленно продвигаются от рубежа к рубежу, не быстрее, чем идет укрепление тыла. Смену де-Боно французская газета „Эвр“ не без оснований охарактеризовала как свидетельство затруднений, с которыми встретилась итальянская армия в Абиссинии. „Остается признать, — писала газета, — что Рим не ожидал такого сопротивления „варваров“ и переоценил тот ужас, который должны были нагнать на абиссинцев итальянские танки, самолеты, пушки и все прочие орудия убийства и опустошения“.

Видный английский военный теоретик, генерал Фуллер, изучая положение на месте, писал в своей корреспонденции от 11 ноября с фронта: «Если я прав, то кризис войны будет около нового года. Если же этого не будет, то война затянется и будет разорительна не только для Италии, но и для всей Европы“. Новый год миновал и ожидавшегося Фуллером кризиса не наступило. Поэтому приходится склониться ко второму его предположению, неблагоприятному для Италии: о затяжке войны и ее разорительности.

В связи с этим вполне уместно вспомнить слова еще одного английского военного эксперта, генерала Роуан-Робинзона. В своей уже выше цитированной нами книге „Англия, Италия и Абиссиния“ (первое издание которой вышло еще до начала военных действий) британский генерал, рассматривая возможные варианты итальянской стратегии в абиссинской войне, пришел к выводу, что единственной применимой в абиссинских условиях стратегией следует признать медленное продвижение, шаг за шагом, отвоевывание кусочка за кусочком и прочного закрепления на достигнутых рубежах, прежде всего

усиленное строительство дорог. Ибо без хороших дорог, отсутствующих в Абиссинии, механический транспорт передвигаться не может. Употребление вьючного транспорта для современной армии неприменимо, в особенности в Абиссинии, где растянувшиеся по горным тропам караваны представляют слишком хороший объект для нападений партизан. Таким образом итальянская армия, по мнению Робинзона, сможет подвигаться лишь с той скоростью, с какой будет вестись строительство первоклассных дорог, а именно: очень медленно. «*Но этот процесс продвижения по ступеням,* — писал Роуан-Робинзон, *откусывания страны по кусочку, очень медленный процесс: пять, десять, двадцать, пятьдесят лет, — кто скажет? Сможет ли Италия нести непрерывные издержки?* Вынесет ли горячая латинская раса продолжительную неподвижность после напыщенных речей иль-Дуче?"[1]

Надо полагать, что длительная абиссинская кампания чрезвычайно ослабит силы итальянского фашизма. Если даже Италии и удастся победить своего плохо вооруженного противника, то изнурительная война принесет мало славы и много неприятностей самим победителям.

По отдельным фронтам ход военных операций за истекшие месяцы рисуется в следующем виде.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

Война началась наступлением итальянских войск из Асмары на Адуа — Адиграт. Итальянцы вторглись на абиссинскую территорию 30 сентября и 3 октября повели наступление тремя колоннами. В авангарде каждой колонны двигались конница и бронемашины, бронемашинами же охранялись фланги колонн. Наступавшая пехота двигалась широко расчлененной по фронту.

Правая колонна итальянских войск (2-й Национальный корпус, командир ген. Маравинья), в составе одной регулярной дивизии, одной дивизии чернорубашечников и нескольких туземных батальонов, получила направление от Ади Угри, через Ади Куала на Адуа.

Левая колонна (1-й Национальный корпус, командир ген. Сантини), в составе одной регулярной дивизии, одной дивизии

---

[1] Rowan-Robinson, H. England, Italy and Abyssinia, p. 132.

чернорубашечников и нескольких туземных батальонов, направилась от Ади Кайе через Сенафе на Адиграт, т. е. по пути, слишком хорошо известному игальянцам по кампании 1895—1896 года.

Центральная колонна (смешанный корпус, командир ген. Бироли), в составе дивизии чернорубашечников и дивизии туземцев, направилась от Маи Хайни на возвышенность Энтишио, лежащую между Адиграто́м и Адуей.

В головах всех колонн двигались туземные части. Итальянцы и в дальнейших военных операциях будут стремиться ставить под удары прежде всего цветные войска.

Наступление было подготовлено бомбардировкой Адуа и Адиграта.

Днем 4 октября итальянцы заняли гору Рамат, к западу от Адуа, продвинувшись на 25—30 км от границы. На следующий день итальянцы заняли Адиграт. 6 октября с утра итальянские войска начали атаку на Адуа, и вскоре итальянский пехотный полк занял Адуа.

Первая победа была, таким образом, одержана очень легко. Но была ли это победа в полном значении этого слова?

Действительно, абиссинцы не оказывали серьезного сопротивления взятию итальянцами Адуа. Абиссинских войск в приграничной полосе до линии Адиграт—Адуа—Аксум не было, и негус объявил официально всему миру, что в целях избежания возможных инцидентов абиссинские войска оттянуты на 30 км. Главные абиссинские силы на северном фронте еще не успели сконцентрироваться, и сдача Адуа, повидимому, была предусмотрена абиссинским командованием, не считавшим возможным вступать в серьезный бой, не подтянув основную массу войск. Один из французских кинооператоров, который сопровождал итальянскую армию, заявил, что первые 20 км итальянцы прошли без всякого сопротивления со стороны абиссинцев. За весь день он не слышал ни одного выстрела. Немецкие корреспонденты иронически сообщали, что „успешное продвижение итальянских авангардов сопровождалось в первый день паническим бегством от них абиссинских женщин и детей“.

Во время подхода итальянских войск к Адуе и Адиграту лишь мелкие абиссинские отряды обстреливали итальянцев из-за укрытий и совершали партизанские нападения. Находив-

шиеся на линии Адиграт—Адуа тысяч двадцать войск раса Сейюма отошли на линию Хауцин — Аксум. Атаку итальянцев отражали лишь прикрывающие части, против которых итальянцы вынуждены были пустить бронемашины. Адуа была взята фактически без серьезного боя и все-таки итальянцы потеряли на этом фронте до 600 чел.

Главным трофеем, захваченным итальянцами в Адуа, были два льва раса Сейюма, которые итальянский командующий послал немедленно в подарок Муссолини.

8 октября итальянцы заняли без боя оставленный абиссинцами Аксум. Основные массы абиссинских войск все еще не подошли к линии северного фронта, и рас Сейюм имел определенную директиву отходить, не вступая с итальянцами в неравный бой. Абиссинцы лишь совершали постоянные ночные нападения, внося панику в итальянские войска и причиняя им большие потери.

К 14 октября итальянские войска заняли Хауцин, к юго-востоку от Адуа, и стали медленно продвигаться по направлению на Макале. Макале неоднократно подвергалось бомбардировке. 1-й армейский корпус двигался по дороге Адиграт—Дебра—Сион—Агула. Туземный корпус наступал от Хауцина

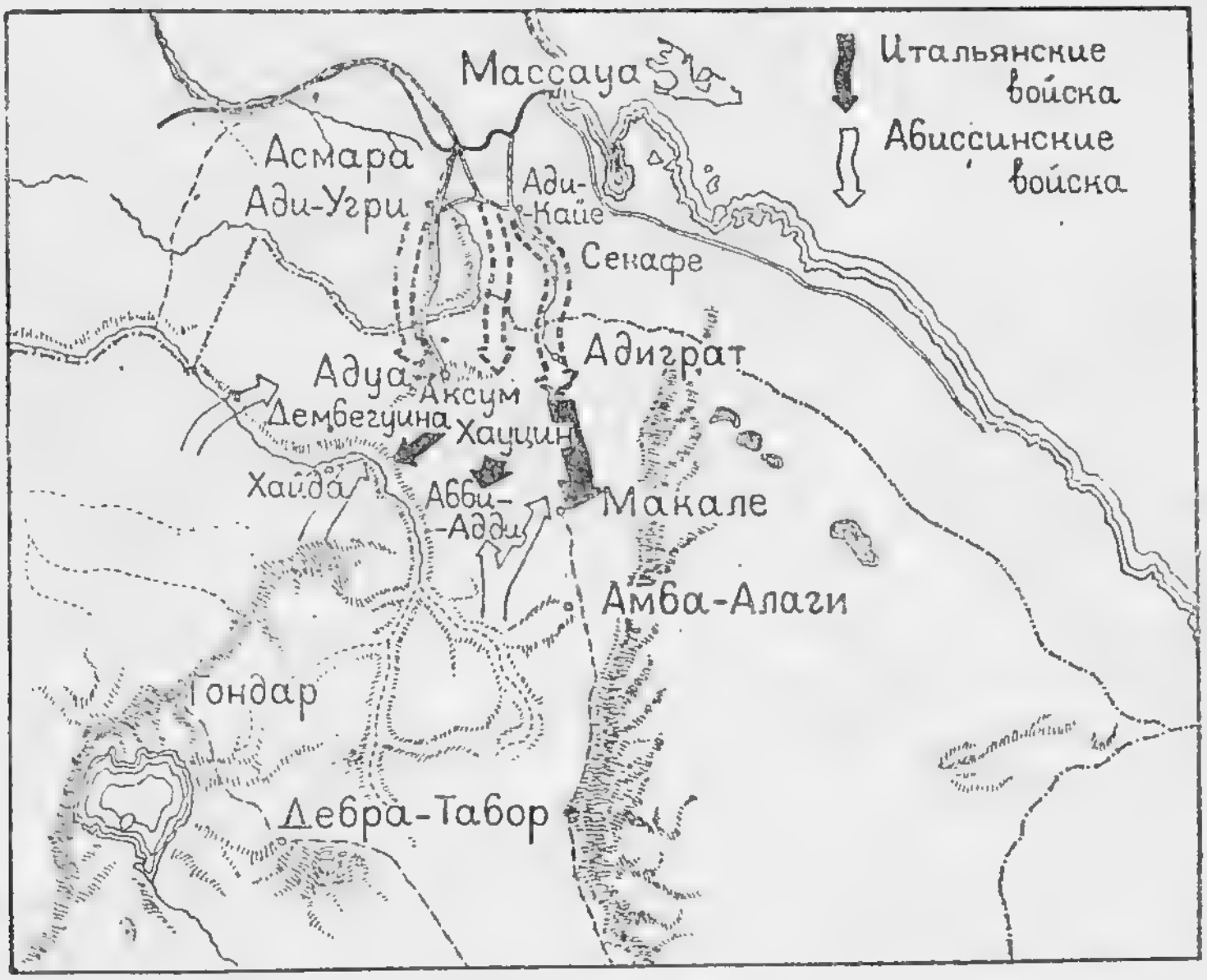


Схема операций на северном фронте.

вниз по реке Сулло. 2-й армейский корпус из Адуи главными силами пошел на Адди-Хома и затем на Абби-Адди. 5 ноября конная разведка итальянцев вышла в Макале, и 7 ноября подошли пехотные части. Левый фланг итальянских войск продвинулся несколько дальше, южнее Макале. Правый фланг дошел до реки Такказе. Продвижение центральной колонны туземного корпуса очень затруднялось действием сильных абиссинских партизанских частей. Несколько из находившихся в районе Геральта абиссинских отрядов проникли на север, западнее Хауцина, и угрожали флангам и тылу итальянских туземных войск. Кроме того, бездорожье вынудило отправить артиллерию корпуса кружным путем. От Хауцина через Геральту и Тембиен грузы можно было везти только на вьюках, и продвижение туземного корпуса оказалось столь медленным, что между ним и 2-м корпусом образовался разрыв, в который проникали партизанские части абиссинцев. Уже после занятия итальянцами Макале, абиссинской отряд южнее Хауцина напал на транспорт туземного корпуса и захватил 80 вьючных животных с грузом боеприпасов и винтовок.

На левом фланге 1-го корпуса боковой отряд, шедший уступом за головными частями корпуса, также подвергся нападению абиссинцев, задержался и понес значительные потери. Снабжение ему доставлялось на самолетах. Отряд достиг Десса через 5—6 дней после занятия Макале. Движение 1-го корпуса осложнилось также тем, что вся масса войск, идущих из Адиграта несколькими караванными дорогами, вынуждена была у Агула пользоваться узким проходом, в котором образовалась пробка.

К середине ноября северный фронт протянулся от Англо-Египетского Судана до окраины пустыни Данакиль на пятьсот с лишним километров, распадаясь на следующие участки:

80 км вдоль р. Сетит — тропический, но проходимый участок.

Около 105 км вдоль рр. Сетит и Такказе — тропический, совершенно непроходимый участок.

160 км по р. Такказе до ее поворота на юг и еще около 65 км до Макале.

Около 55 км южнее Макале и Шеликот.

80 км к востоку от Шеликот до постов в пустыне Данакиль.

Итальянские войска не располагались сплошной, непрерывной линией и не имели хорошо обеспеченный в глубину тыл.

Абиссинские отряды раса Сейюма непрерывно тревожили итальянцев. Итальянские войска вынуждены были задержаться и заняться „очисткой“ занятой области от неприятеля. Сводка за 22 ноября сообщала: „Уже около полумесяца итальянские войска в провинции Тигре стараются очистить ее от неприятеля. В восточной части фронта это удалось, но в центральной части все еще находятся абиссинские войска“. В сводке за 26 ноября говорилось об успешных результатах партизанской тактики частей раса Сейюма, „сосредоточенных в тылу у северной итальянской армии“. Абиссинские отряды деморализуют итальянские войска постоянными ночными нападениями.

Итальянские войска страдают от плохой пищи; среди них растет заболеваемость. У Халова, согласно информации Рейтера, к северу от Макале, три итальянских батальона были застигнуты врасплох и обратились в бегство, неся большие потери.

Лишь в начале декабря линия итальянского фронта выравнялась в центре. 7 декабря в римской печати была опубликована официальная сводка итальянского командования, сообщавшая о занятии Абби-Адди, главного пункта района Тембиен. Но на этом продвижение итальянцев на северном фронте и закончилось. Абиссинцы, до сего времени не вступавшие в серьезный бой и ограничивавшиеся партизанскими нападениями, решили перейти в контр-наступление. В начале декабря войска раса Касса и раса Сейюма соединились у Амба Алаги. Войска раса Эмеру, посланные из провинции Годжам, соединились с войсками генерала Айэлу у реки Такказе. Эта перегруппировка и концентрация абиссинских войск, общая численность которых на северном фронте достигла примерно 250—300 тыс. человек, дала возможность абиссинцам перейти к более активным операциям.

15 декабря начались атаки довольно крупных абиссинских отрядов против правого фланга северной итальянской армии. После двухдневной стычки в районе Дембегуина, куда абиссинцы вынудили отойти итальянские войска от р. Такказе, 18 декабря последовала абиссинская атака в районе Хайда, затем нападение сильного отряда абиссинцев на итальянскую колонну из засады у Дебра Ганат и, наконец, атака в районе Абби-Адди.

В узком горном проходе Дебра Ганат в результате ночной атаки абиссинцы уничтожили до 1500 чел. итальянских войск, захватили много патронов, винтовок, пулеметов, танки и орудия.

Бой абиссинцев у Аф-Ага (в 25 км западнее Аксума) с отступившими от Дембегуина итальянскими частями продолжался 52 часа. Шесть раз вступала в бой итальянская авиация и все-таки итальянцы вынуждены были отступить в район Аксума.

В имевшем место 22—23 декабря бою у Абби-Адди, по сообщению официальной итальянской сводки, участвовало 5000 абиссинцев, вооруженных винтовками и новейшего образца бельгийскими пулеметами. Бой носил весьма ожесточенный характер и продолжался 9 часов. Итальянская печать принуждена признать, что абиссинцы сражались „по-европейски". Они показали, по словам „Пополо ди Рома", что не только располагают европейским оружием, но и научились уже пользоваться им.

Несмотря на усиленный артиллерийский обстрел наступавших абиссинцев, последним 23 декабря удалось захватить Абби-Адди и удерживать его в течение пяти часов. Лишь с помощью авиации итальянцы вновь овладели Абби-Адди.

Мировая печать (в том числе и италофильские газеты) отмечала стратегические ошибки итальянцев (изоляция их правого фланга) и успешное использование этих ошибок абиссинцами. „Кельнише цайтунг" опубликовала статью известного генерала Кабиша, в которой говорилось: „Пока что можно с определенностью установить, что во время этих первых серьезных выступлений регулярных частей абиссинских войск итальянцы были вынужден к отступлению. Повидимому, они по сей день не смогли вернуть утерянных позиций. Абиссинцы сумели вести бои с помощью современных орудий и оттеснили не только итальянские туземные войска, но также части основной итальянской армии".

В течение первой половины января на северном фронте произошел ряд мелких стычек. Итальянцы все время вынуждены были к оборонительным действиям.

Военные наблюдатели констатировали появление угрозы отрезания абиссинцами Макале, южнее которого сгруппировались войска раса Кассы; со стороны Тембиена угрожали отряды

расы Сейюма и раса Айэлу, а с юго-востока — войска раса Мугулета. Повидимому, для ликвидации этой угрозы в двадцатых числах января итальянцы перешли к наступлению крупными силами в районе Тембиен. В наступлении участвовали пехота и бронемашины, поддерживаемые ураганным артиллерийским огнем и штурмовой и бомбардировочной авиацией. Ожесточенные сражения развернулись 23 января. Итальянские источники сообщают, что итальянцам удалось ликвидировать угрозу с запада и оттеснить абиссинцев из Тембиена. Однако, как указывают абиссинцы, итальянские войска в течение трех дней потеряли 3000 человек убитыми. Итальянцы со своей стороны утверждали о громадных потерях абиссинцев: свыше 5000 человек.

Наконец, 1 февраля в Лондоне была получена телеграмма корреспондента Рейтера из Десси, гласившая, что, по сообщению абиссинского командования, абиссинские войска одержали на северном фронте полную победу в крупнейшем с момента начала итало-абиссинской войны сражении. Указывалось, что колонна генерала Диаманти, включая знаменитую фашистскую бригаду имени 28 октября, уничтожена. Абиссинские власти заявляли, что абиссинскими войсками взяты в плен сотни итальянцев и захвачено много орудий, пулеметов, винтовок, снаряжения и мулов. Специальный корреспондент „Таймс" в Аддис-Абебе указывал, что в результате ожесточенного и продолжительного сражения в Тембиене абиссинцы, повидимому, полностью контролируют этот район, и тиски, в которые они захватили дорогу Адуа—Макале, сжимаются все крепче. По словам корреспондента, положение итальянцев в Макале представляется теперь весьма затруднительным.

Несомненно это сообщение из Аддис-Абебы несколько преувеличивает успехи абиссинцев в районе Макале. Макале взять не так легко, ибо итальянцы построили вокруг города мощные укрепления, и недаром полуофициальное абиссинское коммюнике от 10 февраля говорило о безуспешности атак Макале, предпринятых войсками раса Сейюма. Однако является безусловным фактом, что до середины февраля (момента, когда пишутся настоящие строки) итальянцы на северном фронте не добились каких-либо решающих успехов. А между тем через несколько месяцев наступит период дождей, о котором итальянское командование думает с величайшим страхом.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

На восточном фронте, как упомянуто уже выше, военные действия широко не развернулись. Отдельные сообщения за истекшие месяцы говорили о внезапных нападениях абиссинских (данакильских) отрядов, о том, что итальянские части страдают от недостатка воды, эпидемических заболеваний и т. д. Практическое значение для итальянцев этого восточного фронта, повидимому, заключается в прикрытии Ассаба, играющего роль вспомогательной воздушной базы, с которой легко достичь центральных пунктов Абиссинии. Бомбардировка Десси, между прочим, была произведена самолетами, базировавшимися на аэродром у Эла, в 60 км юго-западнее Ассаба. Недавно, по сообщению английских корреспондентов, в Ассаб прибыли новые трехмоторные итальянские бомбардировщики, обладающие большой скоростью и большой дальностью полета. Они предназначаются якобы для бомбардировки Аддис-Абебы.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Исходным пунктом военных действий на южном фронте явился Уал-Уал, занятый итальянским войсками еще в декабре 1934 г. Основное наступление итальянцев развивалось в направлении Уал-Уал к Сасса-Бене по долине реки Фафан. 5 октября итальянские войска, после краткого сражения, заняли Герлогуби. 7 октября итальянцы захватили Адо в 40 км севернее Уал-Уала. В середине октября наметилось продвижение итальянцев вдоль границы Британского Сомали, и авангард итальянских войск занял, после разрушительной бомбардировки, Бохотлех. Заняты были также пункты Кабрин и Беридалех.

Абиссинцы первое время ограничивались партизанскими нападениями. Основные абиссинские силы не вступали в бой. Абиссинское сообщение указывало, что сдача ряда пунктов на южном фронте входила в планы абиссинского командования. „Мы только защищаем нашу землю, — говорилось в этом сообщении, опубликованном от имени негуса. — Мы не можем зря тратить свое оружие и боеприпасы в пустыне“.

20 октября итальянцы захватили пункт Дагуэрей на реке Вебе-Шебели у границы Итальянского Сомали и стали медленно продвигаться вверх по реке. В начале ноября, после продолжительных неудачных попыток, итальянцы захватили Горохай,

важный пункт на реке Фафан. Но попытка итальянских войск занять Сасса-Бене и Дагга-Бур закончилась крупной неудачей. Близ Сасса-Бене итальянский механизированный отряд попал в засаду. Абиссинцы перешли в контр-наступление, и после ожесточенного сражения у Анале итальянцы, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Абиссинцы захватили ряд танков и бронемашин. Почти одновременно (в середине ноября) войска раса Деста ударили с левого фланга по направлению к Доло, грозя перерезать итальянские коммуникации: сообщение с главной итальянской базой на южном фронте — портом Могадишу. Корреспондент „Дейли экспресс" указывал на „панический характер" итальянского отступления. Корреспондент „Ньюс Кроникл" сообщал, что итальянцы „потеряли все, чего им удалось добиться за 55-дневную кампанию в Огадене". К концу ноября, действительно, абиссинцам удалось оттеснить итальянцев от Горохая и Герлогуби к исходным позициям у Уал-Уала.

План итальянского наступления на Харар провалился. Весь декабрь и часть января итальянцы на южном фронте, по существу, оборонялись.

Чтобы ликвидировать угрозу левому флангу со стороны раса Деста, генерал Грациани произвел переброску войск с реки Фафан к Доло. Войска раса Деста и его базы подверглись многочисленным бомбардировкам, и 12 января, наконец, итальянцы перешли в контр-наступление на фронте в несколько десятков километров. Бои продолжались пять дней. Рас Деста понес значительные потери, потерпел поражение и вынужден был отступить на 200 км в северо-западном направлении до Негелли, в провинции Сидамо. Однако, поражение войск раса Деста нельзя рассматривать как решающий успех итальянцев. Район Доло — второстепенное направление. К тому же, далеко выдвинулись вперед лишь слабые моторизированные части. С 22 января Грациани вынужден был стянуть свои авангарды, и итальянские части возвратились к пункту, находящемуся лишь в 50 км к северу от прежних итальянских позиций — у Доло.

В общем итоге и на южном фронте за четыре с лишним месяца итальянцы не сумели добиться ничего существенного. Харар попрежнему для войск Грациани — лишь мечта, весьма отдаленная. Дагга-Бур и Сасса-Бене, попрежнему, в руках абиссинцев, и до периода дождей ограниченные здесь итальян-

ские силы никакого решительного успеха добиться вероятно не смогут.

Истекшие месяцы, несмотря на свою скудость и противоречивость данных, сообщаемых телеграфными сводками, позволяют сделать некоторые общие выводы.

Мы уже говорили о затяжном характере войны в Абиссинии. Сами итальянцы теперь заявляют: „Мы имеем дело с серьезной и тяжелой кампанией".

На северном фронте итальянцы вынуждены применять определенно позиционную тактику. Горный характер местности, лишенной дорог, сковывает движение частей, обеспеченных танками, бронемашинами и грузовиками, исключает возможность применения быстрого и широкого маневра. Французский военный писатель Клеман Гранкур в своей интересной книге, подводящей итоги французским военным операциям в Сирии и Турции, „Тактика на Ближнем Востоке", писал: „чем больше война приближается по характеру к колониальной, тем больше выигрывает в значении маневр".[1] Но о каком маневре могут итальянцы говорить на северном фронте? Они проводят сугубо осторожную, медлительную, позиционную войну. Гранкур указывал: „Прерывчатость фронта в колониальной войне дает возможность находить фланги неприятельского расположения, занимать „ключи позиций", действовать на сообщения противника" ... И вот, если мы обратим внимание на северный фронт в Абиссинии, то действительно установим его прерывчатость. Части итальянских войск из-за характера местности отделены по фронту одна от другой; фронт прерывчат вследствие труднопроходимой местности и затруднительности транспорта. Но эти же причины исключают для итальянцев возможность применения широкого и быстрого маневра. Танки и бронемашины почти привязаны к местности, а пехота привязана к танкам и бронемашинам. Абиссинцы же обладают большей подвижностью и могут извлечь все преимущества из прерывчатости фронта.

На южном фронте характер местности позволил итальянцам применять мотомехчасти с большей эффективностью. Здесь война имеет более подвижной маневренный характер. Про генерала Грациани, между прочим, говорят, что он является сто-

---

[1] Гранкур, К. Тактика на Ближнем Востоке. М., 1928, стр. 12.

ронником метода расплывающегося „жирного пятна“, т. е. сочетания действий высокоподвижных „летучих колонн“ с систематическим и окончательным занятием лежащей позади них местности. Метод этот применяли в колониальных войнах маршалы Галлиени и Лиотей. Но и на южном фронте проблема транспорта является для итальянцев главной, решающей трудностью. Если на севере бич транспорта — горный профиль местности, то на юге бездорожье усугубляется климатическими условиями. Танки и бронемашины выходят из строя, раскаляясь от жары или увязая после тропических дождей в грязи.

Бездорожье — лучший союзник абиссинцев и главный враг итальянцев. Когда один иностранный журналист задал ген. Грациани вопрос, что в этой войне он считает самым тяжелым, Грациани коротко ответил: „Дороги“.

Многочисленные корреспонденции неоднократно указывали на затруднения итальянцев с транспортом и в связи с ним — со снабжением. Сводка от 18 октября с южного фронта сообщала о идущих там дождях, затрудняющих продвижение итальянской армии. „Множество итальянских грузовиков и танков застряло в болоте. Из-за недостатка горючего их пришлось бросить“. Другое сообщение от 20 октября говорило: „Танки вязнут в грязи, обозы с продовольствием и снаряжением не могут передвигаться“.

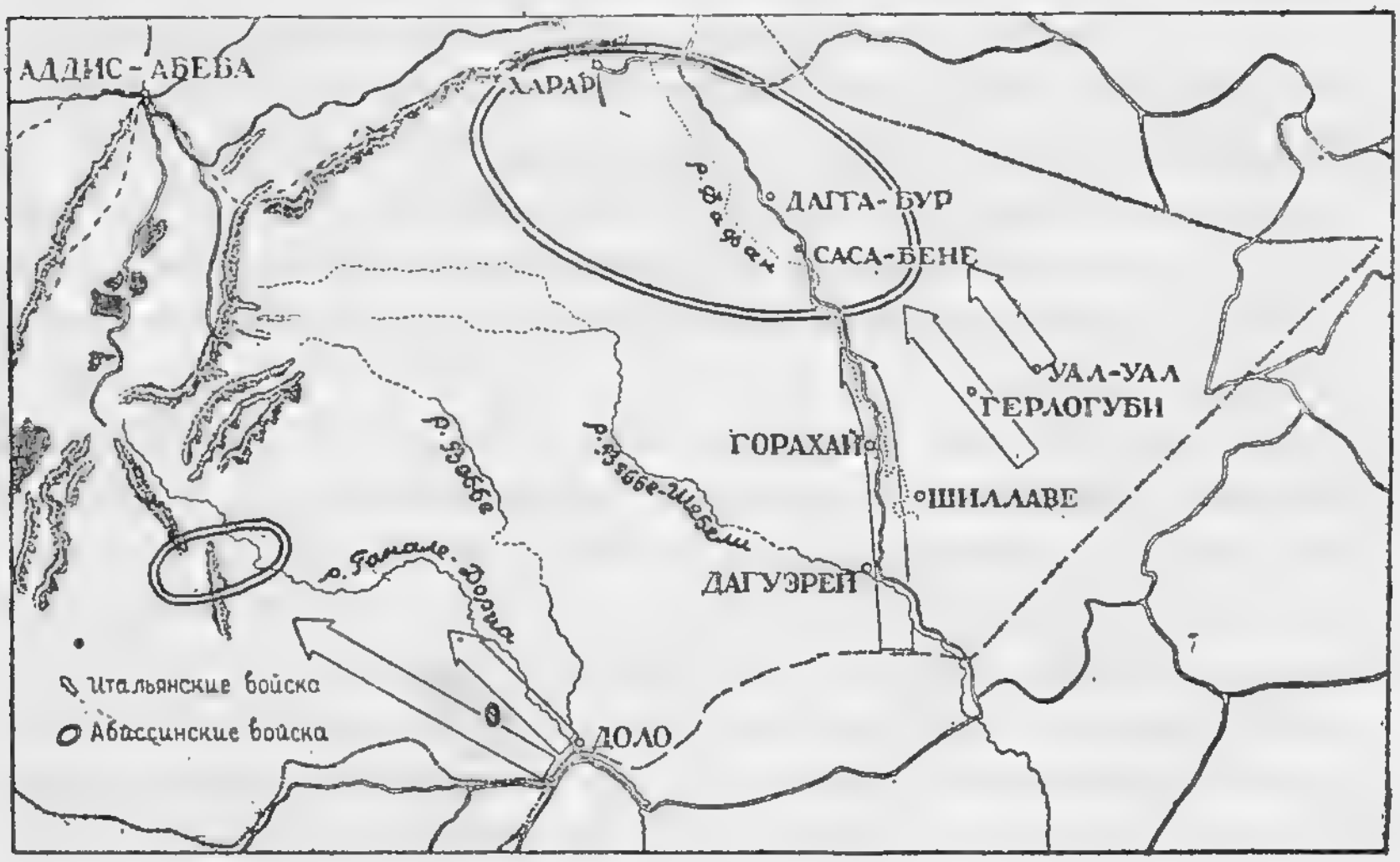


Схема операций на южном фронте.

21 октября сообщалось снова об итальянских затруднениях с транспортом: „Итальянские войска на северном фронте испытывают острый недостаток в бензине и в транспортных средствах. Края дорог, соединяющих Эритрею с передовыми итальянскими позициями, усеяны грузовиками, не поддающимися ремонту". На следующий день в сообщении агентства Рейтер указывалось, что „труднейшей проблемой для итальянцев является не строительство дорог, а сохранение их". По словам корреспондента, нынешние дороги, построенные итальянцами, сохраняются в среднем только три недели.

Итальянцам приходится проделывать громадные строительные работы, требующие жертв, часто куда больше значительных, чем сами военные операции. Только на постройке дороги Адиград—Макале работало свыше 7000 человек.

Генерал Фуллер указывал, что как дорожные инженеры итальянцы не имеют себе соперников, но „в использовании путей, т. е. в тактике движения, им надо еще многому поучиться". Но где говорить о тактике движения, когда и дороги и идущие по ним грузовики служат чрезвычайно недолго в абиссинских условиях!

В итоге, несмотря на все усилия, передовые части итальянцев постоянно испытывают затруднения в снабжении. Дело усугубляется быстрым износом обуви, уничтожением запасов продовольствия, тропическими дождями и другими бедствиями.

Вот характерное сообщение корреспондента одной немецкой газеты: „В Адиграте, — писал корреспондент, — в течение одной ночи 20 000 мешков пшеничной муки превратились от дождя в непригодную для употребления кашу. Таким образом, транспорт из сотен грузовиков пропал даром, а, главное, снабжение продовольствием передовой фронтовой линии на многие дни прекратилось.

„На дорогах, превращенных ливнями в сплошные болота и трясины, грузовики не могут ни продвигаться вперед, ни повернуть назад. Вытащить их из болота также в большинстве случаев не удается, и они остаются тут же на дороге, как и множество обессиленных ослов, бросаемых на дороге.

„Солдаты принуждены на передовых позициях сами заботиться о пропитании. В большинстве случаев они покупают еду у туземного населения и жарят ее тут же у костров. Казенного пропитания солдаты не видят в течение многих дней.

„У многих солдат обувь совершенно развалилась, и они обматывают до крови истерзанные и израненные ноги бинтами и обмотками.

„Днем нестерпимо жарко, а ночью так мучительно холодно, что солдаты в течение многих недель спят не больше трех-четырех часов в ночь".

Каждые 10 000 солдат на фронте требуют ежедневной доставки 170 тонн груза продовольствия и боеприпасов. Это — 170 грузовиков. Если к этому добавить, что итальянцам приходится перевозить громадное количество горючего, артиллерию, фураж, питьевую воду, строительные материалы, все — вплоть до (в ряде мест) камней для постройки дорог, нетрудно будет понять невероятные требования, предъявляемые войной в Абиссинии к транспорту.

Бездорожье и климатические условия затрудняют использование мотомехсил. Было бы ошибкой сказать, что мотомехсилы в войне Абиссинии совершенно не оправдали себя.

Оправдала себя и авиация. В разделе „условия войны" мы указывали, что и танки и авиация в условиях войны в Абиссинии значительно обесцениваются. Это оказалось верным. Но трудно сказать, что бы делали итальянцы без танков и авиации.

Неоднократно действия авиации были чрезвычайно мало эффективны, но зато в ряде случаев применение воздушных сил решало исход сражений.

Бомбардировочная итальянская авиация использовалась все время весьма интенсивно как на северном, так и на южном фронте. Итальянцы обильно бомбардировали большое число населенных пунктов, бомбардировали почти всякое, подчас даже незначительное, скопление абиссинских войск.

Итальянское наступление всегда подготавливалось усиленной бомбардировкой. Только в течение первых дней военных оцераций были бомбардированы на северном фронте: Адуа, Адиграт, Сакота, Десси. На южном: Горахай, Герлогуби, Дагга-бур, Сасса-Бене, Харадигит, Курати и др. Затем, в последующий период итальянцы бомбардировали, подчас неоднократно, на севере: Макале, Амба Алаги, Амба Биркутан, Корам, Уалдия, Десси, Дабат, Гондар и др. На южном фронте: Дамот, Бурале, Габрадарре, Дагуэрей, Дегабонко, Магалло, Тафара, Хадама, Негелли и др.

Интенсивность бомбардировок видна из следуюших данных. В течение первой недели января в районе Макале, по абиссинским подсчетам, было брошено 3000 бомб. На южном фронте итальянские самолеты, перед захватом Негелли, совершили 141 полет с целью бомбардировки и разведки. 20 января Негелли, базу войск раса Деста, бомбардировали 26 самолетов.

Для бомбардировки применялись почти исключительно трехмоторные самолеты типа „Капрони". Широкое применение находили зажигательные бомбы и отравляющие вещества. В качестве последних, по сообщениям, фигурировали иприт, горчичный газ и разновидность хлорина. Только за первые дни января общее количество сброшенных бомб с ОВ, по сведениям агентства „Юнайтед пресс", достигло 10 тысяч.

Эффективность воздушных бомбардировок с начала военных действий неуклонно падает, несомненно вследствие приобретения абиссинцами опыта. При бомбардировке Адуа 3 октября 1935 г. пострадало 1700 человек, главным образом, мирных жителей. При бомбардировке в январе 1936 г. района Макале от 3000 бомб пострадало 25 человек. Жертвы несло, от этих бомбардировок городов и деревень, почти исключительно мирное гражданское население, женщины и дети.

Очевидная цель этих бомбардировок — терроризовать население, внести панику и разложение в ряды противника. Результаты часто достигаются обратные: еще большее ожесточение абиссинцев против варваров-цивилизаторов, воюющих с воздуха, с женщинами и детьми, разрушающих источники и госпитали. Вряд ли такие бомбардировки сломят сопротивление Абиссинии.

Зато в боях авиация неоднократно решала дело. Так, в бою при Абби-Адди рассеять абиссинцев итальянским войскам, имевшим артиллерию, удалось только при помощи авиации. Роль авиации в этом бою была, как пишут иностранные корреспонденты, настолько значительной, что маршал Бадольо обратился к летчикам с особым благодарственным посланием.

В оценке роли новейшей военной техники в Абиссинии, в общем, прав один из обозревателей, говоря: „Новейшая военная техника в Абиссинии не может играть той роли, которую она играла бы, например, в Европе. Рельеф абиссинского театра и климатические условия ограничивают не только действия танков, бронеавтомобилей и артиллерии, но даже и авиа-

ции. Однако, именно технические средства дают возможность итальянской армии выполнять необычайно трудные задачи. Вряд ли итальянская армия могла бы относительно спокойно наступать, как это было до сего времени, если бы не разведывательная деятельность авиации. Сосредоточение абиссинских войск, в том числе крупных отрядов, на итальянских флангах не встречало бы тех препятствий, которые им чинит итальянская бомбардировочная авиация".

Что могли противопоставить абиссинцы этой новейшей технике?

За слабостью оружия — прежде всего стойкость, инициативу, знание местности и умелую тактику.

Военные писатели вроде Роуан-Робинсона перед войной выражали сомнение: сумеют ли абиссинцы отказаться от своей вековой военной привычки драться густым строем, массовыми соединениями. Робинзон указывал, что абиссинец бравый и стойкий солдат, но что он не имеет выдержки, терпения и искусства индийца или курда. Он слишком безрассуден, смел и самоуверен. „Если абиссинцы встретят своего врага массой, их судьба будет быстро решена".[1]

Опасения британского генерала в общем не оправдались. Абиссинцы, правда, несут большие потери, но, как показали первые месяцы войны, абиссинские солдаты показали себя не раз искусными бойцами, умело применяющими партизанскую тактику, захватывающими пулеметы, танки и броневики, подбивающими аэропланы. Они сумели даже несколько вооружиться сами за счет противника. Если верить сообщениям, то, например, в сражении в Шире абиссинцы захватили 10 танков: у Дабра-Ганат 4 танка, 6 орудий, 40 пулеметов, 300 винтовок; в бою у Каркале, к западу от Горахая, — 6 танков, 12 пулеметов и т. д.

Кроме того, абиссинцы получили довольно много винтовок и пулеметов и некоторое количество зенитной артиллерии из-за границы: через Джибути, Берберу, Кению и Судан.

Таким образом, вооружение абиссинской армии к настоящему времени улучшилось. Однако, численный состав абиссинских войск, в результате значительных потерь, можно полагать, сократился. Точных данных о потерях абиссинцев нет, но они, судя по отрывочным сообщениям, не малые. На южном фронте

---

[1] Rowan-Robinson H., указ. соч., стр. 133—134.

абиссинские потери к середине октября, как сообщалось, составляли 18 тыс. человек. В бою у Абби-Адди абиссинцы потеряли несколько тысяч человек. Сильные потери понесла армия раса Деста. Значительны потери и итальянцев. Но наибольший урон итальянцы терпят не в боях, а от заболеваний. Корреспондент „Юнайтед Пресс" в конце декабря, например, сообщал, что с 20 июня по 25 декабря через Суэцкий канал из Средиземного моря в Красное прошло 445 транспортных судов, перевезших 246 тыс. чел. итальянских войск и вспомогательных рабочих. В обратном направлении было перевезено за этот период 36 000 больных и раненых. В одной из официальных итальянских сводок указывались следующие потери итальянских войск, интересные своим соотношением:

Белые, убито в сражениях	86
„ умерли от болезней и несчастных случаев	304
от неизвестных причин	14
Туземные, убито	521
„ ранено	519

Мы видим, что природа унесла в три с половиной раза больше европейских солдат, чем оружие противника.

Чрезвычайно тяжелые условия войны в Абиссинии, массовые заболевания, отсутствие сколько-нибудь решительных успехов, застойность кампании, классовая чуждость для рядовых солдат целей войны, — все это сильно отражается на политико-моральном состоянии итальянских частей. Показателем скверного политико-морального состоянии итальянских войск являются многочисленные случаи массового дезертирства, переходы на сторону противника и мятежи, сведения о которых неоднократно проникали в печать.

Заслуживает внимания также сообщение о недовольстве среди итальянских рабочих, занятых на строительстве дорог в Эритрее, в тылу у действующей армии. О нем сигнализировала заметка, появившаяся в издающейся в Эритрее итальянской фашистской газете. В заметке говорилось о том, что ряд рабочих „по неосновательным причинам" потребовал, чтобы их вернули в Италию. Газета предупреждала „возможных зачинщиков", что их имена будут сообщены итальянским полицейским органам.

Характерное сообщение было опубликовано 15 января в американской газете „Вашингтон Стар". „По сведениям,

полученным американскими официальными кругами, новый командующий итальянскими силами в Восточной Африке Бадольо столкнулся с отчаянным положением".

Газета указывала, что настроение итальянской армии плохое. Трения происходят внутри самого штаба. Кадровые офицеры часто принуждались соглашаться с дилетантскими планами фашистских командиров.

Муссолини, писала далее газета, послал в Абиссинию „солдат, которые могли бы вызвать беспокойство в Италии. *Войска из Неаполя и других южных районов Италии легко могут стать коммунистами.* Бадольо, знающий свои войска, опасается, что среди них могут возникнуть волнения, если их заставить оставаться бездеятельными во время дождей. Муссолини знает, что итальянские войска не могут достигнуть Аддис-Абебы в текущем году, как это предполагалось".

Собственный корреспондент „Известий" из Рима почти одновременно сообщал о возможности отозвания Бадольо и противоречиях внутри армии: „Говорят о неизбежном отозвании Бадольо, не оправдавшего возлагаемых на него надежд. В качестве его преемника называют одного из следующих трех генералов: Аго, Коппи или Грациании.

Недовольство Бадольо мотивируется его пассивностью и тем, что он использовал в бою только три дивизии из имеющихся уже 15. Кроме того, в Риме утверждают о напряженности отношений между армейскими дивизиями и дивизиями чернорубашечников, в виду лишения последних ряда материальных привилегий."

Рост недовольства внизу, споры и противоречия вверху — таково политическое состояние итальянской армии, не предвещающее ничего хорошего для фашистской Италии.

И наряду с этим *в самой Италии экономическое и политическое положение ухудшается.* Та же газета „Стар" заявляла: „Жизненный уровень уже достиг минимума и снижается с каждым днем, в связи с чем наблюдается недовольство по всей Италии".

Италия находится под двойным гнетом: *войны и санкций.*

Скажем, прежде всего, кратко, что такое санкции.

Санкции это то реальное воздействие, которое оказывают на Италию входящие в Лигу наций державы, признавшие Италию агрессором, нападающей стороной. Санкции, или

репрессивные меры, применяются к Италии на основании статьи 16 устава Лиги Наций, в которой говорится: „Если член Лиги прибегает к войне, противной обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он ipso facto (тем самым) рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего устав, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства, является ли оно членом Лиги или нет".

Во исполнение этой статьи страны, входящие в Лигу Наций, и приняли ряд мер воздействия на агрессора — Италию. 7 октября Совет Лиги Наций единогласно объявил Италию агрессором.

11 октября Комитет по согласованию санкций (так называемый Комитет по координации) постановил запретить ввоз в Италию оружия, военного снаряжения и военных материалов: ружей, пулеметов, орудий, огнеприпасов, гранат, танков, военных судов, пороха, аэропланов, авиомоторов и т. п.

14 октября комитет по санкциям принял программу финансовых санкций против Италии. Финансовые санкции заключаются в отказе от предоставления итальянскому правительству и частным итальянским лицам всяких кредитов, отказе от подписки на итальянские займы, отказе от выпуска и подписки на итальянские акции и т. д.

Наконец, 19 октября были приняты третья и четвертая „меры".

Третья мера против Италии заключается в запрещении всем участникам санкций ввозить какие-либо товары из Италии или итальянских колоний.

Четвертая мера против Италии заключается в эмбарго, или запрещении вывоза в Италию товаров, могущих быть использованными для нужд войны, а именно:

а) лошадей, мулов, ослов, верблюдов и всех других транспортных животных,

б) каучука,

в) бокситов, алюминия, окиси алюминия, железной руды и железного лома, хрома, марганца, никеля, титана, вольфрама, ванадия, их руд и лома, олова и др.

Запрещение ввоза в Италию оружия вступило в силу немедленно. Финансовые и другие экономические санкции вступили в действие 18 ноября.[1]

Остался вопрос открытым лишь в отношении нефти и угля. Нефтяные санкции, эта наиболее сильно действующая мера против Италии, до сих пор еще не введены. Без нефти война невозможна. Италия не имеет своей нефти и вынуждена ее ввозить. Нефтяные санкции могли бы быстрее всего поставить Италию на колени, и в связи с этим вокруг нефтяных санкций, как известно, борьба разгорелась особенно ожесточенная, и пока нефтяные санкции не введены.

Италия вступила в абиссинскую войну в состоянии экономического упадка. „Африканский поход начался в тот период, когда экономический кризис стал ощущаться в Италии со все большей силой... 1935 г. был бы годом кризиса, даже если бы не пришла война", — писал в середине октября, отнюдь не желающий сгущать краски, римский корреспондент „Берлинер тагеблат". Война требует колоссального напряжения всех сил, громадных издержек. Санкции еще более усугубляют дело. Италия фактически лишилась экспорта, она ничего не может продавать за границу 50 странам, давшим согласие на запрет ввоза из Италии. Все, что она ввозит, все, что Италия покупает, она должна покупать за границей за наличный расчет, за золото. И это как-раз в тот момент, когда ее закупки, в связи с потребностями войны, необходимо увеличить.

Золотой запас Италии быстро тает. В январе 1935 г. он составлял 5.8 млрд. лир. В середине октября 3.9 млрд. лир. Дальше он еще больше сократился, но данные не публикуются.

---

[1] Русский перевод важнейших документов о санкциях см.: „Мировое хозяйство и мировая политика", № 11—12, 1935, стр. 246—253. Оригинальные отчеты о заседаниях Комитета Лиги Наций по координации и его решения см. Société des Nations. Différend entre l'Ethiopie et l'Italie. Coordination des mesures à prendre en application de l'article 16 du Pacte; Comité de Coordination. Documents principaux de la première session. Genève, 1935; Décisions et résolutions de la deuxième session. Genève, 1935; Comité des Dix-huit: Propositions et résolutions adoptées au cours de la deuxième session. Genève, 1935; Comité de Coordinations, Comité des dix-huit et Sous-comités. Procès verbaux de la première session (Suppl. spéc. № 145 du Journal officiel, 1935); Procès-verbaux de la deuxième session (Suppl. spéc. № 146 du Journal officiel, 1935).

Италия бедна сырьем. У нее нет своей нефти, хлопка, каучука, угля, олова, никеля. Современная война требует громадного количества сырья. И в этот момент Италию лишают возможности закупить необходимое сырье или методами прямого запрещения или методами косвенного давления: отказом в кредитах, закрытием рынка для итальянских товаров, выручка от продажи которых могла бы пойти на закупку сырья, и т. д.

Война обходится дорого. Внутренний долг Италии катастрофически возрос. Государственные доходы упали. Правительство тщетно пытается поднять доходы путем повышения налогов, железнодорожных тарифов. Во всю работает станок, печатающий деньги. Золото и другие драгоценные металлы изымаются у населения. Цены возросли. Покупательная способность населения упала. Растет спекуляция. В целях экономии горючего автотранспорт вынужден переходить на уголь и частично сокращать свою работу. Города сидят без света. Над страной нависла реальная угроза голода.

О недостатке продовольствия сообщают отовсюду. „Кельнише Цайтунг“ в корреспонденции из Милана недавно написала: „Всего не хватает понемножку ... многое прячут, как, например, мыло. Многих товаров вообще уже нет... Все расширяется нелегальная торговля. Это относится в первую очередь к пшенице, маису и другим продовольственным продуктам, на которые правительство установило предельные цены... Крестьяне неохотно сдают эти продукты, ибо за вырученные деньги они ничего не могут купить. Поэтому на рынке нехватка пшеницы и маиса. Правда, в последние дни правительство закупило большое количество маиса в Румынии и в Аргентине, но это капля в море. Очень серьезное положение на рынке кормов. Цены на корма возросли почти вдвое, в то время как цены на мясо ниже прошлогодних. У крестьянина нет денег, чтобы купить корма, и он вынужден продавать скот по любой цене... Все резче ощущается недостаток яиц, птицы“.

Отрасли промышленности, работавшие на экспорт, замерли. Главная отрасль итальянской промышленности, текстильная, (еще в сентябре 1935 г. в ней работало 419 тыс. рабочих), почти парализована. В тяжелом положении находятся, вследствие потери рынка или недостатка сырья, отрасли кожевенная, шелковая, шерстяная, джутовая, резиновая, бумажная, шляпная и др.

В итоге растет безработница. Отнюдь не враждебная Италии польская газета „Курьер Поранный“ недавно писала: „Несмотря на призыв в армию около 800 000 человек, все же возрастает безработица. Не только на улицах крупных городов, но и в Риме, специально огражденном от наплыва из провинции, бросается в глаза необычайно большое количество нищенствующих. Еще год тому назад нищий на улицах Рима был явлением редким“. Касаясь итальянских финансов, корреспондент заявляет, что по мнению иностранных специалистов, нынешнее неустойчивое финансовое равновесие, несмотря на все усилия, долго продолжаться не сможет“.

Страна быстро приближается к экономическому развалу.

Кто поможет фашистской Италии выбраться из того тупика, в которой она зашла?

Международное положение Италии ухудшилось. Если в первые месяцы войны итальянской дипломатии удавалось использовать слабые стороны политики Лаваля и Хора, то с падением Хора и Лаваля шансы Италии на уступки со стороны Англии и Франции уменьшились.[1]

Правда, итальянский фашизм может рассчитывать на помощь германского фашизма. Но у фашистской Германии дела у самой катастрофически плохи: недостаток сырья, продовольственный, финансовый и прочий кризисы.

---

[1] Вступление германских войск в Рейнскую демилитаризированную зону, происшедшее 7 марта с. г., и одновременное расторжение Германией локарнского договора несколько улучшили международное положение Италии. Английская политика в Европе снова обнаруживает колебания, и Германия усиленно пытается вбить клин между Францией и Англией. Тем самым во Франции усиливаются тенденции к поддержке Италии в абиссинском вопросе.

В самой Абиссинии в то же время Италия с середины февраля перешла к более активным операциям. Армия раса Мулугета и армии расов Касса и Сейгома на северном фронте потерпели в конце февраля определенное поражение. Итальянцы заняли Амба Алага и продвинулись далее к югу, по направлению к озеру Ашанги. У абиссинцев чувствуется не только слабость техники, но и недостаток людского состава войск.

В конце марта итальянцы перешли к более активным операциям и на крайнем правом фланге северного фронта в направлении на Гондар и озеро Цана, а также продвинулись на восточном фронте.

Особенно большую активность развила итальянская авиация. Подверглись бомбардировке ряд пунктов, в том числе такие значительные абиссинские центры как Гондар и Харар. Харар по последним сведениям совершенно разрушен.

Рабочий класс Италии и крестьянство революционизируются. Война в Абиссинии угрожает итальянскому фашизму серьезными последствиями.

Война в Абиссинии, кроме того, революционизирует весь колониальный мир. Италия ополчилась на последнее независимое государство в Африке. Вся Черная Африка взволновалась.

Героический пример абиссинцев, отстаивающих свою родину перед вооруженным до зубов хищником, пробуждает закабаленные колониальные народы Южной Африки, Конго, Кении, Нигерии, Египта. Приходят в движение массы Аравии и Индии. Китай, у которого империалистическая Япония отхватывает кусок за куском, воодушевляется абиссинским примером к отпору японской военщине.

Война в Абиссинии усиливает ненависть масс всего мира метрополий и колоний к фашизму, сплачивает единый антиимпериалистический фронт. Быстро растет опасность мировой войны. Война в Абиссинии — лишь один из очагов, где империалистами раздувается пламя мирового пожара.

В центре Европы гигантски вооружается хищная фашистская Германия, открыто призывающая к походу на занятую мирным социалистическим строительством нашу великую родину — СССР. На Востоке пытаются разжечь пожар войны против СССР японские военные авантюристы. Они захватили Манчжурию, проглатывают одну за другой провинции Северного Китая, протягивают свои руки к Монгольской народной республике. Они совершают дерзкие провокационные налеты на границы.

Но трудящиеся СССР и всего мира не дремлют. Тем теснее они сплачиваются вокруг великой социалистической родины, вокруг СССР, с его неуклонной, последовательной политикой мира, вокруг несущей всему миру освобождение от фашистских империалистических хищников, партии Ленина — Сталина.

* БИБЛИОТЕКА *
3.061

Все это сильно ослабило Абиссинию и снова свидетельствует, что новейшая военная техника, которой располагают итальянцы, значит не мало и может определенно решить исход кампании в пользу Италии особенно при наличии такого сложного как сейчас политического положения в Европе, которое может привести к полному прекращению действия санкций и, во всяком случае, поощряет фашистскую Италию к усилению военных действий в Африке.

Примечание от 1 апреля 1936 г. К. Л.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции III
Н. М. Каратаев. Географический очерк 1
Д. А. Ольдерогге. Население и социальный строй . . 85
К. Н. Лукницкий. Экономика Абиссинии 197
Н. В. Юшманов и Т. В. Проскурякова. Языки и литература Абиссинии 257
К. Н. Лукницкий. Абиссиния с древнейших времен до эпохи империализма 313
К. Н. Лукницкий. Борьба империалистических держав за Абиссинию (до 1914 г.) 395
К. Н. Лукницкий. Итало-абиссинская война 473

Ответств. редактор И. И. Мещанинов.
Технический редактор Д. Бабкин.

*

Рисунок супер-обложки и переплета художника Г. Д. Епифанова.

*

Сдано в набор 1 февраля 1936 г. Подписано к печати 14 апреля 1936 г. Формат бумаги 62 × 94. Печатных листов 36 3/4. Учет. авт. л. 34,70. Тип. зн. в печ. л. 37765. Тираж 10200 экз. Ленгорлит № 7715. АНИ № 1141. Заказ № 333.

*

Тип. Академи Наук СССР. Ленинград, В. О. 9 линия, д. 12.

48-75 5.V-10 / 29/VI